

Фрэнсис Скотт ФИЦДЖЕРАЛЬД

БАВИЛОН ВНОВЬ ПОСЕЩЕННЫЙ РАССКАЗЫ

Свыше пятидесяти иллюстраций
американских художников

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Фрэнсис Скотт Кей Фицджеральд
(1896–1940)*

ФРЭНСИС СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛД

БАВИЛОН,
ВНОВЬ ПОСЕЩЕННЫЙ,
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Перевод с английского
Д. Мочнева

Иллюстрации американских художников

Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(7)-44
УДК 821.111(73)
Ф66

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmeo
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшониrowания
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Ф66 **Фицджеральд Фрэнсис Скотт.** Рассказы: — Санкт-Петербург: СЗКЭО,
2023, — 528 с.: ил.

Сборник включает двадцать семь рассказов знаменитого американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, которые были им написаны в период с 1927 по 1935 год. Все тексты даны в переводах Дмитрия Валерьевича Мочнева. В конце издания указаны даты публикации этих рассказов в американских журналах, названия журналов, а также американские художники, которые делали к этим рассказам иллюстрации. Рисунки разных мастеров в книге позволяют взглянуть на героев Фицджеральда глазами их современников.

ISBN 978-5-9603-0966-0 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0967-7 (Кожаный переплет)

© Мочнев Д. В., перевод, 2023
© СЗКЭО, 2023

РАССКАЗЫ 1927-1935

ТВОИ БЫ ГОДА

I

Том Сквайрс зашел в аптеку, чтобы купить зубную щетку, баночку талька, средство для полоскания горла, кастильское мыло, английскую соль и коробку сигар. Прожив много лет в одиночестве, он был педантичен и держал список в руке, ожидая, когда его обслужат. Шла рождественская неделя, и Миннеаполис был покрыт двумя футами свежеснеженного снега, тростью Том сбил налипший снег с галош. Затем, подняв глаза, он увидел светловолосую девушку.

Она была удивительной блондинкой даже в этой «земле обетованной» скандинавов, где хорошенькие блондинки не редкость. На ее щеках, губах и маленьких розовых ручках, которые сейчас упаковывали пудру, был легкий румянец, ее волосы, заплетенные в длинные косы, блестели жизненной силой. Внезапно она показалась Тому самым чистым существом, которое он знал, и у него перехватило дыхание, когда он шагнул вперед и заглянул в ее серые глаза.

— Баночку талька.

— Какого сорта?

— Любого... Этот подойдет.

Она посмотрела на него без всякого смущения, и по мере того, как таял список, его сердце колотилось все быстрее.

«Я не старый, — хотел он сказать. — В свои пятьдесят я моложе большинства сорокалетних мужчин. Неужели я вас совсем не заинтересовал?»

В это время она спросила:

— Какое вам средство для полоскания?

И он ответил:

— Что вы можете порекомендовать?.. Это подойдет.

Почти с болью он отвел от нее взгляд, вышел и сел в свою машину.

«Если бы эта юная идиотка только знала, что такой старый придурок, как я, мог бы сделать для нее, — с юмором подумал он, — какие миры я мог бы ей открыть!»

*«Я не старый, — хотел он сказать. — В свои пятьдесят
я моложе большинства сорокалетних мужчин.
Неужели я вас совсем не заинтересовал?»*

Уезжая в зимние сумерки, он углубился в свои размышления и пришел к совершенно невероятному выводу. Возможно, время суток послужило стимулятором, потому что светящиеся на морозе витрины магазинов, позвякивание колокольчиков на санях, белый глянец, оставленный лопатами на тротуарах, огромная звездная даль — все это возвращало ощущение других ночей тридцатилетней давности. На мгновение девушки, которых он знал, словно призраки, выскользнули из своих сегодняшних унылых тел матрон и пронесли мимо него с леденящим, соблазнительным смехом, и приятная дрожь пробежала у него по спине.

— Ах, юность! Юность! Юность! — произнес он с сознательным отсутствием оригинальности и, будучи несколько безжалостным и властным человеком, лишенным каких бы то ни было моральных устоев, начал подумывать, а не вернуться ли в аптеку, чтобы узнать адрес блондинки.

Но это было не в его стиле, поэтому необдуманное намерение прошло, а идея осталась.

— Юность, клянусь небом, юность! — повторял он себе под нос. — Я хочу, чтобы она была рядом со мной, окружала меня, хотя бы еще раз, пока я не стал слишком стар.

Он был высок, худощав и красив, с румяным, загорелым лицом спортсмена и едва заметно седеющими усами. Когда-то он был одним из лучших кавалеров города, организатором котильонов и благотворительных балов, пользовался популярностью у мужчин и женщин, причем у нескольких поколений сразу. После войны он решил заняться бизнесом и за десять лет скопил почти миллион долларов. Том Сквайрс не был склонен к самоанализу, но теперь он понял, что колесо его жизни снова завертелось, воскрешая забытые, но знакомые мечты и стремления. Войдя в дом, он внезапно порывлся в куче ранее проигнорированных приглашений, чтобы узнать, не приглашали ли его сегодня на танцы.

На протяжении всего ужина, который он ел в одиночестве в клубе «Даунтаун», его глаза были полузакрыты, а на лице играла слабая улыбка. Он практиковался, чтобы при необходимости безболезненно посмеяться над собой.

«Я даже не знаю, о чем они говорят, — признался он сам себе. — Наверное, они говорят о том, как известный брокер идет на вечеринку с новенькой. А что такое петтинг-вечеринка? Там вообще подают прохладительные напитки? Придется ли мне учиться играть на саксофоне?»

Эти вопросы, еще недавно казавшиеся такими же далекими, как Китай в кинохронике, ожили для него. Это были важные и серьезные вопросы. В десять часов он поднялся по ступенькам Колледж-клуба на закрытые танцы с тем же чувством вхождения в новый мир, что и тогда, когда он отправился в тренировочный лагерь в далеком семнадцатом. Он поговорил с хозяйкой своего возраста и с ее дочерью, принадлежавшей к другому поколению, и сел в уголке, чтобы привести себя в порядок и освоиться.

Он недолго оставался один. Глупый молодой человек по имени Лиланд Жак, живший через дорогу от Тома, заметил его и подошел, чтобы скрасить его вечер. Он был таким чрезвычайно глупым молодым человеком, что на мгновение Том разозлился, но потом хитроумно сообразил, что тот может оказаться полезным.

— Здравствуйте, мистер Сквайрс. Как поживаете, сэр?

— Прекрасно, спасибо, Лиланд. Отличный танец.

Как один светский человек с другим, мистер Жак сел, раскинувшись на диване, и закурил — по крайней мере, Тому так показалось, — три или четыре сигареты сразу.

— Жаль, что вас не было здесь прошлой ночью, мистер Сквайрс. О, Боже, вот это была вечеринка!

— Кто эта девушка, которая меняет партнеров каждую минуту? — спросил Том. — Нет... Та, что в белом, около двери.

— А-а, это Энни Лорри.

— Дочь Артура Лорри?

— Да.

— Кажется, она пользуется популярностью.

— О, она самая популярная девушка в городе — во всяком случае, на танцах.

— Только на танцах?

— Нет, конечно, но она все время тусуется с Рэнди Кэмбеллом.

— Каким Кэмбеллом?

— Ди-Би.

За последнее десятилетие в городе появилось много новых имен.

— У них юношеский роман.

Довольный этой фразой, Жак попытался повторить ее:

— Один из тех романов между парнем и девушкой — роман между парнем и девушкой...

Он закурил еще несколько сигарет, смяв предыдущие в пепельнице.

— Она выпивает? — спросил Сквайрс.

— Не особенно. По крайней мере, я никогда не видел, чтобы она была пьяной... Это Рэнди Кэмбелл только что подошел к ней.

Они были милой парой. Ее красота ярко сверкала на фоне его высокой и сильной фигуры, и, танцуя, они изящно парили в воздухе, как два человека в приятном и забавном сне. Они приблизились, и Том восхитился легким налетом пудры на ее свежем лице, сдержанной нежностью ее улыбки, хрупкостью ее тела, рассчитанной природой с точностью до миллиметра, чтобы напоминать бутон, готовый к цветению. Ее невинные, страстные глаза были, пожалуй, карими, но в серебристом свете казались почти фиолетовыми.

— Она уезжает в этом году?

— Кто?

— Мисс Лорри.

— Да.

Хотя красота девушки заинтересовала Тома, он не мог представить себя одним из внимательных, благодарных парней, жаждущих потанцевать с ней. Лучше встретиться с ней, когда каникулы закончатся и большинство этих молодых людей вернутся в колледж, «где им самое место». Том Сквайрс был достаточно взрослым, он умел ждать.

Он ждал две недели, пока город погружался в бесконечную северную зиму, где серое небо было дружелюбнее, чем голубое с металлическим отливом, а сумерки, огни которых были обнадеживающим проблеском человеческого веселья, были не бледнее, чем послеполюденные лучи тусклого солнечного света. Снежный покров утратил свою форму, стал грязным и потрепанным, а колеи на дорогах замерзли. Некоторые из больших домов на Крест-авеню начали закрываться, поскольку их обитатели уезжали на юг.

В те холодные дни Том пригласил Энни и ее родителей пойти в качестве его гостей на последний Бал холостяков.

Лорри были старинной семьей из Миннеаполиса, которая после войны немного поиздержалась и обеднела. Миссис Лорри, ровесница Тома, не удивилась, что он прислал ей и дочери орхидеи и роскошно накормил их в своей квартире свежей икрой, перепелками и шампанским. Энни едва замечала его: ему не хватало живости, как это часто демонстрируют старики по отношению к молодежи, но она почувствовала его интерес к себе и совершила традиционный для нее ритуал юной красоты — одарила улыбкой. Это было вежливое внимание с широко раскрытыми глазами, представившее ее в самом лучшем свете. На балу он дважды танцевал с ней, и, хотя ее подначивали по этому поводу, ей льстило, что такой светский человек, — он стал для нее таким, а не просто старик, обратил на нее внимание. Она приняла его приглашение на симфонический концерт на следующей неделе, понимая, что отказываться было бы невежливо. Подобных «милых приглашений» было несколько. Сидя рядом с ним, она дремала в теплой тени музыки Брамса и думала о Рэнди Кэмбелле и других романтических персонажах, которые могут появиться завтра. Однажды днем, по дороге домой, чувствуя себя непринужденно, она намеренно спровоцировала Тома поцеловать ее, но ей захотелось рассмеяться, когда он взял ее за руки и пылко признался, что влюблен.

— Но как вы можете? — запротестовала она. — В самом деле, вы не должны говорить таких безумных вещей. Я больше не буду с вами встречаться, и тогда вы пожалеете...

Несколько дней спустя, когда Том ждал снаружи в своей машине, мать заговорила с ней:

— Кто это, Энни?

— Мистер Сквайрс.

— Закрой дверь на минутку. Ты довольно часто с ним встречаешься.

— А почему бы и нет?

— Ну, дорогая, ему пятьдесят лет.

— Но, мама, в городе почти никого не осталось.

— У тебя не должно быть никаких глупых мыслей о нем.

— Не волнуйся. На самом деле, большую часть времени он наводит на меня смертельную скуку.

Она пришла к внезапному решению:

— Я больше не собираюсь с ним встречаться. Я просто не смогла отказаться от встречи сегодня днем.

И в тот вечер, когда она стояла у двери своего дома в объятиях Рэнди Кэмбелла, Том и его единственный поцелуй не имели для нее никакого значения.

— О, я так люблю тебя, — прошептал Рэнди. — Поцелуй меня еще раз.

Их прохладные щеки и теплые губы встретились в темноте, и, глядя на ледяную Луну поверх его плеча, Энни поняла, что она, несомненно, принадлежит ему и, притянув его к себе, снова поцеловала, дрожа от волнения.

— Когда же ты выйдешь за меня замуж? — прошептал он.

— Когда ты... мы сможем себе это позволить.

— Разве ты не можешь объявить о нашей помолвке? Если бы ты знала, как это мучительно, когда ты встречаешься с кем-то другим, а потом обнимаешься со мной.

— О, Рэнди, ты слишком многого хочешь.

— Я не хочу сейчас уходить от тебя и желать тебе спокойной ночи. Можно мне зайти на минутку?

— Да.

Сидя близко друг к другу, словно в трансе перед мерцающим, затухающим огнем, они не знали, что их общую судьбу хладнокровно решает пятидесятилетний мужчина, лежащий в горячей ванне в нескольких кварталах от них.

II

Во второй половине дня Том Сквайрс по чрезвычайно любезной и отстраненной манере поведения Энни догадался, что ему не удалось заинтересовать ее. Он пообещал себе, что в таком случае бросит это дело, но сейчас ему было не до этого. Он не хотел многого, он просто хотел увидеть ее и побыть с ней немного, и до момента ее милого и случайного, но совершенно равнодушного поцелуя отказаться от нее было бы легко, поскольку он уже вышел из романтического возраста. Но после поцелуя мысль о ней заставляла его сердце воспрянуть, и биться ровно и быстро.

«Сейчас самое время уходить, — сказал он себе. — Я стар, у меня нет никакого права вторгаться в ее жизнь».

Он насухо вытерся, причесался перед зеркалом и, отложив расческу, решительно сказал: «Вот и все». И, почитав с час, он щелчком выключил лампу и повторил вслух: «Вот и все».

Но это было совсем не так, и щелчок выключателем не покончил с Энни Лорри, как и деловое решение не может быть принято простым постукиванием карандаша по столу.

«Я продолжу это дело», — сказал он себе около половины четвертого и, осознав это, перевернулся на другой бок и заснул.

Утром мысли о ней немного отступили, но к четырем часам дня она была вокруг него: телефон был нужен только для звонка ей, шаги женщины, проходившей мимо его кабинета, были ее шагами, снег за окном падал, возможно, на ее румяное лицо.

«В запасе всегда есть маленький план, который я придумал прошлой ночью, — сказал он себе. — Через десять лет мне исполнится шестьдесят, и тогда для меня больше не будет ни молодости, ни красоты».

В панике он взял лист бумаги для заметок и тщательно составил письмо матери Энни, прося разрешения поухаживать за ее дочерью. Он сам отнес его в холл, но не отослал письмо, а разорвал его и бросил обрывки в мусоросборник.

«В моем возрасте, — сказал он себе, — я не могу позволить себе проделывать такой коварный трюк». Но это самовосхваление было преждевременным, потому что он вскоре переписал письмо и в тот же вечер перед тем, как покинуть свой офис, отправил его по почте.

На следующий день пришел ответ, на который он рассчитывал — он мог бы заранее угадать его слова. Это был резкий и возмущенный отказ.

Он заканчивался следующим образом:

«... считаю лучшим, чтобы вы и моя дочь больше не встречались.

*Искренне ваша
Мэйбл Толлман Лорри».*

«А теперь, — хладнокровно подумал Том, — посмотрим, что скажет на это дочка».

Он написал записку Энни. Ответ матери удивил ее: в нем говорилось, что, возможно, было бы лучше, чтобы они больше не встречались.

Обратной почтой пришел дерзкий ответ Энни, являющийся вызовом на распоряжение матери:

«Сейчас не темные века. Я буду видеть вас, когда захочу».

Она назначила встречу на следующий день после полудня. Недальновидность ее матери привела к тому, чего ему не удавалось добиться напрямую, ибо раньше Энни была на грани того, чтобы бросить его; теперь она была полна решимости не делать ничего подобного. А секретность, порожденная неодобрением домашних, просто добавляла недостающего волнения. По мере того, как февраль превращался в глубокую и нескончаемую зиму, она стала встречаться с ним чаще и по-новому. Иногда они ехали в Сент-Пол посмотреть картину или поужинать, иногда они парковались на бульваре в его машине, в то время как сильный мокрый снег застилал ветровое стекло до непрозрачности. Часто он приносил с собой что-нибудь особенное выпить — достаточно, чтобы развеселить ее, но не более, потому что к другим его эмоциям по отношению к ней примешивалось что-то отцовское.

Как-то выложив свои карты на стол, он сказал ей, что это ее мать невольно подтолкнула Энни к нему, но она только рассмеялась над его двучлием.

С ним ей было лучше, чем с кем-либо другим, кого она знала. Вместо эгоистичной требовательности молодого человека он проявлял к ней неизменное внимание. Что с того, что его глаза были уставшими, щеки немного обветрили, если его воля была нестигаемой и мужественной? Более того, его жизненный опыт был окном, выходящим в более широкий и богатый мир,

и с Рэнди Кэмбеллом на следующий день она чувствовала себя менее опекаемой, менее ценной, менее редкой.

Теперь Том был смутно недоволен. У него было то, чего он хотел: ее молодость рядом с ним, и он чувствовал, что все дальнейшее было бы ошибкой.

Его свобода была ему дорога, и он мог предложить Энни лишь дюжину лет до того, как состарится, но за прошедшее время она стала для него чем-то ценным, и он понял, что плыть по течению несправедливо. И в один прекрасный день, в конце февраля, вопрос решился сам собой.

Они вернулись из Сент-Пола и заскочили в Колледж-клуб выпить чаю, вместе пробираясь сквозь сугробы, которые скрывали дорожку и окантовывали дверь. Это была вращающаяся дверь, в ней появился молодой человек, и, ступив на его место, они почувствовали запах лука и виски. Дверь снова повернулась за ними, и он снова оказался внутри, лицом к ним. Это был Рэнди Кэмбелл — его лицо раскраснелось, взгляд был тусклым и жестким.

— Привет, красавица, — сказал он, подходя к Энни.

— Не подходи так близко, — слегка запротестовала она. — От тебя несет луком.

— С чего это ты вдруг стала такой разборчивой?

— Я всегда была такой!

Энни сделала легкое движение назад, к Тому.

— Не всегда, — неприятно возразил Рэнди.

Затем, бросив мимолетный взгляд на Тома, неприязненно добавил:

— Не всегда...

Своим замечанием он, казалось, присоединился к враждебному внешнему миру.

— Я просто хочу тебя предупредить, — продолжил он. — Твоя мать в клубе.

Ревнивая вспыльчивость другого поколения доходила до Тома слишком слабо, как протест ребенка, но от этого предупреждения он вздрогнул.

— Давай, Энни, — резко сказал он. — Пойдем.

Смущенно отводя взгляд от Рэнди, Энни последовала за Томом в большую комнату.

Там было немногочисленно, у камина сидели три женщины средних лет. На мгновение Энни отпрянула назад, а затем подошла к ним.

— Привет, мама... Миссис Трамбл... Тетя Кэролайн.

Двое последних ответили, миссис Трамбл даже слегка кивнула Тому. Но мать Энни, не говоря ни слова, вскочила на ноги, ее глаза застыли, губы сжались. Мгновение она стояла, пристально глядя на свою дочь, затем резко повернулась и вышла из комнаты.

Том и Энни нашли столик в другом конце зала.

— Разве она не ужасна? — спросила Энни, громко дыша.

Он не ответил.

— Три дня она со мной не разговаривала, — вырвалось внезапно у нее. — О, как люди могут быть такими мелочными! Я собиралась спеть главную

партию в шоу Юниорской лиги, а вчера кузина Мэри Беттс, ее президент, пришла ко мне и сказала, что я не могу.

— Почему?

— Потому что представительница Юниорской лиги должна слушаться свою мать. Как будто я непослушный ребенок!

Том уставился на ряд чашек на каминной полке — на двух или трех из них было написано его имя.

— Возможно, она была права, — внезапно сказал он. — Если я начинаю причинять вам неудобства, самое время остановиться.

— Что вы имеете в виду?

Услышав ее потрясенный голос, его сердце облилось кровью, но он спокойно ответил:

— Помните, я говорил вам, что собираюсь на юг? Что ж, завтра я уезжаю.

Возник небольшой спор, но Том все же решил. Вечером на вокзале она плакала и прижималась к нему.

— Спасибо вам за самый счастливый месяц, который у меня был за последние годы, — сказал он.

— Но вы же вернетесь, Том.

— Я пробуду в Мексике два месяца, а потом на несколько недель отправлюсь на Восток.

Он старался казаться счастливым, но замерзший город, который он покидал, был не менее цветущим — ее дыхание в морозном воздухе превращалось в причудливые цветы; и его настроение испортилось, когда он понял, что какой-то парень ждет ее снаружи, чтобы отвезти домой в машине, увитой цветами.

— До свидания, Энни. Прощай, милая!

Два дня спустя он уже был в Хьюстоне и провел утро с Хэлом Мейгсом, однокурсником по Йельскому университету.

— Тебе повезло с таким старым приятелем, — сказал Мейгс за ланчем, — потому что я собираюсь познакомить тебя с самой милой попутчицей, которую ты когда-либо видел, она едет аж в Мехико.

Дама на вокзале, о которой шла речь, была откровенно рада узнать, что она поедет не одна. Они с Томом вместе пообедали в поезде, а позже целый час играли в рамми, но когда в десять часов, стоя в дверях купе, она внезапно обернулась к нему с определенным взглядом, откровенным и безошибочно узнаваемым, и долго стояла, удерживая этот взгляд, Том Сквайрс внезапно оказался во власти эмоции, но не той, о которой шла речь. Ему отчаянно хотелось увидеть Энни, позвонить ей на секунду по телефону, а потом заснуть, зная, что она молода и чиста, как звезда, и в безопасности в своей постели.

— Спокойной ночи, — сказал он, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучало отвращения.

— Ой! Спокойной ночи!

— *Спокойной ночи,* — сказал он, стараясь, чтобы в его голосе
не прозвучало отвержения.
— *Ой! Спокойной ночи!*

Прибыв на следующий день в Эль-Пасо, он пересек границу и направился в Хуарес. Светило яркое солнце и было жарко, он, оставив свой багаж на вокзале, зашел в бар выпить что-нибудь со льдом, и пока потягивал напиток, к нему обратился хриплый девичий голос из-за столика позади:

— Вы американец?

Он заметил ее, когда вошел, она сидела наклонившись вперед, опираясь на локти, теперь, обернувшись, он увидел, что это была молодая девушка лет

семнадцати, явно пьяная, но с аристократизмом в ее нетвердом и раскатистом голосе. Бармен-американец доверительно наклонился вперед.

— Я не знаю, что с ней делать, — сказал он. — Она пришла около трех часов назад с двумя парнями, один из них ее милый. Они поссорились, парни ушли, а она с тех пор здесь.

Спазм отвращения пробежал по телу Тома — правила его поколения были нарушены и отвергнуты: американскую девушку напоили и бросили в суровом чужом городе, оказывается, это случилось и могло случиться с Энни. Он посмотрел на часы и заколебался.

— Сколько она должна? — спросил он.

— За пять порций джина. Но что, если ее дружки вернутся?

— Скажи им, что она в отеле «Рузвельт» в Эль-Пасо.

Подойдя, он положил ей на плечо руку. Она подняла глаза.

— Вы похожи на Санта-Клауса, — неопределенно сказала она. — Вы же не можете быть Санта-Клаусом, правда?

— Я собираюсь отвезти вас в Эль-Пасо.

«Что ж, — подумала она, — по-моему, ты выглядишь совершенно безопасным».

Она была так молода — эта хмельная маленькая роза. Он мог только оплакать ее жалкое бессознательное отношение к старым правилам и условностям жизни его поколения, соревнующимся ни с чем на пустом дворе с трясущимся копьём. Такси слишком медленно двигалось сквозь внезапно наступившую южную ночь. Объяснив все ночному портю, он вышел и пошел к телеграфной конторе.

«Я отказался от поездки в Мексику, — телеграфировал он. — Уезжаю отсюда сегодня вечером. Пожалуйста, встречай мой поезд на вокзале в Сент-Пол в три часа, поедем вместе в Миннеаполис, все эти минуты мы будем рядом. С любовью Том».

Там он мог бы, по крайней мере, присматривать за ней, давать советы, видеть, что она делает со своей жизнью. Он не ее глупая мамаша!

В поезде, когда выжженные тропические земли и зеленые поля остались позади и Север снова приблизился с пятнами снега, а затем с полями, покрытыми им, свирепым ветром в тамбуре и унылыми, погруженными в спячку фермами, он расхаживал по коридорам с невыносимым беспокойством. Когда они подъехали к вокзалу Сент-Пол, он, как юноша, стремительно соскочил с подножки поезда и нетерпеливо оглядел платформу, но его взгляд не смог ее найти. Он рассчитывал на эти несколько минут между городами, они стали бы символом ее верности их дружбе, и когда поезд снова тронулся, он отчаянно обшаривал его от курилки до смотрового вагона. Но найти ее он не смог, и теперь знал, что сходит по ней с ума. При мысли о том, что она последовала его совету и ввязалась в интрижки с другими мужчинами, он ослабел от страха.

Когда подъезжали к Миннеаполису, его руки так дрожали, что ему пришлось позвать носильщика, чтобы тот подготовил его багаж. Затем после-

довало бесконечное ожидание в коридоре, пока выносили чемоданы, и он прижался к девушке в пальто с беличьей оторочкой.

— Том!

— Но, я хотел...

Ее руки обвились вокруг его шеи.

— Том, — воскликнула она, — я была здесь, в этом вагоне с самого Сент-Пола!

Трость выпала из его рук, он очень нежно притянул ее к себе, и их губы встретились, как и их изголодавшиеся сердца.

III

В преддверии их окончательной помолвки Тома охватила юношеская эйфория. Зимними утрами он просыпался с чувством незаслуженной радости, витавшей в комнате; встречаясь с молодыми людьми, он сопоставлял силу своего ума и тела с их силой. Внезапно его жизнь обрела смысл и цель, стала всеохватывающей и полноценной. Серыми мартовскими вечерами, когда она фамильярно прогуливалась по его квартире, на него нахлынули теплые воспоминания его юности — экстаз и отчаяние, смертное и вечное предстали в их извечно трагическом противопоставлении, и он, немного изумленный, обнаружил, что наслаждается самой терминологией юношеской романтики. Но он был более вдумчивым, чем молодой повеса, и Энни казалось, что он «знает все». Что он стоит, держа открытыми ворота для ее прохода в поистине невероятный золотой мир.

— Сначала мы отправимся в Европу, — сказал он.

— О, мы будем часто туда ездить, не так ли? Давай проведем зиму в Италии, а весну — в Париже.

— Но, малышка Энни, у меня есть дела здесь.

— Что ж, в любом случае мы будем держаться подальше отсюда, насколько возможно. Я ненавижу Миннеаполис.

— О, нет, — он был немного шокирован. — С Миннеаполисом все в порядке.

— Когда ты рядом, все в порядке.

Миссис Лорри в конце концов смирилась с неизбежным. С неохотой она признала помолвку, попросив только, чтобы свадьба состоялась не раньше осени.

— Так долго ждать, — вздохнула Энни.

— В конце концов, я твоя мать. Я так мало прошу.

Это была долгая зима, даже для страны долгих зим. Март был полон волнистых сугробов, и когда наконец стало казаться, что холод должен быть побежден, разразились метели, отчаянные, как последний бой. Люди ждали,

их жизненная энергия за долгую зиму была израсходована, и они, подобно природе, просто жаждали весны. Затем, в начале апреля, лед с протяжным вздохом начал трескаться, снег растаял и ушел под землю, а зеленая нетерпеливая весна прорвалась наружу.

Однажды, когда они проезжали по раскисшей дороге под свежим, влажным ветерком, в котором колыхалась маленькая чахлая травка, Энни расплакалась. Иногда она плакала по пустякам, но на этот раз Том внезапно остановил машину и обнял ее.

— Почему ты плачешь? Ты несчастлива?

— О, нет, нет! — запротестовала она.

— Но ты вчера тоже плакала в дороге и не сказала почему. Ты должна рассказать мне об этом.

— Ничего, ничего, кроме весны. Она так хорошо пахнет, и в ней всегда так много грустных мыслей и воспоминаний

— Это наша весна, моя милая, — сказал он. — Энни, давай не будем ждать. Давай поженимся в июне.

— Я обещала маме, но, если хочешь, мы можем объявить о нашей помолвке в июне.

Весна теперь наступала быстро. Тротуары сначала были влажными, потом просохли, и дети катались по ним на роликах, а мальчишки играли в бейсбол на покрытых нежной травкой пустырях. Том устраивал изысканные пикники с участием сверстников Энни и уговаривал ее играть с ними в гольф и теннис. Внезапно с последним, торжествующим рывком природы наступило настоящее лето.

Прекрасным майским вечером Том поднялся по дорожке к дому Энни и сел рядом с ее матерью на крыльце.

— Так хорошо на улице, — сказал он. — Я подумал, что мы с Энни сегодня вечером не поедem на машине, а прогуляемся пешком. Я хочу показать ей забавный старый дом, в котором я родился.

— На Чемберс-стрит, что ли? Энни будет дома через несколько минут. После ужина она отправилась покататься на машине с какими-то молодыми людьми.

— Да, на Чемберс-стрит.

Вскоре он посмотрел на часы, надеясь, что Энни скоро появится, пока еще достаточно светло, чтобы что-то видеть. Четверть девятого. Он нахмурился. Она заставила его ждать прошлой ночью, заставила его ждать целый час вчера днем.

«Если бы мне был двадцать один год, — сказал он себе, — я бы устраивал сцены, и мы оба были бы несчастны».

Они с миссис Лорри поговорили об обычных вещах, тепло ночи разогнало смутную вечернюю апатию пятидесятилетних и смягчило их обоих, и впервые с тех пор, как он стал ухаживать за Энни, между ними не было вражды. Мало-помалу воцарилось долгое молчание, нарушаемое лишь чирка-

ньем спички или скрипом ее качающегося диванчика. Когда мистер Лорри вернулся домой, Том от удивления закурил сигару и посмотрел на часы — было начало одиннадцатого.

— Что-то Энни запаздывает..., — сказала миссис Лорри.

— Надеюсь, ничего страшного не случилось, — с тревогой сказал Том. — С кем она?

— Когда они уезжали, их было четверо: Рэнди Кэмбелл и еще одна пара — я не заметила, кто именно. Они всего лишь собирались выпить газировки.

— Я надеюсь, что у них все в порядке. Может быть... Как вы думаете, может, мне следует отправиться на поиски?

— В наши дни десять — это не поздно...

Вспомнив, что Том Сквайрс женится на Энни, а не удочеряет ее, она удержалась от того, чтобы не добавить: «Ты к этому привыкнешь».

Ее муж извинился и отправился спать, и разговор стал более натянутым и бессвязным. Когда часы через дорогу пробили одиннадцать, они оба замолчали, прислушиваясь к ударам. Двадцать минут спустя, как раз в тот момент, когда Том нетерпеливо раскуривал последнюю сигару, на улице появился автомобиль и остановился перед домом.

С минуту никто не двигался ни на крыльце, ни в машине. Затем Энни со шляпой в руке вышла из машины и быстро пошла по дорожке. Бросая вызов спокойной ночи, машина, фыркнув, умчалась прочь.

— О, привет! — воскликнула она. — Мне так жаль! Который сейчас час? Я, наверно, ужасно опоздала?

Том не ответил. Уличный фонарь отбрасывал бордовый оттенок на ее лицо и подчеркивал усилившийся румянец на щеках. Ее платье было измято, волосы были распущены. Странная дрожь в ее голосе заставила его промолчать, и он отвел глаза в сторону.

— Что случилось? — небрежно спросила миссис Лорри.

— Ой, сначала что-то было с мотором, а потом мы заблудились. А что, уже так поздно?

Затем, когда она стояла перед ними, все еще держа шляпу в руке, ее грудь слегка вздымалась и опускалась, глаза были широко раскрыты и блестели, Том с потрясением осознал, что он и ее мать — люди одного возраста, смотрящие на человека другого поколения. Как он ни старался, он не мог отделить себя от миссис Лорри. Когда она извинилась и ушла, он подавил отчаянное желание сказать: «Но почему ты должна уходить сейчас? После того, как просидела здесь весь вечер?»

Они остались одни. Энни подошла к нему и сжала его руку. Никогда еще он так не осознавал ее красоты; ее влажные руки были тронуты росой.

— Ты гуляла с молодым Кэмбеллом? — сказал он.

— Да. О, только не злись. Я чувствую... Я чувствую себя сейчас такой расстроенной...

— Расстроенной?

*Том с потрясением осознал, что он и ее мать —
люди одного возраста,
смотрящие на человека другого поколения.*

Она села, немного всхлипывая.

— Я ничего не могла с собой поделать. Пожалуйста, не злись. Он так хотел, чтобы я прокатилась с ним, и это была такая чудесная ночь, так что я согласилась покататься часок. А потом мы начали разговаривать, и я не заметила, как пробежало время. Мне было так жаль его.

— А как ты думаешь, что чувствовал я? — он презирал себя за эти слова, но они уже были произнесены.

— Не надо, Том. Я же говорила тебе, что ужасно расстроена. Я хочу лечь спать.

— Я понимаю. Спокойной ночи, Энни.

— О, пожалуйста, не веди себя так, Том. Неужели ты не можешь понять?

Он понимал, и в этом была вся беда. С учтивым поклоном, свойственным его поколению, он спустился по ступенькам и исчез в мерцающем лунном свете. Через мгновение он превратился просто в тень, мелькавшую в свете уличных фонарей, а затем в слабый звук шагов на улице.

IV

Все то лето он часто гулял по вечерам. Ему нравилось постоять минутку перед домом, где он родился, а потом перед другим домом, где он жил маленьким мальчиком. На его привычных маршрутах были и другие яркие достопримечательности девяностых, которых больше не существовало — нарядные конюшни Янсена и старый каток «Нушка», где каждую зиму его отец катался на льду. Ныне все эти бывшие места развлечений были перестроены.

«И это чертовски жаль, — бормотал он. — Чертовски жаль».

У него появилась склонность проходить мимо огней той аптеки, где в его душу было посеяно зерно юношеской романтики. Однажды он туда зашел и, небрежно расспросив о блондинке-продавщице, узнал, что она вышла замуж и уехала несколько месяцев назад. Узнав ее имя и адрес, он в импульсивном порыве отправил ей свадебный подарок «от немого поклонника», поскольку чувствовал, что чем-то обязан ей за свое счастье и боль. Он проиграл битву с молодостью и весной, и своим горем заплатил за непростительный грех старости — отказ умирать. Но он не мог уйти в потемки, немного не вымотавшись. В конце концов, чего он хотел, так это всего лишь разбить свое дурное старое сердце. Конфликт сам по себе имеет ценность помимо побед и поражений, и эти три месяца — они останутся с ним навсегда.

БАВИЛОН, ВНОВЬ ПОСЕЩЕННЫЙ

I

— А где мистер Кэмпбелл? — спросил Чарли.

— Уехал в Швейцарию. Мистер Кэмпбелл довольно больной человек, мистер Уэллс.

— Мне жаль это слышать. А Джордж Хардт? — поинтересовался Чарли.

— Вернулся в Америку, пошел работать.

— А где же Сноуберд? — спросил я.

— Он был здесь на прошлой неделе. В любом случае, его друг, мистер Шеффер, сейчас в Париже.

Два знакомых имени из длинного списка полугодовой давности. Чарли нацарапал адрес в своем блокноте и вырвал страницу.

— Если увидите мистера Шеффера, передайте ему это, — сказал он. — Это адрес моего свояка. Я еще не определился с отелем.

Он не был сильно разочарован тем, что Париж оказался таким пустым. Но тишина в баре «Ритц» была странной и зловещей. Это уже был не американский бар — раньше они чувствовали себя здесь «хозяевами», а теперь он простой посетитель. Он вернулся во Францию. Он почувствовал тишину с того момента, как вышел из такси и увидел швейцара, который обычно в этот час был в бешеной активности, сплетничающего с лакеем у входа для прислуги.

Проходя по коридору, он услышал только одинокий скучающий голос в некогда шумной женской комнате. Войдя в бар, он прошел двадцать футов по зеленому ковру, по старой привычке устремив взгляд прямо перед собой, а затем, твердо поставив ногу на подножку стула у стойки, повернулся и оглядел зал, встретившись взглядом только с одной парой глаз, оторвавшихся от газеты в углу. Чарли попросил позвать главного бармена Пола, который в последние дни «бычьего рынка» приезжал на работу на своей машине, сделанной на заказ, высаживаясь на ближайшей улице, чтобы не вызывать лишних вопросов. Но Пол сегодня был в своем загородном доме, и пришлось расспрашивать Аликса.

— Нет, больше не наливай, — сказал Чарли. — В последнее время я почти завязал.

Аликс с явным одобрением произнес:

— А пару лет назад вы здорово так...

— Все это в прошлом, — заверил его Чарли. — Я уже более полутора лет не позволяю себе более одной рюмки.

— Как дела в Америке?

— Я уже несколько месяцев не был в Америке. Я занимаюсь бизнесом в Праге, представляю там пару концернов. Они там обо мне не знают.

Аликс улыбнулся.

— Помнишь тот вечер, когда Джордж Хардт устраивал здесь холостяцкую вечеринку? — спросил Чарли. — Кстати, что случилось с Клодом Фессенденом?

Аликс доверительно понизил голос:

— Он в Париже, но сюда больше не приезжает. Пол не разрешает. Он выставил ему счет на тридцать тысяч франков, за все напитки и ланчи, а также званые ужины, больше чем за год. И когда Пол наконец сказал ему, что он должен заплатить, тот дал ему фальшивый чек.

Аликс печально покачал головой.

— Не понимаю, был такой щеголь. А теперь он весь раздулся... — он сложил ладони в виде здорового яблока, намекая на необъятные размеры живота.

Чарли наблюдал за группой инфантильных парней, устроившихся в углу.

«На них ничто не действует, — подумал он. — Акции растут и падают, люди бездельничают или работают, а им хоть бы хны».

Это место угнетало его. Он показал на бутылку, и Аликс налил одну порцию виски.

— Вы надолго здесь, мистер Уэллс?

— Я здесь на четыре или пять дней, чтобы повидаться со своей маленькой дочкой.

— О-о-о! У вас есть маленькая дочка?

Снаружи сквозь мелкий дождь расплывчато сияли огненно-красные, ярко-голубые и призрачно-зеленые газоразрядные лампы вывесок. Был поздний вечер, и на улицах царило оживление, сверкали окна бистро. На углу бульвара Капуцинов он взял такси. В розовом вечернем величии мимо проплыла Площадь Согласия, они пересекли Сену, и Чарли внезапно ощутил провинциальность Левого берега.

Чарли поехал на авеню Оперы, хотя это и было не по пути. Но он хотел увидеть сумеречные тени, разливающиеся по великолепному фасаду, и представить, что клаксоны такси, бесконечно играющие первые несколько тактов «La plus que Lente», были трубами Второй империи. Перед книжным магазином Брентано закрывали железную решетку, а за изящной буржуазной изгородью ресторана «Дюваль» ужинали люди. Он никогда не ел в дешевом парижском ресторане. Ужин из пяти блюд за четыре франка пятьдесят восемь центов, включая вино. По какой-то странной причине он пожалел, что не делал этого.

Продолжая ехать по Левому берегу, он снова почувствовал его убогую провинциальность и подумал: «Я испортил для себя этот город. Я его не осознал и не замечал, дни летели за днями, а потом прошло два года, и все исчезло, и я исчез».

Ему было тридцать пять, и он был хорош собой. Ирландскую подвижность его лица подчеркивала глубокая морщина на переносице. Когда он позвонил в колокольчик на двери свояка, жившего на улице Палатин, морщина стала глубже, натянув брови, он почувствовал нервные спазмы в животе. Из-за спины горничной, открывшей дверь, выскочила прелестная маленькая девочка лет девяти и закричала:

— Папа! — и, извиваясь, как рыбка, подлетела к нему в объятия. Она обхватила рукой его голову и прижалась щекой к его щеке.

— Ты моя красавица, — сказал он.

— О, папочка, папочка, папочка, папочка, папочка, папочка, папочка!

Она увлекла его в гостиную, где его ждали мальчик и девочка ее возраста, невестка и ее муж. Он приветствовал Мэрион голосом, тщательно поставленным, чтобы не выдать ни притворного энтузиазма, ни неприязни, но ее ответ был откровенно прохладным, хотя она и свела к минимуму выражение неизменного недоверия, переключив внимание на его дочку. Он дружески пожал свояку руку, и Линкольн Питерс на мгновение положил свою руку на плечо Чарли.

В комнате было тепло и уютно по-американски. Трое детей резвились, бегая по комнатам, в доме ощущалось радостное настроение, всегда предшествующее ужину. Из кухни доносились звуки возни за плитой и потрескивание дров — приготовление ужина было в самом разгаре. Но Чарли не расслаблялся, в груди у него ныло, и только дочка, которая время от времени подходила к нему вплотную, держа в руках подаренную им куклу, вселяла в него уверенность.

— Там все идет отлично, — ответил он Линкольну. — Хотя там много бизнеса, который погибает, но у нас дела идут даже лучше, чем когда-либо. На самом деле, чертовски хорошо. В следующем месяце я перевезу свою сестру из Америки, чтобы она вела мое хозяйство. Мой доход в прошлом году был больше, чем когда-либо. Видишь ли, чехи...

Его хвастовство преследовало определенную цель, но через мгновение, заметив легкое беспокойство в глазах Линкольна, он сменил тему:

— У вас замечательные дети, хорошо воспитанные, с хорошими манерами.

— Мы тоже считаем Онорию замечательной девочкой.

Мэрион Питерс вернулась из кухни. Это была высокая женщина с беспокойными глазами, которую когда-то считали красавицей. Чарли всегда удивлялся, когда люди говорили о том, какой хорошенькой она была. С самого начала между ними возникла инстинктивная антипатия.

— Ну, и как ты находишь Онорию? — спросила она.

— Замечательно. Я просто поражен, насколько она выросла за десять месяцев. Все дети выглядят просто отлично.

— За целый год мы ни разу не вызывали доктора! Как тебе сейчас Париж?

— Кажется очень забавным видеть вокруг так мало американцев.

— Я в восторге, — сказала Мэрион. — Теперь, по крайней мере, ты можешь зайти в магазин, и никто не думает, что ты миллионер. Мы страдали от этого, как и все, но в целом сейчас гораздо приятнее.

— Но и тогда тоже было хорошо, — сказал Чарли. — Мы были чем-то вроде королевской семьи, почти непогрешимыми, окруженными своего рода магией.

И добавил:

— Сегодня днем в баре... — он запылся, осознав свою ошибку, — не было ни одного знакомого мне человека.

Мэрион пристально посмотрела на него.

— Я думала, Чарли, что с вас достаточно баров.

— Я забежал туда всего на минуту. Я выпиваю по одной рюмке каждый день после обеда, и не больше.

— Ты не хочешь выпить коктейль перед ужином? — спросил Линкольн.

— Я выпиваю только один раз, и на сегодня мне достаточно.

— Я надеюсь, ты и в дальнейшем будешь придерживаться этого правила, — сказала Мэрион.

Ее неприязнь проявлялась в холодности, с которой она говорила, но Чарли только улыбнулся, у него были более масштабные планы. Сама ее агрессивность давала ему преимущество, и он знал: надо просто подождать. Он хотел, чтобы они начали обсуждение того, а это им было известно, что привело его в Париж.

За ужином он никак не мог решить, на кого Онория больше похожа — на него или на мать. Повезло, что она не сочетала в себе черты обоих, это была бы катастрофа. Он верил в характер, но еще больше верил в передачу его через поколения. Его захлестнула огромная волна желания защитить ее. Он думал, что знает, что предпринять.

Вскоре после ужина он ушел, но отправляться домой он не собирался. Ему было любопытно увидеть ночной Париж более ясными и рассудительными глазами, чем в былые дни. Он купил откидное место в «Казино» и наблюдал, как Джозефина Бейкер исполняет свои шоколадные арабески.

Через час он вышел и направился в сторону Монмартра, вверх по улице Пигаль на площадь Бланш. Дождь прекратился, и несколько человек в вечерних костюмах выходили из такси перед кабаре, кокетки бродили поодиночке или парами, и кругом было много негров. Он прошел мимо освещенной двери, из которой доносилась музыка, и остановился с ощущением чего-то знакомого. Это был «Бриктоп», где он провел бесчисленные часы и расстался с кучей денег. Через несколько метров он нашел еще одно знакомое заведение и неосторожно просунул голову внутрь. Тут же зазвучал оркестр, пара профессиональных танцоров вскочила на ноги, и к нему подскочил метрдотель с криком: «Народ только прибывает, сэр!» Но Чарли быстро ретировался.

«Ты, должно быть, чертовски пьян», — подумал он.

Любимый «Зелли» был закрыт, мрачные и зловещие дешевые отели вокруг него были темны, он отправился на Рю Бланш, где было больше света и суеты-

лась местная говорящая на французском толпа. «Пещера поэта» исчезла, но две огромные пасти кафе «Рай» и кафе «Ад» все еще зияли и даже на его глазах пожирали скудное содержимое туристического автобуса: немца, японца и американскую пару, которые посмотрели на него испуганными глазами.

Вот вам и старания, и изобретательность Монмартра. Вся эта забота о пороке и расточительстве сейчас была в каких-то детских масштабах, и он вдруг понял значение слова «рассеивать» — растворять в воздухе, превращать что-либо в ничто.

Он вспомнил банкноты в тысячу франков, которые давали оркестру за исполнение одного-единственного номера, банкноты в сто франков, брошенные швейцару за вызов такси.

Но это не было просто даром.

Даже самая безумная сумма была отдана в качестве подношения судьбе, чтобы он не вспоминал о том, что стоит помнить, о том, что теперь он будет помнить всегда: о своем ребенке, живущем не с ним, о жене, сошедшей в могилу в Вермонте.

В ярком свете уличного кафе с ним заговорила женщина. Он купил ей омлет и кофе, а затем ускользнул от ее ободряющего взгляда, предварительно дав ей банкноту в двадцать франков, и взял такси до отеля.

II

Он проснулся в прекрасный осенний день — отличная погода для футбола. Вчерашняя депрессия прошла, и ему нравились люди на улицах. В полдень он сидел напротив Онории в «Ле Гранд Ватель», единственном ресторане, который, как он мог вспомнить, не напоминал об ужинах с шампанским и длинных обедах, которые начинались в два часа и заканчивались в размытых и неясных сумерках.

— А как насчет овощей? Разве тебе не нужно есть овощи?

— Ну, да.

— Вот есть и шпинат, и цветная капуста, и морковь, и фасоль.

— Я бы хотела цветную капусту.

— А как насчет двух овощей вместе?

— Обычно за обедом я ем только один вид.

Официант притворялся, что необычайно любит детей, и произнес по-французски:

— Что это за милая малышка! Она требовательна, словно француженка.

— Как насчет десерта? Закажем?

Официант исчез. Онория выжидающе посмотрела на отца.

— Что мы собираемся делать?

— Сначала мы зайдем в магазин игрушек на улице Сент-Оноре и купим тебе все, что понравится. А потом пойдем на водевиль в «Эмпайр».

Она заколебалась.

— Мне нравится водевиль, но я не хочу в магазин игрушек.

— Почему?

— Ну, ты же принес мне куклу, — она была с ней, — и у меня много других игрушек. И мы больше не богаты, не так ли?

— Мы никогда ими не были. Но сегодня у тебя будет все, что ты пожелаешь.

— Хорошо, — покорно согласилась она.

Когда у нее были мать и гувернантка-француженка, он был склонен к строгости, теперь он решил расширить границы дозволенного. Он должен быть для нее и папой, и мамой, и оба они должны быть доступны ей для общения.

— Я хочу узнать тебя получше, — начал он серьезно. — Сначала позволь мне представиться. Меня зовут Чарльз Джей Уэллс, и я из Праги.

— О, папочка! — она громко рассмеялась.

— А кто вы, сообщите, пожалуйста? — настаивал он.

И она немедленно согласилась на отведенную ей роль:

— Онория Уэллс, улица Палатин, Париж.

— Вы в браке или как?

— Нет, я в браке не состою.

Он указал на куклу.

— Но я вижу, у вас есть ребенок, мадам.

Не желая портить их игру, которую приняла близко к сердцу, она быстро ответила:

— Да, я была замужем, но сейчас свободна. Мой дорогой муж умер.

Чарльз быстро продолжил:

— А как зовут вашу малышку?

— Симона. Это в честь моей лучшей школьной подруги.

— Я очень рад, что ты так хорошо учишься в школе.

— Я третья по успеваемости в этом месяце, — похвасталась она. — Элси восемнадцатая, а Ричард где-то в самом низу.

— Тебе нравятся Ричард и Элси, не так ли?

— О, да. Ричард мне очень нравится, ну и она мне тоже нравится.

Осторожно и как бы невзначай он спросил:

— А тетя Мэрион и дядя Линкольн — кто тебе больше нравится?

— О, я полагаю, дядя Линкольн.

Он все больше осознавал ее присутствие. Когда они вошли в ресторан, за ними последовал шепоток «...очаровательный ребенок», и люди за соседним столиком сосредоточили все свое внимание на ней, уставившись так, словно она была не более, чем цветок.

— Почему я не живу с тобой? — внезапно спросила она. — Потому что мама умерла?

— Ты должна была остаться здесь и подучить французский. Папе было бы трудно заботиться о тебе.

— Но теперь я больше не нуждаюсь в особой заботе. Я все делаю сама.

Когда они выходили из ресторана, мужчина и женщина неожиданно окликнули его.

— Я хочу узнать тебя получше, — начал серьезно он. —
 Сначала позволь мне представиться.
 Меня зовут Чарльз Джей Уэллс, и я из Праги.
 — О, папочка! — Онория громко рассмеялась.

— Ба, да это же старый Уэллс!
 — Привет, Лоррейн... Данк.

Внезапные призраки из прошлого: Дункан Шеффер, друг по колледжу, и Лоррейн Куоррлс, прелестная блондинка тридцати лет, одна из тех, кто помогал ему превращать месяцы в дни в те роскошные времена трехлетней давности.

— Мой муж не смог приехать в этом году, — сказала она в ответ на его вопрос. — Мы чертовски бедны. Поэтому он дал мне двести фунтов на месяц и сказал, что это лучшее, что он может сделать... Это твоя маленькая дочка?

— Как насчет того, чтобы вернуться в ресторан? — спросил Дункан.

— Не могу.

Он был рад, что оправдание стояло рядом с ним. Как всегда, Чарли чувствовал страстное, вызывающее влечение Лоррейн, но теперь его собственный ритм жизни был другим.

— А как насчет ужина? — спросила она.

— Сегодня не могу. Дай мне свой адрес, и я тебе позвоню.

— Чарли, я не верю, что ты трезв, — рассудительно сказала она. — Я искренне не верю, что он трезв, Данк. Ущипни его, и я посмотрю, трезв ли он.

Чарльз кивком указал на Онорию. Они оба рассмеялись.

— Где ты живешь? — скептически спросил Дункан.

Чарли заколебался, не желая называть свой отель.

— Я еще не устроился. Я лучше позвоню тебе. Мы с дочкой собираемся посмотреть водевиль в «Эмпайр».

— Во как! Я тоже собиралась на представление, — сказала Лоррейн. — Я хочу посмотреть на клоунов, акробатов и жонглеров. Именно это мы и делаем, Данк.

— Мы не с вами, сначала нам надо выполнить одно поручение, — сказал Чарли. — Возможно, увидимся там.

— Ладно, ты сноб... Прощай, прекрасная маленькая девочка.

— До свидания.

Онория вежливо кивнула.

Так или иначе, это была нежеланная встреча. Он нравился им, потому что он был человек действия, потому что он был серьезен, они хотели видеть его рядом, потому что он был сильнее духом, чем они. Чарли требовался им, как источник силы, где они могли бы черпать поддержку.

В «Эмпайр», для удобства Онории, он положил на кресло сложенное пальто, но она гордо отказалась сидеть на нем. Да, она уже была личностью со своими собственными правилами поведения, и Чарли все больше и больше поглощало желание вложить в нее частичку себя, пока она не выкристаллизовалась окончательно. Пытаться узнать ее за столь короткий срок было безнадежно.

В перерыве между выступлениями они наткнулись на Дункана и Лоррейн в вестибюле, где играл оркестр.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Хорошо, но не в баре. Сядем за столик...

— Какой идеальный отец.

Рассеянно слушая Лоррейн, Чарли наблюдал, как Онория отвела взгляд от их столика, и задумчиво проследил за ним по залу, гадая, что же она увидела. Он встретился с ней взглядом, и она улыбнулась.

— Мне понравился этот лимонад, — сказала она.

Что она сказала? А чего он ожидал? Возвращаясь потом домой на такси, он обнял ее, и голова дочки легла ему на грудь.

— Дорогая, ты когда-нибудь думаешь о своей матери?
 — Да, иногда, — неопределенно ответила она.
 — Я не хочу, чтобы ты забыла ее. У тебя есть ее фотография?
 — Да, думаю, да. Во всяком случае, у тети Мэрион есть. Почему ты не хочешь, чтобы я забыла ее?
 — Она очень сильно тебя любила.
 — Я тоже ее любила.
 На мгновение они замолчали.
 — Папа, я хочу жить с тобой, — внезапно сказала она.
 Его сердце вздрогнуло, он хотел, чтобы все произошло именно так.
 — Разве ты не счастлива здесь?
 — Да, но я люблю тебя больше всех на свете. Теперь, когда мамуля умерла, ты больше всех на свете любишь меня, не так ли?
 — Конечно, люблю. Но я не всегда буду нравиться тебе больше всех, милая. Ты вырастешь, встретишь какого-нибудь парня, выйдешь за него замуж и забудешь, что у тебя вообще когда-либо был папа.
 — Да, это правда, — спокойно согласилась она.
 Он не стал заходить внутрь. Чарльз должен был вернуться сюда в девять часов, и он хотел сохранить себя свежим для важной беседы.
 — Когда зайдешь в дом, просто покажись вон в том окошке.
 — Хорошо. Прощай, папочка, папочка, папочка, папочка.
 Чарльз ждал на темной улице, пока она не появилась в окошке, вся веселая и сияющая, и не послала воздушный поцелуй.

III

Они его ждали. Мэрион сидела за кофейным сервизом в величественном черном вечернем платье, которое немного напоминало траурное. Линкольн расхаживал взад-вперед с оживлением человека, который уже высказался. Им так же, как и ему, не терпелось перейти к вопросу. С этого он и начал:

— Полагаю, вы знаете, по какому поводу я хочу вас видеть и почему я на самом деле приехал в Париж.

Мэрион поиграла черными камушками на своем ожерелье и нахмурилась.

— Мне ужасно хочется иметь дом, — продолжал он. — И мне ужасно хочется, чтобы в нем жила Онория. Я ценю, что вы взяли Онорию к себе ради ее матери, но теперь все изменилось.

Он немного поколебался, а затем продолжил более настойчиво:

— Я в корне изменил свой образ жизни, и я хочу попросить вас пересмотреть этот вопрос. С моей стороны было бы глупо отрицать, что около трех лет назад я вел себя недостойно...

Мэрион подняла на него суровый взгляд.

— Ты больше всех на свете любишь меня, не так ли?
— Конечно, люблю. Но я не всегда буду нравиться тебе
 больше всех, милая. Ты вырастешь,
встретишь какого-нибудь парня, выйдешь за него замуж
и забудешь, что у тебя вообще когда-либо был папа.

— ...но все это в прошлом. Как я уже говорил вам, я уже больше года не пью больше одной рюмки в день, и я делаю это сознательно, чтобы мысль о спиртном не занимала слишком много места в моем воображении. Вы понимаете, для чего?

— Нет, — коротко ответила Мэрион.

— Это своего рода трюк, который я сам придумал. Это сохраняет душевное спокойствие.

— Я тебя не понимаю, — сказал Линкольн. — Ты не хочешь признавать, что это тебя хоть как-то привлекает?

— Что-то в этом роде. Иногда я забываю и не выпиваю. Но я стараюсь не делать этого. Во всяком случае, в моем положении я не мог позволить себе пить. Люди, которых я представляю в Праге, более чем довольны моей работой, и я собираюсь привезти свою сестру из Берлингтона, чтобы она вела хозяйство за меня, и я ужасно хочу, чтобы у меня была и Онория. Вы знаете, что даже когда мы с ее матерью не очень ладили, мы не позволяли ничему, что происходило, коснуться Онории. Я знаю, что она любит меня, и я знаю, что в состоянии позаботиться о ней, и... ну, вот и все. Что вы об этом думаете?

Он знал, что сейчас ему придется выдержать удар. Это могло длиться час или два, и это было бы трудно, но если бы он смягчил свое неизбежное негодование до смиренного отношения исправившегося грешника, то в конце концов мог бы добиться своего.

«Держи себя в руках, — сказал он себе. — Тебе не нужно оправдание. Тебе нужна Онория».

Линкольн заговорил первым:

— Мы обсуждали это с тех пор, как получили твое письмо в прошлом месяце. Мы счастливы, что Онория у нас. Она милая малышка, и мы рады, что можем ей помочь, но, конечно, вопрос не в этом...

Мэрион внезапно прервала его.

— Как долго ты собираешься оставаться трезвым, Чарли? — спросила она.

— Надеюсь, навсегда.

— Как на это можно рассчитывать?

— Ты же знаешь, я никогда сильно не пил, пока не бросил бизнес и не приехал сюда от нечего делать. Потом мы с Хелен начали бегать по улицам с...

— Пожалуйста, не впутывай в это Хелен. Мне невыносимо слышать, как ты говоришь о ней в таком тоне.

Он мрачно уставился на нее, он никогда не был уверен, насколько сильно сестры любили друг друга при жизни.

— Мое пьянство продолжалось всего около полутора лет — с того момента, как мы приехали, до тех пор, пока я... не допил до чертиков.

— Этого времени было достаточно.

— Этого времени было достаточно, — согласился он.

— Мой долг всецело перед Хелен, — сказала она. — Я пытаюсь представить, чего бы она хотела от меня. Честно говоря, с той ночи, когда ты совершил тот

ужасный поступок, ты перестал для меня существовать. Я ничего не могу с этим поделать. Она была моей сестрой.

— Да...

— Когда она умирала, то попросила меня присмотреть за Онорией. Если бы ты тогда не был в санатории, это могло бы помочь делу.

У него не было ответа.

— Я никогда в жизни не смогу забыть то утро, когда Хелен постучалась в мою дверь, промокшая до нитки и дрожащая, и сказала, что дверь дома заперта.

Чарли вцепился в подлокотники стула. Это оказалось сложнее, чем он ожидал, ему хотелось пуститься в долгие объяснения, но сказал только:

— В ту ночь, когда я запер...

И она перебила:

— Я не хочу слышать это снова.

После минутного молчания Линкольн сказал:

— Мы уходим от темы. Ты хочешь, чтобы Мэрион отказалась от своей законной опеки и отдала тебе Онорию? Я думаю, что для Мэрион главный вопрос в том, доверяет она тебе или нет.

— Мне трудно сказать, — медленно произнес Чарли, — но я думаю, что она может полностью доверять мне. Еще три года назад у меня был хороший послужной список. Конечно, это в пределах человеческих возможностей, я могу ошибиться в любой момент. Но если мы будем ждать еще, я потеряю детство Онории и свой шанс обрести дом.

Он покачал головой:

— Я просто потеряю ее, разве вы не понимаете?

— Да, я понимаю, — сказал Линкольн.

— Почему ты не думал об этом раньше? — спросила Мэрион.

— Наверное, думал время от времени, но мы с Хелен плохо ладили. Когда я согласился на опеку, я лежал в санатории, и рынок обчистил мои карманы. Я знал, что поступил плохо, и думал, что если это принесет хоть какое-то успокоение Хелен, то я соглашусь на все. Но теперь все по-другому. Я работаю, я веду себя чертовски хорошо, насколько...

— Пожалуйста, не ругайся, — сказала Мэрион.

Он удивленно посмотрел на нее. С каждым замечанием сила ее неприязни становилась все более очевидной. Она собрала весь свой страх перед жизнью в одну стену и обратила ее к нему. Возможно, этот пустяковый упрек был результатом каких-то неприятностей с поваром за несколько часов до этого. Чарли все больше тревожился из-за того, что оставлял Онорию в этой атмосфере враждебности по отношению к нему, рано или поздно это выплывет наружу, и часть этого недоверия безвозвратно укоренится в Онории. Но он постарался скрыть свое раздражение и запер его внутри себя, он выиграл очко, потому что Линкольн осознал абсурдность замечания Мэрион и легкомысленно спросил ее, с каких это пор она возражала против слова «чертовски».

— И еще кое-что, — сказал Чарли. — Теперь я могу дать ей почти все. Я собираюсь взять с собой в Прагу французскую гувернантку, и я договорился об аренде новой квартиры...

Он остановился, поняв, что совершает ошибку. Нельзя было ожидать, что они хладнокровно воспримут тот факт, что его доход снова в два раза превысил их собственный.

— Я полагаю, вы можете предоставить ей больше роскоши, чем мы, — сказала Мэрион. — Когда ты выбрасывал деньги на ветер и жил припеваючи, мы считали каждый франк... Я полагаю, ты начнешь делать это снова.

— О, нет, — сказал он. — Я научился. Вы знаете, я усердно работал в течение десяти лет, и мне, как и многим другим людям, повезло на бирже. Ужасно повезло. Работать, казалось, больше не имело смысла, и я уволился. Этого больше не повторится.

Наступило долгое молчание. Все чувствовали, что нервы на пределе, и впервые за год Чарли захотелось выпить. Теперь он был уверен, что Линкольн Питерс был на его стороне.

Мэрион внезапно вздрогнула, какая-то часть ее увидела, что Чарли крепко стоит на ногах, и ее собственное материнское чувство признало естественность его желания. Но она слишком долго жила с предубеждением — предубеждением, основанным на странном неверии в счастье ее сестры, и которое в результате потрясения одной ужасной ночи переросло в ненависть к нему. Все это произошло в тот момент ее жизни, когда уныние из-за плохого самочувствия и неблагоприятных обстоятельств вынудило ее поверить в осязаемое злодейство и в осязаемого злодея.

— Я ничего не могу поделать с тем, что я думаю! — внезапно воскликнула она. — Я не знаю, насколько ты виновен в смерти Хелен. Это тебе придется решать со своей совестью.

Электрический разряд агонии пронзил его, на мгновение он почти встал на ноги, из горла вырвался невыразимый звук. Он держался мгновение, еще мгновение.

— Погоди-ка, — неловко сказал Линкольн. — Я никогда не думал, что он виновен в смерти Хелен.

— Хелен умерла от проблем с сердцем, — уныло произнес Чарли.

— Да, от проблем с сердцем.

Мэрион произнесла это так, как будто эта фраза имела для нее другое значение.

Затем, в наступившей после вспышки ее гнева, тишине, она ясно увидела его и поняла, что он каким-то образом овладел ситуацией. Взглянув на мужа, она не нашла с его стороны никакой поддержки, и так резко, словно это был пустячный вопрос, она выпалила, вскакивая со стула:

— Делай, что хочешь! Она твоя дочь. Я не тот человек, который встанет у тебя на пути. Я думаю, если бы это был мой ребенок, я бы предпочла увидеть ее...

Ей удалось взять себя в руки.

— Вы двое решайте. Я не могу этого выносить. Меня тошнит от этого. Я иду спать.

Она поспешно вышла из комнаты, через мгновение Линкольн изрек:

— Это был тяжелый день для нее. Ты знаешь, как сильно она переживает... — его тон был почти извиняющимся, — если женщине приходит в голову идея...

— Конечно.

— Все будет хорошо. Я думаю, теперь она видит, что ты можешь обеспечить ребенка, и поэтому мы не можем стоять на твоём пути или на пути Онории.

— Спасибо тебе, Линкольн.

— Я лучше пойду посмотрю, как она там.

— Я уже ухожу.

Когда он вышел на улицу, его все еще била нервная дрожь, но прогулка по улице Бонапарта к Набережной привела его в чувство, и когда он пересек Сену, идя по свежей и новенькой, освещенной фонарями улице, он почувствовал ликование. Но, вернувшись в свою комнату, он не смог заснуть. Образ Хелен преследовал его. Хелен, которую он так любил, пока они бессмысленно не начали злоупотреблять любовью друг друга, разрывая ее в клочья. В ту ужасную февральскую ночь, которую Мэрион так живо помнит, вялотекущая ссора продолжалась несколько часов. Во «Флориде» она разыграла сцену, а потом он попытался отвезти ее домой, и тогда она поцеловала молодого Уэбба за столиком. После этого было то, что сказала Мэрион в истерике. Когда он приехал домой один, то в диком гневе повернул ключ в замке. Откуда он мог знать, что Хелен приедет через час одна, что начнется метель, во время которой она будет бродить по городу в одних тапочках, не в силах вызвать такси? Потом последствия, она чудом избежала воспаления легких, и весь сопутствующий ужас. Они «помирились», но это было началом конца, и Мэрион, которая видела это собственными глазами и представляла это, как одну из многих сцен мученической смерти своей сестры, никогда этого не забудет.

Пережитое воспоминание воскресило в памяти Хелен, и в белом мягком свете, который крадется за полусонным утром, он снова заговорил с ней. Она сказала, что он был совершенно прав насчет Онории и что она хочет, чтобы Онория была с ним. Она сказала, что рада, что он ведет себя хорошо и дела у него идут лучше. Она говорила о многом другом, что находила в нем хорошего, она была на качелях в белом платье и раскачивалась все быстрее и быстрее, так что под конец он уже не мог отчетливо слышать, о чем она говорила.

IV

Он проснулся, чувствуя себя счастливым. Дверь в мир снова была открыта. Он строил планы, перспективы, будущее для Онории и для себя, но внезапно ему стало грустно, когда он вспомнил все планы, которые они строили

с Хелен. Она не планировала умирать. Настоящее было тем, что нужно было делать, и тем, кого можно было любить. Но не любить слишком сильно, ибо он знал, какой вред может нанести отец дочери или мать сыну, слишком сильно привязав их к себе — позже, выйдя в мир, ребенок будет искать в партнере по браку такой же слепой нежности и, вероятно, не найдя ее, отвернется от любви и жизни.

Это был еще один яркий, бодрящий день. Он позвонил Линкольну Питерсу в банк, где тот работал, и спросил, может ли он рассчитывать на то, что возьмет с собой Онорию в Прагу. Линкольн согласился с тем, что причин для задержки нет. Но была одна сложность — законная опека. Мэрион хотела сохранить ее на какое-то время. Она была расстроена всем этим делом, и ей было бы легче, если бы она чувствовала, что еще год ситуация будет находиться под ее контролем. Чарли согласился, желая вернуть дочку.

Затем встал вопрос о гувернантке. Чарли сидел в агентстве и разговаривал сначала с девушкой из Беарна, потом с пышущей здоровьем бретонской крестьянкой. Ни ту, ни другую он бы не вынес. Были и другие кандидатки, с которыми ему предстояло встретиться завтра.

Он пообедал с Линкольном Питерсом в «Гриффонс», стараясь сдержать свое ликование.

— Ничто не сравнится с собственным ребенком, — сказал Линкольн. — Но ты должен понимать, что чувствует Мэрион.

— Она забыла, как усердно я трудился в течение семи лет, — сказал Чарли. — Она помнит только одну ночь.

— Есть еще кое-что. — Линкольн колебался. — Пока вы с Хелен мотались по Европе, выбрасывая деньги на ветер, мы просто жили. Меня даже боком не задело это ваше «процветание», потому что я никогда не достигал того, чтобы иметь при себе хоть что-то, кроме страховки. Я думаю, Мэрион чувствовала, что в этом есть какая-то несправедливость: ты даже не работаешь, а становишься все богаче и богаче.

— Это прошло так же быстро, как и пришло, — буркнул Чарли.

— Да, многое из этого осталось в руках лакеев, саксофонистов и метрдотелей — что ж, большая вечеринка уже закончилась. Я сказал это просто для того, чтобы объяснить чувства Мэрион по поводу тех сумасшедших лет. Если ты заглянешь сегодня около шести часов вечера, пока Мэрион не устала, мы обсудим детали на месте.

Вернувшись в свой отель, Чарли обнаружил пневмо-капсулу с посланием из бара «Ритц», где Чарли оставил свой адрес с целью найти кое-кого:

«Дорогой Чарли!

Ты был таким странным, когда мы виделись с тобой на днях, что я подумала, не обидела ли я тебя чем-нибудь. Если и так, то это было неосознанно. На самом деле, я слишком много думала о тебе в течение последнего года, и у меня в голове постоянно крутилась мысль, что я могу увидеть тебя здесь. Той сумасшедшей

весной у нас действительно были золотые времена, например, в ту ночь, когда мы с тобой украли трехколесный велосипед у мясника, или в тот раз, когда мы пытались вызвать Президента, а ты был в старых дерби и с тростью из проволоки. В последнее время все кажутся такими старыми, но я ни капельки не чувствую себя старой. Не могли бы мы сегодня как-нибудь собраться вместе, как в старые добрые времена? На данный момент у меня жуткое похмелье, но сегодня днем я почувствую себя лучше и поищу тебя около пяти в отеле «Ритц».

*Всегда преданная
Лоррейн».*

Его первым чувством был благоговейный трепет от того, что он на самом деле в зрелые годы украл трехколесный велосипед и катал Лоррейн по всей Этуаль до рассвета. Оглядываясь назад, он понимал, что это был кошмарный поступок. Случай с Хелен не вписывался ни в один другой поступок в его жизни, но инцидент с трехколесным велосипедом вписывался — он был один из многих. Сколько нужно недель или месяцев беспутства, чтобы прийти к такому состоянию полной безответственности?

Он попытался представить, какой показалась ему тогда Лоррейн — очень привлекательной. Хелен была этим недовольна, хотя и ничего не сказала. Вчера в ресторане Лоррейн казалась банальной и измученной. Он решительно не хотел ее видеть и был рад, что Аликс не назвал адрес его отеля. Ему было приятнее думать об Онории, думать о будущих воскресеньях, проведенных вместе с ней, и о том, как он говорит ей «доброе утро», и знать, что она там, в его доме, ночью, в темноте.

В пять он взял такси и купил подарки для всех Питеров — нарядную тряпичную куклу, коробку с римскими центурионами, цветы для Мэрион, большие льняные носовые платки для Линкольна.

Войдя в квартиру, он увидел, что Мэрион смирилась с неизбежным. Теперь она приветствовала его так, словно он был непослушным членом семьи, а не мерзким чужаком. Онории уже сообщили, что она уезжает. Чарли был рад видеть, что ее тактичность заставила скрыть чрезмерное счастье. Только у него на коленях она прошептала о своем восторге и вопросе: «Когда?», прежде чем ускользнуть вместе с другими детьми. Они с Мэрион на минуту остались в комнате одни, и, повинуясь внезапному порыву, он смело высказался:

— Семейные ссоры — горькая штука. Они не подчиняются никаким правилам. Они не похожи на боли или раны, они больше похожи на трещины на коже, которые не заживают из-за недостатка питательных веществ. Я бы хотел, чтобы у нас с тобой были лучшие отношения.

— Некоторые вещи трудно забыть, — бросила она. — Это вопрос доверия и времени.

Ответа на это не последовало, и вскоре она спросила:

— Когда ты хочешь ее забрать?

— Как только я смогу найти гувернантку. Я надеюсь, что послезавтра.

— Это невозможно. Я должна привести ее вещи в порядок. Не раньше субботы.

Он уступил. Вернувшись в комнату, Линкольн предложил ему выпить.

— Я выпью свою ежедневную порцию виски, — сказал Чарли.

Здесь было тепло, это был дом, где люди собирались вместе у огня. Дети ощущали себя в полной безопасности и чувствовали свою важность для родителей. Мать и отец были серьезны и внимательны. Их забота о детях главнее, чем его приезд сюда. В конце концов, ложка лекарства важнее натянутых отношений между ним и Мэрион. Они не были скучными людьми, но они были очень сильно зажаты жизненными обстоятельствами. Он задавался вопросом, не мог бы он сделать что-нибудь, чтобы вытащить Линкольна из его «колеи» в банке.

Раздался продолжительный звонок в дверь, и горничная направилась открывать. После еще одного продолжительного звонка дверь открылась, затем послышались голоса, и все трое детей в гостиную выжидательно подняли головы. Ричард подвинулся, чтобы видеть коридор, а Мэрион встала. Затем горничная вернулась, сопровождаемая голосами, которые при свете превратились в Дункана Шеффера и Лоррейн Куоррлс.

Они были веселыми, они были уморительны и покатывались со смеху. На мгновение Чарли был поражен, он не мог понять, как они узнали адрес Питерсов.

— А-а-а! — Дункан игриво погрозил Чарли пальцем. — Ах-х-х!

Они оба разразились очередным каскадом смеха. Встревоженный и растерянный Чарли быстро пожал им руки и представил Линкольну и Мэрион. Мэрион кивнула, не произнося ни слова. Она отступила на шаг к камину, ее маленькая дочка стояла рядом с ней, и Мэрион положила ей руку на плечо.

С растущим раздражением от такого вторжения Чарли ждал, пока они объяснятся. Немного сосредоточившись, Дункан сказал:

— Мы пришли пригласить тебя на ужин. Лоррейн и я настаиваем на том, чтобы вся таинственность вокруг твоего адреса прекратилась.

Чарли подошел к ним ближе, словно желая заставить их выйти в коридор.

— Извините, но я не могу. Скажите, где вы будете, и я позвоню через полчаса.

Это не произвело никакого впечатления. Лоррейн внезапно присела на краешек кресла и, устремив взгляд на Ричарда, воскликнула:

— О, какой славный маленький мальчик! Иди сюда, малыш.

Ричард взглянул на мать, но не двинулся с места. Едва заметно пожав плечами, Лоррейн снова повернулась к Чарли.

— Идем в ресторан. Уверена, твои кузены выиграли у моих.

— Я не могу, — резко сказал Чарли. — Вы ужинайте, а я вам позвоню.

Ее голос внезапно стал неприятным.

— Хорошо, мы уходим. Но я помню, как однажды, когда ты постучал в мою дверь в четыре утра, я была хорошей девочкой, чтобы угостить тебя выпивкой. Давай, Данк, пошли.

*...С размытыми сердитыми лицами, неуверенно ступая,
они удалились по коридору.*

Все еще, как в замедленной съемке, с размытыми сердитыми лицами, неуверенно ступая, они удалились по коридору.

— Спокойной ночи, — сказал Чарли.

— Спокойной ночи! — решительно ответила Лоррейн.

Когда он вернулся в гостиную, Мэрион не сдвинулась с места, только теперь Ричард обхватил ее другой рукой. Линкольн все еще раскачивал Онорию взад-вперед, как маятник, из стороны в сторону.

— Какое безобразие! — вырвалось у Чарли. — Какое абсолютное безобразие!

Никто ничего не ответил. Чарли опустился в кресло, взял свой бокал, снова поставил его на стол и сказал:

— Люди, которых я не видел два года, имеют колоссальную наглость...

Он замолчал. Мэрион одним быстрым, яростным выдохом издала звук: «О!», рывком отвернулась от него и вышла из комнаты.

Линкольн осторожно опустил Онорию на пол.

— Дети, идите поиграйте в своей комнате, — произнес он, и когда они повиновались, он сообщил Чарли:

— Мэрион нездорова и не выносит потрясений. Из-за таких людей ей действительно становится плохо.

— Я не сообщал им адреса и не приглашал. Они выпытали у кого-то его. Они намеренно...

— Что ж, это очень плохо. Это не помогает делу. Извини, я отойду на минутку.

Оставшись один, Чарли напряженно сидел в своем кресле. В соседней комнате он слышал, как дети едят, односложно разговаривая, уже не обращая внимания на сцену между старшими. Он услышал приглушенный разговор из дальней комнаты, а затем гудки телефонной трубки, и в панике отошел в другой конец комнаты, за пределы слышимости.

Через минуту Линкольн вернулся.

— Послушай, Чарли. Я думаю, нам лучше отменить сегодняшний ужин. Мэрион очень плохо.

— Она злится на меня?

— Вроде того, — сказал он грубоватым тоном. — Она не сильная и...

— Ты хочешь сказать, что она передумала насчет Онории?

— Сейчас она довольно озлоблена. Я не знаю. Позвони мне завтра в банк.

— Я бы хотел, чтобы ты объяснил ей, что мне и в голову не приходило, что эти люди придут сюда. Мне так же неприятно, как и тебе.

— Я ничего не могу ей сейчас объяснить.

Чарли встал. Он взял свое пальто и шляпу и направился по коридору. Затем он открыл дверь столовой и сказал спокойным голосом:

— Спокойной ночи, дети.

Онория встала и обежала вокруг стола, чтобы обнять его.

— Спокойной ночи, милая, — сказал он неопределенно.

А затем, стараясь придать своему голосу побольше нежности, произнес:

— Спокойной ночи, дорогие дети.

V

Чарли, невероятно злой, направился напрямиком в бар «Ритц», чтобы найти Лоррейн и Дункана, но их там не оказалось, и он понял, что в любом

случае ничего не сможет сделать. У Питерсов он не притронулся к ежедневной порции и теперь заказал виски с содовой. Пол подошел поздороваться.

— Да, здесь все изменилось, — печально сказал он. — Наш бизнес просел наполовину. Так много парней в Штатах, о которых я слышал, потеряли все, если не при первом крахе, то при втором. Я слышал, ваш друг Джордж Хардт потерял все до последнего цента. Вы вернулись в Штаты?

— Нет, я веду дела в Праге.

— Я слышал, что вы много потеряли тогда.

— Да, — и мрачно добавил, — Но все я потерял во время отскока.

— Играли на понижение?

— Что-то в этом роде.

Снова воспоминания о тех днях нахлынули на него, как кошмарный сон: люди, которых они встретили во время путешествия, люди, которые не могли сложить простые числа или произнести связно предложение. Маленький человек, с которым Хелен согласилась потанцевать на корабельной вечеринке, оскорбивший ее, не отойдя и десяти футов от стола, визжащие женщины и девушки, которых выносили из общественных мест в алкогольном или наркотическом бреду... Мужчины, которые оставляли своих жен на снегопаде, потому что снег двадцать девятого года был не настоящим снегом. Если вы не хотели, чтобы он шел, вы просто платили немного денег.

Он подошел к телефону и позвонил в квартиру Питерсов, Линкольн снял трубку.

— Я позвонил, потому что это не выходит у меня из головы. Мэрион сказала что-нибудь определенное?

— Мэрион больна, — коротко ответил Линкольн. — Я знаю, что это совсем не твоя вина, но я не могу допустить, чтобы она разрывалась на части из-за этого. Боюсь, нам придется отложить это на полгода, я не могу рисковать и снова доводить ее до такого состояния.

— Я понимаю...

— Мне жаль, Чарли.

Он вернулся к своему столику. Его стакан с виски был пуст, но он покачал головой, когда Аликс вопросительно посмотрел на него. Сейчас он мало что мог сделать, кроме как отправить Онории кое-какие вещи, завтра он отправит ей много подарков. Он со злостью подумал, что это всего лишь деньги — он дал столько денег многим людям...

— Нет, больше не надо, — сказал он другому официанту. — Сколько я должен?

Когда-нибудь он вернется, они не могут заставить его платить вечно. Он хотел быть со своей дочкой, а кроме этого, ничего другого ему было не нужно. Он уже не молодой повеса, у которого много приятных мыслей и несбыточных фантазий. Он был абсолютно уверен, что Хелен не хотела бы, чтобы он был так одинок.

МЕЖДУ ТРЕМЯ И ЧЕТЫРЬМЯ

I

Это произошло в наши дни, когда все были обескуражены. Настроение многих неудачливых людей пошатнулось, когда ко всем нервным расстройствам, накопившимся в эпоху процветания, добавились денежные проблемы — до этого невроз был привилегией людей с большим количеством лишних денег. А некоторые сломались, просто потому что дух «все пропало» витал в воздухе или потому что они привыкли к тому, что за ними стоит великая идея золотого изобилия, как за французами стоит идея благоразумия и славы, а за англичанами — идея «как это сделать». Почти все немного тронулись умом.

Говард Батлер никогда не верил ни во что, включая самого себя, кроме системы, и не верил с той силой, с какой верят люди, являющиеся ее порождениями или пророками. Он был тихим, замкнутым человеком, совсем не храбрым и не жизнерадостным, и, за исключением одного аспекта, в нем не было ничего особенно плохого. Но он много думал, хотя его умственные способности были сильно ограничены, и в обычных обстоятельствах никто не ожидал бы, что он взлетит очень высоко или опустится очень низко. Тем не менее, у него было видение, о котором и пойдет речь в этой истории.

Говард Батлер стоял в своем кабинете на девятом этаже здания в Нью-Йорке и что-то обдумывал. Это был филиал и демонстрационный зал фирмы «Сыновья Б.Б. Эддингтона, офисная мебель и расходные материалы», и он был здесь директором. Офис был идеален, со вкусом обставлен, но чувствовалось, что он пустоват, поскольку штат сотрудников был резко сокращен в связи с тяжелыми временами. Только что позвонила мисс Висс и сообщила о нежелательном посетителе, и он решал, что лучше ему встретиться с этим человеком прямо сейчас, все равно с этим надо рано или поздно кончать. Миссис Саммер настойчиво требовала встречи.

По-хорошему миссис Саммер не стоило впускать, но он решился. Она проработала тут восемь лет, и была уволена шесть месяцев назад. Это была

красивая и жизнерадостная дама лет сорока с небольшим, с золотистыми волосами, с проседью, статной фигурой, напоминающей изгиб девушки Гибсона, и чудесными молодыми глазами ярко-голубого цвета. Для Говарда Батлера она была все такой же яркой дамой, как и тридцать лет назад, когда она, будучи Сарой Белкнап, отказалась выйти за него замуж, с той лишь разницей, что сейчас он ее ненавидел.

Она вошла в его личный кабинет с присущей ей предупредительностью и ясным, убедительным голосом, который всегда производил на него впечатление, произнесла:

— Привет, Говард.

Судя по голосу, она не испытывала к нему симпатий, но и неприязни не чувствовалось. На этот раз в ее манерах угадывалось легкое напряжение.

— Привет, Сара.

— Что ж, — вздохнула она, — очень странно снова оказаться здесь. Скажите мне, что у вас есть место для меня.

Он поджал губы и покачал головой.

— Дела совсем не клеятся.

— Хм.

Она кивнула и несколько раз моргнула.

— Отмены заказов, безнадежные долги — мы закрыли два филиала, и с тех пор, как вы ушли, сильно сократили заработную плату. Мне тоже досталось.

— О, я не ожидаю ту зарплату, которую получала раньше. Я отлично понимаю, как обстоят дела. Но я, в буквальном смысле, ничего не могу найти. Я подумала, что, возможно, найдется вакансия, скажем, офис-менеджера или главной стенографистки. Я была бы очень рада пятидесяти долларам в неделю.

— Мы не платим ничего подобного.

— Или сорок пять. Или даже сорок. У меня был шанс устроиться на двадцать пять, когда я только ушла отсюда, и я, как идиотка, упустила его. Это показалось мне абсурдным по сравнению с прежним жалованьем, на эту подачку я не смогла бы содержать Джека в Принстоне. Конечно, отчасти он сам зарабатывает себе на жизнь, но даже среди молодежи сейчас довольно жесткая конкуренция: так много парней нуждаются в деньгах. Как бы то ни было, на прошлой неделе я вернулась к ним и попыталась устроиться на работу за двадцать пять, а они просто посмеялись надо мной.

Миссис Саммер мрачно улыбнулась, и хотя она не утратила самообладания, менее чем через минуту ей пришлось продолжить — она больше не могла притворно улыбаться:

— Я питаюсь баландой в бесплатных столовых, чтобы сохранить те немногие сбережения, что у меня остались. Когда я думаю, что женщина с моими возможностями... Нет, это не тщеславное заявление, Говард, вы знаете, что у меня есть способности. Мистер Эддингтон всегда так считал. Я никогда не понимала, как...

— Это тяжело, Сара, — быстро сказал он.

Он посмотрел на ее туфли — они все еще выглядели сносно, во всяком случае, снаружи. Она всегда была хорошо одета.

— Если бы я ушла раньше, если бы меня выперли до наступления трудных времен, я бы смогла найти себе место. Но когда я начала поиски, на рынке уже была паника.

— Нам пришлось сократить и Мюллера.

— О, пришлось... — сказала она с интересом, новость вернула ей некоторую долю самоуважения.

— Неделю назад.

Говард Батлер понимал, что принял деликатное решение, и Сара Саммер тоже это понимала. Он удовлетворил старую личную обиду, уволив ее вместо Мюллера, который был моложе, менее опытен и менее полезен для компании, чем миссис Саммер, хотя и получал ту же зарплату.

Теперь они смотрели друг на друга, она пыталась посмотреть прямо ему в глаза, расшевелить его. Он пытался избежать этого и преуспел, отступив в недавно выдолбленные полости своей души, безопасные полости, из которых он мог наблюдать за ее положением с определенным удовлетворением. И все же он конфузился от того, что натворил, он пытался быть суровым, но в ее присутствии все отговорки, которые он выдумал, ему не помогали.

— Говард, ты должен дать мне работу, — вырвалось у нее. — Что угодно — тридцать долларов, двадцать пять долларов. Я в отчаянии. У меня не осталось и тридцати долларов. Мне надо помочь Джеку пережить этот год в колледже, он рано или поздно сам станет себя обеспечивать. Джек хочет стать врачом. Он думал, что сможет продержаться до июня в одиночку, но кто-то привез его в Нью-Йорк на День рождения Вашингтона, и он увидел, как я живу. Я пыталась ему соврать, но он догадался, и теперь говорит, что собирается бросить учебу и найти работу. Говард, я лучше умру, чем буду стоять у него на пути. Я уже неделю ни о чем другом не думаю. Лучше бы я умерла. В конце концов, я прожила счастливую жизнь...

На мгновение Батлер заколебался. Это можно было бы устроить, но фраза «счастливую жизнь» ожесточила его, и он сказал себе, что ее присутствие в офисе будет постоянным упрёком.

Тридцать лет назад, на крыльце двускатного дома в Рочестере, он сидел в отчаянии, в то время как Джон Саммер и Сара Белнап мечтательно рассказывали ему о своем счастье. «Я хотела, чтобы ты узнал об этом первым, Говард», — сказала Сара. Батлер случайно наткнулся на нее в тот вечер, принеся цветы и предложение руки и сердца. Затем он внезапно осознал, что все изменилось, он ей не нужен, и его жизнь стала пустой. Позже ему пересказали или переврали кое-что из ее рассказов — если бы не появился Джон Саммер, она была бы обречена выйти замуж за Говарда Батлера.

Годы спустя, однажды утром он вошел в офис и обнаружил ее своей подчиненной. На этот раз в его ухаживаниях было что-то угрожающее и отталкивающее, и она немедленно и окончательно положила этому конец. Затем в течение восьми лет Батлер терпел ее присутствие в офисе, высыхая в лучах ее

жизненной силы, ожесточаясь в тени ее безразличия, осознавая, что, несмотря на смерть мужа, ее жизнь была более полноценной, чем его.

— Я не могу этого сделать, — сказал он как бы с сожалением. — У нас все продумано до мелочей. Нет никого, кого можно было бы выжить. Сами знаете, что мисс Висс работает у нас уже двенадцать лет.

— Интересно, может, мне попросить мистера Эддингтона?

— Он сейчас в отъезде, и это ничего не даст.

Она была разочарована, но спокойно продолжала:

— Есть ли вероятность изменений, скажем, в течение следующего месяца? Батлер пожал плечами.

— Кому же известно, когда дела пойдут на лад? Я буду иметь вас в виду, если что-нибудь будет.

Затем он добавил, поддавшись порыву слабости:

— Приходите через неделю или около того, как-нибудь днем, между тремя и четырьмя часами.

Миссис Саммер встала, судя по виду, за время разговора она состарилась на несколько лет.

— Я обязательно приду.

Она стояла, теребя перчатки, и ее глаза, казалось, смотрели куда-то вдаль, за пределы офиса.

— Если у вас ничего не найдется для меня, я, наверное, просто уйду навсегда.

Она быстро подошла к окну, и он привстал со стула.

— Девять этажей — неплохая высота, — заметила она. — Можно еще раз все обдумать по пути вниз.

— О, не говори так. Со дня на день может все измениться.

— Деловая женщина прыгает с девяти этажей и разбивается насмерть, — сказала миссис Саммер, по-прежнему не отрывая взгляда от окна.

Она тяжело вздохнула и повернулась к двери.

— До свидания, Говард. Если ты хорошенько все обдумаешь, то поймешь, что я была права, даже не пытаясь полюбить тебя. Я вернусь как-нибудь на следующей неделе, между тремя и четырьмя.

Он подумал о том, чтобы предложить ей пять долларов, но это сломало бы что-то внутри него, поэтому он отпустил ее так.

II

Он увидел ее через прозрачный участок на его покрашенной стеклянной двери. Она была худее, чем на прошлой неделе, и явно нервничала, вздрагивая при каждом движении дверей. Ее нога была повернута вбок под стулом, и он увидел на подошве овальную дырку, заткнутую куском белого картона.

Когда по телефону сообщили о посетителе, он вяло произнес:

— Пусть обождет.

Он немного разозлился из-за того, что она пришла чуть раньше трех, но истинная причина его гнева заключалась в том, что он не хотел ее больше видеть. Чтобы отсрочить осознание решения, принятого в подсознании, он продиктовал несколько писем и провел телефонный разговор с главным офисом. Когда он закончил, то обнаружил, что уже без пяти минут четыре, а он не собирался задерживать ее на целый час. Он позвонил мисс Висс и сообщил, что у него нет новостей для миссис Саммер, и он сегодня не может ее принять.

Сквозь стекло он наблюдал, как она восприняла новость. Ему показалось, что она покачнулась, когда встала и стояла, моргая, глядя на мисс Висс.

— Надеюсь, что она ушла навсегда, — сказал сам себе Батлер. — Я не могу отвечать за всех безработных в этом городе. Я сойду с ума.

Позже он вышел на улицу и окунулся в удушающую городскую жару, дважды по дороге домой он останавливался у киосков, чтобы выпить прохладительных напитков. В своей квартире он тщательно запер дверь, как часто делал в последнее время, словно воздвигая барьер против всех тревог снаружи. Он ходил по комнате, раскладывал белье, распечатывал счета, чистил щеткой пальто, он был очень аккуратен, и напевал себе под нос:

*Я не могу дать тебе ничего, кроме любви, детка,
Это единственное, чего у меня в избытке, детка...*

Ему осточертела эта песня, но он то и дело ловил себя на том, что напевает ее. А потом он разговаривал сам с собой, как многие мужчины, которые живут в одиночестве.

— Итак, две цветные рубашки и две белые. Сначала я надену эту, надо ее доносить... Семь, восемь и две в стирке — всего десять...

Шесть часов. Все офисы в это время закрывались, люди торопливо выходили из лифтов, толпами спускались по лестницам. Но сегодня вечером это видение предстало перед Батлером в немного другом ракурсе — ему показалось, что кто-то поднимается по лестнице вверх, минуя толпу, поднимается очень медленно, останавливаясь передохнуть на лестничных площадках.

«Ах, что за вздор! — нетерпеливо подумал он. — Она бы никогда этого не сделала. Она просто пыталась вывести меня из себя».

Но фигура продолжала подниматься по лестничным пролетам, ритм движения был регулярным и настойчивым, как приступы лихорадки. Он внезапно схватил свою шляпу и вышел поужинать.

Надвигалась гроза, душная пыль клубами поднималась вдоль улицы. Люди на улице казались очень далекими от него во времени и пространстве. Ему показалось, что все они были печальны, и шли, опустив глаза в землю, за исключением нескольких пар, которые прогуливались и о чем-то болтали. Эти

последние выглядели нелепо, забывая о том, что они выставляют себя напоказ по отношению к тем, кто шел так, как подобает — молча и в одиночестве.

Он был рад, что ресторан, куда он зашел поужинать, был полон. Иногда, когда он читал много газет, ему казалось, что он чуть ли не единственный человек, у которого осталось достаточно денег, чтобы поесть. И это пугало его, потому что он прекрасно понимал, что он не такой уж и умный человек, и это могут обнаружить и уволить его. Поскольку в личной жизни он был не в ладах с самим собой, он не мог не попасть в лапы невроза, охватившего нацию, стараясь не замечать собственной несостоятельности в условиях всеобщей депрессии.

— Вам не нравится ужин? — спросила официантка.

— Нет-нет, что вы...

Он робко начал есть. Официантка продолжала:

— Это все из-за жары. Вы только подумайте, я прочитала в газете, что сегодня днем еще одна женщина выбросилась из окна девятого этажа.

Вилка Батлера упала на пол.

— Не могу представить себе женщину, делающую это, — произнесла она, наклоняясь за вилкой. — Если бы я когда-нибудь захотела это сделать, я бы пошла и утопилась.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что пошла бы и утопилась. Я все равно не умею плавать. Но я...

— Нет-нет, до этого — что там про женщину?

— А, про женщину, которая выбросилась из окна? Я принесу газету.

Он попытался остановить ее, он не хотел видеть эту газету. Дрожащими пальцами он положил на стол доллар и поспешно вышел из ресторана.

Это никак не могла быть она, потому что он видел ее в четыре, а сейчас было всего двадцать минут восьмого. Три часа. По пути был газетный киоск, заваленный свежими выпусками. Издав невнятный звук, он поспешил мимо.

Лучше бы он посмотрел. Это не могла быть Сара.

Но он знал, что это была Сара.

ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА В ПОДАВЛЕННОМ СОСТОЯНИИ ПРЫГНУЛА С ДЕВЯТОГО ЭТАЖА И РАЗБИЛАСЬ НАСМЕРТЬ.

Он миновал еще один газетный киоск и, свернув на Пятую авеню, зашагал на север. Дождь начался крупными каплями, поднявшими клубы пыли, и Батлер, глядя на тротуар, внезапно остановился, не в силах ни идти вперед, ни вернуться назад.

— Придется взять газету, — пробормотал он. — Иначе я не засну.

Он дошел до Мэдисон-авеню, подошел к газетному киоску, его рука на ощупь выхватила несколько газет. Он не стал на них смотреть, а сунул их под мышку. Он слышал, как дождь хлещет по ним с упругими хлопками, а затем

— Вам не нравится ужин? — спросила официантка.

— Нет-нет, что вы...

Он робко начал есть.

звук изменился, словно газеты размокли. Дойдя до своего дома, он внезапно швырнул промокший сверток в подвальный проем и поспешил к себе. Лучше подождать до утра.

Он возбужденно раздевался, как будто не мог терять ни минуты. «Скорее всего, это не она, — повторял он вслух. — И если это так, то какое я имею к этому отношение? Я не могу отвечать за всех безработных в этом городе». С помощью этой фразы и двойного джина он провалился в прерывистый сон.

Он проснулся в пять ото сна, который потряс его своей реальностью. В нем он снова разговаривал с Сарой Белнап. Она лежала в гамаке на веранде, снова молодая, с детской задумчивостью. Но она знала, что сейчас с ней произойдет: ее сбросят с высоты, она разобьется и погибнет. Батлер хотел помочь ей — слезы текли у него из глаз, и он заламывал руки, — но он ничего не мог сделать, было слишком поздно. Она не сказала, что он виноват, но ее глаза, безмолвно и беспомощно скорбящие о том, что должно было произойти, упрекали его, что он не смог этого предотвратить.

Окончательно его разбудил звук, с которым утренняя газета ударилась о дверь. Оживший сон, душераздирающий и зловещий, погрузился обратно в глубины, откуда пришел, оставив его пустым. Теперь его сознание начало заполняться всеми теми жалкими вещами, которые нашли там свой дом. Разрываясь между потерянным миром жалости и миром подлости, в котором он жил, Батлер вскочил с кровати, открыл дверь и поднял газету. Его затуманенные ото сна глаза пробежали по колонкам:

*ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА В ПОДАВЛЕННОМ СОСТОЯНИИ
ПРЫГНУЛА С ДЕВЯТОГО ЭТАЖА И РАЗБИЛАСЬ НАСМЕРТЬ.*

На мгновение ему показалось, что это иллюзия. Шрифт плотно прилегал к заголовку, сам заголовок исчез. Он протер глаза кулаком, затем пересчитал колонки и обнаружил, что соприкасаются две колонки, которые должны были бы обрамлять историю — но нет, вот она:

*ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА В ПОДАВЛЕННОМ СОСТОЯНИИ
ПРЫГНУЛА С ДЕВЯТОГО ЭТАЖА И РАЗБИЛАСЬ НАСМЕРТЬ.*

Он услышал, как уборщица ходит по коридору, и, подойдя к двери, распахнул ее настежь.

— Миссис Томас!

Пожилая негритянка в очках на шнурках подняла на него глаза от своего ведра.

— Посмотрите на это, миссис Томас! — воскликнул он. — Я что-то плохо вижу сегодня! Наверное, заболел. Что там написано! Посмотрите!

Он держал перед ней газету, и чувствовал, что его голос дрожит, как напряженные мускулы:

— Теперь скажите мне. Здесь написано: «Деловая женщина разбилась насмерть»? Вот здесь! Да?

Негритянка с любопытством взглянула на него и послушно склонила голову к странице.

— Действительно, написано, мистер Батлер.

— Да? — он провел рукой по глазам. — Теперь ниже этого. Там написано: «Миссис Джон Саммер»? Написано: «Миссис Джон Саммер»? Смотрите внимательно.

Она снова пристально посмотрела на него, прежде чем уткнуться в газету.

— Действительно, это так, мистер Батлер — «Миссис Джон Саммер».

Через минуту она добавила:

— Мистер Батлер, вы и впрямь больны.

Батлер закрыл дверь, вернулся в постель и лежал, уставившись в потолок. Через некоторое время он начал повторять свои заклинания вслух:

«Я не должен думать, что имею к этому какое-то отношение, потому что я этого не делал. Ей предложили другую работу, но она решила, что слишком хороша для нее. Что бы она сделала для меня в этой ситуации, будь на моем месте?»

Он подумывал позвонить в офис и сообщить, что заболел, но молодого Джорджа Эддингтона ожидали со дня на день, и он не осмелился. Мисс Висс вчера уехала в отпуск, и нужно ее было подменить. Заместитель не был знаком с миссис Саммер, так что он мог не опасаться обсуждения произошедшего.

Это был день нестерпимой жары, но строители в здании, возводимом на другой стороне улицы, не знали покоя: клепали, варили, что-то вбивали. На жаре диссонировал каждый звук, и к полудню Батлера затошнило и закружилась голова. Он решил вернуться домой и беспокойно расхаживал по своему кабинету, когда *это* началось. Он слышал, как часы за дверью его кабинета громко тикали в жаркой тишине, слышал негромкое жужжание, которое они издавали, отсчитывая час, и в тот же миг он услышал скрип пневматических петель, когда дверь в коридор распахнулась и кто-то вошел в приемную. Потом не раздалось ни звука.

На мгновение он понадеялся, что это был кто-то, кого ему предстояло увидеть. Затем он вздрогнул и понял, что боится, хотя и не знал почему, и направился к своей двери. Не дойдя до нее, он остановился. Снова послышался шум клепальной машины, но теперь он казался куда более отдаленным. Ему показалось, что часы в соседней комнате тоже остановились, но вот снова раздалось их тиканье, отсчитывающее долгие секунды в тишине.

Внезапно ему расхотелось знать, кто вошел в соседнюю комнату, и все же его непреодолимо потянуло это выяснить. В одном углу его двери был прозрачный участок, через который была видна почти вся приемная, но теперь Батлер обнаружил только крошечную царапину на нарисованной букве «Б» своего имени. Сквозь нее он мог видеть пол и маленький темный холл, выходящий в коридор, где были расставлены стулья для посетителей. Стиснув зубы, он приложил глаз к этой щели.

Под стулом он увидел чьи-то ноги крест-накрест, и на них пару женских коричневых туфель. Подошва одной туфли была повернута к нему, и он разглядел темную дырку на ней. Затаив дыхание, он двигался, пока его глаз не оказался у другой щели. В кресле кто-то сидел, точнее, скорчился, как будто его туда посадили и тут же смяли. Свисающая рука и то, что он мог разглядеть на лице, были бледно-прозрачные, а вся фигура застыла в оцепенении. Издав негромкий сдавленный звук, Батлер отскочил от двери.

III

Прошло несколько минут, прежде чем он смог отойти от стены, к которой прижался спиной. Ему было видно, что происходит снаружи. Он убедил себя, что, оставаясь совершенно неподвижным, притворяясь мертвецом, будет в безопасности. Но в приемной никто не шелохнулся и не издал ни единого звука, и через некоторое время здравомыслие заявило о себе. Затем он уверил себя, что все это результат нервного напряжения, что самое пугающее во всем этом — не сам фантом, а то, что его нервы расшатаны до такой степени, что вызывают нелепые видения. Но это его мало утешало: если ужас существует, то неважно, где он зародился — в другом мире или в темных уголках его собственного сознания.

Он начал предпринимать некоторые усилия, чтобы взять себя в руки. Во-первых, по-прежнему продолжался шум снаружи, его кабинет, его собственное тело были осязаемы, как всегда. Люди проходили по улице, мисс Руссо отвечала на колокольчик, который находился в пределах досягаемости его руки. Во-вторых, вероятно, существует какое-то естественное объяснение тому, что произошло, он не мог видеть лица целиком и не мог быть абсолютно уверен, что это было то, о чем он думал. В наши дни у многих в обуви картонка. В-третьих, — и он сам поразился тому, с каким хладнокровием он это обдумывал, — если дело дойдет до невыносимой точки, всегда можно покончить с собой, автоматически уничтожив весь тот ужас, который в него вселился.

Именно эта последняя мысль заставила его подойти к окну и посмотреть вниз на проходящих по тротуару людей. Он постоял там с минуту, не поворачиваясь к двери спиной, и наблюдал за проходящими мимо людьми и рабочими на стальных балках через дорогу. Сердце его стремилось к ним, он отчаянно пытался утвердить общую человечность, которую он разделял с ними, их общие радости и горести, но это было невозможно. В сущности, он презирал их, то есть не мог установить с ними никакой связи, в то время как его связь с существом в соседней комнате была глубокой и очевидной.

Внезапно Батлер резко развернулся, подошел к двери и приложил глаз к щели. Фигура сдвинулась, еще больше завалилась набок, кровь бросилась

ему в голову, когда он увидел, что лицо, обращенное теперь к нему, было лицом Сары Саммер.

Он обнаружил, что сидит за своим столом, склонившись над ним в приступе неудержимого смеха.

Он не знал, как долго просидел так, как вдруг услышал какой-то шум и через мгновение узнал в нем скрип петель наружной двери. Взглянув на часы, он увидел, что уже четыре часа.

Он позвонил мисс Руссо и, когда она пришла, спросил:

— Меня кто-нибудь ждет?

— Нет, мистер Батлер.

— А никто не приходил?

— Нет, сэр.

— Точно?

— Я выходила в архив, но дверь была открыта, если бы кто-нибудь приходил, я бы наверняка услышала.

— Хорошо. Спасибо.

Когда она выходила, он посмотрел ей вслед через открытую дверь. Теперь стул был пуст.

IV

В ту ночь он принял сильную дозу брома и заставил себя немного поспать, и с рассветом рассудок вновь обрел некое превосходство. Он пошел в офис не потому что чувствовал себя готовым к этому, а потому что знал, что больше никогда не сможет туда пойти. Он был рад, что ушел, когда поздно утром пришел мистер Джордж Эддингтон.

— Батлер, ты выглядишь больным, — сказал Эддингтон.

— Это всего лишь жара.

— Лучше сходи к врачу.

— Обязательно, — сказал Батлер, — но это пустяки.

— Что здесь произошло за последние две недели?

*ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА В ПОДАВЛЕННОМ СОСТОЯНИИ,
ПРЫГНУЛА С ДЕВЯТОГО ЭТАЖА И РАЗБИЛАСЬ НАСМЕРТЬ.*

— Очень мало, — сказал он вслух. — Мы переехали со склада на Двухсотой улице.

— Чья это была идея? — спросил он.

— Вашего брата.

— Я бы предпочел, чтобы вы обращались ко мне за подтверждением подобных распоряжений. Возможно, нам придется снова переехать.

— Мне очень жаль.

— Где мисс Висс? — спросил он.

— Ее мать больна, я дал ей трехдневный отпуск.

— И миссис Саммер нет... О, кстати, я хочу поговорить с вами об этом позже.

Сердце Батлера внезапно сжалось. Что он имел в виду? Неужели он видел газеты?

— Мне жаль, что мисс Висс в отпуске, — сказал Эддингтон. — Я хотел просмотреть все дела за последний месяц.

— Я заберу сегодня их домой и вечером изучу, — примирительно предложил Батлер. — А завтра мы их с вами посмотрим.

— Да, так и сделаем.

Эддингтон вскоре ушел. В его тоне Батлеру почудилось что-то тревожное — краткость человека, пытающегося подготовить себя к еще более суровым событиям. Сейчас было так много поводов для беспокойства, подумал Батлер, вряд ли стоит беспокоиться о стольких вещах. Он сидел за столом в какой-то безысходной апатии и к обеду понял, что за все утро так ничего и не сделал.

В час тридцать, когда он возвращался в офис с ланча, на него вдруг накатил ледяная волна ужаса. Он шел вслепую, а безжалостное солнце вело его по тропинке из враждебной черноты. Рев пожарной машины, прорезавший дрожащий воздух, был зловещим предзнаменованием событий из ночного кошмара. Он обнаружил, что кто-то закрыл окна в кабинете, и распахнул их настежь, чтобы увидеть раскаленные от солнца машины на противоположной стороне улицы. Затем, положив перед собой открытую бухгалтерскую книгу, он сел и стал ждать.

Прошло полчаса. Батлер услышал приглушенный стук пишущей машинки мисс Руссо в приемной и ее голос, говоривший по телефону. Он услышал, как стрелки часов со скрежежущим звуком перевалили за два часа, почти сразу же он посмотрел на свои часы и обнаружил, что уже полтретьего. Он вытер лоб, обнаружив, каким он может быть холодным. Проходили минуты. Затем он резко выпрямился, услышав, как медленно, со вздохом открылась и закрылась наружная дверь.

Одновременно он почувствовал, как что-то изменилось в окружающем мире, как будто он отвернулся от него, укорачиваясь и удаляясь, как вид из окна поезда. Он с трудом встал, подошел к двери и заглянул сквозь щелку в приемную.

Она была там, ее фигура прорезала тень на полу, он знал линию ее тела под платьем. Она ждала, когда он даст ей работу, чтобы она могла содержать себя, и чтобы ее сыну не пришлось отказываться от своих планов.

— Боюсь, что ничего нет. Приходите на следующей неделе. Между тремя и четырьмя.

— Я приду.

*В офисе внезапно воцарилось смятение, появился полицейский,
а за его спиной множество любопытных лиц.*

С трудом, собрав по закоулкам последний запас сил, Батлер взял себя в руки и снял трубку. Теперь он увидит, он увидит.

— Мисс Руссо.

— Да, мистер Батлер.

— Если кто-то ждет встречи со мной, пожалуйста, впустите его

— К вам никого нет, мистер Батлер. Там...

Издав сдавленный звук, он повесил трубку, подошел к двери и распахнул ее настежь.

Бесполезно, она была там, ясно различимая, отчетливая и яркая, как в жизни. И пока он смотрел, она медленно поднялась, ее темные одежды ниспадали на нее, как покрывала, — встала и посмотрела на него со слабой улыбкой, как будто наконец и слишком поздно, он собирался помочь ей. Он сделал шаг назад.

Теперь она медленно приближалась к нему, пока он не смог разглядеть морщинки на ее лице, золотистые волосы с сединой под шляпкой.

С прерывистым криком он отскочил назад так, что дверь захлопнулась. Одновременно он понял, что в самой логике, которая привела его к этому, есть что-то неправильное, но было уже слишком поздно. Он пробежал по кабинету, как испуганная кошка, и с каким-то радостным предчувствием небытия шагнул в темноту за окном. Даже если бы он осознал тот страшный факт, к которому стремился, — тот факт, что уборщица, читавшая ему газету, не умела ни читать, ни писать, — было уже слишком поздно, чтобы это повлияло на него. Он уже был слишком поглощен смертью, чтобы связать ее с чем-либо или думать, как она может повлиять на ситуацию.

V

Миссис Саммер не стала заходить в кабинет Батлера. Она не жаждала с ним встречи, но пришла сюда по вызову мистера Эддингтона, и ее встретил сам Эддингтон, который отвел ее в сторону, сказав:

— Я сожалею обо всем этом, — он указал на кабинет Батлера. — Мы отпускаем его. Мы только недавно узнали, что он уволил вас практически по собственной прихоти. Учитывая количество ваших идей, которые мы используем, мы никогда не думали о вашем увольнении. Все так запуталось.

— Я приходила сюда вчера, — сказала миссис Саммер. — Но тут никого не было. Должно быть, я потеряла сознание прямо в кресле, потому что только час спустя я очнулась, а потом была слишком уставшей, чтобы что-либо делать, кроме как идти домой.

— Мы еще посмотрим, — мрачно сказал Эддингтон. — Мы... Это одна из тех вещей...

Он замолчал. В офисе внезапно воцарилось смятение, появился полицейский, а за его спиной множество любопытных лиц.

— В чем дело?.. Здравствуйте. Кажется, здесь что-то не так. В чем дело, офицер?

ЧАША

I

В моей группе в Принстоне был парень, который никогда не ходил на футбольные матчи. Субботние послеобеденные часы он проводил, вникая в подробности постоянных стычек первых христиан с дикими зверями при Антонинах и изучая изображения древнегреческих атлетов. Недавно, через несколько лет после окончания колледжа, он открыл для себя футболистов и теперь делает с них офорты в манере покойного Джорджа Беллоуза. А когда-то он этих футболистов на дух не переносил, и я начал подозревать его в оригинальности суждений о том, что красиво, что примечательно и что интересно.

Я наслаждался футболом как зритель, как любитель-статист и как не самый удачливый игрок: я играл в команде подготовительной группы, и однажды в школьной газете даже появился заголовок: «Диринг и Маллинз выиграли у Тафта в напряженной субботней игре». Когда я пришел на обед после матча, вся школа встала и захлопала, а приглашенный тренер пожал мне руку и предсказал ошибочно, что обо мне еще услышат. Этот эпизод отложился в самых приятных уголках моей памяти. В тот год я сильно вытянулся и стал таким худым, что, когда следующей осенью в Принстоне я с тревогой оглядел других кандидатов-первокурсников и, увидев вежливое пренебрежение, с которым они смотрели на меня, понял, что с футболом покончено. Кин сказал, что мог бы сделать из меня очень хорошего прыгуна с шестом, и он сделал, но это была скверная замена, и мое ужасное разочарование оттого, что я не стану великим футболистом, вероятно, и стало основой моей дружбы с Долли Харлан. Я хочу начать этот рассказ о Долли с небольшого пересказа игры Йельского университета в Нью-Хейвене, произошедшей на втором курсе.

Это была первая крупная игра Долли, и он был заявлен на позицию полузащитника. Я жил с ним в одной комнате и почуял что-то особенное в его душевном состоянии, поэтому не спускал с него глаз в течение всего первого

тайма. В полевой бинокль я мог видеть выражение его лица: оно было напряженным и недоверчивым, как в день смерти его отца, и оставалось таким еще долго после того, как всякая нервозность успела улечься. Я подумал, что он болен, и удивился, почему Кин не заметил и не увел его с поля. Только позже я узнал, в чем было дело.

Дело было в Йельской Чаше. Ее размер, ее замкнутая форма, высота ее трибун начали действовать на нервы Долли, еще когда команда тренировалась там накануне. На этой тренировке он чуть ли не впервые в своей жизни пропустил два мяча и начал думать, что это из-за Чаши.

Существует болезнь, называемая агорафобией — боязнь толпы; сейчас появилась другая, называемая поездодобией — боязнь поездов по железной дороге, — и мой друг доктор Глок, психоаналитик, вероятно, легко бы объяснил душевное состояние Долли. Но вот что Долли сам рассказал мне потом:

«Йель как будто гипнотизировал меня. В ту минуту, когда я поднимал взгляд на летящий мяч, стенки этой чертовой Чаши, казалось, тоже поднимались вверх. Затем, когда мяч начал опускаться, стенки чертовой Чаши начали как-бы закрываться, словно створки раковины, пока я не увидел людей на верхних трибунах, которые кричали на меня и трясли кулаками. В последние минуты я вообще не мог видеть мяч, а видел только Чашу. Каждый раз мне просто везло, что я принимал пас и ловко жонглировал мячом в руках».

Возвращаясь к игре. Я был среди болельщиков, у меня было хорошее место на сорокаярдовой линии — хорошее, если не считать того, что один негодник вставал передо мной в перерывах и кричал: «Стоб Тэд Кой!» — вероятно под впечатлением от игры, сыгранной много лет назад. Когда он наконец понял, что смешон, то начал паясничать перед нами и вызвал целый взрыв негодования, свиста и улюлюканья, пока его не заташили под трибуну.

Это была отличная игра, та, что в университетских изданиях называется исторической. Фотография команды, которая тогда играла, теперь висит в каждой парикмахерской Принстона. На ней капитан Готлиб, стоящий посередине, был одет в белый свитер, подтверждающий, что они выиграли. У Йеля было неудачное начало, но первая четверть закончилась со счетом 3:0 в их пользу, и назревал перелом.

В перерывах между четвертями я наблюдал за Долли. Он ходил по кругу, тяжело дыша и посасывая бутылку с водой, все с тем же напряженным и ошеломленным выражением лица. Позже он сказал мне, что снова и снова повторял себе: «Я поговорю с Роупером. Я должен с ним поговорить. Я скажу ему, что больше не вытерплю этого». Уже несколько раз он испытывал почти непреодолимое желание пожать плечами и уйти с поля, потому что дело было не только в Чаше и ее гипнотизме, правда заключалась в том, что Долли люто ненавидел сам футбол.

Он ненавидел долгий, скучный период тренировок, требовательность к личному времени, монотонность рутины и нервное предчувствие катастрофы непосредственно перед финалом. Иногда он воображал, что все

остальные ненавидят игру так же сильно, как и он, и борются со своим отвращением так же, как и он — носят его внутри себя, как раковую опухоль, которую боятся распознать. Иногда ему представлялось, что какой-нибудь парень вдруг сорвет маску увлеченности и скажет: «Долли, ты тоже, как и я, ненавидишь эти паршивые тренировки»?

Эти чувства зародились еще в школе Сент-Реджис, и он приехал в Принстон с мыслью, что с футболом покончено навсегда. Но старшекурсники, учившиеся с ним в Сент-Реджисе, продолжали останавливать его в кампусе и спрашивать, сколько он весит, и он был выдвинут на пост вице-президента нашего класса благодаря своей спортивной репутации — и это было осенью, когда в воздухе витали прежние успехи. Однажды днем он забрел на тренировку первокурсников, чувствуя себя каким-то потерянным и неудовлетворенным, понюхал газон и ощутил аромат начинающегося сезона. Через полчаса он зашнуровывал пару одолженных ботинок, а две недели спустя стал капитаном команды первокурсников.

Приняв решение играть, он понял, что совершил ошибку, Долли даже подумывал об уходе из колледжа. Ибо, приняв решение играть, он взял на себя моральную ответственность, причем личную. Проиграть или подвести, или быть подведенным было для него просто невыносимо. Это оскорбляло его шотландские чувства. Зачем целый час обливаться кровавым потом, чтобы в финале потерпеть поражение?

Возможно, хуже всего было то, что он не был по-настоящему «звездным» игроком. Ни одна команда страны не пожелала бы взять его, он не умел делать ничего выдающегося: ни бегать, ни пасовать, ни бить. В нем было пять футов одиннадцать дюймов роста, а весил он немногим больше ста шестидесяти фунтов. Он был первоклассным защитником, уверенным в себе, хорошо пробивал с линии и отбивал мяч. Он никогда не терялся и всегда был адекватен, его присутствие, его постоянная холодная уверенная агрессия оказывали сильное воздействие на других игроков. Морально он был капитаном любой команды, в которой играл, и именно поэтому Роупер весь сезон тратил столько времени на то, чтобы добиться от него более удачных бросков — в предстоящем матче он видел его на поле.

Во второй четверти оборона Йельского университета начала давать трещину. Это была посредственная команда, состоящая из хороших игроков, но не сыгранная из-за травм и предстоящих изменений в тренерской системе Йельского университета. Квотербек Джош Логан был бы настоящим чудом в Эксетере — я могу засвидетельствовать это, — где матчи можно выигрывать благодаря абсолютной уверенности и духу одного человека. Но студенческие команды слишком плохо организованы, чтобы реагировать так просто и по-мальчишески, и они не так легко восстанавливаются после промахов и ошибок.

Итак, Принстон, сильно кряхтя и напрягаясь, неуклонно продвигался по полю. На двадцатиярдовой линии Йельского университета внезапно

произошли странные события. Пас Принстона был перехвачен, игрок Йеля, обрадованный собственной возможностью, бросил мяч, и он полетел в направлении ворот Йельского университета. Джек Девлин и Долли Харлан из Принстона и кто-то — я забыл, кто именно — из Йеля были примерно на одинаковом расстоянии от этого. То, что Долли сделал за мгновение, было чисто инстинктивным действием — для него это не представляло никакой проблемы. Он был прирожденным спортсменом, и в критической ситуации его спинной мозг думал за него. Он мог бы догнать двух других игроков, вместо этого он с невероятной точностью вырубил йельца, в то время как Девлин подхватил мяч и пробежал десять ярдов для тачдауна.

Это было тогда, когда любители спорта все еще смотрели на игры глазами Ральфа Генри Барбура. Ложа для прессы была прямо за моей спиной, и когда Принстон выстроился в линию, чтобы забить гол, я услышал, как обозреватель спросил кого-то:

— Кто под двадцать вторым номером?

— Харлан.

— Харлан собирается забить мяч. Девлин, совершивший тачдаун, учится в школе Лоуренсвилла. Ему двадцать лет. Мяч точно прошел между перекладинами.

В перерыве между таймами, когда Долли, дрожа от усталости, сидел в раздевалке, Литтл, тренер задней линии, подошел и сел рядом с ним.

— Харлан, ты должен быть очень внимательным, — сказал Литтл. — Этот здоровяк Хавмейер может выбить мяч прямо у тебя из рук.

Сейчас было самое время сказать это: «Я хочу, чтобы вы передали Билу...». Но слова сами собой превратились в банальный вопрос о направлении ветра. Его чувство можно было бы объяснить, вникнуть в него, но на это не было времени. Его собственное «я» казалось менее важным в этой комнате, пропитанной усталым дыханием еще десяти изможденных парней. Он был пристыжен внезапной резкой ссорой, вспыхнувшей в раздевалке, он негодовал на бывших игроков в зале — особенно на капитана-выпускника двухлетней давности, который был немного жесток и чрезмерно горяч по поводу судейства. Казалось ужасным добавлять что-то еще ко всему этому напряжению и раздражению. Но он все равно еще мог бы признаться в нежелании выходить на поле, если бы Литтл не повторял вполголоса: «Какой вынос, Долли! Какая красивая подача!», и, если бы не рука Литтла, похлопывающая его по плечу.

II

В третьей четверти Джо Догерти легко забил штрафной с двадцати ярдов, и мы чувствовали себя в безопасности, пока ближе к сумеркам серия отчаянных передач не приблизила Йель к победе. Но Джош Логан исчерпал

свою бравату, и в конце концов защита его перехитрила. Когда прибежали запасные, Принстон начал победный бросок на поле. Затем все внезапно закончилось, и толпа хлынула с трибун, а Готлиб, схватив мяч, подпрыгнул в воздух. Какое-то время все это казалось невероятным. Я видел, как несколько первокурсников пытались нести Доли, но он застеснялся и убежал.

Нас всех охватил невероятный подъем. Мы не побеждали Йель в течение трех лет, и теперь восторг вскружил нам головы. Это означало хорошую зиму в колледже, что-то приятное, о чем можно вспоминать сырыми холодными вечерами после Рождества, когда унылость воцаряется в университетском городке. Внизу, на поле, импровизированная и шумная команда зрителей разыгрывала дерби, но потом разошлась. Выйдя из Чаши, я увидел, как два ужасно мрачных студента Йельского университета садятся в ожидающее такси и тоном окончательного отречения говорят водителю: «В Нью-Йорк». Вы нигде не могли встретить студентов из Йеля — побежденные йельцы мгновенно растворились без остатка.

Я начал рассказ о Доли со своих воспоминаний об этой игре, потому что в тот вечер в его жизнь вошла девушка. Она была подругой Джозефины Пикман, и мы вчетвером собирались поехать на «Полуночную забаву» в Нью-Йорк. Когда я предположил, что он, наверное, слишком устал, он сухо рассмеялся — в тот вечер он пошел бы куда угодно, лишь бы выбросить из головы ощущения от игры. Он пришел к Джозефине в половине седьмого, выглядя так, словно провел весь день в парикмахерской, если не считать маленькой и привлекательной полоски пластыря под глазом. Во всяком случае, он был одним из самых красивых парней, которых я когда-либо знал. В верхней одежде он казался высоким и стройным, волосы у него были темные, глаза большие, чувственные и карие, нос с горбинкой и, как и все его черты, немного романтические. Тогда мне это не приходило в голову, но я полагаю, что он был не то, чтобы тщеславный, а себе на уме, так как всегда одевался в коричневое или светло-серое, с черным галстуком, а люди не случайно так удачно подбирают себе пару.

Входя, он слегка улыбался сам себе. Он жизнерадостно пожал мне руку и сказал в шутиливой форме:

— О, мистер Диринг, какой сюрприз встретить тебя здесь.

Затем он увидел двух девушек в холле, одну темноволосую и сияющую, как он сам, и другую с золотыми волосами, которые искрились в свете камина, и сказал самым счастливым голосом, который я когда-либо слышал:

— Которая из них моя?

— Выбирай на свой вкус.

— Серьезно? Которая из них Пикман?

— Золотистая.

— Тогда другая моя. Разве не так?

— Я думаю, мне лучше предупредить их о том, в каком ты состоянии.

Мисс Торн, маленькая, раскрасневшаяся и прелестная, стояла у камина. Долли подошел прямо к ней.

— Ты моя, — сказал он, — отныне ты принадлежишь мне.

Она холодно посмотрела на него, принимая решение, внезапно он ей понравился, и она улыбнулась. Но Долли это не удовлетворило. Ему хотелось сделать что-нибудь невероятно глупое или поразительное, чтобы выразить свое несказанное ликование по этому поводу.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Он взял ее за руку, его карие бархатные глаза смотрели на нее нежно и убедительно: «Я люблю тебя».

На мгновение уголки ее губ опустились, словно в смятении оттого, что она встретила кого-то более сильного, чем она сама, уверенного в себе, бросающего ей вызов. Затем, когда она овладела собой, он отпустил ее руку, и маленькая сцена, в которой он израсходовал напряжение этого дня, закончилась.

Стояла ясная холодная ноябрьская ночь, и поток воздуха, обдувавший открытую машину, вызывал смутное возбуждение, ощущение, что мы на предельной скорости мчимся навстречу блестящей судьбе. Дороги были забиты машинами, которые надолго останавливались, в то время как полиция, ослепленная фарами, ходила взад и вперед, отдавая непонятные команды. Не прошло и часа, как Нью-Йорк превратился в далекое туманное зарево на фоне неба.

Мисс Торн, как сказала мне Джозефина, была из Вашингтона и только что вернулась из поездки в Бостон.

— Чтоб попасть на футбол? — спросил я.

— Нет, она не ходила туда.

— Зря. Если бы я знал, то мог бы занять отличное место...

— Она бы не пошла. Виена никогда не ходит на футбол.

Теперь я вспомнил, что она даже не пробормотала обычных поздравлений Долли.

— Она ненавидит футбол. Ее брат погиб во время игры в подготовительной школе в прошлом году. Я не хотела ее сегодня тревожить, но, когда мы вернулись домой, я увидела, что она весь день просидела с книгой, открытой на одной и той же странице. Видишь ли, он был замечательным парнем, и она видела, как это произошло, и, естественно, так и не смогла с этим смириться.

— Но она не возражает быть с Долли?

— Конечно, нет. Она просто игнорирует футбол. Если кто-нибудь упоминает о нем, она просто меняет тему.

Я был рад, что сзади рядом с ней сидел Долли, а не, скажем, Джек Девлин. И мне стало немного жаль Долли. Как бы она ни относилась к футболу, он, должно быть, ждал от нее похвалы за приложенные усилия.

Вероятно, он отдавал ей должное за тонкую предусмотрительность, но, я думаю, он бы обрадовался бы комплименту с ее стороны, на который мог бы ответить: «Какая чепуха!»

Я обернулся и был несколько удивлен, обнаружив, что мисс Торн находится в объятиях Долли, я быстро отвернулся и решил предоставить им самим позаботиться о себе.

Пока мы ждали светофора на верхнем Бродвее, я увидел счет матча в заголовке газеты. Зеленый лист газеты был более реальным, чем сам день, — лаконичным, сжатым и ясным:

ПРИНСТОН ПОБЕЖДАЕТ ЙЕЛЬ СО СЧЕТОМ 10:3
СЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ НАБЛЮДАЮТ, КАК ТИГР ОТДЕЛЫВАЕТ
БУЛЬДОГА
ДЕВЛИН НАБИРАЕТ ОЧКИ, ПЕРЕХВАТИВ МЯЧ ЙЕЛЯ

Это было не так, как днем, — сумбурно, неопределенно, разрозненно и обрывочно, здесь было передано самое важное:

ПРИНСТОН — 10, ЙЕЛЬ — 3

«Успех — любопытная вещь», — подумал я. Долли был в значительной степени ответственен за выигрыш. А в заголовках молчок. Я задался вопросом, правильно ли расставлены акценты в заголовках газет? Как будто люди должны спрашивать: «На что это похоже?», «Это больше всего похоже на кошку», «Ну, тогда давай назовем это кошкой».

Мое сознание, просветленное огнями города и веселой суматохой, вдруг осознало, что все свершения на самом деле заключаются в верной расстановке акцентов: а именно, в придании беспорядку жизни правильной формы.

Джозефина остановилась перед театром «Новый Амстердам», где ее шофер встретил нас и забрал машину. Мы пришли рано, но среди студентов, ожидавших в вестибюле, поднялся легкий гул возбуждения — «А вот и Долли Харлан», — и когда мы направились к лифту, несколько знакомых подошли пожать ему руку. Мисс Торн, видимо, не обращая внимания на эти церемонии, поймала мой взгляд и улыбнулась. Я с любопытством посмотрел на нее: Джозефина сообщила довольно удивительную информацию о том, что ей всего шестнадцать лет. Наверное, моя ответная улыбка была довольно покровительственной, но я тут же понял, что сглушил. Несмотря на всю теплоту и нежность ее лица и фигуры, которая почему-то напомнила мне изящную, романтизированную маленькую балерину, в ней было некое качество, твердое, как сталь. Она воспитывалась в Риме, Вене и Мадриде, изредка в Вашингтоне. Ее отец был одним из тех очаровательных американских дипломатов, которые с прекрасным упрямством пытаются воссоздать Старый мир в своих детях, делая их образование более королевским, чем у принцев. Мисс Торн была утонченной девушкой. Несмотря на всю безудержность американской молодежи, утонченность по-прежнему остается континентальной монополией.

Мы вошли, когда исполнялся номер, в котором дюжина хористок в оранжевом и черном гоняли наперегонки на деревянных лошадках с другой дюжиной, одетых в синее, изображающих йельцев. Когда зажегся свет, Долли узнали, и несколько студентов Принстона одобрительно застучали маленькими деревянными молоточками, которые раздавали для аплодисментов. Он без лишней скромности отодвинул свой стул в тень.

Почти сразу же рядом с нашим столиком возник раскрасневшийся и очень несчастного вида молодой человек. Возможно, он был очень привлекателен, но не сейчас, более того, он одарил Долли очаровательной и ослепительной улыбкой, как бы прося у него разрешения поговорить с мисс Торн.

Затем он произнес:

— Я думал, ты не будешь сегодня вечером в Нью-Йорке.

— Привет, Карл.

Она холодно посмотрела на него снизу вверх.

— Привет, Виена. В этом-то все и дело: «Привет, Виена — привет, Карл». Но почему? Я думал, тебя не будет сегодня вечером.

Мисс Торн не сделала ни малейшего движения, чтобы представить этого человека, но мы услышали, что он несколько повысил голос.

— Ты же мне говорила, что не сможешь приехать сегодня.

— Я и не собиралась, дитя мое. Я только сегодня утром выехала из Бостона.

— И с кем же ты общалась в Бостоне — с очаровательным Тунти? — спросил он.

— Я ни с кем не общалась, дитя мое.

— О да! Я, прям, и поверил! Ты болтала и обсуждала жизнь на Ривьере с обаятельным Тунти!

Она не ответила.

— Почему ты лжешь, Виена? — продолжал он. — Почему ты сказала мне по телефону...

— Я не собираюсь выслушивать нотации, — сказала она, внезапно изменив тон. — Я сказала тебе, что, если ты выпьешь еще хоть раз, я с тобой расстанусь. Я человек слова и была бы безмерно счастлива, если бы ты исчез немедленно.

— Виена! — воскликнул он упавшим, дрожащим голосом.

В этот момент я ушел танцевать с Джозефиной. Когда мы вернулись, за столом уже сидели еще несколько человек, на попечение которых мы собирались оставить наших друзей. Один из них был композитор Аль Ратони, которого, как оказалось, принимали в посольстве в Мадриде. Долли Харлан отодвинул свой стул и наблюдал за танцующими. Как раз в тот момент, когда свет был погашен для нового номера, из темноты появился мужчина и, наклонившись к мисс Торн, что-то прошептал ей на ухо. Она вздрогнула и сделала движение, чтобы встать, но он положил руку ей на плечо и заставил опуститься. Они начали переговариваться тихими взволнованными голосами.

Зал был набит битком, и я не мог не услышать, как за соседним столиком кто-то сказал:

— Молодой человек только что пытался покончить с собой в туалете. Он прострелил себе плечо, но они забрали пистолет до того, как...

Минуту спустя я снова услышал его голос:

— Его зовут Карл Сандерсон.

Когда номер закончился, я огляделся. Виена Торн очень пристально смотрела на мисс Лилиан Лоррейн, которая поднималась к потолку в виде огромной куклы-телефона. Человек, склонившийся над Виеной, исчез, а остальные пребывали в полном неведении о происшествии. Я повернулся к Долли и предложил, что нам с ним лучше уйти, и после его взгляда на Виену, в котором смешались нежелание, усталость, а затем и покорность судьбе, он согласился. По дороге в отель я рассказал Долли о том, что произошло.

— Просто он напоролся до чертиков, — заметил он после минутного утомительного раздумья. — Вероятно, пытался обратить на себя внимание и получить немного сочувствия. Наверное, с такими вещами постоянно сталкиваются привлекательные девицы.

У меня было другое мнение. Я видел перед глазами растрепанную белую рубашку, забрызганную молодой кровью, но не стал спорить, и через некоторое время Долли сказал:

— Я полагаю, это звучит жестоко, но мне это кажется поступком безвольного и слабого человека. Не так ли? Именно так сегодня вечером я себя и чувствую.

Когда Долли разделся, я увидел, что он весь в синяках, но он заверил, что ему совершенно не больно и что они не мешают ему заснуть. Потом я объяснил ему, почему мисс Торн не упомянула об игре, и он внезапно встретился, знакомый блеск вернулся в его глаза.

— Так вот что это было! А я-то думал, что это ты велел ей ничего не расспрашивать об игре.

Позже, через полчаса, как я выключил свет, он вдруг громким ясным голосом сказал:

— Я понимаю.

Я не знаю, бодрствовал он или спал.

III

Я записал все, насколько смог вспомнить, о первой встрече Долли и мисс Виены Торн. Перечитывая, я понимаю, что это звучит буднично и незначительно, но тот вечер прошел в тени футбольного матча, и поэтому все произошедшее, казалось именно таким. Виена почти сразу же вернулась в Европу и на пятнадцать месяцев исчезла из жизни Долли.

Это был хороший год, он до сих пор остается в моей памяти. Второй курс — самый драматичный в Принстоне, так же, как первый в Йеле. Это не только выборы в братства, но и судьба каждого начинает решаться сама собой. Вы можете довольно хорошо определить, кто добьется успеха, не только по их достижениям, но и по тому, как они переживают неудачу. Жизнь в том году была для меня очень насыщенной. Я вошел в члены правления студенческой газеты; наш дом в Дейтоне сгорел дотла; у меня была беспричинная получасовая драка в спортзале с парнем, который позже стал одним из моих самых близких друзей, а в марте мы с Долли вступили в братство, в которое стремились. Я также влюбился, но рассказывать об этом здесь было бы неуместно.

Наступил апрель, и пришла первая настоящая принстонская погода, ленивые зелено-золотые послеполуденные часы и яркие волнующие ночи, наполненные пением старшекурсников. Я был счастлив, и Долли был бы счастлив, если бы не приближение очередного футбольного сезона. Он играл в бейсбол, что освобождало его от весенней тренировки, но вдалеке уже были слышны звуки футбольных матчей. Летом они достигли пика, и ему приходилось по дюжине раз на день отвечать на вопрос: «Когда собираешься заняться футболом?». Пятнадцатого сентября ему пришлось окунуться в пыль и жару Принстона, он ползал на четвереньках, выполнял обычную рутину тренировок и постепенно превращался в «настоящего» футболиста. Я на это потратил бы десять лет своей жизни.

С самого начала и до последнего он ненавидел тренировки, но не унывал ни на минуту. Той осенью он вышел на игру в Йельском университете с весом сто пятьдесят три фунта, хотя это был не тот вес, который был указан в газете, и он и Джо Макдональд были единственными парнями, которые играли на протяжении всей игры, окончившейся катастрофой. Он мог бы стать капитаном, просто подняв палец, и переломить ход матча, но не стал. Это было связано с некоторыми вещами, о которых я знаю, но не имею права рассказывать. Единственное, что его ужасало, — что ему придется с этим смириться. Два сезона! Он даже сейчас не говорит об этом. Он покидал комнату или клуб, когда разговор заходил о футболе. Он перестал заявлять мне всякий раз, что «больше не собирается заниматься этим делом». Ему потребовались целые рождественские каникулы, чтобы изгнать из его глаз это несчастное выражение.

Затем на Новый год мисс Виена Торн приехала домой из Мадрида, и в феврале парень по имени Кейс привел ее на выпускной бал.

IV

Она была еще красивее, чем раньше, мягче, по крайней мере, внешне, и пользовалась огромным успехом. Люди, проходившие мимо нее по улице, быстро поворачивали головы, чтобы посмотреть на нее — их взгляд выражал

чувство, что они чуть не пропустили чудо. Она сказала мне, что уже устала от европейских пижонов, дав мне понять, что у нее была какая-то неудачная любовная интрижка. Следующей осенью она собиралась переехать в Вашингтон.

Виена и Долли. Она исчезла с ним на два часа из танцевального клуба, и Гарольд Кейс был в отчаянии. Когда в полночь они вернулись, я подметил, что это самая красивая пара, которую я видел. Они оба излучали то особое сияние, которое иногда бывает у смуглых людей. Гарольд Кейс бросил на них косой взгляд и гордо ретировался домой.

Виена вернулась неделю спустя исключительно для того, чтобы повидаться с Долли. Поздно вечером того же дня мне представился случай подняться в опустевший клубный зал за книгой, и они окликнули меня с задней террасы, с которой открывался вид на призрачный стадион и на безлюдный ночной простор. На улице была оттепель, дул теплый ветерок, и везде, где было достаточно светло, можно было видеть, как блестят и падают капли. Можно было почувствовать, как от звезд исходит холодок, а голые деревья и кустарники около Стоуни-Брук в темноте кажутся намного пышнее.

Они сидели вместе на плетеной скамейке, довольные собой, романтические и счастливые.

— Мы должны были кому-то рассказать об этом, — сказали они.

— Это все? Теперь я могу идти? — произнес я с издевкой.

— Нет, Джефф, — настаивали они, — оставайся здесь и завидуй нам. Мы находимся на той стадии, когда хотим, чтобы кто-то нам завидовал. Как ты думаешь, мы подходим друг другу?

Что я мог сказать?

— Долли собирается закончить Принстон в следующем году, — продолжала Виена, — а осенью, после окончания сезона, мы собираемся объявить о нашей помолвке в Вашингтоне.

Я испытал смутное облегчение, узнав, что это будет не скоро.

— Ты мне импонируешь, Джефф, — сказала Виена. — Я хочу, чтобы у Долли было больше таких друзей, как ты. Ты стимулируешь его — у тебя куча идей. Я сказала Долли, что он, вероятно, смог бы найти других таких же, как ты, среди однокурсников.

Мы с Долли оба почувствовали себя немного неуютно.

— Она не хочет, чтобы я был простым обывателем, — беспечно сказал он.

— Долли само совершенство, — заявила Виена. — Он самое прекрасное существо, которое когда-либо жило, и ты увидишь, что я очень хорошо к нему отношусь, Джефф. Я уже помогла ему определиться с одной важной вещью.

Я догадался, что последует дальше.

— В следующий раз, когда они станут приставать к нему по поводу футбола, у него уже будет заготовлен нужный ответ, не так ли, дитя мое?

— Нет, Джефф, — настаивали они, — оставайся здесь и завидуй нам. Мы находимся на той стадии, когда хотим, чтобы кто-то нам завидовал.

— О, они не станут приставать ко мне, — смущенно сказал Долли.

— Разве...

— Ну, они попытаются принудить тебя к этому морально.

— Нет, я не думаю, — возразил он. — Все совсем не так. Давай не будем говорить об этом сейчас, Виена. Сегодня такая чудесная ночь.

Такая великолепная ночь! Когда я думаю о своих собственных любовных приключениях в Принстоне, я всегда вспоминаю ту ночь и Долли, как будто это я, а не он, сидел там, держа в объятиях юность, надежду и красоту.

Мать Долли уехала на лето в Рэмз-Пойнт на Лонг-Айленде, и в конце августа я отправился на Восток навестить его. Виена пробыла там неделю, когда я приехал, и мои впечатления были таковы: во-первых, он был очень сильно влюблен; и, во-вторых, Виена была словно распустившийся цветок. В доме у Долли был проходной двор, приходила куча малознакомого народа, чтобы украдкой посмотреть на Виену. Сейчас я бы не возражал против них,

я стал более искушенным, но тогда они казались черными тучами на ясном летнем небе. Все они были в той или иной степени знамениты, и только от тебя зависело узнать как. Было много разговоров, и особенно много обсуждений личности Виены. Всякий раз, когда я оставался наедине с кем-нибудь из гостей, мы обсуждали искрометную личность Виены. Они считали меня скучным, и большинство из них считали скучным Долли. Он был лучше в своем деле, чем кто-либо из них в своем, но это было единственное занятие, о котором никогда не упоминалось. Тем не менее, я смутно чувствовал, что общение с этими людьми мне на пользу, и в следующем году хвастался тем, что знаком с большинством из них, и раздражался, когда люди не узнавали их имен.

За день до моего отъезда Долли подвернул лодыжку, играя в теннис, и потом довольно мрачно пошутил по этому поводу.

— Если бы я только сломал ее, все было бы намного проще. Еще бы немного, и перелом мне был обеспечен. Кстати, взгляни сюда.

Он протянул мне письмо. Это было вызов в Принстон на тренировки. Там говорилось, что его ждут к пятнадцатому сентября, и что ему уже пора приводить себя в хорошую форму.

— Ты же не собираешься играть этой осенью?

Он покачал головой.

— Нет. Я больше не ребенок. Я играю уже два года и хочу этот год посвятить себе и учебе. Если я соглашусь снова, это будет проявлением моральной трусости.

— Я не спорю, но... Ты думал бы так же, если бы не Виена?

— Конечно, Виена здесь ни при чем. Если я позволю запугать себя, я перестану уважать себя.

Две недели спустя я получил следующее письмо:

«Дорогой Джефф!

Когда ты прочтешь это, то будешь несколько удивлен. Я в самом деле сломал лодыжку, играя в теннис. Сейчас я даже на костылях не могу ходить; пока я пишу, моя нога лежит рядом со мной на стуле, распухая, вся в гипсе и размером с дом. Никто, даже Виена, не знает о нашем разговоре на ту же тему прошлым летом, и поэтому давай забудем о нем навсегда. Одно «но» — перелом лодыжки не лучшая на свете вещь, я этого раньше не знал.

Я чувствую себя счастливее, чем когда-либо за последние годы — никаких тренировок, никакого пота и страданий, только небольшой дискомфорт и мелкие неудобства, но зато я свободен. Я чувствую себя так, будто перехитрил кучу людей, и никто об этом не знает, кроме твоего макиавеллиевского (sic) друга,

Долли.

P.S. Можешь порвать это письмо».

Это было совсем не похоже на Долли.

V

Однажды в Принстоне я спросил Фрэнка Кейна, который торгует спортивными товарами на Нассау-стрит, может ли он навскидку назвать фамилию любого квотербека с 1901 года, что сейчас происходит с командой Боба Татнелла; ее игроки заканчивали обучение в этом году.

— Травмы и невезение, — сказал он. — Они потеряли волю к победе и не хотят выкладываться. Взять, к примеру, Джо Макдональда, за год до этого ставшего лучшим защитником. Он выглядит выдохшимся и стал медлительным и он знает это, но ему все равно. Удивительно, что Билл вообще продержал его в этой команде весь сезон.

Я сидел на трибуне рядом с Долли и наблюдал, как они обыграли команду Лихайского университета со счетом 3:0 и по счастливой случайности сыграли вничью с Университетом Бакнелла. На следующей неделе Университет Нотр-Дам обыграл нас со счетом 14:0. В день этого матча Долли был в Вашингтоне с Виеной, но когда он вернулся на следующий день, ему стало весьма любопытно узнать про игру. Он скупил все спортивные газеты, сидел, читал и качал головой. Потом он неожиданно выбросил их в корзину для мусора.

— В этом колледже все помешались на футболе, — вдруг объявил он. — Ты знаешь, что английские команды даже не тренируются?

В те дни поведение Долли мне не нравилось. Было любопытно видеть, как ему нечем заняться. Впервые в своей жизни он слонялся без дела — по комнате, по клубу, по случайным группам студентов — он, который всегда куда-то стремился. Однажды во время прогулки вокруг него собралась толпа однокурсников, желающих прогуляться с ним, а группы новичков провожали его глазами, как святыню. Он стал более открытым, со всеми стремился завязать разговор, но это было как-то неуместно. Он объяснил мне это тем, что хотел познакомиться с большим количеством парней на курсе.

Но люди хотят, чтобы их кумиры были немного выше их самих, а Долли был своего рода их кумиром. Он начал ненавидеть одиночество, и это, конечно, больше всего бросалось мне в глаза. Если я вставал, чтобы выйти, а он случайно не писал письмо Виене, то довольно встревоженно спрашивал: «Ты куда?» — и находил предлог, чтобы отправиться вместе со мной. Однажды я внезапно его спросил:

— Долли, ты доволен, что бросил тренировки?

Он посмотрел на меня с упрёком, но в глазах я заметил вызов.

— Конечно, я это давно хотел сделать.

— А я все равно хочу видеть тебя на поле.

— Это невозможно. В этом году игра в Чаше, а это не мое.

За неделю до матча с командой ВМС он вдруг стал ходить на тренировки. Он сильно волновался — сказывалось ужасное чувство ответственности. Когда-то он ненавидел упоминание о футболе, теперь он думал только о нем. В ночь накануне матча с ВМС я несколько раз просыпался и замечал, что в его комнате ярко горит свет.

Мы проиграли со счетом 7:3 из-за паса форварда ВМС на последней минуте над головой Девлина. После первого тайма Долли покинул трибуны и сел рядом с игроками. Когда он вернулся, его лицо было в грязных потеках, словно он плакал.

В том году матч проходил в Балтиморе. Мы с Долли собирались провести ночь в Вашингтоне с Виеной, которая решила устроить танцевальную вечеринку. Мы ехали туда в атмосфере угрюмой мрачности, и мне стоило больших усилий удержать Долли, чтобы он не набросился на двух морских офицеров, которые ликовали на заднем сиденье.

Эти танцы были тем, что Виена назвала своим «вторым выходом в свет». На этот раз были только те люди, которые ей нравились, и большинство оказалось из Нью-Йорка. Музыканты, драматурги, деятели неопределенных видов искусств, заглянувшие в дом Долли на Рэмс-Пойнт, были здесь в полном составе. Но Долли, освобожденный от обязанностей хозяина, в тот вечер не делал неуклюжих попыток заговорить на их языке. Он угрюмо стоял у стены с той прежней долей превосходства, которая и вызвала у меня желание познакомиться с ним в далекие времена. Позже, направляясь спать, я проходил мимо гостиной, и Виена окликнула меня. Они, оба с белыми лицами, сидели в противоположных концах комнаты, а в воздухе чувствовалось напряжение.

— Сядь, Джефф, — устало сказала Виена. — Я хочу, чтобы ты стал свидетелем превращения мужчины в школьника.

Я неохотно сел.

— Долли передумал, — сказала она. — Он предпочитает футбол мне.

— Дело не в этом, — упрямо сказал Долли.

— Я не совсем понимаю, — возразил я. — Долли из-за травмы не может сейчас играть.

— А он думает, что может. Джефф, на всякий случай, если ты думаешь, что я просто упрямая вредина, я хочу рассказать тебе историю. Три года назад, когда мы впервые вернулись в Соединенные Штаты, отец отдал моего младшего брата в школу. Однажды днем мы все пошли посмотреть, как он играет в футбол. Сразу после начала игры он получил травму, но отец сказал: «Все в порядке. Он поднимется через минуту. Такое бывает». Но Джефф не поднялся. Он лежал там, пока его не унесли с поля и не накрыли одеялом. Когда мы подбежали, он уже умер.

Она смотрела то на Долли, то на меня и вдруг начала судорожно всхлипывать. Долли, нахмурившись, подошел и обнял ее за плечи.

— Если ты так относишься к футболистам и их чувствам...

— Ты все-таки решил играть? — перебила она.

— Если я буду полезен для команды, то да.

— О, Долли, — воскликнула она, — сделай пожалуйста мне маленькое одолжение.

Он печально покачал головой.

— Я пытался, но не могу, — ответил он. — Это мое призвание, разве ты не понимаешь, Виена? Люди должны заниматься тем, что им нравится.

Виена встала и вытерла слезы перед зеркалом, теперь она сердито озиравлась по сторонам.

— Как же я ошибалась, когда думала, что ты тоже ненавидишь этот чертов футбол.

— Давай не будем об этом. Я устал говорить, Виена, я устал от своего собственного голоса. Мне кажется, что никто из моих знакомых больше не делает ничего, кроме как говорит, чем мне заниматься.

— Спасибо. Я полагаю, это предназначалось для меня?

— Мне кажется, твои друзья много болтают. Я никогда не слышал столько болтовни, как сегодня. Тебя не отталкивает мысль о том, чтобы действительно что-то сделать, Виена?

— Это зависит от того, стоит ли это делать.

— Ну, для меня это стоит сделать.

— Я знаю твою проблему, Долли, — с горечью сказала она. — Ты слаб и хочешь, чтобы тобой восхищались. В этом году за тобой не так много юных новичков ходило по пятам, как если бы ты был Джеком Демпси, и это, наверняка, тебя возмущает. Ты хочешь выйти перед ними, показать себя и услышать аплодисменты.

Он негромко рассмеялся.

— Если ты так относишься к футболистам и их чувствам...

— Ты все-таки решил играть? — перебила она.

— Если я буду полезен для команды, то да.

— Тогда, я думаю, мы оба зря тратим время.

Выражение ее лица стало безжалостным, но Долли отказывался верить, что она говорит серьезно. Когда я ушел, он все еще пытался заставить ее «быть разумной», а на следующий день в поезде сказал, что Виена «немного нервничала». Он был глубоко влюблен в нее и даже не смел думать о том, чтобы ее потерять. Но он все еще находился во власти внезапного чувства, которое решило его разыграть, и его растерянность и душевная слабость заставляли его тщетно верить, что все будет хорошо. Но я уже видел это выражение на лице Виены в тот вечер, когда она разговаривала с мистером Карлом Сандерсоном два года назад, перед его попыткой самоубийства.

Долли не сошел с поезда на Принстон-Джанкшн, а поехал в Нью-Йорк. Он обратился к двум специалистам-ортопедам, и один из них приготовил ортопедическую повязку, которую он должен был носить днем и ночью. Существовала вероятность, что она сломается при первом же резком ударе, но он мог бегать и стоять на сломанной ноге, когда бил по мячу здоровой. На следующий день он в форме вышел на университетское поле.

Его появление стало небольшой сенсацией. Я сидел на трибуне и наблюдал за тренировкой с Гарольдом Кейсом и юной Дейзи Кэри. Тогда она еще не была так знаменита, и я не знаю, кто привлекал к себе больше внимания — она или Долли. В те времена было еще довольно дерзко приводить на тренировки актрису кино. Если бы та же самая молодая леди поехала сегодня в Принстон, ее бы встретили с оркестром еще на вокзале.

Долли прихрамывал, и все говорили: «Он хромает!» Он сделал удачный пас, и все заговорили: «Вроде ничего!» После позорного проигрыша ВМС первый состав распустили, и весь день все наблюдали за Долли. После тренировки я поймал его взгляд, он подошел и пожал мне руку. Дейзи спросила его, не хотел бы он сняться в фильме о футболе, которым она собиралась заняться. Это был всего лишь разговор, но он посмотрел на меня с легкой улыбкой.

Когда он вернулся в комнату, его лодыжка распухла и стала размером с печную трубу, и на следующий день они с Кином договорились о том, что повязку можно будет ослаблять и затягивать в зависимости от опухлости. Мы называли его «воздушным шаром». Кость почти срослась, но маленькие разорванные сухожилия еще не зажили. Он наблюдал за матчем с Суортмор-колледжем с трибуны, а в следующий понедельник участвовал в тренировке со второй командой против запасных.

Иногда во второй половине дня он писал Виене. По его версии, они все еще были помолвлены, но он старался не думать об этом, и я думаю, что сама боль, которая не давала ему спать по ночам, была тому причиной. Когда сезон закончится, он поедет и все выяснит.

Наша команда проиграла Гарварду со счетом 7:3. У Джека Девлина была сломана ключица, и он выбыл на весь сезон, а это делало выход Долли на поле весьма вероятным. Среди слухов и страхов середины ноября эта новость заронила искру надежды в организм увечного студента — надежды, совершенно несоизмеримой с его состоянием. В четверг перед игрой он вернулся в комнату с осунувшимся и усталым лицом.

— Они готовы выпустить меня, — сказал он, — и я собираюсь вернуться. Если бы они только знали...

— А ты не мог бы сказать Биллу, что ты думаешь по этому поводу?

Он покачал головой, и у меня внезапно возникло подозрение, что он наказывает себя за свой «несчастный случай» в августе прошлого года. Он молча лежал на диване, пока я собирал его чемодан для поездки.

Сам день игры был, как обычно, похож на сон — нереальный с его толпами друзей и родственников и прочими атрибутами футбольного шоу. Одиннадцать маленьких человечков, которые наконец выбежали на поле, были похожи на заколдованные фигурки в другом мире, странном и бесконечно романтичном, размытые в пульсирующем тумане тел и звуков. С ними было нестерпимо страшно, от их волнения бросало в дрожь, но им теперь не до нас, они вне нашего мира, они освящены и недостижимы.

Итак, зеленое поле, предварительная подготовка закончена, команды выходят на позиции. Надевают головные уборы, каждый хлопает в ладоши и пускается в одиночный танец. Люди вокруг вас еще переговариваются, устраиваются, но вы уже замолчали, и ваш взгляд блуждает от человека к человеку. Вот Джек Уайтхед, старшекурсник, на краю; Джо Макдональд, крупный и умелый, в атаке; Тул, второкурсник, в защите; Ред Хопман, в центре; кто-то, кого вы не можете опознать, тоже в защите — вероятно, Банкер — он поворачивается, и вы видите его номер — точно, Банкер; Бин Джайл, весь из себя значительный и величественный, в защите; Пур, еще один второкурсник на краю. Позади них Уош Сэмписон, квотер — представьте, каково ему? Он бежит туда-сюда на притких ногах, обращаясь то к одному, то к другому, пытаясь передать свою настороженность и уверенность в успехе. Долли Харлан стоит неподвижно, уперев руки в бока, наблюдая, как игрок Йельского университета отбивает мяч, рядом с ним капитан Боб Татналл...

Вот и свисток! Линия йельской команды тяжело напирает вперед, теряет равновесие, и через долю секунды раздается звук удара мяча. Поле кишит бегущими фигурами, и вся Чаша напрягается, словно от удара током на электрическом стуле.

Главное — выдержать первый напор.

Татналл ловит мяч, отходит на десять ярдов назад, его окружают, и он скрывается из виду. Спирс проходит через центр, короткая передача Сэмписона Татналлу завершается, но безрезультатно. Харлан отдает пас Деверо, которого сбивают с ног на сорокаярдовой линии Йельского университета.

Теперь мы посмотрим, что у них есть.

Сразу же выяснилось, что у йельцев много чего есть в запасе. Используя эффективную пробежку и короткий пас через центр, они пронесли мяч на пятьдесят четыре ярда до шестиярдовой линии Принстона, где потеряли его и он теперь у Реда Хопмана. После обмена ударами они снова начали натиск, на этот раз до пятнадцатиярдовой линии, где после четырех напряженных пасов вперед, два из которых были отбиты Долли, мы получили мяч в свои руки. Но Йель был все еще свеж и силен, и после третьего натиска слабая линия Принстона начала сдавать позиции. Сразу после начала второй четверти Деверо сделал тачдаун, и тайм закончился тем, что Йель владел мячом на нашей 10-ярдовой линии. Счет: Йель — 7, Принстон — 0.

У нас не было ни единого шанса. Команда играла лучше своих возможностей, лучше, чем играла весь год, но этого было недостаточно. Если бы не тот факт, что это была игра в Йельском университете, когда все могло случиться, все, что угодно, атмосфера уныния, охватившая нас, была бы намного глубже.

Начали игру. Долли Харлан неудачно отбил удар Деверо, но противнику это не помогло, ближе к концу тайма еще один удар выскользнул у него из рук, но он подхватил его и, проскочив мимо цели, отыгрался на двенад-

*Харлан отдаст пас Деверо,
которого сбивают с ног на сорокаярдовой линии
Йельского университета.*

цать ярдов. В перерыве между таймами он сказал Роуперу, что, похоже, не может попасть под мяч, но его все равно оставили на поле. Свои удары он отрабатывал хорошо, и он был незаменим на задней линии поля, откуда они надеялись забить.

После первой партии он слегка прихрамывал и теперь старался меньше двигаться, чтобы никто не заметил. Но я достаточно разбирался в футболе, чтобы видеть, что он участвовал в каждой игре, начиная со своего довольно медленного темпа и заканчивая быстрым боковым выпадом, который почти всегда выводил его соперника из строя. Ни один пас йельцев на его участке не достиг цели, и ближе к концу третьей четверти он потерял мяч, но не допустил, чтобы противник этим воспользовался и увеличил счет. Это уже было в третий раз, и я увидел, как Эд Кимболл сбросил свое одеяло и начал разминаться в сторонке.

Как раз в этот момент удача стала изменять нам. После розыгрыша штрафного, когда Долли был готов нанести удар из-за наших ворот, Говард

Бемент, заменивший Уоша Сэмпсона, переправил мяч через центр линии, обошел второстепенную защиту и пробежал двадцать шесть ярдов, прежде чем его сбили с ног. Капитан Таскер из Йельского университета выбыл из игры с вывихнутым коленом, и Принстон усилил натиск, используя Джорджа Спирса и иногда Боба Татналла. Мы подошли к сорокаярдовой линии Йельского университета, потеряли мяч из-за неловкости, и он снова оказался у нас, когда закончилась третья четверть. Бурная волна энтузиазма пробежала по трибунам Принстона. Впервые мы завладели мячом на их территории с первого паса и получили возможность сравнять счет. В перерыве было слышно, как вокруг нарастало напряжение, это отражалось в возбужденных движениях болельщиков и криках, которые вырывались из толпы то тут, то там, перерастая в рев толпы.

Я видел, как Кимболл выбежал на поле и что-то сообщил судье, я подумал, что наконец-то заменят Долли, но заменили Боба Татналла, который ушел, рыдая, и все принстонцы дружно аплодировали ему.

С началом игры началось столпотворение, которое продолжалось до финала. Временами оно переходило в заунывный гул, затем усиливалось до бури и грома и билось в сумерках от одного края Чаши к другому, как агония потерянных душ, мечущихся в пространстве.

Команды выстроились на линии Йельского университета в сорок один ярд, и Спирс немедленно продвинулся на шесть ярдов. И снова он держал мяч, он был вспыльчивым южанином, но временами на него снисходило вдохновение — прошел через ту же брешь еще на пять ярдов и был сбит. Долли сделал два броска крест-накрест, а Спирс удерживался в центре. Мяч находился на двадцатидевятиярдовой линии Йеля, и оставалось восемь бросков.

За моей спиной возникла какая-то неразбериха, слышались толчки и какие-то голоса, одному человеку стало плохо или он потерял сознание — я так и не узнал, кому именно. Затем мой обзор на минуту был закрыт вставшими болельщиками, которые определенно сошли с ума. Запасные прыгали по полю, размахивая одеялами, воздух был полон шляп, подушек, пальто и оглушительного рева. Долли Харлан, который за свою принстонскую карьеру едва ли дюжину раз проносил мяч, поймал в воздухе длинную передачу Кимбалла и, увлекая за собой нападающего, пронесся последние пять ярдов до ворот Йельского университета.

VI

Вскоре матч закончился. Был еще один неприятный момент, когда Йель начал очередную атаку, но забить не удалось, и одиннадцать игроков Боба Татналла искупили вину за свой посредственный сезон, сыграв вничью

с лучшей командой Йеля. Для нас это было ощущением победы, экзальтацией, если не ликованием, а на лицах йельцев, покидавших Чашу, было выражение поражения. В конце концов, это был замечательный год: настоящая борьба в последний раз, что должно было стать традицией для команды следующего года. Наш курс — те из нас, кому было не все равно, — ушел из Принстона, не ощутив вкуса поражения. Символ устоял. Знамена гордо развевались на ветру. Скажете, все это мальчишество? Найдите что-нибудь, что может быть слаще победы.

Я ждал Долли у раздевалок, пока почти все не вышли, затем, поскольку его так и не было видно, я пошел внутрь. Кто-то дал ему немного бренди, и поскольку он никогда много не пил, у него закружилась голова.

— Присаживайся, Джефф, — он улыбнулся, широко и счастливо. — Массажист! Тони! Принеси стул высокому гостю. Он интеллектуал и хочет взять интервью у безмозглого спортсмена. Тони, это мистер Диринг. В этой забавной Чаше есть всё, кроме кресел. Я люблю эту Чашу. Я собираюсь строиться здесь.

Он замолчал, непринужденно размышляя обо всем на свете. Он был доволен. Я уговорил его переодеться — нас уже ждали снаружи. Затем, когда стемнело, он настоял на том, чтобы выйти на поле и пощупать ботинком раскрошившийся дерн.

Он подцепил ботинком какую-то тряпку, бросил ее, засмеялся, с минуту выглядел рассеянным, потом отвернулся.

С Тэдом Дэвисом, Дейзи Кэри и еще одной девушкой мы поехали в Нью-Йорк. Он сел рядом с Дейзи и выглядел немного глуповатым, зато был обаятельным и привлекательным. Впервые с тех пор, как я его узнал, он говорил об игре непринужденно, даже с оттенком тщеславия.

— В течение двух лет я довольно неплохо играл, и меня всегда упоминали внизу колонки как одного из участников матча. В этом году я три раза пропустил пас и часто тормозил, пока Боб Татналл не начал кричать на меня: «Когда же тебя заменят!» Но случайный бросок попал именно мне в руки, и завтра я буду в заголовках газет.

Он рассмеялся. Кто-то нечаянно дотронулся до его ноги, он вздрогнул и побледнел.

— Как ты ее повредил? — спросила Дейзи. — На тренировках?

— Сломал ногу прошлым летом, — коротко ответил он.

— Должно быть, это ужасно играть с травмой?

— Так оно и было.

— Но ты не мог не пойти на матч?

— Не мог...

Они понимали друг друга. Они оба были тружениками, и были готовы вкалывать и здоровыми, и больными. Дейзи рассказала о том, как прошлой зимой в Голливуде она, сильно простывшая, ныряла в лагуну под открытым небом.

— Шесть раз, а у меня температура сто два градуса. Но за это платили десять тысяч долларов в день.

— Неужели они не могли использовать дублера?

— Они делали это всякий раз, когда могли, но в некоторых дублях мое присутствие было необходимо.

Ей было восемнадцать, а у нее уже был жизненный опыт, она независима и успешна. Ее невозможно было сравнивать со светскими девицами, которых я знал, она во всем их превосходила. Если бы хоть на мгновение она посмотрела в мою сторону, но ее взгляд остановился на бархатных глазах Долли, там и остался.

— Ты не хочешь провести этот вечер со мной?

Я слышал, как она спросила его. Ему было ее жаль, но он должен был отказаться. Виена была в Нью-Йорке и собиралась с ним встретиться. Я не знал и Долли не знал, что произойдет — примирение или разрыв отношений.

Когда она высадила нас с Долли у «Ритц», в глазах у обоих было настоящее сожаление.

— Какая чудесная девушка, — сказал Долли.

Я согласился.

— Я собираюсь встретиться с Виеной. Ты снимешь для нас номер в «Мэдисоне»?

Я ушел. Что произошло между ним и Виеной, я не знаю, он и по сей день не рассказал об их разговоре. Зато о произошедшем поздним вечером я узнал сразу от нескольких удивленных и даже возмущенных свидетелей.

Долли вошел в отель «Амбассадор» около десяти часов и на стойке регистрации спросил номер телефона мисс Кэри. В это время там собралась толпа, среди них было несколько студентов Йельского или Принстонского университетов, участвовавших в игре. Некоторые были навеселе, и, очевидно, один из них знал Дейзи и пытался дозвониться до ее номера по телефону. Долли был погружен в свои мысли, и, должно быть, несколько бесцеремонно растолкал толпу и попросил портье соединить его с мисс Кэри.

Один из парней отступил назад, неприязненно посмотрел на него и сказал:

— Вы, кажется, ужасно торопитесь. Кто вы такой, интересно знать?

Наступила одна из тех небольших молчаливых пауз, и все люди у стойки повернулись, чтобы посмотреть. Что-то произошло внутри Долли, он почувствовал, что жизнь сама все так подстроила, чтобы ему задали именно этот вопрос, причем выбора, что ответить, у него не было. По-прежнему царила тишина. Небольшая толпа ждала.

— Ну, я Долли Харлан, — сказал он нарочито спокойно. — Что ты об этом думаешь?

Это было нечто. Последовала пауза, а затем небольшой переполох и раздались голоса:

— Долли Харлан? Что? Что он сказал?

Портье услышал имя и назвал его, когда ответили по телефону из номера мисс Кэри.

— Мистер Харлан, пожалуйста, поднимитесь.

Долли отвернулся, оставшись наедине со своим успехом, в кои-то веки заполнившим всю его грудь. Он понял, что недолго будет ощущать успех так близко к сердцу, но сиюминутное ощущение останется в его в памяти теперь навсегда. Статный и высокий, олицетворение победы и гордости, он пересек вестибюль, не обращая внимания ни на ожидавшую его судьбу, ни на мелкую болтовню за спиной.

СВАДЬБА

I

Это была маленькая лицемерная записка, в которой говорилось:

«Я хотела, чтобы ты узнал первым».

Для Майкла это было двойным шоком, поскольку в ней сообщалось как о помолвке, так и о предстоящей свадьбе, которая, к тому же, должна была состояться не в Нью-Йорке, довольно-таки далеко от него, а здесь, в Париже, если можно так выразиться, под самым его носом, в протестантской епископальной церкви Святой Троицы на улице Георга Пятого. До назначенной даты, в начале июня, оставалось две недели.

Сначала Майкл испугался и ощутил внутри себя пустоту. Когда в то утро он выходил из отеля, горничная, влюбленная в его изящный, острый профиль и веселый оптимизм, почувствовала, что он стал каким-то отстраненным. Ошеломленный, он пошел в банк, купил детектив в магазине «Смит» на Ро-де-Риволи, некоторое время сочувственно разглядывал выцветшую панораму полей сражений в витрине туристического бюро и проклинал грека-лоточника, который увязался за ним с полураскрытой пачкой как бы безобидных почтовых карточек, но гарантированно непристойного содержания.

Но какой-то страх не отпускал его, и через некоторое время он осознал, что это страх перед тем, что теперь он никогда не будет счастлив. Он познакомился с Кэролайн Дэнди, когда ей было семнадцать, владел ее юным сердцем в течение года в Нью-Йорке, а потом потерял, медленно, трагически, потому что у него не было денег и он не умел их зарабатывать. При всей своей энергии и доброжелательности он не мог найти себя в жизни, поэтому Кэролайн, все еще любя его, потеряла веру и начала видеть в нем нечто жалкое, бесполезное и убогое, находящееся вне великого, сияющего потока жизни, к которому ее неизбежно влекло.

Его единственной опорой была ее любовь, но когда опора сломалась, он все равно держался за нее, и его унесло в бурное море жизни, а потом выбросило на французское побережье, осколки он все еще держал в руках. Он повсюду носил их с собой в виде фотографий и пакетов с письмами, а также любил сентиментальную популярную песню под названием «Среди моих сувениров». Он держался подальше от других девушек, как будто Кэролайн каким-то образом могла узнать об этом и ответить взаимностью преданному сердцу. Хотя записка сообщала ему, что он потерял Кэролайн навсегда.

Это было прекрасное утро. Перед магазинами на улице Кастильони владельцы и завсегдатаи стояли на тротуаре, глядя вверх — в парижском небе пролетал «Граф Цешпелин», сияющий и великолепный, символ спасения и разрушения — спасения, если необходимо, через разрушение. Он услышал, как какая-то женщина сказала по-французски, что ее не удивит, если оттуда посылаются бомбы. Затем он услышал другой голос, с хриловатым смешком, и внутри у него похолодело. Резко обернувшись, он оказался лицом к лицу с Кэролайн Дэнди и ее женихом.

— Авот и Майка! А мы-то думали, где ты... Я спрашивала в «Гаранти Траст» и «Морган энд Компани» и наконец отправила записку в «Нэшнл Сити»...

Почему они подошли? Почему они сразу не ушли задом наперед по улице Кастильони, через улицу Риволи, через сады Тюильри, продолжая идти задом наперед так быстро, как только могли, пока не стали расплывчатыми и не исчезли за рекой?

— Это Гамильтон Резерфорд, мой жених.

— Мы уже встречались.

— У Пэта, не так ли?

— И прошлой весной в баре «Ритц».

— Майкл, где ты был все это время?

— Здесь.

Перед глазами промелькнули делишки Гамильтона Резерфорда — быстрая череда картинок, заголовков. Он вспомнил, что слышал о том, что он купил участок в 1920 году за сто двадцать пять тысяч заемных денег, а потом продал его более чем за полмиллиона. Не красавец, как Майкл, но более привлекательный, уверенный, властный, и как раз подходящего роста для Кэролайн — Майкл всегда был слишком мал для нее, особенно это было заметно в танцах.

Резерфорд произнес:

— Майкл, мне бы очень хотелось, чтобы ты пришел на холостяцкий ужин. С девяти часов я буду в баре «Ритц». Затем, сразу после бракосочетания, состоится прием и завтрак в отеле «Георг Пятый».

— И еще, Майкл, послезавтра Джордж Пакман устраивает вечеринку в «Шез Виктор», и я хочу, чтобы ты обязательно пришел. А также на пятничный чай к Джебби Уэст, она бы точно тебя пригласила, если бы знала, где тебя найти. Где находится твой отель, чтобы мы могли отправить

тебе приглашение? Видишь ли, мы решили провести церемонию здесь, потому что мать заболела в пансионе, и вся семья находится в Париже. А тут еще находится и мать Гамильтона...

Вся семья. Они всегда ненавидели его, все, кроме ее матери, и всегда препятствовали его ухаживаниям. Каким же ничтожеством он был в этой игре семей и денег! Под шляпой у него вспотел лоб от унижения, что при всех его страданиях он стоил именно такого количества приглашений. В отчаянии он начал бормотать что-то о срочных делах.

Потом это случилось — Кэролайн заглянула ему глубоко в душу, и Майкл знал, что она увидела. Она увидела там глубокую рану, и что-то дрогнуло внутри нее, померкло в изгибе рта и в глазах. Он тронул ее. Все незабываемые порывы первой любви вновь вспыхнули в ней, их сердца в какой-то мере соприкоснулись через два фута парижской улицы, залитой солнечными лучами. Она внезапно взяла своего жениха за руку, словно желая успокоиться, почувствовав ее.

Они расстались. Майкл в течение минуты шел быстро, затем он остановился, притворившись, что смотрит в окно, и увидел их дальше по улице, быстро идущих к Вандомской площади, словно люди, у которых было много дел.

У него тоже были дела — ему нужно было забрать белье из прачечной.

«Ничто уже никогда не будет прежним, — сказал он себе. — Она никогда не будет счастлива в своем браке, а я вообще никогда больше не буду счастлив».

Два ярких года его любви к Кэролайн мгновенно промелькнули перед ним, как в физике Эйнштейна. Нахлынули невыносимые воспоминания — о прогулках при лунном свете на Лонг-Айленде, о счастливом времяпрепровождении в Лейк-Плэсиде, когда ее щеки чуть не обмерзли, об отчаянном вечере в маленьком кафе на 48-й улице в последние печальные месяцы, когда их брак стал казаться невозможным.

— Войдите, — сказал он вслух.

Вошел консьерж с телеграммой, он вел себя грубовато, потому что одежда мистера Керли была немного поношенной, мистер Керли давал мало чаевых и, очевидно, мистер Керли был мелкой сошкой.

Майкл прочитал телеграмму.

— Отвечать будете? — спросил консьерж.

— Нет, — сказал Майкл, а затем, повинувшись импульсу, показал телеграмму консьержу. — Посмотри.

— Очень жаль, очень жаль, — сказал консьерж. — Умер ваш дедушка.

— Ничего не жаль, — сказал Майкл. — Это значит, что я получу четверть миллиона долларов.

Опоздал дедуля на один месяц, после этих известий его страдания стали глубже, чем когда-либо. Лежа в ту ночь в постели без сна, он бесконечно прислушивался к длинному цирковому каравану, двигавшемуся по улице с одной парижской ярмарки на другую.

Когда затих грохот последнего фургона, а углы мебели окрасились в пастельно-голубой цвет в лучах рассвета, он все еще думал о взгляде Кэролайн в то утро, взгляде, который, казалось, говорил: «О, почему ты не мог что-нибудь предпринять? Почему ты не мог быть сильнее, заставить меня выйти за тебя замуж? Разве ты не видишь, как мне грустно?»

Кулаки Майкла сжались.

— Что ж, я не сдамся до последнего момента, — прошептал он. — До сих пор мне не везло, и, может быть, наконец-то все изменится. Каждый берет то, что может получить, на пределе своих сил, и, если я не смогу заполучить ее, по крайней мере, она вступит в этот брак с частичкой меня в своем сердце.

II

Два дня спустя он отправился на ужин в «Шез Виктор», поднялся наверх и прошел в маленький салон рядом с баром, где компания должна была собраться за коктейлями. Он пришел рано, единственным гостем был высокий худощавый мужчина лет пятидесяти. Они заговорили.

— Вы ждете вечеринки у Джорджа Пакмана?

— Да. Я — Майкл Керли.

— Меня зовут...

Майкл не расслышал имени. Они заказали выпивку, и Майкл в разговоре предположил, что жених и невеста веселятся от души.

— Даже слишком, — согласился другой, нахмурившись. — Я не понимаю, как они это переносят. Мы все вместе приплыли на корабле, пять дней этой сумасшедшей жизни, а потом две недели в Париже. Вы, — он заколебался, слабо улыбнувшись, — извините меня за то, что я это говорю, но ваше поколение слишком много пьет.

— Только не Кэролайн.

— Нет, не Кэролайн. Кажется, она выпивает только коктейль и бокал шампанского, а потом, слава Богу, с нее хватит. Но Гамильтон слишком много пьет, и вся эта толпа молодых людей слишком много пьет. Вы живете в Париже?

— На данный момент, — сказал Майкл.

— Мне не нравится Париж. Моя жена, то есть моя бывшая жена, мать Гамильтона, живет в Париже.

— Вы отец Гамильтона Резерфорда?

— Я имею такую честь. И я не отрицаю, что горжусь тем, что он сделал, это было просто общее замечание.

— Разумеется.

Майкл нервно поднял глаза, когда вошли четыре человека. Он вдруг почувствовал, что его смокинг старый и лоснящийся; только сегодня утром

он заказал новый. Люди, которые пришли, были богаты и в общении друг с другом чувствовали себя как дома: смуглая, симпатичная девушка с истеричным смешком, которую он уже встречал раньше, двое уверенных в себе мужчин, чьи шутки неизменно касались вчерашнего скандала и возможностей сегодняшнего вечера, как будто они играли важные роли в пьесе, бесконечно растянутой в прошлое и будущее. Когда Кэролайн приехала, Майкл почти не общался с ней, но этого было достаточно, чтобы заметить, что она была напряженна и устала. Из-под румян проглядывала бледная кожа, под глазами залегли тени. С чувством облегчения и уязвленного тщеславия он обнаружил, что его посадили подальше от нее, за другой столик. Ему нужно было время, чтобы привыкнуть к обстановке. Это не было похоже на юношеское общество, в котором они вращались с Кэролайн, мужчинам было за тридцать, и у них был такой вид, словно они делились лучшими благами этого мира. Рядом с ним сидела Джебби Уэст, он хорошо ее знал, с другой стороны — веселый мужчина, который сразу же начал рассказывать Майклу о трюке для холостяцкого ужина — они собирались нанять французенку, которая должна была появиться с настоящим ребенком на руках, крича: «Гамильтон, ты не можешь бросить меня сейчас!» Идея показалась Майклу устаревшей и неинтересной, но его сосед в предвкушении этого затрясся от смеха.

Дальше по столу шли разговоры о рынке — сегодня еще одно падение, самое заметное со времен краха, люди подшучивали над Резерфордом по этому поводу: «Очень жаль, старина. Лучше бы ты все-таки не женился».

Майкл спросил мужчину слева от себя:

— Он много потерял?

— Никто не знает. Он сильно влип, но он один из самых умных молодых брокеров на Уолл-стрит. В любом случае, никто никогда не скажет правды.

С самого начала это был ужин с шампанским, и только к концу он достиг приятного уровня общительности, но Майкл видел, что все эти люди были слишком утомлены, чтобы взбодрится одним шампанским. Неделями они пили коктейли перед едой, как американцы, вина и бренди, как французы, пиво, как немцы, виски с содовой, как англичане, и поскольку они уже были немолоды, эта нелепая смесь, похожая на какой-то гигантский коктейль из ночного кошмара, послужила лишь для того, чтобы они на время перестали осознавать ошибки прошлой ночи. То есть, на самом деле, здесь было не особо весело, то, что было веселого, проявлялось в тех немногих, кто вообще ничего не пил.

Но Майкл не чувствовал усталости, а шампанское придало ему сил и сделало его страдания менее острыми. Он не был в Нью-Йорке более восьми месяцев, и большая часть танцевальной музыки была ему незнакома, но при первых тактах «Раскрашенной куклы», под которую они с Кэролайн пережили столько счастья и отчаяния прошлым летом, он подошел к столику Кэролайн и пригласил ее на танец.

Она была прекрасна в платье нежно-голубого цвета, и близость ее растрепанных золотистых волос, ее холодных и нежных серых глаз сделала его тело неуклюжим и неповоротливым, он споткнулся на первом же такте. На мгновение показалось, что сказать нечего; он хотел рассказать ей о своем наследстве, но идея показалась несурасной, он ее еще не продумал.

— Майкл, так приятно снова танцевать с тобой.

Он мрачно улыбнулся.

— Я так рада, что ты пришел, — продолжила она. — Очень боялась, что ты проявишь глупость и я больше тебя не увижу. Надеюсь, мы останемся добрыми друзьями и сможем иногда видаться. Майкл, я хочу, чтобы вы с Гамильтоном понравились друг другу.

Помолвка сделала ее глупой, он никогда раньше не слышал, чтобы она прибегала к такому откровенному притворству.

— Я мог бы убить его без колебаний, — любезно сказал он, — но он выглядит порядочным человеком. С ним все в порядке. Но что происходит с такими людьми, как я, которые неспособны забывать?

Сказав это, он не смог удержаться, уголки рта опустились; Кэролайн, подняв глаза, увидела его выражение, и ее сердце сильно заколотилось, как и в то утро.

— Тебя это так беспокоит, Майкл?

— Да.

Секунду, пока он говорил это голосом, который, казалось, доносился из его ботинок, они не танцевали, а просто прижимались друг к другу. Затем она отстранилась от него и одарила очаровательной улыбкой.

— Сначала я не знала, что делать, Майкл. Я рассказала Гамильтону о тебе, о том, что ты был мне очень дорог, но это его не обеспокоило, и он был прав. Потому что теперь я с тобой покончила, да, покончила. И ты проснешься каким-нибудь солнечным утром и точно так же покончишь со мной.

Он упрямо покачал головой.

— О, да. Мы не были созданы друг для друга. Я довольно взбалмошна, и мне нужен кто-то вроде Гамильтона, чтобы все решать. Это было нечто большее, чем вопрос о... о...

— О деньгах?

Он снова был близок к тому, чтобы рассказать ей о наследстве, но что-то опять подсказало ему, что сейчас не время.

— Тогда как ты объяснишь то, что произошло, когда мы встретились на днях, — беспомощно спросил он. — Что произошло только что? Когда мы просто прильнули друг к другу, как раньше, как будто мы были одним человеком, как будто в нас обоих текла одна и та же кровь?

— Только не начинай! Не надо! — взмолилась она. — Ты не должен так говорить, все уже решено. Я люблю Гамильтона всем сердцем. Просто я помню некоторые вещи из прошлого, и мне жаль тебя — нас — за то, какими мы были.

Через плечо Майкл увидел мужчину, который подошел пригласить ее на танец. Во время разговора она отпрянула от Майкла, и мужчина решил воспользоваться ситуацией.

— Мне нужно поговорить с тобой наедине, хотя бы на минутку, — быстро сказал Майкл. — Когда я смогу?

— Я буду завтра на чаепитии у Джебби Уэст, — прошептала она, когда ее рука вежливо опустилась Майклу на плечо.

Но он не разговаривал с Кэролайн за чаем у Джебби Уэста. Резерфорд стоял рядом с ней и без умолку говорил со всеми подряд. Они ушли очень рано. На следующее утро первой почтой пришло приглашение на свадьбу.

Тогда Майкл, пришедший в отчаяние от метаний по комнате, решился на смелый шаг — он написал Гамильтону Резерфорду, прося его о встрече на следующий день. В коротком телефонном разговоре Резерфорд согласился, но на день позже, чем просил Майкл. А до свадьбы оставалось всего шесть дней.

Они должны были встретиться в баре отеля «Йена». Майкл подготовил небольшую речь: «Видите ли, Резерфорд, понимаете вы, какую ответственность берете на себя, идя на этот брак? Осознаете, какие семена неприятностей и сожалений вы сеете, убеждая девушку на решение, противоречащее инстинктам ее сердца»? Он объяснил бы, что барьер между ним и Кэролайн был искусственным и теперь устранен, и потребовал бы откровенно обсудить этот вопрос с Кэролайн, пока не стало слишком поздно.

Резерфорд рассердится, возможно, он устроит сцену, но Майкл чувствовал, что сейчас он борется за свою жизнь.

Он застал Резерфорда в беседе с пожилым мужчиной, которого Майкл встречал на нескольких свадебных торжествах.

— Я видел, что случилось с большинством моих друзей, — говорил Резерфорд, — и решил, что со мной этого не случится. Это не так уж сложно: если ты берешь девушку со здравым смыслом, объясняешь ей, что к чему, и делаешь свое дело, черт возьми, и уделяешь ей порядочно времени, то это брак. Если ты начинаешь терпеть всякую ерунду, то есть только два пути: в течение пяти лет мужчина уходит, или же девушка пожирает его, и получается обычная неразбериха.

— Верно! — с энтузиазмом согласился его спутник. — Гамильтон, ты как всегда прав.

Кровь Майкла медленно закипала.

— А вам не кажется, — холодно осведомился он, — что такое отношение вышло из моды около ста лет назад?

— Нет, не кажется, — сказал Резерфорд любезно, но нетерпеливо. — Я такой же современный, как и все остальные. Если это доставит удовольствие моей девушке, я готов жениться в следующую субботу, хоть в аэроплане.

— Я не имею в виду такой способ быть современным. Вы не можете взять ранимую женщину...

— Ранимую? Женщины не так уж чертовски ранимы. Именно такие люди, как вы, ранимы и обидчивы, именно таких людей, как вы, они эксплуатируют: всю вашу преданность, доброту и все такое. Они прочтут пару книг и посмотрят несколько картин, потому что им больше нечем заняться, а потом скажут, что они умнее вас, и, чтобы доказать это, возьмут в руки долото и выбьют себе зуб на память вам... Как же, ранима, да-да, как горячий скакун.

— Кэролайн очень ранимая, — сказал Майкл отрывистым голосом.

В этот момент другой мужчина встал, что-то спросил о чеке и ушел, они остались одни, Резерфорд снова наклонился к Майклу, как будто задавая вопрос.

— Кэролайн не настолько ранима, — сказал он. — У нее есть здравый смысл.

Его воинственные глаза, встретившись со взглядом Майкла, вспыхнули серым светом.

— Все это звучит довольно грубо для вас, мистер Керли, но мне кажется, что обычный мужчина в наши дни просто просит, чтобы какая-нибудь женщина сделала из него обезьяну, а она даже не получает никакого удовольствия от того, что низводит его до такого уровня. Сейчас чертовски мало мужчин, которые владеют своими женами, но я собираюсь стать одним из них.

Майклу показалось, что пришло время вернуть разговор к реальной ситуации:

— Осознаете ли вы ответственность, которую берете на себя?

— Конечно, осознаю, — перебил его Резерфорд. — Я буду принимать решения, надеюсь, справедливые, но в любом случае они будут окончательными.

— А что, если вы начали не с того, с чего надо? — порывисто спросил Майкл. — Что, если ваш брак не основан на взаимной любви?

— И раз уж вы заговорили об этом, позвольте мне сказать, что если бы вы с Кэролайн поженились, вряд ли вы прожили бы вместе больше трех лет. Знаете, на чем был основан ваш роман? На жалости. Вы пожалели друг друга. Жалость доставляет массу удовольствия большинству женщин и особым видам мужчин, но мне кажется, что брак должен основываться на надежде.

Он посмотрел на часы и встал.

— Я должен встретиться с Кэролайн. Не забудьте, что послезавтра вы приглашены на холостяцкий ужин.

Майкл почувствовал, что момент ускользает.

— Значит, личные чувства Кэролайн для вас не имеют значения? — яростно спросил он.

— Кэролайн устала и расстроена. Но у нее есть то, чего она хочет, и это главное.

— Вы имеете в виду себя? — недоверчиво переспросил Майкл.

— Да.

— Могу я спросить, как долго она вас хочет?

— Около двух лет.

Прежде чем Майкл успел что-либо сказать, Гамильтон исчез.

В течение следующих двух дней Майкл тонул в пучине беспомощности. Его преследовала мысль, что он не сделал ничего, что могло бы разрубить туго затянутый узел у него перед глазами. Он звонил Кэролайн, но она настаивала, что ей физически невозможно увидеться с ним до дня свадьбы, на который она назначила ему встречу. Тогда он отправился на холостяцкий ужин, отчасти опасаясь провести вечер в одиночестве в своем отеле, отчасти чувствуя, что своим присутствием на этом мероприятии он как-то сближается с Кэролайн, держа ее в поле зрения.

Бар «Ритц» по этому случаю был красиво украшен французскими и американскими флагами, а на стене развешено большое полотно, закрывающее одну из стен, на котором гостями предлагалось сосредоточить свои усилия по разбиванию бокалов, если до этого дойдет.

При первом коктейле, взятом в баре, дрожащие руки гостей расплескали половину бокалов, но затем, когда выпили по шампанскому, поднялся смех, и время от времени кто-то порывался спеть.

Майкл был удивлен, обнаружив, как новый смокинг, новая шелковая шляпа, новая, вызывающая гордость рубашка, изменили его самооценку, он уже не так обижался на всех этих людей за то, что они так богаты и уверены в себе. Впервые с тех пор, как он окончил колледж, он почувствовал себя тоже богатым и уверенным, он почувствовал, что является частью всего этого, и даже принял участие в заговоре шутника Джонсона. В комнате напротив «обманутая» женщина спокойно ожидала сигнала.

— Мы не хотим перегибать палку, — сказал Джонсон, — потому что, я думаю, у Хэма и так был довольно беспокойный день. Вы видели, как сегодня утром «Фуллман Ойл» упала на шестнадцать пунктов?

— Разве сейчас ему до этого? — спросил Майкл, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучало интереса.

— Естественно. Он сильно вложился и влип по уши, он всегда и во всем влипает по уши. До сих пор ему везло, во всяком случае, до последнего месяца.

Бокалы наполнялись и опустошались теперь быстрее, и мужчины перекрикивались друг с другом через узкий стол. У барной стойки фотографировалась группа гостей, и запах от вспышки проносился по залу удушливым облаком.

— Сейчас самое время, — сказал Джонсон. — Ты должен стоять у двери, помни, и мы оба должны попытаться ее остановить до тех пор, пока не привлечем всеобщее внимание.

Он вышел в коридор, а Майкл послушно остался ждать у двери. Прошло несколько минут. Затем Джонсон появился снова с любопытным выражением на лице.

— В этом есть что-то забавное...

— Что, девушка исчезла?

— Нет, она там, и с ней все в порядке. Но там еще одна девушка, а мы никого больше не нанимали. Она хочет видеть Гамильтона Резерфорда, и у нее такой вид, как будто она что-то задумала.

Они вышли в холл. Крепко усевшись на стул возле двери, сидела американка, немного перебравшая спиртного, но с решительным выражением лица. Она посмотрела на них, дернув головой.

— Ну что, позовете его? — потребовала она. — Меня зовут Марджори Коллинз, он меня наверняка помнит. Я проделала долгий путь и хочу увидеть его сейчас и побыстрее, иначе будет больше проблем, чем вы когда-либо видели.

Она неуверенно поднялась на ноги.

— Идите и скажите Хэму, — прошептал Джонсон Майклу. — Может быть, ему лучше убраться отсюда поскорее. Я пока побуду с ней здесь.

Вернувшись к столу, Майкл наклонился к уху Резерфорда и с некоторой мрачностью прошептал:

— Девушка на улице по имени Марджори Коллинз говорит, что хочет вас видеть. Она выглядит так, как будто хочет доставить вам неприятности.

Гамильтон Резерфорд моргнул, и его рот приоткрылся, затем губы медленно сомкнулись в прямую линию, и он сказал твердым голосом:

— Пожалуйста, держите ее там. И немедленно пришлите ко мне главного бармена.

Майкл поговорил с барменом, а затем, не возвращаясь к столу, тихо попросил подать ему пальто и шляпу. Выйдя в зал, он молча прошел мимо Джонсона и девушки и вышел на улицу Камбон. Вызвав такси, он назвал адрес отеля Кэролайн.

Теперь его место было рядом с ней. Не для того, чтобы сообщить плохие новости, а просто для того, чтобы быть рядом, когда карточный домик рухнет ей на голову.

Резерфорд намекал, что он мягкотелый, но он был достаточно твердый, чтобы не отдать любимую девушку, не воспользовавшись любым шансом, который только может быть в рамках чести. Если она отвернется от Резерфорда, то он будет рядом.

Она была у себя, немного удивилась, когда он позвонил, она еще была не раздета, и ответила, что немедленно спустится. Вскоре Кэролайн появилась в вечернем платье, держа в руке две синие телеграммы. Они уселись в кресла в пустынном вестибюле.

— Майкл, разве ужин закончился?

— Я захотел увидеть тебя, поэтому и ушел раньше.

— Я рада, — ее голос был дружелюбным, но в то же время спокойным. — А я только что позвонила в ваш отель и сообщила, что завтра у меня целый день сборы и репетиции. Теперь мы можем поговорить.

— Ты устала? — догадался он. — Возможно, мне не следовало приходить...

— Нет. Я ждала Гамильтона. Телеграммы, которые могут оказаться важными. Он сказал, что ему возможно придется куда-то уехать, так что я рада, что мне есть с кем поговорить.

Майкл поморщился от безличности в последней фразе.

— Тебе все равно, когда он вернется домой?

— Естественно, — сказала она, смеясь, — но я ведь не могу сказать ему об этом, не так ли?

— Почему?

— Не могла же я начать с того, чтобы указывать ему, что он может делать, а что нет.

— Почему бы и нет?

— Он бы этого не потерпел

— Похоже, ему нужна всего лишь домработница, — иронично заметил Майкл.

— Расскажи мне о своих планах, Майкл, — она сменила тему разговора.

— Мои планы? Я не вижу никакого будущего после твоей свадьбы. Единственный реальный план, который у меня когда-либо был, — это любить тебя.

Их глаза встретились, и он увидел ее взгляд, который он так хорошо знал. Слова быстро полились из его сердца:

— Позволь мне еще раз сказать тебе, как сильно я любил тебя, ни на мгновение не колеблясь, никогда не думая о другой девушке. А теперь, когда я думаю о том, что впереди столько лет без тебя, без всякой надежды, мне не хочется жить, дорогая Кэролайн. Раньше я мечтал о нашем доме, наших детях, о том, как держу тебя в своих объятиях и прикасаюсь к твоему лицу, рукам и волосам, которые раньше принадлежали мне, а теперь я просто не могу просыпаться.

Кэролайн тихо плакала.

— Бедный Майкл, бедный Майкл.

Она протянула руку, и ее пальцы коснулись лацкана его смокинга.

— Мне было так жаль тебя в тот день. Ты выглядел таким неустроенным, как будто тебе нужен новый костюм и кто-то, кто будет о тебе заботиться.

Она шмыгнула носом и повнимательнее присмотрелась к его пальто.

— Да у тебя же новый костюм! И новый цилиндр! О, Майкл, как здорово!

Она рассмеялась, внезапно повеселев сквозь слезы.

— Ты, должно быть, разбогател, Майкл, я никогда не видела тебя так хорошо одетым.

На мгновение, увидев ее реакцию, он возненавидел свою новую одежду.

— У меня появились деньги, — произнес он. — Мой дедушка оставил мне около четверти миллиона долларов.

— О, Майкл, — воскликнула она, — как это прекрасно! Я не могу передать тебе, как я рада. Я всегда думала, что ты из тех людей, у которых должны быть деньги.

— Да, только слишком поздно, чтобы что-то изменить.

Вращающаяся дверь с улицы со скрипом повернулась, и в вестибюль вошел Гамильтон Резерфорд. Его лицо покраснелось, глаза были беспокойными и нетерпеливыми.

— Привет, дорогая, привет, мистер Керли.

Он наклонился и поцеловал Кэролайн.

— Я оторвался на минутку, чтобы узнать, нет ли каких-нибудь телеграмм для меня. Я вижу, они у тебя.

Забирая их, он заметил Керли:

— Странное было дело в баре, не правда ли? Тем более что, как я понимаю, кое-кто из вас хотел пошутить в том же духе.

Он открыл одну из телеграмм, закрыл ее и повернулся к Кэролайн с выражением лица человека, у которого в голове крутятся две мысли одновременно.

— Появилась девушка, которую я не видел два года, — сказал он. — Похоже, это была какая-то неуклюжая форма шантажа, поскольку у меня нет и никогда не было никаких обязательств по отношению к ней.

— Что случилось?

— Через десять минут к главному бармену пришел человек из полиции, и все было улажено в зале. По сравнению с французскими законами о шантаже наши выглядят сладкими пожеланиями, и я полагаю, они напугали ее так, что она запомнит надолго. Но, кажется, разумнее Майклу рассказать об этом.

— Вы намекаете, что я упомянул об этом инциденте? — сухо спросил Майкл.

— Нет, — медленно произнес Резерфорд. — Нет, просто вы тоже все знаете. И раз уж вы здесь, я расскажу вам кое-какие новости, которые интересуют вас еще больше.

Он протянул Майклу одну телеграмму и вскрыл другую.

— Эта зашифрована, — сказал Майкл.

— Как и эта. Но за последнюю неделю я хорошо выучил все слова. Они вместе означают, что я должен начать жизнь сначала.

Майкл увидел, как лицо Кэролайн слегка побледнело, но она сидела тихо, как мышка.

— Это была ошибка, и я слишком долго за нее держался, — продолжал Резерфорд. — Так что, как видите, не всегда мне везет, мистер Керли. Кстати, мне сказали, что у вас появились деньги.

— Да, — сказал Майкл.

— Ну вот и все.

Резерфорд повернулся к Кэролайн.

— Ты понимаешь, дорогая, что я не шучу и не преувеличиваю. Я потерял почти все до последнего цента, что у меня было, и начинаю жизнь сначала.

Две пары глаз смотрели на нее — уклончивый и безучастный взгляд Резерфорда и голодный, трагический, умоляющий взгляд Майкла. Через минуту она поднялась со стула и с легким вскриком бросилась в объятия Гамильтона Резерфорда.

— О, дорогой, — воскликнула она, — какое это имеет значение! Так даже лучше, мне так нравится больше, честное слово, нравится! Я хочу начать именно так! О, пожалуйста, не волнуйся и не грусти ни на минуту!

— Хорошо, детка, — ответил Резерфорд.

Его рука на мгновение нежно погладила ее по волосам, затем он убрал руку, обнимавшую ее.

— Я обещал вернуться на ужин, — сказал он. — Я желаю тебе спокойной ночи и хочу, чтобы ты скорее легла спать и хорошенько выспалась. Спокойной ночи, мистер Керли. Мне жаль, что я посвятил вас во все эти финансовые дела.

Но Майкл уже взял шляпу и трость.

— Я пойду с вами, — сказал он.

III

Это было такое прекрасное утро. Визитку Майклу не доставили, поэтому он чувствовал себя довольно неуютно, проходя перед камерами и киноаппаратами у маленькой церкви на улице Георга Пятого.

Это была такая чистая, новая церковь, и казалось непростительным быть одетым не должным образом. Майкл, бледный и трясущийся после бессонной ночи, решил встать сзади. Оттуда он смотрел на спину Гамильтона Резерфорда и на спину Кэролайн в кружевном одеянии, и на толстую фигуру Джорджа Пакмана, которая выглядела неустойчивой, как будто хотела прислониться к жениху и невесте.

Церемония длилась долго, развевались флаги и вымпелы, густые лучи июньского солнца, косо падавшие сквозь высокие окна, освещали хорошо одетых людей.

Когда процессия, возглавляемая женихом и невестой, двинулась от алтаря, Майкл с тревогой осознал, что он как раз там, где все отбросит парадную чопорность, станут непринужденными и будут болтать.

*Когда процессия, возглавляемая женихом и невестой,
двинулась от алтаря, Майкл с тревогой осознал,
что он как раз там, где все отбросят парадную чопорность,
станут непринужденными и будут болтать.*

Так оно и оказалось. Первыми с ним поздоровались Резерфорд и Кэролайн: Резерфорд — мрачный от напряжения, вызванного женитьбой, и Кэролайн, более прекрасная, чем он когда-либо ее видел. Они мягко проплывали мимо родственников и друзей своей юности, сквозь прошлое и вперед, в будущее, через залитую солнцем дверь.

Майклу удалось пробормотать:

— Прекрасно, просто прекрасно...

Тут мимо него прошли другие участники процессии и кивнули ему: старая миссис Денди, прямо с больничной койки и выглядевшая на редкость хорошо, как прекрасная старая леди, отец и мать Резерфорда, десять лет как разведенные, но шедшие бок о бок и выглядевшие, словно созданы друг для друга. Потом все сестры Кэролайн с мужьями и ее маленькие племянники в итонских костюмах, а затем само длинное шествие, и все они приветствовали Майкла, потому что он все еще стоял, как парализованный, как раз в том месте, где процессия останавливалась.

Он гадал, что же теперь будет. Были заказаны билеты на прием в «Георг Пятый» — видит Бог, небось достаточно дорогое место. Попытается ли Резерфорд потратить последние центы в дополнение к тем катастрофическим телеграммам? Вскоре это стало очевидным. В это июньское утро процессия отправлялась туда, разбившись группами по три-четыре человека. На углу длинные платья девушек, идущих по пять в ряд, развевались на ветру. Девушки стали, словно жемчужины, нанизанные на нить, так чудесно развевались платья на легком полуденном ветру.

Майклу нужно было выпить, он не мог стоять в очереди на прием, не опрокинув рюмашку. Нырнув в боковую дверь отеля, он спросил, где находится бар, куда посыльный провел его через полкилометра новых, выглядящих по-американски коридоров.

Но — как так получилось? — бар был полон. Там было десять-пятнадцать мужчин и две-четыре девушки, все со свадьбы, и всем хотелось срочно выпить. В баре были коктейли и шампанское, но оказалось, все они Резерфорда, потому что он арендовал весь бар, и бальный зал, и две большие комнаты для приемов, и все лестницы, ведущие вверх и вниз, и окна, выходящие на улицы Парижа. Нехотя Майкл присоединился к длинной, медленной очереди гостей. Вокруг только и слышалось: «Такая прекрасная свадьба», «Моя дорогая, ты была просто очаровательна», «Вы счастливый человек, Резерфорд». Когда Майкл подошел к Кэролайн, она сделала один шаг вперед и поцеловала его в губы, но он не почувствовал ее губ, это было нереально, и он уплыл прочь от этого. Старая миссис Денди, которой он всегда нравился, на минуту задержала его руку и поблагодарила за цветы, которые он прислал, узнав о ее болезни.

— Мне так жаль, что я не написала вам, вы знаете, мы, пожилые леди, благодарны за...

Цветы, тот факт, что она не написала, свадьба — Майкл видел, что все это теперь имело для нее одинаковое относительное значение — она выдала замуж пятерых детей и видела, как у двоих брак распался, и эта сцена, такая трогательная, такая сбивающая с толку Майкла, показалась ей просто знакомым фарсом, в котором она уже не раз играла раньше.

На маленьких столиках был накрыт фуршет с шампанским, а в пустом бальном зале играл оркестр. Майкл сел рядом с Джебби Уэст, он все еще был немного смущен тем, что не надел утренний пиджак, но теперь понял, что не одинок в этом упущении, и почувствовал себя лучше.

— Разве Кэролайн не была божественной? — спросила Джебби Уэст. — Такое самообладание. Я спросила ее сегодня утром, не нервничает ли она немного, выходя в свет. А она ответила: «А почему я должна нервничать? Я добивалась его два года, а теперь я просто счастлива, вот и всё».

— Должно быть, это правда, — мрачно сказал Майкл.

— Что?

— Ну то, что вы только что сказали.

Его ударили ножом, но, к своему несчастью, он не почувствовал раны.

Он пригласил Джебби потанцевать. На танцполе уже танцевали вместе отец и мать Резерфорда.

— Мне от этого немного грустно, — сказала она. — Эти двое не встречались много лет, оба были снова женаты, она успела повторно развестись. Она поехала на вокзал встречать его, когда он приехал на свадьбу Кэролайн, и пригласила его остановиться у себя в доме на улице дю Буа вместе со многими другими людьми, все выглядело очень прилично. Но он побоялся, что его жена узнает об этом и ей это не понравится, поэтому живет в отеле. Вам не кажется, что это как-то грустно?

Примерно через час Майкл внезапно осознал, что уже полдень. В одном из углов бального зала была установлена конструкция из экранов, похожих на сцену в кино, где фотографы делали официальные снимки новобрачных. Невеста, неподвижная, как смерть, и бледная, как воск, под яркими огнями, казалась танцорам, кружащим в изменчивом полумраке бального зала, похожей на те веселые и зловещие фигуры, которые можно встретить в парке развлечений «Старая мельница».

После того, как невеста сфотографировалась с женихом, к ней подошли близкие родственники, затем подружки невесты, их семьи, дети. Позже Кэролайн, деятельная и возбужденная, давно уже отказавшаяся от спокойствия, скрытого в ее струящемся платье и огромном букете, подошла к понурому Майклу.

— Теперь мы попросим их сфотографировать кого-нибудь из моих старых друзей.

Ее голос подразумевал, что это желание было самым лучшим, самым интимным из всех.

— Идите сюда, Джебби, Джордж... Не вы, Гамильтон, только мои друзья... Салли...

Немного погодя остатки формальностей исчезли, и часы легко потекли за обильным потоком шампанского. В современной манере Гамильтон Резерфорд сидел за столом, обняв свою суженую, и уверял своих гостей, среди которых было немало сбитых с толку, но восторженных европейцев, что торжество еще не подошло к концу, и после полуночи они поедут в «Зелли». Майкл видел, как миссис Денди, еще не оправившаяся от болезни, поднималась, чтобы уйти, но соседи за столом не отпускали ее, и Майкл рассказал об этом одной из ее дочерей, которая кое-как вывела старушку и усадила в такси. Майкл почувствовал себя очень внимательным и гордым собой после того, и выпил еще больше шампанского.

— Это потрясающе, — с энтузиазмом рассказывал ему Джордж Пакман. — Это шоу обойдется Хэму примерно в пять тысяч долларов, и я так понимаю, что они будут едва ли не последними для него. Но разве он отменил заказ на лишнюю бутылку шампанского или цветов? Не-е-т, только не он! У него есть такая жилка — у этого молодого человека. Вы знаете, что сегодня утром, за десять минут до свадьбы, Т.Г. Вэнс предложил ему зарплату в пятьдесят тысяч долларов в год? Через год он вернется в клуб миллионеров.

Разговор был прерван решением вынести Резерфорда на общих плечах — планом, который шестеро из них воплотили в жизнь, а затем они стояли под вечерним солнцем, махая на прощание жениху и невесте. Но, видимо, где-то произошла ошибка, так как через пять минут Майкл увидел, как жених и невеста спускаются по лестнице в приемную, каждый с бокалом шампанского, вызываясь поднятым вверх.

«Вот это по-нашему, — подумал он. — Щедрость, свежесть и свобода, гостеприимство виргинских плантаторов, но в другом темпе, быстро, как телеграфная лента».

Неосознанно остановившись посреди комнаты, чтобы посмотреть, где среди гостей американский посол, он с удивлением понял, что уже несколько часов не думает о Кэролайн. Он огляделся вокруг с некоторой тревогой, а затем увидел ее в другом конце комнаты, очень яркую, молодую и излучающую счастье. Он увидел рядом с ней Резерфорда, который смотрел на нее так, словно никак не мог насмотреться вдоволь, и пока Майкл наблюдал за ними, они, казалось, удалялись, как он и желал, чтобы они сделали в тот день на улице Кастильони, отдалялись и исчезали в своих собственных радостях и печалях, в годах, которые унесут изящную гордость Резерфорда и юную, трогательную красоту Кэролайн, отдалялись так, что теперь он едва мог их видеть, как будто они были окутаны чем-то туманным, подобным ее белому, развевающемуся платью.

Майкл был исцелен. Торжественная церемония с ее пышностью и весельем стала своего рода посвящением в жизнь, где даже сожаление

не могло последовать за ними. Вся горечь внезапно улетучилась из него, и мир воссоздался из юности и счастья, которые были повсюду вокруг него, расточительные, как весеннее солнце. И когда он отправился попрощаться с Гамильтоном и Кэролайн Резерфорд, то пытался вспомнить, с кем из подружек невесты он договорился поужинать сегодня вечером.

КЛАССОВАЯ РОКИРОВКА

I

Чтобы не отождествлять город слишком точно, сообщу, что он находится на востоке и недалеко от Нью-Йорка, и его значение как финансового центра несоизмеримо с его небольшим населением. Ответственны за это всего три семьи, с разросшимися семейными древами и две отрасли промышленности, которые они контролируют. Здесь есть улица Джадвин и отель «Джадвин», парк Дюнуа и фонтан Дюнуа, больница Герцога и бульвар Герцога.

Джадвины — самые богатые, в радиусе нескольких миль от города никто не может даже подумать о соперничестве с ними. Но к этой истории имеет отношение только один из многочисленных братьев и кузин.

Он захотел подстричься и, конечно же, пошел к Эрлу, в парикмахерскую отеля «Джадвин». Чернокожий портень очнулся от своего летаргического сна, парикмахеры одарили его тайными взглядами, а глаза владельца отеля распахнулись, как только могли. Только Эрл, подстригавший маленького мальчика, сохранял достоинство. Он постучал ножницами по расческе и подошел к Филипу Джадвину.

— Это займет пять минут, мистер Джадвин, — сказал он без подобострастия. — Если вы не хотите ждать здесь, можете позвонить в офис.

— Все в порядке, Эрл, я подожду.

Филип Джадвин сидел с остекленевшими глазами. Ему был тридцать один год, он был строг, красив, трудолюбив и несколько застенчив. Он был влюблен в машинистку из своего офиса, но боялся что-либо предпринять, и временами это делало его несчастным. В последнее время он научился держать себя в руках, но когда он отходил от девушки, его снова тянуло к ней. В двадцать один или в сорок он мог бы умчаться с ней в Эктон, штат Мэриленд, но в его возрасте, в окружении самой консервативной ветви семьи, это было невозможно.

Когда он усаживался в кресло Эрла, в парикмахерскую вошел смуглый мужчина с длинными цепкими руками, сказал: «Привет, Эрл!», скользнул взглядом по Джадвину и направился к маникюрше. Когда он проходил мимо, Эрл бросил ему вслед улыбку, показав этим знакомство.

— Сегодня он дал мне полбутылки ржаного, — сказал Эрл. — Она была уже открыта, и он просто не хотел ее носить с собой.

— Смотри не отрежь мне ухо, — сказал Джадвин.

— Об этом не беспокойтесь, — Эрл бросил взгляд в дальний конец зала и нахмурился. — Он часто делает маникюр.

— У вас хорошенькая девушка на маникюре.

Эрл колебался.

— Я скажу вам по секрету, мистер Джадвин, она моя жена — уже как месяц, — но, поскольку мы оба работаем в одном месте, мы подумали, что не будем пока говорить об этом. Боссу это может не понравиться.

Джадвин поздравил его:

— У вас очень красивая жена.

— Мне не нравится, что она делает маникюр бутлегерам. Хотя с этим Берри все в порядке, он дал мне полбутылки ржаного, довольно неплохого — мне нравятся приятные люди.

Поскольку Джадвин ничего не ответил, Эрл понял, что перешел границы дозволенной ему откровенности. Он работал бесшумно и хорошо, ловкими, успокаивающими движениями. Это был темноволосый, симпатичный молодой парень двадцати шести лет, отличный парикмахер, уравновешенный и не имеющий вредных привычек, кроме лошадей, которых он бросил, когда женился. После горячего полотенца мысль, которая не давала Эрлу покоя с тех пор, как пришел Джадвин, всплыла на поверхность с последним стимулирующим толчком ржаного напитка в его жилах. Может быть, он ему и нахамит, может быть, он даже потеряет клиента, но это был 1926 год, и рынок уже захватил воображение многих классов. Кроме того, к этому его подтолкнули другие люди, и в первую очередь его жена.

— Привилегированные акции «Херт-вин», похоже, растут, мистер Джадвин, — отважился он.

— Да.

Джадвин снова подумал о девушке в своем офисе, иначе он не нарушил бы принципы своей семьи, сказав:

— Посмотри эти акции на следующей неделе, когда... — он умолк.

— Поднимутся еще выше?

Глаза Эрла возбужденно загорелись, но его руки, наливавшие лосьон, были тверды и уверенны.

— Естественно, я верю в это, — осторожно сказал Джадвин, — здесь главное — вовремя купить и вовремя продать.

— Конечно, — благочестиво согласился Эрл. — Никакой пудры для лица, верно?

Возвращаясь тем вечером домой в трамвае, он рассказал об этом Виолет:

— У нас есть две тысячи долларов. С этими деньгами, я думаю, мы сможем приобрести парикмахерскую в Корнуолл-билдинг на три места. У меня есть около двадцати постоянных клиентов, которые точно будут там бриться

и постригаться. Видишь ли, я мог бы купить акции, а затем занять под них денег, чтобы приобрести это помещение. Или же я могу рискнуть, как он мне сказал, купить акции и продать с маржой. Правда, он сам этим мало занимается, он ведь вице-президент компании «Херт-вин». Его старика зовут Сесил Джадвин, ты знаешь... Что бы ты сделала?

— Было бы неплохо заработать много, — сказала Виолет, — но мне не хочется терять деньги.

— Стоит рискнуть?

— Что ж, было бы неплохо иметь много денег. Но решать тебе.

Он принял консервативное решение, довольный своими перспективами, ему нравилась его работа в веселом салоне, где можно было посплетничать, он любил свою жену и свою новую жизнь с ней в новой маленькой квартирке. Он принял консервативное решение, а затем за несколько часов акции «Херт-вин» поднялись на двадцать пунктов. Если бы он их купил, как это сделал один из парикмахеров, которому он доверился, он бы удвоил свои сбережения.

— Почему бы тебе не попросить у него совета еще раз? — предложила Виолет.

— Ему это явно не понравится.

— Да ладно тебе, это его не обидит. Я думаю, ты будешь сумасшедшим, если не спросишь его совета снова.

— Я не смогу.

Тем не менее, он отложил переговоры о магазине в Корнуолл-билдинг.

Однажды, примерно неделю спустя, Филип Джадвин зашел в салон в отвратительном настроении. Девушка, в которую он был влюблен, объявила, что увольняется, и ему стало понятно, как сильно это его волнует.

Эрл, подстригая и брея его, чувствовал, что у него опускаются руки, и у него было такое ощущение, словно он собирался попросить у мистера Джадвина денег. Бритье было окончено, горячее полотенце — еще мгновение, и будет слишком поздно.

— Интересно, собирается ли «Херт-вин» сделать еще один быстрый взлет, — забавным голосом сказал Эрл.

Тут Джадвин вспыхнул. Выпрямившись в кресле, он сказал тихим, сердитым голосом:

— За кого ты меня принимаешь — за информатора с ипподрома? Я прихожу сюда не для того, чтобы мне досаждали. Если ты хочешь сохранить клиентуру...

Он встал со стула и начал надевать галстук. Для Эрла этого было вполне достаточно. Вопреки собственному такту и здравому смыслу, он допустил оплошность, и теперь, стоя с фартуком в руках, он краснел, а губы его дрожали.

Джадвин, повязывая галстук у зеркала, вдруг пожалел его — за утро он нахамил уже трем людям, а теперь понял, что сам виноват. Эрл нравился ему, в течение трех лет Филип был его клиентом, и между ними возникло

что-то вроде чувства: физическая симпатия в те моменты, когда руки Эрла касались его лица, когда он тонкой бритвой осторожно снимал щетину с его чувствительной кожи, или когда он расческой приводил в порядок его волосы. Кресло Эрла было местом отдыха, святилищем, где он прятался под фартуком и мыльной пеной, доверчиво закрыв глаза и ощущая приятные запахи лосьонов и мыла. Он всегда с теплотой вспоминал Эрла на Рождество. И он знал, что Эрл любит его и уважает.

— Послушай, — хрипло сказал он. — Я скажу тебе одну вещь, но не потеряй последнюю рубашку, потому что в этом мире нет ничего определенного. Загляни в завтрашнюю газету — если решение апелляционного суда по делу Честера будет против железных дорог, ты можешь ожидать большой активности по акциям «Херт-вин».

И он осторожно добавил:

— Я так думаю. И никогда больше ни о чем меня не спрашивай.

И вот Эрл попал в «Золотой век».

II

— Видите вон того парня? — говорили парикмахеры своим клиентам три года спустя. — Раньше он работал здесь, но уволился в прошлом году, чтобы позаботиться о своих деньгах. Филип Джадвин дал ему несколько советов... Привет, Эрл. Заходи почаще.

Эрл часто приходил сюда. Ему нравился знакомый запах косметики, доносившийся из маникюрного уголка, где сидели девушки в белой униформе, свеженькие, со слабым запахом румян и одеколона, нравился сверкающий никель кресел, вид футляра с острыми бритвами, шуточные издевательства цветного портье, благодаря всему этому часы летели незаметно. Иногда он просто сидел и читал газету. Но сегодня вечером он торопился на вечеринку, поэтому сел в свою машину и поехал домой.

Это был хороший дом в новом районе, небольшой и нероскошный, потому что Эрл не выбрасывал свои деньги на ветер. Он проработал в парикмахерской еще два года после того, как разбогател, получая десятицентовые чаевые от клиентов, хотя сам мог дать им в дюжину раз больше. Он уволился, потому что Виолет настояла на этом. Его профессия не сочеталась с цветным слугой и огромной собакой, большой прогулочной машиной и множеством маленьких шумных устройств для дома. Джонсоны умели играть в бридж и довольно часто ездили в Нью-Йорк. Его капитал превышал сто тысяч долларов.

Во дворе дома он остановился и подумал, что все это похоже на сон. Он даже не был уверен, счастливый это сон или несчастливый, Виолет была уверена за них обоих, что счастливый.

— Послушай, — хрипло сказал Эрл. — Я скажу тебе одну вещь,
но не потеряй последнюю рубашку,
потому что в этом мире нет ничего определенного...

Она уже одевалась. Она постоянно следила за собой, ее ногти были окрашены и ухожены, каждый день она то завивала волосы, то носила прямые. Она была спокойна как маникюрша, но очень оживлена как молодая жена, она забыла, что их жизнь была когда-то другой, и рассматривала каждый шаг вверх как возвращение в мир, к которому она принадлежала, так же, как мы часто обманываем себя, думая, что принадлежим к окружению выдающегося друга.

— Сегодня я услышал кое-что забавное... — сказал Эрл.

Но Виолет резко перебила его:

— Тебе лучше одеть уже свой смокинг. Сейчас половина седьмого.

Они были немногословны и невнимательны друг к другу, потому что мир, в котором они жили, был новым и отвлекал их друг от друга. На публике они довольно трогательно стыдились друг друга, хотя Эрл по-прежнему хвастался шиком своей жены, а она — его способностью зарабатывать деньги. С того дня, как они переехали в новый дом, Виолет стала вести себя так, словно придерживалась кодекса, светского ритуала, понятного ей одной, но недоступного пониманию Эрла. Она сама не понимала, что, находясь в вакууме, они вынуждены лишь близоруко наблюдать со стороны за миром богачей, а затем пытаться подражать. В таком же положении находились и их друзья. Все они пытались компенсировать отсутствие индивидуальности, говоря, что у такого-то отличное чувство юмора или только тот умеет по-настоящему одеваться, но все они были стерильны и лишены жизненных сил в новых условиях, расплачиваясь этим за переход в средний класс.

— Но я слышал кое-что забавное, — настаивал Эрл, раздеваясь, — о Говарде Шелдере. В центре города я услышал, что он бутлегер, и именно он босс Берри.

— Правда? — безразлично спросила она.

— Ну, и что ты об этом думаешь?

— Я знала об этом. Многие хорошие люди сейчас занимаются бутлегерством, даже светские.

— Но я не понимаю, почему мы должны дружить с бутлегером.

— Но он не похож на бутлегера, — сказала она. — У них прекрасный дом, и они более утонченные, чем большинство людей, которых мы знаем.

— Ну, послушай, Виолет. А ты не хочешь пойти на вечеринку к Эду, который продавал нам кукурузную самогонку, когда мы жили на...

Она возмущенно отвернулась от зеркала:

— Ты же не думаешь, что мистер Шелдер торгует бутылками у задних дверей, не так ли?

— Если он бутлегер, нам не стоит поддерживать с ним отношения, — упрямо продолжал Эрл. — Хорошие люди не будут иметь ничего общего с друзьями бутлегера.

— Ты сам говорил, какая она милая девушка — его жена. Она даже никогда не пьет. Это ты подружился с ними.

— Ну, как бы то ни было, я не собираюсь сегодня идти в дом бутлегера.

*— Если тебе не нравятся те, кого мы знаем,
почему бы нам не познакомиться с другими?*

— Нет, сегодня вечером ты пойдешь.

— Полагаю, что придется, — неохотно сказал он, — но мне не нравится, что ты сидишь рядом с ним и держишь его за руку — даже если это в шутку. Его жене это тоже не нравится.

— О, прекрати, пожалуйста! — нетерпеливо воскликнула Виолет. — Неужели мы никогда не можем пойти куда-нибудь без того, чтобы ты не попытался все испортить? Если тебе не нравятся те, кого мы знаем, почему бы нам не познакомиться с другими? Почему бы тебе не пригласить на ужин кого-нибудь из Джадвинов или Герцогов, если ты такой привереда?

— Мы должны иметь возможность заводить друзей без того, чтобы они были бут...

— Если ты скажешь это еще раз, я закричу.

Когда через полчаса они спустились вниз по дорожке, было слышно, как в доме Шелдера радио играет «Расставание». Это был прекрасный аппарат, но Эрлу он не сулил приятного времяпрепровождения, ведь если бы он

включил свое радио, то мог бы слушать ту же музыку, что и другие. Перед домом стояли три шикарные машины. Одна только что подъехала, и они узнали пару, которую встречали там раньше, — американца итальянского происхождения лейтенанта Спирелли и его жену. Лейтенант Спирелли был одет в офицерскую форму. Говард Шелдер, крупный, крепкий молодой человек с бородой, за которой тщательно ухаживал, зычным голосом приветствовал гостей на крыльце. Как и все люди, которые жили, сами создавая себе блага, Эрл обладал острым чувством относительной важности, а поскольку он в действительности был добрым человеком, его нельзя было упрекнуть в снобизме. Тем не менее, вид итальянца в неподходящей униформе, говорящего на ломаном английском, поверг его в уныние, и он вновь засомневался, на самом ли деле он поднялся в этом мире. В парикмахерской и Шелдер, и Спирелли были бы частью повседневной рутины, встреча с ними подразумевала, что они находятся на одном уровне, что таким был и он сам. Ему это не понравилось. Он чувствовал, что принадлежит к классу мистера Джадвина — не равен мистеру Джадвину, но является частью общества, к которому принадлежал мистер Джадвин.

Он шел чуть позади Виолет. Солнце все еще было желтым, но в воздухе уже витало вечернее спокойствие, крики птиц и детей смягчились и приобрели индивидуальность. Ни у одного из самых скучающих пленников не было такого ощущения пребывания в клетке, как у Эрла, когда он вошел в этот дом, чтобы повеселиться.

В таком же настроении, чуть позже вечером, был и мистер Филип Джадвин, но он шел не на вечеринку, а уже покидал ее. Ужин с танцами в загородном клубе показался ему на редкость банальным, это было предсвадебное мероприятие, и наступил момент, когда он больше не мог выносить этой скукоты. Даже его уход был сопряжен с неприятностями — его остановил зануда, который слезливо рассказал ему о личном горе: его загнала в угол женщина, которая настояла на том, чтобы пройти с ним по подъездной дорожке, и поговорить об инвестициях, несмотря на то, что в каждой второй припаркованной машине сидели парочки, находящиеся на разных стадиях интимной близости. Оставшись наконец в одиночестве, он выехал на главную дорогу и вдохнул погожую июньскую ночь.

Ему было довольно скучно жить, он интересовался бизнесом, но в последнее время чувствовал некоторую бессмысленность в зарабатывании денег для себя, и без того имеющего все. Видимо, бум будет продолжаться вечно, и все шло своим чередом, но он жалел, что не уделял больше внимания своим личным желаниям. Три года назад ему следовало жениться на той девушке из его офиса, которая заставляла его трепетать всякий раз, когда она приближалась. Он побоялся. Теперь трое из родственников, которых он боялся, были мертвы, а его двоюродный брат с тех пор женился на своей стенографистке и совершенно не подвергался осмеянию или преследованию, а девушка оказалась прекрасной женой.

Сегодня утром Джадвин узнал, что девушка, которую он хотел, но не решался взять, уже замужем и у нее есть ребенок. Он встретил ее на улице, она была застенчива, казалось, ей не хотелось называть ему ни свое новое имя, ни свой адрес. Он не знал, любит ли он ее по-прежнему, но она была человеком из того времени, когда все казалось более настоящим. Заботливо воспитанные дети богатых семей с Восточного побережья рано стареют, в свои тридцать четыре Филип Джадвин не был уверен, что у него вообще были какие-либо эмоции.

Но у него было достаточно сентиментальности, чтобы остановиться под ярким лунным светом, посмотреть на адрес в записной книжке и повернуть машину в другом направлении. Он хотел посмотреть, где она живет, он хотел подслушать ее голос, возможно, если бы в доме горел свет, он мог бы понаблюдать за какой-нибудь счастливой семейной сценой. Опять же, если бы она жила в бедности, он мог бы помочь ее мужу продвинуться по службе. Замечательная девушка, в ней было что-то такое, что всегда трогало его, может быть, только раз в жизни...

Он въехал на новую улицу, застроенную симпатичными домами из красного кирпича, Джадвину показалось, что несколько лет назад он владел этой землей или прилегающим участком. Он медленно ехал между освещенными домами, высматривая номер. Было чуть больше десяти.

№ 42, 44, 46 — вон там. Он еще больше сбавил скорость, глядя на ярко освещенный дом, из которого в ночь лилась музыка. Он проехал немного мимо него и заглушил мотор, затем внутри послышались веселые голоса, а в окне он увидел черную мужскую спину на фоне желтого грибовидного фонаря. Там явно жили не бедные люди, дом выглядел уютным, лужайка ухоженной, и это был приятный район. Джадвин был рад.

Он вышел из машины и осторожно побрел по тротуару к дому, остановившись в тени живой изгороди, когда входная дверь открылась, блеснула, хлопнула и на ступеньках остался стоять мужчина. Он был в смокинге и без шляпы. Он спустился по дорожке, и когда Джадвин продолжил свою неторопливую прогулку, они столкнулись лицом к лицу. Они сразу узнали друг друга.

— О, здравствуйте, мистер Джадвин.

— Привет, Эрл.

— Так, так, так, — Эрлу было немного не по себе, и он глубоко вздохнул.

— У них там вечеринка, но я ушел.

— Там случайно не Шелдеры живут?

— Конечно. Крупный бутлегер.

Джадвин вздрогнул.

— Бутлегер?

— Да, но если он думает, что может... — он замолчал и с достоинством продолжил: — Я живу через дорогу. Вон тот дом с колоннадой.

Затем он вспомнил, что мистер Джадвин сам подтолкнул его к приобретению этого дома, и этот факт еще больше отрезвил его:

— Может быть, вы помните... — начал он, но Джадвин перебил:

— Ты уверен, что Шелдер бутлегер?

— Совершенно уверен. Он и сам признает это.

— А что... как к этому относится его жена?

— Она не знала, пока они не поженились. Она сама рассказала мне сегодня вечером, после коктейля — я заставил ее выпить, потому что она была расстроена. Шелдер и моя...

И снова он внезапно сменил тему:

— Не хотели бы вы зайти ко мне домой, выкурить сигару и выпить чего-нибудь?

— Нет, не сегодня, спасибо. Мне надо идти.

— Я не знаю, помните ли вы совет, который дали мне три года назад, мистер Джадвин. Это было началом всего этого.

Он махнул рукой в сторону дома и обвел вокруг него, как будто хотел включить в него и другой дом, и свою жену тоже.

Волна неприязни прошла по лицу Джадвина. Он вспомнил этот случай, и если это был результат, то он сожалел об этом. Он был простым человеком с простыми вкусами, его любовь к Ирэн была основана на любви к хорошенькой девушке. Его потрясло, что ей приходится жить в этой атмосфере, которая является лишь имитацией настоящей жизни. Он вздрогнул, когда в ночи раздались взрывы пронзительного смеха.

— И поверьте мне, я очень благодарен вам, мистер Джадвин, — продолжал Эрл. — Я всегда говорил, что если у нас когда-нибудь будет сын...

— Как у тебя идут дела? — поспешно спросил Джадвин.

— О, все идет отлично. Я зарабатываю много денег.

— Чем ты занимаешься?

— Просто смотрю на котировки, — извиняющимся тоном сказал Эрл. — На самом деле, я бы хотел получить хорошую должность. Мне пришлось уйти из парикмахерской, мне казалось, что это не сочетается с моим основным заработком. Но мне всегда было немного жаль. Вот, например, доктор Джордан. Он говорит мне, что у него на бумаге больше трехсот тысяч долларов, и он все еще продолжает тратить не более пяти долларов за день. Потом есть портье в «Фёрст Нэшнл»...

Они оба внезапно обернулись — по гравийной дорожке с задней стороны дома спускалась женщина с небольшой сумкой в руках. Там, где дорожка переходила в тротуар, она постояла мгновение в лунном свете, глядя на дом, затем, странно, с отчаянием дернув плечами, быстро пошла по тротуару. Прежде чем Джадвин или Эрл успели пошевелиться, входная дверь распахнулась, и крупный мужчина в смокинге выскочил наружу вслед за ней. Когда он догнал ее, они услышали обрывки разговора. Его голос был возбужденным и убедительным, а ее — тихим и презрительным.

— Ты с ума сошла, говорю тебе!

— Всего лишь еду к сестре. Я рада, что ребенок там.

— Я говорю тебе, что я не...

— Ты не можешь целовать женщину у меня на глазах в моем собственном доме, и твои друзья не должны спать на моей кровати.

— А теперь посмотри сюда, Ирэн!

Через мгновение она сдалась, презрительно пожала плечами и уронила сумку. Он взял ее за руку, и они вместе пошли по гравийной дорожке, по которой она вышла.

— Это была она, миссис Шелдер, — сказал Эрл.

— Я узнал ее.

— Она прекрасная молодая женщина. Кто-то должен что-то сделать с этим Шелдером. Я бы хотел пойти туда сейчас и забрать свою жену.

— Почему же не пойдешь? — спросил Джадвин.

Эрл вздохнул.

— Какой в этом смысл? Просто произойдет ссора, и завтра никто из них не вспомнит об этом. Я был на многих подобных вечеринках с тех пор, как переехал сюда, мистер Джадвин. Завтра они все равно наверстают упущенное.

И вот теперь на улице появился еще один человек. Это была Виолет, которая отметила свой уход каким-то пронзительным заявлением, обращенным к людям внутри, прежде чем захлопнуть дверь. Это выглядело так, как если бы остальные, войдя через кухню, вытолкали ее через переднюю дверь. Спускаясь по дорожке, она увидела Эрла.

— Я больше никогда не хочу видеть эту компанию, — сердито начала она.

— Тс-с! — предупредил ее Эрл. — Послушай, Ви, я хочу познакомить тебя с мистером Джадвином. Я тебе уже рассказывал о нем. Мистер Джадвин, это моя жена Виолет.

Поведение Виолет изменилось. Ее рука взметнулась, чтобы пригладить волосы, а на губах появилась ласковая улыбка.

— Здравствуйте, мистер Джадвин, как приятно вас видеть. Надеюсь, вы простите мой внешний вид, я была... — она благоразумно замолчала. — Эрл, почему бы тебе не пригласить мистера Джадвина к нам домой выпить?

— О, вы очень добры, но...

— Наш дом через дорогу. Полагаю, он не кажется вам страшным.

— Он выглядит очень мило.

— Да, — сказала Виолет, перебирая в уме темы для разговора... — Я прочитала в газетах, что ваша сестра выходит замуж. Я знаю женщину, одну из ее подруг, — некую миссис Леммон. Вы ее знаете?

— Боюсь, я...

— Она очень милая. У нее хороший дом на Пенн-стрит.

Она снова пригладила волосы.

— Боже, я, должно быть, выгляжу немного несуразно, хотя я сегодня днем сделала укладку.

— Мне пора идти, — сказал Джадвин.

— Вы точно не желаете выпить? — спросил Эрл.

— Нет, в другой раз.

— Что ж, тогда спокойной ночи, — сказала Виолет. — Если вы будете проезжать мимо и захотите выпить, мы будем очень рады, если вы просто заглянете к нам, неофициально.

Они вместе перешли улицу, и он увидел, что встреча с ним на время вытеснила из их памяти неприятный вечер. Эрл шел настороженно, а Виолетта то и дело похлопывала себя по различным частям тела. Ни один из них не смотрел по сторонам, как будто это было неблагоприятно. Вечеринка в доме Шелдеров все еще продолжалась, но теперь в спальне наверху горел свет, и, заводя машину, Джадвин на мгновение посмотрел туда.

— Все это ужасно запутано, — сказал он.

III

Нигде в Америке падение рынка не ощущалось так остро, как в этом городке. Поскольку это была штаб-квартира «Херт-вин индастриз» и все чувствовали себя так или иначе причастными к этому, падение было огромным. Темной осенью казалось, что каждый человек в городе был в той или иной степени вовлечен в этот процесс.

Эрл Джонсон получил удар в подбородок. Две трети его денег растаяли во время первого спада, пока он беспомощно наблюдал за происходящим, хватаясь за каждый совет в газетах, за каждый дикий слух в толпе. Он чувствовал, что есть один человек, который, возможно, смог бы ему помочь; если бы он все еще был парикмахером и брил мистера Филипа Джадвина, он мог бы спросить: «Что мне лучше сделать сейчас?» — и получить правильный ответ.

Однажды он даже позвонил к нему в офис, но мистер Джадвин был занят. Больше он не пробовал. Когда он встретил парикмахера из салона отеля «Джадвин», он не мог не заметить ответной сочувственной ухмылки; по-людски он сам считал свой недолгий взлет комичным. Но по-настоящему он понял, что произошло, только через несколько месяцев, когда его имущество начало исчезать. Ушел автомобиль, ушел заложенный дом, хотя они продолжали жить в нем на условиях аренды, ожидая его перепродажи. Виолет предложила продать свое жемчужное ожерелье, но когда он согласился, ей стало так его жалко, что он запретил ей это делать.

Все что у них осталось — это стиральные машины, радиоприемники, электрические холодильники, которые были в ходу на рынке. Когда начался 1930 год, Эрл увидел, что им ничего не удалось спасти — ни любви, с которой они начинали жизнь, ни счастливых воспоминаний, ни нескольких мимолетных восторгов. Они не обрели новых знаний или возможностей — ничего, осталась только пустота в пространстве, где пролетело три года. Весной 1930 года он

вернулся в парикмахерскую. И снова работал за своим старым креслом, было очень волнительно, когда один за другим приходили его старые клиенты.

— Что я вижу? Эрл! Ну вот, как в старые добрые времена.

Некоторые из них не знали о его процветании, а из тех, кто знал, некоторые деликатно молчали, другие лишь шутовски и с сочувствием упоминали об этом, никто не ворошил прошлого. В течение месяца постоянные клиенты занимали половину его времени, как в старые добрые времена, люди появлялись в дверях и говорили:

— Через полчаса, Эрл?

Он снова стал самым популярным парикмахером, лучшим мастером в городе. Его пальцы стали гибкими и мягкими, ритм работы в салоне вошел в него, и что-то подсказывало ему, что теперь он парикмахер на всю жизнь. Он не возражал: наименее приятные моменты в его жизни — это похмелье от процветания.

Во-первых, там бывал мистер Джадвин. Когда-то он был его самым преданным клиентом, но в первый же день после возвращения Эрла он зашел в салон, вздрогнул, узнав его, и пошел к другому парикмахеру, хотя кресло Эрла было пусто. Другой парикмахер потом почти извинялся за это.

— Он твой клиент, — сказал он Эрлу. — Он просто привык приходить ко мне, пока тебя не было, и он не хочет так сразу перейти к тебе.

Но Джадвин никогда не приходил к Эрлу, на самом деле, он явно избегал его, и Эрл глубоко это чувствовал и не понимал. Но самая большая его беда была дома, дом превратился в сущий кошмар. Виолет так и не смогла простить ему того, что он прогорел при крахе Уолл-стрита, после того как сначала одурачил ее богатством. Она даже поверила, что вышла за него замуж, когда он был очень богат, и что это он низверг ее в пучину бедности. Она видела, что жизнь больше никогда не подбросит его так высоко, и была готова уйти.

Проснувшись однажды апрельским утром, Эрл осознал, что уже минут десять, а может быть, и полчаса она не спала и стояла у окна.

— В чем дело, Ви? — спросил он. — Что ты ищешь?

Она вздрогнула и обернулась.

— Ничего. Я просто стояла здесь.

Он спустился вниз за газетой. Когда он вернулся, она снова стояла у окна, наблюдая за ним, и бросила на него странный взгляд, прежде чем приступить к завтраку. Он присоединился к ней через десять минут.

— Одно решено, — сказал он. — Я собирался продать акции «Уоррен Файлс» за любую сумму, но сегодня утром этой компании вообще нет на торгах. Ты что-нибудь слышала?

— Я полагаю, с ней все хорошо, как и с остальными твоими инвестициями?

— У меня больше нет никаких инвестиций. И вот что я собираюсь сделать сегодня — я сниму все наличные, что у меня остались. Их достаточно, чтобы купить новую парикмахерскую в здании Герцога. И я намереваюсь сделать это прямо сейчас.

— У тебя есть наличные? — потребовала ответа Виолет. — Сколько?

— В сберегательном банке есть две тысячи. Я не говорил тебе о них, эти деньги были отложены на плохие времена, и вот они наступили.

— И все же ты продал машину! — спросила Виолет. — Ты позволяешь мне работать по дому и говоришь о продаже моих драгоценностей!

— Не надо, Ви. Как ты думаешь, насколько нам хватило бы двух тысяч, живи мы так, как жили раньше? Лучше радуйся, что они есть у нас сейчас, потому что если у меня будет эта парикмахерская, то она будет моей, и никто не может лишить меня работы, что бы ни случилось.

Он замолчал. Она встала из-за стола и подошла к окну, выходящему на улицу.

— Что там такое? Можно подумать, что там уличный парад, — спросил Эрл.

— Я просто хотела посмотреть, нет ли почтальона.

— Он будет лишь через час, — сказал он. — Как бы то ни было, около месяца назад я внес задаток в двести долларов за это помещение. Я ждал, не изменится ли ситуация на рынке.

— Сколько, ты сказал, у тебя в банке? — внезапно спросила она. — Около двух тысяч долларов?

Когда он ушел, Виолет оставила посуду на столе и вышла на крыльцо, где села и устремила взгляд на дом Шелдера напротив. Мимо прошел почтальон, но она едва заметила его. Через полчаса появилась Ирэн Шелдер и поспешила к машине. Виолет осталась сидеть.

В половине одиннадцатого перед домом Шелдеров остановилось такси, и через несколько минут из дома вышел сам Шелдер, неся пару чемоданов. Для нее это был сигнал. Она поспешила перейти улицу и поймала его, когда он садился в такси.

— У меня появилась новая идея, — сказала она.

— Да, но мне пора ехать, Виолет. Мне нужно успеть на поезд.

— Не бери в голову. У меня есть новая идея. Кое-что для нас обоих.

— Я же сказал, что мы можем решить это позже, когда я все улажу. Я напишу тебе на следующей неделе, клянусь, я так и сделаю.

— Это замечательная идея, ты просто послушай. Это настоящие деньги, и мы можем получить их сегодня.

Шелдер заколебался.

— Если ты имеешь в виду свое ожерелье, то его хватит всего лишь на дорогу до побережья.

— Я говорю о двух тысячах долларов наличными.

Шелдер поговорил с таксистом и перешел с ней через улицу. Они уселись в гостиную.

— Если я заполучу эти две тысячи, — сказала Виолет, — ты заберешь меня с собой?

— Где ты их возьмешь? — спросил он.

— Я знаю, где их взять. Но сначала ответь мне.

— Я не знаю, — нерешительно сказал он. — Как я уже говорил тебе, эта филладельфийская мафия дала мне двадцать четыре часа, чтобы убраться из города. Неужели ты думаешь, что я поступил бы иначе, если бы у меня были деньги? Сегодня утром Ирэн отправилась устраиваться на свою старую работу.

— Она знает, что ты уезжаешь?

— Она думает, что я еду в Чикаго. Я сказал ей, что пришлю за ней и ребенком, когда устроюсь.

Виолет облизнула губы.

— Ну, как насчет этого? Две тысячи долларов дадут нам возможность осмотреться — хоть что-то для начала.

— И как их достать?

— Деньги в банке, и они в такой же степени мои, как и Эрла, потому что находятся на совместном счете. Но тебе лучше думать побыстрее, потому что он хочет потратить их на парикмахерскую. А потом он захочет, чтобы я вернулась к маникюру. Говорю тебе, я не смогу долго выносить такую жизнь.

Шелдер прошелся взад-вперед, размышляя.

— Хорошо. Выпиши мне чек, — сказал он. — И иди собирай свои вещи.

В этот момент Ирэн Шелдер разговаривала с Филипом Джадвином в его кабинете в здании Герцога.

— Конечно, вы можете вернуться на свою должность, — сказал он. — Мы в компании скучали по вам. Присядьте на минутку и расскажите мне, чем вы занимались это время.

Она села, и пока она говорила, он наблюдал за ней. На ее лице была едва заметная маска несчастья и испуга, но под ней он чувствовал тихое очарование, которое всегда трогало его. Она откровенно рассказала обо всем, что накопила внутри себя за два года.

— А когда он пошлет за тобой? — спросил он, едва она закончила.

— Он не пошлет за мной.

— Откуда ты знаешь?

— Я просто знаю. Он... ну, я не думаю, что он поедет один. Есть женщина, которая ему нравится. Он думает, я не знаю, но я не могла не знать. О, все это просто ужасно. В любом случае, если он и пошлет за кем-нибудь, то только за ней. Я думаю, он бы взял ее с собой сейчас, если бы у него были деньги.

Филипу Джадвину захотелось обнять ее и прошептать:

— Теперь у тебя есть друг. Все эти неприятности позади.

Но он только сказал:

— Может, так для него и лучше — просто уйти. Где ваша малышка?

— Она с понедельника у моей сестры, я боялась оставлять ее дома. Видите ли, Говарду угрожали какие-то люди, с которыми он раньше вел грязные дела, и я не знаю, на что они способны. Вот почему он уезжает из города.

— Я понимаю.

Несколько часов спустя секретарша Джадвина принесла записку:

«Уважаемый мистер Джадвин,

Как Вы, вероятно, знаете, я взял опцион на новую парикмахерскую, положив двести долларов на счет мистера Эдсолла. Так вот, я решил его реализовать, и, как я понимаю, мистер Эдсолл находится за городом, и я хотел бы обсудить сделку сейчас, если бы Вы могли меня принять.

*С уважением
Эрл Джонсон».*

Джадвин не знал, что у Эрла есть такая возможность, и это известие было для него нежелательным. Он чувствовал себя виноватым перед Эрлом, а от чувства вины перед ним был всего один шаг до неприязни к нему. Он привык думать о нем, как о биржевом спекулянте, и, взглянув потом на сомнительный рай, который Эрл купил на свои деньги, он с отвращением смотрел на эту историю и на саму ее жертву. Избежав встречи с Эрлом в парикмахерской, он теперь столкнулся с тем, что тот оказался в здании, где у него был собственный офис. «Попробую его отговорить», — подумал он.

Когда Эрл вошел, он заставил его стоять.

— Ваша записка была для меня довольно неожиданной, — начал он.

— Я только что принял решение, — смиренно сказал Эрл.

— Я хочу сказать, что удивлен тем, что вы так быстро снова отправляетесь в самостоятельное плавание. Я не думал, что вы ввяжетесь в очередную авантюру именно в это время.

— Это не авантюра, мистер Джадвин. Я разбираюсь в парикмахерском бизнесе. Всегда, когда босса не было, я брал все на себя, он вам это подтвердит.

— Но любой бизнес требует определенного финансового опыта, умения считать расходы и доходы. В этом городе было много неудач из-за того, что люди начинали то, с чем не могли справиться. Вам лучше все тщательно обдумать, прежде чем что-то предпринимать.

— Я тщательно все обдумал, мистер Джадвин. Я собирался купить магазин три года назад, но вложил деньги в «Херт-вин», когда получил от вас совет.

— Вы помните, я не хотел вам его давать и сказал, что вы, вероятно, все потеряете.

— Я никогда не винил вас, мистер Джадвин, никогда. Это было то, во что мне не следовало вмешиваться. Но парикмахерский бизнес — это то, в чем я разбираюсь.

— Почему вы должны винить меня?

— Я и не виню. Но когда вы избегали моего кресла в салоне, я подумал, что, может быть, вы думаете, что я вас обвиняю.

Это было сказано не слишком приятно.

— Послушайте, Эрл, — поспешно сказал Джадвин. — Мы уже почти договорились с другим человеком по поводу этой парикмахерской. Не могли бы вы отказаться от этой затеи, если мы заплатим вам, скажем, двести долларов?

Эрл потер подбородок.

— Говорю вам, мистер Джадвин, у меня всего две тысячи долларов, и я не знаю, что с ними делать. Если бы я знал какой-нибудь другой способ заставить их работать на меня... Но в наше время человеку опасно заниматься спекуляцией, если только у него нет инсайдерской информации.

— Это опасно для всех и всегда, — нетерпеливо заметил Джадвин. — Тогда, насколько я понимаю, вы настаиваете на том, чтобы заняться этим вопросом прямо сейчас?

— Если только вы не могли бы предложить что-нибудь еще, — нерешительно произнес Эрл.

— Если только я не дам тебе еще один совет, а?

Джадвин невольно улыбнулся.

— Что ж, если дело обстоит именно так... У вас деньги с собой?

— В сберегательном банке. Я могу выписать вам чек.

Джадвин вызвал свою секретаршу и дал ей записку с просьбой позвонить в банк и узнать, действительно ли деньги находятся на депозите. Через несколько минут она прислала сообщение, что так оно и есть.

— Хорошо, Эрл, — сказал Джадвин. — Считайте, это парикмахерская ваша. Полагаю, что через несколько месяцев вы продадитесь за счета соседней прачечной, но это ваше дело.

Зазвонил телефон на его столе, и секретарша соединила его с кассиром сберегательного банка:

— Мистер Джадвин, всего через несколько минут после звонка вашей секретарши некто предъявил чек, выписанный на счет Эрла Джонсона.

— Ну и?

— Если мы его исполним, у него останется всего шестьдесят шесть долларов вместо двух тысяч шестидесяти шести. Это совместный счет, и этот чек подписан Виолетой Джонсон. Человек, желающий обналичить его, — Говард Шелдер. Он выписан на его имя.

— Подождите-ка минутку, — быстро сказал Джадвин и откинулся на спинку стула, чтобы подумать. Ему вспомнились слова Ирэн Шелдер: «Есть женщина, которая ему нравится... Он бы взял ее с собой сейчас, если бы у него были деньги».

Теперь, очевидно, эта женщина нашла деньги. «Это чертовски серьезно, — подумал он. — Если я скажу им обналичить чек, Эрл, вероятно, потеряет свою жену, причем при моем попустительстве».

Но в глубине души он знал, что это освободит Ирэн Шелдер.

Филип Джадвин принял решение и наклонился к трубке:

— Хорошо, обналичивайте, — он повесил трубку и повернулся к Эрлу. — Что ж, выписывайте свой чек. На две тысячи долларов.

Он встал, с ужасом осозная, что натворил. Он наблюдал, как Эрл склонился над своей чековой книжкой, зная, что чек вернется неоплаченным и что вся операция бессмысленна. И, наблюдая, как пальцы неуклюже сжимают авторучку, он подумал, как ловко эти же пальцы управляют с бритвой, так ловко, что не было ни рывка, ни царапины, как эти пальцы манипулируют горячим полотенцем, которое никогда не обжигает, намазывают целебный лосьон...

— Эрл, — внезапно сказал он, — если бы кто-то сказал тебе, что твоя жена сбежала с другим мужчиной, что она едет на вокзал — что бы ты сделал?

Эрл пристально посмотрел на него.

— Мистер Джадвин, я бы поблагодарил Бога, — сказал он.

Минуту спустя он вручил чек Джадвину и получил подписанную бумагу, транзакция была завершена.

— Я надеюсь, вы когда-нибудь окажете нам честь, мистер Джадвин.

— Что? О, да, Эрл. Конечно, я так и сделаю.

— Спасибо вам, мистер Джадвин. Я постараюсь сделать все возможное.

Когда он ушел, Джадвин взглянул на чек и разорвал его на мелкие кусочки. К этому времени Шелдер и жена Эрла, вероятно, уже были на вокзале.

— Интересно, какого дьявола я натворил? — размышлял он вслух.

IV

Так у Эрла Джонсона появилась парикмахерская в здании Герцога. Это веселый салон, яркий и современный, вероятно, самый процветающий в городе, хотя многие клиенты и настаивают на личном внимании Эрла. По своей натуре Эрл — счастливый и общительный человек, со временем он обязательно снова женится. Он знает свой персонал и поддерживает его, и это не самое важное и не самое похвальное, что можно сказать о нем.

Время от времени он делает ставки на лошадей, сообразуясь с советами, которые получает из газеты, на которую подписана парикмахерская.

— Хорошо, сэр, — произнес он, — тогда через двадцать минут. Я буду ждать вас, мистер Джадвин.

И затем, возвращаясь к своему креслу, говорит:

— Это Филип Джадвин. Он славный парень. Должен признать, мне нравятся славные парни.

«Душа раба», — как говорят марксисты. Во всяком случае, именно такая душа у Эрла, и он этим вполне доволен. Мне тоже нравится Эрл.

ДИАГНОЗ

I

Какое-то время большой лайнер, такой уверенный и гордый в открытом море, здесь, в порту, как беспомощная старуха, с позором толкался буксирами, — его трубы облегченно фыркнули, когда он наконец причалил к своему пирсу. С палубы Сара Этерингтон увидела Чарли, который ждал ее в Нью-Йорке, и с ней что-то произошло. Нью-Йорк, на который она смотрела с гордостью и удивлением, вместился в его фигурку без остатка, он вобрал в себя его броские и динамичные виды. Фигурка двинулась большими мужскими шагами ей навстречу, и внезапно все стало таким же знакомым, как и четыре месяца назад. Она заметила, что в нем что-то изменилось и он выглядел странно. Но у подножия трапа, бросившись в объятия, она в нарастающем стаккато радости встречи совершенно забыла об этом.

— Дорогая, дорогая...

— Дай-ка я посмотрю...

Они стояли под буквой «О», ждали таможенного досмотра, и Сара заметила новую забавную морщинку на переносице, а он вместо того, чтобы вести себя непринужденно, суетился и спорил с таможенником, как будто это было безнадежно запутанное дело.

— Мне нужно поспешить обратно в офис, — несколько раз сказал он.

Пассажиры корабля, проходя мимо, бросали на нее прощальные взгляды, потому что она была самой красивой девушкой среди них. Она была высокой, с сияющими глазами, которые менялись так же, как и губы, — были то веселыми, то тревожными, то грустными, но волшебно красивыми когда она улыбалась. Все лето европейские мужчины рассказывали ей об этом, но в ее голове звучал только голос Чарли, и много раз за эти месяцы ей снились сны, в которых он подхватывал ее на своего скакуна и уносил прочь. Он был одним из тех мужчин, у которых был скакун, она всегда знала, что он привязан снаружи и ждет удобного момента. Но сейчас, в кои-то веки, она этого не услышала, хотя и прислушивалась к отдаленному фырканию и топоту копыт.

Позже они остались наедине, и, когда он обнял ее, она спросила:

— Почему ты такой бледный? Мой мальчик слишком много работает? Разве теперь, когда я дома, ты о чем-то беспокоишься? Совсем скоро мы будем принадлежать друг другу навсегда.

Он откинул голову назад нехарактерным для него вызывающим жестом — как бы говоря: «Ладно, раз уж ты заговорила об этом!» — и заметил:

— Ты читаешь газеты? Ты хоть понимаешь, что здесь происходит?

— У тебя ведь нет неприятностей, не так ли?

— Пока нет, по крайней мере, не сейчас.

— Что ж, давай порадуемся этому. Просто давай сейчас не будем...

Он покачал головой, глядя куда-то вдаль, не сфокусировавшись ни на чем.

— Ты не понимаешь, — выпалил он. — Ты только что приехала, поживи несколько дней и увидишь. Все рухнуло, и никто не знает, что с этим делать.

Внезапным усилием он взял себя в руки:

— Я знаю, что это не лучший разговор при встрече, Сара. Мне жаль. Может быть, я преувеличиваю, хотя и не понимаю, но...

Его взгляд снова был устремлен куда-то вдаль, и Сара поспешно сменила тему:

— Бен сдал экзамены или что там у него в Принстоне? Послушай, я купила самые великолепные греческие и римские солдатик для Дикки, есть даже египетские воины. Такие красивые, что я подумывала оставить их себе. И костюм от Трипьера для Бена, и сюрприз для тебя.

Это напомнило ему кое о чем.

— У тех людей на пирсе, похоже, в чемоданах полно предметов роскоши. Я весьма удивлен этим.

— Но разве мы не должны что-то покупать? Разве в этом проблема?

— Беда в том, что... — начал он и снова оборвал себя.

Он был красив, лицо у него было доброе, а голос был с южной нежностью, все еще сохранявшейся в нем. За весь год их помолвки Сара ни разу не видела, чтобы он проявлял беспокойство или озабоченность. Четыре месяца назад она рассталась с преуспевающим молодым человеком с Уолл-стрит, самостоятельным, крепким и циничным, который пережил первые обвалы рынка без огромных потерь и сохранил уверенность в себе.

Завтра она должна точно выяснить, что же изменило ситуацию.

Завтра было воскресенье, Чарли заехал за ней и отвез в свою квартиру, где он был отцом и матерью для двух своих младших братьев. Бен учился в колледже, Дикки, которому было одиннадцать лет, с восторженным видом раскладывал солдатиков нетерпеливыми от восторга пальцами.

Это были римские легионеры с короткими яркими мечами, шлемами и щитами, завоеватель на колеснице с шестью лошадьми и свитой римских всадников с плюмажами, пленные галлы в цепях, греки в котурнах и ионических туниках синего цвета, черные египтяне в красных одеждах с изображениями Исиды и Осириса, катапульта и, сверкающие позолотой, Ганнибал, Цезарь, Рамзес и Александр.

Чарли обратился к Дикки:

— Тебе лучше есть, пить и веселиться сейчас.

Вполне возможно, это последний ценный подарок в твоей жизни.

Чарли устался на это великолепие.

— Какие чудесные вещи, — рассеянно сказал он, — интересно, долго ли их еще будут выпускать?

Сара, помогая расставлять солдатиков, ничего не ответила, а он добавил:

— Это кажется каким-то кошунством.

Затем Чарли обратился к Дикки:

— Тебе лучше есть, пить и веселиться сейчас. Вполне возможно, это последний ценный подарок в твоей жизни. И, может быть, скоро ты будешь радоваться старой бите и мячу в каком-нибудь захламленном переулке.

По выражению тревоги, появившейся в глазах Дикки, Сара поняла, что подобные речи звучали в доме и раньше.

— Это нелепо, — резко сказала она. — Я считаю, что вгонять детей в депрессию — это ужасно. Дети ничего не могут сделать, они просто испугаются. Они не понимают, что разговоры взрослых не всегда соответствует действительности.

— Но я действительно это имел в виду. Я хочу, чтобы они знали правду. Если бы мы не жили так долго в чудесном золотом сне, может быть, мы могли бы видеть вещи по-другому.

В тот день Сара попыталась еще раз узнать что-нибудь, когда они тихо ехали по Центральному парку.

— Расскажи мне спокойно, что с тобой случилось, — попросила она его. — Я люблю тебя и, возможно, смогу помочь. Я знаю, что эти мрачные времена действуют тебе на нервы, но я вижу, есть кое-что еще, и, если ты откроешься, это пойдет тебе на пользу.

Чарли крепче обнял ее.

— Ты милый и храбрый человек, — сказал он. — О, Сара, я клянусь тебе, что ничего другого нет. В прошлом месяце я проходил страховой медосмотр, и мне сказали, что я в прекрасной форме. Я был рад, потому что сейчас ужасно боюсь заболеть. В финансовом отношении мне повезло. И я люблю тебя больше всего на свете.

— Значит, мы поженимся в следующем месяце?

Он нерешительно посмотрел на нее.

— Если ты считаешь, что это разумно, но давай в другое время.

Она рассмеялась немного печально.

— Люди не могут перестать влюбляться, и ждать, пока не наладятся дела на бирже.

— Сейчас это кажется невозможным.

— Ты что, бросаешь меня?

— Это абсурд. Я только сказал...

Ее вздох прервал его.

— Чарли, в чем дело? Прошлой зимой ты помогал мне с хлебной линией, но выбросил все из головы, как только отошел от нее. Что с тобой сейчас происходит, когда началось это постоянное беспокойство?

— Примерно тогда, когда ты уехала. Мой друг застрелился, потом рухнул брокерский дом в Нью-Йорке, потом все эти банки в Огайо. Все говорили только об одном. Ты приходишь на вечеринку, и какая-нибудь женщина, протягивавшая тебе коктейль, говорит: «А вы знаете, что такая-то и такая-то акция упала на четыре пункта?» Я начал понимать, что все товары начинают производиться в других странах мира дешевле, чем в Америке. Ты знаешь, что Пяти-летний план...

— Замолчи, Чарли! Я не хочу это слышать! О, святые небеса, предположим, что это правда. Мы-то с тобой молоды. Нам не нужно бояться начинать все сначала. Я не могу вынести, когда ты вот так разваливаешься на куски, — она безжалостно посмотрела на него. — Лежишь на спине и брыкаешься.

— Я думаю о тебе и о Дикки. Для Бена летом я найду работу. Если он будет ждать еще год, чтобы закончить школу, то работы может уже не остаться.

Сара поняла, что разговаривает с больным человеком и что в данный момент говорить больше не о чем. Она попыталась завоевать его доверие, выслушав его без возражений. Потом предложила ему уехать на некоторое время, но он рассмеялся над этим предложением.

— Ну, Эдди Брюн уехал на три дня, предупредив, чтобы его не беспокоили. Когда он вернулся, то обнаружил...

У Сары было тяжело на душе. Почти впервые в своей жизни она не знала, что делать. Она знала достаточно о современной психологии, чтобы предположить, что настроение Чарли может быть внешним проявлением каких-то личных проблем, но она также знала, что Чарли считал психоанализ прибежищем слабых и неуравновешенных.

Шли дни, и она обнаружила, что ее нежность больше не может достучаться до него. Сара была всерьез напугана.

Затем в конце недели он пришел навестить ее с воспаленными и полными отчаяния глазами.

— Ты думаешь, я сумасшедший? — вырвалось у него. — Возможно, ты права. Вполне возможно. Бывают моменты — особенно утром, когда я хорошо выспался, или после пары коктейлей, — когда мирские проблемы, кажется, рассеиваются, и я чувствую себя, как раньше. Но такие моменты становятся все реже. Одно я знаю точно — Генри Кортелоу считает, что я уже не так горяч. Он смотрит на меня с подозрением и несколько раз коротко разговаривал со мной в офисе. Сомневаюсь, что я там задержусь надолго.

Он говорил хладнокровно и логично. Он хотел освободить ее от обещания выйти за него замуж. Он думал, что ее возвращение могло бы помочь, но этого не произошло. Когда он ушел, помолвка была расторгнута, но ее любовь к нему не закончилась, надежда не угасла, а ее действия только начинались.

II

На следующее утро она записалась на прием к Генри Кортелоу, старшему партнеру фирмы. Благодаря ему они впервые встретились.

— Вы не заметили ничего странного в Чарли? — спросила она.

— Да. Он ведет себя так, как будто у него намечается нервный срыв. В наше время люди все воспринимают тяжело.

— Я думаю, что дело не в этом, — медленно произнесла Сара.

Она рассказала о солдатиках Дикки, об уходе Бена из колледжа и о расторгнутой помолвке.

— Люди, которые действительно нуждаются в помощи, могут быть меланхоличными и склонными к самоубийству только из-за депрессии, но это не случай Чарли. Предположим, что у человека была какая-то тайная проблема, какая-то неувязка с окружением. А потом успех подхватил его и несколько лет кружил по жизни так быстро, что у него не оставалось времени на нормальные переживания. А потом его вдруг поставили на землю и велели идти пешком — больше никакой веселой езды верхом. Ну что ж, он окажется в кромешной тишине, и его личная беда подкрадется снова, и, возможно, он уже забыл, как

с ней справляться. Естественно, он спутает ее с неровной дорогой и будет винить каждый камень на пути вместо того, чтобы посмотреть правде в глаза. Все это нытье в машине. Как бы то ни было, я не могу поверить, что Чарли ведет себя так без причины.

— И в чем причина?

— Ему придется выяснить это самому, — сказала Сара. — Но я думаю, что первое, что вам следует сделать, — это попросить его уволиться из фирмы.

— Это может стать последней каплей, — возразил Кортеллоу. — В сущности, работа у него идет неплохо. Только в последнее время он ходит по офису довольно унылой, и нам не нравится, как он ведет себя на улице. Это может навести людей на мысль, что у нас не все в порядке.

— Тогда заставьте его взять годовой отпуск без сохранения заработной платы, — сказала Сара. — Он не будет удивлен. И я думаю, что ему нужно, чтобы с ним произошло все то, чего он так боится, и он бы узнал, что на самом деле проблема не в этом. Я люблю его, дядя Генри. Я не думаю сдаваться.

— Мне нужно время до завтра, чтобы все обдумать.

На следующий день, когда Чарли вернулся в свою квартиру, он обнаружил письмо от Сары. Он все еще был поглощен разговором с Генри Кортеллоу, поэтому долго сидел, не открывая его. Удар, нанесенный его увольнением, должен был ошеломить его, но на самом деле он почувствовал определенное облегчение. Теперь он будет искать работу и узнает самое худшее, он станет частью той огромной армии, которую гонит темная буря. Уже мысленно смешиваясь с ней, разделяя ее скудный хлеб, он чувствовал удовлетворение от возможности погрузиться в нее. Исчезло все — безопасность, надежда и любовь.

Он вскрыл письмо Сары:

«Во имя прошлого, пожалуйста, сделай для меня кое-что напоследок. Дорогой, я умоляю тебя это сделать. Я стою перед тобой на коленях и пытаюсь вложить в это письмо ту силу, с которой я хочу, чтобы ты это сделал. Сделай это не раздумывая, потому что ты любил меня, и какое-то время мы были счастливы вместе. Я хочу, чтобы ты встретился с человеком по имени Марстон Рейнс, чей адрес я прилагаю. Он самый мудрый человек, которого я знаю, и он не психоаналитик, его главный интерес в жизни — старинная церковная музыка. Он даже не любит использовать свой дар для людей. Но для многих своих друзей он уже много лет был чем-то вроде бога спокойствия. Я рассказала ему о тебе, и он сказал, что, возможно, если ты понравишься ему, он сможет тебе помочь. Дорогой, пожалуйста».

Чарли уронил письмо.

— Шарлатанство, — сказал он. — Подсластим горькую пилюлю, дав ей греческое название. Интроверт, экстраверт и компания. Господи, да я лучше

буду древним израильтянином и думать, что чума — это наказание Божье, чем узнаю много новой приятной лжи, чтобы потом внушать ее самому себе.

Но когда за обедом он потерял контроль над собой и сказал маленькому Дикки, что его уволили, и когда после этого он обнаружил, что Дикки плачет в своей комнате и говорит о продаже своих солдатиков, чтобы не попасть в богадельню, — тогда он на мгновение увидел себя со стороны. Он понял, что так больше продолжаться не может, и вернулся к письму Сары.

Был поздний вечер, когда он отправился к Марстону Рейнсу. Рэйнс жил в квартире в высотке на Мэдисон-авеню, и когда Чарли вошел в комнату с широкими окнами, за окном уже разворачивалась вечерняя игра драгоценных камней Нью-Йорка. Но когда Чарли смотрел на это зрелище, оно казалось ему безвкусным и театральным, великолепным поддержанием видимости после того, как реальность исчезла. Каждая новая башня света возводилась вопреки очевидной и неминуемой катастрофе, каждый луч света был последней отчаянной попыткой сделать вид, что все в порядке.

— Но не все в порядке! — воскликнул он, когда Рейнс вошел в комнату. — Минуту вроде ничего, а потом просто оскорбительно для людей, которые видят вещи такими, какие они есть.

— Но ведь то же самое относится и к Тадж-Махалу, — сказал Рейнс, — и к Нотр-Дам де Пари, и к Пантеону.

— Но они простояли века. Какое-то время они представляли собой реальность. Эти вещи едва строятся, ни одно поколение не видело их и не умерло прежде, чем мы перестали верить.

— Во что?

— В будущее. В нашу судьбу. В идею, какой бы она ни была.

— Закурите... Вы, естественно, останетесь на ужин.

— Почему? Вы можете мне помочь? Можете ли вы восстановить то, чего больше нет? Некоторые органы воспроизводят себя сами, например, печень, но то, что ушло из меня, никогда не вернется.

Он внимательно посмотрел на Рейнса, мужчину с мягкими седыми волосами и лицом приятной старушки, одетого в помятый костюм из белой фланели. Его глаза смотрели прямо, но на Чарли они глядели лишь изредка, как будто, когда они это делали, они видели так много, что это было равносильно вторжению.

Кругом были расставлены музыкальные инструменты разных стран и столетий, множество нотных книг и фолиантов, а также бесценных старинных листов и партитур под стеклом. Стояли бюсты Моцарта и Гайдна.

— Бесполезно смотреть на вещи, если они тебе не нравятся, — заметил Рейнс в ответ на его вежливый интерес.

— Нет, — честно признался Чарли, — не нравятся.

— Тебе нравятся только ритмы, в которых вещи отмечают удары, а сейчас твой ритм нарушен.

— Все нарушено. Будущее ушло, любовь ушла, даже прошлое кажется шуткой — оно тоже ушло.

Он посмотрел на разложенную перед ним доску для игры в нарды.

— Не могли бы вы сыграть со мной одну партию? В это время я всегда играю в нарды, — сказал Рейнс. — Мы здесь надолго, так что позвольте мне держать направление, раз уж вы признаете, что у вас его нет. Кстати, я вам нравлюсь?

— Настолько, насколько мне мог бы понравиться любой незнакомец в моем теперешнем состоянии.

— Хорошо... Сара говорит, у вас есть братья?

— Три сводных брата.

— Хорошо.

— У моего отца был сын от первого брака, я его сын от второго брака, и от третьего брака еще двое детей — это те двое, которых я воспитываю.

— Вы южанин?

— Я приехал сюда из маленького городка в Алабаме около десяти лет назад. Когда я более или менее освоился, я послал за своими младшими братьями, которые жили у тети.

— Вы хорошо здесь устроились, не так ли?

— Я так и думал до сих пор.

— У вас дрожит рука — вы стучите фигуркой по доске.

— Пожалуй, мне лучше не играть, — жестко ответил Чарли.

— Я принесу вам немного выпить... Вы во что-то верите, — сказал он после долгого молчания. — Но я пока не знаю, во что. Вам повезло, что вы во что-то верите.

— Я ни во что не верю.

— Нет, вы верите. Вы верите во что-то, что сейчас притаилось в этой комнате совсем рядом с вами, — во что-то, без чего вы пытались обойтись и не смогли. А теперь оно снова постепенно обретает форму, и вы боитесь.

Чарли вскочил на ноги, его губы дрожали.

— Нет! — закричал он. — Я... я...

— Садитесь, — тихо сказал Рейнс.

Он посмотрел на свои часы.

— У нас впереди вся ночь, сейчас только одиннадцать.

Чарли быстро огляделся по сторонам и сел, на минуту закрыв лицо руками.

III

Два дня спустя Чарли Клейхорн сошел с поезда в Монтгомери, испытывая странное чувство, когда его окутала знакомая, незабываемая атмосфера множества негров, умоляющих спокойных голосов и девушек, раскрашенных

ярко, как дикарки, чтобы выделяться на фоне тропического лета. Улицы были более оживленными, чем он помнил в те дни, когда считал Монтгомери мегаполисом. Он задался вопросом, насколько сильно они ощущают депрессию, и удивился, когда на улице к нему не подошел ни один попрошайка. Позже, в местном поезде, который вез его дальше на юг, он почувствовал, что с каждой минутой сливается с жаркой сельской местностью, буйной растительностью, глинистыми дорогами, странными, вялыми, первобытными реками, тихо текущими под мягкими индейскими названиями. Затем Тускарора, полуразрушенная станция с запряженными во дворе мулами и лошадиными упряжками. Ничего не изменилось — вывеска все так же криво висела на гостинице «Янси» на противоположной стороне улицы.

Кто-то заговорил с ним, потом еще кто-то — ему пришлось с трудом вспомнить их имена. К его досаде, поскольку он хотел побыть один, они оба последовали за ним в отель и сели за его столик, пока он ужинал. Он узнал, что у Пита, его старшего брата, была ферма неподалеку отсюда, и он часто приезжал в город. Он также узнал, что дом Клейхорнов не сдавался в аренду уже пять лет. Может быть, он приехал, чтобы попытаться его продать?

Они слышали, что его собираются снести, и при этой новости сердце Чарли сжалось.

Мистер Шеврил, ветеран Конфедерации, проживший в отеле пятьдесят лет, прихрамывая, подошел к ним.

— Как здесь дела? — спросил Чарли. — Я имею в виду ситуацию с хлопком?

Он ждал, что их лица изменятся, как это бывало в Нью-Йорке, когда кто-нибудь спрашивал о делах, но здесь не было того внезапного унылого выражения губ и глаз.

— Много ли здесь голодных и людей без работы?

— Не так много, насколько я знаю, — ответил один из них. — Я слышал о таких случаях в глубинке, и многим неграм прошлой зимой пришлось нелегко.

— В Нью-Йорке ужасно, — вызывающе сказал Чарли, как будто они что-то от него скрывали.

— Видишь ли, у нас здесь никогда не было большого бума, хотя в Кингс-Хилле заложили фундамент хлопчатобумажной фабрики. Так что, думаю, мы не так сильно ощущаем депрессию. В этом городе никогда не было много наличных денег.

Старый мистер Шеврил пожевал табак и сплюнул.

— Я не думаю, что вы, ребята, знаете, что такое трудные времена, — сказал он. — Когда мы вернулись сюда из Аппоматтокс-Корт-Хауса в 65-м, у меня был мул из конной артиллерии, а у Джима Мейсона был один плуг, и мы засеяли поля еще до того, как стали думать, как будем питаться следующей зимой. И мы кричали гораздо меньше, чем в этих газетах янки.

— Вы не понимаете, — сердито сказал Чарли. — Когда у вас примитивные условия, трудности — это всего лишь вопрос качества жизни, но когда вся сложная экономическая структура...

Он замолчал, увидев, что они не слушают его. Он почувствовал, что должен уйти и побыть один. Их лица казались бесчувственными, непонимающими и не располагающими к общению. Он нашел предлог, чтобы уйти в свою комнату.

Было еще светло, летняя жара собралась для последнего штурма города, и Чарли решил дожждаться темноты. Он посмотрел из окна на гордый Акрополь с белыми колоннами, который сто лет назад был центром плантации, а теперь в нем располагался ряд магазинов, на старое здание суда с наружной лестницей и на дерзкое новое здание суда, строящееся во дворе, а затем на молодых людей с бородками, отдыхающих у аптеки. Любопытные сопоставления заставляли его почувствовать глубокие волны перемен, которые уже омывали эту страну: отчаянная война, сделавшая плантаторский дом устаревшим, индустриализация, испортившая спокойную жизнь вокруг старого здания суда. А потом годы, в конце концов, привели к появлению в этом захолустье тех любопытных молодых людей, которые не были ни крестьянами, ни буржуа, ни отщепенцами, а понемногу всеми тремя вместе, собравшимися здесь, перед магазином. После следующей волны перемен на Уолл-стрит появятся голубятни, и что тогда, и что потом?

Чарли взял себя в руки. Становилось все темнее. Он дождался, пока совсем стемнеет, прежде чем выйти на улицу, и не спеша направился кружным путем на окраину города. Затем он направился по грунтовой дороге, ярко-белой в лунном свете, к дому, где он родился.

Дорога шла через густой лес, который он хорошо знал и который не изменился, но дом, внезапно возникший на фоне неба, поразил его. Он казался меньше, но в его силуэте было что-то знакомое, которое он знал и которое знало его. Это был особняк с белыми колоннами, построенный в те времена, когда война с индейцами чероки сделала жизнь в этих краях безопасной — первая попытка привнести легкость и простор в страну, границы которой только что были раздвинуты. Теперь это была запущенная развалина, с гниющими бревнами, торчащими, словно кости.

Нащупав в кармане свечи и спички, Чарли толкнул косо висящую входную дверь и вошел внутрь. Сквозь затхлость и пыль он уловил знакомый запах, не поддающийся определению, но вызывающий ностальгию. Повсюду валялась сломанная мебель, изорванная набивка и ржавые пружины, грязные матрасы и детская коляска на одном колесе — вещи, которые никому не нужны.

Чарли поставил свечу на стол и прислушался к тишине. Затем он подошел к каминной полке, она сдвинулась вперед, в сторону от стены, оставив трещину в том месте, где она соприкасались с ней. Он попытался осторожно, затем более решительно выдернуть ее, но раздался только звук откалывающейся штукатурки, больше она не поддавалась.

— Все в порядке, — сказал он про себя.

Затем достал из кармана проволоку и расправил ее, сделав на одном конце крючок, просунул ее в щель в крайнем левом углу и стал «удить

рыбу». Поклевки не было. Через мгновение он скосил глаз вбок и посветил карманным фонариком в щель, там было пусто.

Похолодев от страха, он сел в сломанное кресло-качалку. Почти сразу же он встал и заглянул в щель на другом конце, и кровь снова прилила к его рукам и ногам. Через мгновение он вытащил конверт, покрытый пылью и плесенью.

Чарли потряхнул квадратный белый конверт. Он не знал, что в нем находится, и если он уничтожит его, то ни один живой человек не узнает и даже не догадается о его существовании. Более того, он сам ничего не узнает о содержимом и сможет верить во что заблагорассудится.

Но разве это что-нибудь решит? Частичка совести теперь так глубоко переплеталась с частичкой страха, что не было никакой уверенности в облегчении от знания, что об этом никто и никогда не узнает. Однако если он вскрыет его, то, вероятно, придется взять на себя новые обязательства, постыдные и трудные, если же он уничтожит его, то все будет окончено раз и навсегда. Он держал конверт в руках, как и в тот день десять лет назад.

Тогда ему было двадцать, и он был главой семьи. Его старший брат Пит отбывал наказание в тюрьме на севере штата, а младшие братья еще были детьми. Отец впал в маразм, но только Чарли понимал это, старик хорошо сохранился, и во время своих ежедневных поездок в город он по-прежнему выглядел учтиво и по-хозяйски.

Характерно, что отец ополчился против Чарли. Он сообщил ему, что вычеркивает его из завещания и назначает осужденного Пита вершителем судеб младших детей. И вот однажды Чарли увидел, как Джулия и Сэм, слуги, подписывают какой-то документ в комнате отца.

Однажды днем, несколько недель спустя, он вошел в эту комнату и обнаружил старика мертвым в своем кресле. Чарли был один. Он снял ключ с шеи мертвеца и открыл сейф. Там было завещание, которое отец составил в здравом уме, а рядом с ним лежал новый конверт с пометкой: «Вскрыть после моей смерти». Сунув конверт в пиджак, Чарли вышел в гостиную. Джулия была в коридоре, и он, резко окликнув ее, указал на комнату отца.

Когда она ушла, он просунул конверт в щель каминной полки и услышал, как оно легко упало вниз примерно на фут.

В дальнейшем не было никаких осложнений: никто не говорил ни о конверте, ни о последующем завещании. Состояние оказалось меньше, чем ожидалось, — шестнадцать тысяч долларов деньгами и имущество, которые должны были быть разделены между тремя младшими детьми. Доля Чарли дала ему возможность начать карьеру в Нью-Йорке.

Теперь Нью-Йорк был очень далеко, подумал он, да и сам он был далек от того совестливого юноши, который долгие годы беспокоился о конверте. Правильно или нет, но он обманул своего старшего брата. Он держал исписанную бумагу в руке и медленно развернул ее, как человек, снимающий последнюю повязку с раны. Как только он наклонился, чтобы прочесть его, снаружи послышался звук, как будто кто-то пошевелился на скрипучем крыльце.

— Кто там? — крикнул он, засовывая бумагу в карман.

Ответа не было. Может быть, это был заблудившийся ночью негр, ищущий ночлег. Чарли наклонился вперед и задул свечу. Одновременно раздался громкий стук в дверь.

Ухватившись за сломанную ручку кресла, Чарли сделал два шага по направлению к холлу. Когда он дошел до него, дверь распахнулась, и фигура, заслонив лунный свет, приостановилась, а затем сделала шаг вперед.

— Подождите минутку! — воскликнул Чарли.

Он посветил фонариком на маленького симпатичного человечка в деревенской одежде. Тот замер на месте и спокойным голосом заметил:

— Чарли? Разве ты не узнаешь своего брата?

Одна за другой проступали черты лица Пита.

— Входи, — сказал Чарли. — Я зажгу свечу.

— А я-то думал, зачем ты ее потушил...

Они сидели, и мерцающий свет разделял их. Лицо Пита было банальным и печальным, в нем было что-то сломанное, но это было не то, что ожидал увидеть Чарли.

— Я слышал, сегодня вечером ты был в городе, — сказал Пит. — Тебя не было в отеле, и я подумал, что ты пришел сюда, чтобы осмотреть наш старый дом.

— Похоже на ад, не так ли?

— Да, похоже. Мы с женой пытались прожить здесь год, но она побоялась, что все обрушится на наши головы, и мы переехали в округ Лоундес.

— Как у тебя дела? — спросил Чарли.

— Все идет хорошо, — маленький человечек заговорил внезапно и нетерпеливо. — Я уже давно собирался написать тебе.

Сердце Чарли подскочило к горлу.

— Да, я давно хотел с тобой поговорить, — продолжил Пит. — Знаешь, Чарли, теперь у меня все хорошо. Я имею в виду, что у меня все в порядке. Я хочу жить не нарушая законов и заповедей. После того, как я вышел из тюрьмы в Бирмингеме, я вернулся сюда на некоторое время и попытался заняться сельским хозяйством.

Он сделал паузу, понизил голос и наклонился вперед.

— Чарли, тебе никогда не приходило в голову, что старик оставил очень мало денег из того, что, как мы предполагали, у него было?

Чарли поднял голову.

— Да, в то время это поразило меня.

— Ну вот, как-то весной под домом я нашел десять тысяч долларов наличными.

Пит уставился на Чарли, неуверенно облизывая губы.

— Подожди минутку. Не говори пока ничего. Ну, после того как я их нашел, я попытался представить, что это была моя доля. Я купил ферму в округе Лоундес. Но однажды вечером я напился и сказал своей жене: «Черт возьми, я больше не могу ходить на молитвенное собрание с этим грузом на душе».

— Чарли, тебе никогда не приходило в голову,
что старик оставил очень мало денег из того,
что, как мы предполагали, у него было?

Она у меня очень верующая, и мысли об этом сводили ее с ума, да и я сам по этому поводу чувствовал себя не слишком хорошо.

— Я могу понять, — сказал Чарли.

— Я думаю, мы можем договориться. У меня осталось несколько тысяч, и я мог бы заложить ферму. Если я заплачу вам всем — тебе и мальчишкам — тридцать пять сотен долларов, то у меня будет четвертая часть того, что оставил отец.

— Оставь все это себе, Пит. Я сам компенсирую Бену и Дикку разницу.

— Подожди, я не спрашивал...

— Мне повезло. Ты просто не поверишь, сколько я там заработал денег, и думаю, что смогу заработать еще больше. Я сам присмотрю за Беном и Дикки и обеспечу их.

А ведь не прошло и двух недель, как он сказал Бену, что тот должен покинуть колледж.

— Оставь деньги себе, — повторил он. — Папа не собирался давать нам эти деньги, иначе он бы обязательно упомянул про них в завещании.

Пит нервно рассмеялся.

— Что ж, по-моему, ты очень хороший парень.

— Я сволочь, — признался Чарли. — Но, как и ты, я хочу все исправить и начать сначала. Так что смотри и слушай.

Он сунул руку в карман, вытащил бумагу и развернул, он закрыл глаза и снова открыл их, готовый ко всему, что ему предстояло увидеть.

Бумага, которую он принял за завещание, оказалась не завещанием — это было письмо, адресованное ему самому. Он прочитал вслух:

«Моему хорошему сыну Чарли. Ты думал, что я сумасшедший. Что я снова составляю свое завещание, меняя какую-нибудь мелочь? Часть моих денег спрятана, и не важно где. Я, отправляясь к своему Создателю, забираю этот секрет с собой, поэтому опускаю часть, гласящую, где их найти. У меня нет любящих сыновей, так что деньги достанутся тому, кто их найдет. В конце концов, было не так уж умно ссориться со своим старым папочкой».

— Господи! — воскликнул Пит. — Значит, ты все время знал, что часть денег где-то спрятана?

— Нет, — медленно произнес Чарли. — Я так тогда и не вскрыл этот конверт...

IV

Однажды утром, две недели спустя, Сара позвонила Марстону Рейнсу.

— Чарли Клейхорн вернулся в город, — сказала она.

— Вы его видели?

— Он приходил ко мне вчера. Он был в Алабаме, где родился.

— Он выглядит лучше?

— Я думаю, что да. Именно по этому поводу я вам и звоню. Теперь мне нужна помощь. Кажется, со мной что-то случилось.

— Расскажи мне об этом.

— Он пришел вчера днем, сел и сказал: «Сара, теперь я в порядке». Больше ничего, хотя я ждала хоть каких-то объяснений.

— Это хорошо. Похоже, он все прояснил.

— Потом он сказал мне, что пошел работать в бондовый дом, конечно, после того как он ушел, я сразу же позвонила Генри Кортеллоу и упростила его дать Чарли шанс. Генри был рад. Я не сказала Чарли... В общем, Чарли сказал, что ему кажется, что он снова видит перед собой свое будущее, и спросил меня, могу ли я когда-нибудь снова подумать о том, чтобы выйти за него замуж. Марстон, я не знала, что ему ответить. Когда он был так болен, я готова была выйти за него замуж, чтобы попытаться помочь, но теперь я, кажется, исчерпала себя в этом отношении. Я люблю его и всегда буду любить, но я не чувствую в себе сил сделать что-то большее. Видеть, как человек ломается вот так... Я думаю, не будет ли он всегда зависеть от меня в выборе пути, потому что я сама хотела бы зависеть в этом от него.

— Но он был болен, — перебил Марстон. — И вы должны помнить об этом. Любой врач или медсестра скажут вам, что самые сильные мужчины похожи на тонущих котят, когда они больны. Это может сделать вас циничной в отношении мужчин вообще, но это не должно обескураживать вас в отношении Клейхорна.

На мгновение в трубке воцарилась тишина.

— Я должна все обдумать.

Немного помолчав, он произнес:

— Вы находитесь в состоянии реагирования. Когда любовь цела, малейший булавоочный укол, например, легкий укол ревности снова заставит ее тикать.

— Спасибо, — сказала Сара. — Я должна все обдумать.

В пять часов вечера она отправилась в квартиру Чарли. Дикки был в гостинной, копаясь в путанице оберточной бумаги и бечевки.

— Ну разве Чарли не чудной? — воскликнул он. — В прошлом месяце он говорил о том, как экстравагантны были те солдатики, что вы привезли мне из Европы, а теперь он прислал мне еще кучу других — с Наполеоном! И посмотрите на это...

— Это же Жанна д'Арк.

— И рыцари, заряжающие луки и стреляющие из них! Смотрите, это палач, а здесь целая куча других людей. Я не знаю, кто они.

— Разве это не чудесно?

— Да, — сказал Дикки... — Бен дома, а Чарли нет... Бен!

Когда Чарли вошел, она увидела его лицо в холле за минуту до того, как он ее заметил, и тогда Сару внезапно озарило, что перед ней лицо, которое она ожидала увидеть на пирсе месяц назад.

Весь он снова был в нем.

— Произошла приятная вещь, Сара, — сказал он ей. — Звонил Генри Кортеллоу. Он хочет, чтобы я вернулся.

— Да, я... — она резко оборвала.

Это было то, чего ему никогда не следовало знать. Это была компенсация за его одинокое путешествие в собственное погребенное прошлое, куда она не могла последовать за ним. Теперь все было хорошо.

Марстон Рейнс был прав, того, что Чарли купил солдатиков для Дикки, было достаточно, чтобы часы снова начали тикать, и Сара почувствовала внезапную дрожь волнения. Теперь все снова было в порядке: она кому-то принадлежала. Она становилась все счастливее и счастливее. Внезапно она почувствовала себя безумно счастливой и уже более не могла держать это в себе.

ТОРНАДО И ЛЮДИ

I

Двое мужчин ехали вверх по склону навстречу кроваво-красному солнцу. Хлопковые поля, окаймлявшие дорогу, были невзрачными и увядшими, даже ветерок не шевелил сосны.

— Когда я трезв, — говорил доктор, — я имею в виду, когда я абсолютно трезв, я вижу мир по-другому, чем ты. Я похож на одного моего друга, у которого был один хороший глаз, и ему сделали очки, чтобы исправить плохой. В результате он все время видел эллиптические солнца и падал с тротуара, пока не выбросил эти чертовы очки. Если учесть, что большую часть дня я нахожусь под «наркозом», то в таком состоянии я берусь только за ту работу, которую знаю, что смогу выполнить.

— Да, — смущенно согласился его брат Джин.

Доктор в данный момент был немного зажат, и Джин не знал, как сказать. Как и многие южане из более скромных слоев населения, он обладал глубоко запрятанной вежливостью, характерной для всех буйных и страстных стран, — он не мог сменить тему, пока не наступала минутная тишина, а Форрест не замолкал.

— Я очень счастлив, — продолжал он, — или очень несчастен. Я то хихикаю, то плачу от алкоголя, и по мере того, как я продолжаю замедляться, жизнь услужливо ускоряется, так что чем меньше меня внутри, тем более красочнее становится снаружи. Я лишил себя уважения со стороны своих братьев, но я осознаю, что это компенсированный цирроз вызывает эти чувства. И поскольку моя чувствительность, моя жалость больше не имеют направления, а сосредотачиваются на том, что находится под рукой, я стал исключительно хорошим человеком, гораздо лучшим, чем когда я был хорошим врачом.

Когда после следующего поворота дорога выпрямилась и Джин увидел вдалеке свой дом, он вспомнил лицо жены, когда она взяла с него обещание, и он больше не мог ждать:

— Форрест, я хочу кое-что сказать...

Хелен Килрейн

Но в этот момент доктор резко затормозил и остановился перед небольшим домом сразу за сосновой рощей. На ступеньках крыльца играла с серой кошкой девочка лет восьми.

— Это самая милая малышка, которую я когда-либо видел, — сказал доктор Джину, а затем серьезным голосом обратился к девочке: — Хелен, тебе нужны какие-нибудь таблетки для котенка?

Маленькая девочка рассмеялась.

— Ну, я не знаю, — с сомнением сказала она.

Теперь она играла с котом в другую игру, и это было скорее помехой.

— Сегодня утром мне позвонила кошечка, — продолжил доктор, — и сказала, что ее мать пренебрегает ею, и может, мне стоит вызвать квалифицированную медсестру из Монтгомери.

— Она этого точно не делала.

Маленькая девочка возмущенно прижала кошку к себе, доктор достал из кармана монету в пять центов и бросил ее на ступеньки.

— Я рекомендую выпить хорошую порцию молока, — сказал он, заводя машину. — Спокойной ночи, Хелен.

— Спокойной ночи, доктор.

Когда они отъехали, Джин попробовал еще раз:

— Послушай, остановись, — сказал он. — Остановись здесь, немного ниже... Вот здесь.

Доктор остановил машину, и братья посмотрели друг на друга. Они были похожи: у них были крепкие фигуры, аскетичные черты лица, и обоим было за сорок, а они отличались тем, что очки доктора не скрывали впалых, заплаканных глаз, и тем, что у него было много морщин, как гофрированных крыш в городе, морщины у Джина скорее напоминали сельский округ с полями, немногочисленными домами и сараями. Но самый резкий контраст заключался в том, что Джин Дженни был деревенским жителем, а доктор Форрест Дженни — человеком образованным.

— Ну? — спросил доктор.

*Доктор
Форрест Дженни*

— Ты же знаешь, что Пинки дома, — сказал Джин, глядя на дорогу.

— Я слышал, — уклончиво ответил доктор.

— Он подрался в Бирмингеме, и кто-то выстрелил ему в голову. — Джин колебался. — Мы позвали доктора Берера, потому что думали, что ты не сможешь... может быть, не станешь...

— Я бы и не стал, — вежливо согласился доктор Дженни.

— Но послушай, Форрест, вот в чем дело, — настаивал Джин. — Ты знаешь, как это бывает — ты часто говорил, что доктор Беррер ни черта не знает. Черт возьми, я тоже не доверяю ему. Он говорит, что пуля давит на... давит на мозг, и он не может вытащить, не вызвав кровоизлияния, и он говорит, что не знает, сможем ли мы доставить его в Бирмингем или Монтгомери, или нет, Пинки очень слаб. Он ничем не смог помочь. Мы хотим...

— Нет, — сказал брат, качая головой. — Нет.

— Я просто хочу, чтобы ты осмотрел его и сказал нам, что делать, — взмолился Джин. — Он без сознания, Форрест. Он тебя не узнает, да и ты его едва узнаешь. Пожалуйста, его мать просто сошла с ума.

— Она находится во власти чисто животного инстинкта.

Доктор достал из-за пояса фляжку, в которой был бурбон из алабамской кукурузы, и выпил.

— Мы с тобой знаем, что этого мальчика следовало утопить в тот день, когда он родился.

Джин вздрогнул.

— Он плох, — признал он, — но я не знаю... Ты видишь, как он лежит...

По мере того, как спиртное распространилось по внутренностям доктора, он почувствовал инстинкт сделать что-то, не нарушая своих предрассудков, а просто сделать какой-то жест, чтобы утвердить свою угасающую, но все еще борющуюся, волю к власти.

— Хорошо, я его посмотрю, — сказал он. — Сам я ничем ему не помогу, потому что он должен быть мертв. И даже его смерть не исправит того, что он сделал с Мэри Декер.

Джин Дженни

Мэри Декер

Джин Дженни поджал губы.

— Форрест, ты уверен в этом?

— Уверен в этом? — передразнил доктор. — Конечно, я уверен. Она умерла от голода, за неделю она выпила не больше пары чашек кофе. И если бы ты посмотрел на ее туфли, то увидел бы, что она прошла пешком много миль.

— Доктор Берер говорит...

— Что он знает? Я проводил вскрытие в тот день, когда ее нашли на Бирмингемском шоссе. С ней ничего не случилось, кроме общего истощения. Этот... этот, — его голос дрожал от возмущения, — Пинки устал от нее и выгнал, а она пыталась добраться до дома. Меня вполне устраивает, что через пару недель его самого комиссовали по инвалидности.

Доктор рывком выжал сцепление и резко включил передачу, через мгновение они подъехали к дому Джина Дженни.

Это был квадратный каркасный дом с кирпичным фундаментом и ухоженной лужайкой, отгороженной от фермы, дом, несколько превосходивший здания, из которых состоял город Бендинг и прилегающие сельскохозяйственные районы, но существенно не отличавшийся ни по типу, ни по внутренней планировке. Последние плантаторские дома в этой части Алабамы давно исчезли, гордые колонны перед входом в дом покорились бедности, гнили и дождю.

Жена Джина, Роуз, встала со своего кресла-качалки на крыльце.

— Привет, док, — она поздоровалась с ним немного нервно, избегая встречаться с ним взглядом. — В последнее время ты был здесь чужим.

Доктор на несколько секунд встретился с ней взглядом.

— Здравствуйте, Роуз, — сказал он. — Привет, Эдит... Привет, Юджин!

Это маленьким мальчику и девочке, которые стояли рядом со своей матерью; а затем:

— Привет, Бутч! — коренастому юноше девятнадцати лет, который вышел из-за угла дома с белым камнем в руках.

— Здесь будет что-то вроде низкой стены вдоль сада, вроде как аккуратнее, — объяснил Джин.

Все они по-прежнему испытывали уважение к доктору. Они чувствовали укор по отношению к нему, потому что больше не могли называть его своим знаменитым родственником — «один из лучших хирургов в Монтгомери, да, сэр», — но у него остались его ученость и положение, которое он когда-то занимал в большом мире, прежде чем совершил профессиональное самоубийство, предавшись цинизму и выпивке. Он вернулся домой, в Бендинг, и купил половину акций местной аптеки два года назад, сохранив свою лицензию, но практиковал только в случае крайней необходимости.

— Роуз, — сказал Джин, — док говорит, что осмотрит Пинки.

Пинки Дженни, его губы были искривлены и белели под свежей бородой, лежал в постели в затемненной комнате. Когда доктор снял повязку с его

головы, его дыхание перешло в низкий стон, но его пузатое тело не пошевелилось. Через несколько минут доктор сменил повязку и вместе с Джином и Роуз вернулся на крыльцо.

— Берер не стал оперировать? — спросил он.

— Нет.

— А почему они не оперировали в Бирмингеме?

— Я не знаю.

— Хм, — доктор надел шляпу. — Эту пулю необходимо достать и как можно скорее. Она давит на сонную артерию. Это... Как бы то ни было, с таким пульсом его в Монтгомери не доставить.

— Что же нам делать?

Вопрос Джина вызвал невольное молчание, и когда доктор перевел дыхание, он сказал:

— Пусть Берер хорошенько все обдумает. Или пусть кто-нибудь свяжется с Монтгомери. Вероятность того, что операция его спасет, составляет примерно 25 процентов, а без операции у него вообще нет никаких шансов.

— А кого мы найдем в Монтгомери? — спросил Джин.

— Любой хороший хирург сделал бы это. Даже Берер мог бы это сделать, если бы у него хватило наглости.

Внезапно Роуз Дженни подошла к нему вплотную, ее глаза были напряжены и горели животным материнским чувством. Она схватила его за распахнутое пальто.

— Док, это сделаешь ты! Ты можешь это сделать. Ты знаешь, что когда-то ты был таким же хорошим хирургом, как и любой из них. Пожалуйста, док, сделайте это...

Он отступил немного назад, так что ее руки больше не держали его пальто, и протянул свои собственные руки перед собой.

— Видишь, как они дрожат? — сказал он с нарочитой иронией. — Присмотрись повнимательнее, и ты увидишь. Я не осмелюсь оперировать.

— Ты сможешь это сделать, — поспешно сказал Джин, — если выпьешь чего-нибудь для успокоения.

Доктор покачал головой и сказал, глядя на Роуз:

— Видите ли, мои решения ненадежны, и если что-то пойдет не так, это будет выглядеть как моя вина.

Сейчас он немного притворялся, тщательно подбирая слова.

— Когда я обнаружил, что Мэри Декер умерла от голода, мне сказали, что кто-то поставил мои выводы под сомнение на том основании, что я был любителем выпить.

— Я этого не говорила, — солгала Роуз, затаив дыхание.

— Конечно, не говорила. Я просто упомянул об этом, чтобы показать, насколько осторожным я должен быть.

Он осторожно спустился по ступенькам.

— Что ж, мой совет: еще раз пригласить Берера или, если это не удастся, позвать кого-нибудь из города. Спокойной ночи.

Но не успел он дойти до ворот, как Роуз бросилась за ним с белыми от ярости глазами.

— Я говорила, что ты пьяница! — воскликнула она. — Когда ты сказал, что Мэри Декер умерла от голода, ты сделал это так, как будто это была вина Пинки, ты, весь день лакавший бурбон! Как кто-нибудь может сказать, знаете ли вы, что делаете, или нет? Кстати, почему ты так много думал о Мэри Декер, девушке, вдвое моложе тебя? Все видели, как она приходила в аптеку и разговаривала с тобой...

Джин, который последовал за ней, схватил ее за руки.

— Заткнись сейчас же, Роуз... Поезжай, Форрест.

Форрест поехал дальше, остановившись на следующем повороте, чтобы отхлебнуть из своей фляжки.

За непахаными хлопковыми полями виднелся дом, где жила Мэри Декер, и если бы это было полгода назад, он, возможно, свернул бы, чтобы спросить ее, почему она в тот день не зашла в магазин за бесплатной газировкой, или порадовать ее образцом косметики, оставленным продавцом утром. Он не говорил Мэри Декер о своих чувствах к ней и никогда не собирался — ей было семнадцать, ему сорок пять, и он уже не думал о будущем, — но только после того, как она сбежала в Бирмингем с Пинки Дженни, он понял, как много значила его любовь к ней в его одинокой жизни.

Его мысли вернулись к дому брата.

— Будь я джентльменом, — подумал он, — я бы так не поступил. Но меня вполне могли бы принести в жертву этому грязному псу, потому что, если бы он умер, Роуз обвинила бы меня в его смерти.

И все же, загоня машину в гараж, он чувствовал себя очень скверно, не то, чтобы он мог поступить иначе, просто все это выглядело так некрасиво.

Он пробыл дома не более десяти минут, когда снаружи остановилась машина, и вошел Бутч Дженни. Его рот был плотно сжат, а глаза прищурены, как будто для того, чтобы не дать выхода владевшему им темпераменту до тех пор, пока он не будет направлен по назначению.

— Привет, Бутч.

— Я хочу сказать тебе, дядя Форрест, ты не смеешь так разговаривать с моей матерью. Я убью тебя, если еще раз услышу от тебя подобное!

— А теперь заткнись, Бутч, и сядь, — резко сказал доктор.

— Ей и так плохо из-за Пинки, а ты приходишь и разговариваешь с ней в таком тоне.

— Все оскорбления нанесла твоя мать, Бутч. Я просто принял это.

— Она не знает, что говорит, и вы должны это понять.

Доктор на минуту задумался.

— Бутч, а что ты думаешь о Пинки?

*Форрест не говорил Мэри Декер о своих чувствах к ней
и никогда не собирался — ей было семнадцать,
ему сорок пять, и он уже не думал о будущем...*

Бутч неловко заколебался.

— Ну, я не могу сказать, что когда-либо был о нем высокого мнения, — его вызывающий тон изменился, — но, в конце концов, он мой родной брат...

— Подожди-ка, Бутч. Что ты думаешь о его отношении к Мэри Декер?

Бутч стряхнул с себя оцепенение, и пустил в ход всю артиллерию своего гнева:

— Дело не в этом. Дело в том, что любой, кто плохо поступает с моей матерью, должен отвечать передо мной. Это, думаю, справедливо, когда ты получил образование...

— Я свое образование получил сам, Бутч.

— Мне все равно. Мы собираемся еще раз попытаться уговорить доктора Берера прооперировать или позвать какого-нибудь хирурга из города. Но если не получится, я приеду и заберу тебя, и ты вытащишь эту пулю, даже если мне придется держать тебя на мушке, пока ты это будешь делать.

Он кивнул, слегка задышавшись, затем повернулся, вышел и уехал.

— Что-то подсказывает мне, — сказал доктор самому себе, — что в округе Чилтон мне больше не будет покоя.

Он позвал своего чернокожего мальчишку, чтобы тот накрыл ужин на стол. Затем он свернул себе сигарету и вышел на заднее крыльцо.

Погода изменилась. Небо теперь было затянуто тучами, трава беспокойно зашевелилась, и посыпался град крупных капель, внезапно закончившийся. Еще минуту назад было тепло, но теперь влага на лбу вдруг стала прохладной, и он вытер ее носовым платком. В ушах зазвенело, он сглотнул и потряс головой. На мгновение он подумал, что ему стало плохо, затем жужжание внезапно отделилось от него, переросло в нарастающий звук, все более громкий и близкий, который можно было принять за рев приближающегося поезда.

II

Бутч Дженни был на полпути домой, когда увидел это — огромное черное надвигающееся облако, нижний край которого касался земли. Пока он рассеянно смотрел на него, оно, казалось, ширилось, пока не охватило все южное небо, и он увидел в нем бледный электрические сполохи и услышал нарастающий рев. Теперь его подхватил сильный ветер; мимо него летели обломки, куски сломанных веток, щепки, крупные предметы, еле различимые в нарастающей темноте. Инстинктивно он вылез из машины и, к этому времени едва держась на ногах от ветра, побежал к берегу, или, скорее, обнаружил, что его отбросило и прижало к берегу. Затем на минуте-две он оказался в черном центре столпотворения.

Сначала был звук, и он был частью звука, настолько поглощенный им и одержимый им, что не существовал отдельно от него. Это был не набор звуков, это был просто сам Звук — огромный визжащий смычок, скользящий по струнам Вселенной. Звук и мощь были неразделимы. Звук, а также мощь удерживали его на берегу, как распятого человека. Где-то в самом начале он увидел, как его автомобиль слегка подпрыгнул, развернулся на полпути, а затем помчался над полем серией огромных беспомощных прыжков. Затем началась бомбардировка, звук разделял ее непрерывную пушечную ноту на треск гигантского пулемета. Он был в полубессознательном состоянии, когда почувствовал, что стал частью этого треска, почувствовал, как его отрывает от берега, и он летит сквозь пространство, сквозь ослепляющую, раздирающую массу сучьев и веток, а затем, в течение неисчислимого времени, он вообще ничего не осознавал.

Его тело причиняло ему боль. Он лежал между двумя ветками на верхушке дерева; воздух был полон пыли и дождя, и он ничего не слышал; прошло много времени, прежде чем он понял, что дерево, на котором он находился, было повалено ветром и что его невольный насест среди сосновых иголок находился всего в пяти футах от земли.

— Послушай, парень! — громко воскликнул он в ярости. — Послушай, парень! Ну, блин! Какой ветер!

От боли и страха его чувства обострились, и он догадался, что лежит на корне дерева, куда был отброшен ужасным порывом, когда большая сосна была вырвана из земли. Ощупав себя, он обнаружил, что его левое ухо залеплено грязью, как будто кто-то хотел сделать с него слепок. Одежда была в лохмотьях, пальто порвалось по заднему шву, и он чувствовал, когда случайный порыв ветра попытался раздеть его, оно врезалось ему под мышками.

Спустившись на землю, он направился в сторону отцовского дома, но вокруг был новый и незнакомый пейзаж. Нечто — он не знал, что это был торнадо — пробило тропу шириной в четверть мили; когда пыль медленно осела, перед ним открылись невиданные ранее виды. Было нереально, чтобы отсюда была видна башня церкви Бендинга, ведь между ними были рощи деревьев.

Что же это за место? Ведь он должен был быть рядом с домом Болдуина; только спотыкаясь о груды досок, похожие на небрежно убранные дрова, Бутч понял, что дома Болдуина больше нет, а затем, оглянувшись вокруг, увидел, что на холме нет ни дома Некрауни, ни дома Пельтцера под ним. Не было ни света, ни звука, только дождь падал на поваленные деревья.

Он бросился бежать. Когда он увидел вдалеке громаду дома своего отца, он с облегчением воскликнул: «Эй!», но, подойдя ближе, понял, что чего-то не хватает. Пристройки не было, а крыло, в котором находилась комната Пинки, полностью исчезло.

— Мама! — позвал он. — Папа!

Ответа не последовало; со двора выскочила собака и лизнула ему руку...

* * *

...Через двадцать минут, когда Док Джэнни остановил машину перед своим аптечным магазином в Бендинге, уже совсем стемнело. Электрического света не было, но на улице стояли люди с фонарями, и через минуту вокруг него собралась небольшая толпа. Он торопливо отпер дверь.

— Кто-нибудь, взломайте старую больницу Уиггинса, — он указал на противоположную сторону улицы. — У меня в машине шестеро тяжело раненых. Я хочу, чтобы несколько парней занесли их внутрь. Док Берер здесь?

— Да, здесь, — раздались нетерпеливые голоса из темноты, когда доктор с чемоданчиком в руке пробирался сквозь толпу.

Двое мужчин стояли лицом к лицу при свете фонаря, забыв о том, что они недолюбливают друг друга.

— Бог знает, сколько их еще будет, — сказал Док Джэнни. — Я принесу перевязочный материал и дезинфицирующее средство. Будет много переломов...

Он повысил голос.

— Кто-нибудь, принесите мне бочку!

— Я начну вон там, — сказал Док Берер. — Там около полудюжины залезло внутрь.

— Что было сделано? — потребовал доктор Джэнни у мужчин, которые последовали за ним в аптеку. — Вы звонили в Бирмингем и Монтгомери?

— Телефонные провода оборваны, мы сообщили по телеграфу.

— Хорошо, кто-нибудь, позовите доктора Коэна из Ветталы и скажите всем, у кого есть автомобили, чтобы они поднимались вверх по Уиллард-Пайк и ехали в сторону Корсики и по всем тамошним дорогам. На перекрестке у магазина негров не осталось ни одного дома. Проезжая там, я видел множество людей, все они были ранены, но у меня не было места, чтобы забрать их.

Говоря это, он бросал бинты, дезинфицирующие средства и лекарства в одеяло.

— Я думал, у меня на складе гораздо больше запасов! И подождите! — крикнул он. — Кто-нибудь, поезжайте и посмотрите вниз, в ту лощину, где живут Вули. Поезжайте прямо через поля — по дороге не проехать... А теперь, вы в кепке — Эд Дженкс, правильно?

— Да, док.

— Видишь, что у меня здесь в одеяле? Ты собираешь в магазине все, что выглядит подобным образом, и приносишь это через дорогу в больницу, понятно?

— Да, док.

Когда доктор вышел на улицу, в город уже стекались жертвы — женщина с тяжелораненым ребенком, телега, полная стонущих негров, обезумевшие

мужчины, задышающиеся от ужаса. Повсюду в тускло освещенной темноте нарастали смятение и истерия. Покрытый грязью репортер из Бирмингема подъехал на коляске, колеса проехали по упавшим проводам и сучьям, которыми была завалена улица, и тут же завывла сирена полицейской машины из Купера, расположенного в тридцати милях отсюда.

У дверей больницы, закрытой эти три месяца из-за отсутствия пациентов, уже собралась толпа. Доктор протиснулся сквозь нее и устроился в ближайшей палате, благодарный за ожидающий его ряд старых железных кроватей. Доктор Берер уже трудился в другом конце коридора.

— Принесите мне полдюжины фонарей, — приказал он.

— Доктору Береру нужен йод и пластырь.

— Хорошо, вот они... Ты, Шинки, встань у двери и не пускай никого, кроме тех, кто не может ходить. Кто-нибудь, сбегайте, посмотрите, нет ли свечей в продуктовом магазине.

Улица была полна звуков: женские крики, крики команды добровольцев, пытающихся расчистить шоссе, напряженное стаккато людей, собирающихся на помощь в чрезвычайной ситуации. Незадолго до полуночи прибыло первое подразделение Красного Креста. Но трое врачей, к которым вскоре присоединились еще двое из близлежащих деревень, потеряли счет времени задолго до этого. К десяти часам начали приносить умерших: двадцать, двадцать пять, тридцать, сорок — список рос. Больше ни в чем не нуждаясь, они ждали, как и подобает простым земледельцам, в гараже позади, в то время как поток раненых — сотни их — протекал через старую больницу, рассчитанную всего на десяток человек. Торнадо оставил после себя переломы ног, ключиц, ребер и бедер, рваные раны спины, рук, ушей, век, носа. Были раны от летящих досок и странные осколки в разных местах, пришел скальпированный мужчина, которому предстояло отрастить новую шевелюру. Живой или мертвый, доктор Дженни знал каждое лицо, почти каждое имя.

— Не волнуйтесь. С Билли все в порядке. Стой спокойно и дай мне перевязать. Люди снуют туда-сюда каждую минуту, но здесь так темно, что они не могут их найти. Хорошо, миссис Оуки. Это ерунда. Вам это сейчас смажут йодом... А теперь давайте посмотрим на этого парня.

Два часа. Старый доктор из Ветталы сдался, но теперь на его место пришли свежие силы из Монтгомери. В воздухе комнаты, насыщенном дезинфицирующими средствами, плавал непрерывный лепет человеческой речи, смутно доносившийся до доктора сквозь слой за слоем нарастающей усталости:

— ...Снова и снова — просто катал меня снова и снова. Ухватился за куст, и куст...

— Джефф! Где Джефф?

— ...Держу пари, что эта свинья пролетела сотню ярдов...

— ...просто вовремя остановил поезд. Все пассажиры вышли и помогли вытащить столбы...

— Где Джефф? — спросил я.

— Он говорит: «Давайте спустимся в подвал», а я говорю: «Нет у нас никакого подвала»...

— ...Если носилок больше нет, найдите какие-нибудь легкие двери.

— ...Пять секунд? Послушайте, это было больше похоже на пять минут!

В какой-то момент он услышал, что Джина и Роуз видели с двумя их младшими детьми. По дороге он проезжал мимо их дома и, увидев, что тот цел, поехал дальше. Семье Дженни повезло: собственный дом доктора находился за пределами торнадо.

Только когда внезапно на улицах загорелся электрический свет, и он мельком увидел толпу, ожидающую горячего кофе перед зданием Красного Креста, доктор понял, насколько он устал.

— Вам лучше пойти отдохнуть, — сказал молодой человек. — Я займусь этими людьми. Со мной две медсестры.

— Хорошо, хорошо. Я закончу этот ряд.

Раненых эвакуировали в город поездом сразу же после того, как их раны были перевязаны, а их места заняли другие. Для отдыха оставалось всего две койки, и в первой он обнаружил Пинки Дженни.

Он приложил свой стетоскоп к сердцу. Оно слабо билось. То, что он, такой слабый, почти погибший, вообще пережил этот торнадо, было поразительно. Как он сюда попал, кто его нашел и перенес, было загадкой само по себе. Доктор осмотрел тело — были небольшие ушибы и рваные раны, два сломанных пальца, заляпанные грязью, что характерно для всех случаев, и больше ничего. На мгновение доктор замешкался, но даже когда он закрыл глаза, образ Мэри Декер словно отступил, ускользнув от него. В нем зародилось нечто чисто профессиональное, не имеющее ничего общего с человеческими чувствами, и он был бессилен это предотвратить. Он вытянул перед собой руки, они слегка дрожали.

— Адские колокола! — пробормотал он.

Он вышел из комнаты и завернул за угол коридора, где достал из кармана фляжку с остатками бурбона. Он опустошил ее. Вернувшись в палату, доктор продезинфицировал два инструмента и наложил местную анестезию на квадратный участок у основания черепа Пинки, где рана от пули зажила. Он подозвал к себе медсестру, а затем, держа в руках скальпель, опустился на одно колено у кровати племянника.

III

Два дня спустя доктор медленно ехал по унылой сельской местности. Он отказался от участия в операциях после первой отчаянной ночи, чувствуя, что его статус фармацевта может смутить его коллег. Но предстояло многое

сделать, чтобы под эгидой Красного Креста ликвидировать ущерб в отдаленных районах, и он посвятил себя этому.

Следовать по пути демона было легко. Он следовал неровным курсом на своих семимильных ботинках, срезая путь по пересеченной местности, через леса, иногда он даже, как человек городской, придерживался дорог до тех пор, пока они не уходили в сторону, после чего снова шел по бездорожью. Иногда его путь можно было проследить по как бы созревшим хлопковым полям, но этот хлопок был из внутренностей сотен одеял и матрасов, разбросанных по полям во время торнадо.

У кучи досок, которая недавно был негритянской хижинкой, он на мгновение остановился, чтобы послушать диалог между двумя репортерами и двумя застенчивыми негритятами. Старая бабушка с забинтованной головой сидела среди развалин, грызя какое-то непонятное мясо и беспрестанно раскачивая качалку.

— А где же та река, через которую вас перекинуло ветром? — спросил один из репортеров.

— Там.

— Где?

Они обратились за помощью к своей бабушке.

— Вон там, за вами, — ответила старуха.

Репортеры с отвращением смотрели на грязный ручей шириной в четыре ярда.

— Это какая-то канава.

— Это река Менада, мы всегда называли ее так, даже во времена моего детства. Да, сэр, это река Менада. И этих двух сорванцов перенесло ветром на другую сторону, совершенно не повредив. А на меня упал дымоход, — закончила она, ощупывая голову.

— Вы хотите сказать, что это все, что было? — возмущенно спросил молодой репортер. — И это река, через которую их унесло ветром? И сто двадцать миллионов человек были вынуждены поверить...

— Все в порядке, ребята, — прервал их доктор Дженни. — Это действительно хорошая река для здешних мест. И она станет еще больше, когда эти малыши подрастут.

Он бросил старушке четвертак и поехал дальше.

Проезжая мимо сельской церкви, он остановился и сосчитал новые коричневые холмики, которыми было усеяно кладбище. Сейчас он приближался к эпицентру холокоста. Там был дом Хауденов, в котором трое жильцов погибли. Остались только унылый дымоход, куча мусора и чучело, иронично уцелевшее в огороде. В развалинах дома напротив на пианино восседал петух, громогласно правящий множеством чемоданов, ботинок, консервных банок, книг, календарей, ковров, стульев и оконных рам, искореженным радиоприемником и сломанной швейной машинкой. Повсюду валялись постельные принадлежности — одеяла, матрасы, погнутые

пружины, рваная набивка — доктор и не подозревал, сколько времени люди проводят в постели. Тут и там на полях снова паслись коровы и лошади, часто испачканные дезинфицирующим средством. Через равные промежутки стояли палатки Красного Креста, у одной из них доктор наткнулся на маленькую Хелен Килрейн, сидящую с серой кошкой на руках. Сидя среди груды досок, похожих на детский строительный конструктор, сломанный в порыве гнева, она рассказывала свою историю.

— Привет, дорогая, — поприветствовал он ее, и сердце его упало. — Как кошечке понравился торнадо?

— Совсем не понравился.

— Как ты узнала? — спросил он.

— Она мякнула

— О!

— Она хотела убежать, но я ухватила за нее, и она меня поцарапала, видите?

Он взглянул на палатку Красного Креста.

— Кто о тебе заботится?

— Дама из Красного Креста и миссис Уэллс, — ответила она. — Мой папа пострадал. Он прикрывал меня, защищая от падающих предметов, а я защищала кошечку. Он в больнице в Бирмингеме. Когда он вернется, я думаю, он отстроит наш дом заново.

Доктор поморщился. Он знал, что ее отец больше ничего не построит — в то утро он скончался. Она осталась совершенно одна и еще не знала об этом. Вокруг нее простиралась темная вселенная, безличная, бессознательная. Ее прелестное личико уверенно посмотрело на него, когда он спросил:

— У тебя есть где-нибудь родственники, Хелен?

— Я не знаю.

— В любом случае, у тебя есть кошечка, не так ли?

— Это всего лишь кошка, — спокойно призналась она, но, почувствовав, что сама предала свою любовь, крепче прижала ее к себе.

— Заботиться о ней, должно быть, довольно тяжело.

— О, нет, — поспешно сказала она. — Это совсем нетрудно. Она почти ничего не ест.

Он сунул руку в карман, а потом внезапно передумал.

— Дорогая, я приду к тебе попозже, сегодня. Ты ведь позаботишься о кошечке?

— О, да, — беспечно ответила она.

Доктор поехал дальше. Затем он остановился у дома, который не пострадал. Уолт Каппс, владелец, чистил дробовик на своем крыльце.

— Что это, Уолт? Собираешься вызвать следующий торнадо?

— Следующего торнадо не будет.

— Ты не можешь знать наверняка. Просто взгляни на небо. Оно снова потемнело.

Уолт рассмеялся и похлопал по своему дробовику.

— Во всяком случае, не в ближайшие сто лет. Сейчас здесь рай для мародеров. Их тут много, и не все они черные. Хотелось бы, чтобы ты, когда поедешь в город, передал, чтобы прислали к нам ополченцев.

— Я обязательно передам. С твоими все в порядке?

— В порядке, слава Богу. Нас в доме было шестеро. Торнадо унес одну курицу и, вероятно, до сих пор где-то ее носит.

Доктор поехал дальше в сторону города, охваченный чувством беспокойства, источник которого он никак не мог определить.

— Это из-за погоды, — подумал он. — В воздухе витает то же самое ощущение, что и в прошлую субботу.

В течение месяца доктор испытывал непреодолимое желание уехать отсюда навсегда. Когда-то эта сельская местность, казалось, сулила покой. Когда импульс, который временно вывел его из состояния усталости, иссяк, он вернулся сюда, чтобы отдохнуть, понаблюдать, как земля набирает силу, и пожить в простых, приятных отношениях со своими соседями. Мир! Он знал, что нынешняя семейная ссора никогда не уляжется, ничто уже никогда не будет прежним, все навсегда останется с привкусом горечи. И он видел, как безмятежная сельская местность превратилась в страну скорби. Здесь не было покоя. Надо двигаться дальше!

По дороге он догнал Бутча Дженни, направлявшегося в город.

— Я шел повидаться с тобой, — сказал Бутч, нахмурившись. — Ты все-таки прооперировал Пинки, не так ли?

— Прыгай в... Да, я провел операцию. Как ты узнал?

— Док Берер сказал нам.

Бутч бросил быстрый взгляд на доктора, от которого не ускользнула нотка подозрительности в его взгляде.

— Они думают, что он не протянет и дня.

— Мне жаль твою мать.

Бутч неприятно рассмеялся.

— Да, это так.

— Я сказал, что мне жаль твою мать, — резко сказал доктор.

— Я слышал тебя...

Какое-то время они ехали молча.

— Ты нашел свой автомобиль? — спросил доктор.

— Нашел? — Бутч печально рассмеялся. — Да, я кое-что нашел — не знаю, можно ли это еще назвать автомобилем. И, знаешь, я мог бы застраховаться от торнадо за двадцать пять центов. — Его голос возмущенно дрожал: — Двадцать пять центов, но кому придет в голову страховаться от торнадо?

Становилось все темнее, далеко на юге послышался слабый раскат грома.

— Ну, я надеюсь, — сказал Бутч, сузив глаза, — что вы ничего не пили, когда оперировали Пинки.

*... Через мгновение они оказались в группе из полдюжины человек,
сгрудившихся на склоне под мостом.*

— Знаешь, Бутч, — медленно произнес доктор, — это был довольно грязный трюк с моей стороны — вызвать здесь торнадо.

Он не ожидал, что сарказм попадет в цель, но он ожидал ответной реплики, как вдруг увидел лицо Бутча. Оно было белым, рот открыт, глаза неподвижны и пристальны, а из горла вырывалось бессловесное мычание. Он резко поднял перед собой руку, и тут доктор увидел.

Менее чем в миле от них огромная черная туча в форме волчка заполнила небо и неслась к ним, опускаясь и кружась, а впереди нее уже дул сильный, свистящий ветер.

— Оно вернулось! — закричал доктор.

В пятидесяти ярдах впереди виднелся старый железный мост, перекинутый через Билби-Крик. Он резко нажал на акселератор и рванул с места. Поля были полны бегущих фигур, направлявшихся в том же направлении. Добравшись до моста, он выпрыгнул и дернул Бутча за руку.

— Вылезай, дурак! Быстрее!

Бутч, словно в оцепенении, спотыкаясь, выбрался из машины, через мгновение они оказались в группе из полудюжины человек, сгрудившихся на склоне под мостом.

— Оно приближается сюда?

— Нет, оно поворачивает!

— Нам пришлось оставить дедушку!

— О, спаси меня, спаси меня! Иисус, спаси меня! Помоги мне!

— Иисус, спаси мою душу!

Снаружи быстро налетел порыв ветра, запустив маленькие щупальца под мост с любопытным напряжением, от которого у доктора поползли мурашки по коже. Затем сразу же наступила пустота, ветра больше не было, но внезапно хлынул дождь. Доктор подполз к краю моста и осторожно высунул голову.

— Вроде пронесло, — сказал он. — Мы были на самом краю, центр торнадо прошел намного правее нас.

Он мог ясно видеть его, на секунду он даже смог различить в нем предметы: кустарник и маленькие деревья, доски и комья земли. Отползая подальше, он достал свои часы и попытался узнать время, но плотная завеса дождя скрыла их из виду.

Промокший до нитки, он снова заполз под мост. Бутч лежал, дрожа, в самом дальнем углу, и доктор встряхнул его.

— Оно пошло в сторону вашего дома! — воскликнул доктор. — Возьми себя в руки! Кто там остался?

— Никого, — простонал Бутч. — Они все у Пинки.

Дождь сменился градом, сначала мелким, затем все крупнее и крупнее, пока его удары о железный мост не превратились в оглушительную дробь.

Спасенные несчастные под мостом медленно приходили в себя, и среди всеобщего облегчения раздались взрывы истерического смеха. После опре-

деленного напряжения нервная система делает свои переходы без достоинства и приличия. Даже доктор почувствовал это.

— Это хуже, чем катастрофа, — сухо сказал он. — Это начинает надоедать.

IV

Той весной в Алабаме больше не должно было быть торнадо. Второй — в народе считалось, что это вернулся первый, поскольку для жителей округа Чилтон он стал персонифицированной силой, как языческий бог, — унес дюжину домов, в том числе дом Джина Дженни, и ранил около тридцати человек. Но на этот раз, — возможно, потому что каждый уже знал, что делать для самозащиты, — обошлось без жертв. Он совершил свой последний драматический забег, пронесшись по главной улице Бендинга, повалил телефонные столбы и разбил витрины трех магазинов, включая аптеку доктора Дженни.

Через неделю жители стали возводить дома из старых досок, а до конца долгого и пышного алабамского лета на всех могилах уже зазеленела трава. Но пройдут годы, прежде чем жители перестанут делить свою жизнь на «до торнадо» и «после торнадо», и для многих семей жизнь никогда не будет такой, как прежде.

Доктор Дженни решил, что сейчас самое подходящее время для отъезда. Он продал остатки своей аптеки, выпотрошенной как благотворительностью, так и катастрофой, и передал свой дом брату, пока Джин не сможет отстроить свой собственный. В город он собирался ехать на поезде, так как его машина врезалась в дерево и на большее, чем поездка до станции, рассчитывать не приходилось.

Несколько раз по дороге он останавливался на обочине, чтобы попрощаться с жителями, предпоследним был Уолтер Каппс.

— Получается, вас тоже накрыло торнадо? — сказал он, глядя на унылую постройку на заднем дворе.

— Да, это было довольно скверно, — ответил Уолтер. — Но только подумайте: нас было шестеро в доме, и никто не пострадал. Я благодарю Бога за это.

— В этом тебе повезло, Уолт, — согласился доктор. — Вы случайно не слышали, куда Красный Крест отвез маленькую Хелен Килрейн — в Монтгомери или в Бирмингем?

— В Монтгомери. Я был там, когда она пришла в город с котенком, пытаюсь найти кого-нибудь, кто перевязал бы ему лапу. Она, наверное, прошла много миль под дождем и градом, но все, что для нее было важно, — это ее Китти. Как бы плохо я себя не чувствовал, я не мог удержаться от смеха над тем, какой она была отважной.

Доктор на мгновение замолчал.

— Вы случайно не помните, остались ли у нее еще какие-нибудь родственники?

— Я не знаю, сэр, — ответил Уолтер, — но думаю, что нет.

Свою последнюю остановку доктор сделал у дома брата. Все они были там, даже самые младшие, и расчищали руины. Бутч уже соорудил сарай для хранения спасенного имущества. Исключая его, от всех остальных строений сохранилась лишь ограда из круглого белого камня, которая должна была окружать сад.

Доктор достал из кармана стодолларовую купюру и протянул ее Джину.

— Когда-нибудь вернешь, только особо не напрягайся, — сказал он. — Это деньги, которые я получил за магазин.

Он прервал благодарность Джина:

— Аккуратно упакуй мои книги, когда я пошлю за ними.

— Ты собираешься там заняться медициной, Форрест?

— Может быть, попробую.

Братья на мгновение взяли за руки друг друга, двое младших детей подошли попрощаться. Роуз стояла на заднем плане в старом синем платье: у нее не было денег, чтобы надеть траурное по старшему сыну.

— Прощай, Роуз, — сказал доктор.

— До свидания, — ответила она, а затем добавила мертвым голосом. — Удачи тебе, Форрест.

На мгновение у него возникло искушение сказать что-нибудь примирительное, но он понял, что это бесполезно. Он столкнулся с материнским инстинктом, с той самой силой, которая отправила маленькую Хелен под дождем с раненой кошкой.

На вокзале он купил билет в один конец до Монтгомери. Деревня казалась унылой под небом затянувшейся весны, и когда поезд тронулся, он подумал, что еще полгода назад она казалась ему таким же хорошим местом, как и все остальные.

Он был один в белой части дневного вагона, вскоре он нащупал на бедре бутылку и вытащил ее. «В конце концов, сорокапятiletний мужчина имеет право на мужество, пусть и ненатуральное, когда начинает все сначала». Он начал думать о Хелен: «У нее никого не осталось. Думаю, теперь маленькая девочка — моя».

Он похлопал по бутылке, затем посмотрел на нее сверху вниз, словно с удивлением.

— Что ж, придется отложить тебя на время, старина. Любая кошка, которая стоит всех этих хлопот и забот, нуждается просто в огромном количестве молока высшего сорта.

Он устроился поудобнее на сиденье и смотрел в окно. В его памяти все еще хранились воспоминания о той страшной неделе, и ветры все еще кружили вокруг него, гуляли сквозняками по коридору вагона — ветры

всего мира: циклоны, ураганы, торнадо — серые и черные, ожидаемые или непредвиденные, некоторые с неба, некоторые из адских пещер.

Но он не мог позволить им снова коснуться Хелен, и с этим уже ничего не поделать.

Он на мгновение задремал, но его разбудил навязчивый сон: «Папа стоял надо мной, а я стояла над Китти».

— Ладно, Хелен, — сказал он вслух, потому что часто разговаривал сам с собой, — я думаю, старый бриг сможет продержаться на плаву еще немного — любой ветер ему нипочем!

ОТ СУДЬБЫ НЕ УБЕЖИШЬ

I

В 1918 году, за несколько дней до перемирия, Кэролайн Мартин из Дерби, штат Вирджиния, сбежала с заурядным молодым лейтенантом из Огайо. Они поженились в городке на границе с Мэрилендом, и она оставалась там до тех пор, пока Джорджа Коркорана не демобилизовали. Затем они отправились к нему домой на Север.

Это был отчаянный, безрассудный брак. После того как она покинула дом своей тети с Коркораном, мужчина, разбивший ей сердце, понял, что он разбил и свое: он позвонил, но Кэролайн не было дома, и все, что ему оставалось делать в ту ночь, — это лежать без сна и вспоминать, как она ждала его во дворе, как сладость стекала в нее из деревьев магнолии, из окружающей ночи, и вспоминать себя, приехавшего в своей лучшей офицерской форме, в блестящих сапогах и с сердцем, полным эгоизма, который от стыда превратился в жестокость. На следующий день он узнал, что она сбежала с Коркораном, и он потерял ее, как того и заслуживал.

Убитый горем Сидней Лахай с отвращением вспоминал мелкие причины своего поступка: он не смог отказаться от ожидаемого длительного путешествия по миру, от холостяцкой квартиры в Нью-Йорке с четырьмя гарвардскими друзьями, более того, его одолел страх — страх быть чем-то связанным. Путешествие, они могли бы совершить его вместе с ней. Холостяцкая квартира — она за одну ночь распалась на свои голые и холодные составные части. Быть связанным? Да он только этого и хотел: быть рядом с ее свежестью, быть вечно в этих юных объятиях.

Он был эгоистом, воспитанным эгоистичной матерью, и сейчас он познавал свое первое страдание. Но, как и любой маленький, жилистый, красивый человек, он был цельным, и его реакции не были тривиальными. Он не отрекался от происшедшего, хотя и знал, что поступил бессердечно и глупо. Он носил свое горе в себе, и в конце концов это пошло ему на пользу. Но внутри него оставалось воспоминание о девушке, совершенно неудобоваримое и не усвояемое.

*Всё, что ему оставалось делать в ту ночь, —
это лежать без сна и вспоминать, как она ждала его во дворе,
как сладость стекала в неё из деревьев магнолии...*

Тем временем Кэролайн Коркоран, в недавнем прошлом красавица виргинского городка, расплачивалась за свое безрассудство в трущобах Дейтона, штат Огайо.

II

Она прожила в Дейтоне три года, и ее жизнь стала невыносимой. Для нее, выросшей в районе, где все было сравнительно бедно, где ни одно платье на танцевальных площадках не стоило больше тридцати долларов, нехватка денег сама по себе не была серьезной проблемой. Здесь было совсем по-другому. Она попала в мир не только крайней нужды, ее окружали обыденные грубость и пошлость, с которыми никогда раньше она не соприкасалась. Именно в этом отношении Джордж Коркоран обманул ее. Где-то на нем появился слабый налет благовоспитанности, но он ничего не сказал и не сделал, чтобы подготовить ее к встрече со своей матерью, в чью двухкомнатную квартиру он ее привел. Ошеломленная, Кэролайн поняла, что спустилась на несколько ступенек вниз. У этих людей не было никакого положения — Джордж никого не знал, и она была буквально одна в незнакомом городе. Миссис Коркоран недолюбливала Кэролайн: ей не нравились ее хорошие манеры, ее южный стиль жизни, да и само ее присутствие. При всей своей аристократичной внешности, она не принесла им ничего, кроме ребенка. Тем временем Джордж устроился на работу, и они переехали в более просторную квартиру, но мать переехала вместе с ними, поскольку она считала, что сын принадлежит ей, и жизнь Кэролайн проходила в невообразимой тоске. Сначала ей было слишком стыдно, и не было средств, чтобы вернуться домой, но в конце года тетя прислала ей денег на поездку, и она со своим маленьким сыном провела в Дерби целый месяц, гордо молча, но не в силах удержать часть правды от того, чтобы она не просочилась к ее подругам. У них все было хорошо или не очень хорошо, но ни у кого из них не было так плохо, как у Кэролайн.

По прошествии трех лет, когда ребенок Кэролайн вырос и не стал нуждаться в постоянном внимании, когда остатки ее привязанности к Джорджу растаяли, поскольку его приятные манеры были испорчены его собственными недостатками, и когда ее яркая, неиспользованная красота все еще преследовала Кэролайн в зеркале, она поняла, что разрыв близок. Не то чтобы у нее были особые надежды на счастье: поскольку она смирилась с мыслью, что разрушила свою жизнь, и способность мечтать покинула ее три года назад еще в ту ноябрьскую ночь, а просто потому, что условия были невыносимыми. О разрыве возвестил голос по телефону, голос, который она помнила только как нечто, нанесшее ей когда-то давным-давно страшную травму.

— Привет, — сказал голос, сильный голос с напряжением в нем. — Миссис Коркоран?

— Да.

— Вы помните Кэролайн Мартин?

— Кто это? — спросила она.

— Это человек, которого вы не видели много лет. Сидни Лахай.

Через мгновение она ответила другим тоном:

— Неужели?

— Я давно хотел вас увидеть, — продолжал голос.

— Я не понимаю почему, — просто сказала Кэролайн.

— Я хочу вас видеть. Я не могу говорить по телефону.

Миссис Коркоран, находившаяся в комнате, спросила:

— Кто это? — произнося эти слова одними губами.

Кэролайн слегка покачала головой.

— Я не понимаю, почему вы хотите меня видеть, — сказала она, — и я не думаю, что хочу вас видеть.

Ее дыхание участилось, снова разбередилась старая рана, та рана, которая превратила ее из счастливой влюбленной девушки в то неопределенное существо, которым она являлась сейчас.

— Пожалуйста, не вешайте трубку, — сказал Сидни. — Я не стал бы вам звонить, не обдумав все хорошенько. Я слышал, что у вас не все гладко.

— Это неправда.

Теперь Кэролайн отчетливо ощутила, как миссис Коркоран вытянула шею.

— У меня все хорошо. И я не понимаю, какое вы имеете право вмешиваться в мою жизнь.

— Подождите, Кэролайн! Вы не знаете, что произошло в Дерби после вашего отъезда. Я был в отчаянии...

— О, мне все равно... — воскликнула она. — Оставьте меня в покое, вы слышите?

Она повесила трубку. Она была возмущена тем, что этот человек, орудие ее несчастья, почти забытый, теперь вернулся в ее жизнь!

— Кто это был? — требовательно спросила миссис Коркоран.

— Просто мужчина — мужчина, которого я ненавижу.

— Кто?

— Просто старый друг.

Миссис Коркоран пристально посмотрела на нее.

— Это был случайно не тот мужчина? — спросила она.

— Какой мужчина?

— Мужчина, в которого ты была влюблена и который бросил тебя. Джорджи рассказал мне три года назад, когда вы только поженились, — тогда это сильно задело его чувства.

— О, нет, — сказала Кэролайн. — Это мое личное дело.

Она пошла в спальню, которую делила с Джорджем. Если Сидни проявит настойчивость и придет сюда, будет ужасно, если он обнаружит ее живущей на этой грязной улице.

Когда Джордж вошел, Кэролайн услышала бормотание его матери за закрытой дверью, она не удивилась, когда он спросил об этом за ужином:

— Я слышал, что тебе позвонил старый друг.

— Да. Ты его знаешь.

— Кто это был?

— Это был старый знакомый, но он больше не позвонит, — сказала она.

— Держу пари, он позвонит, — предположила миссис Коркоран. — Что он сказал тебе, что ты ответила: «неправда»?

— Это мое дело.

Миссис Коркоран многозначительно взглянула на Джорджа, который сказал:

— Мне кажется, если мужчина звонит моей жене и раздражает ее, я имею право знать об этом

— Нет, и точка.

Она повернулась к его матери.

— Почему вы вообще подслушивали?

— Я была там, и ты жена моего сына.

— Вы вечно создаете проблемы, — тихо сказала Кэролайн. — Вы подслушиваете и наблюдаете за мной. А как насчет женщины, которая продолжает названивать Джорджу, вы делаете все возможное, чтобы замять это.

— Это ложь! — воскликнул Джордж. — И ты не можешь разговаривать с моей матерью в таком тоне! Если ты думаешь, что мне не надоело, что ты навешиваешь на меня кучу собак, когда я работаю весь день и прихожу домой, чтобы найти...

Когда он разразился бессильной, яростной тирадой, изливая на нее презрение к самому себе, мысли Кэролайн обратились к пятидесятидолларовой купюре, подарку ее бабушки, спрятанному под бумагой в ящике бюро. Жизнь многое отняла у нее за три года, она не знала, хватит ли у нее смелости сбежать, однако было приятно знать, что деньги при ней.

На следующий день в лучах весеннего солнца все наладилось, и они с Джорджем помирились. Она была отчаянно приспособляема, отчаянно добродушна, и на время забыла обо всех неприятностях, объятая прежним чувством страсти и жалости к нему. В конце концов его мать уедет, он изменится и станет лучше, а пока ее сын со своей доброй, мудрой улыбкой перелистывал страницы льняной книги на залитом солнцем ковре. Когда ее душа погрузилась в беспомощную, женскую апатию, навеянную предстоящим часовым дежурством, страхом перед новой болью или неисчислимыми переменами, в квартире резко зазвонил телефон.

Снова и снова раздавался звонок, и она застыла на месте от ужаса. Миссис Коркоран ушла на рынок, но она боялась не старуху. Она боялась черного конуса, свисающего с металлического кронштейна и пронзительно звенящего в залитой солнцем комнате. На минуту он прекратился, сменившись ударами сердца, а затем начался снова. В панике она бросилась в свою комнату,

побросала в чемодан лучшие вещи маленького Декстера, свое единственное выходное платье и туфли, положила в сумочку пятидесятидолларовую купюру. Взяв сына за руку, она поспешила выйти за дверь, преследуемая на лестнице настойчивым звонком телефона. Окна были открыты, и, останавливая такси, она все еще слышала, как звонок врывается в солнечное утро.

III

Два года спустя, выглядя при этом на целых два года моложе, Кэролайн рассматривала себя в зеркале в платье, за которое заплатила сама. Она работала стенографисткой в нью-йоркской импортной фирме, они с маленьким Декстером жили на ее зарплату и на доход от облигаций на десять тысяч долларов, доставшихся в наследство от тети. Если жизнь и не достигла того, что когда-то обещала, то, по крайней мере, стала нормальной. Почувствовав, что она сильно обманулась, Джордж предоставил ей свободу и опеку над ребенком. Теперь Декстер днем был в детском саду и в безопасности до 17:30, когда она звонила и забирала его в маленькую квартирку, которая была ее собственной. Рядом с ней не было ничего родного, но у нее был Нью-Йорк с его развлечениями для всех кошельков, с его странной уступчивостью друзей, с его быстрым столичным ритмом любви, рождения и смерти. Он дарил мечты лишенным воображения, а пышность и драматизм скучным людям.

Но жизнь в этом городе была непростой. Ее работа была тяжелой, она была физически хрупкой и к концу дня уставала гораздо больше, чем другие девушки. Ей надо было думать о будущем, когда ее накопления будут потрачены на образование Декстера. Вспоминая семью Коркоранов, она с ужасом думала о том, что будет зависеть от сына, и с ужасом ждала того дня, когда ей придется оттолкнуть его от себя. Она обнаружила, что ее интерес к мужчинам пропал. Два пережитых ею события что-то сделали с ней. Она видела их ясно и смутно, и эти события были убраны в далекие уголки памяти, и становились все более и более тусклыми, как книга, которую она читала давным-давно. Любви больше не было.

Кэролайн наблюдала за этим отстраненно и не без некоторого, почти безличного сожаления. Несмотря на то, что сентиментальность была уделом красивых девушек, это было как раз не ее. Она сама удивилась, как-то сказав в компании других девушек, что не любит мужчин, но знала, что это правда. Это была некрасивая фраза, но теперь, живя примерно в четырехугольном мире, она ненавидела компромиссы и увертки своего брака.

— Я ненавижу мужчин — я, Кэролайн, ненавижу мужчин. Я хочу от них только вежливости, и чтобы меня оставили в покое. Пусть моя жизнь неполноценна, но это так. У одних она полная, у меня нет.

В тот день, когда она рассматривала в зеркале свое вечернее платье, она была в загородном доме на Лонг-Айленде — доме Эвелин Мердок, самой удачно вышедшей замуж из всех ее старых подруг из Вирджинии. Они встретились на улице, и Кэролайн провела у нее уик-энда, непривычно наслаждаясь роскошью, которую она никогда себе не представляла, опьяненная тем, что в своем новом вечернем платье она такая же молодая и привлекательная, как и другие женщины, чья жизнь протекала в более гламурных условиях. Как и в Нью-Йорке, ритм уик-энда, с его зарождением, запланированным весельем и объявленным концом, следовал за ритмом жизни и заменял его. Сентиментальность Кэролайн исчезла, но закономерности остались. Гости, смутно видневшиеся на веранде, были возможными поклонниками. Посещение детской было обещанием ее собственных будущих детей, спуск на ужин был прогулкой к алтарю, а ее наряд был подвенечным платьем с невидимым шлейфом.

— Мужчина, рядом с которым ты сидишь, — сказала Эвелин, — старый друг: Сидни Лахай — он служил в лагере Роузкранс.

После некоторого замешательства она поняла, что ничего страшного в этом нет. В тот момент, когда она встретила его так быстро, что не успела обрадоваться, она поняла, что его для нее больше нет. Он был всего лишь невысоким, симпатичным мужчиной с румяной смуглой кожей, изящными черными усиками и очень красивыми глазами. Его как не было, так и нет. Она пыталась вспомнить, почему когда-то он казался ей самым желанным человеком на свете, но вспомнила только то, что он целовал и обнимал ее, что он заставил ее думать о том, что они помолвлены, а потом повел себя плохо и бросил ее в объятия Джорджа Коркорана. Годы спустя он позвонил по телефону, как коммивояжер, вспоминающий о приятном времяпрепровождении в обычном городе. Кэролайн была совершенно невозмутима и чувствовала себя непринужденно, когда они сели за стол.

Но Сидни Лахай не собирался так легко отказываться от нее.

— Я звонил вам в тот вечер в Дерби, — сказал он. — Я звонил полчаса. Во время той поездки в лагерь для меня все изменилось.

— Вас мучила совесть...

— Это были не угрызения совести, а корысть. Я понял, что ужасно влюблен в вас. Я не спал всю ночь...

Кэролайн слушала безучастно. Это даже не объясняло ничего, не манило ее пожаловаться на судьбу — это был просто факт.

Он настойчиво держался рядом с ней. На вечеринке она больше никого не знала и для нее не было места ни в какой группе разговаривающих. После ужина они сидели на веранде, и Кэролайн холодно сказала:

— Женщины — вообще хрупкие создания. В определенный момент ты что-то с ними делаешь, и буквально ничто не может изменить того, что ты сделал.

— Вы имеете в виду, что ненавидите меня?

Она кивнула.

— Насколько я вообще активно к тебе отношусь.

— Полагаю, что да. Это ужасно, не так ли?

— Нет. Мне приходится задуматься, прежде чем я смогу вспомнить, как я стояла и ждала вас в саду той ночью, держа в руках все свои мечты и надежды, как букет цветов, во всяком случае, он был для меня таковым. Я думала, что я очень милая. Я приберегала себя для этого и была готова отдать все это вам. А потом ты подошел ко мне и пнул меня.

Она недоверчиво рассмеялась.

— Ты вел себя как ужасный человек. И хотя мне уже все равно, вы всегда будете для меня ужасным человеком. Даже если бы вы нашли меня в ту ночь, я совсем не уверена, что можно было бы что-то сделать. Прощение — это просто глупое слово в подобном вопросе.

Чувствуя, что ее собственный голос становится взволнованным и раздраженным, она запахнула накидку и сказала обычным голосом:

— Становится слишком холодно, чтобы сидеть здесь.

— Еще кое-что, прежде чем ты уйдешь, — сказал он. — Это было нетипично для меня. Это было настолько нетипично, что за последние пять лет я ни разу не провел ни одной свободной минуты, не вспомнив об этом. Я не только не был женат, но и никогда даже мимолетно не влюблялся. Я сравнивал каждую девушку, которую встречал, с вами, Кэролайн, — их лица, их голоса, кончики пальцев.

— Мне жаль, что я оказала на вас такое разрушительное воздействие. Должно быть, это было неприятно.

— Я следил за вами с тех пор, как позвонил в Дейтон, я знал, что рано или поздно мы встретимся.

— Я собираюсь пожелать тебе спокойной ночи.

Но пожелать спокойной ночи было легче, чем уснуть, и Кэролайн проспала всего час, когда проснулась в семь. Собирая сумку, она составила вежливое письмо Эвелин Мердок, в котором объясняла, почему неожиданно уезжает в воскресенье утром. Это было трудно, и за это она еще сильнее невзлюбила Сидни Лахай.

IV

Несколько месяцев спустя Кэролайн улыбнулась удача. Миссис О'Коннор, с которой она познакомилась через Эвелин Мердок, предложила ей должность личного секретаря и компаньонки в путешествии. Обязанности были легкими, поездка предусматривала немедленное отбытие за границу, и Кэролайн, худая и изможденная работой, ухватилась за этот шанс. С поразительной щедростью в предложение был включен ее сын.

С самого начала Кэролайн была озадачена тем, что привлекло в ней Хелен О'Коннор. Ее работодательницей была тридцатилетняя женщина, рассеянная и сдержанная, чрезвычайно светская и, за исключением ее странной доброты к Кэролайн, очень эгоистичная. Но зарплата была хорошей, и Кэролайн наслаждалась любой роскошью, и к ней неизменно относились как к равной.

Следующие три года настолько отличались от всего, что было в ее прошлом, что казались годами, позаимствованными из чьей-то другой жизни. Европа, в которой жила Хелен О'Коннор, была не туристической, а сезонной. Ее самым ярким впечатлением была фантазмагория имен мест и людей: Биарриц, мадам де Кольмар, Довиль, граф де Берме, Канны, Дерехимеры, Париж и Мадридский замок. Они жили жизнью казино и отелей, о которых так усердно писали американские газеты Парижа: Хелен О'Коннор пила и засиживалась допоздна, а через некоторое время и Кэролайн пила и засиживалась допоздна. Быть стройной и светлокожей было модно в те годы, и в глубине души Кэролайн было что-то такое, что стало бесцельным и бессмысленным, что ее больше не волновало. Любви не было: она сидела за столом рядом со многими мужчинами, принимала комплименты, любезности и мелкие галантности, но стоило только намекнуть на что-то большее, как она тут же замирала. Даже выпив вина, она чувствовала растущую твердость. Но в других отношениях она становилась все более беспокойной.

Сначала Хелен О'Коннор уговаривала ее пойти куда-нибудь, теперь же Кэролайн сама этого хотела, для нее ни одно зелье не было слишком крепким, ни один вечер — слишком поздним. От Хелен стали поступать мягкие нотации.

— Это абсурд. В конце концов, есть такая вещь, как умеренность.

— Полагаю, да, если вы действительно хотите жить.

— Но вы хотите жить, вам есть ради чего жить. Если бы моя кожа была такой же, как у вас, и мои волосы... Почему бы вам не обратить внимание на некоторых мужчин, которые смотрят на вас?

— Жизнь недостаточно хороша, вот и все, — сказала Кэролайн. — Какое-то время я старалась изо всех сил, но с каждым днем все больше убеждаюсь, что этого недостаточно. Люди выкарабкиваются, если их чем-то занять, везет тем, у кого интересная работа. Я была хорошей матерью, но была бы идиоткой, если бы стала тратить шестнадцать часов в день на его воспитание, превращая Декстера в неженку.

— Почему бы вам не выйти замуж за Лахая? У него есть деньги, положение и все, о чем вы можете только мечтать.

Наступила пауза.

— Я пресыщена мужчинами. К черту их.

Впоследствии она удивлялась заботливости Хелен, давно поняв, что ей нет до нее никакого дела. У них даже не было общих вкусов, и часто они откровенно враждовали и не встречались по несколько дней кряду. Кэролайн

— Жизнь недостаточно хороша, вот и всё, — сказала Кэролайн. —
Какое-то время я старалась изо всех сил, но с каждым днем
все больше убеждаюсь, что этого недостаточно.

недоумевала, зачем ее держат, но за эти годы она стала более самовлюбленной и не была склонна перебирать перья, которыми было устлано ее гнездо.

Однажды ночью на озере Маджоре все изменилось в одно мгновение. Размытый мир, увиденный с карусели, встал на свои места — карусель внезапно остановилась.

Они поехали в отель в Локарно из-за Кэролайн. Уже несколько месяцев она страдала легкой, но упорной астмой, и они приехали туда отдохнуть перед весельем осеннего сезона в Биаррице. Они встретились с друзьями, и вместе с ними Кэролайн отправилась поиграть в «Курсаал», в игорный зал при нем. Хелен осталась в отеле.

Кэролайн сидела в баре. Оркестр играл «Венский вальс», и вдруг у нее возникло ощущение, что аккорды удлиняются, что каждый такт немного

вытягивается, пока сам вальс не превратился в пытку. Она заткнула уши пальцами, потом вдруг закашляла в носовой платок.

Она задыхалась.

Мужчина, который был рядом с ней, спросил:

— Что с вами? Вам плохо?

Она прислонилась спиной к стойке бара, пряча в руке носовой платок с пятнами крови. Ей показалось, что прошло полчаса, прежде чем она ответила:

— Нет, со мной все в порядке, — но, очевидно, на самом деле прошло всего несколько секунд, потому что мужчина не стал больше беспокоиться.

«Я должна выйти, — подумала Кэролайн. — Что же это со мной?» Раз или два она замечала крошечные капельки крови, но никогда ничего подобного. Она почувствовала очередной приступ кашля и, холодея от страха и слабости, подумала, сможет ли она добраться до умывальной комнаты.

Спустя какое-то время кровотечение прекратилось, и кто-то перевел оркестр на обычный темп. Не говоря ни слова, она медленно вышла из комнаты, стараясь держаться как можно изящнее. До гостиницы было не более квартала, и она направилась пешком по освещенной улице. Через минуту ей снова захотелось прокашляться, поэтому она остановилась, задержала дыхание и прислонилась к стене. Но это было бесполезно, она поднесла платок ко рту и через минуту опустила его, на этот раз спрятав от глаз. Затем пошла дальше.

В лифте ее снова охватил приступ слабости, но ей удалось добраться до двери своего номера, где она рухнула на маленький диванчик в прихожей. Если бы в ее сердце было место для каких-либо эмоций, кроме ужаса, она была бы удивлена, услышав взволнованный диалог в салоне, но в данный момент голоса были отзвуками ночного кошмара, и только краем уха она улавливала то, что они говорили.

— Я пробыл шесть месяцев в Центральной Азии, иначе я бы приехал раньше, — произнес мужской голос, и Хелен ответила: — У меня вообще нет чувства вины.

— А я и не думал, что оно у вас есть. Я просто корил себя за то, что выбрал вас.

— Сидни, могу я спросить, кто рассказал вам эту историю?

— Два человека. Один человек из Нью-Йорка видел вас в Монте-Карло и сказал, что в течение года вы только и делали, что покупали выпивку кучке попрошайек и тунеядцев. Он задавался вопросом, кто вас обеспечивает. Потом я увидел Эвелин Мердок в Париже, и она сказала, что Кэролайн кутит каждую ночь и что она была худая, как жердь, а ее лицо похоже на смерть. Это и привело меня сюда.

— А теперь послушайте меня, Сидни. Я не собираюсь терпеть издевательства по этому поводу. Мы договорились, что я буду возить Кэролайн по границам и устраивать ей развлечения, потому что вы были влюблены в нее, или чувствовали себя виноватым перед ней, или что-то в этом роде.

Вы наняли меня для этого и содержали. Что ж, я сделала все, что вы хотели. Вы сами сказали, что хотите, чтобы она встречалась со многими мужчинами.

— Я говорил с «мужчинами», а не рюмками.

— Я сделала, что могла. Во-первых, она абсолютно безразлична к ним, а когда мужчины это узнают, они побыстрее удаляются.

Он сел.

— Неужели вы не можете понять, что я хотел сделать ей хорошо, а не навредить? У нее были тяжелые времена, она провела большую часть своей юности, расплачиваясь за то, в чем виноват только я, поэтому я хотел загладить это наилучшим возможным способом. Я хотел, чтобы у нее было два года удовольствий, я хотел, чтобы она научилась не бояться мужчин и получила немного той веселости, которой я лишил ее обманом. В результате два года распутства...

Он прервался.

— Что это было? — потребовал он ответа.

Кэролайн снова неудержимо закашлялась. Когда они вошли в холл, глаза ее были закрыты, и она чуть слышно дышала. Ее рука разжалась, и носовой платок упал на пол.

Через мгновение она уже лежала на своей кровати, а Сидни быстро говорил по телефону. В ее ошеломленном состоянии страсть в его голосе потрясла ее, как вибрация, и она прошептала тонким голосом:

— Пожалуйста! Пожалуйста!

Хелен расстегнула платье и сняла тапочки и чулки.

Доктор произвел предварительный осмотр, а затем грозно кивнул Сидни. Он сказал, что, по счастливой случайности, в отеле остановился известный швейцарский специалист по туберкулезу, и он немедленно обратится к нему за консультацией.

Его осмотр был максимально тщательным, насколько это было возможно с помощью имеющихся под рукой инструментов. Затем он побеседовал с Сиднеем в салоне.

— Насколько я могу судить без рентгеновского снимка, с одной стороны, произошло внезапное и обширное разрушение тканей — такое иногда случается, когда пациент истощен другими способами. Если рентгеновский снимок подтвердит мои предположения, я бы рекомендовал немедленно провести искусственный пневмоторакс. Единственный шанс — полностью изолировать левое легкое.

— Когда это можно сделать?

Доктор задумался.

— Ближайший медицинский центр, специализирующийся на этом, находится в Монта-Вермала, примерно в трех часах езды на автомобиле. Если вы поедете немедленно, я позвоню туда коллеге, и операция может быть проведена завтра утром.

В большой машине Сидни держал ее у себя на коленях, обхватив руками грудь подушек. Кэролайн едва ли понимала, кто ее держит, и в ее сознании

не укладывалось то, что она подслушала. Когда жизнь наносит такие удары, это действительно ужасно изнуряет. Она была серьезно больна и, вероятно, скоро умрет, но это не имело значения, за исключением того, что она хотела кое-что сказать Декстеру.

Сидни испытывал отчаянную радость, обнимая ее, несмотря на то, что она ненавидела его, несмотря на то, что он не принес ей ничего, кроме вреда. В эти ночные часы она принадлежала ему, такая прекрасная и бледная, зависящая от его рук, защищающих от толчков на неровной дороге. Наконец-то она положила на его силу, хотя и не подозревала об этом, возложила на него ответственность, которой он когда-то боялся, но с тех пор желал. Он стоял между ней и бедой.

Мимо Домо д'Оссола, тускло освещенного итальянского городка, мимо Брига, где любезный швейцарский чиновник увидел его ношу и махнул ему рукой, не требуя паспорта, вниз по долине Роны, где в лунном свете струился молодой и бурный поток. Затем Сьерра и пристанище в горах, двумя милями выше, где сверкал снег. Фуникулер ждал: Кэролайн слегка вздохнула, когда он вытащил ее из машины.

— Очень любезно с вашей стороны взять на себя все эти хлопоты, — официальным тоном прошептала она.

V

В течение трех недель она совершенно неподвижно лежала на спине. Она проснулась, вздохнула и увидела цветы в своей комнате. Вечно у нее измеряли температуру. После операции она была в бреду, и в своих снах она снова была девушкой из Виргинии, ждущей во дворе своего возлюбленного. На ней было свежее платье, пуговицы едва расстегивались, цвела магнолия, воздух оставался неподвижным и сладким. Но возлюбленный не был ни Сиднеем Лахаем, ни абстракцией из множества мужчин — это была она сама, ее ушедшая юность, томящаяся в том саду, неудовлетворенная и нереализованная в том сне она, очарованная вечной надеждой на возлюбленного, ждала того, кто никогда не придет и который теперь больше не имел значения.

Операция прошла успешно. Через три недели она уже сидела, через месяц ее температура спала, и она каждый день совершала короткие прогулки по часу. Во время одной из прогулок швейцарский врач, проводивший операцию, серьезно поговорил с ней.

— Есть кое-что, что вам следует знать о Монтане Вермала, это относится ко всем подобным местам. Хорошо известная особенность туберкулеза заключается в том, что он, как правило, подрывает моральный дух. Некоторые из этих людей, которых вы увидите на улицах, возвращаются сюда в третий

раз, который обычно бывает последним. Им полюбились лихорадочное возбуждение от болезни. Они приезжают сюда и живут почти такой же веселой жизнью, как в Париже, в этой санатории некоторые счета за шампанское поражают воображение. Конечно, воздух помогает им, и нам удастся осуществлять определенный благотворный контроль над ними, но такие люди никогда по-настоящему не излечиваются, потому что, несмотря на их жизнерадостность, они не хотят жить в нормальном мире и нести ответственность. Будь у них выбор, возможно, что-то в них предпочло бы умереть. С другой стороны, мы знаем о болезни гораздо больше, чем двадцать лет назад, и каждый месяц мы отправляем людей с полностью излеченным телом и душой. У вас есть такой шанс, потому что ваш случай в принципе прост: ваше правое легкое совершенно не затронуто. Вы можете выбирать — быть, как они и, возможно, задержаться здесь на три года, а можете уехать через год полностью излеченной.

Наблюдение Кэролайн подтвердило его замечания об окружающей среде. Сам поселок напоминал шахтерский городок: унылые, хлипкие строения, над которыми возвышались зловещие громады четырех или пяти санаториев; целомудренно жизнерадостные, когда солнце сверкало на снегу, и мрачные, когда холод проникал сквозь угрюмые сосны. Контрастом были раскрасневшиеся хорошенькие девушки в парижских нарядах, мимо которых она проходила на улице, и хорошо одетые мужчины. Трудно было поверить, что они ведут такую отчаянную борьбу, и, как сказал доктор, многие из них не были таковыми. Здесь царила атмосфера скрытой грубости: считалось забавным присылать новопривывшим миниатюрные гробы, и постоянно подспудно возникали скандалы. Вес, вес, вес. Все говорили только о весе — сколько фунтов человек набрал за последний месяц или потерял за неделю до этого.

Она тоже ощущала смерть вокруг себя, но чувствовала, как день ото дня в высокогорном живительном воздухе к ней возвращаются силы, и знала, что не умрет.

Через месяц пришло высокопарное письмо от Сидни. В нем говорилось:

«Я оставался с вами только до тех пор, пока непосредственная опасность не миновала. Я знал, вернее, чувствовал, что вы бы не хотели увидеть мое лицо первым из того, что увидите. Поэтому я живу здесь, в Сьерре, у подножия горы, приводя в порядок свой камбоджийский дневник. Если вас хоть немного утешит, что рядом есть кто-то, кто заботится о вас, я бы ничего так не хотел, как остаться здесь. Я считаю себя полностью ответственным за то, что с вами случилось, и много раз я жалел, что не умер до того, как появился в вашей жизни. Теперь есть только одна задача — добиться вашего выздоровления.

Что касается вашего сына — раз в месяц я планирую заезжать в его школу в Фонтенбло и видеться с ним несколько дней — я уже видел его один раз, и мы понравились друг другу. Этим летом я либо отправлю его в лагерь, либо возьму с собой в путешествие по норвежским фьордам, в зависимости от того, какой план покажется мне более целесообразным».

Письмо повергло Кэролайн в уныние. Она видела, как погружается в пучину благодарности к этому мужчине, как будто она должна благодарить нападавшего за то, что он перевязал ее раны. Ей первым делом нужно было бы заработать денег, чтобы отплатить ему тем же. Сейчас она не могла даже думать о таких вещах, но это всегда присутствовало в ее подсознании, и когда она забывала об этом, то видела это во сне. Она написала в ответ:

«Дорогой Сидни!

Ваше пребывание там абсурдно, и я бы предпочла, чтобы вы этого не делали. На самом деле, мне от этого не по себе. Я, конечно, безмерно благодарна вам за все, что вы сделали для меня и для Декстера. Если вас не затруднит, не могли бы вы зайти ко мне перед отъездом в Париж, так как мне нужно кое-что ему отправить?

*С уважением
Кэролайн М. Коркоран».*

Он приехал через две недели, полный здоровья и жизненной энергии, которые она находила столь же раздражающими, как и выражение печали, иногда появлявшееся в его глазах. Он обожал ее, а ей было не до этого. Но самым сильным ее чувством был страх — страх, что раз он заставил ее так сильно страдать, то, возможно, сможет заставить ее страдать снова.

— Я не приношу вам пользы, поэтому я уезжаю, — сказал он. — Врачи надеются, что к сентябрю вы поправитесь. Я вернусь и посмотрю сам. После этого я больше никогда вас не беспокою.

Если он ожидал растрогать ее, то был разочарован.

— Возможно, пройдет некоторое время, прежде чем я смогу вернуть вам деньги, — сказала она.

— Я втянул вас в это.

— Нет, я сама вляпалась в это... До свидания, и спасибо вам за все, что вы сделали.

Таким голосом благодарят за принесенную коробку конфет. Она испытала облегчение, когда он ушел. Ей хотелось только отдохнуть и побыть одной.

Прошла зима. Ближе к концу она немного покаталась на лыжах, а потом наступила весна, скользящая вверх по горе зелеными клиньями свежей растительности. Лето выдалось печальным, потому что двое друзей, которых она там завела, умерли в течение недели, и она проводила их в последний путь, который оканчивался на кладбище иностранцев в Сьерре. Теперь она была в безопасности. Ее пораженное легкое снова расширилось, на нем остались рубцы, но оно зажило. У нее не было лихорадки, вес был нормальным, а на щеках появился яркий горный румянец.

На октябрь был назначен отъезд, и с приближением осени ее желание снова увидеть Декстера стало непреодолимым. Однажды от Сиднея из Тибета пришла телеграмма, в которой говорилось, что он возвращается в Швейцарию.

— Я не приношу вам пользы, поэтому я уезжаю, — сказал он. —
Врачи надеются, что к сентябрю вы поправитесь.

Несколько дней спустя к ней заглянула медсестра, и передала свежий номер «Парис геральд». Она вяло пробежала глазами по колонкам, затем она внезапно села в постели.

АМЕРИКАНЕЦ МОГ ПРОПАСТЬ В ЧЕРНОМ МОРЕ

Четыре дня назад Сидни Лахай, авиатор-миллионер и пилот, пропал без вести.

Тегеран, Персия, 5 октября...

Кэролайн вскочила с кровати, подбежала с газетой к окну, отвела взгляд, потом снова посмотрела на нее.

*АМЕРИКАНЕЦ МОГ ПРОПАСТЬ В ЧЕРНОМ МОРЕ**Четыре дня назад Сидни Лахай...*

— В Черном море, — повторила она, как будто это было самой важной частью дела, — в Черном море.

Она стояла там, посреди огромной тишины. Топот преследующих ног, который гремел в ее сне, прекратился. Воцарилась неимоверная тишина.

— О-о-о! — произнесла она.

*АМЕРИКАНЕЦ МОГ ПРОПАСТЬ В ЧЕРНОМ МОРЕ**Четыре дня назад Сидни Лахай, авиатор-миллионер и пилот, пропал без вести.**Тегеран, Персия, 5 октября...*

Кэролайн взволнованным голосом начала разговаривать сама с собой.

— Мне нужно срочно одеться, — сказала она. — Я должна сходить на телеграф и узнать, сделано ли все возможное. Я должна отправиться туда.

Она прошла по комнате, натягивая свою одежду.

— О-о-о! — прошептала она. — О-о-о!

И не снимая одной туфли, она упала лицом вниз поперек кровати.

— О, Сидни, Сидни! — воскликнула она, а затем снова, в ужасном протесте: — О-о-о!

Кэролайн позвонила медсестре. «Сначала я должна поесть и набраться сил, и только потом думать о поездках».

Она была настолько жива, что чувствовала, как каждая клеточка ее тела пульсирует. Сердце забилося ровно и сильно, как бы говоря: «Я буду с вами», а нервы затрепетали, когда весь прежний страх выветрился из нее. Вдруг она повзрослела, разбитое девичество отступило от нее, а изумленная медсестра, ответившая на звонок, разговаривала с кем-то, кого она раньше никогда не видела.

— Все так просто. Он любил меня, а я любила его. Вот и все. Я должна подойти к телефону. Где-то там должен быть консул.

На долю секунды она попыталась возненавидеть Декстера за то, что он не был сыном Сидни, но у нее больше не осталось сил на ненависть. Живая или мертвая, сейчас она была со своим любимым, крепко сжатая в его объятиях. В тот момент, когда его шаги прекратились, когда угрозы больше не было, он настиг ее. Кэролайн увидела, что все, что она защищала, было бесполезно — только маленькая девочка в саду, только мертвое, обременительное прошлое.

— Я могу вынести все, — сказала она вслух, — все, даже потерять его.

Доктор, встревоженный появлением медсестры, поспешно вошел.

— Теперь, миссис Коркоран, вы должны успокоиться. Неважно, какие новости вы получили, вы... Посмотрите, это может иметь какое-то отношение к делу, будь оно хорошее или плохое.

Он протянул ей телеграмму, но она не смогла ее вскрыть и молча вернула ему. Он разорвал конверт и протянул ей послание:

Подобран угольщиком из города клайд, все хорошо...

Телеграмма расплылась, доктор тоже. Ее захлестнула волна паники, когда она почувствовала, как возвращаются старые доспехи, сковывавшие ее душу.. Она подождала минуту, еще минуту, доктор присел.

— Вы не возражаете, если я посижу у вас на коленях минутку? — произнесла она. — Ведь я больше не заразна?

Положив голову ему на плечо, она набросала телеграмму его авторучкой на обороте той, которую только что получила. Она написала:

Пожалуйста, не летите ко мне другим самолетом. мы и так уже потеряли восемь лет, так какое значение имеют день или два? Я люблю вас всем своим сердцем и душой.

ОСТЫВАНИЕ

I

То тут, то там в тени под пеленой угольных крапинок проглядывал небольшой снежок, но люди, снимающие зимние рамы, трудились в одних рубашках, а земля кое-где уже подсыхала.

На улицах девушки выбрались из мрачных шкур животных и щеголяли в платьях, раскрашенных в яркие цвета фруктов, листьев и цветов, только несколько стариков носили надвинутые на уши шапки. В этот день Форрест Уинслоу забыл о тревогах и злоключениях прошедшей зимы, как забывают о неизбежных невзгодах, болезнях и войнах, он со слепой уверенностью повернулся навстречу лету, думая о грядущих удовольствиях, знакомых ему по прошедшим годам: об игре в гольф, о парусном спорте и о плавании.

В течение восьми лет Форрест учился на Востоке в школе, а затем в колледже, теперь он работал у своего отца в крупном городе Миннесоты. Он был красив, популярен и довольно избалован в известном смысле, так что он считал прошедший год неудачным. Разборчивость, с которой выбирали в «Свиток и ключ» в Нью-Хейвене, теперь применялась лишь при сортировке мехов. Рука, раньше подписывавшая чеки на расходы для выпускного бала и вечеринки, два месяца проболталась на перевязи с легким дерматитом. Форреста не устраивали свидания с девушками, которых он знал с детства. Напротив, известие о появлении в «молодом племени» незнакомки стимулировало его, и на время приезда популярной гостьи он проявлял судорожную активность. Всю зиму не происходило ничего интересного, но вот наступило лето.

В тот день, когда наступила весна, наступило и лето — в Миннесоте это почти одно и то же, — Форрест остановил свой автомобиль перед музыкальным магазинчиком и зашел внутрь. Когда он сказал продавцу: «Мне нужны кое-какие записи», в его гортани взорвалась маленькая бомба возбуждения, вызвав незнакомый и почти болезненный вакуум в верхней части груди. Неожиданный взрыв был вызван видом девушки с пшеничными волосами, которую обслуживали за стойкой.

Ее волосы были стеблем спелой кукурузы, но переплетены не так, как это делают со злаками, а как редкое первое издание, со всем искусством умелого переплетчика. Она была красивой и выглядела дорого одетой, ей было около девятнадцати, и он никогда ее раньше не видел. Она смотрела на него слишком долго, с такой самоуверенностью, что он почувствовал, как его собственная уверенность вырывается наружу и присоединяется к ее, — «...а у неимеющего отнимется и то, что имеет». Затем она отвернулась и возобновила изучение музыкального каталога.

Форрест просмотрел список, который прислал ему друг из Нью-Йорка. К сожалению, первое название было таким: «Когда Ву-ду-о-до встретится с Буп-буп-а-дуп, грянет горячая Ча-ча-ча». Форрест прочитал это с ужасом. Он с трудом мог поверить, что название может быть таким отталкивающим.

Тем временем девушка спрашивала:

— А нет ли записи «Блудный сын» Прокофьева?

— Я посмотрю, мадам.

Продавщица повернулась к Форресту.

— Когда Ву... — неуверенно начал Форрест, а затем снова повторил: — Когда Ву...

Форрест понимал, что это просто название песни, но он не мог произнести эти слова перед нимфой урожая, сидевшей напротив него за столом.

— Забудьте об этом, — быстро сказал он. — Дайте мне «Обнимашки»...

Он снова замолчал.

— «Обнимашки, целовашки»? — и ее заверения в том, что это очень милая песенка, свидетельствовали об унижительном совпадении вкусов.

— Я хочу «Жар-птицу» Стравинского, — произнес другой покупатель, — и вот этот альбом вальсов Шопена.

Форрест торопливо пробежал глазами по оставшейся части своего списка: «Дигга Диггити», «Всегда такой гусиный», «Я рисую дурацкие каракули».

«Да-а, любой примет меня за идиота», — подумал он. Он скомкал список и стал бороться за ощущение непринужденного превосходства.

— Я бы хотел, — холодно сказал он, — «Лунную сонату» Бетховена.

Дома у него уже была такая запись, но сейчас это не имело значения. Это давало ему право снова и снова поглядывать на девушку. Жизнь стала казаться довольно интересной, девушка была прекраснейшим созданием, и подглядывание за ней приносило одно удовольствие. Положив «Лунную сонату» и «Обнимашки, целовашки» обложками друг к другу, Форрест вышел из магазина.

На другой стороне улицы находился новый книжный магазин, и он зашел туда, словно книги и пластинки могли заполнить вакуум, который весна создавала в его сердце. Просматривая безжизненные слова множества названий, собранных вместе, он задавался вопросом, как скоро он сможет найти ее и что тогда делать.

— Нет ли у вас какой-нибудь крутой детективной истории? — спросил он.

Усталый молодой человек покачал головой с терпеливым упреком, одновременно с этим весенний сквозняк от двери вдул внутрь знакомое сияние пшеничных волос.

— Мы не продаем детективы и тому подобное, — сказал молодой человек излишне громким голосом. — Я думаю, вы найдете это в универмаге.

— Я думал, здесь торгуют книгами, — неуверенно произнес Форрест.

— Книгами — да, но не макулатурой.

Молодой человек повернулся, чтобы обслужить другого клиента.

Когда Форрест вышел, проходя мимо девушки, он ощутил ее аромат, и услышал, как она спросила:

— У вас есть что-нибудь из Луи Арагона, на французском или в переводе?

«Она просто выпендривается, — сердито подумал он. — В наши дни они перескакивают сразу с кролика Питера на Марселя Пруста».

Снаружи, сразу за его собственным авто, он увидел припаркованный огромный серебристый родстер английского производства, сделанный на заказ. Встревоженный, даже расстроенный, он поехал домой сквозь влажный золотистый полдень.

Уинслоу жили в старом доме с широкой верандой на Крест-авеню — отец и мать Форреста, его прабабушка и сестра Элеонора. Это были солидные люди, как стали говорить со времен войны. Старая миссис Форрест была совершенно цельной женщиной, ее убеждения основывались на образе жизни, который существовал на протяжении восьмидесяти четырех лет. Она была известной личностью в городе, она помнила еще войну с сиу и была в Стилуотере в тот день, когда братья Джеймс стреляли по главной улице.

Ее собственные дети давно умерли, и она смотрела на своих далеких потомков издали, не замечая сил, которые их сформировали. Она понимала, что Гражданская война и покорение Запада — это силы, в то время как движение за свободное серебро и Мировая война дошли до нее только как новости. Но она знала, что ее отец, убитый в Колд-Харборе, и ее муж, торговец, были крупнее по масштабам, чем ее сын или внук. Люди, пытавшиеся объяснить ей современные явления, как ей казалось, говорили вопреки свидетельствам собственных чувств. И все же она не была потерянной — прошлым летом она в сопровождении горничной объехала пол-Европы.

Отец и мать Форреста были совсем другими. Им было за тридцать, когда в 1921 году появились коктейльные вечеринки и сопутствующие им явления. Они были удивительными людьми, не имевшими определенной точки зрения. Вопросы, которые не представляли для миссис Форрест никаких трудностей, вызывали у них болезненный жар и возбуждение. В тот вечер, не успели они и пяти минут провести за столом, как возник такой вопрос.

— Ты знаешь, что Рикеры возвращаются? — спросила миссис Уинслоу. — Они сняли дом Уорнеров.

Она была женщиной со многими сомнениями, которые скрывала от самой себя, высказывала свое мнение очень медленно и вдумчиво, чтобы убедить собственные уши.

— Удивительно, что Дэн Уорнер сдал им свой дом. Я полагаю, Кэти думает, что все будут падать ниц.

— Какая Кэти? — спросила старая миссис Форрест.

— Ее звали Кэти Чейз. Ее отцом был Рейнольд Чейз. Она с мужем возвращается сюда.

— А-а.

— Я едва знала ее, — продолжала миссис Уинслоу, — но я знаю, что, когда они были в Вашингтоне, они демонстративно грубили всем, кто приехал из Миннесоты, — просто из кожи вон лезли. Мэри Коуэн проводила там зиму и по меньшей мере полдюжины раз приглашала Кэти на обед или чай, но она так и не соизволила явиться.

— Я с легкостью побью этот рекорд, — сказал Пирс Уинслоу. — Мэри Коуэн может хоть сто раз приглашать меня, я все равно не пойду.

— Как бы то ни было, — медленно продолжала его жена, — учитывая весь этот скандал, они просто напрашиваются на холодный прием, если решат явиться сюда.

— Да, они прям напрашиваются, — сказал Уинслоу.

Он был южанином, которого любили и уважали в городе, где он прожил тридцать лет.

— Уолтер Ханнан пришел в мой офис сегодня утром и попросил меня рекомендовать Риккеров в Кеннеморский клуб. Я сказал: «Уолтер, я лучше рекомендую Аль Капоне, чем его». Более того, они попадут в клуб только через мой труп. Уолтер набрался смелости и спросил: «Что он тебе сделал? Трудно будет заставить кого-нибудь его рекомендовать».

— Кто эти Риккеры? — спросила Элеонора. — Они ужасные?

Ей было восемнадцать, и она была дебютанткой. Ее нынешние появления дома были настолько редкими и кратковременными, что она относилась к подобным застольным темам с такой же отстраненностью, как и ее прабабушка.

— Кэти жила здесь еще девушкой, она была моложе меня, но я помню, что она всегда считалась шустрой. Ее муж, Чонси Риккер, приехал из какого-то маленького городка на севере штата.

— Что они такого ужасного сделали?

— Риккер обанкротился и уехал из города, — сказал ее отец. — Было много неприятных историй. Потом он отправился в Вашингтон и оказался замешан в скандале с иностранной собственностью, потом у него были неприятности в Нью-Йорке — у него была брокерская контора, — и он сбежал в Европу. Через несколько лет главный свидетель умер, и Риккер вернулся в Америку. Его посадили в тюрьму на несколько месяцев за неуважение к суду.

Он перешел на красноречивую иронию:

— И теперь, с истинным патриотизмом, он возвращается в свою прекрасную Миннесоту, к ее прекрасным лесам, холмистым пшеничным полям...

Форрест нетерпеливо окликнул его:

— Пап, где ты это взял? Когда это два жителя Кентукки получали Нобелевскую премию в один и тот же год? Что там насчет парня по имени Линд...

— У Риккеров есть дети? — спросила Элеонора.

— Да, у Кэти есть дочь примерно твоего возраста и мальчик лет шестнадцати.

Форрест издал тихое, незамеченное им восклицание. Было ли это возможно? Французские книги и русская музыка — эта девушка сегодня днем жила заграничной жизнью. От этого его негодование только усилилось — дочь мошенника, а ведет себя, как настоящая леди! Он страстно сочувствовал отказу своего отца рекомендовать Риккеров в Кеннеморский клуб.

— Они богаты? — внезапно поинтересовалась старая миссис Форрест.

— Они, должно быть, хорошо обеспечены, если сняли дом Дэна Уорнера.

— Тогда они все равно попадут в клуб.

— Они не попадут в Кеннеморский клуб, — сказал Пирс Уинслоу. — Так случилось, что я родом из штата с определенными традициями.

— Я много раз в этом городе видела, как нижняя часть трамвайных рельс становилась верхней, — вежливо сказала пожилая леди.

— Бабушка, но этот человек преступник, — объяснил Форрест. — Разве вы не видите разницы? Это не социальный вопрос. В Нью-Хейвене мы часто спорили, пожмем ли мы руку Аль Капоне, если встретимся с ним...

— Кто такой Аль Капоне? — спросила миссис Форрест.

— Еще один преступник, на этот раз из Чикаго.

— Он тоже хочет вступить в Кеннеморский клуб?

Они рассмеялись, но Форрест решил, что, если Риккер захочет вступить в Кеннеморский клуб, то черный шар отца будет не единственным в коробке.

Внезапно наступило настоящее лето. Однажды ночью, после апрельской грозы, кто-то прошелся по улице: взорвал деревья, как воздушные шары, разбросал луковицы и кусты, как конфетти, открыл клетку, полную малиновок, и, быстро осмотревшись, подал знак поднять занавес, открыв шикарный вид летнего неба.

Бросая вылетевший с площадки бейсбольный мяч каким-то ребятишкам на пустыре, пальцы Форреста, проведенные по прошитым швам испачканной кожаной поверхности, вызвали в его мозгу волну восторженных воспоминаний. Нужно поторопиться и быстрее добраться «туда» — «там» теперь были поля для гольфа, но его ощущение было прежним. Только когда в тот день он вышел на восемнадцатый круг, он понял, что это уже не то, что было раньше, что этого уже никогда не будет достаточно. Вечер казался тусклым

и унылым, если не считать декораций — званого ужина с чудесно приготовленными блюдами и мягкой постели.

Ожидая вместе с партнером начала матча, Форрест бросил взгляд на десятую лунку, расположенную в двухстах ярдах от него.

Одна из двух фигур на женской площадке установила мяч, и наблюдая за ним, уверенно подняла руку и с размаху ударила.

— Должно быть, миссис Хоррик, — сказал его друг. — Ни одна другая женщина не умеет так бить.

В этот момент солнце блеснуло на волосах девушки, и Форрест понял, кто это, одновременно он вспомнил, что ему нужно сделать сегодня днем. В тот вечер имя Чонси Риккера должно было прозвучать перед членским комитетом, в котором заседал его отец, и перед тем, как отправиться домой, Форрест собирался пройти мимо здания клуба и оставить некий черный бланк в маленькой коробочке. Он тщательно обдумал все это, он любил город, где его предки вели достойную жизнь на протяжении пяти поколений. Его дед был основателем этого клуба в 90-х годах, когда он занимался гонками на парусных лодках вместо гольфа и когда быстрой лошади требовалось три часа, чтобы добраться рысью сюда из города. Он был согласен со своим отцом в том, что некоторые люди были лишены права состоять в клубе. Напрягшись, он забросил свой мяч на двести ярдов, где тот остановился в неровности поля.

Восемнадцатая и десятая лунки были параллельны и расположены в противоположных сторонах. Их разделяла полоса деревьев шириной в сорок футов. Мисс Риккер и Хелен Ханнан забрались туда в поисках мяча, и когда он тоже отправился искать свой мяч, то в двадцати футах от себя услышал женские голоса.

— Сегодня вечером ты станешь членом клуба, — услышал он слова Хелен Ханнан, — и тогда ты сможешь составить настоящую конкуренцию Стелле Хоррик.

— Может быть, я не стану членом клуба, — произнес быстрый и ясный голос. — Тогда тебе придется приходить и играть со мной на открытых площадках.

— Алида, не говори глупостей.

— Почему? Всю прошлую весну я играла на общественных площадках в Буффало. На данный момент больше нигде. Это все равно, что играть на каких-нибудь полях в Шотландии.

— Но я бы чувствовала себя так глупо... О, Боже, давай искать мяч.

— Тут ничего нет. Что касается ощущения глупости — если бы меня больше волновало общественное мнение, я бы проводила все свое время в спальне.

Она презрительно рассмеялась.

— Один таблоид опубликовал фотографию, на которой я иду в тюрьму навестить отца. И я видела, как люди пересаживались за другие столики

— *Может быть, я не стану членом клуба, —
произнес быстрый и ясный голос. —
Тогда тебе придется приходить
и играть со мной на открытых площадках.*
— *Алида, не говори глупостей.*

на паромовых, а однажды меня обступили все американские девочки во французской школе... Вот твой мяч.

— Спасибо... О, Алида, это кажется ужасным.

— Все самое ужасное позади. Я сказала это просто для того, чтобы ты не слишком жалела, если нас не примут в этот клуб. Мне все равно, у меня своя жизнь и свои понятия о том, что такое неприятности. Меня это нисколько не волнует.

Они покинули поляну, и их голоса растворились в открытом небе на другой стороне. Форрест прекратил поиски своего потерянного мяча и направился к домику обслуживающего персонала.

«Эта чертова записка, — подумал он. — Нельзя срывать свой гнев на девушке, ведь она не имела никакого отношения в проделках своего отца». А ведь он так хотел навредить ей, направляясь в эту минуту к клубу. «Нет, — внезапно сказал он себе, — я не буду этого делать. Что бы ни натворил ее отец, так уж случилось, что она настоящая леди. Мой отец может делать все что ему заблагорассудится, но я не буду».

На следующий день после обеда отец довольно неуверенно сказал:

— Я вижу, ты ничего не предпринял в отношении Риккеров и Кеннеморского клуба

— Нет.

— Это даже к лучшему, — сказал его отец. — На самом деле, их приняли. Так или иначе, за последние пять лет клуб стал довольно разношерстным — в нем много странных людей. И, в конце концов, в клубе тебе необязательно знать кого-то, с кем ты не хочешь общаться. Другие члены комитета чувствовали то же самое.

— Понятно... — сухо сказал Форрест. — Значит, ты не выступал против Риккеров?

— Нет. Дело в том, что я веду много дел с Уолтером Ханнаном, и вчера случилось так, что я был вынужден попросить его о довольно сложном одолжении.

— Значит, ты торговался с ним?

И для отца, и для сына слово «торговался» прозвучало, как предательство.

— Не совсем. Этот вопрос не поднимался.

— Я понимаю, — вежливо сказал Форрест. Но он не понял, и старая детская вера в отца в этот момент умерла.

II

Чтобы эффективно расправиться с кем-либо, нужно держать его в пределах досягаемости. Принятие Чонси Риккера в Кеннеморский клуб, а затем и в Даунтаун-клуб сопровождалось гневными разговорами и угрозами отставки, которые имитировали конфликт, но за ними не было никаких признаков волеизъявления. С другой стороны, в толпе легко вызвать недовольство, а Чонси Риккер был удобным объектом личной неприязни. Более того, из Нью-Йорка доносилось отголоски скандала с брокерской конторой, и этот вопрос был освещен в местных газетах и на случай, если кто-то его пропустил. Только либеральная семья Ханнан поддержала Риккеров, и их позиция вызвала немалое негодование, а попытка пересмотреть отношение к семейству Риккеров серией небольших вечеринок оказалась провальной. Если бы Риккеры попытались «вывести Алиду в свет», это было бы только на потеху разношерстной толпе, и они этого не сделали.

Когда изредка в течение лета Форрест встречал Алиду Риккер, их взгляды пересекались с любопытством детей, которые не знают друг друга. Какое-то время Форреста преследовала ее кудрявая желтая головка, золотисто-карие дерзкие глаза, но потом он заинтересовался другой девушкой. Он не был влюблен в Джейн Дрейк, хотя и думал, что мог бы жениться на ней. Она была «девушкой с другой стороны улицы», он знал все ее

стороны, хорошие и плохие, и они не имели для него значения. Она была, как родственница. Это порадовало бы их семьи. Однажды, после нескольких коктейлей и непринужденных объятий, он чуть было не ответил всерьез на ее провокацию: «Но я же тебе небезразлична?», но сдержался и наутро почувствовал облегчение, что не ответил. Возможно, в скучные дни после Рождества, на рождественских танцах среди рождественских девушек, он мог бы найти экстаз и страдание, влюбленность, о которой он мечтал. К осени он почувствовал, что его избранница уже пакует свой чемодан в каком-нибудь восточном или южном городе.

Именно в таком беспокойном настроении в одно ноябрьское воскресенье он отправился на небольшое чаепитие. Еще во время разговора с хозяйкой он почувствовал, как в освещенной камином комнате появилась Алида Риккер, ее сияющая красота и неизведанная новизна прижались к нему, и он испытал облегчение оттого, что наконец-то был представлен ей. Он поклонился и прошел дальше, но между ними возникла какая-то связь. Ее взгляд говорил о том, что она знает о позиции, которую заняла его семья, что она не возражает и даже сожалеет, что он оказался в таком глупом положении, ведь она знает, как он ею восхищается. Его взгляд говорил: «Естественно, я восхищен вашей красотой, но вы знаете, как обстоят дела, нам пришлось признать факт, что ваш отец — грязный пройдоха, и я не могу отказаться от своего нынешнего положения».

Внезапно в наступившей тишине она заговорила, и его уши слышали только ее.

«...У Хелен больше года были странные боли, и, конечно, врачи заподозрили рак. Она пошла на рентген, разделась за ширмой, врач посмотрел на нее через аппарат, а потом сказал: "Я же просил вас раздеться полностью", а Хелен ответила: "Я все сняла". Доктор снова посмотрел и сказал: "Послушайте, моя дорогая, я привел вас в этот мир, так что не стоит со мной скромничать. Раздевайтесь полностью". Тогда Хелен сказала: "Доктор, клянусь, я стою полностью голая". А он говорит: "На рентгеновском снимке я вижу английскую булавку на вашем лифчике". В итоге выяснилось, что родители не зря подозревали, что она в двухлетнем возрасте проглотила булавку».

История, рассказанная ее чистым и бодрым голосом в интимной обстановке, обезоружила Форреста. Это не имело никакого отношения к тому, что происходило в Вашингтоне или Нью-Йорке десять лет назад. Внезапно ему захотелось подойти и сесть рядом с ней, потому что она была язычком пламени, который делал свет камина ярким. Попрошавшись, он целый час шел по пушистому снегу, снова задаваясь вопросами: почему он не может с ней дружить? Почему он должен вести себя с ней, как все?

«Может быть, когда-нибудь, когда мне будет пятьдесят лет, — иронично подумал он, — я получу удовольствие, оттого что буду делать все, что взбредет в голову».

Первым рождественским торжеством был благотворительный бал в оружейной палате. Это было большое общественное мероприятие, богачи расселись в ложах. Пришли все, кто чувствовал свою принадлежность к обществу, некоторые из любопытства, поэтому атмосфера была напряженной, со странной надменностью и отстраненностью.

Риккеры сидели в ложе. Форрест, вошедший вместе с Джейн Дрейк, взглянул на человека с дурной репутацией и на забитую женщину, увешанную драгоценностями, которая сидела рядом с ним. Они были городскими злодеями, на которых с изумлением глазели замкнутые и робкие люди. Не обращая внимания на пристальные взгляды, Алида и Хелен Ханнан ухаживали за несколькими молодыми людьми из соседнего городка. Без сомнения, Алида была несравненно самой красивой девушкой в зале.

Несколько человек сообщили Форресту новость — Риккеры устраивают большой танцевальный вечер после Нового года. Приглашения были письменные, но ходили слухи, что достаточно было просто представиться любому Риккеру, чтобы его получить.

Когда Форрест проходил через холл, двое друзей остановили его и с некоторым умилением представили семнадцатилетнему юноше, мистеру Тедди Риккеру.

— Мы устраиваем танцы, — немедленно сказал молодой человек. — Третьего января. Был бы очень рад, если бы вы пришли.

Форрест сообщил, что у него на этот день назначена встреча.

— Что ж, все равно ждем, приходите, если передумаете.

— Ужасный парень, но проницательный, — сказал позже один из его друзей. — Мы скармливали ему всех людей подряд, но когда мы подвели к нему очередную парочку недотеп, он посмотрел на них и не пригласил. Некоторые отказывались, некоторые соглашались, а большинство тянули время, но он все понимал, у него есть отцовская твердость.

Получается, Риккеры решили добиться своего. Почему Алида не оставляет это? Ему стало жаль ее, когда он нашел Джейн в группе молодых девушек, обсуждавших предстоящий вечер.

— Я слышал, они по ошибке пригласили Бодмана, гробовщика, а потом забрали приглашение обратно.

— Миссис Карлтон притворилась глухой.

— Там будет вагон шампанского из Канады.

— Конечно, я не пойду, но мне бы хотелось, просто посмотреть, что из этого получится. На каждую девушку будет приходиться сотня парней — есть из чего выбрать.

Накопившаяся у людей злоба и зависть отталкивала его, и он сердился на Джейн за то, что она участвовала в этом. Тут взгляд Форреста упал на гордую фигуру Алиды, расхаживающую вдоль стены в окружении преданных поклонников — это вызвало у него приступ ревности. Он боялся

признаться себе, что уже много месяцев влюблен в нее. Как двое детей могут влюбиться во время игры в мяч, так и их понимание друг друга выросло до удивительных размеров.

— Она хорошенькая, — сказала Джейн. — Она не то чтобы слишком нарядна, но, учитывая все обстоятельства, она одевается весьма изысканно.

— Я полагаю, ей следовало бы надеть лохмотья и посыпать голову пеплом, а лучше носить траур.

— Меня удостоили письменного приглашения, но, конечно, я не пойду.

— Почему же?

Джейн удивленно посмотрела на него.

— Ты же не пойдешь?

— Это другое дело. Я бы на твоём месте пошел. Видишь ли, тебе же все равно, что сделал ее отец.

— Конечно, мне все равно.

— Вот поэтому и надо идти. А все эти мелкие подлости только портят все дело. Почему бы им не оставить ее в покое? Она молодая, красивая и ничего плохого никому не сделала.

Позже на этой неделе он увидел Алиду на танцах у Ханнан и заметил, что с ней танцевало много парней. Он видел, как шевелятся ее губы, слышал ее смех, уловил пару слов из того, что она говорила. Он невольно поймал себя на том, что она ведет партнеров за собой. Он завидовал гостям города, которые не знали, кто она такая.

В тот вечер, когда у Риккеров были танцы, он пошел на небольшой ужин, и прежде чем они сели за стол, он понял, что все остальные идут к Риккерам. Они говорили об этом, как о своего рода комическом приключении и настаивали, чтобы он тоже пошел.

— Даже если вас не пригласили, ничего страшного, — заверили они его. — Нам сказали, что мы можем привести кого угодно. Это просто свободное посещение, оно не накладывает на вас никаких обязательств. Норма Нэш собирается, хотя она не пригласила Алиду на свою вечеринку. Кроме того, она действительно очень милая. Мой брат просто без ума от нее. Мама очень волнуется, потому что он говорит, что хочет на ней жениться.

Сжимая в руке бокал с виски, Форрест понял, что, если он выпьет его, то наверняка пойдет. Все его доводы в пользу того, чтобы не идти, казались устаревшими и избитыми, и, к несчастью, он сам себе начал казаться абсурдным. Напрасно он пытался вспомнить, какой цели служит, и не находил ее. Его отец сдался в вопросе о Кеннеморском клубе. И теперь внезапно он нашел причины согласиться — мужчины могли пойти туда, куда не могли пойти их женщины.

— Хорошо, — ответил он.

Танцы проходили в бальном зале отеля «Миннекада». Золото Риккеров, добытое нечестным путем, «испорченное», приняло форму леса из пальм, виноградных лоз и цветов. Два оркестра стонали в беседках,

освещенных светлячками, а разноцветные прожекторы скользили по полу, касаясь буфета, где поблескивали темные бутылки. Когда вошла группа Форреста, гостей еще принимали, и Форрест иронически ухмыльнулся перспективе поздороваться с Чонси Риккером за руку. Но при виде Алиды, ее взгляда, который наконец-то откровенно пал на него, он забыл обо всем остальном.

— Ваш брат был достаточно любезен, чтобы пригласить меня, — сказал он.

— О, да, — она была вежлива, но рассеянна, и нисколько не ошеломлена его присутствием.

Ожидая возможности поговорить с ее родителями, он вздрогнул, увидев свою сестру в группе танцующих. Затем, одного за другим, своих друзей — тут была вся городская молодежь. Внезапно он обнаружил, что они с Алидой остались одни. Алида взглянула на него вопросительно и с некоторым удивлением.

Поэтому он станцевал с ней на танцполе, высоко подняв голову, которая слегка кружилась. Меньше всего на свете он ожидал, что возглавит бал у Чонси Риккера.

III

На следующее утро он первым делом осознал, что поцеловал ее, а вторым — ощутил чувство глубокого стыда за свое поведение на танцах. Господи, помоги ему, он был душой вечеринки и помогал вести котильон. С того момента, как он вышел на танцпол, невозможно встречая удивленные и заинтересованные взгляды друзей, им овладело отчаяние. Он танцевал с Алидой Риккер, пока один из друзей не спросил его, что он собирается сказать Джейн.

— Какое это имеет отношение к Джейн? — нетерпеливо парировал он. — Мы не помолвлены.

В конце концов он был вынужден подойти к своей сестре и спросить, как он выглядит.

— Вроде ничего, — ответила Элеонора, — но, если сомневаешься, больше не пей.

Так он и поступил. Внешне он оставался корректным, но его либидо находилось в состоянии дикой экстраверсии. Он сидел с Алидой Риккер и говорил, что любит ее уже несколько месяцев.

— Каждую ночь перед сном я думал только о тебе, — его голос дрожал от искренности, — я боялся встретиться с тобой или заговорить. Иногда я видел тебя вдалеке, движущуюся, как золотая колесница, и мир становился прекрасным.

— Иногда я видел тебя вдалеке, движущуюся,
как золотая колесница, и мир становился прекрасным.

После двадцати минут такого красноречия Алида почувствовала себя чрезвычайно привлекательной. Она устала и была довольно счастлива, и в конце концов сказала:

— Ладно, если хочешь, можешь меня поцеловать, но это ничего не будет значить. У меня просто нет настроения.

Но у Форреста настроения было достаточно для двоих — он поцеловал ее так, словно они стояли у алтаря. Чуть позже он с глубоким чувством поблагодарил миссис Риккер за лучший вечер в его жизни.

Был полдень, и когда он попытался приподняться, вошла Элеонора в халате.

— Как ты? — спросила она.

— Ужасно.

— А как насчет того, что ты сказал мне, когда мы возвращались домой? Ты действительно хочешь жениться на Алиде Риккер?

— Не этим утром.

— Тогда все в порядке. Наши родители просто в ярости.

— Почему? — спросил он с некоторой излишней прямоотой.

— И ты, и я были у Риккеров на танцах. Отец слышал, что ты вел котильон. Я объяснила свое присутствие тем, что мой званный ужин сорвался, и мне пришлось уйти. Но и ты тоже ушел с ужина!

Форрест оделся и спустился к воскресному ужину. Над столом повисла атмосфера терпеливого и недоуменного разочарования. Наконец Форрест решил перейти к объяснениям:

— Ну, мы ходили вчера на вечеринку к Аль Капоне и прекрасно провели время.

— Я уже слышал об этом, — сухо сказал Пирс Уинслоу.

Миссис Уинслоу промолчала.

— Там были все: Кайесы, Шваны, Мартины и Блэки. Отныне Риккеры — столпы общества. Каждый дом открыт для них.

— Только не наш, — спокойно сказала мать. — Они не войдут в этот дом.

И через мгновение добавила:

— Форрест, ты разве ничего не собираешься есть?

— Нет, спасибо. Я имел в виду, да, я уже ем.

Он настороженно посмотрел на свою тарелку.

— Очень милая девушка. В городе нет девушки с лучшими манерами или прекраснее ее. Если бы все было, как до войны, я бы сказал...

Он не смог придумать, что именно он сказал бы. Но все, что он знал, — это то, что он идет совсем другим путем, чем его родители.

— До войны этот город был едва ли больше деревни, — сказала старая миссис Форрест.

— Форрест имеет в виду Мировую войну, бабушка, — сказала Элеонора.

— Некоторые вещи не меняются, — сказал Пирс Уинслоу.

И он, и Форрест вспомнили о ситуации в Кеннеморском клубе, и, чувствуя себя обманутым, отец просто вышел из себя:

— Когда люди начинают ходить на вечеринки, устраиваемые осужденным преступником, с ними происходит что-то серьезное.

— Мы не будем больше обсуждать это за столом, — поспешно сказала миссис Уинслоу.

Около четырех часов Форрест в своей комнате набрал на телефоне номер. Он уже давно знал, что будет звонить по этому номеру.

— Мисс Риккер дома? ... О, привет. Это Форрест Уинслоу.

— Как вы?

— Ужасно. Это была хорошая вечеринка.

— Правда?

— Слишком хорошо. Что ты делаешь?

— Развлекаю двух человек с ужасным похмельем.

— Может, и мной займетесь?

— Конечно, без проблем. Приезжайте ко мне.

Двое молодых людей могли только стонать и слушать сентиментальную музыку на граммофоне, но вскоре они ушли, огонь в камине разгорелся, за окнами погас день, и Форрест пригубил свой чай с ромом.

— Наконец мы встретились, — сказал он.

— Задержка полностью лежит на вашей совести.

— Чертовы предрассудки, — сказал он. — Это консервативный город, а ваш отец попал в такую беду...

— Я не могу обсуждать поступки своего отца.

— Извините меня. Я только хотел сказать, что в последнее время я чувствую себя дураком из-за того, что не был знаком с вами. Что лишил себя удовольствия узнать вас из-за глупых предрассудков, — сбивчиво продолжал он. — Поэтому я решил следовать своей интуиции.

Она внезапно встала.

— До свидания, мистер Уинслоу.

— Что случилось? Почему?

— Потому что это абсурд — приходить сюда, как будто вы делаете мне одолжение. И после того, как вы приняли наше гостеприимство, напоминать мне о неприятностях моего отца — просто дурной тон.

Ужасно расстроенный, он вскочил на ноги.

— Я не это имел в виду. Я сказал, что чувствовал это и презирал себя за это. Пожалуйста, не сердитесь.

— Тогда не будьте таким снисходительным.

Она откинулась на спинку стула. Вошла ее мать, задержалась всего на мгновение и, уходя, бросила на Форреста взгляд, полный негодования и подозрения. Но ее появление сблизило их, и они еще долго откровенно разговаривали.

— Мне надо подняться наверх, чтобы одеться.

— Мне следовало уйти час назад, но я не могу.

— Я тоже не могу.

С этим признанием их отношения далеко продвинулись. В дверях он поцеловал Алиду в губы и пошел домой, напрасно бросая свой разум в бушующий огонь страсти.

Это случилось примерно через две недели. В машине, припаркованной в метель, он излил ей свою душу, рассказав о муках любви, а она лежала у него на груди, вздыхая:

— О, я тоже... я тоже.

Семья Форреста уже знала, куда он уходит по вечерам, в доме воцарились натянутые отношения, и однажды утром мать сказала:

— Сынок, ты не должен бросаться на каждую девушку, которая тебе не подходит. Мне казалось, что ты интересуешься Джейн Дрейк.

— Не надо об этом. Я не собираюсь это обсуждать.

Но это была всего лишь отсрочка. Между тем наступившие февральские дни были белыми и волшебными, а ночи — звездными и кристально прозрачными. В нем проснулся восторженный пантеизм по отношению к своей земле и ее погоде. Она наконец-то вернула его сюда, он будет всегда жить здесь.

— Я так сильно хочу тебя, что ничто не может этому помешать, — сказал он Алиде. — Но я в долгу перед своими родителями, и я не могу тебе этого объяснить. Они не просто тратили на меня деньги, они пытались дать мне нечто более неосязаемое — то, что дали им их родители и что, по их мнению, стоит передать. Очевидно, со мной это не прошло, но я должен сделать так, чтобы им было как можно легче.

Он увидел по ее лицу, что причинил ей боль.

— Дорогая...

— О, меня пугает, когда ты так говоришь, — сказала она. — Ты же не собираешься меня упрекать потом? Это было бы ужасно. Тебе придется выкинуть из головы мысль о том, что ты делаешь что-то не так. Мои стандарты так же высоки, как и твои, и я не могу начинать жизнь с грехами отца на плечах.

Она на мгновение задумалась.

— Ты никогда не сможешь примирить все это, как в детской сказке. Ты должен выбрать. Вероятно, тебе придется причинить боль либо своей семье, либо мне.

Две недели спустя в доме Уинслоу разразилась буря. Пирс Уинслоу пришел домой разъяренным и за закрытыми дверями беседовал с женой. После этого она постучала в дверь Форреста.

— Сегодня с твоим отцом произошел очень неловкий случай. Чонси Риккер подошел к нему в Даунтаун-клубе и стал говорить о тебе так, словно ты находишься в серьезных отношениях с его дочерью. Твой отец встал и ушел, но мы должны знать — у тебя, что, серьезные отношения с мисс Риккер?

— Я хочу жениться на ней, — сказал он.

— О, Форрест!

Она говорила долго, перечисляя, как будто речь шла о столетиях, те восемьдесят лет, в течение которых его семья была связана с городом, когда она перешла от этого к рассказу о здоровье его отца, Форрест прервал ее:

— Мам, все это так несущественно. Если бы у вас было что-то лично против Алиды, то твои слова имели бы какой-либо вес, но это не так.

— Она слишком разодета, она бегает повсюду со всеми...

— Она ни капельки не отличается от Элеоноры. Она абсолютно леди во всех смыслах. Я чувствую себя дураком, когда ты обсуждаешь ее таким образом. Ты просто боишься, что это как-то свяжет вас с Риккерами.

— Я этого не боюсь, — раздраженно сказала его мать. — Ничто и никогда этого не сделает. Но я боюсь, что это разлучит тебя со всеми, кто тебя любит и дорог тебе. С твоей стороны несправедливо расстраивать нашу жизнь, втягивать нас в позорные сплетни...

— Я должен отказаться от девушки, которую люблю, потому что ты боишься сплетен?

Спор возобновился на следующий день, и в нем принял участие Пирс Уинслоу. Его аргумент состоял в том, что он родился в старом Кентукки, что он всегда чувствовал себя неловко из-за того, что зачал сына в семье первопроходцев Миннесоты и что это было именно то, чего он мог ожидать. Форрест чувствовал, что отношение его родителей было обидным и неискренним. Только когда он выходил из дома, действуя вопреки их желаниям, он испытывал хоть какие-то угрызения совести. Но он всегда чувствовал, что теряет что-то ценное: его юношеское общение с отцом, его любовь и доверие к матери. Час за часом он видел, что прошлое непоправимо портится, и, за исключением тех случаев, когда он был с Алидой, он был глубоко несчастен.

Однажды весенним днем, когда ситуация стала невыносимой, когда половина семейных трапез проходила в молчании, прабабушка Форреста остановила его на лестничной площадке и положила руку ему на плечо.

— У этой девушки действительно хороший характер? — спросила она, пристально взглянув на него умудренными опытом, ясными глазами.

— Так и есть, бабушка.

— Тогда женись на ней.

— Почему ты так говоришь? — с любопытством спросил Форрест.

— Это прекратит все эти глупости, и у нас в семье, возможно, наступит мир. И я тут подумала, что прежде чем умру, хотела бы стать прапрабабушкой.

Ее откровенный «эгоизм» понравился ему больше, чем праведность других. В тот же вечер они с Алидой решили пожениться первого июня и по телефону разослали объявление в газеты.

Теперь буря разразилась не на шутку. По Крест-авеню поползли сплетни: как миссис Риккер звонила миссис Уинслоу, которой не было дома. Как Форрест уехал жить в Университетский клуб. Как Чонси Риккер и Пирс Уинслоу поссорились в клубе в центре города.

Отъезд Форреста в Университетский клуб оказался сущей правдой. Майской ночью, когда летние звуки уже доносились до оконных решеток, он собрал свой сундук и чемоданы в комнате, где жил еще мальчишкой. У него перехватило горло, и он вытер лицо пыльной рукой, снимая с каминной полки призы, выигранные в турнирах по гольфу, и, задышавшись, пробормотал про себя:

— Если они не хотят брать Алиду, значит, они мне больше не родные.

Когда он заканчивал собирать вещи, вошла мать.

— Ты же не уезжаешь в самом деле? — ее голос звучал сдавленно.

— Я переезжаю в Университетский клуб.

— В этом нет необходимости. Здесь тебя никто не побеспокоит. Ты делаешь то, что хочешь.

— Я не могу привести сюда Алиду.

— Отец...

— К черту отца! — яростно воскликнул он.

Она села на кровать рядом с ним.

— Форрест, останься здесь. Я обещаю больше не спорить с тобой. Ну останься.

— Я не могу.

— Я не могу позволить тебе уйти! — причитала она. — Кажется, будто мы тебя выгоняем, но это не так!

— Ты хочешь сказать, что это выглядит так, как будто вы меня выгоняете?

— Я не это имела в виду.

— Да, это так. И я хочу сказать, что не думаю, что вас с отцом на самом деле хоть сколько-нибудь заботит моральный облик Чонси Риккера.

— Это неправда, Форрест. Я ненавижу людей, которые плохо себя ведут и нарушают законы. Мой собственный отец никогда бы не позволил Чонси Риккеру...

— Я говорю не о твоём отце. Но ни тебе, ни моему отцу нет ни малейшего дела до того, что сделал Чонси Риккер. Держу пари, ты даже не знаешь, что это было.

— Конечно, я знаю. Он украл немного денег и уехал за границу, а когда вернулся, его посадили в тюрьму.

— Они посадили его в тюрьму за неуважение к суду.

— Теперь ты защищаешь его, Форрест.

— А я и не собираюсь! Я ненавижу его до глубины души, несомненно, он мошенник. Но я говорю тебе, что для меня было шоком обнаружить, что у отца нет никаких принципов. Он и его друзья тусуются в Даунтаун-клубе и поносят Чонси Риккера, но, когда дело дошло до того, чтобы не пустить его в клуб, у них оказались слабые нервы.

— Это была мелочь.

— Нет, не мелочь. Ни у кого из мужчин отцовского возраста нет никаких принципов. Я не знаю почему. Я готов сделать скидку на честное осуждение, но я не собираюсь быть освиственным кем-то, у кого нет никаких принципов и кто просто притворяется, что они есть.

Его мать беспомощно сидела, зная, что сказанное им было чистой правдой. У нее, ее мужа и всех их друзей не было никаких принципов. Они были хорошими или плохими в зависимости от своей натуры. Часто они придерживались взглядов, запомнившихся из прошлого, но никогда не были уверены так, как были уверены ее отец или дед. Смущенно она предположила, что это было как-то связано с религией. Но вы не могли обрести принципы, просто пожелав их.

Горничная сообщила, что такси уже подъехало.

— Пришлите Олсена за моим багажом, — сказал Форрест.

Затем обратился к матери:

— Я не беру нашу машину, вот ключи от нее. Я забираю только свою одежду. Я полагаю, отец позволит мне сохранить мою работу в центре города.

— Форрест, не говори так. Неужели ты думаешь, что твой отец отобрал бы у тебя средства к существованию, что бы ты ни делал?

— Такие вещи случались и не раз.

— С тобой очень тяжело и сложно разговаривать, — плакала она. — Пожалуйста, останься еще немного, и, может быть, все наладится, может и отец смирится. О, только останься! Я еще поговорю с ним. Я сделаю все возможное, чтобы все исправить.

— Вы позволите мне привести сюда Алиду?

— Не сейчас. Не спрашивай меня об этом. Я не смогла бы вынести...

— Хорошо, — мрачно сказал он.

Олсен зашел за сумками. Плача и держась за рукав его пальто, мать проводила его до входной двери.

— Ты не попрощаешься с отцом?

— Зачем? Я увижусь с ним завтра в офисе.

— Форрест, я тут подумала, почему бы тебе не поселиться в отеле вместо Университетского клуба?

— А что? Я думал, мне будет удобнее...

Внезапно он понял, что его присутствие просто было бы менее заметным в отеле. Подавив в себе горечь, он грубо чмокнул в щеку мать и пошел к такси.

Неожиданно он остановился у углового фонарного столба на оклик с тротуара, и в майских сумерках он увидел Алиду, бледную и несчастную.

— Что случилось? — спросил он.

— Я должна была прийти, — сказала она. — Задержи такси. Я думала о том, как ты покидаешь дом из-за меня, и о том, как ты любил свою семью — так, как я хотела бы любить свою, — и я подумала, как ужасно это случилось. Послушай, Форрест! Подожди! Я хочу, чтобы ты вернулся. Да, я хочу. Мы

можем подождать. Мы не имеем никакого права причинять эту боль. Мы молоды. Я уеду на некоторое время, а там посмотрим.

Он притянул ее к себе за плечи.

— У тебя больше принципов, чем у всей их компании, — сказал он. — О, девочка моя, ты любишь меня, и, черт возьми, как же это хорошо, что ты любишь меня!

IV

Свадьба должна была быть домашней — Форрест и Алида наложили вето на идею Риккеров устроить своего рода публичную месть. Были приглашены только несколько близких друзей.

За неделю до свадьбы Форрест из серии неопределенных и двусмысленных телефонных звонков понял, что его мать хочет, по возможности, присутствовать на церемонии. Иногда он страстно надеялся, что она будет, а иногда это казалось неважным.

Свадьба была назначена на семь. В пять часов Пирс Уинслоу расхаживал взад-вперед по двум смежным гостиным своего дома.

— Сегодня вечером, — пробормотал он, — мой единственный сын женится на дочери мошенника.

Он заговорил вслух, чтобы расслышать слова, но за последние несколько месяцев они так часто повторялись, что их сила иссякла, и они рассеялись в воздухе.

Он подошел к лестнице и позвал:

— Шарлотта!

Никакого ответа. Он позвал еще раз, а затем прошел в столовую, где горничная накрывала на стол.

— Миссис Уинслоу вышла?

— Я не видела, чтобы она выходила, мистер Уинслоу.

Вернувшись в гостиную, он стал ходить взад-вперед по комнате, бессознательно он ходил так же, как его отец — судья, умерший тридцать лет назад.

— Ты не можешь привести эту девушку в дом, чтобы познакомить с твоей матерью. Дурная кровь есть дурная кровь.

В доме казалось необычно тихо. Он поднялся наверх и заглянул в комнату жены, но ее там не было, старой миссис Форрест слегка нездоровилось, а Элеонора, как он знал, была на свадьбе.

Спустившись вниз, он почувствовал искреннюю жалость к себе. Он знал свою роль — обычная вечерняя рутина, выполняемая в полном неведении относительно свадьбы, — но ему нужна была поддержка, нужны были люди, умоляющие его отступить или уступить его уязвленным чувствам. Эта изоляция была другой, это была первая изоляция, которую он когда-либо

испытывал, и, как все люди, которые, по сути своей, принадлежат к группе, к стаду, он был неспособен занять твердую позицию перед неизбежным одиночеством, которое это подразумевало. Он мог только тяготеть к тем, кто это делал.

— Чем я это заслужил? — спросил он у стоявшей на столе пепельницы. — Что я не сделал для своего сына, что было в моих силах?

Вошла горничная.

— Миссис Уинслоу сказала Хильде, что ее не будет на ужине, а Хильда забыла мне передать.

Позорное дело было завершено. Его жена сдалась, оставив его совершенно одного. На мгновение он ожидал, что будет яростно злиться на нее, но не стал — он истратил свой гнев, демонстрируя его другим. И это не заставило его почувствовать себя более упрямым, более решительным; это лишь заставило его почувствовать себя глупым.

— Вот и все. Я буду козлом отпущения. Форрест всегда будет злиться на меня, а Чонси Риккер будет втихаря смеяться.

Он яростно расхаживал взад-вперед.

— Значит, я остаюсь вне игры. Они скажут, что я старый ворчун, и полностью исключат меня из нее. Они думают, что обыграли меня. Полагаю, я могу завершить это дело более изящным способом.

Он в ужасе опустил взгляд на шляпу, которую держал в руке.

— Я не могу... не могу заставить себя сделать это, но я должен. В конце концов, он мой единственный сын. Я не могу допустить, чтобы он меня возненавидел. Если уж он намерен на ней жениться, то я придам этому делу достойный вид.

В тревоге он посмотрел на часы, время в запасе еще было. В конце концов, это был широкий жест, который он совершил, пожертвовав своими принципами. Люди никогда не узнают, чего ему это стоило.

Час спустя старая миссис Форрест очнулась от дремоты и позвонила своей горничной.

— Где миссис Уинслоу?

— Ее не будет на ужине. Все ушли.

Старушка вдруг вспомнила.

— Ах да, они уехали на свадебную церемонию. Дай мне мои очки и телефонную книгу... Интересно, как вы сейчас пишете «Капоне»?

— «Риккер», миссис Форрест.

Через несколько минут она нашла нужный номер.

— Это миссис Хью Форрест, — твердо сказала она. — Я хочу поговорить с юной миссис Форрест Уинслоу... Нет, не мисс Риккер, а миссис Форрест Уинслоу.

Поскольку такой особы еще не было, это было невозможно.

— Тогда я позвоню после церемонии, — сказала старушка.

Когда она позвонила снова через час, трубку взяла невеста.

— Это прабабушка Форреста. Я позвонила, чтобы пожелать тебе всяческого счастья и попросить тебя навестить меня, когда вы вернетесь из своей поездки, если я все еще буду жива.

— Вы очень любезны, миссис Форрест. Спасибо за звонок и добрые пожелания.

— Хорошо заботься о Форресте и не позволяй ему стать таким же дурачком, как его отец и мать. Да благословит вас Господь.

— Спасибо!

— До свидания, мисс Капо, до свидания, моя дорогая.

Выполнив свой долг, миссис Форрест повесила трубку.

ДИТЯ ОТЕЛЕЙ

I

Это место, где человек инстинктивно указывает причину своего здесь нахождения, словами — «О, видите ли, я здесь потому, что...». В противном случае у вас возникнут некие подозрения, ведь этот уголок Европы не привлекает людей, скорее, он принимает их без лишних неудобных вопросов — живите и нам дайте жить. Здесь пересекаются маршруты людей, направляющихся в частные клиники или туберкулезные курорты в горах, и тех, которые уже не являются желанными в Италии или Франции. И если бы это было все...

На торжественном вечере в отеле «Труа Мوند» вновь прибывший едва ли заметил бы бурление под напускным спокойствием. Наблюдая за танцами, можно было увидеть галерею англичанок примерно среднего возраста с шейными платками, крашеными волосами и лицами, напудренными розовато-серой пудрой, галерею американок того же возраста в черных платьях, плавно перетекающих в белоснежные перчатки, с вишнево-красными губами. И большинство из них время от времени переводили взгляд вправо или влево, чтобы остановиться на вездесущей Фифи. Весь отель был в курсе, что Фифи в тот вечер исполнилось восемнадцать лет.

Фифи Шварц. Изысканная, сияющая красотой еврейка, чей прекрасный высокий лоб плавно поднимался к тому месту, где ее волосы, обрамлявшие его подобно гербовому щиту, превращались в завитки мягкого темно-рыжего цвета. Ее глаза были яркими, большими, ясными, влажными и сияющими, цвет ее щек и губ был настоящим, вырываясь на поверхность от сильного молодого биения ее сердца. Праздничный наряд Фифи говорил о безграничной уверенности, и, наверное, она была права, потому что была наделена красотой как от человека, так и от Бога. Таких нарядов — вишневых от Шанель, лиловых от Молинье, розовых от Пату — были десятки. Они обтягивали бедра, колыхались, пушились и приподнимались над танцполом всего на одну восьмую дюйма. Сегодня вечером Фифи, в ослепительно черном, с длинными белыми перчатками, стекающими с предплечий, выглядела тридцатилетней женщиной.

«Такой отвратительный вкус, — говорили вокруг шепотом. — В таком только на сцену, а лучше на витрину или парад манекенов. О чем только думает ее мать? Впрочем, довольно взглянуть на нее».

Мать с подругой сидела в сторонке и думала о Фифи и ее брате, а также о других своих дочерях, уже вышедших замуж, которых она считала даже красивее Фифи. Миссис Шварц была простой женщиной, но она была настоящей еврейкой, и ей было совершенно безразлично, что говорят окружающие. Другой многочисленной группой, которой было все равно, были молодые парни — десятки парней. Они целыми днями преследовали Фифи на катерах, в ночных клубах, на внутренних озерах, в автомобилях, в чайных комнатах и фуникулерах, и восторженно говорили: «Эй, смотрите, Фифи!» и хвастались перед ней, или просили: «Поцелуй меня, Фифи», или даже: «Поцелуй меня еще раз, Фифи». Некоторые подшучивали над ней, а другие пытались обручиться.

Большинство из них, однако, были слишком молоды, поскольку этот маленький город по каким-то неведомым причинам имел славу отличного образовательного центра.

Фифи никого не критиковала, да и сама не замечала, что ее критикуют. Сегодня вечером люди на галерке, в большом хрустальном зале в виде подковы, наблюдали за ее днем рождения, недовольно шушукаясь, смущенные появлением Фифи. Стол был накрыт в последнем из череды обеденных залов, в каждый из которых можно было попасть из центрального зала. Фифи, чье черное платье кричало и зывало к вниманию, вошла через первую столовую, сопровождаемая целым взводом молодых парней всех возможных национальностей и религий, и легкими шагами, покачивая своими очаровательными бедрами и вскидывая прелестную головку, повела их за собой через весь зал — тут старики подавились рыбьими костями, а у старух обвисли мышцы лица, и вслед за процессией тихий раздраженный шепот перерос в возмущенный гул.

Гостям не стоило так сильно на нее обижаться. Вечеринка не совсем удалась, потому что Фифи возомнила, что должна всех развлекать и быть сразу с дюжиной людей — она разговаривала со всем столом сразу и прерывала каждый начавшийся разговор, независимо от того, как далеко от нее находились собеседники. Так что особо повеселиться никому не удалось, а постояльцам отеля не стоило так уж возражать против того, что она молода и ужасно счастлива.

Позже, в салоне, многие из обожателей-статистов с непринужденным видом отошли к другим столикам. Среди них был молодой граф Станислас Боровки — у него были красивые, сияющие карие глаза, как у оленьего чучела, и черные волосы, в которых уже виднелись седые пряди, делаая их похожими на клавиатуру рояля. Он подошел к столу людей с положением по фамилии Тейлор и сел, слабо вздохнув, что вызвало у них улыбку.

— Это так было ужасно? — спросили его.

Фифи, чье черное платье кричало и взывало к вниманию, вошла через первую столовую, сопровождаемая целым взводом молодых парней всех возможных национальностей и религий...

Белокурая мисс Говард, путешествовавшая с Тейлорами, была почти такой же хорошенькой, как Фифи, и одета даже с большим тщанием. Она приложила все усилия, чтобы не знакомиться с мисс Шварц, хотя у них было несколько общих знакомых молодых людей. Тейлоры сделали карьеру на дипломатической службе и сейчас направлялись в Лондон после конференции Лиги в Женеве. В этом сезоне они хотели представить мисс Говард при дворе. Они были очень европеизированными американцами, в сущности, они достигли такого положения, что их едва ли можно назвать принадлежащими к какой-либо нации, конечно, не к какой-либо великой державе, но, возможно, к какому-то балканскому государству, состоящему из таких же людей, как они сами. Они считали, что Фифи — это такое же беспричинное безобразие, как новая полоса на флаге.

Вскоре высокая англичанка с длинным мундштуком для сигарет и парализованным пекинесом встала и сообщила Тейлорам, что у нее назначена встреча в баре.

— Ужасно любезно с вашей стороны было пригласить меня на кофе, — выдавила она из себя. — Я не пила с таким удовольствием с тех пор, как приехала сюда.

Леди Кэппс-Карр с пекинесом удалилась, вызвав ледяное затишье в молодежной болтовне, бушевавшей за столом Фифи.

Около полуночи в бар заглянул помощник управляющего мистер Вейкер: там было все в дыму и на патефоне Фифи грохотали новые немецкие танго. У него было маленькое лицо с бегающими глазками, которыми он быстро оглядел постояльцев — в последнее время он каждый вечер ненадолго заглядывал в бар. Но сейчас он пришел не любоваться Фифи, а выяснить, почему этим летом дела в отеле «Труа Монд» идут не лучшим образом.

Одной из веских причин была постоянно проседающая Американская фондовая биржа. При таком количестве гостиниц, требующих заполнения постояльцами, а они стали привередливыми, требовательными, постоянно недовольными, и в последнее время мистеру Вейкеру приходилось принимать множество сложных решений. Одна большая семья уехала из-за фонографа, играющего по ночам и принадлежащего леди Кэппс-Карр. Кроме того, предположительно, в отеле орудовал вор — поступали жалобы на пропавшие бумажники, портсигары, часы и кольца. Гости иногда разговаривали с мистером Вейкером так, словно им хотелось обыскать его карманы. В отеле было множество пустых апартаментов, а они этим летом не должны были пустовать.

Мимоходом его суровый взгляд упал на графа Боровки, который играл в бильярд с Фифи. Граф Боровки уже три недели не оплачивал свои счета. Он сказал мистеру Вейкеру, что ждет свою мать, которая все устроит. Да и Фифи не лучше: привлекала нежелательную публику — молодых студентов, живущих на родительские подачки, которые часто заказывали выпивку, но никогда за нее не платили. Леди Кэппс-Карр, напротив, была важным клиентом,

она со свои окружением легко управлялась с тремя бутылками виски в день, в то время как ее отец в Лондоне оплачивал все до капельки. Мистер Вейкер решил вечером предъявить ультиматум Боровки по поводу оплаты и удалился. Его визит продлился не более десяти секунд.

Граф Боровки отложил кий и подошел к Фифи, что-то шепча. Она схватила его за руку и потащила в темный угол рядом с фонографом.

— Моя американка из сновидений, — сказал он. — Я закажу в Будапеште ваш портрет, я хочу всегда помнить вас такой счастливой, как сегодня. Ваш портрет будет висеть вместе с портретами моих предков в моем замке в Трансильвании.

Можно было бы предположить, что нормальная американская девушка, посмотревшая даже небольшое количество кинофильмов, уловила бы в настойчивых ухаживаниях графа Боровки смутный оттенок заносчивости. Но отель «Труа Монд» был полон людей, которые действительно были богаты и знатны, людей, которые имели исколотые вены или принимали кокаин в закрытых апартаментах, а тем временем претендовали на европейские троны и полдюжины присоединенных немецких княжеств, и Фифи решила не сомневаться в том, кто оказывает знаки внимания ее красоте. Сегодня ничто ее не удивляло, даже его скоропалительное предложение пожениться на этой же неделе.

— Мама не хочет, чтобы я выходила замуж в течение года. Я просто сказала, что обручусь с вами.

— А моя мать хочет, чтобы я быстрее женился. Она вспыльчива, как говорите вы, американцы, она постоянно давит на меня — то женись вот на той принцессе, то женись вот на той графине.

Тем временем леди Кэппс-Карр встречала гостя в другом конце зала. Высокий сутулый англичанин, запыленный с дороги, только что открыл дверь бара, и она с криком бросилась к нему:

— Бопс! Это же Бопс!

— Кэппс, дорогая. Привет, Рэйф... — сказал он ее спутнику. — Боже милостивый, не думал, что столкнусь с вами, Кэппс.

— Бопс! Бопс!

Их восклицания и смех наполнили зал, и бармен прошептал любознательному американцу, что вновь прибывший — маркиз Кинкэллоу.

Бопс растянулся на нескольких стульях и диване, достал из серебряной коробочки таблетку гашиша, которую протянул своим знакомым, и позвал бармена. Он объявил, что ехал из Парижа без остановок и на следующее утро собирается пересечь Симплонский перевал, чтобы встретиться в Милане с единственной женщиной, которую он когда-либо любил. Но он не выглядел достаточно бодрым, чтобы с кем-то немедленно встретиться.

— О, Бопс, я была так слепа, — патетически произнесла леди Кэппс-Карр. — День за днем, день за днем. Я приехала сюда из Канн, намереваясь задержаться на один день, и столкнулась здесь с Рэйфом и еще несколькими

знакомыми американцами. Прошло две недели, и теперь все мои билеты на Мальту аннулированы. Останься здесь и спаси меня! О, Бопс! Бопс! Бопс!

Маркиз Кинкэллоу усталым взглядом обвел посетителей бара.

— А это кто? — спросил он, тайком скармливая пекинесу таблетку гашиша. — Эта очаровательная еврейка? И что это за крендель рядом с ней?

— Она американка, — сказала наследница сотни графов. — А этот крендель, как вы выразились, в некотором роде негодяй, но, по-видимому, он не так прост. Тем более он большой приятель Шенци из Вены. На днях я засиделась до пяти вечера, играя с ним в шимми, здесь в баре, и он должен мне тысячу швейцарских франков.

— Надо перекинуться парой слов с этой девицей, — сказал Бопс двадцать минут спустя. — Ты устроишь это для меня, Рэйф? Ты отличный парень.

Ральф Берри тоже хотел познакомиться с мисс Шварц, и, поскольку представился удобный случай для этого, он услужливо поднялся. Возможность представилась и потому, что управляющий пригласил графа Боровки к себе в кабинет. Ральфу также пришлось опередить двух или трех молодых людей, кинувшихся к Фифи.

— Маркизу Кинкэллоу не терпится с вами познакомиться. Вы не желаете пройти и присоединиться к нам?

Фифи оглядела бар, ее изящный лоб слегка наморщился. Что-то подсказывало ей, что вечер и так был достаточно насыщенным. Леди Кэппс-Карр никогда до этого с ней не разговаривала, и Фифи считала, что она завидует ее одежде.

— Может быть, вы приведете его сюда?

Минуту спустя Бопс уселся рядом с Фифи, и на его лице появилась тень легкой снисходительности. Он ничего не мог с этим поделать. На самом деле, он постоянно боролся с этим, но это выражение всегда возникало, как только он встречался с американцами. «Все это слишком тяжело для меня, — казалось, говорило оно. — Сравните мою уверенность с вашей нерешительностью, мою искушенность с вашей наивностью, и все же весь мир оказался в вашей власти». Позже он обнаружил, что его тон, если он не контролировал его, выражал обиду.

Фифи радостно посмотрела на него и рассказала о своем блестящем будущем.

— Далее я поеду в Париж, — сказала она, словно объявляя о падении Рима, — может быть, учиться в Сорбонне. Тогда, даст Бог, я выйду замуж, но этого никто не знает наверняка. Мне всего восемнадцать. Сегодня вечером на моем праздничном торте было восемнадцать свечей. Очень жаль, что вас не было... У меня были замечательные предложения выйти на сцену, но о девушке на сцене так много говорят и не всегда хорошо...

— Что вы делаете сегодня вечером? — спросил Бопс.

— О, позже придет много парней. Оставайтесь здесь и присоединяйтесь к нам.

— Я подумал, что мы с вами могли бы прокатиться по городку. Завтра я уезжаю в Милан.

В другом конце комнаты леди Кэппс-Карр напряглась от досады по поводу этого предложения. «В конце концов, — сказал ее внутренний голос, — мужчина всегда мужчина, а приятель всегда приятель, но есть вещи, которые просто нельзя делать. Я никогда не видела Бопса в таком ужасном состоянии».

Она снова прислушалась к диалогу в другом конце зала.

— Поедьте со мной в Милан, — говорил маркиз. — Поедьте в Тибет или Индостан. Мы увидим, как коронуют короля Эфиопии. В любом случае, давайте прокатимся прямо сейчас.

— У меня здесь слишком много гостей. Кроме того, я не катаюсь с первым встречным. Предполагается, что я помолвлена. С венгерским графом. Он будет в ярости и, вероятно, вызовет вас на дуэль.

Раздосадованный ее сопротивлением, Бопс прибегнул к своему обычному решению в трудную минуту, которое заключалось в очередном «счастье» из серебряной коробочки. Всякий раз, когда объяснение этой особенности казалось уместным, он мрачно ссыался на войну.

Миссис Шварц с извиняющимся выражением лица пересекла зал и подошла к Фифи.

— Джон исчез, — объявила она. — Он снова там, в городе.

Фифи раздраженно взвизгнула:

— Он дал мне честное слово, что не пойдет.

— Как бы то ни было, его нет нигде. Я заглянула в его комнату, а шляпы и пальто нет. Это все из-за шампанского за ужином.

Она повернулась к маркизу.

— Джон не злобный парень, но очень, очень слабый.

— Полагаю, мне придется поехать за ним? — покорно спросила Фифи.

— Мне не хотелось бы портить тебе приятное времяпрепровождение, но я не знаю, что предпринять. Может быть, этот джентльмен поедет с вами.

И она обратилась к маркизу

— Видите ли, Фифи — единственная, кто может с ним справиться. Его отец умер, а чтобы справиться с мальчиком, нужен мужчина.

— Я с удовольствием помогу, — сказал Бопс.

— Вы можете отвезти меня? — спросила Фифи. — Он, должно быть, в городе, в кафе.

Бопс с радостью согласился. Они вышли в сентябрьскую ночь, сквозь горностаевую накидку проникал ее аромат. Фифи пояснила:

— Джоном завладела какая-то русская красotka. Она выдает себя за графиню, но у нее есть только одна шуба из чернобурки, которую она носит со всем кряду. Моему брату всего девятнадцать, так что всякий раз, когда он выпивает пару бокалов шампанского, он говорит, что собирается жениться на ней, и мама сильно волнуется.

Когда машина начала подниматься на холм в сторону города, рука Бопса нетерпеливо легла ей на плечо.

Пятнадцать минут спустя машина остановилась в нескольких кварталах от кафе, и Фифи вышла. Лицо маркиза теперь украшала длинная неровная царапина от ногтя, которая шла по диагонали через его щеку, пересекала нос несколькими неровными линиями и заканчивалась чем-то вроде грандиозной цепочки следов на нижней челюсти.

— Мне не нравится, когда кто-то так глупо себя ведет, — объяснила Фифи. — Вам не нужно нас ждать. Мы можем поймать такси.

— Ждать вас? — яростно воскликнул маркиз. — Такую мелкую сошку, как вы? Мне уже сказали, что вы — посмешище всего отеля, и я теперь прекрасно понимаю, почему.

Фифи поспешила по улице и вошла в кафе, остановившись в дверях, пока не увидела своего брата. Он был точной копией Фифи, но без ее особой теплоты. В данный момент он сидел совершенно пьяный за столиком с хрупкой изгнанницей с Кавказа и двумя сербскими чахоточными. Фифи подождала, пока ее вспыльчивость не перейдет в исполнительность, и пересекла танцплощадку, как грозовая туча, в своем ярко-черном платье.

— Мама послала меня за тобой, Джон. Бери свое пальто.

— О, что это ее укусило? — спросил он, рассеянно глядя на нее.

— Мама говорит, что ты должен поехать со мной.

Он неохотно встал. Оба серба тоже поднялись, графиня не шелохнулась, ее глаза, глубоко запавшие в монгольские скулы, не отрывались от лица Фифи, ее голова была закутана в мех чернобурки, который, как знала Фифи, представлял собой все деньги брата за последний месяц. Пока Джон Шварц стоял, нетвердо покачиваясь, оркестр разразился мелодией «Ich bin von Kopf bis Fuß». Нырнув в суматоху за столом, Фифи вынырнула, держа брата под руку, повела его в гардеробную, а затем к стоянке такси на площади Сен-Франсуа.

Было поздно, вечер закончился, как и ее день рождения, и, возвращаясь в отель с Джоном, прижавшимся к ее плечу, Фифи почувствовала внезапную депрессию. Благодаря своему прекрасному здоровью она никогда не унывала, и, конечно, семья Шварц так долго жила в похожих условиях, что Фифи не чувствовала себя неуютно в отеле «Труа Монд»: ни в его обстановке, ни с его постояльцами — и все же вечер показался ей неудачным. Разве английские лорды нападают на девушек вроде мисс Говард в автомобилях? Разве вечера иногда не заканчиваются на высокой ноте, а не угасают в барах? Каждый вечер после десяти часов она чувствовала себя единственным реальным существом в колонии призраков, ей казалось, что ее окружают совершенно неосязаемые фигуры, которые отступают всякий раз, когда она протягивает руку.

Швейцар помог ее брату дойти до лифта. Войдя в лифт, Фифи слишком поздно увидела, что внутри находятся еще два человека. Не успела она снова вытащить Джона, как оба, словно опасаясь заражения, пронеслись мимо них. Фифи услышала «Мерси!» от миссис Тейлор и «Как отвратительно!»

...Графиня не шелохнулась, ее глаза, глубоко запавшие в монгольские скулы, не отрывались от лица Фифи, ее голова была закутана в мех чернобурки, который, как знала Фифи, представлял собой все деньги брата за последний месяц.

от мисс Говард. Лифт поднялся. Фифи задержала дыхание, пока он не остановился на ее этаже.

Возможно, именно под влиянием этой последней встречи она замерла перед дверью. Потом у нее возникло ощущение, что в черноте впереди есть еще кто-то, и после того, как брат, спотыкаясь, прошел вперед и бросился на диван, она все еще стояла в дверях.

— Мама, — позвала она, но ответа не последовало, только звук, более слабый, чем шорох, похожий на скрип ботинка по полу.

Через несколько минут, когда ее мать поднялась наверх, они позвали камердинера и вместе прошлись по комнатам, но там никого не было. Затем они стояли бок о бок у открытой двери своего балкона и смотрели на озеро с яркими зарослями Эвиана-ле-Бен на французском берегу и на белые снежные шапки Альп.

— Я думаю, мы пробыли здесь достаточно долго, — внезапно сказала миссис Шварц. — Этой осенью я предполагаю забрать Джона обратно в Штаты.

Фифи была ошеломлена.

— Но я думала, мы с Джоном собирались поступать в Сорбонну в Париже?

— Как я могу доверять ему в Париже? И как я могу оставить тебя там одну?

— Но мы уже привыкли жить в Европе. Зачем я тогда научилась говорить по-французски? Мама, у нас дома нет ни одного знакомого.

— Мы всегда можем познакомиться. В чем проблема?

— Но ты же знаешь, что там все по-другому, там все такие нетерпимые. У девушки нет возможности встретить нормального мужчину, даже если бы он там был. Все следят за тем, что ты делаешь.

— Так они и здесь это делают, — сказала ее мать. — Этот мистер Вейкер только что остановил меня в холле. Он увидел, как вы вошли с Джоном, и сказал мне, что ты должна держаться подальше от бара, ты так молода. Я сообщила ему, что ты берешь только лимонад, но он заявил, что это не имеет значения — сцены, подобные сегодняшней, заставляют людей покидать отель.

— О, как это подло!

— Так что, я думаю, нам лучше вернуться домой.

Это пустое последнее слово безутешно звенело в ушах Фифи. Она обняла мать за талию, понимая, что это она, а не ее мать, с ее четкой привязанностью к прошлому, полностью потеряна во Вселенной. На диване похрапывал Джон, уже вошедший с ней в мир слабых, и находивший его смрадное и переменчивое тепло достаточным. А Фифи продолжала смотреть в чужие небеса, зная, что сможет пронзить их и найти свой собственный путь сквозь зависть и разврат. Впервые она всерьез задумалась о том, чтобы немедленно выйти замуж за Боровки.

— Хочешь, спустимся вниз и пожелаем парням спокойной ночи? — предложила ей мать. — Многие из них все еще там и спрашивают о тебе.

Но теперь фурии уже начали охоту за Фифи — за ее детским самодовольством и невинностью, даже за ее красотой, — чтобы разрушить все это и втоптать в любую подходящую грязь. Когда она покачала головой и угрюмо направилась в свою спальню, они уже отняли что-то у нее навсегда.

II

На следующее утро миссис Шварц отправилась к мистеру Вейкеру, чтобы сообщить о пропаже двухсот американских долларов. Уходя спать, она оставила эту сумму на тумбочке, а когда проснулась, их уже не было. Дверь номера была заперта, но утром обнаружилось, что засов задвинут, но никто из детей ничего не слышал. К счастью, она взяла с собой в постель драгоценности в замшевом мешочке.

Мистер Вейкер решил, что в этой ситуации нужно действовать осторожно. В отеле было немало постояльцев, оказавшихся в затруднительном положении и склонных к отчаянным мерам, но такие поступки надо было пресечь немедленно. В Америке деньги есть или их нет, в Европе наследник состояния может быть не в состоянии постричься до тех пор, пока не умрет пятиюродный брат, и все же так думать о миссис Шварц не стоит, так и до обиды недалеко. Открыв свой экземпляр «Готского альманаха», мистер Вейкер обнаружил, что предки Станисласа Карла Иосифа Боровки превосходят своей древностью даже носителей короны Святого Стефана. Этим утром, в костюме для верховой езды, элегантно, как гусарский мундир, он отправился кататься верхом с мисс Говард. С другой стороны, не было никаких сомнений в том, кто был ограблен, и негодование мистера Вейкера стало концентрироваться на Фифи и ее семье, которые могли бы избавить его от этой неприятности, уехав давным-давно. Можно было даже предположить, что деньги умыкнул беспутный сын Джон.

Как бы то ни было, миссис Шварц с детьми засобирались домой. В течение трех лет они жили в отелях: в Париже, Флоренции, Сен-Рафаэле, Комо, Виши, Ла-Боль, Люцерне, Баден-Бадене и Биаррице. Везде были школы — всегда новые школы, — и оба ребенка говорили на безупречном французском и немного на итальянском. Фифи превратилась из четырнадцатилетней девочки с крупными чертами лица в красавицу, а Джон — в нечто унылое и потерянное. Они оба играли в бридж, и Фифи где-то научилась танцевать чечетку. Миссис Шварц чувствовала, что все это как-то неправильно, но она не знала почему. И вот через два дня после вечеринки Фифи объявила, что они собирают чемоданы, едут в Париж за одеждой из новой осенней коллекции, а потом возвращаются домой.

В тот же день Фифи пришла в бар за своим патефоном, оставленным там после вечеринки. Она сидела на высоком табурете и разговаривала с барменом, попивая имбирный эль.

— Мама хочет забрать меня обратно в Америку, но я не поеду.

— А что вы собираетесь делать?

— О, у меня есть немного собственных денег, а потом, возможно, выйду замуж.

Она угрюмо потягивала имбирный эль.

— Я слышал, у вас украли некоторую сумму, — заметил он. — Как это случилось?

— Граф Боровки считает, что мужчина проник в номер и спрятался между дверями нашего номера и соседнего. Потом, когда мы уже спали, он взял деньги и ушел.

— Ха!

Фифи вздохнула.

— Ну, наверное, вы больше не увидите меня в баре.

— Мы будем скучать по вам, мисс Шварц.

Мистер Вейкер просунул голову в дверь, отдернул ее и затем медленно вошел.

— Здравствуйте, — холодно сказала Фифи.

— А-а, юная леди, — он погрозил ей пальцем с наигранной шутливостью. — Разве вы не знаете, что я говорил с вашей матерью об этих походах в бар? Это же для вашего блага.

— Я просто пью имбирный эль, — возмущенно сказала она.

— Но никто не может знать, что у вас налито. Это может быть виски или что-то еще. Другие гости жалуются.

Она возмущенно смотрела на него — его представление о Фифи, как об оживленном центре отеля, о Фифи, в одежде восхищающей глаз, великолепной и недостижимой среди обожающих мужчин, сильно отличалось от ее собственного. Внезапно подобострастное, но неприязненное лицо мистера Вейкера привело ее в ярость.

— Мы уезжаем из этого отеля! — вспыхнула она. — Я никогда в жизни не видела такой недалекой публики: вечно всех критикуют и придумывают про них ужасные вещи, независимо от того, что делают сами. Я думаю, было бы хорошо, если бы отель загорелся и сгорел дотла вместе со всеми мерзкими кисками.

Опрокинув стакан, она схватила патефон и гордо вышла из бара.

В вестибюле швейцар бросился ей на помощь, но она покачала головой и поспешила дальше через салон, где столкнулась с графом Боровки.

— О, я в такой ярости! — воскликнула она. — Я никогда не видела столько старых кисок! Я только что сказала мистеру Вейкеру, что я о них думаю!

— Кто-то посмел грубо разговаривать с вами?

— О, это не имеет значения. Мы уезжаем.

— Уезжаете? — он вздрогнул. — Когда?

— Прямо сейчас. Я не хочу, но мама говорит, что мы должны.

— Я должен серьезно поговорить с вами об этом, — сказал он. — Я только что звонил вам в номер. Я принес вам небольшой подарок в честь помолвки.

К ней вернулось хорошее настроение, когда она взяла красивый портсигар из золота и слоновой кости с выгравированными на нем ее инициалами.

— Как мило!

— А теперь послушайте. Ваше сообщение об отъезде делает это еще более важным, и я немедленно должен с вами поговорить. Я только что получил очередное письмо от моей матери. Они нашли для меня девушку в Будапеште: милую, богатую и красивую, из моего сословия, которая была бы очень счастлива от этого брака, но я влюблен в вас, Фифи. Я бы никогда не подумал, что это возможно, но свое сердце я отдал американке.

— А почему бы и нет? — возмутилась Фифи. — Здесь девушек называют красивыми, если у них есть хоть одна хорошая черта. И получается, если у них красивые глаза или волосы, то они обычно кривоногие или с плохими зубами.

— У вас нет ни малейшего изъяна.

— О да, — скромно ответила Фифи. — У меня немного подкачал нос. Вы знаете, что я еврейка?

С оттенком нетерпения Боровки вернулся к своим доводам:

— Они оказывают на меня давление, чтобы я скорее женился. От этого зависят вопросы наследования

— Кроме того, у меня слишком высокий лоб, — рассеянно заметила Фифи. — Он такой высокий, что на нем есть что-то вроде морщинок. Я знала ужасно забавного мальчика, который обычно называл меня «высоколобой занудой».

— Так что самое разумное, — продолжал Боровки, — это немедленно пожениться. Скажу вам откровенно, что вокруг есть и другие американские девушки, которые не будут колебаться.

Фифи щелчком открыла и закрыла портсигар.

— Мама будет просто в бешенстве, — сказала Фифи.

— Я тоже думал об этом, — с готовностью ответил он ей. — Поэтому не говори ей ничего. В Швейцарии, согласно закону, нам пришлось бы ждать неделю. Но если мы сегодня вечером поедем в Лихтенштейн, то уже завтра утром сможем пожениться. Потом мы вернемся, и ты покажешь матери маленькие золоченые короны, нарисованные на вашем багаже. Я думаю, что она будет в полном восторге. Вот так вы займете подобающее положение в обществе, равного которому нет в Европе. На мой взгляд, ваша мама, вероятно, уже подумала об этом и, возможно, говорит себе: «Почему бы этим двум молодым людям просто не взять дело в свои руки и не избавить меня от всей суеты и расходов, связанных со свадьбой?» Я думаю, ей понравится, что мы такие практичные.

Он прервал разговор, когда леди Кэппс-Карр, вышедшая из столовой со своим пекинесом, удивила их, остановившись у их столика. Граф Боровки был вынужден представить их друг другу. Поскольку он не знал ни о бегстве маркиза Кинкэллоу прошлым вечером, ни о том, что его светлость получил ранение до переезда через Симплонский перевал, он и не подозревал о том, что его ожидает.

— Я давно заметила мисс Шварц, — сказала англичанка ясным, лаконичным голосом. — И, конечно, я обратила внимание на ее необычные наряды.

— Вы не присядете? — спросила Фифи.

— Нет, спасибо, — она повернулась к Боровки. — По сравнению с мисс Шварц, мы все в своих нарядах выглядим несколько скучновато. Я всегда отказываюсь от изысканной одежды в отелях. Мне это кажется дурным вкусом. Вы так не считаете?

— Я считаю, что люди всегда должны выглядеть хорошо, — сказала Фифи, покраснев.

— Естественно. Я просто сказала, что считаю дурным вкусом одеваться изысканно, за исключением приемов в домах своих друзей.

Она пролепетала Боровки: «До свидания-я!», и пошла дальше, выпустив из рта облако дыма и источая слабый аромат виски.

Оскорбление было жгучим, словно удар хлыста, и, когда гордость Фифи за свой гардероб была унесена прочь, она услышала все комментарии, которых не слышала в одном большом ожившем шепоте. Он нашептывал ей, что она носит свои наряды здесь, потому что ей больше некуда их надеть. Поэтому мисс Говард считает ее вульгарной и не желает с ней знакомиться.

На мгновение в ней вспыхнул гнев на мать за то, что она не сказала ей об этом, но она сразу поняла, что мать об этом даже не догадывается.

— Теперь я поняла, почему она так безвкусно одевается, — заставила она себя произнести вслух, но внутри у нее все дрожало. — И вообще, кто она такая? Я имею в виду, насколько высокий у нее титул? Насколько она знатна?

— Она вдова баронета.

— А это как? — Лицо Фифи было напряженным. — Выше, чем графиня?

— Нет. Графиня гораздо выше, бесконечно выше.

Он придвинул свой стул поближе и начал что-то сосредоточенно говорить.

Полчаса спустя Фифи встала с выражением нерешительности на лице.

— В семь вы мне сообщите решение, — произнес Боровки, — и в десять я буду готов с машиной.

Фифи кивнула. Он проводил ее через коридор в направлении лифта и не отрывал от нее глаз, пока ее отражение в зеркале прихожей не исчезло.

Когда он вернулся, леди Кэппис-Карр, сидевшая в одиночестве за чашкой кофе, заговорила с ним:

— Я хочу поговорить с вами. Вы, случайно, не обмолвились мистеру Вейкеру, что в случае возникновения трудностей я гарантирую оплату ваших счетов?

Боровки покраснел.

— Возможно, я и сказал что-то в этом роде, но...

— А я сказала ему правду, что впервые увидела вас две недели назад.

— Для меня естественно, обратиться к человеку равного звания...

— Равного звания?! Какая наглость! Единственные оставшиеся титулы — это английские. Я должна попросить вас больше не называть меня по имени.

Он поклонился.

— Подобные неудобства скоро останутся для меня в прошлом.

— Вы собираетесь смыться с этой неотесанной маленькой американкой?

— Прошу прощения, — сухо сказал он.

— Не сердитесь. Я налью вам виски с содовой. Я готовлюсь к встрече с Бопсом Кинкэлоу, который только что позвонил и сообщил, что возвращается сюда. Он со своим шофером и слугой остановился в Сьерре, был там весь день в отключке. Но у него закончилось «счастье», и вечером он возвращается.

Тем временем наверху миссис Шварц говорила Фифи:

— Теперь, когда я знаю, что мы уезжаем, я радуюсь этому. Будет так приятно снова увидеть Херст, и миссис Белл, и Эми, и Марджори, и Глэдис,

и новорожденного. Ты тоже будешь счастлива, наверное, ты забыла, как они выглядят. Вы с Глэдис были большими подругами. А Марджори...

— О, мама, не говори об этом, — жалобно воскликнула Фифи. — Я не могу вернуться

— Нам незачем здесь оставаться. Если бы Джон поступил в колледж, как хотел его отец, мы, возможно, поехали бы в Калифорнию.

Но для Фифи вся романтика жизни была сведена к впечатлениям от трех лет пребывания в Европе. Она вспомнила рослых гвардейцев в Риме и старого испанца, который впервые заставил ее осознать свою красоту на вилле д'Эсте в Комо, и французского военно-морского летчика в Сан-Рафаэле, который сбросил ей записку со своего самолета в их сад, и ощущение, которое она иногда испытывала, танцуя с Боровки, одетом в сверкающие сапоги и белый меховой доломан.

Она видела много американских фильмов и знала, что девушки там всегда выходят замуж за верного парня из старого родного города, и после этого ничего больше не происходит.

— Я не поеду, — сказала она вслух.

Мать обернулась с ворохом одежды в руках.

— Что это за разговоры, Фифи? Ты думаешь, я могу оставить тебя здесь одну?

Поскольку Фифи не ответила, она продолжила с решительным видом:

— В твоих устах это звучит неподобающе. А теперь перестань нервничать и говорить подобные вещи. Возьми на столе список покупок, которые нужно сделать в городе, а позже мы выпьем чаю у Нусснегера.

Но Фифи уже приняла решение. Только с Боровки у нее появится шанс начать жизнь, полную приключений. Он мог бы поступить на дипломатическую службу, и тогда однажды, когда они столкнутся на балу в посольстве с леди Кэпис-Карр и мисс Говард, она смогла бы высказать вслух замечание, которое в тот момент казалось ей таким важным и необходимым: «Терпеть не могу людей, которые всегда выглядят так, словно идут на похороны или с похорон».

— Так что бери список и в город, — продолжила ее мать. — И загляни в то кафе, посмотри, не там ли Джон, и пригласи его на чай.

Фифи машинально схватила список. Затем она пошла в свою комнату и написала маленькую записку Боровки, которую собиралась оставить консьержке на выходе.

Выйдя обратно, Фифи увидела, что мать с трудом справляется с багажом, и ей стало ужасно жаль ее. «Но ведь в Америке ждут и Эми, и Глэдис...» — подумала она со злостью.

Фифи вышла из номера, спустилась по лестнице, на полпути обнаружив, что по рассеянности она не посмотрелась в зеркало. Вспомнив, что у входа в салон на стене висело большое зеркало, она пошла туда и остановилась перед ним.

Она была красива — Фифи еще раз убедилась в этом, но теперь это опечалило ее. Она задавалась вопросом, не является ли платье, которое она надела сегодня днем, безвкусицей, не послужит ли оно подтверждением слов леди Кэппс-Карр. Платье казалось ей прекрасным, мягким и нежным по фасону, а цвет у него был яркий и с металлическим отливом.

Внезапный звук нарушил тишину мрачного зала, и Фифи замерла, затаив дыхание.

III

К одиннадцати часам мистер Вейкер уже устал, в баре кто-то возмущался, и он решил не вмешиваться, а дожидаться, когда все утихнет. Ни в своей затхлой каморке, ни в пустом вестибюле делать было нечего, а салон, где весь день он вел долгие беседы с одинокими англичанками и американками, был пуст, поэтому он вышел через парадную дверь и стал обходить отель. То ли из-за того, что он ходил по кругу, то ли из-за того, что часто заглядывал в мерцающие огни спален и в скромные решетчатые окна кухонного этажа, но променад вызывал у него ощущение контроля над отелем, он думал, что он несет ответственность за него, как если бы это был корабль, и он обозревал его с юта.

Он прошел через поток шума и пьяных песен, доносившихся из бара, мимо окна, где на койке сидели два парня-водителя и играли в карты за бутылкой испанского вина. Где-то наверху звучал патефон, и женская фигура заслоняла окно. Пройдя дальше, где было тихое крыло, он завернул за угол и пошел к начальной точке маршрута. Перед отелем в тусклом свете он увидел графа Боровки.

Что-то заставило его остановиться и обратить внимание на явную нелепость: у Боровки, который не мог оплатить счет, была машина и шофер. Он давал шоферу какие-то подробные указания. Тут мистер Вейкер заметил, что на переднем сиденье лежит сумка, и вышел на свет.

— Вы покидаете нас, граф Боровки?

Боровки вздрогнул, услышав этот голос.

— Только на ночь, — ответил он. — Я собираюсь встретиться со своей матерью.

— Я понимаю.

Боровки укоризненно посмотрел на него.

— Мои вещи находятся в моем номере, можете подняться и сами в этом убедиться. Вы подумали, что я сбегаю, не оплатив счет?

— Конечно, нет. Я надеюсь, что у вас будет приятное путешествие, и вы найдете вашу мать здоровой.

Но зайдя внутрь, мистер Вейкер предусмотрительно послал камердинера проверить, на месте ли багаж графа, и внимательно осмотреть чемоданы, чтобы убедиться, что они пусты..

Мистер Вейкер дремал, наверное, около часа. Он проснулся оттого, что ночной консьерж дергал его за руку, а в вестибюле стоял сильный запах дыма. Прошло несколько мгновений, прежде чем до него дошло, что одно крыло отеля охвачено огнем.

Послав консьержа сообщить по телефону о пожаре, он бросился по коридору в бар, сквозь валивший из двери дым он увидел горящий бильярдный стол и языки пламени, лижущие пол и вспыхивающие в алкогольном экстазе каждый раз, когда от жара на полках лопалась очередная бутылка алкоголя. Он бросился назад и наткнулся на цепочку полуодетых посыльных и водителей автобусов, которые уже тащили из подвала ведра с водой. Консьерж крикнул, что пожарные уже в пути. Мистер Вейкер поставил двух человек у телефонов, чтобы разбудить постояльцев, и, когда побежал обратно, чтобы координировать действия подчиненных, он впервые подумал о Фифи.

Слепая ярость охватила его — с жестокостью, подобной индейской, она выполнила свою угрозу. Но с этим он разберется позже, в кантонах все еще действуют законы. Тем временем на улице раздался грохот, возвещавший о прибытии пожарных автомобилей, и мистер Вейкер направился обратно через вестибюль, заполненный теперь мужчинами в пижамах с портфелями в руках и женщинами в простынях со шкатулками для драгоценностей и маленькими собачками. Число их росло с каждой минутой, а разговоры перешли от сонной спячки к отрывистому гулу послеобеденной вечеринки.

Посыльный позвал мистера Вейкера к телефону, но менеджер нетерпеливо отмахнулся от него.

— Это комиссар полиции, — настаивал посыльный. — Он говорит, что вы должны ответить.

С восклицанием мистер Вейкер поспешил в свой кабинет.

— Алло!

— Я звоню с вокзала. Это управляющий отелем «Труа Монд»?

— Да, у нас здесь пожар.

— Среди ваших гостей есть человек, называющий себя графом Боровки?

— Да...

— Сейчас мы привезем его для опознания. На него поступила информация, и он был задержан.

— Но...

— Вместе с ним мы задержали девушку. Мы немедленно доставим их к вам.

— Я хочу сказать...

В трубке у него над ухом резко щелкнуло, и мистер Вейкер поспешил обратно в вестибюль, где дым уже рассеивался. Водяные насосы работали уже пять минут, и бар превратился в мокрые обугленные руины. Он начал ходить туда-сюда среди гостей, успокаивая их. Телефонистки снова начали обзванивать номера, советуя тем постояльцам, которые не явились, возвращаться в постель. Затем, когда все еще продолжались требования объяснений, он снова подумал о Фифи, и по собственной воле поспешил к телефону.

Ответил встревоженный голос миссис Шварц: Фифи в номере не было. Это было все, что он хотел знать. Он резко повесил трубку. Вот и вся история, другого он и не ожидал — поджог и попытка сбежать с человеком, которого разыскивает полиция. Пришло время платить по счетам, и все деньги Америки не могли ничего изменить. И если сезон у отеля будет испорчен, то, по крайней мере, у Фифи в ближайшее время вообще не будет никаких сезонов. Она отправится в заведение для девушек, где роба установленного образца будет гораздо проще, чем любая одежда, которую она когда-либо носила.

Когда последние гости скрылись в лифтах, оставив лишь нескольких любопытных рыться в промокших обломках, через парадную дверь вошла процессия. Там был мужчина в штатском и небольшая группа полицейских с двумя людьми позади. Комиссар что-то произнес, и заслон из полицейских расступился.

— Я хочу, чтобы вы опознали этих двух людей. Проживал ли этот человек здесь под фамилией Боровки?

Мистер Вейкер посмотрел и ответил:

— Да, это он.

— Его в течение года безуспешно разыскивают в Италии, Франции и Испании. А эта девушка?

Она была наполовину скрыта за спиной Боровки, ее голова была опущена, лицо находилось в тени. Мистер Вейкер нетерпеливо потянулся к ней. Это была мисс Говард.

Волна ужаса захлестнула мистера Вейкера. Он снова вытянул голову вперед, как бы желая силой своего изумления превратить ее в Фифи или посмотреть сквозь нее и найти Фифи. Но это было невозможно — Фифи была далеко от отеля. Она возле кафе помогала, спотыкающемуся и сопротивляющемуся Джону Шварцу, сесть в такси.

— Я предупреждаю — обратно я тебя не пущу. Мама говорит, что ты должен немедленно ехать домой.

IV

Граф Боровки воспринял свое заключение довольно благосклонно, как будто, прожив столько времени собственным умом, он испытывал некоторое облегчение, оттого что его дни планировались кем-то посторонним. Но его возмущало отсутствие общения с внешним миром, и он был вне себя от радости, когда на четвертый день заключения его вывели на свидание с леди Кэппс-Карр.

— В конце концов, что бы ни случилось — сказала она, — мужчина всегда мужчина, а приятель всегда приятель. К счастью, американский консул — друг моего отца, иначе бы они не позволили увидеться с вами. Я даже пыталась осво-

бодить вас под залог, сказав им, что вы год учились в Оксфорде и прекрасно говорите по-английски, но эти грубияны и слушать не стали.

— Боюсь, это бесполезно, — мрачно сказал граф Боровки. — Когда они закончат со мной разбираться, у меня будет бесплатное путешествие через всю Европу.

— Но это не единственная возмутительная вещь, — продолжила она. — Эти идиоты вышвырнули нас с Бопсом из «Труа Монд», и власти пытаются заставить нас покинуть город.

— Почему? — спросил он.

— Они пытаются возложить всю вину за этот дурацкий пожар на нас.

— Получается, это вы его устроили?

— Мы просто подожгли немного бренди, потому что хотели приготовить картофельные чипсы на спирту, а бармен ушел спать и оставил нас одних. Но, судя по тому, как разговаривают эти свиньи, можно подумать, что мы сделали это с единственной целью — сжечь всех постояльцев в их постелях. Все это возмутительно, и Бопс в ярости. Он говорит, что никогда больше не приедет в этот отель. Я пошла в консульство, и они согласились, что эти обвинения были совершенно позорными, и они телеграфировали в Министерство иностранных дел, а я позвонила сэру Джорджу Манриди в Берн, который, так уж случилось, является моим личным другом.

Боровки на мгновение задумался.

— Если бы я мог родиться заново, — медленно произнес он, — я думаю, без всякого сомнения, предпочел бы родиться англичанином.

— А я бы выбрала быть кем угодно, только не американкой! Кстати, Тейлоры не представят мисс Говард при дворе из-за того, что газеты раздули отвратительную историю.

— Меня больше всего озадачивает, что же вызвало подозрение у Фифи? — сказал Боровки.

— Значит, это мисс Шварц сообщила о вас?

— Да. Я думал, что убедил ее поехать со мной, и я знал, что, если она этого не сделает, мне стоит только щелкнуть пальцами другой девушке... В тот же день Фифи посетила ювелирный магазин и обнаружила, что за портсигар заплачено американской банкнотой в сто долларов, которую я стащил с тумбочки ее матери. Она сразу же обратилась в полицию.

— Не обратившись сначала к тебе? Ха! В конце концов, мужчина всегда мужчина...

— Но что я хочу знать, так это то, что заставило ее заподозрить неладное и начать расследование. Что настроило ее против меня?

В этот момент Фифи, сидя на высоком табурете в баре парижского отеля и потягивая лимонад, отвечала заинтересованному бармену на этот самый вопрос.

— Я стояла в холле, смотрелась в зеркало, — сказала она, — и услышала, как Боровки разговаривал с английской леди — той самой, которая подожгла

отель. И я услышала, как он сказал: «В конце концов, мой единственный кошмар заключается в том, что она окажется похожей на свою мать», — голос Фифи пылал негодованием. — Ну, вы ведь видели мою мать, не так ли?

— Да, и она очень красивая женщина.

— После этого я поняла, что с ним что-то не так, и мне стало интересно, сколько он заплатил за портсигар. Поэтому я поднялась к ювелиру, и он показал мне купюру, которой расплатился «граф».

— И вы теперь поедете в Америку? — спросил бармен.

Фифи допила свой стакан, и соломинка издала булькающие звуки.

— Нам надо остаться и дать показания, да и все равно мы решили пожить здесь еще несколько месяцев.

Внезапно она вскочила и произнесла:

— Ой, мне надо успеть на примерку.

Они не заполучили ее — пока нет. Фурии немного отошли в сторону и стоят где-то, зловеще скрежеща зубами. Но времени у них предостаточно.

Когда Фифи, пошатываясь, прошла через вестибюль и отправилась к кутюрье, ее лицо лучилось новыми надеждами, а сквозь одежду сияло ее прекрасное тело. И тогда у старшей и опытной из фурий возникло определенное сомнение, смогут ли они в конце концов добраться до нее.

НЕРЕШИТЕЛЬНЫЙ

I

Она была одета в швейцарский лыжный костюм небесно-голубого цвета, в котором безошибочно угадывались нотки парижских ателье. Поверх него сияли разгоряченные от снега щеки и глаза, которые были не столько уверенными, сколько прекрасными. Томми Маклейн смахнул шапкой снег со своего темного костюма, похожего на каторжный. Он размышлял о том, что мог уже быть на свидании с Розмари, танцевать вокруг нее и двух «малышек» в соседнем отеле, среди блеска аргентинских волос, под успокаивающий шепот «Я готова встретиться с тобой». Когда он был с Эмили, он всегда испытывал слабую ностальгию по юной Розмари и по тому танцу, который, казалось, происходил внутри и вокруг нее и двух «малышек». Он знал, что это было — пусть и немного — множество приятных мелочей, растянутых на часы,двигающихся под маленькие мелодии туда-сюда. Томми скучал по ней, после четырех лет разлуки она снова была для него новенькой. Точно так же, когда он был с Розмари, веселя ее шутками, он думал об Эмили, которой было двадцать пять, и вокруг нее была особая «сфера», шагнув в которую, он оставался наедине с их двумя «я», зрелыми, сложными, доверчивыми и почти влюбленными.

За окном, в сумеречном свете, снег на соснах окрашивался в сиреневый цвет, а из-за того, что мир был шарообразным, или по какой-то другой неведомой причине вершина большой горы Дент-де-Савиньи все еще была окрашена розовым светом. Укутанные дети плелись к чаю в свои отели, как будто природа устала от них и хотела переодеться в вечернюю одежду со спокойным достоинством. Внизу, в долине, уже виднелись яркие окна и туманные отсветы городских домов и отелей.

Он оставил Эмили у дверей отеля. Она никогда не казалась такой привлекательной, такой хорошей, такой спокойной личностью, как сейчас, когда ей представился еще один шанс. А его раздражало, что он уже думал о Розмари.

— Мы встретимся в баре внизу в 7:30, — сказал он, — и не надо одеваться.

Надев куртку и шапку, Томми вышел навстречу сильному ветру. Это была долгожданная метель, и он вдыхал влажные снежинки, которые невозможно было разглядеть на фоне темнеющего неба. Трое летящих на санках детей испугали его предупреждением на каком-то непонятном языке, и он еле успел только отпрыгнуть с их пути. За следующим поворотом он услышал их крики, а затем, немного дальше, послышался звон колокольчиков саней, поднимающихся в темноте на холм. Все это выглядело очень приятно и знакомо, но ни капельки не напоминало ему о Миннеаполисе, где он родился, потому что автомобиль испортил сельскую идиллию Северо-Запада, когда он был еще младенцем. Это было приятно и знакомо, только потому что последние пять дней здесь, среди чужих гор, были одними из самых счастливых в его жизни.

Ему было двадцать семь лет, он был помощником управляющего и собирался стать управляющим нью-йоркского банка в Париже; иначе весной следующего года он переедет в Чикаго, где ему сулили место с более высокой зарплатой. Томми приехал сюда, в одно из самых веселых мест Швейцарии, с мыслью, что, если в течение десяти дней ему больше не о чем будет думать, то он сможет влюбиться. Он мог позволить себе здесь влюбиться, в Париже все люди, с которыми он встречался, знали о его желании, и он инстинктивно становился расчетливым и осторожным. Здесь он чувствовал себя свободным. В первую ночь он увидел по меньшей мере дюжину девушек и женщин, «выбирай любую», на вторую ночь их все еще было не меньше полудюжины, на третью ночь их осталось трое, из них одна новенькая — Эмили Эллиот из соседнего отеля. Сейчас, на следующий день после Рождества, список сузился до двух — Эмили и Розмари Мерриуэзер. Он записывал все это в блокнот, как будто находился в своем кабинете на Вандомской площади, складывал и вычитал, перечисляя пункты.

«Две действительно замечательные девушки, — сказал он себе тоном, похожим на скрип его больших ботинок по снегу. — Две такие хорошенькие девицы».

Эмили Эллиот была разведена, ей было двадцать пять. Розмари было восемнадцать.

Он увидел ее сразу же, как только вошел в отель, — белокурую, восхитительную южную красавицу, как многие, кто был до нее, и как многие, кому еще только предстояло родиться. Она была родом из Нью-Орлеана, а сейчас проживала в Атенсе. Впервые он заговорил с ней в канун Рождества, после безуспешных поисков кого-нибудь, кто мог бы его представить и найти способ пробить стену праздных парней, внутри которой она казалась недостижимой. Сидя рядом с каким-то мужчиной, он смотрел на нее через всю комнату, восхищаясь ею откровенно и сосредоточенно. Вскоре она обратилась к своему собеседнику, они пересекли комнату и сели за стол рядом с ним, так что спина Розмари была всего в дюйме от него. Она отослала за чем-то своего молодого человека, и Томми заговорил. На следующий день, рискуя жизнями обоих, он пригласил ее на пробежку по большому кругу.

Розмари увидела его только сейчас, когда он вошел. Она медленно и томно пила чай с молодым левантинцем, который ему сразу не понравился. Она была в белом, и ее лицо тоже светилось белым светом, как у ангела под дуговой лампой.

«Где ты был?» — спрашивали ее большие глаза.

Но Томми был слишком проницателен, поэтому он просто кивнул ей и двум «малышкам», которые протанцевали мимо, и уселся в дальнем углу. Он знал, что избыток восхищения, как у Розмари, порождает безразличие. И вскоре она подошла к нему, таща за переплетенный палец своего упирающегося партнера.

— Где ты был? — потребовала она ответа.

— Скажи этому «гишпанцу», чтобы он шел пересчитывать свои пиастры, а я поговорю с тобой о настоящем деле.

Она одарила озадаченного смуглого партнера исцеляющей улыбкой.

— Ты не возражаешь, милый, если я посижу здесь? Увидимся позже.

Когда он ушел, Томми запротестовал:

— Милый? Ты называешь его «милый»? Почему бы тебе не называть его «слизняк»?

Она нежно рассмеялась.

— Где ты был?

— Катался на лыжах. Но каждый раз, когда я ухожу, это не значит, что надо кидаться танцевать с целой кучей жиголо из Каира. Почему он держит руку параллельно полу, когда танцует? Неужели он думает, что умирляет волны? Или он думает, что пол вот-вот поднимется и раздавит его?

— Он грек, милый.

— Это ничего не объясняет. И тебе лучше выстирать и тщательно отжать слово «милый», прежде чем снова его использовать, обращаясь ко мне.

Сказав это, он почувствовал себя очень остроумным.

— Давай пройдем ко мне в номер, — предложил он.

У него была спальня, ванная и крошечная гостиная. Оказавшись за дверью последней, он задвинул засов и обнял ее, но она отстранилась.

— Ты был в том другом отеле, — сказала она.

— Мне нужно было пригласить девушку на ужин. Ты знаешь, что сегодня ужинаешь со мной?.. Ты прекрасна.

Это было правдой. Ее лицо, покрасневшее от холода, а затем снова согретое танцем, представляло собой буйство прелестных, нежных розовых оттенков, похожих на множество гвоздик, переливающихся несметным количеством оттенков от носа до верхней части щек. Когда она приблизилась к нему, он почувствовал ее молодое дыхание — требующее, жаждущее и волнующее. Ее губы слегка потрескались от мороза, но оставались целыми в уголках рта.

Через мгновение она уселась с ним на один стул. И только на секунду на его губах сложились слова, которые было нетрудно произнести. Он знал, что она влюблена в него и, возможно, выйдет за него замуж, но в нем поднялся старый ужас перед тем, что он лишится свободы. Ему придется многое рассказать этой девушке. Он пристально смотрел на нее, держа ее лицо перед собой, и если бы она сказала хоть одну мудрую или остроумную вещь, он мог бы все рассказать, но она только подняла голову с блеском девической страсти в глазах и спросила:

— О чем ты думаешь, милый?

Мгновение действия миновало. Она плавно опустилась на землю, став лишь частью дневного удовольствия, дневного возбуждения. Она была желанна здесь, она была желанна и внизу. Горы околдовывали его, лишая решимости.

Притянув ее ближе к себе, он беспечно спросил:

— Значит, тебе нравятся шпионы, а? Полагаю, в Новом Орлеане все парни — шпионы?

Когда она яростно сжимала его лицо большим и указательным пальцами, его мысли уже вернулись к Эмили, живущей в другом отеле, расположенном в четверти мили от них.

II

Ужинать Томми предстояло не в отеле. Встретившись в баре, они отправились на санках в деревню, в большую старомодную швейцарскую пивную, где было много дерева, часов, стаканов, бочонков и оленьих рогов. Там были и другие компании, подобные их собственной, объединенные общим планом: съесть фондю — особенно неудобоваримую разновидность уэльского кролика — и выпить вина со специями, а затем отправиться на санях в Долдорп, расположенный в нескольких милях отсюда, где проходил бал горожан.

В его компанию входили Эмили, ее двоюродный брат, молодой Фрэнк Форрестер, молодой граф де Карос Морос, друг Розмари — она играла с ним в пинг-понг и слушала его гитару и рассказы о том, как он расстреливал из пулемета своих недовольных соотечественников в Андалусии, герой хоккейной команды Кембриджского университета по имени Гарри Уитби, и наконец двое «малышек» из Калифорнии, приехавшие из школы в Монтре на каникулы и очень желавшие повеселиться от души. Шесть американцев, два европейца.

Это была отличная вечеринка. Седовласые мужчины золотых 90-х пели зароялем старинные песни, фондю было забавным, вино — дерзким и пьянящим, а дым клубился над коричневыми стенами и оттенял яркие костюмы в зале. Все они были словно на корабле, плывущем куда-то, а порт был прямо впереди. На лицах девушек и юношей были те же невинные и незамутненные ожидания великих возможностей, заложенных этой обстановкой и этой ночью. Латиноамериканцы легко стали американцами, а вот англичане — с большим трудом. Затем все было кончено, и сотня пятифунтовых сапог зашлепала к саням, которые ждали у дверей.

Томми на мгновение задержался, увлеченный разговором с Эмили, при этом он испытывал внезапные угрызения совести из-за Розмари. Она уселась слева от него, в последний раз он видел ее, слушающей игру молодого Кароса Мороса на его портативной гитаре. Снаружи, в ярком лунном свете, он увидел, как она привязывает свои сани к впереди стоящим. Сани тронулись с места, они с Эмили прыгнули в них, и под бодрящие удары кнутов лошади рванули с места, рассекая

темный воздух. Мимо них бежали и карабкались фигуры, молодые люди отталкивали друг друга, приземляясь в облаке мягкого снега, затем, задышавшись, бежали за лошадьми, чтобы в изнеможении броситься на сани или же завопить, что их бросили на произвол судьбы. По обе стороны простирались идиллические поля; место, по которому двигалась кавалькада, было возвышенным и безграничным. После того, как они оказались за городом, шума стало меньше, возможно, уши атавистически прислушивались к вою волков в далеких занесенных снегом лесах.

В Долдорпе он стоял с Эмили в дверях, наблюдая, как входят остальные.

— У каждого есть первый муж и у каждого есть первая жена, — заметила она. — Кто верит в брак? Я верю. Счастливая девушка — считает до девяти и подходит за добавкой. Но не в ближайшие два года, я здесь для того, чтобы все хорошенько обдумать.

Томми пришло в голову, что два года — это долгий срок, но он знал, что девушки часто говорят не то, что имеют в виду. Они с Эмили наблюдали за тем, как появился мистер Кола по прозвищу «Капоне» со своим гаремом, состоящим из жены, дочерей, подруги жены и трех сиамцев. Затем они прошли внутрь.

Толпа была огромной: горожане, служащие отелей, владельцы магазинов, гиды, чужеземцы, пастухи, учителя лыжного спорта и туристы. Все расселись, где могли, и Томми увидел Розмари в окружении молодых людей в другом конце зала, она, немного усталая и бледная, сидела откинувшись на спинку стула, приоткрыв губы, с неподвижными и сонными глазами. Когда кто-то вальсировал с Эмили, он подошел к Розмари и пригласил ее на танец.

— Мне неохота танцевать. Я устала.

— Тогда давай сядем вон там, чтобы услышать пение йодлем.

— Мне и здесь неплохо слышно.

— В чем меня обвиняют? — потребовал Томми.

— Ни в чем. Я тебя даже не видела.

Ее нынешний партнер заискивающе улыбнулся ему, но Томми раздражался все больше:

— Разве я не объяснял, что этот ужин был для девушки, которая была особенно мила со мной? Я же говорил тебе, что мне придется посвятить ей большую часть вечера.

— Тогда продолжай посвящать, я скоро уезжаю.

— С кем?

— У Капоне есть свои сани.

— Да? Ты уезжаешь с ним? Он-то тебя прокатит, и ты будешь на месте, если, конечно, усядишь.

Он почувствовал легкое беспокойство. Таинственность, которой ей так не хватало днем, теперь была сильна, как никогда. Прежде чем он проявит слабость и предоставит ей еще одно преимущество, он повернулся и пригласил одну из «малышек» потанцевать.

Вскоре «малышка» наскучила ему. Она восхищалась им, она привыкла хлопать в ладоши вслед за ним и громко вздыхать. Когда музыка смолкла, он

сделал ей маленький комплимент, чтобы загладить свою обеспокоенность, и оставил ее за столиком. Вечер был испорчен. Он понял, что именно Розмари тронула его больше всего, и взглядом выхватил ее через всю комнату. Он сказал себе, что она специально играет на его ревности, но ему все равно было ненавистно, как она дурачилась с молодым Каросом Моросом. Еще больше ему не понравилось, когда он чуть позже оглянулся и обнаружил, что их обоих нет.

Он вскочил и выбежал за дверь. Снег падал легкими хлопьями, сани стояли в ожидании, лошади стыли в своей замерзшей сбруе, а вокруг саней господина Кола собралась небольшая взволнованная толпа швейцарцев.

— Ублюдок, — услышал он. — Французский ублюдок!

Оказалось, что французский курьер, давно ставший членом свиты Кола, провел полдня, распивая спиртное со своим хозяином. Курьер еле стоял на ногах и еле ворочал языком. Кола был вынужден помочь ему выйти на улицу, где он сразу же разразился серией оскорблений в адрес швейцарцев: они все боши, почему они не явились на войну? Собралась толпа, в которой было несколько швейцарцев, находившихся в том же состоянии, что и француз. Дело осложнялось, женщины чувствовали себя неловко, сиацы дипломатично улыбались друг другу. Один из швейцарцев стоял на полозьях саней, склонившись над миссис Кола и потрясал кулаком перед лицом курьера. Мистер Кола привстал в санях и обратился к ним на хриплом английском с вопросом:

— О чем этот грандиозный спор?

— Грязные французишки! — закричали швейцарцы. — Во время вашей революции не вы ли перебили всех швейцарских гвардейцев до последнего?

— Убирайтесь с дороги! — крикнул Кола. — Эй, кучер, проезжай прямо по ним! Вы, ребята, полегче там! Убери руки с саней... Заткнись, ты! — это было адресовано курьеру, который все еще что-то дико бормотал.

Кола посмотрел на него так, словно собирался швырнуть его в толпу. В мгновение ока Томми втиснулся между разъяренным швейцарским патриотом и санями.

— Не обращай внимания на то, что они говорят! Проезжай дальше! — снова крикнул Кола. — Мы должны увезти отсюда наших девушек!

Чувствуя, что глаза Розмари смотрят на него из-под медвежьей шкуры, а рядом с ней Карос Морос, Томми повысил голос:

— Это американки, среди них только одна француженка. Что вы от них хотите?

Но от резни швейцарских гвардейцев нельзя было так легко отделаться.

На Томми снизошло вдохновение.

— А кто пытался спасти швейцарских гвардейцев? Ответьте мне на это! — крикнул он. — Это был американец — Бенджамин Франклин! Он почти спас их!

В наэлектризованном воздухе это нелепое заявление прозвучало убедительно и правдиво. Главный защитник «швейцарских мучеников» на мгновение был сбит с толку.

— Американец спас их! — воскликнул Томми. — Слава Америке и Швейцарии! — И он быстро добавил, обращаясь к кучеру: — Проезжай сейчас же — и побыстрее!

Сани тронулись с места, накренившись. Двое мужчин на мгновение вцепились в них, а затем отпустили, и сани свободно заскользили за быстро несущимися рысью лошадьми.

— Да здравствует Америка, да здравствует Швейцария, — крикнул на прощание Томми.

— Да здравствует Фра... — начал было курьер, но Кола сунул ему в рот свою меховую перчатку. Несколько минут они лихо мчались.

— Высадите меня здесь, — сказал Томми. — Я должен вернуться на танцы.

Он посмотрел на Розмари, но она избегала встречаться с ним взглядом. Она была клубком меха рядом с Каросом Моросом, и он видел, как тот обнял ее, и они превратились в одно целое. Зрелище было ужасным, из всех людей на свете она была самой желанной, и он вожаделел каждую частичку ее молодости и свежести. Ему хотелось рывком поднять Кароса Мороса на ноги и выкинуть его из саней. Он понял, как глупо было так долго играть с ее невинностью и искренностью, что теперь она почти не видела его, почти не замечала, что он здесь.

Когда он слезал с саней, Розмари и Карос Морос тихо пели:

*«...Я бы не стал опускаться
До лукового супа.
С кукурузно-говяжьим рагу
Я уже покончил...»*

И испанец подмигнул Томми, как бы говоря: «Мы то знаем, как обращаться с этой маленькой девочкой, не так ли?»

Курьер сопротивлялся, а затем закричал нечленораздельным голосом: «Биб ва Фванс».

— Держите вашу перчатку у него во рту, — грубо сказал Томми. — А лучше придушите его до смерти.

И он, совершенно несчастный, побрел по дороге прочь.

III

На следующее утро его первым побуждением было немедленно позвонить ей, вторым — гордо надуться в своей комнате, надеясь вопреки всему, что она позвонит сама. После обеда он спустился вниз, где к нему обратился неприятный грек, который танцевал с ней вчера днем за чаем — целую вечность назад.

— Скажите мне, вам нравится играть в пинг-понг?

— Это зависит от того, с кем, — нехотя ответил Томми.

Тут же ему стало так жаль, что он спустился вниз вместе с мужчиной и полчаса бил по белым пухлым шарикам. В четыре он на лыжах добрался до отеля Эмили, решив выбросить из головы другой, более яркий образ. Вести-

бюль был заполнен детьми в маскарадных костюмах, которые собрались здесь из других отелей на детский рождественский бал. Эмили долго спускалась, а когда все-таки спустилась, то куда-то торопилась и выглядела рассеянной.

— Мне так жаль. Я наряжала своих детей, а теперь их нужно еще затолкнуть в эту вакханалию; они оба очень стеснительные.

— Посиди минутку и отдышись. Мы поговорим о любви.

— Честно говоря, Томми, я не могу. Увидимся позже, — и она быстро добавила: — Разве ты не желаешь провести время со своей маленькой южной «красавицей»? Она, кажется, сильно беспокоила тебя вчера вечером.

После получаса рождественских дифирамбов Эмили вернулась к нему, но терпение Томми было на исходе, и он был готов уйти. Даже сейчас она показывала ему, что он просит времени и внимания не по делу, и, будучи недоступной, она снова стала такой же загадочной, как Розмари.

— Это был тяжелый день во многих отношениях, — объяснила она, провожая его до двери. — Об этом я не могу тебе рассказать.

— О да?

У людей было много разных дел. Никогда не знаешь, сколько места ты занимаешь в их жизни.

На улице он наткнулся на ее юного кузена Фрэнка Форрестера, который пристегивал лыжи. Оттолкнувшись друг от друга, они медленно спускались по слякотному склону.

— Позволь мне кое-что тебе сказать, — выпалил Фрэнк. — Я никогда не собираюсь жениться. Я слишком много насмотрелся на это. И если бы какая-нибудь девушка спросила моего совета, я бы посоветовал ей держаться подальше от этой затеи. — Он был полон этой идеи: — Вот, например, моя мать. Она вышла замуж повторно, и что новый муж делает, кроме как шпионит за ней и подкупает ее горничных, чтобы они вскрывали ее почту? А вот еще Эмили. Вы знаете, что с ней случилось — однажды ночью ее муж пришел домой, и сказал ей, что она ведет себя с ним холодно, но он это исправит. И он разложил под кроватью костер из обуви и других вещей и поджег его. И если бы кожа не пахла так ужасно, она бы сгорела заживо.

— Но это всего лишь два брака.

— Два! — обиженно сказал Фрэнк. — Разве этого недостаточно? Теперь мы думаем, что муж Эмили следит за ней. В столовой за нами постоянно наблюдает какой-то мужчина.

Подъезжая к своему отелю, Томми задумался о том, действительно ли он привлекателен для женщин. Вчера он был уверен в этих двух, держа их в руках. Одеваясь к ужину, он понял, что хочет их обоих. Это было возмутительно, что он не мог заполучить их вместе. Разве девушка не предпочла бы иметь половину его, а не всего Гарри Уитби или целого «гишпанца» с баночкой помады? Жизнь была так плохо устроена — лучше вообще никаких женщин, чем одну.

В ответ на стук в дверь своего номера он крикнул: «Войдите!» — и, высушившись из-за угла, держа в руке галстук, обнаружил у себя двух «малышек».

Он вздрогнул. Неужели они унаследовали его от Розмари? Принадлежал ли он им с тех пор, как старшая подруга отказалась от своих притязаний? Неужели они действительно предполагали, что он может сопровождать их сегодня вечером на костюмированный бал?

Накинув пальто, он прошел в гостиную. Они были одеты как арлезианские крестьянки в высоких черных чепцах и накрахмаленных фартуках.

— Мы пришли по поводу Розмари, — прямо сказали они. — Мы хотели узнать, не хотите ли вы предпринять какие-то шаги ей навстречу. Она весь день пролежала в постели и говорит, что сегодня вечером не пойдет на бал. Не желаете ли вы хотя бы позвонить ей?

— Почему я должен ей звонить?

— Вы же знаете, что она без ума от вас, и прошлая ночь была самой несчастной в ее жизни. После того как она разбила вдребезги гитару Кароса Мороса, мы не могли остановить ее слезы.

Томми охватило чувство удовлетворения. Его инстинкт подсказывал немедленно позвонить, но, как ни странно, позвонить Эмили, чтобы он мог поговорить с ней со своей вновь рожденной уверенностью.

«Малышки» двинулись к двери.

— Вы должны позвонить ей, — почтительно уговаривали они его.

— Звоню прямо сейчас.

Он поднял каждую из них под руки, как актер в музыкальной комедии, и поцеловал в румяные щечки. Когда они ушли, он позвонил Розмари. Ее «привет» был слабым и испуганным.

— Ты сожалеешь, что была так ужасна со мной прошлой ночью, детка? — требовательно спросил он. — Ни один настоящий пиканинни не стал бы...

— Это ты был ужасен.

— Ты придешь на бал сегодня вечером?

— Возможно приду, если ты будешь вести себя по-другому. Но я буду не скоро, я все еще в постели. Я спущусь только после ужина.

Теперь, когда Розмари снова была надежно заперта в спокойных уголках его разума, он позвонил Эмили.

— Прости, что я была так резка с тобой сегодня днем, — сразу же сказала она.

— Ты влюблена в меня?

— Нет, я так не думаю.

— Разве ты ни капельки не влюблена в меня?

— Ты мне очень нравишься.

— Дорогая Эмили. Что это за слежка за тобой?

— О, сегодня мужчина зашел в мой номер, возможно, случайно. Но он всегда наблюдает за нами.

— Я не выношу, когда ты раздражаешься, — сказал он. — Если произойдет что-либо подобное, сразу звони мне. Я буду рад прийти и ткнуть его мордой в сугроб.

Наступило многозначительное телефонное молчание.

— Я бы хотел быть сейчас с тобой, — нежно произнес он.

— Мы пришли по поводу Розмари, — прямо сказали они. —
Мы хотели узнать, не хотите ли вы предпринять какие-то шаги
ей навстречу. Она весь день пролежала в постели
и говорит, что сегодня вечером не пойдет на бал.
Не желаете ли вы хотя бы позвонить ей?

Через мгновение она прошептала:

— Я тоже.

Ему не на что было жаловаться, ситуация была исправлена, все вернулось на свои места, как и было двадцать четыре часа назад. Ужиная в одиночестве, он чувствовал, что на самом деле обе девушки сидели рядом с ним, по одной с каждой стороны. Ресторан сиял нереальностью костюмированного бала, ведь сегодня вечером было последнее большое событие рождественского сезона. Большинство молодых людей, которые придавали ему маскарадный окрас, завтра вернутся в школу.

И Томми чувствовал, что где-то вечером, но в чьей компании, он не мог сказать, наступит момент, возможно, тот самый момент. Вероятно, это произойдет очень поздно, когда оркестр и то, что останется от бала — молодежь и ее сливки — переместятся в бар, а Абдул, с восточным наслаждением, погруженный в темноту, будет манипулировать освещением, создавая конкурента мигающей луне с катка, отражающейся в больших окнах. Давным-давно Томми танцевал с Розмари при таком освещении через несколько часов после их первой встречи. Он вспомнил таинственную темноту, когда кончики сигарет становились зелеными или серебристыми, когда загоралось красное освещение, ощущение снега за окном и белую полосу света, падавшую на танцующих, когда открывалась и закрывалась дверь. Он вспомнил ее в своих объятиях и жалобные звуки оркестра:

«Вот почему мама заставила меня

Сказать, что это правда»

и другие смутные лица, проплывающие в темноте:

«Она знала, что я встречу кого-то

Именно такого, как ты».

Теперь он думал об Эмили. Они будут очень долго и серьезно разговаривать, сидя в холле. Потом они ускользнут и заговорят еще серьезнее, но на этот раз она будет совсем рядом с ним. Случиться может что угодно — все, что угодно.

Он всегда думал о них порознь, и сегодня вечером они обе будут здесь, на виду друг у друга. Больше не должно быть осложнений, подобных вчерашнему вечеру. Он должен проверить дело умело и продуманно.

Отужинав, он вышел и зашагал по коридору, уже заполненному грациозными и гротескными клоунами, крестьянами, пиратами и испанскими дамами, все они выглядели, как призрачные аквилегии. Сам он никогда не носил таких нарядов, и вид одного парня в пестром одеянии опечалил его. Зато некоторые девушки были красивее, чем в жизни, и его сердце подпрыгнуло, когда он увидел белоснежную балерину в конце коридора и узнал в ней Розмари. Но едва он направился к ней, как из раздевалки вышла еще одна компания, и там была Эмили.

Он быстро сообразил. Ни одна из них еще не видела его, а приветствовать одну из них, находясь в нескольких ярдах от другой, значило бы испортить все окончательно, так как он придумал отдельные приветствия для каждой из них: их можно было сказать только наедине. С величайшим спокойствием он нырнул в мужскую умывальную комнату и застыл там напряженно.

Выйдя через несколько минут, он осторожно двинулся по коридору. Проходя мимо гостиной, он боковым зрением заметил, что Карос Морос сидит с Розмари и нетерпеливо оглядывается по сторонам. Эмили подняла глаза от своего столика, увидела его и поманила. Не дрогнув ни единым мускулом на лице, Томми посмотрел поверх нее и прошел дальше. Он решил подождать в баре, пока не начнутся танцы, так будет легче увидеться с ними поодиночке. В баре его с благодарностью приветствовал мистер Кола, он отчаянно убивал там время, а его гарем ждал снаружи.

— Я подтверждаю их всех психоанализу, — произнес он. — Приехал один чувак из Цюриха, и он принимает по одному пациенту в день. Я никогда не видел такого удручающего скопления женщин, куда бы я их ни привел, они вечно брюзжат. Один мой знакомый рассказывал, что подверг свою жену психоанализу, и после этого с ней стало намного легче общаться.

Томми слушал краем уха. Он увидел, что Эмили и Розмари одновременно, словно сговорившись, вошли в бар. С закрытыми глазами и запыхавшийся, он выскочил и направился в бальный зал. Одна из «малышек» протанцевала мимо него, и он с благодарностью подхватил ее.

— Розмари тебя ищет, — сказала она ему, повернув к нему польщенное лицо семнадцатилетней девушки.

В конце концов он почувствовал себя глупо, танцуя с ней, но, возможно, из-за уважения к его зрелым годам, целых три танца никто не пытался пригласить его партнершу. Он почувствовал себя человеком, толкающим детскую коляску. Ему не понравился ее колониальный костюм из-за парика, от которого ему в нос сыпалась пудра. От нее даже пахло молодостью — очень чистым детским мылом и мятными леденцами. Как и почти во всех поступках, которые он совершал за последние два дня, он был не в состоянии понять, зачем вообще ввязался в эти танцы.

Он увидел, как Розмари танцует с Каросом Моросом, затем с другими партнерами, а затем снова с Каросом Моросом. Он уже полчаса танцевал с «малышкой», его веселость иссякла, а улыбка стала натянутой, когда наконец его окликнули. Чувствуя себя внутренне взъерошенным и поникшим, он огляделся и обнаружил, что Розмари и Карос Морос исчезли. Сделав это открытие, он внезапно пришел к решению, что немедленно предложит ей выйти за него замуж.

Он отправился на поиски, бесцеремонно пробираясь сквозь толпу, как пловец в полосе прибоя. Как только он наконец разглядел белоснежную шапочку и выбивающиеся из-под нее желтые кудри, к нему обратился Фрэнк Форрестер:

— Эмили послала найти тебя. Ее горничная позвонила, что кто-то пытался проникнуть в ее комнату, и мы думаем, что это мужчина, который продолжает наблюдать за ней в столовой.

Томми неопределенно посмотрел на него, и Фрэнк продолжил:

— Тебе не кажется, что нам с тобой следует сейчас пойти туда и ткнуть его мордой в сугроб?

— Куда?

— В ее отель.

Как и почти во всех поступках, которые он совершал за последние два дня, он был не в состоянии понять, зачем вообще ввязался в эти танцы. Он увидел, как Розмари танцует с Каросом Моросом, затем с другими партнерами...

Глаза Томми умоляюще смотрели по сторонам. Это предложение было тем, чего бы он хотел меньше всего на свете.

— Мы хотели бы выяснить это тем или иным способом, — и затем, поскольку Томми все еще колебался, добавил: — У тебя ведь не сдали нервы? По поводу того, чтобы ткнуть его мордой в сугроб?

Отказаться было невозможно. Томми бросил последний быстрый взгляд на Розмари, которая вместе с Каросом Моросом возвращалась на танцпол.

В отеле их ждала горничная. Ей показалось, что дверь номера медленно приоткрылась, а затем быстро закрылась. Она сбежала вниз по лестнице. Томми и Фрэнк бесшумно поднялись и приблизились к номеру, они бесшумно вздохнули на пороге и распахнули дверь. Комната была пуста.

— По-моему, это был большой полет воображения, — проворчал Томми. — Мы могли бы вернуться...

Он прервался, так как внутри послышались легкие шаги, и в комнату хладнокровно вошел неизвестный мужчина.

— Черт побери! — резко воскликнул он.

— Ага! — Фрэнк шагнул ему за спину и закрыл дверь. — Мы вас поймали. Мужчина в тревоге переводил взгляд с одного на другого.

— Я, должно быть, ошибся комнатой! — воскликнул он, а затем с неловким смешком добавил: — Понятно! Моя комната как раз над этой, и я снова ошибся этажом. В последнем отеле я жил на третьем этаже, так что у меня выработалась привычка...

— Почему вы всегда прислушиваетесь к каждому слову, которое мы произносим за столом? — потребовал ответа Фрэнк.

— Мне нравится смотреть на вас, потому что вы такие милые, красивые, богатые американцы. Я приезжаю в этот отель уже много лет.

— Мы теряем время, — нетерпеливо сказал Томми. — Давайте пройдем к управляющему.

Незванный гость оказался более, чем готов. Он оказался торговцем углем из Берлина, старым и уважаемым постояльцем отеля. Они извинились; обиды не было; пришлось с ним выпить. Прошло десять минут, прежде чем все решилось, и Томми в бешеном темпе бросился обратно на танцы. Больше всего он злился на Эмили. Почему за ней должны были шпионить? За какими еще девушками шпионили? Ему казалось, что этим планом Эмили задумала отвлечь его от Розмари, которая с каждым мгновением все дальше и дальше уносилась с Каросом Моросом в юношеские испанские грезы. У входа в отель Фрэнк пожелал ему спокойной ночи.

— Ты разве не собираешься возвращаться на танцы?

— Все закончилось, в бальном зале уже погашен свет. Все, наверное, уехали в Долдорп, потому что по воскресеньям здесь танцы всегда оканчиваются очень рано.

Томми помчался по дорожке к отелю. В сумрачном полумраке последняя пара с трудом надевала галоши. Танцы закончились.

— Это для вас, мистер Маклейн.

Ночной консьерж вручил ему телеграмму. Томми мгновение смотрел на нее, прежде чем вскрыть.

«ЖЕНЕВА ШВЕЙЦАРИЯ 2/1/31

Г. П. ИСТБИ ПРИБЫЛ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ИЗ ПАРИЖА.

НЕОБХОДИМО, ЧТОБЫ ВЫ БЫЛИ ЗДЕСЬ К ОБЕДУ В ПОНЕДЕЛЬНИК.

ПОСЛЕ ЧЕГО ПОЕДЕТЕ С НИМ В ДИЖОН СЕЙДЖ».

Какое-то мгновение он не мог сосредоточиться. Когда же до него дошло содержание телеграммы, он схватил консьержа за обе руки.

— Вы знаете мисс Мерриуэзер. Она, случаем, не отправилась в Долдорп?

— Вроде того.

— Срочно достаньте мне сани.

— Все сани в городе отпавились в Долдорп, в некоторых было по десять человек. Эти постояльцы вон тоже не смогли раздобыть их.

— Раздобудьте любой ценой! — яростно воскликнул Томми. — Думайте! Он бросил на стол пять больших серебряных дисков.

— Есть повозка на станции, но лошади там будут только к семи утра. Если бы вы пошли в конюшню и спросили Эрика...

Полчаса спустя большая застекленная повозка с одиноким пассажиром выехала на Долдорп-роуд. Через милю мимо них промчались первые открытые сани, направлявшиеся обратно в отель, и Томми высунулся наружу, впился взглядом в безмянные свертки меха и крикнул: «Розмари!» твердым голосом, но безрезультатно. Когда они проехали еще милю, стало попадаться все больше саней. Иногда до него доносился насмешливый окрик; иногда его голос тонул в хоре «Джингл беллс» или «Весело мы катимся». Это было безнадежно, сани ехали так быстро, что он не мог разглядеть сидящих в них людей, а потом поток саней прекратился. И он остался сидеть один в огромном, похожем на катафалк экипаже, ехавшим в город, в котором, как он знал, больше не было той, к которой он стремился. У него в ушах звенел последний припев:

*Спокойной ночи, леди,
спокойной ночи, леди,
спокойной ночи, ле-е-е-ди-и,
Тебя я покидаю.*

IV

Он проснулся в семь, когда консьерж тряс его за плечи. Солнце уже развело золотые, зеленые и белые флаги на Вильдштрубеле, когда он неуклюже нащупывал свою бритву. На него нахлынули воспоминания о грандиозном фиаско прошедшей ночи, и он слышал, как на белом балконе за окном даже большие дрозды пели: «Ты где-то слишком далеко».

В отчаянии он подумывал о том, чтобы позвонить ей, задаваясь вопросом, сможет ли он объяснить девушке, все еще погруженной в дремоту, несказанное лично. Но уже было пора уезжать, он устроился в переполненных санях, где у людей лица были бледны от раннего белого утра.

Они проехали мимо бледно-зеленого катка, где весь день гремели венские вальсы и на фоне бледно-голубого неба вспыхивали яркие краски разноцветных школьных флагов. Потом был вокзал, полный застывшего дыхания; он расположился в вагоне первого класса поезда, удалявшегося от маленькой долины, мимо розовых сосен и свежевывавшего усыпанного бриллиантами снега.

Напротив него женщины тихо плакали о временно потерянных детях, которых они оставили в интернатах на следующий семестр. А в соседнем

купе он внезапно заметил двух «малышек». Он отпрянул назад; этим утром он не мог этого вынести. Но ему не суждено было так легко сбежать. Когда поезд проезжал мимо Ко, расположенного высоко над одиноким обрывом, «малышки», прогуливаясь по коридору, заметили его.

— Вот так встреча! — они обменялись взглядами. — Мы не думали, что вы в этом в поезде.

— Вы знаете, — начала та, что постарше, с которой он танцевал прошлой ночью, — чего бы мы хотели?

Очевидно, это было что-то дерзкое, потому что они зашлись в приступах еле сдерживаемого хихиканья.

— Что бы мы хотели, — продолжила «малышка», — так это спросить вас, не могли бы вы прислать нам фотографию.

— Чью? — поинтересовался Томми.

— Конечно же, свою.

— Она спрашивает только для себя, — возмущенно заявила другая «малышка». — Мне это вообще не нужно.

— Я уже много лет не фотографировался.

— Ну, тогда любую старую, — робко продолжила «малышка».

— И послушайте, — сказала другая, — может вы попроситесь с Розмари и успокоите ее? Она все еще плачет навзрыд, и я думаю, ей было бы приятно, если бы вы хотя бы подошли попрощаться.

Он рванулся вперед, словно подброшенный поездом.

— Розмари!

— Она плакала всю дорогу до Долдорпа, а потом всю обратную дорогу. Затем она сломала последнюю гитару Кароса Мороса, которую он держал про запас, так что он чувствует себя ужасно — ведь ему придется еще месяц обходиться без гитары.

Но Томми уже не было. Когда поезд начал двигаться по серпантину у Женевского озера, две «малышки» послушно вернулись в купе.

— Ну что ж... — говорил он в этот момент. — Нет, не двигайся, я ничуть не против. Ты мне нравишься в таком виде. Вот возьми мой носовой платок... Слушай. Если вам нужно в Париж, не желали бы поехать через Женеву и Дижон?

— О, я бы с удовольствием. Я не хочу выпускать тебя из виду, во всяком случае, не сейчас.

В этот момент, может быть, по привычке, может быть, потому что две девушки стали почти неразрывно связаны в его сознании — у него возникло отчетливое, яркое впечатление об Эмили. Не лучше ли было бы ему увидеть их обеих вместе, прежде чем принимать столь важное решение?

— Ты выйдешь за меня замуж? — сказал он отчаянно. — Мы помолвлены? Разве мы не можем оформить это в письменном виде?

При звуке собственного голоса образ другой девушки навсегда исчез из его памяти.

ЛЕСТНИЦА НА НЕБЕСА

I

Это был особенно грязный и унижительный процесс по делу об убийстве, и Джейкоб Бут, тихо ерзая на скамье для зрителей, чувствовал себя по-детски, как будто он не был голоден и обгладывал что-то, только потому что оно было рядом. Газеты очеловечили этот процесс, превратили «неслыханное преступление» в дешевую, аккуратную пьеску, так что пропуска, по которым можно было попасть в зал суда, было не достать. Ему такой пропуск выдали накануне вечером.

Джейкоб оглянулся на двери, где сотня людей, с трудом вдыхая и выдыхая, возбуждалась своим нетерпением, своим затаившимся бегством от собственной личной жизни. День был жаркий, и толпа была покрыта потом — самым настоящим потом в виде крупных капелек, которые осыпались бы на Джейкоба, если бы он пошел через нее. Кто-то позади него тихо сообщил, что присяжные выйдут не раньше, чем через полчаса.

С неизбежностью компасной стрелки его голова повернулась к подсудимой, и он еще раз уставился на огромное пустое лицо убийцы, украшенное красными глазами-пуговицами. Это была миссис Чойнски, урожденная Делеханتي, и судьбе было угодно, чтобы она однажды схватила топор для разделки мяса и разделала своего моряка-любownika. Пухлые руки, когда-то махавшие топором, теперь без конца вертели чернильницу, и несколько раз она с нервной улыбкой поглядывала на толпу.

Джейкоб нахмурился и быстро огляделся, он нашел симпатичное личико и снова потерял его в толпе. Это личико промелькнуло в его сознании, когда он был поглощен мысленным представлением о действиях Чойнски, теперь оно снова растворилось в анонимности толпы. Это было лицо мрачного святого с нежными, светящимися глазами и бледной светлой кожей. Дважды он обыскал комнату глазами, потом забыл об этом и в ожидании присяжных чувствовал себя скованно и неуютно.

Присяжные вынесли вердикт об убийстве первой степени, миссис Чойнски взвизгнула: «О, Боже мой!» Вынесение приговора было отложено

до следующего дня. Медленным ритмичным шагом толпа двинулась в августовский полдень.

Джейкоб снова увидел прелестное личико, понимая, почему он никогда не видел его раньше. Оно принадлежало молодой девушке, сидевшей за подсудимой, и было скрыто полнолуной головой миссис Чойнски. Ее ясные, сияющие глаза блестели от слез, а нетерпеливый молодой человек со сплюснутым носом пытался привлечь ее внимание, тронув своей рукой.

— Убирайся прочь! — резко сказала девушка, отстраняясь от его руки. — Оставь меня в покое, понял? Оставь меня в покое, на хрен!

Мужчина глубоко вздохнул и отошел. Девушка обняла ошеломленную миссис Чойнски и одна проходившая рядом женщина сообщила Джейкобу, что они сестры. Затем миссис Чойнски увели — выражение ее лица нелепо намекало на важную встречу, — а девушка присела за стол и начала припудривать лицо. Джейкоб ждал, молодой человек со сплюснутым носом тоже ждал. Бесцеремонно подошел сержант, и Джейкоб дал ему пять долларов.

— Боже мой! — обратилась девушка к молодому человеку. — Ты не можешь оставить меня в покое?

Она встала. Ее присутствие, неясные вибрации ее нетерпения заполнили зал суда.

— Каждый день одно и то же!

Джейкоб подошел ближе. Молодой человек быстро говорил с ней:

— Мисс Делеханتي, мы были более чем либеральны по отношению к вам и вашей сестре, и я всего лишь прошу вас выполнить свою часть контракта. Наша газета отправляется в печать в...

Мисс Делеханتي в отчаянии повернулась к Джейкобу.

— Может, вы избавите меня от этого? — спросила она. — Теперь он хочет фото моей сестры в детстве, а на нем есть наша мать.

— Мы удалим вашу маму.

— Я не хочу терять фото мамы. Это единственная фотография, которая у меня есть.

— Обещаю вам завтра вернуть фотографию без повреждений.

— Ой, как все это меня достало. — Она снова разговаривала с Джейкобом, но видела его только как какой-то элемент неопределенной, вездесущей публики. — Меня уже тошнит от всего этого.

Она цокнула зубами, выражая этим всю суть человеческого презрения.

— У меня снаружи машина, мисс Делеханتي, — внезапно сказал Джейкоб. — Я могу отвезти вас домой.

— Почему бы и нет, — равнодушно ответила она.

Репортер подумал, что они были знакомы раньше, и начал вполголоса спорить, когда все трое направились к двери.

— Каждый день так, — с горечью сказала мисс Делеханتي. — Эти газетчики!

Снаружи Джейкоб подал сигнал своей машине, и когда она подъехала, большая, открытая и яркая, шофер выскочил и открыл дверцу, репортер, чуть не плача, увидев ускользящую девушку, разразился умоляющей речью.

— Иди прыгни в реку! — сказала мисс Делеханتي, сидя в машине Джейкоба. — Иди-прыгни-в-реку!

Необычайная сила ее совета была такова, что Джейкоб пожалел об ограниченности ее словарного запаса. Это не только вызвало в памяти образ несчастного журналиста, бросающегося в Гудзон, но и убедило Джейкоба в том, что это был единственно подходящий и адекватный способ избавиться от репортера. Оставив его наедине с предстоящей судьбой, машина тронулась вниз по улице.

— Вы неплохо с ним справились, — сказал Джейкоб.

— Конечно, — призналась она. — Если ко мне пристают, я начинаю злиться, и тогда я могу справиться с любым человеком, неважно с кем. Как вы думаете, сколько мне лет?

— И сколько же?

— Шестнадцать.

Она серьезно посмотрела на него, приглашая задуматься. Ее лицо, лицо святой, маленькой Мадонны, хрупко поднималось из полуденного праха. На чистом изгибе губ не задерживалось дыхание, он никогда не видел такой бледной и безупречной кожи, как у нее, такого сияния и блеска, как у ее глаз. Его собственное ухоженное лицо впервые в жизни показалось ему грубым и поношенным, когда он внезапно преклонил колени в самом сердце свежести.

— Где вы живете? — спросил он.

Бронкс, возможно, Йонкерс, Олбани-Баффинов залив. Они могли бы обогнуть вершину мира и ехать дальше вечно.

Потом она заговорила, и, пока слова вибрировали жизнью в ее голосе, прошло мгновение:

— Эас-Хун-ерд со-ок-ы-ре. Живу там с подругой.

Они ждали, когда переключится сигнал светофора, и она обменялась надменным взглядом с раскрасневшимся мужчиной, выглядывавшим из стоящего рядом такси. Тот уморительно снял шляпу.

— Смотрите, чья-то секретутка, — закричал он. — И, о-о, какая секретутка!

В окне такси появилась чья-то рука и втащила его обратно в темноту.

Мисс Делеханتي повернулась к Джейкобу, нахмурившись, между ее глазами появилась тень шириной с волосок.

— Очень многие меня знают, — сообщила она. — Мое фото с процесса опубликовали во многих газетах.

— Мне жаль, что все так вышло.

Она вспомнила о событии, произошедшем днем, по-видимому, впервые за последние полчаса.

— Она получила по заслугам, мистер. У нее не было ни единого шанса. Но в Нью-Йорке никогда не повесят ни одну женщину.

— Это точно.

— Она получит пожизненное.

Конечно, это говорила не она. Спокойствие ее лица заставило слова отделиться от нее, как только они были произнесены, и обрести самостоятельное существование.

— Вы до этого жили с ней?

— Я? Послушайте — почитайте газеты! Я даже не знала, что она моя сестра, пока газетчики не пришли и не сообщили об этом. Я не видела ее с детства. — Она внезапно указала на один из крупнейших в мире универмагов. — Вот где я работаю. Послезавтра возвращаюсь к старой доброй работе киркой и лопатой.

— Ночь обещает быть жаркой, — сказал Джейкоб. — Почему бы нам не поехать за город и там поужинать?

Она посмотрела на него. Его глаза были вежливыми и добрыми.

— Хорошо, — согласилась она.

Джейкобу было тридцать три. Когда-то он обладал тенором, и ему пророчили блестящую карьеру, но десять лет назад он заболел ларингитом и потерял голос за одну лихорадочную неделю. В отчаянии, не скрывающим немалое облегчение, он купил плантацию во Флориде и потратил пять лет на то, чтобы превратить ее в поле для гольфа. Когда в 1924 году начался земельный бум, он продал свою недвижимость за восемьсот тысяч долларов.

Как и многие американцы, он скорее ценил вещи, чем заботился о них. Его апатия не была ни страхом перед жизнью, ни притворством, это была черта его гонки по жизни. Это была забавная апатия. Не нуждаясь в деньгах, он полтора года пытался изо всех сил жениться на одной из самых богатых женщин Америки. Если бы он любил ее или притворился, что любит, он мог бы заполучить ее, но он никогда не был способен на большее, чем формальная ложь.

Внешне он был невысок, но подтянут и красив. За исключением тех случаев, когда его одолевал отчаянный приступ апатии, он был необычайно обаятелен, он ходил с толпой мужчин, которые были уверены, что они лучшие в Нью-Йорке, и проводил время лучше всех. Во время отчаянного приступа апатии он был похож на ворчливую белую птицу, взъерошенную и раздраженную, всем сердцем не любившую человечество.

В ту ночь под летним лунным сиянием садов Боргезе он любил человечество. Луна была похожа на сияющее яйцо, гладкое и яркое, как лицо Дженни Делеханتي, сидящей напротив; соленый ветер дул над большими поместьями, собирая цветочные ароматы из садов и принося их на лужайку у придорожного дома. Официанты порхали туда-сюда, как эльфы в жаркой ночи, их черные спины исчезали во мраке, а белые рубашки потрясаяще сверкали в незнакомой темноте.

Они распили бутылку шампанского, и он сказал Дженни Делеханتي:

— Вы самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел, но так уж случилось, что вы не в моем вкусе, и у меня вообще нет на вас никаких

— *Вы самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел, но так уж случилось, что вы не в моем вкусе, и у меня вообще нет на вас никаких видов.*

видов. Тем не менее, вы не можете вернуться в тот магазин. Завтра я собираюсь организовать встречу между вами и Билли Фаррелли, который снимает фильм на Лонг-Айленде. Увидит ли он, какая вы красивая, я не знаю, я никогда раньше никого ему не представлял.

В выражении ее лица ничего не изменилось, но в глазах блеснула ирония. Подобные вещи ей говорили уже не раз, но на следующий день режиссер фильма так и не появлялся. Или же она была достаточно тактична, чтобы не напоминать мужчинам о том, что они обещали прошлой ночью.

— Вы не только красивы, — продолжал Джейкоб, — но и как-то по-особому масштабны. Все, что вы делаете, да, например, тянетесь за стаканом, притворяетесь, стесняетесь или делаете вид, что разочаровались во мне, — все это видно. Если кто-то достаточно умен, чтобы это увидеть, он мог бы сделать из вас отличную актрису.

— Мне больше всего нравится Норма Ширер. А вам?

Направляясь домой сквозь мягкую ночь, она тихонько подставила губы для поцелуя. Джейкоб обнял ее, потерся щекой о ее мягкую щеку, а затем долгое мгновение смотрел на нее сверху вниз.

— Какое милое дитя, — произнес он серьезно.

Она улыбнулась ему в ответ, ее руки привычно играли с лацканами его пиджака.

— Я чудесно провела время, — прошептала она. — Боже мой! Я надеюсь, что мне больше никогда не придется ходить в суд.

— Я тоже надеюсь.

— Разве вы не поцелуете меня на ночь?

— Мы проезжаем через Грейт-Нек, — сказал он. — Здесь живет много кинозвезд.

— Вы шутник, красавчик.

— Почему?

Она покачала головой из стороны в сторону и улыбнулась.

— Вы шутник.

Теперь она увидела, что он принадлежал к тому типу людей, с которыми она не была знакома до этого. Он был удивлен, но не польщен тем, что она сочла его забавным. Она поняла, что, какова бы ни была его конечная цель, сейчас она ему не нужна. Дженни Делеханты быстро училась, она позволила себе стать серьезной, милой и тихой, как ночь, и, когда они въезжали по мосту Квинсборо в город, она, задремавши, прижалась к его плечу.

II

На следующий день он позвонил Билли Фаррелли.

— Я хочу с тобой встретиться, — сказал он. — Я нашел девушку, и мне надо, чтобы ты взглянул на нее.

— Боже мой! — сказал Фаррелли. — Ты уже третий за сегодня.

— Для тебя — первый.

— Хорошо. Если она белая, то может сыграть главную роль в моем фильме, который я начинаю снимать в пятницу.

— Шутки в сторону, ты устроишь ей прослушивание?

— Я не шучу. Она может играть главную роль, говорю тебе. Меня тошнит от этих паршивых актрис. В следующем месяце я уезжаю на побережье. Я лучше буду водоносом у Констанс Талмадж, чем буду снимать большинство этих молодых... — в его голосе звучала горечь ирландского отворачивания. — Конечно, приводи ее сюда, Джейк. Я гляну на нее.

Четыре дня спустя, когда миссис Чойнски в сопровождении двух помощников шерифа отправилась в Оберн, чтобы провести там остаток своей жизни, Джейкоб отвез Дженни через мост в «Асторию», на Лонг-Айленде.

— Вам нужно новое имя, — сказал он, — и помните, что у вас никогда не было сестры.

— Я уже думала об этом, — ответила она. — Мое новое имя — Тутси Дефо.

— Это отвратительно, — засмеялся он, — просто отвратительно.

— Ну, придумайте что-нибудь сами, если вы такой умный.

— Как насчет Дженни... Дженни... что угодно... Дженни Принс?

— Мне нравится, красавчик.

Дженни Принс поднялась по ступенькам киностудии, и Билли Фаррелли с ироничным ирландским юмором, с презрением к себе и своей профессии пригласил ее на одну из главных ролей в новом фильме.

— Они все одинаковые, — сказал он Джейкобу. — Черт возьми! Сегодня подбираешь их из сточной канавы, а завтра они хотят есть с золотых тарелок. Я лучше буду водоносом у Констанс Талмадж, чем владельцем гарема таких.

— Тебе нравится эта девушка?

— Она ничего. У нее хорошее личико. Да они все одинаковые.

Джейкоб купил Дженни Принс вечернее платье за сто восемьдесят долларов и в тот же вечер повел ее в «Лидо». Он был доволен собой и взволнован. Они оба много смеялись и были счастливы.

— Представляешь, ты будешь сниматься в кино? — произнес он.

— Завтра меня, наверное, выгонят. Это было слишком просто.

— Нет, это не так. Все было очень хорошо с психологической точки зрения.

Просто у Билли Фаррелли бывает только одно настроение...

— Он мне понравился.

— Он неплохой парень, — согласился Джейкоб. Но ему напомнили, что уже другой мужчина помогает открывать двери для ее успеха. — Он дикий ирландец, берегись его.

— Я знаю. Ты можешь сказать, что он захочет чего-то большего?

— Чего?

— Ну, я имею в виду, как тебе это сказать... У него такой вид, если ты понимаешь, о чем я говорю. — На ее прелестном личике отобразилась мудрая улыбка. — Ему нравятся актрисы.

Они выпили бутылку бодрящего виноградного сока, разбавленного алкоголем. Вскоре к их столику подошел метрдотель.

— Знакомься, это мисс Дженни Принс, — сказал Джейкоб. — Ты будешь часто ее видеть, Лоренцо, потому что она только что подписала крупный контракт с «Пикчерз». Всегда относись к ней с максимально возможным уважением.

Когда Лоренцо удалился, Дженни произнесла томным голосом:

— У тебя самые красивые глаза, которые я когда-либо видела.

Это лучшее, что она могла сказать в данный момент. Ее лицо было серьезным и печальным. «Честное слово, — повторила она про себя, — самые красивые глаза, которые я когда-либо видела. Любая девушка была бы рада иметь такие глаза».

Он рассмеялся, но был тронут. Его рука слегка накрыла ее руку.

— Будь умницей, — сказал он. — Усердно работай, и я буду так гордиться тобой, и мы хорошо проведем время вместе.

— Мне всегда с тобой хорошо.

Ее глаза были устремлены прямо на него, в его глаза, голос был чистым и сухим.

— Честно говоря, я не шучу насчет твоих глаз. Ты всегда думаешь, что я шучу. Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал

— Я ничего не сделал, сумасшедшая. Я увидел твое лицо, и я был... я был очарован им — все должны быть очарованы твоим лицом.

Появились артисты, и она отвела от него взгляд.

Она была так молода — Джейкоб никогда раньше так остро не ощущал свой возраст. До сегодняшнего вечера он всегда считал себя молодым.

Позже, в темной кабине такси, благоухая духами, которые он купил для нее в тот день, Дженни прижалась к нему вплотную. Он поцеловал ее, не испытывая от этого никакого удовольствия. В ее глазах и на губах не было и тени страсти, в дыхании чувствовались слабые нотки шампанского. Она отчаянно прижалась ближе. Он взял ее руки и положил ей на колени.

Она обиженно отодвинулась от него.

— В чем дело? Я не нравлюсь тебе?

— Мне не следовало позволять тебе пить так много шампанского.

— А почему нет? Я уже пила раньше. Однажды я даже набралась.

— Ну, тебе должно быть стыдно за себя. И если я услышу, что ты еще хоть раз выпила, я всыплю тебе по первое число.

— А у тебя точно хватит смелости, а?

— О чем ты думаешь? Пусть все торговцы газировкой на углу издеваются над тобой, когда захотят?

— О, не надо...

Какое-то время они ехали молча. Затем ее рука скользнула к его руке.

— Ты нравишься мне больше, чем любой парень, которого я когда-либо встречала, и я ничего не могу с этим поделать.

— Дорогая маленькая Дженни.

Он снова обнял ее.

Поколебавшись, он поцеловал Джейн, и его снова обдало холодом от невинности ее поцелуя, от глаз, которые в момент прикосновения смотрели куда-то за его пределы, в темноту ночи, в темноту мира. Она еще не знала, что привлекательность — это что-то в сердце, в тот момент, когда она поймет это и растворится в страсти вселенной, он сможет взять ее без вопросов и сожалений.

— Ты мне очень нравишься, — сказал он, — ты лучше, кого я знаю. А вот насчет выпивки я серьезно. Ты не должна больше пить.

— Я сделаю все, что ты захочешь, — ответила она и повторила, глядя ему прямо в глаза: — Все, что угодно...

Машина остановилась перед ее квартирой, и на прощание он ее поцеловал.

Он уезжал в ликующем настроении, живя в ее молодости и будущем сильнее, чем жил в самом себе в течение многих лет. И вот, слегка опираясь на трость, богатый, молодой и счастливый, он несясь по темным улицам к своему будущему, которое он не мог предсказать.

III

Месяц спустя, однажды вечером, садясь в такси вместе с Фаррелли, он назвал водителю адрес последнего.

— Значит, ты влюблен в эту малышку, — любезно произнес Фаррелли. — Очень хорошо, я уйду с твоей дороги.

Джейкоб испытал огромное неудовольствие.

— Я не влюблен в нее, — медленно произнес он. — Билли, я хочу, чтобы ты оставил ее в покое.

— Конечно! Я оставляю ее в покое, — с готовностью согласился Фаррелли. — Я не знал, что тебе это интересно, она сказала мне, что не может очаровать тебя.

— Дело в том, что тебе это тоже неинтересно, — сказал Джейкоб. — Если бы я думал, что вы двое действительно заботитесь друг о друге, неужели ты думаешь, что я был бы настолько глуп, чтобы встать у тебя на пути? Но тебе на нее наплевать, а она впечатлена и немного очарована.

— Конечно, — скушаяще согласился Фаррелли. — Я бы ни за что не притронулся к ней.

Джейкоб рассмеялся.

— Ага, не притронулся бы... Тебе лишь бы развлечься. Вот против чего я возражаю — против того, чтобы с ней случилось что-нибудь неожиданное.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Я оставляю ее в покое.

Джейкоб был вынужден довольствоваться этим. Он не верил в Билли Фаррелли, но он ему нравился и Джейкоб не стал бы его обижать, если бы речь зашла о более сильных чувствах. Но то, что они держались за руки под столом сегодня вечером, раздражало его. Дженни солгала об этом, когда он ее упрекнул, она предложила ему немедленно отвезти ее домой и сказала, что она даже говорить не хочет с Фаррелли. Тогда он казался самому себе глупым и бессмысленным. Когда Фаррелли спросил: «Значит, ты влюблен в эту малышку?», было бы проще ответить просто: «Да».

Но это было не так. Он ценил ее сейчас больше, чем когда-либо мог себе представить. Он наблюдал, как в ней пробуждается ярко выраженный индивидуальный темперамент. Она любила тишину и простоту. Она развивала в себе способность различать и исключать из своей жизни все тривиальное и несущественное. Он пробовал давать ей книги, но потом благоразумно отказался от этого и познакомил ее с самыми разными людьми. Он создавал ситуации, а потом объяснял их ей, и ему было приятно, что на его глазах расцветают

признательность и вежливость. Он ценил и ее полное доверие к нему, и то, что она использовала его, как эталон для суждений о других мужчинах.

Перед выходом картины Фаррелли ей предложили двухлетний контракт — четыреста в неделю в течение шести месяцев и последующее повышение по скользящей шкале. Но она должна была уехать на Побережье.

— Может, мне подождать? — спросила она, когда однажды днем они возвращались с дачи. — Не лучше ли мне остаться здесь, в Нью-Йорке, рядом с тобой?

— Ты должна ехать туда, куда зовет тебя работа. Ты должна уметь о себе позаботиться. Тебе уже семнадцать.

Семнадцать — ей было столько же лет, сколько и ему, у нее не было возраста. Темные глаза под желтой соломенной шляпой были полны решимости, как будто она и не предлагала отказаться от судьбы ради него.

— Интересно, если бы ты не появился, кто-нибудь другой, — сказала она, — заставил бы меня это сделать?

— Ты сама все сделала. Выброси из головы, что ты зависишь от меня

— Нет. Все благодаря тебе.

— Но это не так, — решительно сказал он, но не привел никаких доводов, ему нравилось, что она так думает.

— Я не знаю, что бы я без тебя делала. Ты мой единственный друг, — добавила она, — который мне дорог. Понимаешь? Понимаешь, о чем я?

Он посмеялся над ней, наслаждаясь зарождением ее эгоизма, подразумеваемого ее правом быть понятой. В тот день она была прекраснее, чем он когда-либо видел ее, нежная и хрупкая, но он не желал ее. Иногда он задумывался, не была ли эта бесполость только для него, не была ли она одной из сторон, которую она специально повернула к нему. Счастливее всего ей было в компании парней, хотя она и притворялась, что презирует их. Билли Фаррелли, любезно и отчасти к легкому огорчению, оставил ее в покое.

— Когда ты сможешь приехать в Голливуд?

— Скоро, — пообещал он. — А ты вернешься в Нью-Йорк?

Она начала плакать.

— О, я буду так сильно по тебе скучать! Я буду так сильно по тебе скучать!

Крупные слезы побежали по ее щекам цвета слоновой кости.

— О Боже! — тихо воскликнула она. — Ты был добр ко мне! Дай мне руку. Где твоя рука? Ты был лучшим другом, который когда-либо был у кого-нибудь. Где я смогу найти такого друга, как ты?

Он думал, что предпринять, но у него в горле встал комок, и на мгновение в его голове, как слепой, сбивающий массивную мебель, пронеслась дикая мысль — жениться на ней. Он знал, что стоит только сделать это предложение, и она станет его и не будет принадлежать никому другому.

На следующий день на вокзале она была рада своим цветам, своему купе, перспективе длительной поездки. Когда она поцеловала его на прощание, ее глубокие глаза снова встретились с его глазами, и она прижалась к нему, словно протестуя против разлуки. Она снова заплакала, но он знал, что за ее слезами

скрывается жажда приключений в новых краях. Когда он вышел из здания вокзала, Нью-Йорк показался ему пустым. Ее глазами он видел сияющие краски города, а теперь они снова слились с серым гобеленом прошлого. На следующий день он отправился в кабинет, расположенный в одном из зданий на Парк-авеню, и поговорил с известным специалистом, которого не посещал уже десять лет.

— Я хочу, чтобы вы еще раз осмотрели гортань, — попросил он. — Надежды мало, но может быть что-то изменилось.

Он проглотил сложную систему зеркал. Он вдыхал и выдыхал, издавал высокие и низкие звуки, кашлял по команде. Специалист сутился и трогал. Затем он откинулся на спинку кресла и надел очки.

— Никаких изменений, — сказал он. — Связки здоровы — они просто изнашивались. Это не поддается лечению.

— Я так и думал, — смиренно сказал Джейкоб, как будто был виновен в дерзости. — Это практически то, что вы мне говорили раньше. Я просто не был уверен, что это навсегда.

Он что-то потерял, когда вышел из здания на Парк-авеню, — слабую надежду, дитя желанья, что однажды...

«Нью-Йорк опустел, — телеграфировал он ей. — Все ночные клубы закрыты. Черные венки на статуе Гражданской Добродетели. Пожалуйста, работай усердно и будь необыкновенно счастлива».

«Дорогой Джейкоб, — написала она в ответ, — я так по тебе скучаю. Ты самый хороший человек, который когда-либо жил, и я серьезно говорю это, дорогой. Пожалуйста, не забывай меня. С любовью от Дженни».

Наступила зима. Вышла картина, снятая с Дженни на Восточном побережье, для поклонников появились интервью и статьи в журналах. Джейкоб сидел в своей квартире, снова и снова проигрывая на новом фонографе «Крейцерову сонату», и читал ее скупые и немногословные, но нежные письма и газетные статьи, в которых говорилось, что она одно из величайших «открытий» Билли Фаррелли. В феврале Джейкоб обручился со своей старой подругой, недавно овдовевшей.

Они отправились во Флориду и внезапно начали буквально грызть друг друга, в коридорах отелей и за игрой в бридж, так что в конце концов решили отменить предстоящую свадьбу. Весной он снял каюту на пароходе «Париж», но за три дня до отплытия отказался и отправился в Калифорнию.

IV

Дженни встретила его на вокзале, поцеловала и цеплялась в машине за его руку всю дорогу до отеля «Амбассадор».

— Ну вот, ты приехал, — воскликнула она. — Я уже думала, что никогда не уговорю его приехать. Я никогда этого не представляла.

Ее произношение выдавало усилие над собой. Выразительное «Боже мой!» со всем удивлением, ужасом, отвращением или восхищением, которые она могла вложить в него, исчезло, но не было никакой мягкой замены, никаких «шикарно» или «грандиозно». Если ее настроение требовало ругательств, выходящих за рамки репертуара, она молчала.

Но в семнадцать лет месяцы превращаются в годы, и Джейкоб заметил в ней перемену, она ни в коем случае больше не была ребенком. В ее сознании были определенные вещи — не отвлекающие, потому что она инстинктивно была слишком умна для этого, а просто присутствующие там вещи. Студия больше не была забавой, чудом и божественной случайностью, больше не было «ни за какие деньги я не приду завтра». Она стала частью ее жизни. Обстоятельства складывались в карьеру, которая продолжалась независимо от ее свободного времени.

— Если эта картина будет так же хороша, как и предыдущая... то есть если она снова станет моим персональным хитом, Хекшер пересмотрит контракт. Все, кто видел прогон, говорят, что это первый фильм, в котором у меня есть сексуальная привлекательность

— Что это за «прогон»?

— Это когда просматривают то, что сняли накануне. Они говорят, что это первый раз, когда у меня есть сексуальная привлекательность.

— Я этого не замечаю, — поддразнил он ее.

— Ты бы и не заметил. Но я заметила.

— Я знаю, — сказал он и, движимый необдуманным порывом, взял ее за руку.

Она быстро взглянула на него. Он улыбнулся — с опозданием на полсекунды. Затем она улыбнулась, и ее сияющая теплота скрыла его ошибку.

— Джейк, — воскликнула она, — я готова разрыдаться, я так рада, что ты здесь! Я сняла для тебя номер в «Амбассадоре». Там было полно народу, но они кого-то выгнали, потому что я сказала, что у меня должна быть там комната. Я через полчаса пришлю за тобой машину. Хорошо, что ты приехал в воскресенье — у меня весь день свободен.

Они обедали в меблированной квартире, которую она сняла на зиму. Это был мавританский стиль 1920 года, полностью перешедший от вчерашней «звезды». Кто-то сказал ей, что это ужасно, и она шутила по этому поводу, но когда он продолжил разговор, то обнаружил, что она не знает, почему.

— Я бы хотела, чтобы здесь было побольше приятных мужчин, — сказала она за ланчем. — Конечно, здесь много хороших, но я имею в виду... ну, знаешь, как в Нью-Йорке — мужчин, которые знают даже больше, чем девушка. Как ты...

После ланча он узнал, что они собираются на чай.

— Не сегодня, — возразил он. — Я хочу поговорить с тобой наедине.

— Хорошо, — с сомнением согласилась она. — Наверное, я могу позвонить. Я подумала... Эта дама пишет для многих газет, и меня никогда раньше туда не приглашали. И все же, если ты не хочешь...

Ее лицо немного вытянулось, и Джейкоб заверил ее, что не может быть более желанным, чем работа. Постепенно он обнаружил, что они собираются не на одну вечеринку, а на три.

— В моем положении так и должно быть, — объяснила она. — В противном случае, вы не увидите никого, кроме людей на своей вечеринке, а это очень мало.

Он улыбнулся.

— Ну, в любом случае, — закончила она, — умник, это обычное воскресное времяпровождение.

За первым чаепитием Джейкоб заметил, что женщин здесь значительно больше, чем мужчин, а статистов — журналисток, дочерей операторов, жен закройщиков — больше, чем важных персон. Молодой латиноамериканец по имени Раффино появился на мгновение, поговорил с Дженни и удалился. Несколько звезд прошли мимо, спрашивая с домашним умилением о здоровье детей. Другая группа знаменитостей неподвижно, словно статуи, стояла в углу. Там же находился несколько опьяневший и очень возбужденный автор, который, видимо, пытался завязать знакомство то с одной девушкой, то с другой. По мере того, как послеобеденное время шло на убыль, народу становилось все больше и больше и общий гомон звучал все громче и громче. Джейкоб и Дженни направились на выход.

За вторым чаем молодой Раффино — он был актером, одним из бесчисленных подающих надежды Валентино — снова появился на минутку, поговорил с Дженни еще немного, на этот раз чуть внимательнее, и вышел. Джейкоб заметил, что эта вечеринка не отличается такой развязностью, как предыдущая. Вокруг коктейльного столика собралась большая толпа. Было больше сидящих.

Дженни, как он заметил, пила только лимонад. Он был удивлен и обрадован ее утонченностью и хорошими манерами. Она говорила с одним человеком, никогда не обращаясь ко всем, кого слышала, затем она слушала, не считая нужным отводить глаза в сторону. Намеренно или нет, но он заметил, что за обоими чаепитиями она рано или поздно заговаривала с самым важным гостем. Ее серьезность, ее манера говорить: «Это моя возможность узнать что-то новое», — властно манили к себе.

Когда они вышли из дома, чтобы ехать на последнюю вечеринку — фуршет, — уже стемнело, и на Беверли-Хиллз замелькали электрические огни реклам подающих надежды брокеров по продаже недвижимости. У театра Граумана под мелким теплым дождем уже собралась толпа.

— Смотрите! Смотрите! — воскликнула она. Там шла картина, которую она закончила месяц назад.

Они выскользнули с Голливудского бульвара в глубокий мрак боковой улочки, он обнял ее и поцеловал.

— Дорогой Джейк.

Она улыбнулась ему снизу вверх.

— Дженни, ты такая милая, я и не знал, что ты такая милая.

Она смотрела прямо перед собой, ее лицо было кротким и спокойным. Волна раздражения захлестнула его, и он настойчиво притянул ее к себе, как раз в тот момент, когда машина остановилась у освещенной двери.

Они вошли в бунгало, переполненное людьми и дымом. Импульс официальности, с которого начался день, давно иссяк, все стало одновременно расплывчатым и резким.

— Это Голливуд, — объяснила предупредительная разговорчивая дама, которая весь день находилась поблизости от него. — В воскресенье вечером здесь не до тщеславия.

Она указала на хозяйку.

— Обычная, простая, милая девушка, — она повысила голос: — Не так ли, дорогая, — обычная, простая, милая девушка?

Хозяйка ответила:

— Да. Вы про кого?

И информатор Джейкоба снова понизила голос:

— Но ваша девочка — самая мудрая из всех.

Количество коктейлей, выпитых Джейкобом, приятно подействовало на него, но, как он ни старался, сюжет вечеринки — ключ, с помощью которого он мог обрести легкость и спокойствие, — ускользал от него. В воздухе витало какое-то напряжение — соперничество и неуверенность. Разговоры с мужчинами то становились пустыми и веселыми, то перетекали в какую-то напряженность. Женщины были приятнее. В одиннадцать часов возле буфета он вдруг осознал, что не видел Дженни уже целый час. Вернувшись в гостиную, он увидел, как она вошла, очевидно, с улицы, потому что сбросила с плеч плащ. Она была с Раффино. Когда она подошла, Джейкоб увидел, что она запыхалась, а глаза у нее очень блестели. Раффино приятно и небрежно улыбнулся Джейкобу. Несколько мгновений спустя, когда он повернулся, чтобы уйти, тот наклонился и прошептал что-то на ухо Дженни, а она, пожелав ему спокойной ночи, посмотрела на него без улыбки.

— Мне нужно быть на площадке в восемь часов, — сказала она Джейкобу через некоторое время. — Я буду выглядеть как старый брошенный зонтик, если сейчас не вернусь домой. Ты не возражаешь, дорогой?

— Боже мой, нет!

Их машина проехала почти бесконечное расстояние по узкому, вытянутому городу.

— Дженни, — сказал он, — ты никогда не выглядела так, как сегодня вечером. Положи голову мне на плечо.

— Я с удовольствием. Я очень устала.

— Я не могу передать, как ты сияешь.

— Я такая.

*...Когда Раффино повернулся, чтобы уйти,
Джейкоб наклонился и прошептал что-то
на ухо Дженни, а она, пожелав ему спокойной ночи,
посмотрела на него без улыбки.*

— Нет, не такая, — его голос внезапно перешел на шепот, дрожащий от волнения. — Дженни, я влюблен в тебя.

— Джейкоб, не говори глупостей.

— Я влюблен в тебя. Разве это не странно, Дженни? Все это именно так.

— Ты не влюблен в меня.

— Ты хочешь сказать, что тебя не волнует этот факт?

Он почувствовал слабый страх. Она приподнялась из-под его руки.

— Конечно, это меня интересует, ты же знаешь, что ты мне дороже всего на свете.

— Дороже, чем мистер Раффино?

— О Боже правый! — презрительно запротестовала она. — Раффино всего лишь ребенок.

— Я люблю тебя, Дженни.

— Нет, не любишь.

Он крепко сжал ее руку. Ему показалось, или в ее теле, на самом деле, возникло инстинктивное сопротивление? Она приблизилась к нему, и он поцеловал.

— Ты же знаешь, что это безумие — влюбиться в Раффино.

— Наверное, я ревную.

Чувствуя себя настойчивым и непривлекательным, он отпустил ее. Но приступ страха превратился в боль. Хотя он знал, что она устала и что ей было странно это его новое настроение, он не мог оставить это дело в покое.

— Я и не подозревал, какой большой частью моей жизни ты была. Я не знал, чего мне не хватает, но теперь я знаю. Я хотел, чтобы ты была рядом.

— Ну, вот я и здесь.

Он воспринял ее слова как приглашение, но на этот раз она устало расслабилась в его объятиях. Он держал ее так до конца пути, глаза у нее были закрыты, короткие волосы спадали прямо назад, как у утопленницы.

— Машина отвезет вас в отель, — сказала она, когда они добрались до квартиры. — Помни, завтра ты обедаешь со мной на студии.

Он хотел пойти с ней, но неожиданно между ними вспыхнул небольшой спор — не слишком ли поздно для посиделок? Ни один из них еще не понимал, какие перемены произвело признание в любви на другого. По мере того как Джейкоб пытался вернуться в ту ночь в Нью-Йорке шесть месяцев назад, Дженни видела, что настроение, которое было больше, чем ревность, и меньше, чем любовь, сменилось такими чувствами, как внимательность и понимание, которые она знала в нем и с которыми она чувствовала себя, как дома.

— Но я не люблю тебя так, — воскликнула она. — Как ты можешь приходить ко мне и в одночасье просить, чтобы я тебя так любила?

— А так ты любишь Раффино?

— Клянусь, что нет! Я даже ни разу не поцеловала его — ни разу по-настоящему!

— Хм!

Теперь он снова был ворчливой белой птицей. Он едва ли мог поверить в собственную неприятность, но что-то нелогичное, как сама любовь, побуждало его продолжать.

— Актриска!

— О, Джейк, — воскликнула она, — пожалуйста,пусти меня. Я никогда в жизни не чувствовала себя так ужасно и запутанно.

— Я пойду, — внезапно сказал он. — Я не знаю, в чем дело, за исключением того, что я так зол на тебя, что не понимаю, что говорю. Я люблю тебя, а ты не любишь меня. Когда-то ты любила или думала, что любишь, но, очевидно, все это в прошлом.

— Но я люблю тебя.

Она на мгновение задумалась, красно-зеленое сияние заправочной станции на углу осветило борьбу чувств у нее на лице.

— Если ты так сильно меня любишь, я выйду за тебя замуж завтра.

— Выходи за меня замуж! — воскликнул он.

Она была так поглощена тем, что только что сказала, что не заметила этого возгласа.

— Я выйду за тебя замуж завтра, — повторила она. — Ты нравишься мне больше, чем кто-либо в мире, и я думаю, что смогу полюбить тебя так, как ты этого хочешь.

Она издала единственный прерывистый вскрик.

— Но... я не знала, что это произойдет. Пожалуйста, оставь меня сегодня вечером одну.

Джейкоб не спал. Из гриль-бара «Амбассадор» допоздна доносилась музыка, а у входа в него толпилась группа работающих девушек, ожидая, когда выйдут их кумиры. Затем в коридоре снаружи началась затяжная ссора между мужчиной и женщиной, которая переместилась в соседнюю комнату и продолжалась в виде низкого двухголосого бормотания через смежную дверь. Где-то около трех часов он подошел к окну и вгляделся в прозрачное величание калифорнийской ночи. Красота Дженни покоилась снаружи, на траве, на влажно поблескивающих крышах бунгало, вокруг него, доносясь до него, как музыка в ночи. Она была в комнате, на белой подушке, она призрачно шлепала в занавесках. Его желание воссоздавало ее до тех пор, пока она не потеряла все признаки прежней Дженни, и даже той девушки, которая встречала его утром у поезда. Молча, по мере того как тянулись ночные часы, он лепил из нее образ любви — образ, который должен был существовать так же долго, как сама любовь, или даже дольше, и не погибнуть, пока он не сможет сказать: «Я никогда по-настоящему ее не любил». Медленно он создавал ее с помощью той или иной иллюзии из своей юности, той или иной печальной старой тоски, пока она не предстала перед ним идентичной себе прежней только по имени.

Позже, когда он погрузился в сон на несколько часов, созданный им образ, соединенный мистическим браком с его сердцем, стоял рядом с ним в комнате, не в силах покинуть его.

— Ты нравишься мне больше, чем кто-либо в мире, и я думаю, что смогу полюбить тебя так, как ты этого хочешь.

V

— Я не женюсь на тебе, если ты меня не любишь, — сказал он, возвращаясь со студии.

Она сидела, спокойно сложив руки на коленях.

— Неужели ты думаешь, что я захочу быть с тобой, если ты будешь несчастна и безответна, Дженни, если ты все время будешь знать, что не любишь меня?

— Я люблю тебя. Но не так.

— Что значит «не так»?

Она колебалась, ее взгляд был устремлен вдаль.

— Ты не... возбуждаешь меня, Джейк. Я не знаю... Были мужчины, которые будоражили меня, когда прикасались ко мне, танцевали со мной или что-то в этом роде. Я знаю, это безумие, но...

— А Раффино возбуждает тебя?

— Вроде того, но не так сильно.

— А я совсем нет?

— Я просто чувствую себя комфортно и счастливо с тобой.

Ему следовало убедить ее, что так будет лучше, но он не мог этого сказать, было ли это правдой или ложью.

— Как бы то ни было, я сказала тебе, что выйду за тебя замуж. Возможно, позже ты сможешь возбудить меня.

Он засмеялся и внезапно замолчал.

— Если я тебя не возбуждаю, как ты это называешь, то почему ты так переживала прошлым летом?

— Я не знаю. Наверное, я была молода. Никогда не знаешь, что ты когда-то чувствовал, не так ли?

Она стала неуловимой для него, с той уклончивостью, что придает скрытое значение самым незначительным замечаниям. И с помощью неуклюжих инструментов ревности и желания Джейкоб пытался создать чары, неземные и тонкие, как пыль на крыле мотылька.

— Послушай, Джейк, — внезапно сказала она. — Тот адвокат, который был у моей сестры, этот Шарнхорст, звонил сегодня днем в студию.

— С твоей сестрой все в порядке, — рассеянно произнес он и добавил: — Значит, многие мужчины возбуждают тебя.

— Ну, если я чувствовала это со многими мужчинами, значит это не имеет ничего общего с настоящей любовью, да? — с надеждой спросила она.

— Но ведь по твоей теории любовь не может возникнуть без этого.

— У меня нет никаких теорий или чего-то в этом роде. Я только что сказала тебе, что я чувствовала. Ты знаешь больше меня.

— Я вообще ничего не знаю.

В нижнем холле жилого дома ждал какой-то человек. Дженни подошла и заговорила с ним, затем, вернувшись обратно к Джейку, тихо сказала:

— Это Шарнхорст. Ты не подождешь меня внизу, пока я с ним поговорю? Он уверяет, что это не займет и получаса.

Он ждал, выкуривая бесчисленное количество сигарет. Прошло десять минут. Затем его окликнула телефонистка.

— Скорее! — сказала она. — Мисс Принс просит вас к телефону.

Голос Дженни был напряженным и испуганным.

— Не дай Шарнхорсту выйти, — сказала она. — Он на лестнице, может быть, в лифте. Заставь его вернуться ко мне.

Джейкоб положил трубку как раз в тот момент, когда лифт опустился. Он встал перед дверью лифта, не выпуская мужчину.

— Мистер Шарнхорст?

— Да.

Лицо было проницательным и подозрительным.

— Вы не могли бы еще раз подняться в квартиру мисс Принс? Она забыла кое-что сказать.

— Я могу встретиться с ней позже.

Он попытался протиснуться мимо Джейкоба. Схватив за плечи, Джейкоб втолкнул его обратно в лифт, захлопнул дверь и нажал кнопку восьмого этажа.

— Я добьюсь, чтобы вас арестовали! — заметил Шарнхорст. — И посадили в тюрьму за нападение!

Джейкоб крепко держал его за руки. Наверху Дженни с паникой в глазах держала открытой свою дверь. После небольшой борьбы адвокат вошел внутрь.

— В чем дело? — спросил Джейкоб.

— О, Джейк, он хочет двадцать тысяч долларов!

— За что?

— Чтобы добиться нового суда над моей сестрой.

— Но у нее нет ни единого шанса! — воскликнул Джейкоб. Он повернулся к Шарнхорсту. — Вы же знаете, что у нее нет ни единого шанса.

— Есть некоторые процессуальные тонкости, — смущенно сказал адвокат, — вещи, которые никто, кроме адвоката, не поймет. Она там очень несчастлива, а ее сестра такая богатая и успешная. Миссис Чойнски подумала, что ей следует дать еще один шанс.

— Вы там что — проработали ее?

— Она сама послала за мной.

— Но идея шантажа принадлежит вам. Я полагаю, что если мисс Принс не захочет выложить двадцать тысяч, то скоро выяснится, что она — сестра известной убийцы.

Дженни кивнула.

— Он так и сказал.

— Минуточку! — Джейкоб подошел к телефону. — Вестерн Юнион, пожалуйста. Вестерн Юнион? Пожалуйста, примите телеграмму.

Он назвал имя и адрес человека, занимающего высокое положение в политическом мире Нью-Йорка.

— Примите сообщение:

«Осужденная Чойнски угрожает своей сестре, которая является знаменитой киноактрисой, разоблачением родственных связей. Не могли бы вы договориться с начальником тюрьмы, чтобы ее не посещали до тех пор, пока я не смогу приехать на Восток и не выясню ситуацию.

Также сообщите мне, достаточно ли двух свидетелей попытки шантажа, чтобы лишить адвоката в Нью-Йорке лицензии, если обвинение поступит от «Рид, Ван Тайн, Биггс и компания», или от моего дяди.

*Ответ — Отель «Амбассадор», Лос-Анджелес
Джейкоб К. К. Бут».*

Он подождал, пока клерк повторит сообщение.

— Итак, мистер Шарнхорст, — сказал он, — занятия искусством не должны прерываться подобными тревогами и экскурсами. Мисс Принс, как вы видите, очень расстроена. Завтра это проявится при съемке фильма,

и миллион людей будут немного разочарованы. Поэтому мы не будем просить ее сейчас ни о каких решениях. Более того, мы с вами уедем из Лос-Анджелеса сегодня вечером на одном поезде.

VI

Прошло лето. Джейкоб продолжал вести свою никчемную жизнь, поддерживаемый сознанием того, что Дженни осенью приезжает на Восточное побережье. Он предполагал, что к осени будет множество Раффино, и она обнаружит, что трепет их рук, глаз и губ почти одинаковый. В другом мире они были эквивалентом интрижек на вечеринке в колледже, студентов, проводящих непринужденное лето. И если ее чувство к нему все же было менее чем романтическим, то он все равно женится, предоставив романтике прийти после свадьбы, как — так он всегда слышал — это случалось со многими женами.

Ее письма завораживали и ставили его в тупик. Сквозь неумелое выражение лица он улавливал отблески эмоций — неизменную благодарность, желание поговорить с ним и странную, почти испуганную реакцию на него, как на чужого мужчину, которую он мог только вообразить. В августе она уехала на съемки, и от нее приходили только почтовые открытки из какой-то затерянной пустыни в Аризоне, а потом какое-то время вообще ничего не было. Он был рад этому перерыву. Он обдумал все, что могло бы оттолкнуть Дженни — его напыщенность, его ревность, его очевидное страдание. На этот раз все будет по-другому. Он будет держать ситуацию под контролем. Она, по крайней мере, снова будет восхищаться им, видеть в нем несравненное достоинство и налаженную жизнь.

Джейкоб за два дня до приезда пошел посмотреть ее последнюю картину в огромном ночном кинозале на Бродвее. Это была история про колледж. Она вошла в него с волосами, завязанными узлом на макушке — знакомый символ неряшливости и безвкусицы, вдохновила героя на подвиг спортивного успеха и исчезла, всегда оставаясь рядом с ним, в тени ликующих трибун. Но в ее исполнении было что-то новое — впервые на экране стало проявляться то притягательное качество, которое он заметил год назад. Каждое ее движение, каждый жест были трогательными и важными. Другие зрители тоже это заметили. Ему казалось, что он может определить это по какому-то изменению в дыхании, по отражению ее ясного, четкого выражения на их случайных и безразличных лицах. Рецензенты тоже это отметили, хотя большинство из них были неспособны дать точное определение личности.

Однако именно отношение пассажиров, ехавших с ней в поезде, впервые заставило его обратить внимание на ее публичное существование. На вокзале, как бы они ни были заняты друзьями и багажом, они обязательно смотрели на нее, привлекали внимание друзей и повторяли ее имя.

Она сияла. От нее и вокруг нее исходила общительная радость, как будто ее парфюмеру удалось заключить экстаз в стеклянный флакон. Снова произошло мистическое переливание, и кровь вновь заструилась по затвердевшим венам Нью-Йорка — это была и радость шофера Джейкоба, когда она вспоминала о нем, вежливое приветствие посыльных в «Плазе», нервный срыв метрдотеля в ресторане, где они обедали. Что касается Джейкоба, то теперь он держал себя в руках. Он был нежен, внимателен и вежлив, что было для него естественно, но в данном случае он считал необходимым все спланировать. Его манеры обещали и говорили о способности заботиться о ней, о воле, на которую можно было опереться.

После ужина их уголок ресторана постепенно очистился от театральной толпы, и на них навалилось чувство одиночества. Их лица стали серьезными, голоса — очень тихими.

— Мы не виделись пять месяцев, — он задумчиво посмотрел на свои руки. — У меня ничего не изменилось, Дженни. Я люблю тебя всем сердцем. Я люблю твое лицо, твои недостатки, твой ум и все, что связано с тобой. Единственное, чего я хочу в этом мире — это сделать тебя счастливой.

— Я знаю, — прошептала она. — Черт возьми, я знаю!

— Осталась ли в твоих чувствах ко мне только привязанность, я не знаю. Если ты выйдешь за меня замуж, я думаю, ты поймешь, что все остальное придет, придет само собой, и то, что ты называла возбуждением, покажется тебе шуткой, потому что жизнь — не для мальчиков и девочек, Дженни, а для мужчин и женщин.

— Джейкоб, — прошептала она, — ты не обязан мне ничего говорить. Я знаю. Он впервые поднял глаза.

— Что значит «знаю»?

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. О, это ужасно! Джейкоб, послушай! Я хочу тебе сказать. Послушай, дорогой, ничего не говори. Не смотри на меня. Послушай, Джейкоб, я влюбилась в одного мужчину.

— Что? — непонимающе спросил он.

— Я кое в кого влюбилась. Вот что я имею в виду, говоря о понимании глупых острых ощущений.

— Ты хочешь сказать, что влюблена в меня?

— Нет.

Ужасное односложное слово проплыло между ними, заплясало и завибрировало над столом: «Нет-нет-нет-нет-нет!».

— О, это ужасно! — воскликнула она. — Я влюбилась в мужчину, с которым познакомилась на съемках этим летом. Я не хотела этого, я старалась не делать этого, но первое, что я поняла, это то, что я была влюблена, и все желания в мире ничего не могли с этим поделать. Я написала тебе и попросила приехать, но не отправила письмо, и вот я была без ума от этого человека, не смела с ним заговорить и каждую ночь рыдала до потери сознания.

— Актер? — спросил он и не узнал свой помертвевший голос. — Раффино?

— О, нет, нет, нет! Подожди минутку, дай я тебе расскажу. Это продолжалось три недели, и я, честно говоря, хотела покончить с собой, Джейк. Жизнь не имела смысла, если я не могла получить его. Однажды ночью мы случайно оказались в машине одни, он просто схватил меня и заставил сказать, что я его люблю. Он знал, он не мог не знать.

— Это просто... захватило тебя, — спокойно сказал Джейкоб. — Я понимаю.

— О, я знала, что ты поймешь, Джейк! Ты все понимаешь. Ты самый лучший человек на свете, Джейк, и разве я этого не знаю?

— Ты собираешься выйти за него замуж?

Она медленно кивнула головой.

— Я сказала, что сначала мне придется поехать на Восток и повидаться с тобой.

По мере того, как ее страх ослабевал, ей становился все более очевиден масштаб его горя, и ее глаза наполнились слезами.

— Такое случается только один раз в жизни, Джейк. Вот что не выходило у меня из головы все те недели, что я почти не разговаривала с ним: «Если ты потеряешь это однажды, больше такого никогда не повторится, и тогда ради чего остается жить?». Он был режиссером картины — то же самое он говорил и обо мне.

— Понятно.

Как и прежде, ее глаза держали его, как руки.

— О-о-о, Дже-е-йк!

В этом внезапном возгласе сострадания, всепонимающем и глубоком, как песня, прошла первая волна шока. Джейкоб стиснул зубы, и изо всех сил старался скрыть свое страдание. Придав своему лицу ироническое выражение, он потребовал счет. Не прошло и часа, а они уже сидели в такси, направляясь к отелю «Плаза».

Она прильнула к нему.

— О-о-о, Дже-е-йк, скажи, что все в порядке! Скажи, что ты понимаешь! Дорогой Джейк, мой лучший друг, мой единственный друг, скажи, что ты понимаешь!

— Конечно, понимаю, Дженни.

Его рука автоматически погладила ее по спине.

— О-о-о, Дже-е-йк, ты чувствуешь себя просто ужасно, не так ли?

— Как-нибудь переживу.

— О-о-о, Дже-е-йк!

Они добрались до отеля. Прежде чем они вышли, Дженни посмотрела на себя в зеркало и подняла воротник меховой накидки. В вестибюле Джейкоб столкнулся с несколькими людьми, произнося напряженным, неуверенным голосом:

— Прошу прощения.

Лифт ждал. Дженни с расстроенным и заплаканным лицом шагнула вперед и протянула к нему руку с беспомощно сжатым кулаком.

— Джейк, — повторила она еще раз.

— Спокойной ночи, Дженни.

Она повернулась лицом к проволочной стенке лифта. Лязгнули двери.

«Держись! — чуть было не сказал он. — Ты хоть понимаешь, что делаешь, заводя машину таким образом?».

Он повернулся и вслепую вышел за дверь. «Я потерял ее, — прошептал он сам себе, охваченный благоговейным страхом. — Я потерял ее!».

Он прошел по Пятьдесят девятой улице до Коламбус-Серкл, а затем по Бродвею. В кармане у него не было сигарет — он оставил их в ресторане, поэтому зашел в табачную лавку. Там произошла какая-то путаница со сдачей, и в магазине кто-то рассмеялся.

Когда он вышел, то некоторое время стоял в недоумении. Затем тяжелая волна осознания нахлынула на него, оставив его ошеломленным и обессиленным. Потом она нахлынула снова и вновь захлестнула его. Как человек перечитывает трагическую историю, надеясь, что она закончится по-другому, так и он вернулся к тому утру, к началу, к прошлому году. Эта волна принесла ему известие, что она навсегда отрезана от него в номере отеля «Плаза».

Он шел по Бродвею. Большими печатными буквами над порталом театра «Капитолий» в ночи сверкали пять слов: «Карл Барбур и Дженни Принс».

Это имя поразило его, как будто его произнес прохожий. Он остановился и уставился. На эту же вывеску смотрели и другие люди, проходившие мимо него.

Дженни Принс.

Теперь, когда она больше не принадлежала ему, это имя приобрело совершенно самостоятельное значение.

Оно висело там, холодное и непроницаемое, в ночи, как вызов, как что-то неподвластное ему.

Дженни Принс.

«Приди и отдохни в моей красоте, — говорило оно. — Исполни свои тайные мечты, сочетавшись со мной браком на час».

Дженни Принс.

Это было наваждение — она была в отеле «Плаза», в кого-то влюблена. Но ее имя с яркой настойчивостью несло в ночи.

«Я люблю свою дорогую публику. Они все так добры ко мне».

Вдалеке появилась новая волна, взметнула белые гребни, покатила к нему с чувством страдания и боли, и захлестнула его. «Никогда больше. Никогда больше». Волна билась о него, гнала его вниз, била молотками агонии по его ушам. Гордое и непроницаемое имя на небесах бросало вызов ночи.

Дженни Принс.

Она вся была в этом имени! Вся она, все лучшее в ней — старание, сила, триумф, красота.

Джейкоб прошел вперед вместе с толпой и купил билет в кассе.

Сбитый с толку, он оглядел огромный вестибюль. Затем он увидел вход и, войдя внутрь, обнаружил, что находится в бескрайней пульсирующей тьме.

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ КРАСАВИЦ

I

После того, как Атланта продемонстрировала нам тщательно продуманное и театрализованное представление о южном очаровании, маленькому Тарлону вроде было нечем козырнуть, но мы явно недооценили его. Тут было немного жарче, чем в других местах, где мы бывали: в первый же день под жарким солнцем Джорджии дюжина новичков упала в обморок, и когда ты видел стада коров, бредущих по центральным улицам, подгоняемые цветными погонщиками, на тебя от жаркого света накатывал транс: тебе хотелось пошевелить рукой или ногой, чтобы убедиться, что ты еще жив.

Я остался в лагере и позволил лейтенанту Уоррену рассказать мне о девушках. Это было пятнадцать лет назад, и я забыл, что чувствовал, за исключением того, что дни шли один за другим... У меня было пусто на сердце, потому что на Севере та, в чьем очаровании я был окутан три года, выходила замуж. Я видел вырезки и газетные фотографии. Это была «романтическая свадьба военного времени», все очень богато и печально. Я живо ощутил мрачное сияние неба, под которым это происходило, и, будучи молодым снобом, скорее позавидовал, чем пожалел.

Наступил день, когда я пошел в Тарлтон подстричься и столкнулся с милым парнем по имени Билл Ноулз, который в мое время учился в Гарварде. Он служил в дивизии национальной гвардии, которая стояла перед нами в лагере, в последний момент его перевели в авиацию, и он пока был не у дел.

— Я рад, что встретил тебя, Энди, — сказал он с неуместной серьезностью. — Я тебе расскажу все об этом городке, прежде чем отправлюсь в Техас. Видишь ли, здесь всего лишь три девушки...

Мне стало интересно, было что-то мистическое в том, что тут всего три девушки.

— ...и вот одна из них сейчас здесь, — мы стояли перед аптекой, он провел меня внутрь и представил даме, которую я сразу же возненавидел. — Две другие — это Эйли Кэлхун и Салли Кэррол Хаппер.

Судя по тому, как он произнес одно имя, я догадался, что его особо интересовала Эйли Кэлхун. Он думал о том, чем она будет заниматься, пока он будет в отъезде, — он хотел, чтобы она провела время спокойно и беззаботно, без всяких походов.

В моем возрасте я даже не решаюсь признаться, что в моей голове промелькнули совершенно нерыцарские образы Эйли Кэлхун — этого прекрасного имени. В двадцать три года не существует такого понятия, как красота без изъянов, хотя, если бы Билл попросил меня, я, несомненно, поклялся бы со всей искренностью заботиться о ней, как о сестре. Но он этого не сделал, он просто вслух переживал, что ему придется уехать. Через три дня он позвонил мне и сказал, что уезжает следующим утром, а вечером он представит меня Эйли Кэлхун.

Мы встретились у отеля и пошли по центру города в жарких сумерках, наполненных цветочным ароматом. Четыре белые колонны дома Кэлхунов выходили на улицу, а за ними темнела веранда, как пещера, увитая свисающими, переплетающимися, вьющимися виноградными лозами.

Когда мы поднимались по дорожке, из парадной двери выскочила девушка в белом платье:

— Извините, я опоздала! — И, увидев нас, добавила: — Мне показалось, я слышала, как вы пришли минут десять назад...

Она замолчала, когда скрипнул стул и из темноты веранды появился еще один мужчина, летчик из лагеря Гарри Ли.

— Кэнби? — воскликнула она. — Как ты здесь оказался?

Он и Билл Ноулз смотрели друг на друга с напряженностью сторон, ведущих открытый судебный процесс.

— Кэнби, я хочу пошептать с тобой, милый, — сказала она всего через секунду. — Ты уж, Билл, извини нас.

Они отошли в сторону. Вскоре лейтенант Кэнби, крайне недовольный, сказал мрачным голосом:

— Тогда мы перенесем это на четверг, но это должно быть наверняка.

Едва кивнув нам, он пошел по дорожке, сверкая в свете фонаря шпорами, которыми он, по-видимому, подгонял свой аэроплан.

— Входите... Простите, но я не знаю вашего имени...

Вот она — южный типаж во всей его чистоте. Я бы узнал Эйли Кэлхун, если даже никогда не слышал Рут Дрейпер или не читал «Марсу Чан». Она обладала ловкостью, приправленной сладкой, многоречивой простотой, намекающей на заботливых отцов, братьев и поклонников и уходящей корнями в героическое прошлое Юга, а ее неизменное хладнокровие было результатом бесконечной борьбы с жарой. В ее голосе звучали нотки, которые приказывали рабам, укоряли капитанов-янки, но в нем различались и другие: мягкие, вкрадчивые, которые непривычно чудесно смешивались с ночью.

Я едва мог разглядеть ее в темноте, но, когда я поднялся, чтобы уйти — было ясно, что мне не стоит задерживаться, она стояла в оранжевом свете,

падавшем из дверного проема. Она была маленькой и очень светловолосой, с возбужденным румянцем на лице и подчеркнуто клоунским белым носом, несмотря на это, она все равно сияла, как звезда.

— После отъезда Билла я каждый вечер буду сидеть здесь одна. Может быть, вы иной раз свозите меня на танцы в загородный клуб...

Это трогательное предсказание вызвало смех у Билла.

— Подождите минутку, — пробормотала Эйли. — Ваши пистолеты на воротничке криво висят.

Она поправила булавку с пистолетами на моем воротничке, секунду глядя на меня снизу вверх с чем-то большим, чем любопытство. Это был испытующий взгляд, как будто она спрашивала: «А ты не хочешь быть со мной?» Подобно лейтенанту Кэнби, я неохотно вышел в ставшую непроглядной ночь.

Две недели спустя я сидел с ней на той же веранде, вернее, она полулежала в моих объятиях и все же едва касалась меня — как ей это удавалось, я не помню. Я почти целый час безуспешно пытался поцеловать ее. У нас было что-то вроде игры по поводу моей неискренности. Мое предположение заключалось в том, что, если она позволит мне поцеловать себя, то я влюблюсь в нее. Ее довод заключался в том, что я был явно неискренен.

В перерыве между этими схватками она рассказала мне о своем брате, который умер на последнем курсе Йельского университета. Она показала мне его фотографию — у него было красивое серьезное лицо с челкой Лейендекера — и сказала мне, что выйдет замуж, когда она встретит парня, похожего на него. Этот семейный идеализм меня обескуражил, даже моя дерзкая самоуверенность не могла соперничать с мертвецом.

Так прошел этот вечер, а затем и другие вечера, заканчивавшиеся тем, что я возвращался в лагерь с запахом цветов магнолии и чувством смутной неудовлетворенности. Мне так и не удалось поцеловать ее. В субботние вечера мы ходили на водевиль или в загородный клуб, где она редко танцевала больше одной минуты с одним мужчиной. Она брала меня на барбекю и шумные арбузные вечеринки и никогда не думала превращать то, что я чувствовал к ней, в любовь. Сейчас я понимаю, что это было несложно проверить, но она была мудрой девятнадцатилетней девушкой и наверняка видела, что мы эмоционально несовместимы. Так что вместо любовных утех мне досталось место ее доверенного лица.

Мы говорили о Билле Ноулзе. Она подумывала о Билле, потому что, хотя и не хотела в этом признаваться, но год, проведенный в школе в Нью-Йорке и выпускной бал в Йеле обратили ее взор на Север. Она сказала, что даже не думает выйти замуж за южанина. И постепенно я увидел, что она сознательно и добровольно старалась отличаться от других девушек, которые пели негритянские песни и играли в кости в баре загородного клуба. Вот почему Билла, меня и других парней тянуло к ней. Мы распознали в ней свою.

В июне и июле до нас доходили только слабые слухи о битвах и ужасах за границей. Взгляд Эйли блуждал по залу загородного клуба, выискивая

кого-то среди высоких молодых офицеров. Она привязалась к нескольким офицерам, выбрав их с неизменной проницательностью. Лейтенант Кэнби был исключением, она им пренебрегала, но, тем не менее, встречалась — «потому что он был так искренен». И все лето мы по очереди проводили вечера с ней.

Однажды она отменила все свои свидания — у Билла Ноулза намечался отпуск, и он собирался приехать. Мы говорили об этом событии с научной беспристрастностью — подтолкнет ли он ее к принятию решения? Лейтенант Кэнби, напротив, вовсе не был беспристрастен, а только мешал. Он сказал ей, что, если она выйдет замуж за Ноулза, то он поднимется на своем аэроплане на высоту шесть тысяч футов, выключит мотор и распрощается с ней. Он так сильно напугал ее, что мне пришлось уступить ему свое последнее свидание перед приездом Билла.

В субботу вечером они с Биллом Ноулзом пришли в загородный клуб. Они так хорошо смотрелись вместе, что я снова почувствовала зависть и грусть. Пока они танцевали на танцполе, оркестр из трех человек играл «После того, как ты ушла» в пронзительной отрывистой манере, которую я до сих пор слышу, как будто каждый такт отнимал драгоценную минуту времени. Тогда я понял, что полюбил Тарлтон, и в панике оглянулся, чтобы посмотреть, не появится ли какое-нибудь лицо из этой теплой, поющей, окружающей тьмы, из которой выходила пара за парой в органзе и оливковой униформе. Это было время юности и войны, и вокруг никогда не было столько любви.

Когда я танцевал с Эйли, она вдруг предложила выйти на улицу и сесть в машину. Она хотела знать, почему парни к ней сегодня не пристают? Неужели они думают, что она уже замужем?

— А ты собираешься?

— Я не знаю, Энди. Иногда, когда он относится ко мне как к святыне, это приводит меня в восторг, — ее голос был тихим и далеким. — А иногда...

Она засмеялась. Ее тело, такое хрупкое и нежное, касалось моего, ее лицо было обращено ко мне, и тут, внезапно, буквально в десяти ярдах от Билла Ноулза, я наконец поцеловал ее. Наши губы вдруг соприкоснулись, как бы для первой пробы, а затем какой-то летчик вывернул из-за угла веранды рядом с нами, взгляделся в темноту и нерешительно произнес:

— Эйли!

— Я здесь.

— Ты слышала сегодняшнюю новость?

— Какую? — Она наклонилась вперед, в ее голосе почувствовалось напряжение.

— Разбился Гораций Кэнби. Насмерть.

Она медленно встала и вышла из машины.

— Вы хотите сказать, что он погиб? — спросила она.

— Да. Никто не знает, что произошло. Возможно, мотор...

— О-о-о! — донесся ее хриплый шепот сквозь ладони, внезапно закрывшие лицо.

*...Она вдруг предложила выйти на улицу и сесть в машину.
Она хотела знать, почему парни к ней сегодня не пристают?
Неужели они думают, что она уже замужем?*

Мы беспомощно наблюдали, как она прислонилась головой к машине, глотая сухие слезы. Через минуту я подошел к Биллу, который стоял в очереди на танцы, с тревогой оглядываясь в поисках Эйли, и сказал ему, что она хочет домой.

Я присел на ступеньки снаружи. Я не любил Кэнби, но его ужасная, бессмысленная смерть была для меня тогда более реальной, чем ежедневная гибель тысяч людей во Франции. Через несколько минут вышли Эйли и Билл. Эйли немного хныкала, но, при виде меня ее глаза расширились, и она подошла быстрым шагом.

— Энди, — быстро заговорила она тихим голосом, — ты никому не должен рассказывать о том, что я тебе вчера рассказала про Кэнби. Я имею в виду его угрозу.

— Ты что, это останется между нами.

Она еще секунду смотрела на меня, как бы желая убедиться в моих словах. Наконец она успокоилась. Затем вздохнула таким причудливым образом, что я едва поверил своим ушам, а ее брови поднялись вверх, это можно было описать только, как притворное отчаяние.

— Эн-ди!

Я смущенно опустил глаза, понимая, что она обращает мое внимание на свое невольное губительное воздействие на молодых мужчин.

— Спокойной ночи, Энди! — крикнул Билл, когда они садились в такси.

— Спокойной ночи, — сказал я и чуть было не добавил: — Эх ты, глупец.

II

Конечно, мне следовало принять одно из тех прекрасных моральных решений, которые люди принимают в книгах, и начать презирать ее. Напротив, я не сомневался, что она все еще могла заполучить меня, просто поманив пальцем.

Несколько дней спустя она все исправила, задумчиво сказав:

— Я знаю, вы думаете, что с моей стороны было ужасно думать о себе в тот вечер, но это было такое шокирующее совпадение.

В двадцать три года я ни в чем не был уверен, кроме того, что одни люди были сильными, привлекательными и делали все что хотели, а другие попадают в ловушку и никому не нужны. Я надеялся, что отношусь к первым. Я был уверен, что и Эйли среди нас.

Мне пришлось пересмотреть другие представления о ней. В ходе долгого разговора с одной девушкой о поцелуях — в те дни люди больше говорили о поцелуях, чем целовались, — я упомянул тот факт, что Эйли целовалась только с двумя или тремя мужчинами, и только тогда, когда ей казалось, что она влюблена. К моему немалому неудовольствию, девушка, фигурально выражаясь, просто каталась по полу от смеха.

— Но это правда, — заверил я ее, внезапно осознав, что это не так. — Она сама мне сказала...

— Эйли Кэлхун! О, небеса мои! В прошлом году на весенней вечеринке в Технологическом институте...

Это было в сентябре. Мы собирались уезжать за границу на следующей неделе, и для доукомплектования прибыла последняя партия офицеров из четвертого учебного лагеря. Четвертый лагерь не был похож на наш — кандидаты в офицеры там были из рядовых, даже из призывников. У них были странные фамилии без гласных, и, за исключением нескольких молодых ополченцев, нельзя было с уверенностью сказать, откуда они вообще происходили. В нашу роту прислали лейтенанта Эрла Шона из Нью-Бедфорда, штат Массачусетс — самый прекрасный образец физической формы, который я когда-либо видел. Ростом он был шесть футов три дюйма, с черными волосами, ярким румянцем и блестящими темно-кариими глазами. Он был не особо умен и явно неграмотен, но был хорошим офицером, выдержанным и властным, с тем легким оттенком тщеславия, который так идет военным. У меня возникла идея, что Нью-Бедфорд — мелкий провинциальный городок, и я приписал этому факту его хвастливые качества.

Мы жили по двое, и его подселили ко мне. Не прошло и недели, как к стене лачуги была грубо прибита фотография какой-то девушки из Тарлатона.

— Это тебе не фифа или что-то в этом роде. Она светская девушка, водится только с лучшими людьми города.

В следующее воскресенье днем я встретился с этой дамой в частном плавательном бассейне за городом. Когда мы с Эйли прибыли, в дальнем конце бассейна виднелось мускулистое тело Шона, выглядывающее из купального костюма.

— Здорово, лейтенант!

Когда я помахал ему в ответ, он ухмыльнулся и подмигнул, кивнув головой в сторону девушки, стоявшей рядом с ним. Затем, ткнув ее под ребро, он мотнул головой в мою сторону. Это была форма знакомства.

— Кто это с Китти Престон? — спросила Эйли, и когда я ей ответил, она заявила, что он похож на кондуктора трамвая, и сделала вид, что ждет проверки билетов.

Мгновение спустя он грациозно проплыл по дну бассейна и вынырнул рядом с нами. Я познакомил его с Эйли.

— Как вам моя девушка, лейтенант? — требовательно спросил он. — Я же говорил тебе, что она прелестна, а?

Он мотнул головой в сторону Эйли, на этот раз, чтобы показать, что его девушка и Эйли вращаются в одних и тех же кругах.

— Как насчет того, чтобы как-нибудь вечером поужинать всем вместе в отеле?

Я тут же покинул их, забавляясь, когда увидел, что Эйли явно решила, что он вовсе не идеал. Но лейтенанта Эрла Шона нельзя было так легко уволить.

Несколько минут спустя, я увидел их вместе в воде: Эйли уплывала прочь, загребая рукой, а Шон буйно барахтался вокруг нее...

Он весело и безобидно пробежался глазами по ее милой, стройной фигурке и решил, что у него что-нибудь получится. Затем, несколько минут спустя, я увидел их вместе в воде: Эйли уплывала прочь, загребая рукой, а Шон буйно барахтался вокруг нее, иногда останавливаясь и зачарованно глядя на нее, как мальчик мог бы смотреть на морскую царевну.

Весь день он оставался рядом с ней. Наконец Эйли подошла ко мне и со смехом прошептала:

— Он повсюду ходит за мной по пятам. Он думает, что я не оплатила проезд в трамвае.

Она быстро обернулась. Мисс Китти Престон, крайне взволнованная, стояла лицом к нам.

— Эйли Кэлхун, я не думала, что ты придешь и станешь нарочно отбивать парня у другой девушки, — выражение огорчения от предстоящей разборки промелькнуло на лице Эйли. — Я думала, ты считаешь себя выше всего этого.

Голос мисс Престон был тихим, но в нем звучала та напряженность, которую скорее можно почувствовать, чем услышать, и я увидел, как ясные прекрасные глаза Эйли в панике огляделись по сторонам. К счастью, сам Эрл бодрой и невинной походкой направлялся к нам.

— Если он тебе дорог, то тебе не стоит унижаться у него на глазах, — мгновенно заявила Эйли, высоко подняв голову.

Так она познакомила оппонентку с традиционным образом поведения в противовес ее наивному и яростному собственничеству, или, если вам так больше нравится, победила «воспитанность» Эйли в противовес «заурядности» Китти. Она отвернулась.

— Подожди минутку, малыш! — воскликнул Эрл Шон. — Как насчет твоего адреса? Может быть, я захочу позвонить тебе по телефону.

Она посмотрела на него так, что Китти должна была понять полное отсутствие у нее интереса.

— В этом месяце у меня много работы в Красном Кресте, — сказала она, и ее голос был таким же строгим, как и ее зачесанные назад светлые волосы. — До свидания.

По дороге домой она смеялась. У нее исчезло ощущение, что она невольно оказалась вовлеченной в презренное дело.

— Она никогда не удержит этого красавца, — сказала она. — Ему нужна другая.

— Очевидно, ему нужна Эйли Кэлхун.

Эта мысль позабавила ее.

— Он мог бы дать мне трамвайный билет, чтобы я носила его, как булавку братства. Какая радость! Если бы мама увидела, что в доме появился такой человек, она бы просто легла и умерла.

И надо отдать должное Эйли, прошло целых две недели, прежде чем она пригласила его к себе, хотя он и торопил ее до тех пор, пока она не притворилась раздраженной на очередных танцах.

— Он натуральный грубиян, Энди, — прошептала она мне. — Но он такой искренний!

Она употребила слово «грубиян» без той убежденности, которая была бы присуща ему, если бы он был южанином. Она понимала это только умом, она не могла на слух отличить одного янки от другого. Каким-то образом мать Эйли не испустила дух при появлении Шона на пороге дома. Предположительно, неистребимые предрассудки родителей Эйли были удобным оправданием, которое исчезало по ее желанию. А вот ее друзья были поражены. Эйли, которая всегда была немного выше тарлтонского общества, а ее кавалерами казались тщательно отобранные «самые приятные» парни в лагере — встречается с каким-то лейтенантом Шоном! Я устал уверять людей, что она просто отвлекается, и, действительно, каждую неделю или около того появлялся кто-то новый: то прапорщик из Пенсаколы, то старый друг из Нового Орлеана — но всегда, в промежутках между ними, был Эрл Шон.

Вскоре пришел приказ о том, что передовой отряд офицеров и сержантов должен отправиться в порт погрузки и на корабле отбыть во Францию. Моя фамилия была в списке. Я пробыл на стрельбище неделю, и когда вернулся в лагерь, Эрл Шон сразу же прибежал ко мне.

— Мы устраиваем небольшую прощальную вечеринку в столовой. Только ты, я, капитан Крейкер и три девушки.

Мы с Эрлом должны были привезти девушек. Мы забрали Салли Кэррол Хаппер и Нэнси Ламар и отправились к дому Эйли, где у дверей нас встретил дворецкий и объявил, что ее нет дома.

— Разве ее нет дома? — тупо повторил Эрл.

— Где она? — спросил я.

— Не оставила никаких сведений об этом, просто сказала, что ее нет дома.

— Но это чертовски забавно! — воскликнул он.

Он обошел знакомую обвитую виноградом веранду. Дворецкий стоял у двери. Эрлу кое-что пришло в голову.

— Послушай, — сообщил он мне, — я думаю, она обиделась.

И он строго сказал дворецкому:

— Передайте ей, что мне нужно поговорить с ней минутку.

— Как я ей это скажу, если ее нет дома?

Эрл снова задумчиво прошелся по крыльцу. Затем он несколько раз кивнул и сказал:

— Она, наверное, обиделась из-за того случая в центре города.

В нескольких словах он обрисовал мне суть дела.

— Послушай, подожди в машине, — сказал я. — Может быть, я смогу это исправить.

И когда он неохотно отступил, я сказал дворецкому:

— Оливер, скажи мисс Эйли, что я хочу поговорить с ней наедине.

После небольшого спора он пошел внутрь и через мгновение вернулся с ответом:

— Мисс Эйли сказала, что она не хочет видеть другого джентльмена ни по какому поводу, никогда. Тебе она просила передать — заходи, если хочешь.

Она была в библиотеке. Я ожидал увидеть картину холодного, возмущенного достоинства, но ее лицо было растерянным, бурным, отчаявшимся. Глаза были покрасневшими, как будто она плакала долго и мучительно, в течение нескольких часов.

— О, привет, Энди, — сокрушенно произнесла она. — Я так давно тебя не видела. Он ушел?

— Послушай, Эйли...

— Послушай, Энди! — закричала она. — Сам послушай! Оказывается, он там разговаривал со мной. Он оказывается приподнял шляпу, приветствуя меня. Представляешь, он стоял в десяти футах от меня с этой ужасной женщиной, держал ее за руку и говорил с ней, а потом, когда увидел меня, он, понимаешь, приподнял шляпу, негодяй. Энди, я не знала, что делать. Мне пришлось зайти в аптеку и попросить стакан воды, и я так боялась, что он последует за мной, что попросила мистера Рича позволить мне выйти через черный ход. Я больше никогда не хочу его видеть или слышать о нем.

Я заговорил с ней. Я сказал то, что обычно говорят в таких случаях. Я говорил это в течение получаса. Я не мог сдвинуть ее с места. Несколько раз она в ответ пробормотала что-то о том, что он «неискренен», и в четвертый раз я задался вопросом, что для нее значит это слово? Уж точно не постоянство, а, как я догадывался, какое-то особое отношение к себе.

Я встал, чтобы уйти. И тут, как назло, на улице трижды нетерпеливо прозвучал автомобильный гудок. Это было ошеломляюще. Это говорило так ясно, как если бы Эрл находился в комнате: «Хорошо, катись тогда к дьяволу! Я не собираюсь ждать здесь всю ночь».

Эйли в ужасе посмотрела на меня. И вдруг на ее лице появилось странное выражение, расплылось, замерцало в слезливой, истерической улыбке.

— Разве он не ужасен? — воскликнула она в беспомощном отчаянии. — Разве он не ужасен?

— Поторопись, — быстро сказал я. — Возьми свой плащ. Это наша последняя ночь.

И я до сих пор живо ощущаю ту ночь, свет свечей, мерцавший на грубых досках столовой, на потрепанных бумажных украшениях, оставшихся с вечеринки компании-поставщика, грустную мандолину на улице, которая все время играла «Мой дом в Индиане», вероятно, из всеобщей ностальгии по уходящему лету. Три девушки, заблудившиеся в этом таинственном городе мужчин, тоже что-то почувствовали — заколдованное непостоянство, как будто они были на ковре-самолете, который приземлился в южной сельской местности, и в любой момент ветер мог поднять его и унести прочь. Мы подняли тост за себя и за Юг. Потом мы оставили наши салфетки, пустые бокалы и немного воспоминаний о прошлом на столе и, взявшись за руки, вышли в лунный свет. Прозвучал сигнал отбоя, больше не было слышно ни звука, кроме далекого лошадиного ржания и громкого настойчивого храпа, над которым мы смеялись, да шуршащих шагов часового, подходившего к караульному помещению. Крейкер остался на дежурстве, а мы сели в ожидавшую нас машину, поехали в Тарлтон, доставив его девушку домой.

Потом Эйли и Эрл, Салли и я, по двое на широком заднем сиденье, повернувшись друг к другу, погруженные в свои мысли и перешептываясь, поехали в звенящую темноту.

Мы ехали через сосновые леса, густо поросшие лишайником и испанским мхом, и между не вспаханymi хлопковыми полями по дороге, белой от света фар. Потом мы припарковались около мельницы, где слышался шум бегущей воды и беспокойные крики птиц, и над всем сиял свет, который пытался просочиться куда угодно — в затерянные негритянские хижины, в автомобиль, в самые дальние уголки сердца. Юг пел нам свои песни — интересно, помнят ли они об этом? Я помню — холодные бледные лица, сонные влюбленные глаза и голоса:

— Тебе удобно?

— Да, а тебе?

— Ты уверен, что удобно?

— Да.

Внезапно мы поняли, что уже поздно и больше ничего не оставалось делать, как вернуться обратно.

Во Францию я так и не попал. Мы провели холодный месяц на Лонг-Айленде, маршировали на борту транспорта со стальными касками на боку. Снова и снова маршировали. Войны больше не было. Она закончилась. Когда я вернулся в Тарлтон, я хотел уйти из армии, но у меня было очередное повышение, и это заняло большую часть зимы. А Эрл Шон был демобилизован одним из первых. Он хотел найти хорошую работу, «пока есть возможность». Эйли была уклончива, но между ними было понимание, что он вернется.

К январю лагеря, которые в течение двух лет доминировали над маленьким городом, уже исчезали. Лишь стойкий запах мусоросжигательных печей напоминал о былой активности и суете. Оставшаяся жизнь с горечью протекала вокруг здания штаба дивизии с недовольными кадровыми офицерами, которые тоже не попали на войну.

И вот молодые люди Тарлтона стали возвращаться с разных концов света — одни в канадской форме, другие с костылями или пустыми рукавами. Вернувшийся батальон Национальной гвардии прошел по улицам с разомкнутыми рядами в память о своих погибших, а затем навсегда растворился, продав свои вещи на прилавках местных магазинов. Лишь несколько человек в униформе смешались со смокингами на танцах в загородном клубе.

Незадолго до Рождества Билл Ноулз неожиданно приехал на один день и утром уехал — либо он поставил Эйли ультиматум, либо она наконец приняла решение. Я видел ее иногда, когда она не была занята вернувшимися героями из Саванны и Огасты, но в тот момент я чувствовал себя выжившим из ума — так оно и было. Она ждала Эрла Шона с такой огромной неопределенностью, что не хотела об этом говорить. Он приехал за три дня до моей окончательной отставки.

Впервые я увидел их вместе, когда они шли по Маркет-стрит, и, кажется, никогда в жизни мне не было так жаль их, хотя, наверное, такая же ситуация повторялась в каждом городе, где были лагеря. Внешне Эрл имел почти все недостатки, которые только можно себе представить. Его зеленая шляпа была увенчана пером, его костюм был с разрезами и украшен тесьмой в причудливой манере, конец которой положили национальная реклама и кино. Очевидно, он побывал у своего старого парикмахера, потому что его волосы аккуратно спадали на розовую выбритую шею. Не то чтобы он выглядел бледным, но на фоне танцевальных залов и загородных клубов это бросалось в глаза — или, скорее, бросалось в глаза Эйли. В этой одежде даже природная грация его великолепного тела уходила на второй план. Поначалу он хвастался своей прекрасной работой: с ней у них все будет в порядке, пока он не сможет «урвать легких денег». Но с того момента, как он вернулся в ее мир на своих условиях, он должен был понять, что это безнадежно. Я не знаю, что сказала

Эйли и насколько ее горе перевесило ее ошеломление. Но она действовала быстро: через три дня после его приезда мы с Эрлом вместе отправились на поезде на Север.

— Ну, вот и все, — утрюмо сказал он. — Она замечательная девушка, но для меня слишком высокопарна. Наверное, она должна выйти замуж за какого-нибудь богатого парня, который обеспечит ей прекрасное положение в обществе. Я не могу терпеть такого высокомерия.

И потом добавил:

— Она попросила, чтобы я вернулся и повидался с ней через год, но я никогда сюда не вернусь. Все эти аристократические штучки хороши, если у тебя есть на них деньги, но...

«Но это было ненастоящее», — хотел он закончить, но не сказал.

Провинциальное общество, в котором он с таким удовольствием вращался последние полгода, уже казалось ему наигранным, «пижонским» и искусственным.

— Скажи, ты видел то же, что и я, садясь в поезд? — спросил он меня через некоторое время. — Две замечательные девушки, совсем одни. Что ты скажешь, если мы пойдем в соседний вагон и пригласим их пообедать? Та, что в синем — моя.

На полути он внезапно обернулся.

— Скажи, Энди, — потребовал он, нахмурившись, — только одно: как, по-твоему, она узнала, что я раньше водил трамвай? Я никогда не говорил ей этого.

— Кто ее знает...

III

Теперь это повествование подходит к одному из больших пробелов, который бросился мне в глаза, когда я начинал писать. В течение шести лет, пока я заканчивал юридический факультет Гарварда, строил коммерческие самолеты и укреплял тротуарную плитку, которая рассыпалась под грузовиками, Эйли Кэлхун была не более чем именем на рождественской открытке, чем-то, что слегка проносилось в моей голове теплыми вечерами, когда я вспоминал цветы магнолии. Иногда знакомый по армейским временам спрашивал меня:

— Что стало с той блондинкой, которая была так популярна?

Но я не знал. Однажды вечером я столкнулся с Нэнси Ламар на Монмартре в Нью-Йорке и узнал, что Эйли обручилась с мужчиной в Цинцинатти, уехала на север навестить его семью, а затем разорвала отношения. Она была прекрасна, как всегда, и постоянно имела пару серьезных ухажеров. Но ни Билл Ноулз, ни Эрл Шон так и не вернулись.

И где-то примерно в это время я услышал, что Билл Ноуэз женился на девушке, с которой познакомился на яхте. Вот так — не так уж много надо заплатить, чтобы залатать пробел в шесть лет.

Как ни странно, девушка, увиденная в сумерках на маленькой станции в Индиане, заставила меня задуматься о поездке на Юг. Девушка в жесткой розовой органзе обняла мужчину, который сошел с нашего поезда, и поспешила с ним к ожидающему автомобилю, и я почувствовал что-то вроде укола. Мне казалось, что она уносит его в затерянный мир середины лета, в котором мне было чуть за двадцать, где время остановилось и очаровательные девушки, смутно видимые, как само прошлое, все еще слонялись по сумрачным улицам. Наверное, эти поэтические строки — мечта северянина о Юге. Но прошло несколько месяцев, и я отправил телеграмму Эйли, а за ней сам рванул в Тарлтон.

Был июль. Отель «Джефферсон» казался странно обшарпанным и душным — в столовой, которую моя память давно посвятила офицерам и девушкам, периодически взрывались песни клуба поддержки. Я узнал таксиста, который отвез меня к дому Эйли, но его: «Конечно, я так и сделаю, лейтенант», прозвучало неубедительно. Я был всего лишь одним из двадцати тысяч.

Наверное, часть молодого блеска Эйли ушла в смертный мир, но я не могу этого засвидетельствовать. Она по-прежнему была так физически привлекательна, что хотелось прикоснуться к индивидуальности, трепетавшей на ее губах. Нет, перемены были более глубокими.

Я сразу же увидел, что у нее другая линия поведения. Нотки гордости, вокальные намеки на то, что она знала секреты более яркого, прекрасного дня перед войной, исчезли из ее голоса, теперь для них не было времени, так как она продолжала шутивно-неистовый балаган нового Юга. И все было втянуто в этот балаган, чтобы он продолжался и не оставлял времени на размышления — о настоящем, будущем, о ней самой, обо мне. Мы отправились на шумную вечеринку в дом каких-то молодых женатых людей, и она была сияющим нервным центром всей вечеринки. В конце концов, хотя ей и не восемнадцать, но она была так привлекательна в своей роли бесшабашного клоуна, как никогда в жизни.

— Ты что-нибудь слышала об Эрле Шоне, а? — спросил я ее на второй вечер по дороге на танцы в загородный клуб.

— Нет.

На мгновение она стала серьезной.

— Я часто думаю о нем. Он был... — она заколебалась.

— Придурком.

— Я собиралась сказать «мужчина, которого я любила больше всего на свете», но это было бы неправдой. Я никогда по-настоящему не любила его, иначе в любом случае вышла бы за него замуж, — она вопросительно посмотрела на меня. — По крайней мере, я бы не стала так с ним обращаться.

— Это было невозможно.

— Конечно, — неуверенно согласилась она; ее настроение изменилось, она стала легкомысленной: — Как же янки обманули нас, бедных маленьких южных девчонок. Боже мой!

Когда мы добрались до загородного клуба, она, как хамелеон, растворилась в незнакомой мне толпе. На танцполе было новое поколение, менее достойное, чем те, которых я знал, и никто из них не обладал и частью ленивой, лихорадочной сущности Эйли. Возможно, она поняла, что в своем первоначальном стремлении вырваться из провинциальности Тартона она шла одна, будучи поколением, которое обречено не иметь преемников. Я не знаю, где именно она проиграла битву, которую вела за белыми колоннами своей веранды. Но она ошиблась в своих догадках, что-то упустила. Ее необузданное оживление, которое даже сейчас собирало вокруг нее достаточно мужчин, чтобы соперничать со свитой самых молодых и свежих, было признанием поражения.

Я покинул ее дом, как часто покидал его в том исчезнувшем июне, с чувством смутной неудовлетворенности. Только несколько часов спустя, ворочаясь в своей постели в отеле, я понял, в чем дело, в чем всегда было дело — я был глубоко и неизлечимо влюблен в нее. Несмотря на кажущуюся несовместимость, она по-прежнему оставалась и всегда будет оставаться для меня самой привлекательной девушкой из всех, кого я когда-либо знал. Я сказал ей об этом следующим днем. Это был один из тех жарких дней, которые я так хорошо знал, и Эйли сидела рядом со мной на диване в затемненной библиотеке.

— О нет, я не могла бы выйти за тебя замуж, — сказала она почти испуганно. — Я тебя совсем не люблю... Никогда не любила. И ты меня не любишь... Я не хотела говорить тебе об этом сейчас, но в следующем месяце я выхожу замуж за хорошего человека. Мы даже не будем объявлять об этом, потому что я уже дважды это делала без результата...

Внезапно ей пришло в голову, что мне может быть больно:

— Энди, эта глупая мысль только что пришла тебе в голову, не так ли? Ты же знаешь, я никогда не смогла бы выйти замуж за северянина.

— Кто он такой? — потребовал я ответа.

— Один парень из Саванны.

— Ты влюблена в него?

— Конечно, это так, — мы оба улыбнулись. — Ну, разумеется! Что ты пытаешься заставить меня сказать?

Сомнений, как и в случае с другими мужчинами, у нее не было. Она не могла позволить себе сомневаться. Я знал это, потому что она давно перестала притворяться со мной. Эта естественность, как я понял, объяснялась тем, что она не рассматривала меня в качестве ухажера. Под маской инстинктивной чистокровной женщины она всегда была заиклена на том, что не могла поверить, что кто-то, без рабского преклонения перед ней, мог по-настоящему ее полюбить. Это было то, что она называла «искренностью»; она чувствовала себя в наибольшей безопасности с такими мужчинами, как Кэнби и Эрл Шон, которые были неспособны вынести суждение о якобы аристократическом сердце.

— Хорошо, — сказал я, как будто она спрашивала у меня разрешения выйти замуж. — А теперь не могла бы ты кое-что для меня сделать?

— Все, что угодно.

— Поедем в лагерь.

— Но там ничего не осталось, милый.

— Мне все равно.

Мы прогулялись пешком по центру города. Таксист перед отелем повторил ее возражение:

— Сейчас там ничего нет, кэп.

— Неважно. Все равно поедем туда.

Через двадцать минут он остановился на широкой незнакомой равнине, припудренной новыми хлопковыми полями и испещренной отдельными сосновыми рощицами.

— Хотите проехать вон туда, где виден дым? — спросил водитель. — Это новая тюрьма штата.

— Нет. Просто поезжайте по этой дороге. Я хочу найти место, где я раньше жил.

Старый ипподром, неприметный в славные лагерные дни, возвышался своей полуразрушенной трибуной в запустении. Я тщетно пытался сориентироваться.

— Езжайте по этой дороге мимо вон той группы деревьев, а затем поверните направо... Нет, налево.

Он повиновался с профессиональным недовольством.

— Ты ничего здесь не найдешь, милый, — сказала Эйли. — Подрядчики все снесли.

Мы медленно ехали по краю полей. Возможно, это было здесь...

— Остановитесь. Я хочу выйти, — внезапно сказал я.

Я оставил Эйли сидеть в машине, она выглядела очень красивой, теплый ветерок шевелил ее длинные вьющиеся волосы.

Это могло быть и здесь. Это означало бы, что улицы лагеря были вон там, а столовая, где мы ужинали в тот вечер, как раз через дорогу.

Таксист снисходительно смотрел на меня, пока я, спотыкаясь то тут, то там в зарослях по колено, искал свою молодость в вагонке, или в полоске кровли, или в ржавой банке из-под помидоров. Я попытался разглядеть смутно знакомую группу деревьев, но становилось все темнее, и я не был вполне уверен, что это те самые деревья.

— Они собираются привести в порядок старый ипподром, — крикнула Эйли из машины. — Тарлтон к старости хочет нарядиться.

Нет, если подумать, они не были похожи на те деревья. Я был уверен только в том, что это место, когда-то полное жизни и смысла, исчезло, как будто его и не было, и что еще через месяц Эйли уедет, а Юг опустеет для меня навсегда.

ЛЮБОВЬ НА ПАРОХОДЕ

I

Пароход плыл вниз по реке сквозь летнюю ночь, как воздушный шар, выпущенный на свободу четвертого июля, в День независимости. Палубы были ярко освещены и кишели танцорами, но нос и корма были погружены в темноту, так что его очертания были не более чем случайным скоплением звезд. Он плыл между черными берегами, мягко раздвигая морской прилив и оставляя за собой небольшие взволнованные порывы музыки — «Малышки в лесу», снова, и снова, а потом «Лунный залив». Мимо разбросанных огней Покус Лендинг, где поэт в чердачном окне видел, как рыжие волосы сверкали в повороте танца. Мимо Ульма, где луна выплыла из-за котельной, и Вест-Эстера, где она без сожаления спряталась за облако.

Сияния этого парохода хватило, в частности, и на трех молодых выпускников Гарварда; усталые и немного подавленные, они быстро отдались его очарованию. Их собственная лодка непринужденно дрейфовала, и столкновение с кораблем было весьма ожидаемо, но никто не сделал ни малейшего движения, чтобы завести двигатель и убраться с фарватера.

— Мне почему-то грустно, — сказал один из них. — Это так прекрасно, что мне хочется плакать.

— Давай, поплачь, Билл.

— А вы тоже будете плакать?

— Мы вместе поплачем.

Его громкое, шутовское: «Угу-гу-гу-гу!» эхом разнеслось по ночи, достигло парохода и собрало небольшую оживленную толпу у поручней.

— Смотрите! Там катер.

— И какие-то парни в нем.

Билл поднялся на ноги. Два судна находились на расстоянии не более десяти футов друг от друга.

— Киньте нам пеньковую веревку, — взмолился он. — Ну же, давайте. Киньте, пожалуйста.

Раз в сто лет под рукой должна была оказаться веревка. В ту ночь она была под рукой. С глухим стуком катушка с веревкой ударилась о деревянное дно, и в тот же миг моторная лодка понеслась за пароходом, как кит с гарпуном.

Пятьдесят пар старшеклассников покинули танцы и бросились искать место у кормового поручня, где происходило нечто необычное. Пятьдесят девушек издавали нечленораздельные возгласы восторга и притворного испуга. Пятьдесят юношей забыли об умеренном позерстве, которое было характерно для их манеры поведения в течение всего вечера, и нехотя смотрели на эффектное появление трех новых конкурентов. Мэй Перли, даже не моргнув ресницами, вписала молодого человека, стоявшего в лодке, в свою мечту, где он со смехотворной легкостью вытеснил Эла Фицпатрика. Она положила руку на руку Эла Фицпатрика и слегка сжала ее, потому что совсем перестала думать о нем и чувствовала, что он может это осознать. Эл, который стоял, прищулив глаза, и наблюдал за буксируемой лодкой, с нежностью посмотрел на Мэй и попытался обнять ее за плечи. Однако Мэй Перли уставилась на Билла Фротингтона, и они, красивые и полные страсти, смотрели друг на друга, не замечая никого.

Между ними проскочила искра любви. За мгновение они влюбились так, как никто и никогда не осмелится сделать ни до, ни после. Их взгляд был теснее, чем объятия, настоятельнее, чем влечение. Словами это было не передать. А если эти слова существовали и если бы Мэй их услышала, она бы убежала в самый темный угол женского туалета и спрятала лицо в бумажном полотенце.

— Мы хотим подняться на борт, — крикнул Билл. — Мы продавцы спасательных жилетов! Как насчет того, чтобы подтянуть нас к борту?

Мистер Маквитти, директор школы, прибыл на место происшествия слишком поздно, чтобы вмешаться. Трое молодых выпускников Гарварда — насквозь промокший Элсворт Эймс, байронический на вид, с темными кудрями, прилипшими ко лбу, Гамильтон Эббот и Билл Фротингтон, уверенные в себе и совершенно сухие, — вскарабкались наверх и перелезли через борт. Моторная лодка осталась покачиваться на привязи позади парохода.

Испытывая инстинктивное благоговение перед встречей, Мэй Перли притаилась в тени, но не от недостатка, а от избытка уверенности. Она знала, что он придет именно к ней. Это никогда не было проблемой — проблемой было поддержание собственного интереса после того, как она удовлетворяла глубокое, но случайное любопытство своих губ. Но сегодня вечером все должно было быть по-другому. Она поняла это, когда увидела, что он никуда не спешит — он стоял, прислонившись к перилам, заставляя пару старшеклассников, которые внезапно показались самим себе очень незрелыми, чувствовать себя не в своей тарелке.

Он взглянул на нее лишь один раз.

«Все в порядке, — говорили его глаза, не меняя выражения лица. — Я понимаю так же хорошо, как и ты. Я буду рядом через минуту».

В них обоих кипела жизнь; пароход и его пассажиры были где-то далеко и окутаны тьмой. Это был один из невероятных случаев.

— Я тоже выпускник Гарварда, — сказал мистер Маквитти, — выпуск 1907 года. Трое молодых людей кивнули с вежливым безразличием.

— Я рад узнать, что мы выиграли гонку, — продолжил директор, имитируя воскрешенный энтузиазм, которого никогда не было. — Я не был в Нью-Лондоне уже лет пятнадцать.

— Билл греб сегодня вторым номером, — сказал Эймс. — А это у нас тренерская лодка.

— О, вы были в команде?

— Да, были днем, — нетерпеливо сказал Билл. — А сейчас нет, все закончилось.

— Что ж, позвольте мне поздравить вас.

Вскоре они застыли в молчании. Они были не из его гарвардского круга — они не узнали бы его имени и за четыре года совместной учебы. Троица была бы гораздо любезнее и вежливее, если бы не этот вечер с танцами — им было невтерпех. Они вырвались из толпы однокурсников и близких родственников в Нью-Лондоне не для того, чтобы обмениваться репликами с директором средней школы небольшого городка.

— Можно нам тоже потанцевать? — спросили они.

Несколько минут спустя Билл и Мэй Перли бок о бок шли по палубе. Жизнь посмеялась над Элом Фицпатриком, поглотив его в своих глубинах. Он слышал, как два звонких голоса говорили между собой:

— Может быть, вы потанцуете со мной? — с мягкой уверенностью, как сам лунный свет, и ответ: — С удовольствием,

Эл Фицпатрик ничего не мог противопоставить наглому новичку, даже если бы удвоил свои усилия. Самой утешительной мыслью в голове Эла было то, что он еще поборется за свою избранницу.

О чем они там говорили? Что она расслышала? Что может вспомнить? Она запомнила только его светлые волнистые волосы и длинные ноги, за которыми она следовала по танцполу.

Она была худой, как стройное горящее пламя, бесцветное и чистое. Ее улыбка появлялась сначала медленно, затем порывисто, изливаясь из ее сердца, застенчивая и смелая, как будто вся жизнь этого маленького тельца на мгновение собралась вокруг ее губ, а остальная часть ее была эфемерным облачком, которое может унести малейший порыв ветра. Ее фигура струилась, и только губы, избежав метаморфозы, были единственной точкой соприкосновения с реальностью.

— Значит, вы живете неподалеку?

— Всего в двадцати пяти милях от вас, — сказал Билл. — Разве это не забавно?

— Да, это забавно.

Они посмотрели друг на друга, немного ошарашенные таким поворотом судьбы. Они стояли между двумя спасательными шлюпками на верхней палубе. Рука Мэй лежала на его предплечье, играя со свободным воротом его твидового пиджака. Они еще не поцеловались — это должно было вот-вот произойти. Произойти в тот момент, когда только чаша эмоционального лунного света будет осушена и выброшена за борт. Ей было семнадцать.

— Ты рада, что я живу недалеко?

Она могла бы сказать: «Я в восторге» или «Конечно, я рада». Но она смогла только прошептать:

— Да, а ты?

— Мэй — пишется с буквой «а»? — спросил он и тихо засмеялся. Теперь у них уже была совместная шутка. — Ты выглядишь чертовски красивой.

Она молча приняла комплимент, встретившись с ним взглядом. Он прижал ее к себе, взяв за локоть, это было бы невозможно, если бы она сама не сгорала от нетерпения. Он не думал еще раз увидеть ее после этого вечера.

— Мэй, — его шепот был настойчивым.

Глаза Мэй приблизились, стали больше, растворились на его лице, как глаза на экране. Ее хрупкое тело едва заметно дышало в его объятиях.

Танец закончился. Раздались аплодисменты на бис. Затем хлопали в ладоши, требуя еще раз сыграть на бис, а потом снова, не давая оркестру отдохнуть. Последовал еще один танец, короткий, как поцелуй. Они были щедро одарены любовью, эти двое, и оба уже играли с ней раньше.

Внизу осознание времени и пространства у Эла Фицпатрика достигло такого уровня, который был бы бесценен для исследователя новых разделов математики. Мало-помалу пароход предстал перед ним таким, каким он был на самом деле: деревянная громада, украшенная сорокаваттными лампочками, набитый заурядной молодежью заурядного городка. Река была водой, луна — плоским бессмысленным символом на небе. Он был в агонии, если это можно так назвать. Скорее, он испытывал смертельный страх, в горле пересохло, рот не слушался его, когда он попытался заговорить с другими робкими несчастными парнями, слонявшимися на корме.

Эл был старше остальных — ему было двадцать два, и он провел в мире взрослых семь лет. Он работал на фабрике «Хаммакер Миллз» и посещал специальные занятия в средней школе по вечерам. Еще через год он мог бы стать помощником управляющего магазинами, и Мэй Перли, с той готовностью, которую можно было ожидать от девушки, добивающейся всего по-своему, почти пообещала выйти за него замуж, когда ей исполнится восемнадцать. У него был не тот темперамент, чтобы разбиваться вдребезги. Когда он дошел до предела своей натуры, он чувствовал необходимость действовать. С горечью и отчаянием он поднялся на верхнюю палубу, чтобы устроить скандал.

Билл и Мэй стояли рядом со спасательной шлюпкой, тихие, погруженные в себя и счастливые. Когда он приблизился, они немного отодвинулись друг от друга.

— Это ты, Мэй? — окликнул Эл жестким голосом. — Ты разве не собираешься спуститься и потанцевать?

— Мы как раз туда собирались.

Они шли к нему, как в трансе.

— Что тут у вас происходит? — хрипло спросил Эл. — Вы здесь уже больше двух часов.

*Они еще не поцеловались — это должно было вот-вот произойти.
Произойти в тот момент, когда только чаша эмоционального
лунного света будет осушена и выброшена за борт.*

От их безразличия он почувствовал, как внутри него разрастается боль, сдавливая дыхание.

— Вы знакомы с мистером Фротингтоном?

Она застенчиво рассмеялась, услышав незнакомое имя.

— Да, — грубо сказал Эл. — Я не вижу смысла в том, чтобы ты с ним здесь торчала.

— Мы, — начал Билл. — Мы просто говорили.

— О, просто говорили? Как же.

Чувствуя себя неловко, они решили не спорить с Элом и отправились на танцпол, нехотя он последовал за ними. Они втроем и стали свидетелями сцены, которая внезапно разыгралась на палубе внизу.

Элсворт Эймс, улыбаясь, но слегка покраснев, прислонился к поручню, а Хэм Эббот пытался спорить с расстроенным молодым парнишкой, который все время норовил обойти его и вцепиться в Эймса. Рядом с ними стояла возмущенная девушка, которую успокаивающе обнимала за талию другая девушка.

— В чем дело? — быстро спросил Билл.

Обезумевший молодой человек пристально посмотрел на него.

— Просто парочка снобов, которые заявляются сюда и пытаются испортить всем хорошее времяпрепровождение! — дико закричал он.

— Я ему просто не нравлюсь, — беспечно сказал Элсворт. — Я пригласил потанцевать его девушку.

— Она не хотела танцевать с тобой! — крикнул парнишка. — Ты думаешь, что ты такой умный, тогда сам ее спроси, хочет ли она с тобой танцевать.

Девушка пробормотала неразборчивые слова и, сняв с себя всякую ответственность, разрыдалась.

— Ты слишком непонятлив, вот в чем твоя беда! — продолжал ее защитник. — Я знаю, что ты сказал ей, когда до этого танцевал с ней. Что ты подумал об этих девушках? Они ничем не хуже других, видишь?

Эл Фицпатрик придвинулся ближе.

— Давайте выбросим их за борт, — предложил он, упрямый и пристыженный. — Нечего им сюда соваться.

В толпе послышался тихий протест, особенно со стороны девушек, и Эббот примирительно положил руку на плечо парнишки. Но было уже слишком поздно.

— Так ты не хочешь мириться? — холодно спросил Элсворт. — Если ты попытаешься дотронуться до меня хоть раз, я изуродую твое личико.

— Заткнись, Элли! — рявкнул Билл. — Не стоит устраивать потасовки. Нам тут не рады, поплыли домой.

Он подошел поближе к Мэй и прошептал:

— Спокойной ночи. Не забывай, что я тебе говорил. Я приеду к тебе в воскресенье днем.

Когда он быстро пожал ей руку и отвернулся, то увидел, как спорщик внезапно замахнулся на Эймса, который отразил удар левой рукой. Через

мгновение они уже дрались, тяжело дыша, на небольшом пятачке, окруженном зрителями. Одновременно Билл почувствовал, как чья-то рука дернула его за рукав, и он оказался лицом к лицу с Элом Фицпатриком. Затем на палубе поднялся переполох. Попытка Эббота растащить Эймса и его противника была истолкована превратно, и мгновенно он оказался вовлечен в собственную драку, налетая на других парней, скользя по гладкой палубе, натыкаясь на зрителей и разбегающихся девушек, издающих пронзительные крики. Он увидел, как Эл Фицпатрик внезапно ударился о палубу всем телом и больше не поднялся. Он услышал крики: «Позовите мистера Маквитти!», а затем его оппонент упал от удара, которого он не наносил, и голос Билла произнес:

— Давай быстрее на лодку!

Следующие несколько минут пролетели в дикой суматохе. Избегая Билла, чьи похожие на молоты руки свалили двух здоровяков, старшеклассники попытались повалить Хэма и Элли. Но троица, поняв численное преимущество противника, попятилась к кормовому поручню.

— Вспоминайте игру со скрытым мячом! — Билл тяжело дышал. — Прибереги это для Хотона. Я Джи-Гарднер, вы Брэдли и Махан-хип!

Встревоженное лицо мистера Маквитти появилось над полем боя, и его высокий голос, поначалу неэффективный, наконец прорвался сквозь гущу сражения.

— Как вам не стыдно! Боб... Сесил... Джордж Роберт! Прекратите, кому я говорю!

Внезапно драка прекратилась, и участники, тяжело дыша, бесстрастно смотрели друг на друга в лунном свете.

Элли засмеялся и потянулся за пачкой сигарет. Билл отвязал моторную лодку и пошел вперед, чтобы подогнать ее к борту.

— Они утверждают, что вы оскорбили одну из девушек, — неуверенно сказал мистер Маквитти. — Нехорошо вести себя так, особенно после того, как мы взяли вас на борт.

— Это неправда, — отрезал Элли, задыхаясь. — Я только сказал ей, что хотел бы укусить ее за шею.

— Вы думаете, это было очень по-джентльменски с вашей стороны? — удивленно спросил мистер Маквитти.

— Ну, же, Элли, хватит! — крикнул Билл. — Всем до свидания! Извините за причиненные неудобства!

Они уже были теньями прошлого, когда один за другим перелезали через перила. Девушки осторожно поворачивались к своим парням, и ни одна из них не ответила и не помахала им на прощание.

— Сборище подлецов, — иронично заметил Элли. — Я бы хотел, чтобы у всех вас, дамы, была одна шея, чтобы я мог перекусить ее всю сразу. Я падох до женских шей.

Тут и там раздавались слабые реплики, похожие на приглушенные пистолетные выстрелы.

— *Спокойной ночи, дамы,* — пропел Хэм, когда Билл оттолкнулся от борта:
Спокойной ночи, дамы;
Спокойной ночи, дамы;
Сейчас мы вас покинем — ой-ой-ой.

Пароход отправился дальше по реке сквозь летнюю ночь, в то время как катер, тронутый речной рябью, мягко покачивался на широкой лунной дорожке.

II

В следующее воскресенье днем Билл Фротингтон приехал из Труро в глухой сельский поселок, известный как Уитли-Виллидж. Он улизнул из дома, полного гостей, собравшихся на свадьбу его сестры, чтобы заняться тем, что его мать назвала бы «недостойным делом». За его плечами была чрезвычайно успешная карьера в Гарварде и молодость, несколько более аскетичная, чем в среднем, и этой осенью ему предстояло на всю жизнь исчезнуть в банкирском доме «Рид, Хоппе и компания» в Бостоне. Он чувствовал, что это лето принадлежит ему одному. И если бы чистота его намерений по отношению к Мэй Перли была поставлена под сомнение, он бы пылал праведным гневом. Он думал о ней уже пять дней. Она неистово притягивала его, и он ловил это влечение внутренним взором.

Мэй жила в не самой престижной части поселка, на третьем этаже единственного многоквартирного дома — пережитка дней процветания текстильного производства в Новой Англии, которые закончились лет двадцать назад. Ее отец был табельщиком, выпавшим из класса «белых воротничков», два старших брата Мэй работали на ткацких станках, и единственным впечатлением Билла, когда он вошел в грязную квартиру, было впечатление безнадёжного упадка. Горбатая, чумазая мать, одновременно подозрительная и почтительная, и анемичный, побитый жизнью англосакс, спящий на диване после воскресного обеда, были не более, чем тенями на фоне бедных стен. Но Мэй была чистой и свежей. Ни одно дуновение убожества не коснулось ее. Бледность ее щек, чистота юности, и ее тонкое детское тело, просвечивающее сквозь новое платье из органзы, полностью соответствовали летнему дню.

— Куда вы собираетесь отвезти мою маленькую девочку? — с тревогой спросила миссис Перли.

— Я собираюсь сбежать с ней, — сказал он, смеясь.

— Только не с моей маленькой девочкой.

— Почему же? Я вообще не понимаю, почему с ней никто не убежал раньше.

— Только не с моей маленькой девочкой.

Спускаясь вниз, они держались за руки, но не прошло и часа, как ощущение, что они близкие незнакомцы, прошло. Когда в пять часов в воздухе

— Куда вы собираетесь отвезти мою маленькую девочку? —
с тревогой спросила миссис Перли.

— Я собираюсь сбежать ней, — сказал Билл, смеясь.

забрел первый предвестник вечера и солнечный свет из белого сменился на желтоватый, их глаза как-то странно встретились, и Билл понял, что время пришло. Они свернули на боковую дорогу, спустились по наезженной колее, и через мгновение их окружили волшебные чары — одинаковое и безудержное стремление, которое влекло их друг к другу. Они говорили друг о друге, а потом их голоса затихли, и они поцеловались, в то время как цветы каштана белыми полосками скользили по воздуху и падали на машину. Через некоторое время инстинкт подсказал ей, что они пробыли здесь достаточно долго. Он отвез ее домой.

Так продолжалось в течение двух месяцев. Он приезжал за ней ближе к вечеру, и они отправлялись ужинать на берег. Потом они катались по окрестностям, пока не находили уютное местечко в летней ночи, и парковались там, в то время как зачарованная тишина окутывала их, как густой туман окутывает затерявшихся путников — без времени и без пространства. Когда-нибудь, естественно, они собирались пожениться. Пока же это было невозможно — осенью он должен был уехать на работу в другой город. Смутно и с изрядной долей грусти оба они понимали, что это неправда: будь Мэй из другого сословия, помолвка была бы устроена немедленно. Она знала, что он живет в большом загородном доме с парком и домиком для сторожа, что там есть конюшни, забитые машинами и лошадьми, и что все лето там проходят домашние вечеринки и танцы. Однажды они проехали мимо ворот, сердце Мэй налилось свинцом, когда она увидела, что эти обширные владения будут разделять их всю ее жизнь.

Со своей стороны, Билл тоже знал, что жениться на Мэй Перли невозможно. Он был единственным сыном и носил одно из тех новоанглийских имен, которые не терпят рядом ткачей и поваров. В конце концов он заговорил на эту тему со своей матерью.

— Дело не только в ее бедности и невежестве, — сказала, среди прочего, его мать. — Дело в отсутствии у нее каких-либо норм — обычные женщины обычны всю жизнь. На нее производят впечатление дешевые и мелкие людишки, дешевые и мелкие вещишки.

— Но, мама, сейчас не 1850 год. Она же не выходит замуж за члена королевской семьи.

— Если бы это было так, то это не имело бы значения. Но твоя фамилия на протяжении многих поколений олицетворяла лидерство и самоконтроль. Людям, которые меньше жертвовали собой и брали на себя меньше обязанностей, нечего было сказать вслух, в то время такие люди, как твой отец, или твой дядя Джордж и даже твой прадед Фротингтон, держали головы высоко поднятыми. Отбрось свою гордость и посмотри, что у тебя останется к тридцати пяти годам, и сможешь ли ты с этим прожить остаток жизни.

— Но жизнь дается только раз, — запротестовал он, тем не менее зная, что то, что она сказала, было, в сущности, верно.

Она указала на его возраст, чтобы заставить понять свое превосходство. Он знал, что значит быть лучшим дома, в школе, в Гарварде. На выпускном курсе он знал людей, которые прятались за зданием и ждали, чтобы пройтись с ним по Гарвардскому двору, не для того, чтобы их увидели вместе из простого жалкого снобизма, а чтобы получить что-то неосязаемое, что-то, что он носил в себе от неочевидного и неосязаемого жизненного опыта своих предков.

Несколько дней спустя он приехал навестить Мэй и встретил ее выходящей из квартиры. Они сидели на лестнице в полутьме.

— Только подумай об этих ступеньках, — хрипло сказал он. — Подумай, сколько раз ты целовала меня на этой лестнице. Ночью, когда я приводил тебя

домой. На каждой площадке. В прошлом месяце мы пять раз поднимались и спускались вместе, прежде чем смогли пожелать друг другу спокойной ночи.

— Я ненавижу эти лестницы. Я бы хотела, чтобы мне больше никогда не приходилось подниматься по ним.

— О, Мэй, что же нам делать?

Мгновение она не отвечала.

— Я много думала последние три дня, — сказала она. — Я не думаю, что это справедливо продолжать в том же духе, как по отношению ко мне, так и по отношению к Элу...

— К Элу? — спросил он испуганно. — Ты встречалась с Элом?

— Вчера вечером у нас был долгий разговор с ним.

— О чем? — недоверчиво повторил он.

— Он хочет жениться. Он больше не злится.

Билл вдруг попытался встретиться лицом к лицу с ситуацией, от которой он уклонялся два месяца, но ситуация с отработанной ловкостью скользнула за угол. Он поднялся на ступеньку, чтобы оказаться рядом с Мэй, и обнял ее за плечи.

— О, давай поженимся! — в отчаянии воскликнула она. — Ты ведь можешь. Если ты захочешь, то сможешь.

— Я действительно хочу.

— Тогда что же нам мешает, почему не можем?

— Можем, но не сейчас.

— О, Боже, ты уже говорил так тысячу раз.

В течение последующей трагической недели они ссорились и сходились из-за множества неразрешенных споров и непримиримых фактов. В конце концов они расстались из-за тривиального вопроса о том, заставлял ли он ее когда-нибудь ждать более получаса.

Билл отправился в Европу на первом же попутном судне и поступил на службу в санитарную часть. Когда Америка вступила в войну, он перевелся в авиацию, и бледное лицо и горящие губы Мэй поблекли, потускнели на диком темном фоне войны.

III

В 1919 году Билл самым романтичным образом влюбился в девушку из своего окружения. Он встретил ее на Лидо, ухаживал за ней на полях для гольфа, в модных ресторанах и в припаркованных на ночь машинах и с первого же раза полюбил ее гораздо сильнее, чем когда-либо любил Мэй. Она была лучше, красивее, умнее и с более чутким сердцем. Она любила его, у них были одинаковые вкусы и достаточное количество денег.

Появился ребенок, через некоторое время их стало четверо, потом снова трое. После тридцати Билл, как и подобает спортсмену, немного располнел.

Он всегда собирался заняться чем-нибудь тяжелым и вернуться к прежней форме. Он много работал, а по выходным выпивал немного лишнего. Позже он унаследовал загородный дом и летом жил там.

Когда они со Стеллой прожили в браке восемь лет, они почувствовали полное доверие друг к другу и в безопасности от катастроф, постигших большинство их друзей. Стелле это принесло облегчение. Билл же, смирившись с этой мыслью, ощутил подспудное недовольство, своего рода неподконтрольное беспокойство. Испытывая холодность по отношению к Стелле, он застенчиво расспросил своих друзей на эту тему и обнаружил, что у мужчин его возраста эти симптомы проявляются почти повсеместно. Некоторые обвиняли в этом войну: «Никогда не будет ничего лучше войны».

Это была не та женщина, которую он хотел. Сама мысль об этом приводила его в ужас. Вокруг всегда были женщины. Если ему кто-то нравился, Стелла приглашала ее на уик-энд, и мужчины, которым нравилась Стелла по-братски или даже с некоторой долей сентиментальности, так же часто бывали в их доме. Но это чувство сохранялось и становилось все сильнее. Иногда оно овладевало им за ужином — безмерная ностальгия, — и люди за столом исчезали, и к нему возвращались странные воспоминания его юности. Иногда знакомый вкус или запах вызывал у него это чувство. Но больше всего его волновали летние ночи.

Однажды вечером, когда они прогуливались со Стеллой по лужайке после ужина, это чувство показалось ему таким близким, что он почти мог его уловить. Оно было в шелесте сосен, в ветре, в радиоприемнике садовника за теннисным кортом.

— Завтра, — тихо произнесла Стелла, — будет полнолуние.

Она остановилась на широкой дорожке, залитой лунным светом, и смотрела на него. Ее волосы казались блеклыми и прекрасными в мягком свете. На мгновение она странно посмотрела на него, и он сделал шаг вперед, как бы желая обнять ее, затем он остановился, безразличный и раздосадованный. Выражение лица Стеллы слегка изменилось, и они пошли дальше.

— Мне очень жаль, — внезапно сказал он. — Но завтра я должен уехать.

— Куда?

— В Нью-Йорк. Собрание попечителей школы. Теперь, когда дети учатся, я чувствую, что должен это сделать.

— Ты вернешься в воскресенье?

— Если только что-нибудь не случится, но я тогда позвоню.

— В воскресенье приезжает Эд Хотон и, может быть, Эймсы.

— Я рад, что ты будешь не одна.

Внезапно Билл вспомнил пароход, плывущий вниз по реке, и Мэй Перли на палубе под летней луной. Этот образ стал символом его юности, его вступления в жизнь. Он не только вспомнил глубокое волнение той ночи, но и почувствовал его снова — ее лицо прижалось к его лицу, дуновение ветерка вокруг них, когда они стояли у спасательной шлюпки, и ощущение брезента в своей руке.

Когда на следующий день машина высадила его в Уитли-Виллидж, он испытал чувство испуга. Прошло одиннадцать лет — возможно, она была уже мертва, вполне возможно, что уехала. В любой момент он мог встретить ее на улице — усталую, уже поблекшую женщину, толкающую детскую коляску и ведущую за собой еще одного ребенка.

— Я ищу мисс Мэй Перли, — сказал он таксисту. — Возможно, сейчас ее фамилия Фицпатрик.

— Фицпатрик с завода?

Немного пообщавшись в участке с полицейскими, он установил, что Мэй Перли теперь действительно миссис Фицпатрик, и они живут совсем недалеко.

Десять минут спустя такси остановилось перед белым домом в колониальном стиле.

— Это дом переделали из сарая, — пояснил таксист. — В одном из журналов я видел его фотографию.

Билл увидел, что кто-то наблюдает за ним из-за сетчатой двери. Это была Мэй. Дверь медленно открылась, и она появилась в холле, ничуть не изменившаяся, стройная, как прежде. Инстинктивно он поднял руки для объятия, а затем, сделав еще один шаг вперед, так же инстинктивно опустил их.

— Мэй...

— Билл...

Она была рядом. На мгновение он овладел ею, ее хрупкостью, ее теплящейся красотой. Затем он снова потерял ее. Он не смог бы обнять ее так же, как не смог бы обнять незнакомку.

На солнечной веранде они уставились друг на друга.

— Ты такой же, ты такая же, — сказали они вместе.

Никаких чувств больше не было. Слова, случайные, банальные и неискренние, лились из ее уст, словно стремясь заполнить внезапную пустоту в его сердце.

— Представляешь, я тебя видела, знала, где ты, думала, что ты меня забыл... Мы говорили о тебе только на днях.

Внезапно воодушевление покинуло его. В голове у него образовалась полная пустота, и как он ни старался, он не мог придумать, чем ее заполнить.

— У вас здесь милое местечко, — глупо сказал он.

— Нам оно нравится. Ты ни за что не догадаешься, но мы переделали дом из старого сарая.

— Мне уже таксист рассказал.

— ...простоял сто лет пустым... достался почти даром... фотографии до и после в «Хоум энд Кантри Сайд».

Без предупреждения его сознание снова стало пустым. В чем дело? Ему стало плохо? Он даже забыл, зачем он приехал.

Он знал только, что ему доброжелательно улыбаются и что он должен держаться за эту улыбку, потому что, если она пройдет, он уже никогда не сможет ее воссоздать. Что это значит, когда в голове становится пусто? Завтра он должен показаться врачу.

— ...раз уж Эл так хорошо справился. Конечно, мистер Колсатт на него опирается, так что он нечасто отлучается. Я иногда уезжаю в Нью-Йорк. Иногда мы оба уезжаем вместе.

— Что ж, у вас здесь определенно милое местечко, — сказал он в отчаянии.

«Утром он должен показаться врачу. Доктору Флинну, или доктору Кейсу, или доктору Гивену, который учился с ним в Гарварде. Или, возможно, тому специалисту, которого порекомендовала ему одна женщина у Эймсов. Или доктору Гроссу, или доктору Студефорду, или доктору де Мартель...»

— ...я никогда к этому не прикасаюсь, но Эл всегда держит что-то в доме. Он уехал в Бостон, но я думаю, что смогу найти ключ.

«...или пойти к доктору Рамзи, или старому доктору Огдену, который помог появиться ему на свет. Он и не подозревал, что знает так много врачей. Он должен составить список».

— ...а ты все такой же.

Вдруг Билл положил руки на живот, издал короткий грубый смешок и сказал:

— Давай не здесь.

Его собственный поступок ошеломил и удивил его, но на мгновение рассеял пустоту, и он начал собирать по кусочкам события того дня. Из ее болтовни он понял, что у нее сложилось впечатление, будто в каком-то смутном и сентиментальном прошлом она его бросила. Возможно, она была права. Кто она вообще такая — эта грубая, заурядная особа, надевшая на тело Мэй маску жизни? В нем нарастало чувство протеста.

— Мэй, я думал о том пароходе, — сказал он в отчаянии.

— Какое?

— О пароходе на Темзе, Мэй. Я не думаю, что мы должны позволять себе стареть. Возьми свою шляпу, Мэй. Давай сегодня прокатимся на пароходе.

— Но я не вижу в этом смысла, — запротестовала она. — Ты думаешь, простое катание на пароходе сохраняет людям молодость? Может быть, если бы это была соленая вода...

— Разве ты не помнишь ту ночь на пароходе? — спросил он, как будто разговаривал с ребенком. — Мы там познакомились. Два месяца спустя ты бросила меня и вышла замуж за Эла Фицпатрика.

— Но тогда я не вышла замуж за Эла, — сказала она. — Только два года спустя он получил работу суперинтенданта. Я тогда встречалась с одним парнем из Гарварда, за которого чуть не вышла замуж. Он знал тебя. Его звали Эббот — Хэм Эббот.

— Хэм Эббот — ты потом видела его?

— Мы встречались почти год. Помню, Эл был диким. Он сказал, что, если у меня еще будут гарвардцы, он их пристрелит. Но в этом не было ничего плохого. Хэм был просто без ума от меня, и я обычно позволяла ему бредить.

Билл где-то читал, что каждые семь лет в человеке происходят изменения, которые делают его непохожим на себя семилетней давности. Он отчаянно цеплялся за эту идею. Он смутно видел, как эта женщина наливает ему огромный

стакан яблочного бренди, он неосознанно залпом выпил его и, расспрашивая о доме, двинулся к входной двери.

— Обрати внимание на оригинальные балки. Балки были тем, что нам понравилось больше всего... — она внезапно замолчала. — Теперь я вспомнила про пароход. Ты был на катере, и в ту ночь вы с Хэмом Эбботом поднялись к нам на борт.

Очевидно, бренди был еще и ароматным, потому что, когда он отъезжал, таксист вызвался показать ему, где джентльмен может выпить еще немного. Он лично представил его в одном из заведений на пристани.

Билл сел за убогий столик за вращающейся дверью и, пока солнце садилось за Темзу, расправился еще с четырьмя бокалами бренди. Потом он вспомнил, что таксист все еще ждет его. На улице мальчик сообщил, что водитель ушел домой ужинать и вернется через полчаса.

Он неторопливо подошел к тюку с товарами и сел, наблюдая за неспешной деятельностью в доках. Уже смеркалось. Грузчики на мгновение появились на фоне освещенного трюма баржи и быстро скрылись из виду. Рядом с баржей стоял пароход, и люди поднимались на борт — сначала несколько человек, а затем хлынул целый поток людей. В воздухе повеял легкий ветерок, и возшла розовато-золотая луна, окутанная дымкой.

В темноте кто-то налетел на него, споткнулся, выругался и, шатаясь, поднялся на ноги.

— Мне жаль, — весело сказал Билл. — Не ушиблись?

— Простите, — заикаясь, пробормотал молодой человек. — Я вас не сильно задел?

— Вовсе нет. Закурите?

Они взяли по сигарете.

— Куда направляется пароход?

— Чуть ниже по течению реки. Сегодня вечером школьная вечеринка.

— Неужели?

— Вечеринка в школе Уитли. Лодка идет вниз к Гротону, затем разворачивается и возвращается обратно.

Билл быстро соображал.

— А кто директор этой школы?

— Мистер Маквитти, — молодой человек нетерпеливо заерзал. — Пока, приятель. Мне пора на пароход.

«Мне тоже, — прошептал Билл про себя. — Мне тоже».

Он еще немного посидел, прислушиваясь к звукам, которые теперь ясно и отчетливо доносились с открытой палубы: сбивчивый гомон девушек, парни, перебрасывающиеся друг с другом многозначительными, но непонятными шутками. Он чувствовал себя прекрасно. Ветерок, казалось, распределил бренди по всем застоявшимся и неиспользуемым уголкам тела. Он купил еще пинту, сунул ее в задний карман и поднялся на борт с радостью и беззаботностью трансатлантического путешественника.

Девушка, стоявшая в группе у трапа, подняла на него глаза, когда он проходил мимо. Она была хрупкой и белокурой. Ее губы изогнулись вниз, а затем приподнялись, когда она улыбнулась ему или мужчине рядом с ней. Кто-то сделал замечание, и группа рассмеялась. И снова ее взгляд скользнул в сторону и на мгновение встретился с его взглядом, когда он проходил мимо.

Мистер Маквитти был на верхней площадке с полудюжиной других учителей, которые отошли в сторону при непринужденном приближении Билла.

— Добрый вечер, мистер Маквитти. Вы меня помните?

— Боюсь, что нет, сэр.

Директор посмотрел на него испытующим, ни к чему не обязывающим взглядом.

— А ведь я совершил с вами поездку на этом же пароходе ровно одиннадцать лет назад.

— Этот пароход, сэр, была спущен на воду только в прошлом году.

— Ну, тогда это был такой же пароход, как этот, — сказал Билл. — Я не вижу разницы.

Мистер Маквитти ничего не ответил. Через мгновение Билл уверенно продолжил:

— В ту ночь мы узнали, что оба являемся сыновьями Джона Гарварда.

— Да?

— А за несколько часов до этого моя команда по гребле победила команду «старого доброго» Йеля.

Глаза мистера Маквитти сузились. Он подошел ближе к Биллу, и его нос слегка сморщился.

— Понятно, — сухо сказал мистер Маквитти. — И чем я могу быть полезен вам сегодня вечером?

Кто-то сзади задал вопрос, и в наступившей вынужденной тишине Биллу пришлось в голову, что он присутствует здесь под самым незначительным из всех предлогов — предыдущее знакомство, о котором директор даже и не помнил. Он почувствовал облегчение, когда глухой грохот и дрожь палубы показали, что они отчалили от берега.

Мистер Маквитти, высвободившись, повернулся к нему, слегка нахмурившись.

— Кажется, теперь я вас вспомнил, — сказал он. — Мы взяли вас троих на борт из моторной лодки и разрешили потанцевать. К сожалению, вечер закончился дракой.

Билл колебался. За одиннадцать лет его отношение к мистеру Маквитти каким-то образом изменилось. Он вспоминал Маквитти как неприметного, более легкого в общении человека. Раньше не было таких болезненных трудностей при знакомстве.

— Может быть, вы удивляетесь, как я здесь оказался? — мягко предположил он.

— Честно говоря, да, мистер...

— Фротингтон, — подсказал Билл и нагло добавил: — Для меня это скорее сентиментальная экскурсия. Мой самый большой роман начался в тот

вечер, о котором вы сейчас припомнили. Это было, когда я впервые встретил... свою жену.

Наконец внимание мистера Маквитти было привлечено.

— Вы женились на одной из наших девушек?

Билл кивнул.

— Вот почему я хотел отправиться в это путешествие сегодня вечером.

— Ваша жена с вами?

— Нет.

— Я не понимаю... — он замолчал и мягко предположил: — Или, может быть, о, я понимаю... Ваша жена умерла?

Через мгновение Билл кивнул. К некоторому его удивлению, две крупные слезы внезапно скатились по его лицу.

Мистер Маквитти положил руку Биллу на плечо.

— Мне жаль, — сказал он. — Я понимаю ваши чувства, мистер Фротингтон, и уважаю их. Пожалуйста, чувствуйте себя как дома.

Приложившись к бутылке, Билл стоял в дверях салона и наблюдал за танцами. Он как бы вернулся на одиннадцать лет назад. Там были школьные персонажи, над которыми они с Хэмом и Элли потом смеялись, — толстяк, наверняка игравший центрального в футбольной команде, и герой-подросток с помпадуром на голове и вопиюще хорошими манерами, президент класса. Хорошенькая девушка, которая смотрела на него у трапа, проплыла в танце мимо него, и он заметил: ее уверенность в себе и широкое, но осторожное одаривание благосклонностью — она явно была популярной девушкой в школе, как и Мэй одиннадцать лет назад.

В следующий раз, когда она оказалась рядом, он коснулся плеча парня, с которым она танцевала.

— Можно мне немного? — спросил он.

— Что? — выдохнул ее напарник.

— Можно мне немного потанцевать с барышней?

Парень уставился на него, не выпуская девушку из объятий.

— О, все в порядке, Ред, — нетерпеливо сказала она. — Теперь так принято.

Рэд упрямо отступил в сторону. Билл согнул руку так сильно, как только мог, они все так танцевали, и начал танцевать.

— Я видела, как вы разговаривали с мистером Маквитти, — сказала девушка, глядя ему в лицо с сияющей улыбкой. — Я вас не знаю, но, думаю, вы нормальный парень.

— Я видел вас до этого

— Когда?

— Когда вы садились на пароход.

— Я не помню.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Мэй Шаффер. В чем дело?

— Ваше имя пишется через «а»? —

— Нет, а что?

К ним приближались четверо юношей. Один из них внезапно выскочил, словно его вытолкнули изнутри группы, и неловко налетел на Билла.

— Можно, я потанцую с Мэй? — спросил он с легким хихиканьем.

Билл без энтузиазма отпустил девушку. Когда начался следующий танец, он снова вклинился. Она была прекрасна. Ее уверенность в себе преобразила бы и менее симпатичную девушку. Он хотел поговорить с ней наедине и уже собирался предложить прогуляться по палубе, когда произошло повторение юношеской ревности — молодой человек, по-видимому, снова был вытолкнут из группы, стоявшей рядом с Биллом.

— Можно я потанцую с Мэй?

Билл присоединился к мистеру Маквитти у перил.

— Приятный вечер, — заметил он. — А вы что не танцуете?

— Мне нравится танцевать, — сказал мистер Маквитти и многозначительно добавил: — В моем положении, кажется, не совсем уместно танцевать с молодыми девушками.

— Это чепуха, — любезно сказал Билл. — Может, выпьем?

Мистер Маквитти внезапно отошел в сторону.

Когда он снова танцевал с Мэй, его почти сразу же окликнули. Теперь уже многие парни пытались завладеть Мэй. Он отступил назад и снова начал предлагать ей выйти на палубу, но увидел, что ее внимание приковано к какому-то дурацкому происшествию в другом конце танцевальной площадки.

— У меня шикарное любовное гнездышко в Бронксе, — говорил кто-то.

— Может, все-таки прогуляемся? — спросил Билл. — Там такая чудесная луна.

— Я лучше потанцую.

— Мы могли бы потанцевать там.

Она отстранилась от него и с невинным презрением посмотрела ему в глаза.

— А где оно у вас? — спросила она.

— Что?

— Все для счастья...

Прежде чем он успел ответить, кто-то вмешался. На мгновение ему показалось, что парень сказал: «Папа, ты еще танцуешь?», но досада на равнодушие Мэй вытеснила эту мысль из головы. В следующий раз он сразу перешел к делу.

— Я живу недалеко отсюда, — сказал он. — Мне было бы очень приятно, если бы я мог как-нибудь позвонить и приехать к тебе на выходные.

— Что? — рассеянно спросила она.

Она снова слушала маленький фарс, разыгрываемый в углу.

— Моя жена очень хотела бы вас видеть, — продолжал Билл.

В его голове зародились великие мечты о том, что он мог бы сделать для этой девушки в память о былых временах. Ее голова с любопытством повернулась к нему.

— А я слышала, как мистер Маквитти сказал кому-то, что ваша жена уже умерла.

— Это не совсем так, — начал было Билл.

Краем глаза он увидел приближающуюся группу одноклассников и быстро отскочил от нее.

Раздались голоса:

— Только посмотрите на старого папочку-танцора.

— Спроси его, можно ли мне немного потанцевать.

Впоследствии Билл помнил этот вечер только до этого момента. Вокруг него собралась толпа, и кто-то настойчиво спрашивал, что кочегар делает на палубе, и почему он не в трюме.

Он, вполне естественно, решил преподать им урок, как делал это раньше, и предупредил их. Потом они долго обсуждали, умеет ли он плавать. После этого последовали удары и короткая схватка. Следующее, что он помнил, как его голова вынырнула из прохладных вод Темзы.

Река была белой в свете луны, которая из розовато-золотой превратилась в лепешку с блестящим сыром. Прошло некоторое время, прежде чем он смог определить, где берег, и спокойно поплыл к нему. Пароход теперь был всего лишь пятнышком далеко внизу по реке, и он рассмеялся, подумав, как мало все это имело значения, как мало вообще что-либо имело значения. Затем, убедившись, что ветер попутный, и задумавшись, ждет ли такси у деревни Уитли, он направился к темному берегу.

IV

Приближаясь к дому на следующий день, он был встревожен, охваченный странным беспричинным страхом. Источником его, конечно, был совершенный им глупый поступок. Вдруг Стелла каким-то образом узнает об этом. Судя по его реакции, вызванной жизнерадостной уверенностью прошлой ночи, это казалось неизбежным.

— У нас кто-нибудь в гостях? — обратился он к дворецкому.

— Никого, сэр. Эймсы были около часа назад, но от вас не было никаких известий, и они поехали дальше. Они сказали...

— А разве моя жена не дома?

— Миссис Фротингтон уехала вчера сразу после вас.

На него накатили приступы паники.

— И как скоро?

— Почти сразу, сэр. Зазвонил телефон, она сняла трубку, и почти сразу же собрала свою сумку и вышла из дома

— Мистер Эд Хотон не приезжал?

— Я не видел мистера Хотона.

Это случилось. Дух приключений охватил и Стеллу. Он знал, что ее жизнь не обошлась без определенного давления со стороны сентиментальных мужчин, но, чтобы она куда-то поехала, не предупредив его...

Он бросился лицом вниз на диван. Что же произошло? Он никогда не хотел, чтобы что-то случилось. Не это ли она имела в виду, когда так странно посмотрела на него прошлой ночью?

Он поднялся наверх. Почти сразу же, как только он вошел в большую спальню, он увидел записку, написанную на синей бумаге, чтобы она была заметнее на белой подушке. В этот момент ему вспомнился старый совет матери: «Чем ужаснее кажутся вещи, тем больше ты должен сдерживать свои чувства».

Дрожа, он сбросил с себя одежду, включил воду в ванне и намылил лицо. Затем он налил себе выпить и побрился. Эта перемена в его жизни была похожа на сон. Она больше не принадлежала ему, даже если бы она вернулась, она больше не принадлежала бы ему. Все было по-другому — эта комната, он сам, все, что существовало вчера. Внезапно он захотел все вернуть. Он вылез из ванны, опустился на коврик и стал молиться. Он молился за Стеллу, за себя, за Эда Хотона. Он безумно молился о восстановлении своей жизни — жизни, которую он так безумно кромсал на части. Когда он выглянул из ванной, обернувшись полотенцем, Эд Хотон сидел на кровати.

— Привет, Билл. Где твоя жена?

— Минутку, — ответил Билл.

Он вернулся в ванную и проглотил порцию спирта для растирания, который гарантированно вызвал бы сильное желудочное расстройство. Затем он небрежно высунул голову за дверь.

— Сейчас прополощу рот, — объяснил он. — Как дела, Эд? Открой этот конверт на подушке, и мы узнаем, где она.

— Она уехала с дантистом в Европу. Или, скорее, ее дантист уезжает в Европу, так что ей пришлось срочно лететь в Нью-Йорк...

Он почти не слышал. Его мысли, освободившиеся от беспокойства, снова унеслись вдаль. Сегодня ночью будет полнолуние или почти полнолуние. Однажды под полной луной что-то произошло. Но что именно, он так и не смог вспомнить.

Его длинное, долговязое тело, с маленькой затерянной во вселенной душой, сидело там на подоконнике в ванной.

— Я, наверное, худший парень в мире, — говорил он, глядя на себя в зеркало и качая головой, — наверное, самый худший в мире парень. Но ничего не могу с собой поделать. В моем возрасте я не могу сопротивляться тому, чтобы быть тем, кто я есть.

Изо всех сил стараясь стать лучше, он добросовестно просидел там целый час. Потом наступили сумерки, и внизу послышались голоса, и внезапно в небе над его лужайкой появилась она, воплощенная беспокойная тоска по убегающей юности — яркая, неуловимая луна.

МАГНЕТИЗМ

I

Приятный, нарочито показной бульвар был застроен через равные промежутки процветающими домами в колониальном стиле Новой Англии, но без моделей кораблей в холле. Когда жители переехали сюда, детям наконец-то подарили модели кораблей и их водрузили на положенное место. Следующая улица являла собой полное воплощение архитектуры Западного побережья в стиле испанских бунгало, а через две улицы цилиндрические окна и округлые башни 1897 года — меланхоличный антиквариат, в котором укрывались свами, йоги, предсказатели судьбы, портнихи, учителя танцев, академии искусств и мануальные терапевты — теперь смотрели вниз на оживленные автобусы и трамвайные остановки. Небольшая прогулка вокруг квартала могла бы, если, не дай Бог, вы пожилой американец, воспитанный в старое благодатное время, всерьез обескуражить.

На зеленых обочинах современного бульвара дети, чьи колени были отмечены красными пятнами эпохи антисептиков, играли в игрушки с познавательной целью: балки учили инженерному делу, солдатики учили мужественности, а куклы учили материнству. Когда куклы настолько обтрепались, что перестали походить на настоящих младенцев и стали похожи на кукол, у детей появилась к ним привязанность. Все в окрестностях — даже мартовское солнце — было новым, бодрящим, полным надежд и утонченным, как и следовало ожидать в городе, население которого за пятнадцать лет утроилось.

Среди очень немногих домочадцев, попавшихся в наше поле зрения в то утро, была красивая молодая горничная, подметавшая ступени самого большого дома на улице. Она была крупной, простой мексиканской девушкой с огромными, но незамысловатыми амбициями того времени и той местности, и она уже осознавала, что является предметом роскоши: она получала сто долларов в месяц в обмен на свою личную свободу. Подметая, Долорес не спускала глаз с внутренней лестницы, потому что мистера Ханнафорда на улице ждала машина, и он скоро должен был спуститься к завтраку. Однако

в то утро у нее на первый план вышел вопрос: помочь медсестре-англичанке спуститься с детской коляской — это обязанность или одолжение? Та всегда говорила: «Пожалуйста» и «Большое спасибо», но Долорес ненавидела ее и с удовольствием, без особого волнения поколотила бы до бесчувствия. Как и большинство латиноамериканцев, подпавших под влияние американской жизни, она испытывала непреодолимые побуждения к насилию.

Однако медсестра уже вышла. Ее голубая накидка надменно растворилась вдали, как раз в тот момент, когда мистер Ханнафорд, тихо спустившийся по лестнице, внезапно появился в проеме входной двери.

— Доброе утро.

Он улынулся. Долорес, он был молод и необычайно красив. Долорес споткнулась о метлу и упала с крыльца. Джордж Ханнафорд поспешил вниз по ступенькам, подошел к ней, когда она, поднимаясь на ноги, многословно ругалась по-испански, и коснулся ее руки предупредительным жестом:

— Надеюсь, ты не ушиблась?

— О, нет.

— Сам виноват, боюсь, я напугал вас.

В его голосе слышалось неподдельное сожаление, а его лоб был озабоченно нахмурен.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке?

— О, еще как.

— Ты случайно лодыжку не подвернула?

— Нет.

— Я ужасно сожалею об этом.

— О, вы не виноваты.

Он все еще хмурился, когда она вошла внутрь, и Долорес, которая не ничуть не ушиблась и быстро соображала, внезапно задумалась о том, чтобы завести с ним любовную интрижку. Она несколько раз посмотрелась в зеркало рядом с буфетом и встала рядом с Джорджем, наливая ему кофе, но он читал газету, и она поняла, что на сегодня это все их общение.

Ханнафорд сел в машину и поехал к дому Жюля Реннарда. Жюль был канадцем французского происхождения и лучшим другом Джорджа Ханнафорда, они уважали друг друга и проводили много времени вместе. У них был похожий образ мыслей, вкусы их были просты и незатейливы, они были инстинктивно нежны и в мире переменчивого и причудливого находили друг в друге некую спокойную солидность.

Он застал Жюля за завтраком.

— Я хочу порыбачить на барракуду, — отрывисто сказал Джордж. — Когда ты будешь свободен? Я хочу взять яхту и отправиться в Нижнюю Калифорнию.

У Жюля под глазами были темные круги. Вчера он решил самую большую проблему в своей жизни, договорившись с бывшей женой о выплате двухсот тысяч долларов. Он женился слишком рано, и бывшая рабыня трущоб Квебека пристрастилась к наркотикам после того, как ей не удалось подняться вместе

с ним. Вчера в присутствии адвокатов ее последним жестом стало то, что она разбила ему палец корпусом телефона. Он давно устал от женщин и с радостью воспринял предложение поехать на рыбалку.

— Как поживает малыш?

— С ним все в порядке.

— А как Кей?

— Кей сама не своя, но я не обращаю на это никакого внимания. Что ты сделал со своей рукой?

— Я расскажу тебе в другой раз. Джордж, что случилось с Кей?

— Ревнует.

— К кому?

— К Хелен Эйвери. Ничего особенного. Она сама не своя, вот и все, — он встал. — Я опаздываю. Дай мне знать, как только освободишься. Меня устроит любой день после понедельника.

Джордж вышел и поехал по нескончаемому бульвару, который сужался, превращаясь в длинную извилистую бетонную дорогу, и поднимался в холмистую местность. Где-то в бескрайней пустоте появилась группа зданий: строение, похожее на амбар, ряд офисов, большой, но уютный ресторан и подюжины маленьких бунгало. Шофер высадил Ханнафорда у главного входа. Тот вошел внутрь и прошел через множество помещений, каждое из которых было отделено распашными воротами и в котором сидела стенографистка.

— У мистера Шредера кто-нибудь есть? — спросил он, стоя перед дверью, на которой было написано это имя.

— Нет, мистер Ханнафорд.

Одновременно его взгляд упал на молоденькую девушку, которая писала за столом в стороне, и он на мгновение задержался.

— Привет, Маргарет, — сказал он. — Как поживаешь, дорогуша?

Хрупкая, светлая красавица подняла голову, слегка нахмурилась, по-прежнему поглощенная своей работой. Это была мисс Донован, сценаристка, его давняя подруга.

— Привет. О, Джордж, я не заметила, как ты вошел. Мистер Дуглас сегодня днем хочет поработать над книгой.

— Хорошо.

— Вот здесь надо подписать изменения, о которых мы договорились в четверг вечером, — улыбнулась она ему, и Джордж в тысячный раз задался вопросом, почему она никогда не снималась в кино.

— Хорошо, — сказал он, подписывая бумаги. — Просто инициалы подойдут?

— Ой, ваши инициалы похожи на инициалы Джорджа Харриса.

— Это же замечательно, дорогуша.

Когда он закончил, Пит Шредер открыл свою дверь и поманил его за собой.

— Джордж, иди сюда! — сказал он с возбужденным видом. — Я хочу, чтобы ты послушал кое-кого по телефону.

Ханнафорд вошел.

— Подними трубку и скажи: «Алло», — распорядился Шредер. — Не говори, кто ты.

— Алло, — послушно произнес Ханнафорд.

— Кто это? — спросил девичий голос.

Ханнафорд прикрыл ладонью трубку.

— И что я, по-твоему, должен делать?

Шредер хихикнул, а Ханнафорд заколебался, улыбаясь с подозрением.

— Кто вам нужен? — спросил он в трубку.

— Я хочу поговорить с Джорджем Ханнафордом. Это вы?

— Да.

— О, Джордж, это я!

— Кто?

— Гвен. Мне было ужасно трудно найти тебя. Они сказали мне...

— Какая Гвен?

— Гвен, ты что, не слышишь? Из Сан-Франциско — в прошлый четверг вечером...

— Простите, — возразил Джордж. — Должно быть, это какая-то ошибка.

— Это точно Джордж Ханнафорд?

— Да.

Голос стал слегка язвительным:

— Ну, это Гвен Беккер, с которой вы провели вечер прошлого четверга в Сан-Франциско. Нет смысла притворяться, будто вы меня не помните.

Шредер забрал аппарат у Джорджа и повесил трубку.

— Кто-то, наверное, во Фриско назвался моим именем, — сказал Ханнафорд.

— Так вот где ты был в четверг вечером!

— После той сумасшедшей девчонки Зеллер — все это мне не кажется смешным. Попробуй потом убедить, что это был не ты. Что нового, Пит?

— Давай пройдем на площадку и посмотрим.

Вместе они вышли через черный ход, прошли по грязной дорожке и, открыв маленькую дверцу в большой глухой стене здания студии, вошли в ее полумрак.

То тут, то там в тусклых сумерках мелькали фигуры, которые поворачивали к Джорджу Ханнафорду белые лица, словно души в чистилище, наблюдающие за прохождением полубога. Тут и там раздавался шепот, тихие голоса и, казалось, издали доносилось нежное тремоло маленького органа. Завернув за угол, образованный фанерными декорациями, они вышли на белое потрескивающее сияние съемочной площадки, на которой неподвижно стояли два человека.

Актер в вечернем костюме, манишка, воротник и манжеты которого были выкрашены в ярко-розовый цвет, сделал вид, что хочет принести им стулья, но они покачали головами и стояли, наблюдая. Долгое время на площадке ничего не происходило — никто не двигался. Ряд лампочек с диким шипением погас, затем зажегся снова. Жалобный стук молотка умолял отпустить его

в никуда, среди слепящих огней сверху появилось синее лицо и что-то неразборчиво прокричало в темноту наверху. Затем тишину нарушил низкий чистый голос со сцены:

— Если вы хотите знать, почему я не надела чулки, загляните в мою гардеробную. Я испортила четыре пары вчера и две уже сегодня утром... А это платье весит шесть фунтов.

Появился мужчина и посмотрел на загорелые ноги девушки, отсутствие чулок на них было едва различимо, но, во всяком случае, выражение лица говорило о том, что она ничего не собирается с этим делать. Дама была раздражена, причем настолько сильно, что для того, чтобы это понять, ей потребовалось лишь слегка сощурить глаза. Она была смуглой, симпатичной девушкой с фигурой, которая располнеет раньше, чем ей хотелось бы. Ей было всего восемнадцать.

Если бы это случилось неделей раньше, сердце Джорджа Ханнафорда замерло бы. Их отношения находились как раз на этой стадии. Он не сказал Хелен Эйвери ни слова, на которое Кей могла бы возразить, но уже на второй день работы над этой картиной между ними началось нечто такое, что Кей почувствовала в воздухе. Возможно, это началось еще раньше, потому что, увидев первый выход Хелен Эйвери, он решил, что она должна играть с ним. Голос Хелен Эйвери и движение ее глаз, когда она заканчивала говорить, как бы упражняясь в самоконтроле, завораживали его. Он чувствовал, что они оба что-то терпят, что каждый из них знает половину какой-то тайны о людях и жизни и что если они устремятся друг к другу, то произойдет романтическое соединение почти невероятной силы. Именно эта перспектива преследовала его в течение двух недель и теперь угасала.

Ханнафорду было тридцать лет, и актером кино он стал только благодаря стечению обстоятельств. После года обучения в небольшом техническом колледже он устроился на летнюю работу в электрическую компанию, и его первое появление на студии было связано с ремонтом блока ламп Кliegа. В экстренной ситуации он сыграл эпизодическую роль и отлично справился с задачей, но еще целый год после этого он вспоминал об этом случае, как о чисто случайном эпизоде в своей жизни. Поначалу многое из этой жизни оскорбляло его — кругом чувствовался почти истерический эгоизм и возбудимость, скрытые под чрезвычайно тонкой завесой тщательно продуманного дружелюбия. Только недавно с появлением в кино таких людей, как Жюль Реннар, он начал видеть возможности достойной и безопасной личной жизни, во многом такой, какой была бы у него, успешного инженера. Наконец-то его успех дал возможность почувствовать твердую почву под ногами.

Он познакомился с Кей Томпкинс в старой студии Гриффита в Мамаронке, и их брак был личным делом, отличным от большинства сценических браков. Впоследствии, когда они полностью овладели друг другом, на них указывали: «Смотрите, вот единственная пара в кино, которой удалось остаться вместе». Если бы они не остались вместе, то это отняло бы что-то из жизни многих окружающих людей — людей, которые наслаждались

опосредованной безопасностью, размышляя о своем браке, — поэтому они стремились соответствовать ожиданиям толпы.

Он удерживал женщин вежливой простотой, под которой скрывалась жесткость и бдительность; когда он чувствовал, что в нем происходят нежелательные перемены, он становился эмоционально невосприимчивым. Кей ожидала и брала от мужчин гораздо больше, но у нее на сердце тоже был своеобразный градусник. До того вечера, когда она упрекнула его в том, что он интересуется Хелен Эйвери, между ними был абсолютный минимум ревности.

* * *

Когда Джордж Ханнафорд вышел из студии и направился к своему бунгалу через дорогу, он все еще был поглощен мыслями о Хелен Эйвери. В его сознании, во-первых, был ужас, оттого что кто-то может встать между ним и Кей, а во-вторых, сожаление о том, что он больше не держал эту возможность на переднем плане своего сознания. Осознание этого доставляло ему огромное удовольствие, такое же он получил во время первого большого успеха. Вряд ли впереди было что-то лучшее, но это было что-то, что можно было достать и посмотреть — новая и все еще таинственная радость. Это не было любовью, потому что к Хелен Эйвери он относился критически, как никогда не относился к Кей. Но чувство, которое он испытал на прошлой неделе, было значительным и очень запоминающимся, и теперь, когда оно прошло, ему было беспокойно.

В тот день они почти не встречались, но он чувствовал ее и знал, что она чувствует его.

В какой-то момент она долго стояла к нему спиной, а когда наконец повернулась, их взгляды скользнули мимо друг друга, соприкоснувшись, словно крылья птицы. Одновременно он увидел, что отношения зашли далеко на своем пути, и очень хорошо, что он отступил. Он был рад, что после окончания съемок кто-то позвал ее.

Одевшись, он вернулся в служебное крыло, заглянув на минутку к Шредеру. На его стук никто не ответил, и, повернув ручку, он вошел. В комнате была только Хелен Эйвери.

Ханнафорд закрыл дверь, и они уставились друг на друга. Лицо у нее было молодое, немного испуганное. За мгновение, в течение которого никто из них не сказал ни слова, они поняли — кое-что они выяснят прямо сейчас. Почти с благодарностью он почувствовал, как теплый сок эмоций вытекает из его сердца и разливается по телу.

— Хелен!

Она пробормотала благоговейным голосом:

— Что?

— Я ужасно переживаю из-за этого, — его голос дрожал.

Внезапно она заплакала, болезненные, едва слышные рыдания сотрясали ее.

— У тебя есть носовой платок? — спросила она.

Он дал ей носовой платок. В этот момент снаружи послышались шаги. Джордж прикрыл дверь как раз вовремя, чтобы не дать Шредеру войти и увидеть Хелен в слезах.

— Никого нет дома, — шутливо сказал он.

Еще мгновение он прижимался плечом к двери, а затем медленно открыл ее.

Сидя в своем лимузине, он размышлял о том, как скоро Жюль будет готов отправиться на рыбалку.

II

С двенадцати лет Кей Томпкинс меняла ухажеров, как перчатки. У нее было круглое, молодое, красивое и сильное лицо; силу подчеркивала чуткая игра бровей и ресниц вокруг блестящих карих глаз. Будучи дочерью сенатора одного из западных штатов, безуспешно охотилась за гламуром в маленьком западном городке до семнадцати лет, когда сбежала из дома и вышла на сцену. Она была из тех людей, которые известны гораздо больше, чем их реальные достижения.

В ней было то волнение, которое, казалось, отражало волнение всего мира. Играя небольшие роли в шоу Зигфельда, она посещала выпускные вечера в Йельском университете, а во время небольшой работы в кино она познакомилась с Джорджем Ханнафордом, уже звездой нового «естественного» типа, который тогда только входил в моду. В нем она нашла то, что так долго искала.

В настоящее время она находилась в так называемом опасном состоянии. Полгода она была беспомощна и полностью зависела от Джорджа, а теперь, когда их сын стал собственностью строгой и властной английской медсестры, Кей, вновь обретя свободу, вдруг почувствовала необходимость доказать свою привлекательность. Ей хотелось, чтобы все было, как прежде, до того, как она задумалась о ребенке. Кроме того, ей казалось, что в последнее время Джордж слишком долго принимал ее как должное — она чувствовала, что он заинтересовался Хелен Эйвери.

Когда в тот вечер Джордж Ханнафорд вернулся домой, он постарался свести к минимуму их вчерашнюю ссору и был искренне удивлен ее небрежным приветствием.

— В чем дело, Кей? — спросил он через минуту. — Это будет еще одна ночь, похожая на прошлую?

— Ты знаешь, что мы сегодня идем в гости? — спросила она, уходя от ответа.

— Куда?

— К Кэтрин Дэвис. Я не знала, захочешь ли ты пойти...

— С удовольствием.

— Я не знала, захочешь ли ты пойти, Артур Буш с удовольствием согласился меня подвезти.

Они поужинали в молчании. Не имея никаких тайных мыслей, в которые можно было бы окунуться, как ребенок в банку с вареньем, Джордж почувствовал беспокойство и в то же время осознал, что атмосфера вокруг полна ревности, подозрительности и злости. До недавнего времени они хранили между собой нечто ценное, что делало их дом одним из самых приятных для посещения в Голливуде. Теперь же он вдруг стал похож на любой другой дом, он чувствовал себя заурядным и неуравновешенным. Он был близок к тому, чтобы превратить что-то яркое и драгоценное во что-то дешевое и ничтожное. Охваченный внезапным приливом эмоций, он подошел к ней и уже собирался обнять ее, когда в дверь позвонили. Мгновение спустя Долорес объявила о приходе мистера Артура Буша.

Буш был некрасивым, но популярным маленьким человечком, сценаристом, а в последнее время и режиссером. Несколько лет назад они были для него

*Джордж подошел к ней и заговорил,
и по первым же ее словам понял,
что с ней тоже что-то произошло,
и она выглядела рассеянно.*

героем и героиней, и даже сейчас, когда он стал человеком, имеющим некоторый вес в мире кино, он невозмутимо принимал то, что Кей использовала его для таких целей, как сегодня. Он был влюблен в нее много лет, но, поскольку его любовь казалась безнадежной, она никогда не причиняла ему особых страданий.

Они отправились на вечеринку. Это было новоселье, на котором присутствовали гавайские музыканты, а гости были в основном из старой публики. Люди, снимавшиеся в ранних картинах Гриффита, несмотря на то, что им едва исполнилось тридцать, считались людьми старой закалки, и они отличались от тех, кто появлялся сейчас, и сознавали это. В них были достоинство и прямолинейность, обусловленные тем, что они снимались в кино еще до того, как фильмы окутались золотой дымкой успеха. Они все еще были довольно скромны перед своим потрясающим триумфом, и поэтому в отличие от нового поколения, которое воспринимало все это как должное, они постоянно находились в контакте с реальностью. Полдюжины или около того женщин особенно остро осознавали свою уникальность. Никто не пришел занять их места в кинематографе, то тут, то там хорошенькое личико в течение года захватывало воображение публики, но те, кто принадлежал к старой компании, уже были легендами, нестареющими и бестелесными. Несмотря на все это, они были еще достаточно молоды, чтобы верить, что будут жить вечно.

Джорджа и Кей тепло поприветствовали, люди подвинулись и освободили для них места. Выступали гавайцы, а сестры Дункан пели за роялем. С того момента, как Джордж увидел присутствующих, он догадался, что Хелен Эйвери тоже будет здесь, и это обстоятельство его раздражало. Было неуместно, чтобы она присутствовала на этой вечеринке, где они с Кей в течение многих лет вели себя привычно и безмятежно.

Впервые он увидел ее, когда кто-то открыл вращающуюся дверь на кухню, а когда немного позже она вышла и их глаза встретились, он точно понял, что абсолютно не любит ее. Джордж подошел к ней и заговорил, и по первым же ее словам понял, что с ней тоже что-то произошло, и она выглядела рассеянно. Ей досталась главная роль.

— Я ошеломлена! — радостно воскликнула она. — Я не думала, что у меня есть шанс, и не думала ни о чем другом с тех пор, как прочитала книгу год назад.

— Это чудесно. Я ужасно рад.

Однако у него было чувство, что он должен смотреть на нее с некоторым сожалением, нельзя было перескакивать с такой сцены, как сегодня днем, в плоскость случайного дружеского интереса. Внезапно она начала смеяться.

— О, мы такие актеры, Джордж — ты и я.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Не знаю.

— Да все ты знаешь. Сегодня днем ты так и сделал. Жаль, что у нас не было камеры.

Кроме как признаться ей в любви, ему больше нечего было сказать. Он молча усмехнулся. Вокруг них образовалась толпа, которая поглотила их, и Джордж, почувствовав, что он получил все, что хотел, стал подумывать о возвращении домой. Взволнованная и сентиментальная пожилая дама — чья-то мать — подошла и начала говорить ему, как сильно она в него верит, а он в течение получаса был вежлив и обаятелен с ней, каким только мог быть. Затем он подошел к Кей, которая весь вечер просидела с Артуром Бушем, и предложил поехать домой.

Она неохотно подняла глаза. Она выпила несколько бокалов, и это еще мягко сказано. Ей не хотелось уходить, но после небольшого препирательства она встала, а Джордж пошел наверх за пальто. Когда он спустился, Кэтрин Дэвис сказала ему, что Кей уже вышла к машине.

Толпа прибывала, и чтобы избежать общего пожелания спокойной ночи, он вышел на лужайку через дверь солярия. Менее чем в двадцати футах от себя он увидел фигуры Кей и Артура Буша на фоне яркого уличного освещения — они стояли близко друг к другу и смотрели друг другу в глаза. Он заметил, что они держатся за руки.

От неожиданности Джордж инстинктивно развернулся, возвратился в дом по своим следам, быстро пересек комнату, покинутую ранее, и с шумом выскочил через парадную дверь. Но Кей и Артур Буш стояли все еще близко друг к другу, потом медленно, с отсутствующим видом они наконец обернулись и увидели его. Затем они, казалось, сделали над собой усилие — отстранились друг от друга, словно им было физически больно. Джордж с особым радушием попрощался с Артуром Бушем, и через мгновение они с Кей уже ехали домой сквозь ясную калифорнийскую ночь.

Он ничего не сказал, Кей тоже молчала. Он был недоверчив. Он подозревал, что Кей целовалась с другими мужчинами то тут, то там, но он никогда не видел, как это происходило, и не задумывался об этом. Сейчас совсем другое дело — в этом был элемент нежности, а в глазах Кей было что-то завуалированное и далекое, чего он никогда раньше там не видел.

Не разговаривая, они вошли в дом. Кей остановилась у двери библиотеки и заглянула внутрь.

— Там кто-то есть, — сказала она и добавила без всякого интереса: — Я пошла к себе наверх. Спокойной ночи.

Когда она взбежала по лестнице, человек, находившийся в библиотеке, выглянул в холл.

— Мистер Ханнафорд...

Это был бледный и крепкий молодой человек, его лицо показалось Джорджу смутно знакомым, но он не мог вспомнить, где видел его раньше.

— Мистер Ханнафорд? — спросил молодой человек. — Я узнал вас по вашим фотографиям.

Он посмотрел на Джорджа с явным благоговением.

— Чем могу быть полезен?

— Ну, может быть, вы зайдете сюда?

— Зачем? Я не знаю, кто вы такой.

— Меня зовут Донован. Я брат Маргарет Донован.

Его лицо немного посуровело.

— Что-нибудь случилось? — спросил Джордж.

Донован сделал движение в сторону двери.

— Идите ко мне.

Теперь его голос звучал уверенно, почти угрожающе.

Джордж поколебался, потом вошел в библиотеку. Донован последовал за ним и встал напротив него за столом, расставив ноги и засунув руки в карманы.

— Ханнафорд, — сказал он тоном человека, пытающегося разжечь в себе гнев, — Маргарет хочет пятьдесят тысяч долларов.

— О чем, черт возьми, вы говорите? — недоверчиво воскликнул Джордж.

— Маргарет хочет пятьдесят тысяч долларов, — повторил Донован.

— Вы точно брат Маргарет Донован?

— Да.

— Я в это не верю, — хотя теперь он увидел сходство. — Маргарет знает, что вы здесь?

— Это она послала меня сюда. Она отдаст вам эти два письма за пятьдесят тысяч, и никаких вопросов.

— Каких письма? — Джордж хихикнул. — Это какая-то шутка Шредера, что ли?

— Это не шутка, Ханнафорд. Я имею в виду письма, под которыми вы подписались своим именем сегодня днем.

III

Час спустя Джордж поднялся наверх в каком-то оцепенении. Неловкость происходящего была одновременно возмутительной и поразительной. То, что человек, с которым он дружил семь лет, вдруг потребовал от него подписи на бумагах, которые на самом деле не являлись таковыми, заставило весь окружающий мир казаться прозрачным и ненадежным. Даже сейчас этот поступок занимал его больше, чем защита от него, и он пытался воссоздать те шаги, по которым Маргарет пришла к этому акту безрассудства или отчаяния.

В течение десяти лет она работала сценаристкой на разных студиях и у разных режиссеров, зарабатывая сначала двадцать, а теперь и по сто долларов в неделю. Она была хороша собой и умна, в любой момент за эти годы она могла бы попроситься на кинопробы, но ей не хватало какой-то инициативы или амбиций. Не раз ее мнение делало или ломало начинающуюся карьеру. И все же она ждала, стоя рядом с режиссерами, все больше осознавая, что годы ускользают безвозвратно.

Больше всего Джорджа поразило, что в качестве жертвы она выбрала именно его. Однажды, за год до его женитьбы, между ними возникло мимолетное чувство, он взял ее с собой в «Мейфэр» на бал и вспомнил, что в тот вечер целовался с ней по дороге домой. Нерешительный флирт продолжался в течение недели. Прежде, чем это успело перерасти во что-то серьезное, он отправился на Восточное побережье и там встретил Кей.

Молодой Донован показал ему копию подписанных им писем. Они были напечатаны на пишущей машинке, которую он держал в своем бунгало при студии, и были тщательно и убедительно сформулированы. Это были его «любовные письма», из которых явствовало, что он любовник Маргарет Донован, что он хочет на ней жениться и что по этой причине он собирается оформить развод. Это было невероятно. Кто-то должен был видеть, как он подписывал их в то утро, кто-то должен был слышать, как она сказала: «Ваши инициалы похожи на инициалы мистера Харриса».

Джордж устал. Он готовился к съемкам футбольного матча, который должен был состояться на следующей неделе, и тренировался с командой Южной Калифорнии, из-за этого у него был напряженный график работы. Посреди сумбурных и отчаянных размышлений о Маргарет Донован и Кей он внезапно зевнул. Машинально он поднялся наверх, разделся и лег в постель.

Незадолго до рассвета Кей пришла к нему в сад. Мимо него теперь текла река, и лодки, слабо освещенные зелеными и желтыми огнями, медленно проплывали мимо. Нежный звездный свет падал, как дождь, на темное, спящее лицо мира, на черные таинственные кроны деревьев, на спокойную сверкающую воду и далекий берег.

Трава была влажной, и Кей торопливо подошла к нему, ее тонкие тапочки промокли от росы. Она встала на его ботинки, тесно прижавшись к нему, и подняла лицо, как показывают раскрытую на нужной странице книгу.

— Подумай, как ты любишь меня, — прошептала она. — Я не прошу тебя любить меня всегда вот так, но я прошу тебя помнить.

— Ты всегда будешь такой для меня.

— О, нет, не буду, но обещай мне, что ты запомнишь, — у нее текли слезы. — Я буду другой, но в глубине души я всегда останусь тем, кем я являюсь сегодня.

Сцена медленно растворилась, и Джордж с трудом пришел в себя. Он сел в постели. Уже наступило утро. Во дворе снаружи он услышал, как медсестра

инструктирует его сына о тонкостях поведения двухмесячных младенцев. Из соседнего двора маленький мальчик таинственно крикнул: «Кто пропустил меня через этот шлагбаум?»»

Все еще в пижаме Джордж подошел к телефону и позвонил своим адвокатам. Затем он позвал слугу, и пока его брили, из хаоса предыдущей ночи возник определенный порядок. Во-первых, он должен разобраться с Маргарет Донован, во-вторых, он должен скрыть это от Кей, которая в своем нынешнем состоянии может поверить во что угодно, и, в-третьих, он должен уладить отношения с Кей. Последнее казалось самым важным из всех.

Заканчивая одеваться, он услышал, как внизу зазвонил телефон, и, инстинктивно чуя опасность, поднял трубку.

— Алло... Ах, да, — подняв голову, он увидел, что обе его двери закрыты. — Доброе утро, Хелен... Все в порядке, Долорес. Я уже взял трубку.

Он подождал, пока не услышал щелчок в трубке.

— Как ты себя чувствуешь сегодня утром, Хелен?

— Джордж, я звоню по поводу вчерашнего вечера. Не могу выразить, как мне жаль.

— Жаль? О чем ты сожалеешь?

— О том, как я с тобой обошлась. Джордж, я не знаю, что со мной случилось. Я не спала всю ночь, думая о том, как я ужасно поступила.

В замутненном сознании Джорджа воцарился полный хаос.

— Не говори глупостей, — сказал он.

К своему отчаянию, он услышал, как его собственный голос продолжал:

— Сначала я ничего не понимал, Хелен, но потом подумал, что так будет даже лучше.

— О, Джордж, — через мгновение раздался ее очень тихий голос.

Снова воцарилось молчание. Он начал застегивать запонку.

— Мне пришлось позвонить, — сказала она через мгновение. — Я не могу так все оставить.

Запонка упала на пол, он наклонился, чтобы поднять ее, а затем сказал:

— Хелен! — пытаюсь скрыть факт своего непродолжительного отсутствия.

— Что, Джордж?

В этот момент дверь в холл открылась, и Кей, излучая легкую неприязнь, вошла в комнату. Она замешкалась.

— Ты занят?

— Все в порядке.

Мгновение он смотрел в трубку.

— Что ж, до свидания, — отрывисто пробормотал он, повесил трубку, и повернулся к Кей:

— Доброе утро.

— Я не хотела тебя беспокоить, — сказала она отстраненно.

— Ты не можешь меня потревожить, — он заколебался. — Это была Хелен Эйвери.

— Меня не волнует, кто это был. Я пришла спросить тебя, идем ли мы сегодня вечером в Кокосовую рощу.

— Присядь, Кей.

— Я не хочу разговаривать.

— Присядь на минутку, — нетерпеливо сказал он.

Она села.

— Как долго ты собираешься продолжать в том же духе? — потребовал он.

— Я ничего не собираюсь продолжать. Между нами все кончено, Джордж, и ты это знаешь не хуже меня.

— Это абсурд, — сказал он. — Неделью назад...

— Это не имеет значения. Мы приближались к этому в течение нескольких месяцев, и теперь все кончено.

— Ты хочешь сказать, что не любишь меня?

Он не был особенно встревожен. Они уже проходили через подобные сцены раньше.

— Я не знаю. Наверное, в каком-то смысле я всегда буду любить тебя, — внезапно она начала всхлипывать. — О, все это так печально. Он так долго заботился обо мне.

Джордж уставился на нее. Оказавшись лицом к лицу с тем, что, по-видимому, было настоящим чувством, он не находил слов. Она не сердилась, не угрожала и не притворялась, вообще не думала о нем, но была полностью поглощена своими чувствами по отношению к другому мужчине.

— В чем дело? — он волновался. — Ты пытаешься сказать мне, что влюблена в этого человека?

— Я не знаю, — беспомощно сказала она.

Он шагнул к ней, затем подошел к кровати и лег на нее, страдальчески уставившись в потолок. Через некоторое время постучалась горничная и сообщила, что мистер Буш и мистер Касл, адвокат Джорджа, внизу. Этот факт не имел для него никакого значения. Кей ушла в свою комнату, он встал и последовал за ней.

— Давай сообщим, что мы уходим, — сказал он. — Мы можем поехать куда-нибудь и все обсудить.

— Я не хочу.

Она уже была далеко, с каждой минутой становясь все более загадочной и далекой. Вещи на ее туалетном столике принадлежали незнакомке.

Он начал говорить сухим, торопливым голосом.

— Если ты все еще думаешь о Хелен Эйвери, то это чепуха. Мне никогда не было дела ни до кого, кроме тебя.

Они спустились вниз и прошли в гостиную. Был почти полдень — еще один яркий, безэмоциональный калифорнийский день. Джордж увидел, что противное лицо Артура Буша в солнечном свете было бледным, он сделал шаг к Джорджу и затем остановился, как будто ждал чего-то — угрозы, упрека, удара.

В мгновение ока в голове Джорджа пронеслась сцена, которая должна была разыгаться в ближайшее время. Он видел себя, играющего на сцене, видел

свою роль, бесконечный выбор ролей, но в каждой из них Кей была против него и с Артуром Бушем. Разом он их все отверг.

— Надеюсь, вы извините меня, — быстро сказал он мистеру Каслу. — Я позвонил вам, потому что наша сценаристка по имени Маргарет Донован хочет пятьдесят тысяч долларов за несколько писем, которые, как она утверждает, я ей написал. Конечно, все это...

Он прервался. Сейчас это не имело значения:

— Я сам приду к вам завтра.

Он подошел к Кей и Артуру так, чтобы только они могли слышать.

— Я ничего не знаю о вас двоих — делайте, что хотите. Но не впутывайте меня в это дело, вы не имеете права навязывать мне все это, потому что, в конце концов, я ни в чем не виноват. Я не собираюсь вмешиваться в ваши чувства.

Он повернулся и вышел. Его машина стояла перед дверью, и он сказал водителю:

— Поезжай в Санта-Монику, — потому что это было первое, что пришло ему в голову. Машина уехала в бесконечный, лишенный дымки солнечный свет.

Он ехал три часа, миновав Санта-Монику, а затем по другой дороге в сторону Лонг-Бич. Словно краем глаза, но лишь отрывочно, он представлял себе, как Кей и Артур Буш тоже куда-то едут. Кей будет много плакать, и ситуация поначалу покажется им тяжелой и неожиданной, но нежное завершение дня сблизит их. Они неизбежно поворачивались друг к другу, а он все больше и больше становился их внешней угрозой.

Кей хотела, чтобы он упал в грязь и пыль сцены и бросился за ней. Но он этого не делает — он ненавидел сцены. Как только он опустится до того, чтобы соревноваться с Артуром Бушем за сердце Кей, он никогда не будет прежним для самого себя. Он всегда будет немного похож на Артура Буша, у них всегда будет нечто общее, будто постыдная тайна. Джордж не был великим актером, миллионы людей, перед глазами которых в течение десяти лет мелькали настроения и изменения его лица, не обманывались на этот счет. С того момента, когда двадцатилетним юношей его красивые глаза устремились в воображаемую даль вестерна Гриффита, его зрители на самом деле наблюдали за продвижением прямолинейного, медленно соображающего, романтического мужчины по случайно подвернувшейся гламурной жизни.

Его вина заключалась в том, что он слишком рано успокоился. Он вдруг понял, что оба Фэрбенкса, сидящие за столом бок о бок, просто соблюдают этикет. Они были заложниками судьбы. Это был, пожалуй, самый причудливый союз людей в богатой, дикой, скучающей империи, и для того, чтобы брак здесь был удачным, нужно либо ничего не жаждать, либо вы должны всегда быть вместе. На мгновение его взгляд отвлекся от Кей, и он тут же сослепу попал в беду.

Пока он думал об этом и гадал, куда ему поехать и чем заняться, он миновал многоквартирный дом, который всколыхнул его память. Дом стоял на окраине города, розовый ужас, построенный, чтобы представлять что-то, но что хотел

сказать этим архитектор, должно быть, он сам давно забыл. И вдруг Джордж вспомнил, что однажды он забирал отсюда Маргарет Донован на танцы в «Мэйфейре».

— Остановись у этих апартаментов! — крикнул он водителю в переговорную трубку.

Джордж вошел внутрь. Лифтер-негр, пока они поднимались в кабине, уставился на него с открытым ртом. Дверь открыла сама Маргарет Донован.

Увидев его, она отпрянула с легким вскриком. Когда он вошел и закрыл за собой дверь, она отступила перед ним в переднюю комнату. Джордж последовал за ней.

На улице были сумерки, и в квартире было сумрачно и грустно. Последние лучи света мягко падали на обычную мебель и огромную галерею фотографий с автографами актеров кино, занимавшую целую стену. Ее лицо побелело, и, глядя на него, она начала нервно заламывать руки.

— Что это за ерунда, Маргарет? — сказал Джордж, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучало ни малейшего упрека. — Тебе так сильно нужны деньги?

Она неопределенно покачала головой. Она смотрела на него, и ее глаза были наполнены каким-то ужасом, Джордж уставился в пол.

— Я полагаю, это была идея твоего брата. По крайней мере, я не могу поверить, что ты это придумала сама. Ты же не такая глупая.

Он поднял голову, стараясь сохранить грубовато-хозяйскую манеру разговора с непослушным ребенком, но при виде ее лица все эмоции, кроме жалости, покинули его.

— Я немного устал. Ты не возражаешь, если я присяду?

— Нет.

— Я сегодня немного сбит с толку, — сказал Джордж через минуту. — Кажется, сегодня все окружающие люди имеют на меня зуб.

— Почему? Я думала, — в ее голосе появилась легкая ирония, — Я думала тебя все любят, Джордж.

— Оказывается, не все.

— Только я?

— Да, — рассеянно ответил он.

— Как бы я этого хотела. Но тогда, конечно, ты не был бы собой.

Внезапно он понял, что она говорит совершенно серьезно.

— Это просто чепуха.

— По крайней мере, ты здесь, — продолжала Маргарет. — Полагаю, я должна быть этому рада. Так и есть. Я часто представляла, как ты сидишь в этом кресле, как раз в это время, в сумерках. Я придумывала маленькие одноактные пьески о том, что тогда будет. Хочешь услышать одну из них? Тогда мне придется подойти и сесть на полу у твоих ног.

Раздраженный и в то же время зачарованный, Джордж отчаянно пытался припомнить какое-нибудь слово или сменить выражение лица, чтобы поместить тему разговора.

— Тогда мне придется подойти и сесть на полу у твоих ног. —
Раздраженный и в то же время зачарованный,
Джордж отчаянно пытался припомнить какое-нибудь слово
или сменить выражение лица, чтобы поменять тему разговора.

— Я так часто видела, как ты сидишь здесь, и сейчас, Джордж, ты выглядишь ничуть не реальнее своего призрака. Разве что шляпа сбила твои прекрасные волосы на одну сторону, а под глазами у тебя темные круги или грязь. Ты выглядишь бледным, Джордж. Вероятно, прошлой ночью ты был на крутой вечеринке.

— Так оно и было. И когда я вернулся домой, то обнаружил, что меня ждет твой брат.

— Он хороший официант и умеет ждать, Джордж. Он только что вышел из тюрьмы Сан-Квентин, где выжидал последние шесть лет.

— Значит, это была его идея?

— Мы готовили это вместе. На свою долю я собиралась в Китай.

— Почему я стал жертвой?

— Это представлялось самым реальным. Когда-то, пять лет назад, я думала, что ты влюбишься в меня.

Бравада внезапно исчезла из ее голоса, и было еще достаточно светло, чтобы увидеть, как дрожат ее губы.

— Я любила тебя много лет, — сказала она, — с того самого первого дня, когда ты приехал на Запад и вошел в старую студию «Реаларт». Ты был таким храбрым по отношению к людям, Джордж. Кто бы это ни был, ты подходил к нему, отбрасывая что-то в сторону, как будто это мешало тебе, и сразу начинал разговор. Я пыталась привлечь твоё внимание, как и все остальные, но это было трудно. Ты притягивал людей к себе и удерживал их, не давая возможности пошевелиться.

— Ты это все выдумываешь, — сказал Джордж, смущенно хмурясь, — и я не могу контролировать...

— Да, ты не можешь контролировать обаяние. Ты его просто используешь. Обладая таким свойством, ты должен использовать его, чтобы идти по жизни, привязывая к себе людей, которые тебе не нужны. Я не виню тебя. Если бы ты только не поцеловал меня в ночь танцев в «Мейфере»... Наверное, это было из-за шампанского.

Джорджу показалось, что оркестр, долгое время игравший где-то вдалеке, внезапно переместился в его окно. Он всегда чувствовал, что вокруг него происходят подобные вещи. Теперь, когда он задумался об этих словах, он понял, что всегда сознавал любовь Маргарет, но слабая музыка этих чувств, звучавшая в его ушах, казалось, не имела никакого отношения к реальной жизни. Это были фантомы, которые он придумал из ничего; он никогда не представлял себе их реального воплощения. По его желанию они должны были бесследно исчезнуть.

— Ты не можешь себе представить, на что это было похоже, — продолжила Маргарет через минуту. — Любая сказанная и сразу же забытая тобой фраза давала мне пищу для размышлений. Я ночь за ночью засыпала, вспоминая эти фразы, пытаюсь выжать из них нечто большее. После той ночи, когда ты отвез меня в «Мейфэр», другие мужчины для меня больше не существовали. А они были, ты знаешь, и их было много. Я видела, как ты идешь к нашему офису, смотришь на землю и слегка улыбаешься, как будто с тобой произошло что-то очень забавное. Когда я проходила мимо, ты поднимал глаза и говорил, улыбаясь: «Привет, дорогуша!», мое сердце переворачивалось. Это происходило по четыре раза в день.

Джордж встал, и она тоже быстро вскочила.

— О, я наскучила тебе, — тихо воскликнула она. — Я могла бы догадаться, что надоела тебе. Тебе хочется домой. Посмотрим, есть ли что-нибудь еще? Ах, да, ты можешь забрать эти письма.

Достав их из письменного стола, она поднесла их к окну и рассмотрела.

— Это действительно прекрасные письма. Они бы прославили твой творческий дар. Я полагаю, хотя это звучит довольно глупо, но это преподаст тебе урок насчет... насчет подписания документов или чего-то в этом роде.

Она разорвала письма на мелкие кусочки и выбросила их в мусорную корзину:

— А теперь уходи, — сказала она.

— Почему?

В третий раз за двадцать четыре часа на его глаза навернулись невольные и печальные слезы.

— Пожалуйста, уходи! — сердито воскликнула она. — Или оставайся, если хочешь. Я твоя. Ты знаешь это. Ты можешь заполучить любую женщину в мире, стоит тебе только поднять руку. Мне развлечь тебя?

— Маргарет...

— О, тогда не продолжай, — она села и отвернулась. — В конце концов, через минуту ты начнешь выглядеть глупо. Тебе бы это не понравилось, не так ли? Так что уходи.

Джордж стоял, пытаясь поставить себя на ее место и сказать что-нибудь, что не выглядело бы пошлостью или банально, но ничего не получалось.

Он пытался заглушить свою личную боль, дискомфорт, смутное чувство презрения, не обращая внимания на то, что она наблюдает за ним, понимает все это, и ей нравится борьба эмоций на его лице. Внезапно его собственные нервы не выдержали напряжения последних двадцати четырех часов, и он почувствовал, как у него помутнело в глазах и сжимается горло. Он беспомощно покачал головой. Затем он отвернулся — все еще зная, что она наблюдает за ним и любит его так, что сердце ее разрывается от боли, — и направился к двери.

IV

Машина остановилась перед его домом, в котором было темно, если не считать маленьких лампочек в детской и нижнем холле. Он услышал, как зазвонил телефон, но, когда снял трубку на линии никого не было. Несколько минут он бродил в темноте, переходя с места на место и наконец подошел к окну, чтобы взглянуть в пустоту ночи.

Странно было оставаться одному, чувствовать себя одиноким. В его переутомленном состоянии это было неприятно. Как беспокойства прошлой ночи сделали Хелен Эйвери бесконечно далекой, так и разговор с Маргарет послужил катарсисом его личных страданий. Он знал, что в скором времени все это снова нахлынет на него, но в данный момент его разум был слишком утомлен, чтобы вспоминать, воображать или беспокоиться.

Прошло полчаса. Он видел, как Долорес вышла из кухни, взяла газету с крыльца и отнесла ее обратно на кухню, чтобы почитать. Со смутной мыслью собрать свой саквояж, он поднялся вверх. Открыв дверь в комнату Кей, он обнаружил ее лежащей.

Какое-то мгновение он молчал, затем он вошел в комнату и включил свет.

— В чем дело? — небрежно спросил он. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Я пыталась немного поспать, — сказала она. — Джордж, как ты думаешь, та девушка сошла с ума?

— Какая девушка?

— Маргарет Донован. Я никогда в жизни не слышала ни о чем более ужасном.

На мгновение ему показалось, что произошло еще что-то новенькое.

— Пятьдесят тысяч долларов! — возмущенно воскликнула она. — Да я бы ей в жизни не отдала, даже если бы это было правдой. Ее следовало бы отправить в тюрьму.

— О, все не так ужасно, как кажется, — сказал он. — У нее есть брат, довольно паршивый парень, и это была его идея.

— Она способна на все, — торжественно произнесла Кей. — А ты просто дурак, если не видишь этого. Она мне никогда не нравилась. У нее грязные волосы.

— Ну и что из этого? — нетерпеливо спросил он и добавил: — Где Артур Буш?

— Он ушел домой сразу после обеда. Или, скорее, я отправила его домой.

— Ты решила, что не любишь его?

Она подняла глаза почти с удивлением.

— Люблю его? А-а, ты имеешь в виду сегодняшнее утро. Я просто злилась на тебя, и ты должен был об этом узнать. Мне было немного жаль его вчера вечером, но я думаю, это из-за лишнего бокала.

— Хорошо, что ты имела в виду, когда...

Он замолчал. Что бы он не подумал или не предпринял, везде была неразбериха, и он твердо решил ни о чем не думать.

— Боже мой! — снова воскликнула Кей. — Пятьдесят тысяч долларов!

— Ой, да забудь об этом. Она порвала эти письма — и все в порядке.

— Джордж.

— Да.

— Конечно, Дуглас немедленно уволит ее.

— Конечно, он этого не сделает. Он просто ничего об этом не узнает.

— Ты хочешь сказать, что не собираешься ничего предпринять? После всего произошедшего?

Он вскочил.

— Ты думаешь, она так подумала? — воскликнул он.

— О чем подумала?

— Что я попрошу ее уволить?

— Тебе, ей-богу, следует это сделать.

Он торопливо просмотрел телефонную книгу в поисках ее имени.

— Оксфорд... — сказал он, взяв телефонную трубку.

— Мне придется заехать в больницу. Я был немного груб сегодня днем и думаю, что отчасти виноват в происшедшем.

Через необычно долгое время ответила телефонистка:

— Апартаменты Бурбон.

— Мисс Маргарет Донован, пожалуйста.

— Сейчас... — голос оператора прервался. — Подождите, пожалуйста, минутку.

Он держал трубку, прошла минута, затем другая. Затем услышал голос телефонистки:

— Я не могу вас соединить с ней. С мисс Донован произошел несчастный случай. Она застрелилась. Когда вы звонили, ее провезли через вестибюль в больницу Святой Екатерины.

— Она... Это правда? — отчаянно спросил Джордж.

— Сначала они подумали, что она мертва, но теперь считают, что с ней все будет в порядке. Они собираются достать пулю.

— Спасибо.

Он встал и повернулся к Кей.

— Она пыталась покончить с собой, — сказал он напряженным голосом. — Мне придется заехать в больницу. Я был немного груб сегодня днем и думаю, что отчасти виноват в происшедшем.

— Джордж, — внезапно сказала Кей.

— Что?

— Тебе не кажется, что это как-то неразумно — ввязываться в это? Люди могут сказать...

— Мне наплевать, что они скажут, — грубо ответил он.

Он пошел в свою комнату и машинально стал готовиться к поездке. Увидев в зеркале свое отражение, он закрыл глаза с внезапным возгласом отвращения, и решил не расчесывать волосы.

— Джордж, — крикнула Кей из соседней комнаты: — Я люблю тебя!

— Я тебя тоже люблю.

— Звонил Жюль Реннар. Что-то о ловле барракуд.

— Тебе не кажется, что было бы забавно устроить вечеринку на яхте?

Пригласи и мужчин, и девушек.

— Что-то мне не особо нравится эта идея. Весь смысл ловли барракуд...

Внизу зазвонил телефон, и он вздрогнул. Долорес ответила на звонок.

Это была дама, которая сегодня звонила уже дважды.

— Мистер Ханнафорд дома?

— Нет, — быстро ответила Долорес. Она показала язык и повесила трубку, как раз в тот момент, когда Джордж Ханнафорд спустился вниз. Она помогла ему надеть пальто, стоя так близко, как только могла, открыла дверь и вышла следом за ним на крыльцо.

— Мистер Ханнафорд, — внезапно сказала она, — это была мисс Эйвери, она звонила сегодня пять-шесть раз, я сказала, что вас нет дома, а миссис Кей я ничего не говорила.

— Что? — он уставился на нее, гадая, как много ей известно о его делах.

— Она только что позвонила, и я сказала, что вы ушли.

— Хорошо, — рассеянно сказал он.

— Мистер Ханнафорд.

— Да, Долорес.

— Я действительно не ушиблась в то утро, когда упала с крыльца.

— Это прекрасно. Спокойной ночи, Долорес.

— Спокойной ночи, мистер Ханнафорд.

Джордж улыбнулся ей, слабо, мимолетно, разрывая завесу между ними, неосознанно обещая ей возможный доступ к тысяче наслаждений и чудес, которые знал и которыми мог повелевать только он. Затем он пошел к ожидавшей его машине, а Долорес, сев на крыльцо, скрестила руки в жесте, который мог выражать либо экстаз, либо удушье, и стала наблюдать за восходом тусклой, бледной калифорнийской луны.

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО

I

Самое удивительное не в том, что люди в течение жизни оказываются хуже или лучше, чем им пророчили (особенно это заметно в Америке), поразительно то, что люди остаются верными самим себе, исполняют свои роли и кажутся на самом деле даже воодушевленными неизбежностью судьбы.

Один из моих секретов заключается в том, что никто не смог разочаровать меня с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать лет, так как я научился отличать настоящего человека от напыщенного. Многие из показушных и дешевых людей из моего прошлого, похоже, остаются такими и сейчас, и вряд ли они изменятся.

Эмили Каслтон родилась в Гаррисберге в доме средних размеров, в шестнадцать лет переехала в Нью-Йорк, в большой дом, ходила в школу Брайарли, переехала в огромный дом, переехала в особняк в Такседо-парке, переехала за границу, где светилась на светских раутах и мелькала на страницах множества газет. Еще в год ее дебюта один из тех французских художников, которые так категорично относятся к американским красавицам, включил ее в число одиннадцати публичных и непубличных знаменитостей как один из идеальных типажей Америки. В то время многие мужчины соглашались с ним.

Она была невысокого роста, с приятными, довольно крупными чертами лица, глазами такой бездонной голубизны, что вы действительно ощущали это всякий раз, когда смотрели на нее, и копной густых светлых волос — привлекательных и ярких. Ее мать и отец мало что знали о новом мире, в котором они проживали, поэтому Эмили пришлось все узнавать самой, она сначала всегда попадала в глупые ситуации, и первое цветение немного увяло. Однако оно не прекратилось. Были помолвки и невнятные обязательства, короткие страстные увлечения, а затем, в двадцать два года, —

большой роман, который ее озлобил и заставил скитаться по континентам в поисках счастья. Она стала «артистичной», как это делают большинство богатых незамужних девушек в этом возрасте, потому что у артистичных людей, кажется, есть какой-то секрет, какое-то внутреннее убежище, какой-то выход. Но большинство ее подруг теперь были замужем, и для отца ее жизнь стала большим разочарованием. Итак, в двадцать четыре года, с мыслью о замужестве в голове, если не в сердце, Эмили вернулась домой.

Это была низшая точка в ее карьере, и Эмили осознавала это. Она не всегда поступала хорошо. Не все у нее получалось. Она была одной из самых популярных, самых красивых девушек своего поколения, обладала обаянием, деньгами и своего рода славой, но ее поколение уже вовсю осваивало новые сферы деятельности. При первой же нотке снисходительности со стороны бывшей одноклассницы, ныне молодой «матроны», она отправилась в Ньюпорт, где и была завоевана Уильямом Бревуртом Блэром. Она сразу же снова стала несравненной Эмили Каслтон. Призрак французского художника вновь замаячил на страницах газет — самым обсуждаемым светским событием октября стал день ее свадьбы.

«Пышное светское бракосочетание... Специально для торжеств Гарольда Каслтон строит несколько павильонов стоимостью в пять тысяч долларов каждый, расположенных наподобие соединенных шатров цирка, в которых будут проходить прием, свадебный ужин и бал... Почти тысяча гостей, многие из которых крупные предприниматели, пообщаются с теми, кто доминирует в светском мире... Свадебные подарки оцениваются в четверть миллиона долларов...»

За час до церемонии, которая должна была состояться в церкви Святого Варфоломея, Эмили сидела перед туалетным столиком и смотрела на свое отражение в зеркале. В тот момент она немного устала от своего лица, и ее внезапно посетила гнетущая мысль о том, что в ближайшие пятьдесят лет за ним потребуется все больше и больше ухода.

— Я должна быть счастлива, — сказала она вслух, — но все мысли, которые приходят мне в голову, печальны.

Ее двоюродная сестра Олив Мерси, сидевшая на краю кровати, кивнула.

— Все невесты грустят.

— Это такое расточительство жизни, — произнесла Эмили.

Олив нетерпеливо нахмурилась.

— Какое расточительство? Женщина неполноценна, если она не замужем и не имеет детей.

Мгновение Эмили не отвечала. Затем она медленно произнесла:

— Да, но чьи это дети?

Впервые в своей жизни Олив, которая боготворила Эмили, почти возненавидела ее. Ни одна девушка на свадьбе не отказалась бы от брака с Бревуртом Блэром — Олив была в их числе.

— Я самый романтичный человек,
которого я когда-либо встречала в своей жизни.

— Тебе повезло, — сказала она. — Тебе так повезло, а ты даже не подзреваешь об этом. Тебя следовало бы отлупить за такие разговоры

— Я люблю его, — шуточно заявила Эмили. — Любовь придет вместе с браком. Ну, разве это не чертовски заманчивая перспектива?

— Почему так нарочито неромантично?

— Напротив, я самый романтичный человек, которого я когда-либо встречала в своей жизни. Знаешь, о чем я подумаю, когда он обнимет меня? Я подумаю, что если подниму глаза, то увижу глаза Гарланда Кейна.

— Но почему же тогда...

— Садясь на днях в его самолет, я вспоминала капитана Марчбэнкса и маленький двухместный самолет, на котором мы перелетали Ла-Манш, разбивая друг другу сердца и ни слова не говоря об этом из-за его жены. Я не жалею об этих мужчинах, я просто сожалею о той части себя, которая проявляла внимание. Осталось только убрать в памяти и передать все это Бревурту в розовой корзине для мусора. Там должно было быть что-то еще: даже когда я была очень увлечена, я думала, что приберегаю что-то важное для единственного. Но, очевидно, это было не так, — она замолчала, а затем добавила: — И все же мне интересно — что же это такое?

Ситуация была довольно провокационной для Олив, так как она все поняла, и, если бы не ее положение бедной родственницы, она бы высказала свое мнение. Эмили была сильно избалована — восемь лет мужчины уверяли ее, что они недостаточно хороши для нее, и она приняла эту тактичность как правду.

— Ты нервничаешь. — Олив постаралась, чтобы в голосе не прозвучало раздражение. — Почему бы тебе не прилечь на часок?

— Да, — рассеянно ответила Эмили.

Олив вышла и спустилась вниз. В нижнем холле она столкнулась с Бревуртом Блэром, одетым в свадебный костюм вплоть до белой гвоздики и находившимся в состоянии сильного волнения.

— О, прошу прощения, — выпалил он. — Я хотел увидеть Эмили. Дело в кольцах — какое она пожелает выбрать. У меня заготовлено четыре разных пары, а она так и не определилась. Я не могу просто так у алтаря протянуть их все четыре и позволить ей там выбирать.

— Я знаю, что она хочет простое платиновое кольцо. Если вы хотите увидеть ее в любом случае...

— О, спасибо большое. Я не хочу ее беспокоить

Они стояли близко друг к другу, и даже в этот момент, когда он ушел, Олив не могла не думать о том, как схожи они с Бревуртом. Волосы, цвет кожи, черты лица — они могли бы быть братом и сестрой, и у них были одинаково застенчивые серьезные характеры, одинаково простая прямолинейность. Все это промелькнуло в ее голове в одно мгновение, а к этому добавилась мысль о том, что белокурая, бурная Эмили с ее жизненной силой и размахом, в конце концов, подходила ему лучше во всех отношениях. Затем, помимо

этого, ее захлестнула огромная волна нежности, чисто физической жалости и тоски, и, казалось, что стоит сделать полшага вперед, и она попадет в его руки, готовые принять ее.

Вместо этого она отступила назад, отстраняясь от него, словно все еще касаясь его кончиками пальцев, а затем отводя их в сторону. Возможно, какие-то флюиды ее эмоций пробились в его сознание, потому что он внезапно произнес:

— Я надеюсь, мы станем хорошими друзьями, верно? Пожалуйста, не думайте, что я забираю Эмили. Я знаю, что не могу владеть ею — никто не может, — и я не хочу этого.

Пока он говорил, она молча прощалась с ним, единственным мужчиной, который был ей нужен в жизни.

Ей понравилась сосредоточенная нерешительность, с которой он искал пальто и шляпу и как нелепо шарил в поисках ручки двери не с той стороны.

Когда он ретировался, она пошла в гостиную, великолепную и напыщенную, с расписными вакханалиями, массивными люстрами и портретами восемнадцатого века, которые могли бы быть предками Эмили, но таковыми не являлись, и от этого казались еще больше принадлежащими ей. Здесь она отдыхала, как всегда, в тени Эмили.

Через дверь, которая вела на маленький, бесценный клочок газона на Шестидесятой улице, ныне огороженный павильонами, вошел ее дядя мистер Гарольд Каслтон. Он пробовал собственное шампанское.

— Олив, такая милая и белокурая, — воскликнул он эмоционально: — Олив, детка, наконец она это сделала. У нее всегда внутри было все в порядке, как я и знал все это время. Умные люди смело делают этот шаг, не так ли? Я уже начал думать, что мы с Господом дали ей слишком много, что она никогда не будет довольна, но теперь она спустилась на землю, как... — он безуспешно искал метафору, — как настоящая леди, и Эмили в конце концов поймет, что это не так уж и плохо.

Он подошел ближе.

— Ты плакала, малышка Олив?

— Самую малость.

— А-а, сейчас это неважно, — сказал он великодушно. — Если бы я не был так счастлив, я бы тоже расплакался.

Позже, когда она вместе с двумя другими подружками невесты направилась в церковь, торжественная пульсация большой свадьбы, казалось, началась вместе с гудением машин. У дверей ее подхватил орган, а позже она звучала в виолончелях и контрабасах на балу, чтобы окончательно затухнуть вместе со звуком машины, увозящей жениха и невесту.

Вокруг церкви толпился народ, и в десяти футах от нее воздух был насыщен духами, слабым запахом чистых людей и запахом новой чистой одежды. За скоплением шляп в церкви в первых рядах по обе стороны виднелись две семьи. Блэйры — с одинаковым выражением слабой снисходительности

В ризнице подружки невесты в своих больших широкополых шляпах порхали, словно птички. В последний раз перед приездом Эмили они подкрашивали губы и поправляли булавки.

на лице, имеющейся не только у настоящих Блэйров, но даже у их родственников, — были представлены Гардинерами Блэйрами, старшим и младшим; леди Мэри Боус Ховард, урожденной Блэйр; миссис Поттер Блэйр; миссис Принцесс Потовки Парр Блэйр, урожденная Инчбит; мисс Глория Блэйр, мистер Гардинер Блэйр III и их родственники, богатые и бедные, Смайты, Биклы, Диффендорферы и Хамны. Через проход расположились Каслтоны — мистер Гарольд Каслтон, мистер и миссис Теодор Каслтон с детьми, Гарольд Каслтон-младший, мистер Карл Мерси из Харрисбурга и две маленькие тетушки по фамилии О'Киф, спрятавшиеся в углу. К их неописуемому удивлению, в то утро их усадили в лимузин и одели с головы до ног от модного кутюрье.

В ризнице подружки невесты в своих больших широкополых шляпах порхали, словно птички. В последний раз перед приездом Эмили они подкрашивали губы и поправляли булавки. Подружки представляли несколько этапов жизни Эмили — одноклассница из Брайарли, последняя незамужняя подруга ее дебюта, попутчица по европейскому турне и девушка, которую она навещала в Ньюпорте, где познакомилась с Бревуртом Блэром.

— У них сегодня Уэйкман, — сказала эта последняя, стоя у двери и слушая музыку. — Он играл для моей сестры, я ни в коем разе не хочу его у себя на свадьбе.

— Почему же?

— Да ведь он играет одно и то же — «На рассвете», на той свадьбе он играл ее с полдюжины раз.

В этот момент открылась еще одна дверь, и из-за нее показалась заботливая голова молодого человека.

— Ну что, невеста готова? — спросил он у ближайшей подружки невесты. — У Бревурта небольшой нервный припадок. Он просто стоит и комкает воротничок за воротничком...

— Успокойтесь, — ответила молодая леди. — Невеста всегда опаздывает на несколько минут.

— Ага, несколько минут! — запротестовал шафер. — Я бы не назвал это несколькими минутами. Гости уже начинают шуршать и елозить, как толпа в цирке, а органист уже полчаса играет одну и ту же мелодию. Я собираюсь попросить его сдуть немного джазу...

— Который час? — потребовала ответа Олив.

— Четверть пятого.

— Может быть, на дороге пробка. — Олив сделала паузу, когда мистер Гарольд Каслтон, за которым следовал встревоженный викарий, протиснулся внутрь, требуя телефон.

И вот уже от входа в церковь потянулись любопытные люди, один за другим, потом по двое, пока ризница не оказалась переполненной родственниками и растерянностью.

— Что случилось?

— В чем, черт возьми, дело?

Вошел шофер и что-то взволнованно доложил. Гарольд Каслтон выругался и с покрасневшимся лицом выскочил наружу. Была предпринята попытка очистить ризницу от лишних гостей, а затем, словно уравнивая общую неразбериху, в задней части церкви возник очаг разговоров и начал быстро распространяться по церкви, звуча все громче и громче, заставляя людей вскакивать с места. По всей церкви прокатился приглушенный ропот. Объявление у алтаря о том, что свадьба откладывается, почти не было услышано, поскольку к тому времени все уже знали, что они стали участниками скандала на первых полосах газет: «Эмили Каслтон сбежала, а Бревурт Блэр остался один у алтаря».

II

Когда Олив подъехала к дому Каслтонов на Шестидесятой улице, возле него стояло с десяток репортеров, но, поглощенная своими мыслями, она даже не услышала их вопросов, ей отчаянно хотелось пойти и утешить какого-нибудь парня, к которому нельзя было подходить, и в качестве замены она обратилась к своему дяде Гарольду. Она вошла в дом через соединяющиеся между собой павильоны, стоимостью пять тысяч долларов, где среди подносов с икрой, индюшачьей грудкой и пирамидальным свадебным тортом в почтительном полумраке все еще стояли повара и слуги, ожидая распоряжений. Поднявшись наверх, Олив обнаружила своего дядю сидящим на табурете перед туалетным столиком Эмили. Разложенные перед ним предметы косметики, наглядно демонстрировавшие репертуар женских приготовлений, превратили его на редкость неуместное присутствие в символ безумной катастрофы.

— А, это ты.

Его голос был вялым, он состарился за два часа. Олив положила руку на его поникшее плечо.

— Мне так ужасно жаль, дядя Гарольд.

Внезапно из него вырвался поток ненормативной лексики, затем затих, и по щеке медленно покатилась одинокая крупная слеза.

— Мне нужен мой массажист, — сказал он. — Скажи Макгрегору, чтобы позвал его.

Он издал долгий прерывистый вздох, похожий на вздох ребенка после плача, и Олив увидела, что его рукава были покрыты пудрой с туалетного столика, как будто он наклонялся вперед, плача над фужером шампанского.

— Вон, принесли телеграмму, почитай, — пробормотал он.

— Где?

И медленно добавил:

— Отныне ты моя дочь.

— О, вы не должны так говорить, дядюшка!

Развернув телеграмму, она прочла:

«Я не могу знать всех последствий, я буду чувствовать себя душой в любом случае, но я больше не желаю в этом участвовать, так что чертовски сочувствую тебе.

Эмили».

Когда появился массажист, Олив отправилась в библиотеку, где растерянная секретарша пыталась что-то сказать по телефону, который казался в этот момент слишком настойчивым и любопытным.

— Я так расстроена, мисс Мерси, — воскликнула она отчаянным дискантом. — Я так расстроена, что у меня ужасно разболелась голова. Мне полчаса казалось, что я слышу снизу танцевальную музыку.

Затем Олив пришло в голову, что у нее тоже начинается истерика — в перерывах между шумом уличного движения доносилась мелодия, ясная и отчетливо различимая:

*....она красивая,
Она милая,
Но мне все равно, ведь
Я ему не соперник.
Кто этот...*

Она быстро сбежала вниз по лестнице и прошла через гостиную, мелодия зазвучала в ушах еще громче. У входа в первый павильон она остановилась в оцепенении.

Под музыку небольшого, но, несомненно, профессионального оркестра дюжина молодых пар танцевала на брезентовом полу. У бара в углу стояло еще несколько молодых людей, а полдюжины помощников официанта деловито взбивали коктейли и открывали шампанское.

— Гарольд! — Олив требовательно окликнула она одного из танцоров. — Гарольд!

Высокий молодой человек лет восемнадцати передал свою партнершу другому и подошел.

— Привет, Олив, как отец это воспринял?

— Гарольд, что, во имя...

— Эмили сумасшедшая, — сказал он утешающе. — Я всегда говорил тебе, что Эмили сумасшедшая. Она безумна, как настоящий псих. Она всегда была такой.

— Что у вас здесь происходит?

— Это? — Он невинно огляделся по сторонам. — О, это всего лишь несколько моих друзей, с которыми я приехал из Кембриджа.

— Но... танцы, сейчас?

— Ну так ведь никто не умер, верно? Я подумал, что мы могли бы использовать закуску и выпивку...

— Скажи им, чтобы шли домой, — потребовала Олив.

— Зачем? Что, черт возьми, в этом плохого? Эти ребята проделали долгий путь из Кембриджа...

— Это просто неприлично.

— Но им все равно, Олив. Сестра одного из них сделала то же самое — только она сделала это на следующий день, а не накануне. В наше время многие так делают.

— Гарольд, отправь музыкантов по домам, — твердо сказала Олив, — или я иду к твоему отцу.

Хотя он считал, что ни одна семья не может быть опозорена эпизодом такого грандиозного масштаба, но сейчас нехотя уступил. Удрученный дворецкий распорядился убрать шампанское, а молодые люди, несколько оскорбленные, беспечно вышли в ночь, отправившись в более лояльное к ним место. Оставшись наедине, с нависшей над домом тенью Эмили, Олив присела в гостиной, чтобы обмозговать ситуацию. В этот момент в дверях появился дворецкий.

— Тут мистер Блэр, мисс Олив.

Она напряженно вскочила на ноги.

— Кого он хочет видеть?

— Он не сказал. Он только что вошел.

— Скажи ему, что я здесь.

Блэр вошел с видом скорее рассеянным, чем подавленным, кивнул Олив и сел на табурет у рояля. Ей хотелось сказать: «Иди ко мне. Положи сюда свою голову, бедняга. Выбрось ее из головы». Но она тоже была подавлена, и поэтому она ничего не сказала.

— Через три часа, — тихо заметил он, — мы сможем прочесть утренние газеты. Здесь рядом, на Пятьдесят девятой улице, есть магазинчик.

— Это глупо... — начала она.

— Это не глупо, — прервал он ее, — для меня сейчас самое главное — это утренние газеты. Позже последует вежливое молчание родственников, друзей и деловых знакомых. Что касается самого дела, то я удивляюсь тому, что меня самого это совершенно не волнует.

— Странно, но меня это тоже не волнует.

— Я скорее благодарен ей за то, что она сделала это прямо сейчас.

— Почему бы вам просто не исчезнуть? — Олив, с серьезным видом, наклонилась к нему. — Поезжайте в Европу, пока все не уляжется.

— Нет, не уляжется, — он рассмеялся. — Такие вещи никогда не проходят бесследно. Постоянные смешки будут преследовать меня всю оставшуюся жизнь.

Он застонал.

— Дядя Гамильтон направился напрямиком на Парк-роу, чтобы обойти редакции газет. Он виргинец, и у него хватило глупости использовать старомодное слово «прохвост» в адрес одного редактора. Я не могу дождаться, когда увижу эту газету, — он замолчал. — Как поживает мистер Каслтон?

— Он оценит, что вы пришли поинтересоваться.

— Я пришел не за этим, — он заколебался. — Я пришел к вам задать один вопрос. Я хочу знать, выйдете ли вы за меня замуж завтра утром в Гринвиче.

На минуту Олив стремительно провалилась в омут, издала странный негромкий звук, а ее рот приоткрылся.

— Я знаю, что нравлюсь вам, — быстро продолжил он. — На самом деле когда-то я воображал, что вы меня даже любите, извините за глупую самонадеянность. В любом случае, вы очень похожи на девушку, которая когда-то любила меня, так что, может быть, вы ...

Его лицо порозовело от смущения, но он угрюмо продолжил:

— В любом случае, вы мне очень нравитесь, и какие бы чувства я ни испытывал к Эмили, я скажу вам — они улетучились.

Тревога и волнение внутри нее были такими громкими, что, казалось, он должен был их услышать.

— Вы окажете мне огромную услугу, — продолжал он. — Боже мой, я знаю, это звучит немного безумно, но что может быть безумнее, чем весь этот день? Видите ли, если бы вы согласились выйти за меня замуж, газеты написали бы совсем другую историю — они подумают, что Эмили сбежала, чтобы не мешать нам, и в конце концов подшучивали бы над ней.

Слезы негодования навернулись на глаза Олив.

— Полагаю, я должна учитывать ваш уязвленный эгоизм, но вы понимаете, что оскорбляете меня своим предложением?

Его лицо вытянулось.

— Мне жаль, — произнес он через мгновение. — Наверное, я был ужасным дураком, даже подумав об этом, но мужчина ненавидит терять все свое достоинство из-за каприза какой-то барышни. Да, я понимаю, что это невозможно. Мне очень жаль.

Блэр встал и взял свою трость.

Он не спеша направился к двери, а сердце Олив подскочило к самому горлу, не давая ей продохнуть, и ее захлестнула огромная и непреодолимая волна инстинкта самосохранения. Она смыла всю гордость и все угрозы совести. Его шаги уже слышались из холла.

— Бревурт! — крикнула она. Вскочив на ноги, она подбежала к двери. Он повернулся. — Бревурт, как называлась та газета, в которую ходил ваш дядя?

— Зачем вам?

— Потому что, если я позвоню сейчас, им еще не поздно будет изменить свою статью! Я сообщу, что мы поженились сегодня вечером!

III

В Париже существует общество, которое является лишь разнородным продолжением американского. Люди, приезжающие сюда, сотней нитей связаны с родиной, а их развлечения, эксцентричность, взлеты и падения — открытая книга для друзей и родственников в Саутгемптоне, Лейк-Форесте или Бэк-Бей. Так, во время предыдущего пребывания Эмили в Европе ее местонахождение, поскольку она перемещалась за светским обществом в соответствии с сезоном, было известно всем, но с того дня, как через месяц после несостоявшейся свадьбы она отплыла из Нью-Йорка, она полностью пропала из виду. Изредка Эмили отправляла письмо отцу, время от времени доходили слухи, что она то в Каире, то в Константинополе или даже в непопулярной в это время года Ривьере — и всё.

Однажды, спустя год, мистер Каслтон встретил ее в Париже, но, как он рассказывал Олив, эта встреча вызвала у него только неприятные ощущения.

— В ней было что-то такое, — сказал он неопределенно, — как будто... ну, как будто у нее в глубине души было много такого, до чего я не мог добраться. Она была достаточно мила со мной, но все это выглядело как-то формально и безыскусно... Она спрашивала о тебе.

Несмотря на то, что у нее были все предпосылки: трехмесячный ребенок и прекрасная квартира на Парк-авеню, Олив почувствовала, как неуверенно забилося ее сердце.

— Что она сказала?

— Она была в восторге от вас с Бревуртом.

И он добавил про себя с разочарованием, которое не смог скрыть: «Даже несмотря на то, что ты подобрала лучшего парня в Нью-Йорке, когда она его выбросила...»

Прошло больше года после этого, когда голос его секретарши по телефону спросил Олив, смогут ли они с супругом посетить мистера Каслтона сегодня вечером. Они застали старика в возбужденном состоянии, расхаживающим по своей библиотеке.

— Что ж, это свершилось, — пылко заявил он. — Люди никогда не стоят на месте, никто никогда не стоит на месте. Вы либо поднимаетесь в этом мире, либо опускаетесь. Эмили выбрала путь вниз. Кажется, она где-то на самом дне.

Он потряс письмом в своей руке.

— Вы когда-нибудь слышали о человеке, которого мне описывают как негодяя по имени Петрокобеско? Он называет себя принцем Габриэлем Петрокобеско, по-видимому, из ниоткуда. Это письмо от Халлама, моего европейского друга, и к нему прилагается вырезка из парижской газеты

«Матен». Похоже, что полиция предложила этому джентльмену покинуть Париж, и среди небольшой свиты, которая уехала с ним, была американская девушка, мисс Каслтон, «по слухам, дочь миллионера». До вокзала гостей провожали жандармы.

Дрожащими пальцами он протянул вырезку и письмо Бревурту Блэру.

— Что ты об этом думаешь? До чего докатилась Эмили!

— Это ужасно, — нахмурившись, заявил Бревурт.

— Это конец. Я, конечно, предполагал что-то в этом роде, но я никогда не подозревал, что она поддерживает...

— Это может быть ошибкой, — предположила Олив. — Возможно, это другая мисс Каслтон.

— Нет, это Эмили. Хэллам тщательно расследовал эту историю. И это моя Эмили, которая боялась окунуться в чистый и приятный поток жизни, а теперь с удовольствием барахтается в канализации.

Потрясенная, Олив внезапно ощутила острый вкус судьбы во всем ее многообразии. У нее был особняк в Уэстбери-Хиллз, а Эмили оказалась замешанной в позорном скандале с депортированным авантюристом.

— Я не имею права просить вас об этом, — продолжал мистер Каслтон. — И уж тем более я не имею права просить Бревурта о чем-либо, связанном с Эмили. Но мне семьдесят два года, и Фрейзер говорит, что если я отложу лечение еще на две недели, он не несет ответственности за мою жизнь, и тогда Эмили навсегда останется одна. Я хочу, чтобы вы отправились в запланированную поездку в Европу на два месяца раньше. Езжайте туда и привезите ее обратно.

— Но как мы сможем повлиять на нее? — спросил Бревурт. — У меня нет причин думать, что она нас послушает.

— Время такое, что больше никому. Если вы не сможете ее вернуть, мне придется отправиться самому.

— О, нет, — быстро сказал Бревурт. — Мы сделаем все, что в наших силах, не так ли, Олив?

— Разумеется.

— Верните ее домой — неважно как, но верните ее обратно. Если понадобится, обратитесь в суд и поклянитесь, что она сумасшедшая.

— Очень хорошо. Мы сделаем все, что в наших силах.

* * *

Всего через десять дней после этой встречи Бревурт Блэйр позвонил знакомому мистера Каслтону в Париже, чтобы узнать все известные ему подробности. Их было много, но все они были безрадостными. Хэллам видел Петрокобеско в разных ресторанах — маленький толстый человечек с привлекательной внешностью и неутолимой жадой. Он был какой-то непонятной национальности и несколько лет мотался по Европе, живя Бог знает как, веро-

ятно, за счет доверчивых американцев, хотя Халлам понимал, что в последнее время даже самые периферийные круги международного общества были закрыты для него. Об Эмили Халлам знал еще меньше. На прошлой неделе сообщали, что они в Берлине, а вчера — в Будапеште. Вероятно, такой нежелательный человек, как Петрокобеско, обязан был регистрироваться в полиции, и именно так Блэры могли обнаружить Эмили.

Сорок восемь часов спустя в сопровождении американского вице-консула они посетили префекта полиции Будапешта. Офицер что-то быстро сказал по-венгерски вице-консулу, который затем коротко изложил им суть — Блэры опоздали.

— Куда же они отправились?

— Он не знает. Он получил приказ, запрещающий им проживание в Будапеште, и они прошлой ночью отправились дальше.

Внезапно префект написал что-то на листке бумаги и передал его с кратким замечанием вице-консулу.

— Он говорит, попробуйте поискать там.

Бревурт взглянул на листок.

— Штурмдорп — это где?

Вице-консул еще раз поговорил на венгерском.

— В пяти часах езды на поезде, который отправляется по вторникам и пятницам. Сегодня суббота.

— Мы можем взять машину в отеле, — сказал Бревурт.

Они отправились в дорогу после ужина. Это был тяжелый ночной путь по безмолвной венгерской равнине. Один раз Олив очнулась от тревожной дремоты, увидев, что Бревурт и шофер меняют колесо, другой раз — когда они остановились у мутной речушки, за которой светились разрозненные огни города. Два солдата в неизвестной форме заглянули в машину. Затем машина пересекла мост и по узкой, искривленной главной улице направились к единственной гостинице Штурмдорпа. Петухи уже пропели, когда они повалились на убогие кровати.

Олив проснулась с внезапным чувством уверенности, что они догнали Эмили, вместе с ним пришло старое чувство беспомощности перед настроениями Эмили. На мгновение давнее прошлое, и доминирующая в нем Эмили, нахлынуло на нее, и ей показалось почти самонадеянным находиться здесь. Но целеустремленность Бревурта успокоила ее, и когда они спустились вниз и нашли домовладельца, бегло говорившего по-английски — перед войной он жил в Чикаго — к ней вернулась уверенность.

— Вы сейчас не в Венгрии, — объяснил он. — Вы пересекли границу Чешско-Ганзейского края. Это очень маленькая страна с двумя городами, этим и столицей. Мы не спрашиваем визу у американцев.

«Наверное, поэтому они и поехали сюда», — подумала Олив.

— Возможно, вы что-нибудь знаете о приехавших недавно сюда незнакомцах? — спросил Бревурт. — Мы ищем американскую леди.

Он описал Эмили, не упомянув ее вероятного спутника, по мере того как он продолжал, на лице трактирщика происходили странные перемены.

— Позвольте мне взглянуть на ваши паспорта, — сказал он, затем добавил: — А почему вы хотите ее увидеть?

— Эта леди — ее кузина.

Трактирщик на мгновение заколебался.

— Я думаю, что смогу помочь вам, — сказал он.

Он подозвал портье, последовали быстрые указания на неразборчивом диалекте. Затем:

— Следуйте за этим парнем — он отведет вас к ней.

Тот провел их по грязным улочкам к полуразрушенному дому на окраине города. Мужчина с охотничьим ружьем, слонявшийся снаружи, выпрямился и резко заговорил с ним, но после обмена фразами Блэров пропустили внутрь. Они поднялись по лестнице и постучали в дверь. Когда она открылась, из-за угла выглянула чья-то голова, портье снова что-то сказал, и они вошли.

Это была большая грязная комната, которая могла бы принадлежать бедному пансиону в любом уголке западного мира — выцветшие стены, дырявая обивка, бесформенная кровать и, несмотря на пустоту, создавалось ощущение, что она заставлена призрачной мебелью последних лет, о чем свидетельствуют круги пыли и потертые пятна. Посреди комнаты стоял невысокий полный мужчина с глазами-гамаками и крючковатым носом над милым, избалованным ртом. Мужчина пристально посмотрел на них, когда они открыли дверь, а затем произнес единственное недовольное: «Чут!», нетерпеливо отвернулся. В комнате было еще несколько человек, но Бревурт и Олив видели только Эмили, которая валялась в шезлонге с полужакрытыми глазами.

При их виде глаза девушки распахнулись в легком изумлении, она сделала движение, как будто хотела вскочить, но вместо этого протянула руку, улыбнулась и произнесла их имена ясным вежливым голосом, не столько в качестве приветствия, сколько в качестве своеобразного объяснения остальным их присутствия здесь. При упоминании их имен угрюмость на лице маленького человечка сменилась неохотной любезностью.

Девушки расцеловались.

— Туту! — сказала Эмили, словно призывая его к вниманию. — Принц Петрокобеско, позвольте представить вам мою кузину миссис Блэр и мистера Блэра.

— Очень приятно, — сказал Петрокобеско.

Они с Эмили обменялись быстрыми взглядами, после чего он сказал:

— Не желают ли гости присесть? — и немедленно уселся на единственный свободный стул, как будто они играли в «Займи стул».

— Очень приятно, — повторил он.

Олив присела в изножье шезлонга Эмили, а Бревурт взял табурет у стены, тем временем наблюдая за другими обитателями комнаты. У двери стоял,

сложив руки и оскалив зубы, очень свирепый молодой человек в плаще, а в углу бок о бок сидели двое оборванных бородатых мужчин — один с револьвером, другой с удрученно опущенной на грудь головой.

— Вы давно к нам пожаловали? — спросил принц.

— Только сегодня утром прибыли.

На мгновение Олив не смогла удержаться от сравнения этих двух людей — высокого светлогожего американца и невзрачного южноевропейца, которого бы даже не пустили на Эллис-Айленд. Затем она посмотрела на Эмили — те же густые светлые волосы с солнечными бликами, глаза с оттенком ярких морей. Ее лицо было слабо очерчено, вокруг рта появились новые морщинки, но это была прежняя Эмили — доминирующая, сияющая, значительная. Казалось постыдным, что вся эта красота и изнеженность оказалась в дешевом пансионе на краю света.

Мужчина в плаще ответил на стук в дверь и передал записку Петрокобеско, который прочитал ее, воскликнул: «Чут!» и отдал Эмили.

— Ты же знаешь, что здесь нет карет, — трагически произнес он по-французски. — Все кареты были уничтожены — все, кроме одной, которая находится в музее. Как бы то ни было, я поеду на лошади.

— Нет, я не позволю, — сказала Эмили.

— Да, да, да! — закричал он. — Кому какое дело, на чем я поеду?

— Давай не будем устраивать сцен, Туту.

— Сцен? — Он кипел от злости. — Ах, да, сцен!

Эмили повернулась к Олив:

— Вы же приехали на автомобиле?

— Разумеется.

— Большая машина класса люкс? С открывающимся верхом?

— Да.

— Вот, смотри — предложила Эмили принцу. — Мы можем нарисовать гербы на этой стороне.

— Подождите, — сказал Бревурт. — Эта машина принадлежит отелю в Будапеште.

Очевидно, Эмили не услышала.

— Это могла бы сделать Яниерка, — задумчиво продолжила она.

В этот момент произошла еще одна заминка. Скрюченный мужчина в углу внезапно вскочил на ноги и попытался броситься к двери, после чего другой поднял револьвер и ударил его по голове. Мужчина попятился и упал бы, если бы тот не оттащил его обратно на стул, где он и остался сидеть в коматозном состоянии; тонкая струйка крови стекала по его лбу.

— Грязный горожанин! Грязный, подлый шпион! — крикнул Петрокобеско сквозь стиснутые зубы.

— Вот этого точно не следовало делать! — резко сказала Эмили.

— Почему нет никаких известий? — воскликнул он. — Неужели мы так и будем вечно сидеть в этом свинарнике?

Не обращая на него внимания, Эмили повернулась к Олив и начала привычно расспрашивать о Нью-Йорке. Как обстоят дела с сухим законом? Какие поставлены новые пьесы? Олив попыталась ответить и одновременно поймать взгляд Бревурта. Чем быстрее выяснится их цель, тем быстрее они смогут увести Эмили.

— Мы можем поговорить с тобой наедине, Эмили? — резко потребовал Бревурт.

— Ну, в данный момент у нас нет другой комнаты.

Пока Петрокобеско взволнованно разговаривал с человеком в плаще, Бревурт торопливо заговорил с Эмили, понизив голос:

— Эмили, твой отец уже стар, ты нужна ему дома. Он хочет, чтобы ты бросила эту сумасшедшую жизнь и вернулась в Америку. Он послал нас, потому что не смог поехать сам, а никто другой не знает тебя достаточно хорошо...

Она рассмеялась.

— Вы имеете в виду, не знает, на какие чудовищные поступки я способна?

— Нет, — быстро встала Олив. — Никто так не позаботится о тебе, как мы. Не могу выразить, как ужасно видеть эти твои скитания по земле.

— Но сейчас мы не скитаемся, — объяснила Эмили. — Это родная страна Туту.

— Где твоя гордость, Эмили? — нетерпеливо сказала Олив. — Ты знаешь, что о вас писали в парижских газетах? Как ты думаешь, что думают люди в Америке?

— То дело в Париже было возмутительным, — голубые глаза Эмили сверкнули. — Кто-то заплатит за этот скандал в Париже.

— Везде будет одно и то же. Просто ты будешь опускаться все ниже и ниже, затягиваться в трясину и в один прекрасный день покинуть...

— Остановись, пожалуйста! — Голос Эмили был холоден как лед. — Мне кажется, ты не совсем понимаешь...

Эмили замолчала, когда Петрокобеско вернулся, бросился в кресло и закрыл лицо руками.

— Я этого не вынесу, — прошептал он. — Пощупай, пожалуйста, мой пульс. Мне кажется с ним что-то не то. У тебя в сумочке есть градусник?

Мгновение она молча держала его за запястье.

— Все в порядке, Туту, — теперь ее голос звучал мягко, почти напевно. — Сядь и будь женщиной.

— Хорошо.

Он скрестил ноги, как будто ничего не произошло, и резко повернулся к Бревурту:

— Как обстоят финансовые дела в Нью-Йорке? — спросил он.

Но Бревурт был не в том настроении, чтобы затягивать эту нелепую сцену. Воспоминание о страшном чаше, случившемся три года назад, нахлынуло на него. Бревурт не был человеком, которого можно было бы выставить дураком дважды, и он, сжав челюсти, поднялся на ноги.

— Эмили, собирай свои вещи, — резко произнес он. — Мы возвращаемся домой.

Эмили не пошевелилась, на ее лице появилось выражение изумления, переходящего в веселье. Олив обняла ее за плечи.

— Пойдем, дорогая. Давай выберемся из этого кошмара.

Затем Бревурт воскликнул:

— Мы ждем.

Петрокобеско неожиданно обратился к человеку в плаще, который подошел и схватил Бревурта за руку. Бревурт сердито отпихнул его, после чего тот отступил назад, его рука потянулась к поясу.

— Нет! — повелительно воскликнула Эмили.

Вновь последовала пауза. Дверь без стука распахнулась, и двое крепких мужчин в рясах и шелковых шляпах вскочили и бросились к Петрокобеско. Они заулыбались и похлопали его по спине, болтая на незнакомом языке, а он в ответ заулыбался и похлопал их по спине, и они расцеловались. Затем, повернувшись к Эмили, Петрокобеско заговорил с ней по-французски.

— Все в порядке, — взволнованно сказал он. — Они даже не стали возражать. Я стану королем.

С долгим вздохом Эмили откинулась на спинку стула, и ее губы растянулись в расслабленной, спокойной улыбке.

— Очень хорошо, Туту. Теперь мы можем пожениться.

— О, Боже, какое счастье! — Он сцепил руки и в экстазе уставился в выцветший потолок. — Какое огромное счастье!

Он упал на колени рядом с ней и поцеловал ее руку.

— Что это за история с королями? — потребовал разъяснений Бревурт. — Это он, что ли, король?

— Он, он — король. Не так ли, Туту?

Рука Эмили нежно погладила его намащенные волосы, и Олив увидела, что ее глаза необычайно блестят.

— Теперь я стану твоим мужем, — плаксиво воскликнул Туту. — Я самый счастливый человек на свете.

— Его дядя был Чешско-Ганзейским принцем до войны, — объяснила Эмили, и в ее голосе звучало удовлетворение. — После войны здесь была объявлена республика, но сейчас крестьянская партия захотела перемен, а следующим живым претендентом был Туту. Если бы он остался принцем, а не стал королем, я бы не вышла за него замуж.

Бревурт провел рукой по мокрому лбу.

— Вы хотите сказать, что это свершившийся факт?

Эмили кивнула.

— Ассамблея проголосовала за это сегодня утром. И если вы одолжите нам этот ваш лимузин класса люкс, мы совершим наш официальный въезд в столицу сегодня днем.

IV

Спустя два года мистер и миссис Бревурт Блэр и двое их детей стояли на балконе отеля «Карлтон» в Лондоне, рекомендованного администрацией, как лучший для наблюдения за проездом королевских процессий. Эта процессия началась под фанфары труб на улице Стрэнд, и вскоре показалась алая шеренга конных гвардейцев.

— Но, мамочка, — спросил сынишка, — разве тетя Эмили королева Англии?

— Нет, дорогой, — она королева маленькой страны, но когда она приезжает сюда, то перемещается в карете королевы.

— И все это благодаря залежам магии, — сухо сказал Бревурт.

— А она была принцессой до того, как стала королевой? — спросила дочка.

— Нет, милая, она была американской девушкой, а потом стала королевой.

— Как это?

— Потому что ничто другое ее не устраивало, — произнес отец. — Только подумай, когда-то она могла выйти за меня замуж. Что бы ты предпочла, малышка, — выйти за меня замуж или стать королевой?

Маленькая девочка заколебалась.

— Выйти за тебя замуж, — сказала она вежливо, но без особой уверенности.

— Вот и отлично, — сказала ее мать. — Смотрите, вон они едут.

— Я вижу, я вижу их! — закричал маленький мальчик.

Кавалькада пронеслась по запруженной народом улице. Появились конные гвардейцы, рота драгун, всадники, затем Олив обнаружила, что затаила дыхание и вцепилась в перила балкона, когда мимо, между двойной шеренгой бифитеров, проехала пара огромных малиновых с золотом карет. В первой были королевские особы, их мундиры сверкали лентами, крестами и звездами, а во второй — две королевские супруги, одна пожилая, другая молодая. Вокруг царило очарование, которое всегда излучала старая империя, владевшая половиной мира, с ее кораблями и церемониями, помпой и символами. И толпа почувствовала это, тихий шумок покатился перед каретой, перерастая в громкие одобрительные возгласы. Обе дамы кланялись направо и налево, и, хотя мало кто знал вторую королеву, ее тоже приветствовали. Через мгновение великолепный фаэтон исчез под балконом и скрылся из виду.

Когда Олив отвернулась от окна, в ее глазах стояли слезы.

— Интересно, Бревурт, нравится ли ей это? Интересно, действительно ли она счастлива с этим ужасным маленьким человечком?

— Что ж, она получила то, что хотела, не так ли? И это уже кое-что.

Олив глубоко вздохнула.

— О, она такая чудесная! — воскликнула она. — Такая чудесная! Она всегда могла растрогать меня, даже когда я была зла на нее больше всего на свете.

— Все это так глупо, — задумчиво произнес Бревурт.

— Полагаю, что да, — ответили губы Олив. Но сердце ее, окрыленное беспомощным обожанием, последовало за кузиной через дворцовые ворота в полумиле от гостиницы.

С ЧИСТОГО ЛИСТА

I

Это был первый весенний день, когда стало достаточно тепло и можно было поесть в Булонском лесу на открытом воздухе; цветы каштана рассыпались по столам и нахально падали в масло и вино. Джулия Росс уже съела нечаянно несколько цветков с булочкой и прислушалась к тому, как большая золотая рыбка плещется в бассейне, а воробьи кружатся над соседним покинутым столиком. Вы снова могли видеть всех — официантов с их профессиональными лицами, внимательных француженок на каблуках и с сияющими глазами, Фила Хоффмана напротив нее, с сердцем, балансирующим на острие ножа, и необычайно красивого мужчину, только что вышедшего на террасу.

*«...прозрачная мощь пурпурного полудня.
Дыхание влажного воздуха легкое
Овевает распускающиеся бутоны...»*

Юлия незаметно вздрогнула, едва сдержав себя, чтобы не вскочить и не воскликнуть: «Ого-го-го! Разве это не здорово?» и не столкнуть метрдотеля в пруд с лилиями. Но, как благовоспитанная девушка двадцати одного года, она осталась сидеть и только незаметно продолжала вздрагивать.

Фил поднялся с салфеткой в руке.

— Привет, Дик!

— Привет, Фил!

Это был приятного вида мужчина, Фил сделал несколько шагов к нему, и они заговорили в проходе между столами.

— ...видел Картера и Китти в Испании...

— ...вылилось в Бремене...

— ...так что я собирался...

Он пошел дальше, следуя за метрдотелем, а Фил сел обратно.

— Кто это? — требовательно спросила она.

— Мой друг — Дик Рэглэнд.

— Он, без сомнения, самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела в своей жизни.

— Да, он действительно красив, — согласился Фил без энтузиазма.

— Красавчик! Он архангел, он горный лев, я готова его съесть. Только почему ты его не представил мне?

— Из всех американцев в Париже у него самая ужасная репутация.

— Чепуха, его, должно быть, оклеветали. Все это грязная подстава множества ревнивых мужей, чьим женам хватило одного взгляда на этого красавца. Этот человек по виду никогда в жизни ничего не делал, кроме как руководил кавалерийскими атаками и спасал тонущих детей.

— Факт остается фактом, его нигде не принимают — и причина не одна, их тысячи.

— И какие же это причины?

— Целая куча. Выпивка, женщины, тюрьмы, скандалы, сбил кого-то автомобилем, ленивый, никчемный...

— Я не верю ни единому слову, — твердо заявила Джулия. — Я утверждаю, что он чрезвычайно привлекателен. И вы говорили с ним так, как будто тоже так считаете.

— Да, — неохотно согласился он, — как и у многих алкоголиков, у него есть определенное очарование. Если бы он только мог сам расхлебывать заваренную им кашу... Как только кто-нибудь его примет и начнет суетиться вокруг него, он тотчас выливает хозяйке суп на спину, целует служанку и отрубается в собачьей будке. Он слишком часто это делал. Он побывал у всех и теперь никто его не приглашает.

— Есть еще я, — промолвила Джулия.

Джулия была слишком хороша для кого бы то ни было и иногда сожалела о том, что была так чудесно одарена природой. Но за красоту нужно платить — иными словами, если где-то что-то прибавляется, значит, где-то что-то убавляется. В блестящем взгляде Джулии не хватало мерцающего огонька высокого интеллекта, ее неумное чувство смешного умаляло нежный изгиб рта, а прелесть ее фигуры была бы более очевидной, если бы она была более раскованно, а не строго по этикету, следуя наставлениям строгого отца.

Столь же совершенные молодые парни несколько раз появлялись с подарками, но, как правило, с таким видом, будто они уже идеалы и что прекраснее ничего уже не может быть. С другой стороны, она обнаружила, что в юности у мужчин более солидных были острые углы, а она сама была слишком молода, чтобы это ей нравилось. Например, напротив нее сидел этот надменный молодой эгоист Фил Хоффман, который, очевидно, собирался стать блестящим юристом и который практически последовал за ней в Париж. Он нравился ей так же, как и все, кого она знала, но в настоящее время он выглядел, как сын начальника полиции.

— Сегодня вечером я отправляюсь в Лондон, а в среду отплываю, — сказал он. — А вы проведете в Европе все лето, и каждые несколько недель кто-нибудь новый будет нашептывать вам на ушко ласковые слова.

— Когда тебе будут делать много подобных замечаний, ты начнешь им следовать, — заметила Джулия. — А чтобы не быть голословной, я хочу, чтобы вы представили меня этому Рэглendu.

— У меня осталось совсем немного времени! — пожаловался он.

— Я даю вам целых три дня на то, чтобы вы придумали лучший повод. Будьте немножко попроще и просто пригласите его выпить кофе.

Когда мистер Дик Рэглend присоединился к ним, Джулия тихонько вздохнула от удовольствия. Это был прекрасный мужчина, загорелый и светлосолосый, его лицо просто сияло. Голос был тихим и напряженным, казалось, он всегда слегка дрожал от какого-то веселого отчаяния. То, как он смотрел на Джулию, заставляло ее чувствовать себя привлекательной. В течение получаса, пока их фразы приятно плыли среди ароматов фиалок и подснежников, незабудок и анютиных глазок, ее интерес к нему рос. Она даже обрадовалась, когда Фил сказал:

— Я только что подумал о своей английской визе. Мне придется оставить вас, двух зарождающихся птишек любви вместе, вопреки моему здравому смыслу. Вы проводите меня на вокзале Сен-Лазар в пять?

Он посмотрел на Джулию, надеясь, что она скажет: «Я пойду с тобой». Она прекрасно понимала, что не имеет права оставаться наедине с этим человеком, но он ее рассмешил, а она в последнее время мало смеялась, и Джулия произнесла:

— Я еще немного задержусь, здесь так хорошо и уютно.

Когда Фил ушел, Дик Рэглend предложил «отличное» шампанское.

— Я слышала, у вас ужасная репутация? — импульсивно спросила она.

— Не то слово. Меня больше никуда не приглашают. Хотите, я наклею свои накладные усы?

— Это так странно, — продолжала она. — Как же вы обходитесь без живительной силы общества? Вы знаете, что Фил счел нужным предупредить меня о вас, прежде чем представить? И я вполне могла отказаться от знакомства.

— Почему вы этого не сделали?

— Я подумала, что вы выглядите очень привлекательно, и мне стало вас жаль.

Его лицо стало безучастным, Джулия поняла, что это замечание делалось так часто, что оно уже не доходило до него.

— Это не мое дело, — быстро сказала она.

Она не понимала, что то, что он был своего рода изгоем, усиливало его привлекательность для нее — не само распутство, потому что она никогда не видела этого, оно было всего лишь абстракцией, а то, что он был таким одиноким. Что-то атавистическое в ней потянулось к чужаку в племени,

— Я слышала, у вас ужасная репутация? —
импульсивно спросила она.
— Не то слово. Меня больше никуда не приглашают.

существо из мира, отличающегося от ее привычек, которое обещало неожиданное — обещало приключение.

— Я скажу тебе кое-что еще, — внезапно сказал он. — Пятого июня, в свой двадцать восьмой день рождения, я думаю окончательно завязать. Мне уже неинтересно пить. Видимо, я не из тех, кто может пить бесконечно.

— Вы уверены, что сможете это сделать?

— Я всегда делаю то, что обещаю. Кроме того, я возвращаюсь в Нью-Йорк и устраиваюсь на работу.

— Я действительно удивлена, насколько я рада.

Это было опрометчиво с ее стороны, но она решила: будь, что будет.

— Не желаете еще по одной «отличного»? — предложил Дик. — Тогда вы будете рады еще больше.

— Вы что, собираетесь в этом духе продолжать вплоть до своего дня рождения?

— Возможно. В свой день рождения я буду на «Олимпиаке» посреди океана.

— Занятно, я тоже плыву на этом корабле! — воскликнула она.

— Тогда вы сможете наблюдать «быструю перемену», я ее устрою после корабельной вечеринки в честь моего дня рождения.

Со столов уже убрали. Джулия понимала, что ей пора уходить, но ей было невыносимо оставлять его с таким несчастным взглядом на улыбчивом лице. Она по-матерински чувствовала, что должна что-то сказать, чтобы помочь ему сохранить решимость.

— Скажите мне, почему вы так много пьете? Вероятно, по какой-то неясной причине, которую и сами не знаете?

— О, я довольно хорошо знаю, как все началось.

В течение последующего часа он рассказал ей свою историю. В семнадцать лет он ушел на войну, а когда вернулся, жизнь первокурсника Принстона в маленькой черной шапочке стала казаться несколько скучной. И он поступил в Бостонский технологический институт, а затем перебрался за границу, в школу изящных искусств — именно там с ним что-то случилось.

— Примерно в то время, когда у меня появились кое-какие деньги, я обнаружил, что после нескольких рюмок становлюсь экспансивным и каким-то образом обретаю способность нравиться людям, и эта идея вскружила мне голову. Потом я начал выпивать очень много, чтобы продолжать в том же духе и заставить всех думать, какой я замечательный. Ну, я стал часто напиваться и перессорился с большинством своих друзей, а потом я встретил дикую компанию и какое-то время был с ними. Но я был склонен к тому, чтобы быть выше и задумался: «Что я делаю с этой компанией?» Им это не очень понравилось. А когда такси, в котором я ехал, задавило человека, на меня подали в суд. Я попробовал дать взятку, но это попало в газеты, и после моего освобождения осталось впечатление, что это я сам его задавил. Так что все, чем я могу похвастаться за последние пять лет, — это репутация, которая

заставляет матерей поспешно увозить своих дочерей, если я вдруг оказываюсь в том же отеле.

Рядом суетился нетерпеливый официант, и она посмотрела на часы.

— Черт возьми, мы должны были проводить Фила в пять. Мы пробыли здесь весь день.

Когда они спешили к вокзалу Сен-Лазар, он спросил:

— Вы позволите мне увидеть вас еще раз или лучше не стоит?

Она ответила ему долгим взглядом. В его лице, в его теплых щеках, в его прямой осанке не было ни малейшего признака распушенности.

— До обеда я всегда в порядке, — добавил он, как больной.

— Я не беспокоюсь, — рассмеялась она. — Пригласите меня послезавтра на обед.

Они торопливо поднялись по ступенькам вокзала Сен-Лазар и увидели, как последний вагон «Золотой стрелы» исчезает в направлении Ла-Манша. Джулия испытывала угрызения совести, ведь это из-за нее Фил проделал такой долгий путь.

В качестве искупления она отправилась в квартиру, где жила с тетей, и попыталась написать ему письмо, но ее мысли захватил Дик Рэгланд. Кутру эффект от его привлекательной внешности немного ослабел, и она была склонна написать ему записку, что не может с ним встретиться. С другой стороны, он просто пытался продолжить знакомство, а все остальное — это ее личная инициатива. В назначенный день она ждала его в половине первого.

Джулия ничего не сказала тете, у которой на обед были гости и которая могла упомянуть его имя — странно встречаться с человеком, имя которого нельзя упоминать. Он опаздывал, и она ждала его в холле, прислушиваясь к отрывкам разговоров в столовой. В час дня прозвучал звонок.

В коридоре стоял мужчина, которого она, кажется, никогда раньше не видела. Его лицо было мертвенно белым и неаккуратно выбритым, мягкая шляпа сбилась на голове, воротник рубашки был грязным, и все, кроме галстука, было скрыто из виду. Но в тот момент, когда она узнала в этой фигуре Дика Рэгланда, она заметила изменение, которое затмило все остальное, — это выражение его лица. Все его лицо представляло собой одну затянувшуюся усмешку — веки с трудом удерживались, чтобы не прикрыть неподвижные глаза, отвисший рот, обнажающий верхние зубы, подбородок, по которому словно растекся парафин — это было лицо, которое одновременно выражало и внушало отвращение.

— Привет, — пробормотал он.

На минуту она отстранилась от него, затем, услышав внезапную тишину в столовой, которая выходила в холл, она легонько вытолкнула его за порог, вышла сама и закрыла дверь.

— О-о-о! — произнесла она на одном потрясенном выдохе.

— Я не был дома со вчерашнего дня. Попал на вечеринку в...

С отвращением она развернула его за руку и, спотыкаясь, спустилась с ним по лестнице, миновав жену консьержа, которая с любопытством смотрела на них из своей застекленной каморки. Затем они вышли на залитую ярким солнцем улицу Гинемер.

На фоне весенней свежести Люксембургского сада напротив Дик казался еще более гротескным. Он напугал ее, она отчаянно оглядывалась по сторонам в поисках такси, ближайшее от них свернуло за угол улицы Вожирар, проигнорировав ее жест.

— Куда мы отправимся обедать? — спросил он.

— Вы не в том состоянии, чтобы куда-то идти обедать. Неужели вы не понимаете? Вам необходимо пойти домой и проспать.

— Со мной все в порядке. Я немного выпью, и со мной все будет в порядке.

Наконец проезжавшее мимо такси притормозило.

— Езжайте домой и ложитесь спать. Сегодня вы не в состоянии никуда идти.

Когда он сфокусировал на ней взгляд, осознав ее как нечто свежее, новое и прекрасное, нечто чуждое дымному и бурному миру, в котором он провел последние часы, слабый поток разума пронесся через него. Она увидела, как его рот искривился от смутного благоговения, увидела, как он сделал неуверенную попытку выпрямиться.

— Может быть, вы и правы. Очень сожалею.

— Какой у вас адрес?

Он назвал его, а затем забился в угол на сиденье, его взгляд все еще пытался вернуться к реальности. Джулия закрыла дверь.

Когда такси отъехало, она поспешила через улицу в Люксембургский сад, словно за ней кто-то гнался.

II

Совершенно случайно она ответила, когда он позвонил в семь вечера. Его голос был напряженным и дрожащим:

— Я полагаю, нет особого смысла извиняться за сегодняшнее. Я не знал, что делал, но это не оправдание. Но если бы вы позволили мне встретиться с вами завтра где-нибудь ненадолго, всего на минутку, я бы хотел иметь возможность лично сказать вам, как ужасно сожалею...

— Завтра я занята.

— Ну, тогда в пятницу или в любой другой день.

— Извините, у меня все дни на этой неделе расписаны.

— Вы хотите сказать, что больше никогда не желаете меня видеть?

— Мистер Рэглэнд, я едва ли вижу смысл продолжать разговор в том же духе. Действительно, то, что произошло сегодня утром, было немного чересчур. Мне очень жаль. Я надеюсь, вам уже лучше. До свидания.

Она полностью выбросила его из головы. Она даже не связывала его репутацию с подобными зрелищами: сильно пьющий человек — это тот, кто засиживается допоздна, пьет шампанское и, может быть, напевая в неурочный час, едет домой. Зрелище в полдень было чем-то иным. Джулия этого не выдержала. Тем временем появились другие мужчины, с которыми она обедала у Чиро и танцевала в Буа. Пришло укоризненное письмо от Фила Хоффмана из Америки. Она стала больше уважать Фила за то, что он оказался прав. Прошло две недели, и она забыла бы Дика Рэгланда, если бы не услышала, как в нескольких разговорах его имя упоминалось с презрением. Очевидно, подобные выходки у него были не впервой.

Затем, за неделю до отплытия, она столкнулась с ним в отделе бронирования «Уайт Стар Лайн». Он был так же красив — она с трудом поверила своим глазам. Он оперся локтем о стол, его изящная фигура была прямой, желтые перчатки такими же безупречными, как и его ясные, сияющие глаза. Его сильная, веселая личность произвела впечатление на клерка, который обслуживал его с замороженным почтением, стенографистки позади него на минуту подняли головы и обменялись взглядами. Затем он увидел Джулию. Она кивнула, и он, быстро изменив выражение лица, приподнял шляпу.

Они долго сидели вместе у письменного стола, и тишина была гнетущей.

— Разве это не досадно? — она сказала.

— Да, — отрывисто сказал он, а затем добавил: — Вы плывете на «Олимпике»?

— Да.

— Я подумал, что вы могли передумать плыть.

— Конечно же, нет, — холодно ответила она.

— Я думал об этом. На самом деле, я здесь для того, чтобы узнать про вас.

— Это абсурдно.

— Вам не противен мой вид? Или у вас будет морская болезнь, когда мы будем проходить мимо друг друга по палубе?

Она улыбнулась. Он сразу воспользовался своим преимуществом:

— Я немного изменился с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Не напоминайте об этом.

— Что ж, а вы стали только лучше. На вас самый красивый костюм, который я когда-либо видел.

Это было самонадеянно, но она почувствовала, что слегка зарделась от комплимента.

— Вы не согласились бы выпить со мной чашечку кофе в кафе по соседству, чтобы прийти в себя после того конфузного случая?

Какая слабость с ее стороны — разговаривать с ним вот так, позволять ему ухаживать. Это было все равно что находиться под обаянием подлеца.

— Боюсь, я не могу.

Что-то ужасно робкое и уязвимое появилось в его лице, отчего у нее защемило сердце.

— Ну, хорошо, — сказала она, шокировав саму себя.

Когда они сидели за столиком на тротуаре под лучами солнца, ничто не напоминало ей о том ужасном дне две недели назад. Джекил и Хайд. Он был вежлив, обаятелен, забавен. Он заставил ее почувствовать себя такой привлекательной! Он ни на что не надеялся.

— Вы бросили пить? — спросила она.

— Не раньше пятого.

— О!

— Я же сказал, что перестану. Значит перестану.

Когда Джулия поднялась, чтобы уйти, она покачала головой в ответ на его предложение о дальнейших встречах.

— Увидимся на корабле. После вашего двадцать восьмого дня рождения.

— Хорошо. Еще кое-что: в высокую цену преступления вписывается то, что я поступил непростительно с единственной девушкой, которую любил всю свою жизнь.

На борту корабля в первый же день она увидела его, и ее сердце ушло в пятки, когда она наконец поняла, как сильно его хочет. Неважно, каким было его прошлое, неважно, что он натворил. И это не значит, что она когда-нибудь сообщит ему об этом, просто он возбуждал ее сильнее, чем кто-либо другой, кого она когда-либо встречала, и все остальные мужчины казались блеклыми по сравнению с ним.

Он был популярен на корабле, она слышала, что он устраивал ночную вечеринку в честь двадцать восьмого дня рождения. Джулию не пригласили, и когда они встретились, то мило поговорили, не более того.

На следующий день после пятого числа она обнаружила его вытянувшимся в шезлонге, бледного и изможденного. На его прекрасном лбу и вокруг глаз залегли морщинки, а рука, когда он потянулся за чашкой бульона, дрожала. Ближе к вечеру он все еще был там, явно страдающий, явно несчастный. Обойдя его трижды, Джулия почувствовала непреодолимое желание заговорить с ним:

— Началась ли новая эра?

Он сделал слабую попытку подняться, но она жестом велела ему не подниматься и присела рядом.

— У вас измученный вид.

— Я просто немного нервничаю. Это первый день за пять лет, когда я ничего не пил.

— Скоро станет лучше.

— Я знаю, — мрачно сказал он.

— Не расслабляйтесь.

— И не подумая.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? Не принести ли бромада?

— Я терпеть не могу бромид, — сказал он почти сердито. — Нет, спасибо за сочувствие.

Джулия встала:

— Я знаю, что вам лучше побыть одному. Завтра будет лучше.

— Не уходите, если вас не пугает мой вид.

Джулия снова присела.

— Спойте мне песню — вы умеете петь?

— И какую же песню вам спеть?

— Что-нибудь грустное, что-то вроде блюза.

Приятным, нежным голосом она спела ему песню Либби Холман «Так заканчивается любовь».

— Изумительно. Спойте еще одну.

— Хорошо. Если желаете, я буду петь вам весь день.

III

На второй день пребывания в Нью-Йорке он позвонил ей по телефону.

— Я так скучал по вам, — сказал он. — А вы скучали по мне?

— Боюсь, что да, — неохотно ответила она.

— Сильно?

— Я очень скучала по вам. Вам уже лучше?

— Сейчас со мной все в порядке. Я все еще немного нервничаю, но завтра приступаю к работе. Когда я смогу вас увидеть?

— Когда захотите.

— Тогда сегодня вечером. И послушайте, скажите это еще раз.

— Что?

— Что вы боитесь, что скучали по мне.

— Боюсь, что да, — послушно ответила Джулия.

— Скучала по мне, — добавил он.

— Боюсь, я скучала по вам.

— Хорошо. Когда вы это произносите, это звучит как песня.

— Прощайте, Дик.

— До свидания, Джулия, дорогая.

Она пробыла в Нью-Йорке два месяца вместо запланированных двух недель, потому что он не отпускал ее. В дневное время работа заменяла ему выпивку, а потом он проводил время с Джулией.

Иногда она ревновала его к работе, когда он звонил и говорил, что слишком устал, чтобы идти куда-нибудь после театра. Без выпивки ночная жизнь была для него меньше, чем ничто — чем-то совершенно пустым и безвозвратно утраченным. Для Джулии, которая никогда не пила, эта жизнь сама по себе было стимулом: музыка, парад нарядов и красивая пара,

которую они составляли, танцуя вместе. Сначала они время от времени виделись с Филом Хоффманом — Джулия сочла, что он воспринял это довольно плохо, потом они больше его не видели.

Произошло несколько неприятных инцидентов. Старая школьная подруга Эстер Кэри подошла к ней, чтобы спросить, знает ли она о репутации Дика Рэгланда. Вместо того, чтобы рассердиться, Джулия пригласила ее познакомиться с Диком и была в восторге оттого, с какой легкостью изменились убеждения Эстер. Были и другие, мелкие, досадные эпизоды, но проступки Дика, к счастью, ограничивались Парижем и здесь казались чем-то далеким и нереальным. Теперь они глубоко любили друг друга; воспоминание о неприятном дне постепенно стиралось из воображения Джулии, но ей хотелось быть уверенной.

— Через полгода, если все будет так же, как сейчас, мы объявим о нашей помолвке. Еще через шесть месяцев мы поженимся.

— Это так долго, — сокрушался он.

— Но ведь до этого было пять лет, — ответила Джулия. — Я доверяю вам своим сердцем и разумом, но что-то советует мне еще обождать. Не забывайте, что я решаю и за своих детей.

Эти пять лет — ох, как много потеряно и упущено.

В августе Джулия уехала на два месяца в Калифорнию повидаться со своей семьей. Она хотела знать, как Дик будет жить один. Они переписывались каждый день, его письма были поочередно веселыми, подавленными, усталыми и полными надежд. На работе он преуспевал. По мере того, как к нему возвращалась уверенность, дядя начал по-настоящему верить в него. Но все это время он очень скучал по своей Джулии. Именно тогда, когда в ней стали периодически появляться нотки отчаяния, она сократила свой калифорнийский визит на неделю и приехала на восток, в Нью-Йорк.

— О, слава Богу, вы здесь! — воскликнул он, когда они, взявшись за руки, вышли с Центрального вокзала. — Это было так тяжело. Полдюжины раз за последнее время я хотел пойти напролом и думал о вас, а вы были так далеко.

— Дорогой... дорогой, вы такой бледный и усталый. Вы слишком много работаете.

— Нет, это оттого что жизнь в одиночестве так безрадостна. Когда я ложусь спать, мои мысли о тебе крутятся без остановки. Мы не можем пожениться раньше?

— Я не знаю, проживем — увидим. Сейчас рядом с тобой твоя Джулия, и ничто другое не имеет значения.

Через неделю депрессия Дика прошла. Когда ему было грустно, Джулия представляла его своим ребенком, прижимая его красивую голову к своей груди, но больше всего ей нравилось, когда он был уверен в себе и мог развеселить ее, рассмешить, дать почувствовать заботу и защищенность. Она снимала квартиру с другой девушкой и посещала курсы биологии и домоводства

— Джулия, не выходите замуж за Дика. Это не ревность —
я знаю, когда меня опережают, — но для такой милой девушки, как вы,
кажется ужасным нырять вслепую в озеро, полное камней.

в Колумбийском университете. Когда наступила глубокая осень, они вместе ходили на футбольные матчи и новые спектакли, гуляли по первому снегу в Центральном парке и несколько раз в неделю проводили вместе долгие вечера у камина. Но время шло, и они оба были нетерпеливы. Незадолго до Рождества у ее двери появился незнакомый посетитель — им оказался Фил Хоффман. Это было впервые за много месяцев. Нью-Йорк, с его множеством отдельных лестниц, расположенных бок о бок, недоброжелателен даже к встречам близких друзей, поэтому в случае натянутых отношений встреч легко избежать.

А они были чужими друг другу. Поскольку он выражал скептицизм по отношению к Дике, он автоматически превращался в ее врага. С другой стороны, она видела, что он стал лучше, некоторые острые углы сгладились; теперь он был помощником окружного прокурора, все увереннее продвигаясь по служебной лестнице.

— Так вы собираетесь выйти замуж за Дика? — спросил он. — Когда?

— Уже скоро. Когда мама приедет на Восток.

Он выразительно покачал головой.

— Джулия, не выходите замуж за Дика. Это не ревность — я знаю, когда меня опережают, — но для такой милой девушки, как вы, кажется ужасным нырять вслепую в озеро, полное камней. С чего вы взяли, что люди могут изменить свое течение? Иногда они пересыхают или даже перетекают в параллельное русло, но я никогда не знал, чтобы кто-то менялся.

— Дик изменился.

— Может, и так. Но разве это не огромное «может быть»? Если бы он был непривлекательным, а вам бы нравился, я бы сказал: продолжайте в том же духе. Может быть, я и ошибаюсь, но совершенно очевидно, что вас очаровывает его красивый вид и привлекательные манеры.

— Вы его не знаете, — преданно ответила Джулия. — Со мной он другой. Вы не представляете, какой он нежный и отзывчивый. Разве вы не ведете себя довольно мелко и подло?

— Хм. — Фил на мгновение задумался. — Я хочу снова увидеть вас через несколько дней. Или, возможно, я поговорю с Диком.

— Оставьте Дика в покое, — вскрикнула она. — У него и без ваших придирок хватает забот. Если бы вы были его другом, вы бы пытались помочь ему, а не разговаривали бы со мной за его спиной.

— В первую очередь я ваш друг.

— Мы с Диком теперь одно целое.

Три дня спустя Дик пришел к ней днем, хотя обычно в это время был в офисе.

— Я пришел сейчас не по своей воле, — беспечно сказал он, — Фил Хоффман грозитя разоблачить меня.

Ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди. «Неужели он сдался? — подумала она. — Он что, снова начал пить?»

— Речь идет о девушке — Эстер Кэри. Вы познакомили меня с ней прошлым летом и сказали, чтобы я был с ней очень мил.

Теперь ее сердце билось медленнее.

— После твоего отъезда в Калифорнию мне было одиноко, и я случайно наткнулся на нее. В тот день я ей понравился, и какое-то время мы довольно часто виделись. Потом ты вернулась, и я порвал с ней. Это было немного сложно, я и не подозревал, что так сильно заинтересовал ее.

— Понятно. — Ее голос казался недовольным и ошеломленным.

— Попытайся понять. Это были ужасно одинокие вечера. Я думаю, если бы не Эстер, я бы сорвался. Я никогда не любил ее — я вообще никого не любил, кроме тебя, — но мне нужно было видеть кого-то, кому бы я нравился.

Он попытался обнять ее, но она почувствовала только равнодушие во всем теле и отстранилась.

— Получается, это могла сделать любая женщина, — медленно произнесла Джулия. — Для тебя не имело значения, кто именно.

— Нет! — вскрикнул он.

— Я специально так долго отсутствовала, чтобы дать тебе возможность самому встать на ноги и вернуть себе самоуважение.

— Я люблю только тебя, Джулия.

— Но, получается, помочь тебе может любая женщина. Значит, я тебе не очень-то нужна, верно?

На его лице появилось то ранимое выражение, которое Джулия видела уже несколько раз, она присела на подлокотник его кресла и провела рукой по его щеке.

— Тогда что ты мне дашь? — потребовала она ответа. — Я думала, что это будет накопленная сила от победы над твоей слабостью. А что ты можешь дать мне сейчас?

— Все, что у меня есть.

Она покачала головой.

— То есть ничего. Просто твоя приятная внешность — она была и у метрдотеля за вчерашним ужином.

Они проговорили два дня и ничего не решили. Иногда она прижимала его к себе и тянулась к его губам, которые так любила, но ее руки, казалось, сжимались вокруг стога соломы.

— Я уйду и дам тебе возможность все обдумать, — сказал он в отчаянии. — Я не представляю, как смогу жить без тебя, но, полагаю, ты не можешь выйти замуж за человека, которому не доверяешь и в которого не веришь. Дядя хотел, чтобы я поехал в Лондон по каким-то делам...

В ту ночь, когда он уплывал, на тусклом пирсе было грустно. Все, что удерживало ее от того, чтобы сникнуть, была мысль, что она будет такой же сильной и без него. И все же, когда тусклый свет упал на тонкую линию его лба и подбородка, когда она увидела обращенные к нему лица, глаза, которые

сидели за ним, ужасная пустота охватила ее, и ей захотелось сказать: «Не бери в голову, дорогой, мы попробуем это вместе».

Но попробовать что? Это было по-человечески — рисковать, балансируя между крахом и успехом, но рисковать в отчаянной игре между достоинством и несчастьем...

— О, Дик, будь хорошим, будь сильным и вернись ко мне. Меняйся, меняйся, Дик — изменись!

— Прощай, Джулия, до встречи.

Когда она в последний раз видела его на палубе, его профиль был четким, как камень на фоне спички, от которой он прикуривал сигарету.

IV

Именно Фил Хоффман должен был быть с ней в начале и в конце. Именно он сообщил эту новость так мягко, как только можно было сообщить. Он добрался до ее квартиры в половине восьмого и аккуратно выбросил утреннюю газету на улицу. Дик Рэглэнд исчез в море.

После ее первого дикого взрыва горя он стал нарочито жестоким.

— Он знал себя. Его воля ослабла, он больше не хотел жить. И, Джулия, просто чтобы показать вам, как мало вы можете винить себя, я скажу тебе вот это — он почти не появлялся на работе в течение четырех месяцев, с тех пор как вы уехали в Калифорнию. Его уволили не из-за дяди, дело, по которому он ездил в Лондон, не имело никакого значения. После того, как его первый энтузиазм угас, он сдался.

Она пристально посмотрела на него.

— Он ведь не пил, не так ли? Он точно не пил?

На долю секунды Фил заколебался.

— Нет, он не пил, он сдержал свое обещание — он держался за него.

— Вот и все, — сказала она. — Он сдержал свое обещание и покончил с собой.

Фил неловко ждал.

— Он сделал то, что обещал, и разбил себе сердце, — задыхаясь, продолжала она. — О, как жестока иногда бывает жизнь — так жестока, что никогда никого не щадит. Он был таким храбрым, что умер, сделав обещанное.

Фил был рад, что выбросил газету, в которой упоминался веселый вечер Дика в баре — один из многих веселых вечеров, о которых Филу стало известно за последние несколько месяцев. Он испытывал облегчение, потому что слабость Дика угрожала счастью любимой девушки. Но ему было ужасно жаль Дика, даже понимая, как ему было необходимо обратить свою неприиспособленность к жизни в ту или иную сторону, — но он был достаточно мудр, чтобы оставить Джулию с мечтой, которую она спасла из обломков.

Год спустя, незадолго до их свадьбы, был неприятный момент, когда она сказала:

— Надеюсь, вы поймете, что я чувствовала и всегда буду чувствовать к Дику, не правда ли, Фил? Дело не только в его внешности. Я верила в него — и в каком-то смысле была права. Он скорее сломался, чем согнулся. Дик был искалеченным человеком, но он не был плохим. В глубине души я поняла это, впервые взглянув на него.

Фил поморщился, но ничего не сказал. Возможно, за этим скрывалось нечто большее, чем она знала. Лучше оставить все это в покое в глубинах ее сердца и глубинах океана.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЕЗДКА

I

Во второй половине дня все небо стало черным от саранчи, и некоторые пассажирки завизжали, опустившись на пол туристического автобуса и прикрыв волосы дорожными ковриками. Облако саранчи шло на север, пожирая всю растительность на своем пути, коей в этой части света и так было мало. Они бесшумно летели целеустремленно вперед, словно хлопья черного снега. Ни одна не ударилась о лобовое стекло и не упала в автобус, и вскоре путешественники начали протягивать руки, пытаясь поймать хоть одну саранчу. Минут через десять облако поредело и исчезло, а женщины выбрались из-под ковриков, растрепанные и чувствующие себя нелепо. И все разом заговорили.

Заговорили все — было бы нелепо молчать, проехав сквозь стаю саранчи на краю Сахары. Американец из Смирны разговаривал с вдовой-британкой, собирающейся в Бискру, чтобы в последний раз пофлиртовать с пока еще не встреченным шейхом. Сотрудник фондовой биржи Сан-Франциско застенчиво обратился к автору: «А вы случаем не писатель?». Отец и дочь Уилмингтоны разговаривали на кокни с летчиком, собирающимся лететь в Тимбукту. Даже шофер-француз обернулся и громким, отчетливым голосом объявил: «Шмели», чем вызвал приступ истерического смеха у дипломированной медсестры из Нью-Йорка.

Среди всей этой болтовни туристов была только одна дельная и тщательно подуманная реплика. Мистер и миссис Лиддел Майлз, одновременно, словно один человек, улыбнулись и обратились к молодой американской паре, сидевшей сзади:

— У вас ничего не застряло в волосах?

Молодая пара вежливо улыбнулась в ответ.

— Нет. Слава Богу, мы без потерь пережили это нашествие.

Им было чуть за двадцать, и в них все еще чувствовался приятный аромат жениха и невесты. Красивая пара — мужчина довольно эмоциональный

и чувственный, а у девушки был поразительно светлый оттенок глаз и волос, чистое и светлое лицо, его живая свежесть была смягчена невозмутимым спокойствием. Мистер и миссис Майлз не преминули отметить их благовоспитанность, специфически «светское» воспитание, выражавшееся как в их безыскусности, так и в укоренившейся сдержанности, которая, однако, не была чопорностью. Если они и держались отчужденно, то только потому что им было достаточно друг друга, в то время как отстраненность мистера и миссис Майлз по отношению к другим пассажирам была сознательной маской, их социальной позицией, по своей сути столь же прилюдной, как и вездесущие ухаживания американца из Смирны, которого все обходили стороной.

Майлзы, по сути, решили, что молодая пара им нравится, а также, устав от скуки и одиночества, завязали разговор:

— Вы уже раньше бывали в Африке? Здесь так невероятно восхитительно! Вы едете дальше в Тунис?

Майлзы, если и были несколько потрепаны изнутри пятнадцатью годами пребывания в Париже, обладали несомненным шармом, даже некоторым очарованием, и еще до прибытия в маленький оазис Бу-Саада все четверо успели сдружиться. Они нашли общих друзей в Нью-Йорке и, встретившись за коктейлем в баре отеля «Трансатлантик», решили вместе отужинать.

Когда позже юные Келли спустились вниз, Николь почувствовала некоторое сожаление по поводу того, что они согласились на совместный ужин, понимая, что теперь им, скорее всего, придется часто встречаться со своими новыми знакомыми вплоть до Константины, где их маршруты расходились.

Все восемь месяцев брака она была так счастлива, что, казалось, ничто не сможет его испортить. На итальянском лайнере, доставившем их в Гибралтар, они не присоединились к компании, которая отчаянно налегала на напитки в баре, вместо этого она усердно изучала французский, а Нельсон занимался делами, связанными с недавно полученным наследством в полмиллиона долларов. А еще он писал картину с изображением дымящейся трубы. Когда один из членов веселой компании в баре навсегда исчез в Атлантическом океане, как раз по ту сторону Азорских островов, молодые Келли были немного рады, поскольку это оправдывало их замкнутое поведение.

Но была и другая причина, по которой Николь сожалела о том, что они связали себя обязательствами. Она рассказала об этом Нельсону:

— Я только что прошла мимо той парочки в холле.

— Какой? Майлзов?

— Нет, та молодая пара — примерно нашего возраста, — ехавшая в другом автобусе, и которая показалась нам такой милой в Бир-Рабалу после обеда, на рынке верблюдов.

— Они действительно выглядели мило.

— Они очаровательны, — выразительно сказала она. — И девушка, и парень, оба. Я почти уверена, что где-то раньше встречала ее.

Пара, о которой шла речь, сидела за ужином в другом конце комнаты, и Николь почувствовала, что ее взгляд неудержимо тянется к ним. У них появились спутницы, и Николь, которая уже два месяца не разговаривала с ровесницами, почувствовала легкое сожаление. Майлзы, будучи изысканно утонченными и откровенно снобистскими, были совсем другим делом. Они побывали в огромном количестве стран и, казалось, знали все мелькающие в журналах места.

Они ужинали на веранде отеля под низким небом, полным присутствия непонятного и бдительного Бога; за стенами отеля ночь уже наполнилась звуками, о которых они так часто читали, но которые были совершенно им незнакомы — барабаны из Сенегала, туземные флейты, самозабвенное, вкрадчивое мычание верблюдов, топот арабов, проходящих мимо в обуви из старых автомобильных покрышек, завывание муэдзинов.

За стойкой регистрации в отеле турист монотонно спорил с консьержем об обменном курсе, и эта неподобающий спор только усиливал общую отрешенность, которая неуклонно росла по мере продвижения к югу.

Миссис Майлз первой нарушила затянувшееся молчание; это она поспешно вытащила их из номера прямо к столу.

— Нам, наверное, следовало одеться. Ужин проходит гораздо веселее, если люди наряжены, потому что в строгой одежде еда не такая на вкус. Англичане это знают.

— Одеваться здесь? — возразил ее муж. — Я буду чувствовать себя тем человеком в рваном одеянии, погоняющим отару овец, мимо которого мы сегодня проезжали.

— Я всегда чувствую себя настоящей туристкой, если я не одета.

— А разве мы ими не являемся, а? — спросил Нельсон.

— Я не считаю себя туристом. Турист — это тот, кто рано встает, шляется по соборам и рассказывает об увиденных красотах.

Николь и Нельсон, осмотрев все доступные достопримечательности от Феса до Алжира, отсняли сотни метров киноплёнки и ощущали себя настоящими туристами, но сейчас решили, что это не впечатлит миссис Майлз.

— Везде одно и то же, — продолжала миссис Майлз. — Единственное, что имеет значение, — это пока ты там находишься. Новые впечатления хороши в течение получаса, но после этого хочется чего-то нового. На время некоторые места становятся модными, а потом мода меняется, и люди уже едут в другое место. Само же место никогда не имеет значения.

— Но разве кто-то не решает сначала, что это место прекрасно? — возразил Нельсон. — Самые первые туристы едут туда, потому что им нравится оно.

— Куда вы собираетесь этой весной? — спросила миссис Майлз.

— Мы подумывали о Сан-Ремо или, может быть, Сорренто. Мы никогда раньше не были в Европе.

— Дети мои, я знаю и Сорренто, и Сан-Ремо, и вы не выдержите ни того, ни другого больше недели. Там полно самых ужасных англичан, которые

читают «Дейли мейл», ждут писем и говорят о самых невероятно скучных вещах. С таким же успехом можно поехать в Брайтон или Борнмут, купить белого пуделя и зонтик от солнца и прогуливаться по пирсу. Как долго вы собираетесь пробыть в Европе?

— Мы еще не решили, возможно, несколько лет. — Николь колебалась. — У Нельсона появилось немного свободных денег, и нам захотелось перемен. Когда я была маленькой, у моего отца была астма, и мне пришлось несколько лет жить с ним в самых унылых санаториях, а Нельсон занимался пушным бизнесом на Аляске и возненавидел ее. Поэтому, когда у нас появились финансы и возможности, мы уехали за границу. Нельсон будет заниматься живописью, а я буду учиться пению.

Она торжествующе посмотрела на своего мужа.

— До сих пор все было просто великолепно.

Миссис Майлз решила, что, судя по одежде этой девушки, это были немалые деньги, а их энтузиазм был заразителен.

— Вы обязательно должны съездить в Биарриц, — посоветовала она им. — Или, лучше, в Монте-Карло.

— Мне сказали, что здесь устраивают отличное представление, — сказал Майлз, заказывая шампанское. — Танцовщицы Улед Наиль. Консьержка говорит, что это что-то вроде племени девушек, которые спускаются с гор, учатся танцевать и тому подобное, пока не соберут достаточно золота, чтобы вернуться в свои горы и выйти замуж. Так вот, сегодня вечером они дают представление.

Позже, направляясь в кофейню «Улед Наиль», Николь пожалела, что они с Нельсоном не гуляют вдвоем в этой приятной, все более бархатной, все более чистой ночи. Нельсон ответил взаимностью бутылке шампанского за ужином, а из них никто не привык к такому количеству алкоголя. Когда они приблизились к звукам печальной флейты, ей захотелось не заходить внутрь, а подняться на вершину невысокого холма, где в ночи сияла белая, как звезда, мечеть. Жизнь была лучше всякого представления. Приблизившись к Нельсону, она сжала его руку.

Маленькое помещение кофейни было заполнено пассажирами двух автобусов. Девушки — светло-каштановые, плосконосые берберки с прекрасными, глубоко посаженными глазами — уже исполняли каждая свое соло на помосте. На них были хлопчатобумажные платья — они слегка напоминали южных мамочек, — под ними их тела извивались в медленном танце, кульминацией которого был танец живота; серебряные пояса дико подпрыгивали, а на шеях и руках позвякивали нитки с настоящими золотыми монетами. Флейтист был еще и комедиантом — он пританцовывал, подражая девушкам. Барабанщик, закутанный в козьи шкуры, как знахарь, был настоящим негром из Судана.

Сквозь дым сигарет каждая девушка по очереди проделывала движения пальцами, словно играла на парящем рояле — сначала это были простые движения, а затем утонченные, все это повторялось в такт движениями ног, но это была лишь подготовка к апогею дикой сладострастности танца.

После этого наступило затишье. Хотя казалось, что представление еще не закончено, большинство зрителей постепенно вставали и уходили, а в воздухе витал неясный шепот.

— Что происходит? — спросила Николь своего мужа.

— Я полагаю... похоже, что за определенную плату эти девушки танцуют в более или менее... э-э-э... восточном стиле — в одних украшениях.

— О-о.

— Мы все остаемся, — весело заверил ее мистер Майлз. — В конце концов, мы здесь для того, чтобы увидеть настоящие обычаи и нравы страны, немного ханжества не должно стоять у нас на пути.

В кофейне осталось большинство мужчин, и несколько женщин. Николь внезапно встала.

— Я подожду снаружи, — произнесла она.

— Почему бы тебе не остаться, Николь? В конце концов, миссис Майлз остается.

Флейтист готовился к продолжению представления. На помосте две светло-каштановые девочки лет четырнадцати, снимали свои хлопчато-бумажные платья. На мгновение Николь заколебалась, разрываясь между отвращением и желанием не показаться ханжой. Затем она увидела, как одна молодая американка быстро встала и направилась к двери. Узнав привлекательную молодую девушку из второго автобуса, она тоже встала и быстро последовала за ней.

Нельсон поспешил за Николь.

— Мы уйдем вместе, дорогая, если ты этого хочешь, — сказал он с явной неохотой.

— Пожалуйста, не беспокойся. Я подожду с гидом снаружи.

— Ну... — тут забили в барабан, и он пошел на компромисс: — Я задержусь всего на минуту. Я только взгляну, на что это похоже.

В ожидании мужа она обнаружила, что этот эпизод причинил ей обиду: Нельсон не пошел с ней сразу, приведя в качестве аргумента тот факт, что миссис Майлз осталась. От обиды она сильно разозлилась и дала понять гиду, что хочет вернуться в гостиницу.

Двадцать минут спустя появился Нельсон, рассерженный от волнения, что не обнаружил ее на улице, а также чтобы скрыть свою вину за то, что не пошел с ней. Недовольные собой, они неожиданно поссорились.

Много позже, когда в Бу-Сааде установилась мертвая тишина, а кочевники на рыночной площади представляли собой лишь неподвижные тюки, завернутые в свои бурнусы, она спала на его плече. Жизнь продолжается, независимо от наших намерений, но что-то в их отношениях было задето, создан некий повод для возможного разногласия в будущем. Но все-таки это был брак по любви, а он мог выдержать многое. Они с Нельсоном пережили одинокую юность, и теперь им хотелось почувствовать вкус и запах живого мира, а пока они находили его друг в друге.

Месяц спустя они уже были в Сорренто, где Николь брала уроки пения, а Нельсон пытался что-то рисовать на фоне Неаполитанского залива. Это была жизнь, которую они планировали и о которой так часто читали. Но они, как и многие, обнаружили, что очарование идиллических эпизодов зависит от того, насколько один человек «умеет жить», то есть обеспечивает обстановку, на фоне которой другому кажется, что он снова наслаждается чарами пасторального покоя, памятного с детства. Николь и Нельсон были одновременно и слишком стары, и слишком молоды, и слишком американцы, чтобы сразу же прийти к полному согласию с чужой страной. Их жизненная сила не давала им покоя, поскольку его живопись не имела направления, а ее пение не сулило серьезных перспектив. Они говорили себе, что у них «ничего не получается» — вечера стали долгими, поэтому за ужином они начали пить много вина с Капри.

Отелем владели англичане. Они были в возрасте и приехали на Юг за хорошей погодой и спокойствием. Нельсона и Николь возмущал тихий ритм их жизни. Разве могут люди довольствоваться вечными разговорами о погоде, одними и теми же прогулками, одним и тем же вариантом макарон за ужином из месяца в месяц? Им стало скучно, а скучающие американцы уже находятся в предвкушении острых ощущений. Все решилось в один вечер.

За бутылкой вина за ужином они решили поехать в Париж, поселиться в квартире и серьезно поработать. Париж обещал столичное развлечение, друзей-ровесников, общую насыщенность, которой не хватало Италии. Преисполненные новых надежд, они после ужина зашли в салон, где Нельсон в десятый раз заметил огромное электрическое пианино и решил испытать его.

В другом конце салона сидели единственные англичане, с которыми у них была какая-то близость, — генерал сэр Эвелин Фрагель и леди Фрагель. Близость была недолгой и малопривлекательной — увидев, как они выходят из отеля в пеньюарах, чтобы поплавать, леди Фрагель объявила через несколько ярудов, что это отвратительно и этого нельзя допускать.

Но это было ничто по сравнению с ее реакцией на первые потрясающие звуки пианино. Когда от вибрации с клавиатуры осыпалась многолетняя пыль, она стремительно рванула вперед так, словно сидела на электрическом стуле, на который подали ток. Несколько ошеломленный внезапным шумом Нельсон едва успел сесть, как она пронеслась через всю комнату, с колышущимся шлейфом позади, и, не взглянув на Келли, выключила пианино.

Это был один из тех жестов, которые либо явно оправданы, либо возмутительны. На мгновение Нельсон замешкался, затем, вспомнив высокомерное замечание леди Фрагель по поводу их купальных костюмов, вернулся к пианино по ее еще не остывшим следам и снова включил его.

Инцидент приобрел международный характер. Взоры всего салона жадно устремились на главных героев, ожидая, что будет дальше. Николь поспешила за Нельсоном, убеждая его оставить все как есть, но было слишком поздно.

Из-за стола возмущенных англичан вставал, сустав за суставом, генерал сэр Эвелин Фрагель, оказавшийся, возможно, в самой критической ситуации со времен освобождения Ладисмита.

— Это возмутительно! Просто возмутительно!

— Прошу прощения, — сказал Нельсон.

— Я здесь живу пятнадцать лет! — закричал сэр Эвелин сам себе. — Никогда раньше не видел, чтобы кто-то делал нечто подобное!

— Я полагаю, что пианино здесь было поставлено для развлечения гостей.

Не желая отвечать, сэр Эвелин опустился на колено, потянулся к ручке, нажал ее не в ту сторону, после чего скорость и громкость инструмента утроились, и все они оказались в безумной какофонии звуков. Сэр Эвелин был вне себя от ярости, Нельсон был на грани истерического смеха.

Через мгновение твердая рука управляющего отелем решила дело — инструмент заглох и остановился, слегка вздрогнув от непривычной прыти, оставив после себя глубокую тишину, в которой сэр Эвелин обратился к управляющему.

— Самое возмутительное происшествие, о котором я когда-либо слышал в своей жизни. Моя жена выключила его, а он, — это было его первое признание личности Нельсона в отличие от пианино, — снова его включил!

— Это общая комната в отеле, — запротестовал Нельсон. — И пианино, очевидно, установлено для того, чтобы им пользоваться.

— Не вступай в спор, — прошептала Николь. — Они слишком стары.

Но Нельсон сказал:

— Если и стоит кому извиняться, то, разумеется, передо мной.

Сэр Эвелин угрожающе смотрел на управляющего, ожидая, когда тот исполнит свой долг. Тот вспомнил, что сэр Эвелин уже прожил здесь пятнадцать лет, и, съездившись, произнес:

— У нас не принято включать пианино по вечерам. По вечерам постояльцы спокойно отдыхают за своими столиками.

— Все американцы наглецы! — рявкнул сэр Эвелин.

— Очень хорошо, — огрызнулся Нельсон. — Завтра мы избавим отель от нашего присутствия.

Как реакция на этот инцидент и как своего рода протест против сэра Эвелина Фрагеля, они отправились не в Париж, а в Монте-Карло. Они решили покончить с одиночеством.

II

Прошло чуть больше двух лет после первого визита Келли в Монте-Карло, и Николь, проснувшись утром, увидела, что это место, хотя и носило прежнее название, стало для нее совершенно иным.

Несмотря на торопливые месяцы, проведенные в Париже или Биаррице, теперь это был их дом. У них была вилла, у них было много знакомых среди весенне-летней толпы — толпы, в которую, естественно, не входили люди, покупающие круизы в туристических компаниях или плавающие вдоль Средиземноморского побережья на развальных; эти последние стали для них «туристами».

Они любили Ривьеру в разгар лета, когда там было много друзей, а ночи были полны музыки. Этим утром, прежде чем горничная задернула шторы, чтобы защититься от яркого света, Николь увидела из своего окна яхту Т.Ф. Голдинга, безмятежно покачивающуюся среди волн залива Монако, словно постоянно находившуюся в романтическом плавании, не зависящем от реального положения.

Яхта медленно шла вдоль побережья, и за все лето она не заходила дальше Канн, хотя могла бы обойти весь мир. В этот вечер Келли были приглашены на борт отужинать.

Николь превосходно говорила по-французски, у нее было пять новых вечерних платьев и еще четыре, вполне подходящих для такого случая. Еще у нее был муж, в нее были влюблены еще двое мужчин, и ей было грустно за одного из них. У нее было хорошенькое личико. В 10:30 она встречалась с третьим мужчиной, который только начинал влюбляться в нее «самым безобидным образом». В час дня она пригласила на обед дюжину очаровательных людей. И это все.

— Я счастлива, — задумчиво произнесла она, глядя на светящиеся жалюзи. — Я молода и хороша собой, и мое имя часто пишут в газетах, как побывавшую то там, то сям, но на самом деле мне наплевать на эту показуху. Я думаю, все это ужасно глупо, но если уж ты хочешь видеть людей, то лучше видеть элегантных и симпатичных, а если люди называют тебя снобом, то это от зависти, и они сами это знают, и все остальные это признают.

Два часа спустя она повторила все это Оскару Дейну на поле для гольфа Мон-Ажель, и он слабо ругнулся.

— Вовсе нет, — сказал он. — Ты просто превращаешься в пресыщенного сноба. Ты называешь ту толпу пьяниц, с которой водишься, элегантными и симпатичными людьми? Да ведь они даже не прикольные. Они настолько закоренелые, что проникли в Европу, как гвозди в мешок с пшеницей, пока не высунулись из него в Средиземное море.

Раздраженная Николь назвала одно из имен ее друзей, на что он ответил:

— Класс «С». Бестолковый до мозга костей.

— Колби, во всяком случае, она.

— Нижний ярус в трюме.

— Маркиз и маркиза де Калб.

— Если бы она не принимала наркотики, а он не имел «особых» странностей.

— Ну, тогда, где же эти элегантные люди? — нетерпеливо спросила она.

*Они любили Ривьеру в разгар лета,
когда там было много друзей,
а ночи были полны музыки.*

— Где-то бродят поодиночке. Они не собираются в стада, разве что изредка.

— А как насчет тебя? Ты бы с радостью принял приглашение от каждого, кого я назову? Я слышала о тебе истории похлеще тех, что ты можешь выдумать. Нет ни одного человека, который, зная тебя полгода, не дал бы тебе чек на десять долларов. Ты всасываешь их деньги, как губка, ты паразит и все в этом роде...

— Замокни на минутку, — перебил он. — Я не хочу портить этот отдых... Мне просто не нравится, что ты обманываешь себя. В то, что у вас считается международным обществом, в наши дни попасть почти так же легко, как в публичные залы казино, и если я могу зарабатывать себе на жизнь, наживаясь на ком-то, то все равно отдаю ему в двадцать раз больше, чем получаю. Мы, мертвецы, — единственные люди, у которых есть хоть что-то, и мы остаемся с этим, у нас нет другого выбора.

Она рассмеялась — он ей безмерно нравился — и подумала, как разозлится Нельсон, когда узнает, что Оскар ушел с маникюрными ножницами и утренним выпуском «Нью-Йорк Геральд».

«В любом случае, — думала она позже, направляясь домой на обед, — мы скоро выберемся из всего этого, станем серьезными и заведем ребенка. После такого чудесного лета».

Остановившись на минутку у цветочного магазина, она увидела молодую женщину, выходящую оттуда с букетом цветов. Она взглянула на нее поверх разноцветной охапки, и Николь поняла, что та довольно смышленная, а ее лицо показалось знакомым. Это был кто-то, кого она когда-то знала, но совсем немного — ее имя вылетело у нее из головы, поэтому она не стала кивать и забыла об этом случае до самого обеда.

За обедом их собралось двенадцать человек: компания Голдингов с яхты, Лидделл и Кардин Майлз, мистер Дэйн — она насчитала семь человек разных национальностей, среди них изысканная молодая француженка мадам Делони, которую Николь легкомысленно называла «девушкой Нельсона». Ноэль Делони, пожалуй, была ее самой близкой подругой — когда они собирались вчетвером для игры в гольф или поездок, она всегда была в паре с Нельсоном, но сегодня, когда Николь представила ее кому-то как «девушку Нельсона», эта шутливая фраза вызвала у нее отвращение.

За обедом она громко сказала:

— Мы с Нельсоном собираемся сбежать куда-нибудь.

Все согласились, что они тоже собираются от всего этого отдохнуть.

— Для англичан это в порядке вещей, — сказал кто-то, — потому что они исполняют своего рода танец смерти — ну, знаете, веселье в обреченной крепости, с сиаями у ворот. Это видно по их лицам, когда они танцуют, по их напряжению. Они знают это и хотят этого, и не видят никакого будущего. Но вы, американцы, слишком отвратительно проводите свое время. Если вы желаете надеть зеленую шляпу, или мятую, или что бы это ни было, вам всегда нужно быть немного навеселе.

— Вот поэтому мы собираемся сбежать от всего этого, — твердо сказала Николь, но что-то внутри нее возражало: «Как жаль это прекрасное синее море, эти счастливые дни».

Что будет потом? Просто ли смириться с ослабшим напряжением? Каким-то образом отвечать на этот вопрос было делом Нельсона. Его растущее недовольство тем, что у него ничего не получается, должно было взорваться новой жизнью для них обоих, вернее, новой надеждой и удовольствием от этого. Это должно было стать его мужским вкладом в семейную жизнь.

— Ну что ж, детки, до свидания.

— Это был отличный обед.

— Не забывайте о том, что собрались убежать от всего этого.

— Увидимся, когда...

Гости направились по дорожке к своим машинам. Только Оскар, слегка покрасневшийся от ликера, стоял с Николь на веранде, без умолку болтая о девушке, которую он пригласил осмотреть свою коллекцию марок. На мгновение устав от людей и желая побыть одной, Николь немного его послушала, а затем, взяв с обеденного стола стеклянную вазу с цветами, прошла в темный полумрак виллы, его голос следовал за ней, удаляясь все дальше и дальше.

Именно тогда, когда она пересекала гостиную, все еще слушая монолог Оскара на веранде, она услышала голос другого человека в соседней комнате, отчетливо перекрывающий голос Оскара.

— Ах, ну поцелуй меня еще раз, — сказал он и остановился. Николь тоже остановилась, застыв в тишине, нарушаемой теперь только голосом Оскара.

— Будь осторожен. — Николь узнала слабый французский акцент Ноэль Делони.

— Я устал быть осторожным. Во всяком случае, они на веранде.

— Нет, лучше встретимся на обычном месте.

— Дорогая, моя любовь.

Голос Оскара Дэйна на веранде затих, и, словно освободившись от паралича, Николь сделала шаг — вперед или назад, она не понимала. По звуку каблуков на полу она услышала, как двое в соседней комнате быстро расходятся.

Она вошла внутрь. Нельсон закуривал сигарету, Ноэль, повернувшись к нему спиной, очевидно, искала шляпу или сумочку на стуле. Скорее со слепым отвращением, чем со злостью, Николь швырнула или, скорее, отбросила от себя стеклянную вазу, которую несла в руках. Если в кого-то она и целилась, так это в Нельсона, но сила ее эмоций проникла в этот неодушевленный предмет, он пролетел мимо него, и ударил поворачивающуюся Ноэль Делони по голове и лицу.

— Эй, кто там? — воскликнул Нельсон.

Ноэль медленно опустилась на стул, перед которым стояла, машинально подняла руку, чтобы прикрыть место удара. Ваза, не разбившись, покатилась по толстому ковру, рассыпав цветы.

*— Ах, ну поцелуй меня еще раз, — сказал он и остановился.
Николь тоже остановилась, застыв в тишине,
нарушаемой теперь только голосом Оскара.*

— Что у тебя? — Нельсон кинулся к Ноэль, пытаясь отвести ее руку, чтобы осмотреть следы от удара.

— Это что-то жидкое, — выдохнула Ноэль шепотом. — Это что, кровь? Он отстранил ее руку и, задыхаясь, воскликнул:

— Нет, это просто вода!

А затем крикнул Оскару, появившемуся в дверях:

— Принеси коньяку! — И Николь: — Дурочка, ты, должно быть, сошла с ума!

Николь, тяжело дыша, ничего не сказала. Когда принесли коньяк, воцарилась тишина, как при серьезной операции, в это время Нельсон влил в Ноэль целую рюмку. Николь подала знак Оскару, чтобы тот тоже выпил, и, словно боясь нарушить молчание без этого, они все молча выпили по рюмке. Затем Ноэль и Нельсон заговорили одновременно:

— Если ты сможешь найти мою шляпу...

— Это самое глупое...

— ...я немедленно ухожу.

— ...что я когда-либо видел, я...

Они все посмотрели на Николь, которая сказала:

— Пусть ее машина подъедет прямо к двери.

Оскар быстро удалился.

— Ты уверена, что обойдешься без врачебной помощи? — с тревогой спросил Нельсон.

— Я просто хочу уйти.

Минуту спустя, когда машина отъехала, Нельсон вернулся и налил себе еще одну рюмку коньяка. Волна ослабевающего напряжения нахлынула на него снова, отразившись на лице, Николь это заметила, а также почувствовала, что он собирается с силами и хочет что-то сказать.

— Я хочу знать, почему ты это сделала, — потребовал он. — Нет, Оскар, не уходи.

Он видел, как история вырывается в светскую тусовку.

— Что за причина...

— Заткнись! — огрызнулась Николь.

— Даже если я поцеловал Ноэль, в этом нет ничего ужасного. Это не имеет абсолютно никакого значения.

Она издала презрительный звук.

— Я слышала, что ты ей сказал.

— Ты сумасшедшая.

Он сказал это так, словно она на самом деле была сумасшедшей, и дикая ярость наполнила ее.

— Ты лжец! Все это время ты притворялся, что тебе все равно, что я делаю, а сам за моей спиной забавлялся с этой маленькой...

Она произнесла страшное слово и, словно обезумев от его звучания, бросилась к его креслу. Защищаясь от этого внезапного нападения, он быстро вскинул руку, и пальцы раскрытой ладони ударили ее по лицу. Закрыв его рукой, как это делала Ноэль десятью минутами ранее, она с рыданиями упала на пол.

— Разве это не зашло достаточно далеко? — воскликнул Оскар.

— Да, — признался Нельсон. — Пожалуй, да.

— Выйди на веранду и остынь.

Оскар подвел Николь к дивану и сел рядом с ней, держа ее за руку.

— Соберись, детка, соберись, — повторял он снова и снова. — Ты что — Джек Демпси? Нельзя же вот так бросаться во француженок, они подадут на тебя в суд.

— Он сказал ей, что любит ее, — истерично выдохнула она. — А она сказала, что ждет его на обычном месте... Он уже отправился туда?

— Он на веранде, ходит взад-вперед, ему чертовски жаль, что он случайно ударил тебя, и он сожалеет, что вообще встретил эту Ноэль Делони.

— О, да, конечно!

— Вполне возможно, что ты ослышалась, но это ничего не меняет, в любом случае.

Через двадцать минут внезапно вошел Нельсон и опустился на колени рядом с женой. Мистер Оскар Дэйи, убедившись, что он отдал гораздо больше, чем получил, незаметно и нехотя отступил к двери.

Еще через час Нельсон и Николь, взявшись за руки, вышли из своей виллы и медленно направились в «Кафе де Пари». Они шли пешком вместо того, чтобы ехать на машине, как будто пытались вернуться к прежней простоте, словно пытались распутать что-то, что незаметно запуталось. Николь приняла его объяснения, не потому что они были правдоподобными, а потому что ей страстно хотелось в них верить. Они оба выглядели очень спокойно, словно ничего не случилось.

В этот час в «Кафе де Пари» было приятно, закат проникал сквозь желтые навесы и красные зонтики, как сквозь витражи. Оглядевшись, Николь увидела молодую женщину, с которой столкнулась утром. Сейчас она беседовала с мужчиной, и Нельсон сразу узнал в них молодую пару, которую они видели в Алжире почти три года назад.

— Они изменились, — прокомментировал он. — Наверное, мы тоже изменились, но не так сильно. У них стал более серьезный вид, а она выглядит немного рассеянной. Рассеянность всегда проявляется в светлых глазах лучше, чем в темных. Девушка, как говорится, «хороша собой», но в ее лице есть какая-то напряженность.

— Она мне нравится.

— Хочешь, я пойду и узнаю у них, не та ли самая они пара?

— Ни в коем случае! Так поступают только туристы, не имеющие друзей. А у них должно быть они есть.

В этот момент к ним за столиком присоединились люди.

— Нельсон, как насчет сегодняшнего вечера? — спросила Николь чуть позже. — Как ты думаешь, мы сможем пойти к Голдингам после всего произошедшего?

— Мы не только можем, но и должны это сделать. Если история выйдет наружу, а нас там не будет, мы просто подбросим им приятную пикантную тему для разговора... Привет! Что за...

В другом конце кафе что-то произошло — закричала женщина, и все люди за тем столиком вскочили на ноги, засуетились, как один человек. Затем люди за другими столиками встали и подались вперед, на мгновение Келли увидели лицо девушки, за которой они наблюдали, — бледное и искаженное гневом. Охваченная паникой Николь дернула Нельсона за рукав.

— Я хочу выйти. Я не могу больше здесь находиться. Отвези меня домой. Неужели все сходят с ума?

По дороге домой Нельсон взглянул на лицо Николь и с удивлением понял, что они все-таки не поужинают на яхте Голдингов. Ибо у Николь наметились четко очерченные и безошибочно узнаваемые синяки под глазами — такие, от которых к одиннадцати часам не спасет никакая косметика всего княжества. У него екнуло сердце, и он решил ничего не говорить ей, пока они не доберутся до дома.

III

В катехизисе есть мудрый совет — избегайте грехов, и когда через месяц Келли отправились в Париж, они добросовестно составили список мест, которые они больше не будут посещать, и людей, которых они больше не хотят видеть. В список вошли несколько знаменитых баров, все ночные клубы, за исключением одного или двух, которые были в высшей степени благопристойными, все утренние клубы всех мастей, а также все летние курорты, где главным развлечением был «кутеж» — безудержный и грандиозный кутеж.

Среди людей, с которыми они расстались, было три четверти тех, с кем они провели последние два года. Сделали они это не из снобизма, а из чувства самосохранения, и не без определенного страха в душе, что навсегда отрезают себя от человеческих контактов.

Но мир всегда любопытен, и многие люди становятся более ценными из-за своей недоступности. Они обнаружили, что в Париже есть люди, которых интересуют только те, кто откололся от большинства. Старая публика, которую они знали, была в основном американской, с примесью европейцев, новая — в основном европейской, с примесью американцев. Эти новые знакомые и были «обществом», то тут, то там соприкасавшимся с настоящей элитой, состоящей из людей с высоким положением и огромным состоянием, очень редко гениальных, но всегда обладающих властью. Не будучи близко знакомыми с именитыми, они завели новых друзей более скромного положения. Кроме того, Нельсон снова начал рисовать, у него была студия, и они посещали мастерские Бранкузи, Леже и Дешама. Казалось, что они стали частью чего-то большего, чем раньше, а когда речь заходила о каких-то вульгарных рандеву, они испытывали презрение к своим первым двум годам в Европе, говоря о своих прежних знакомых как о «своре», и как о «людях, которые тратят время впустую».

Хотя они и придерживались своих правил, но часто развлекались дома и ходили в гости к другим. Они были молоды, красивы и умны, они знали, что можно, а что нельзя, и приспособлялись к этому. Кроме того, они были щедры от природы и готовы были, в пределах здравого смысла, платить.

Когда кто-то выходил в свет, он обычно выпивал. Это мало что значило для Николь, которая боялась потерять свою непринужденность, капельку красоты или искорку очарования, но Нельсон обнаружил, что у него появилось искушение выпить на этих скромных посиделках, как в старом шумном обществе. Он не был пьяницей, не делал ничего предосудительного или пошлого, но он уже не мог выходить в свет без стимула в виде спиртного. Именно с целью привести его к более ответственному и взвешенному поведению Николь после года жизни в Париже решила, что пришло время завести ребенка.

Так случилось, что они познакомились с графом Чики Саролаем. Это был привлекательный представитель австрийского двора, не имевший ни состояния, ни претензий на него, но обладавший солидными социальными и финансовыми связями во Франции. Его сестра была замужем за маркизом де ла Клос д'Ирондель, который, помимо того, что принадлежал к древнему дворянству, был преуспевающим банкиром в Париже. Граф Чики бродил то тут, то там, откровенно нахлебничая, подобно Оскару Дейну, но в другой манере.

Его пристрастием были американцы, он с жадным нетерпением следил за их словами, словно они рано или поздно выдадут свою таинственную формулу зарабатывания денег. После случайной встречи его интерес переключился на семейство Келли. В течение нескольких месяцев, пока Николь была беременна, он постоянно находился у них в доме, неустанно интересуясь всем, что касалось американской преступности, сленга, финансов или манер. Он приходил на обед или ужин, когда ему больше некуда было пойти, и с несказанной благодарностью уговаривал сестру позвать Николь, которая была бы безмерно польщена.

Было условлено, что, когда Николь отправится в больницу, он останется в апартаментах и составит компанию Нельсону — договоренность, которую Николь не одобряла, поскольку они, находясь вместе, были склонны к выпивке. В тот день, когда все было решено, он приехал с приглашением на одну из знаменитых вечеринок шурина на лодках на Сене, и которая, что очень удобно, должна была состояться через три недели после рождения ребенка. Итак, когда Николь переехала в американскую больницу, граф Чики переехал к ним.

Ребенок оказался мальчиком. На какое-то время Николь совсем забыла о людях, их человеческом состоянии и значимости. Она даже удивлялась тому, что стала такой зазнайкой, поскольку все казалось тривиальным по сравнению с новым человечком, которого она восемь раз в день прикладывала к груди.

Через две недели она с ребенком вернулась в квартиру, но Чики и его камердинер остались. С той деликатностью, которую Келли начали ценить совсем недавно, было件нятно, что он просто остается до окончания вечеринки у шурина, но в апартаментах было тесно, и Николь хотела, чтобы он побыстрее съехал. Ее старая идея о том, что, если уж приходится встречаться с людьми, то лучше с самыми лучшими, воплотилась — ее пригласили на вечеринку к маркизу де ла Клос д'Ирондель.

Накануне этой вечеринки, когда она лежала в шезлонге, Чики объяснил ей все подробности вечеринки, в организации которой он, очевидно, принимал участие.

— Каждый, кто прибывает, прежде чем подняться на борт, должен выпить два коктейля в американском стиле, — в качестве входного билета.

— Но я думала, что популярные французы — Фобур Сен-Жермен и им подобные — не пьют коктейлей.

— О, моя семья очень современная. Мы перенимаем многие американские обычаи.

— Кто там будет еще?

— Все! Все, кто в Париже.

У нее перед глазами проплывали громкие имена. На следующий день она не смогла удержаться и затронула эту тему в разговоре с доктором. Но она была весьма оскорблена тем, что в его глазах появилось удивление и недоумение.

— Я все правильно понял? — потребовал он. — Правильно ли я понял, что вы собираетесь завтра на вечеринку?

— Ну, да, — запинаясь, произнесла она. — Почему бы нет?

— Мадам, вам еще две недели нельзя выходить из дома, танцевать или делать что-то утомительное.

— Это смешно! — воскликнула она. — Прошло уже целых три недели! Эстер Шерман уехала в Америку после...

— Неважно, что сделала Шерман, — перебил он. — Каждый случай индивидуален. У вас осложнение, и вы должны строго выполнять мои предписания.

— Но ведь речь идет о том, что я уйду всего на два часа, потом мне придется вернуться домой к Санни...

— Вы не уйдете из дома и на две минуты.

По серьезности его тона она поняла, что он прав, но, как ни странно, не стала говорить об этом Нельсону. Вместо этого она сказала, что устала, что, возможно, она не пойдет, и в ту ночь легла спать, соизмеряя свое огорчение со страхом. Проснувшись к первому кормлению Санни, она подумала про себя: «Надо сделать всего-то десять шагов от лимузина до кресла и просто посидеть там с полчаса...»

В последнюю минуту она остановила свой выбор на бледно-зеленом вечернем платье от Каллетс, висевшем на стуле в ее спальне. Она решилась.

Где-то во время суматохи и суеты на сходнях, пока гости поднимались на борт, получали входные билеты и с присущей им веселостью выпивали коктейли, Николь поняла, что совершила ошибку. Во всяком случае, официальной церемонии приема гостей не было, и, поприветствовав хозяев, Нельсон нашел для нее кресло на палубе, где ее слабость вскоре исчезла.

Тогда она обрадовалась, что пришла. Лодка была увешана множеством ярких фонариков, которые сливались с пастельными тонами мостовых и отражением звезд в темной Сене, как в детской сказке из «Тысячи и одной ночи». На берегу собралась толпа зрителей с восторженными глазами. Шампанское проносилось мимо целыми вереницами бутылок, а музыка, вместо того чтобы быть громкой и навязчивой, стекала с верхней палубы, как глазурь по торту. Вскоре она поняла, что они были там не единственными американцами — на другой стороне палубы сидели Лидделлы Майлзы, которых она не видела уже несколько лет.

Присутствовали и другие люди из старых знакомых, и она почувствовала легкое разочарование. Что, если это была не лучшая вечеринка маркиза?

Ей вспомнились особые «вторые» вечеринки матери, куда приглашалась публика попроще. Она попросила Чики, который сидел рядом, указать на знатных гостей, и когда она спросила о нескольких именах, которых она ассоциировала с этой публикой, он неопределенно ответил, что они в отъезде, или придут позже, или их вообще не будет. Ей показалось, что она увидела в другом конце палубы девушку, которая разыграла сцену в «Кафе де Пари» в Монте-Карло, но она не была уверена, потому что по легкому, почти незаметному движению лодки поняла, что снова слабеет. Она послала за Нельсоном, чтобы он отвез ее домой.

— Ты можешь сразу вернуться. Ждать меня не надо, потому что я сразу лягу спать.

Он оставил ее на руках медсестры, которая помогла ей подняться наверх и быстро раздеться.

— Я очень устала, — сказала Николь. — Ты не уберешь мои украшения?

— Куда?

— В шкатулку на туалетном столике.

— Ее здесь нет, — сказала медсестра через минуту.

— Тогда она в ящике столика.

В туалетном столике был произведен тщательный обыск, но безрезультатно.

— Она точно там. — Николь попыталась подняться, но в изнеможении упала обратно. — Поищи, пожалуйста, еще раз. В ней все — и мамины вещи, и вещи с помолвки.

— Мне очень жаль, миссис Келли. В этой комнате нет ничего, что соответствовало бы вашему описанию.

— Разбуди горничную.

Горничная ничего не знала, но затем, после настойчивого перекрестного допроса, Николь все-таки кое-что выяснила. Через полчаса после того, как она покинула дом, камердинер графа Саролая ушел, унося с собой саквояж.

Николь показалось, что прошли часы, прежде чем Нельсон вернулся домой. Она лежала на кровати, корчась от острой и внезапной боли, рядом сидел спешно вызванный доктор. Когда Нельсон появился, его лицо было смертельно бледным, а глаза безумными. Он кинулся прямо в ее комнату.

— Ну и что ты думаешь? — грубо спросил он. Потом он увидел доктора. — Что случилось?

— О, Нельсон, я больна, как паршивый пес, и моя шкатулка с драгоценностями пропала, а камердинер Чики исчез. Я сообщила в полицию... Возможно, Чики знает, где этот человек...

— Чики больше никогда не появится в этом доме, — медленно произнес он. — Ты знаешь, чья это была вечеринка? У тебя есть какие-нибудь предположения, чья это была вечеринка?

Он разразился диким хохотом.

— Это была наша вечеринка — наша, Келли, ты понимаешь? Оказывается, это мы ее устроили — мы не знали этого, но устроили.

— Месье, не следует будоражить мадам... — начал доктор.

— Мне показалось странным, что маркиз так рано ушел домой, но я ничего не подозревал до самого конца. Маркиз был просто гостем — Чики пригласил всех, кого мог. После того, как все закончилось, рестораторы и музыканты начали подходить и спрашивать меня, куда им высылать счета. И у этого чертова Чики хватило наглости сказать мне, что он думал, что я все время знал об этом. Он сказал, что обещал только, что это будет вечеринка, как у его шурина, и что там будет его сестра. Он еще сказал, что, возможно, я был пьян, или, возможно, я не понимаю по-французски — как будто мы хоть раз на нем говорили.

— Не плати! — сказала она. — Я бы и не подумала платить.

— Я так и сказал, но они собираются подать в суд — лодочники и остальные. Они хотят двенадцать тысяч долларов.

Она внезапно ослабла.

— Уходи! — закричала она. — Мне все равно! Я потеряла все свои драгоценности, и мне плохо, очень плохо!

IV

Это история о поездке за границу, и нельзя пренебрегать географическим компонентом. Побывав в Северной Африке, Италии, на Ривьере, в Париже и в других местах, неудивительно, что в конце концов Келли решили отправиться в Швейцарию. Швейцария — страна, где очень мало что начинается, но много чего заканчивается.

Если в других туристических местах их пребывание было вызвано неким выбором, то в Швейцарию Келли отправились вынужденно. Они были женаты немногим более четырех лет, когда однажды весенним днем прибыли на озеро, которое является центром Европы, — безмятежное, располагающее к отдыху место с пасторальными холмами, на фоне гор и вод голубого оттенка, как на открытках, которые под поверхностью немного жутковаты от всех бед, притаившихся сюда со всех уголков Европы. Усталые здесь восстанавливаются, а умирающие — умирают. Здесь есть и школы, и молодые люди, плещущиеся на залитых солнцем пляжах. Есть темница Бониварда и город Кальвина. Призраки Байрона и Шелли все еще бродят ночами по темным берегам. Женевское озеро, на которое приехали Нельсон и Николь — это самое унылое озеро санаториев и отелей.

Ибо, словно по какому-то случайному совпадению невезучей судьбы, которая продолжала преследовать их, здоровье подвело их обоих одновременно. Николь лежала на балконе отеля, медленно возвращаясь к жизни после двух операций подряд, в то время как Нельсон боролся за жизнь с желтухой в больнице, в двух милях от нее. Даже после того, как двадцатидевятилетний

запас сил помог ему выкарабкаться, впереди были долгие месяцы восстановления, в течение которых ему нельзя было волноваться. Часто они задавались вопросом, почему из всех, кто искал удовольствий на лике Европы, эти несчастья выпали именно на их долю.

— В нашей жизни было слишком много людей, — сказал Нельсон. — Мы никогда не могли устоять перед людьми. Мы были так счастливы в первый год, когда вокруг никого не было.

Николь согласилась.

— Если бы мы когда-нибудь могли побыть одни — по-настоящему одни, мы могли бы устроить себе нормальную жизнь. Мы попытаемся, правда, Нельсон?

Но бывали и другие дни, когда они оба отчаянно нуждались в компании, скрывая это друг от друга. Дни, когда они разглядывали тучных и истощенных, калек и немощных людей всех национальностей, заполнивших отель, в поисках хоть кого-то, кто мог бы их позабавить. Для них это была новая жизнь, включавшая ежедневные визиты двух врачей, доставку почты и газет из Парижа, небольшую прогулку в деревню на склоне холма или иногда спуск на фуникулере на курорт Пале на озере с его Куршавелем, травянистым берегом, теннисными клубами и автобусами для осмотра достопримечательностей. Они читали Таухница и Эдгара Уоллеса; каждый день в установленный час наблюдали, как купают ребенка, три раза в неделю после ужина в гостинной играл утомленный и измученный оркестр, и это было все.

А иногда с поросших виноградом холмов на другой стороне озера доносился грохот, означавший, что пушки стреляют по тучам, несущим град, чтобы спасти виноградник от надвигающейся бури. В этот раз буря надвигалась стремительно, сначала падая с небес, а затем снова обрушиваясь потоками с гор, с грохотом несясь по дорогам и каменным канавам; она сопровождалась темным, пугающим небом, свирепыми вспышками молний и грохочущим, раскалывающим мир громом, в то время как рваные и истерзанные тучи неслись, подгоняемые ветром, мимо отеля. Горы и озеро полностью исчезли и отель остался один среди хаоса и мрака.

Именно во время такой бури, когда простое открытие двери впускало в холл смерч из дождя и ветра, Келли впервые за несколько месяцев увидели знакомых. Сидя внизу с другими жертвами расшатанных нервов, они заметили двух новоприбывших — мужчину и женщину, в которых они узнали пару, впервые увиденную в Алжире, и с тех пор их пути неоднократно пересекались. В голове Нельсона и Николь промелькнула одна невысказанная мысль. Кажалось, это судьба, что наконец-то здесь, в этом пустынном месте, они познакомятся, и, наблюдая за ними, они видели, что и другие пары смотрят на них так же настороженно. И все же что-то удерживало Келли. Разве они только что не жаловались на то, что в их жизни слишком много людей?

Позже, когда гроза сменилась мелким дождем, Николь оказалась рядом с девушкой на застекленной веранде. Прикрываясь чтением книги, она

внимательно изучила ее лицо. Она сразу увидела, что это было пытливое лицо, возможно, расчетливое; глаза, достаточно умные, беспокойные; они окидывали людей одним быстрым взглядом, как бы оценивая их. «Ужасная эгоистка», — подумала Николь с некоторым отвращением. В остальном щеки были бледными, а под глазами виднелись небольшие мешочки, свидетельствующие о плохом самочувствии. Все это в сочетании с некоторой дряблостью рук и ног производило впечатление нездорового состояния. Одета она была дорого, но с налетом небрежности, как будто не считала людей в отеле важными.

В целом Николь решила, что она ей не понравилась; она была рада, что они не общались, но удивлялась, что не замечала этого раньше, когда девушка попадалась ей на пути.

Николь рассказала Нельсону о своем впечатлении за ужином, он согласился с ней.

— Я столкнулся с этим человеком в баре и заметил, что мы оба не пьем ничего, кроме минеральной воды. Я хотел было завязать разговор, но хорошенько рассмотрев его лицо в зеркале, решил этого не делать. Его лицо настолько немощное и самодовольное, что кажется злым или подлым. Такому нужно выпить полдюжины рюмашек, чтобы выражение лица приняло нормальный вид.

После ужина дождь прекратился, и на улице стояла прекрасная ночь. Желая подышать свежим воздухом, Келли спустились в темный сад; по пути они миновали предмет недавнего разговора, который внезапно свернул на боковую дорожку.

— По-моему, они хотят знать нас не больше, чем мы их, — рассмеялась Николь.

Они слонялись среди кустов диких роз и клумб с влажно-сладкими неразличимыми цветами. Под отелем, там, где терраса спускалась на тысячу футов к озеру, раскинулось ожерелье огней — Монтре и Веве, а затем, в виде тусклой подвески, Лозанна; размытым мерцанием по ту сторону озера виднелись Эвиан и Франция. Откуда-то снизу — вероятно, из Курсаля — доносились звуки танцевальной музыки — американской, как они догадались, хотя теперь они слышали американские мелодии с многомесячным опозданием, лишь отдаленные отголоски того, что происходило где-то далеко.

Над Дент-дю-Миди, над черной грядой облаков, которая была арьергардом отступающей бури, возшла луна, и озеро просветлело. Музыка и далекие огни были подобны надежде, подобны заколованному расстоянию, с которого дети видят мир. В своих разделенных сердцах Нельсон и Николь смотрели в прошлое, на то время, когда вся жизнь была такой. Она тихонько взяла его под руку и притянула к себе.

— Мы можем получить все это снова, — прошептала она. — Разве мы не можем попробовать, Нельсон?

Она сделала паузу, когда две темные фигуры появились в тени неподалеку и встали, глядя на озеро внизу.

Нельсон обнял Николь и прижал ее к себе.

— Просто мы не понимаем, в чем дело, — сказала она. — Почему мы один за другим теряем мир, любовь и здоровье? Если бы мы знали, если бы было кому рассказать, я думаю, мы могли бы попытаться что-то сделать. Я бы так старалась.

Последние облака поднимались над Бернскими Альпами. Внезапно, финальным аккордом, на западе вспыхнула ярко-белая молния. Нельсон и Николь повернулись, и одновременно повернулась другая пара, и на мгновение ночь стала светлой, как день. Затем наступила темнота, последний раскат грома, и резкий, испуганный крик Николь. Она прижалась к Нельсону; даже в темноте она увидела, что его лицо было таким же белым и потрясенным, как и ее.

— Ты видел? — воскликнула она шепотом. — Ты их видел?

— Да!

— Они — это мы! Они — это мы! Ты теперь понимаешь?

Дрожа, они прижались друг к другу. Облака слились с темной громадой гор. Оглянувшись через мгновение, Нельсон и Николь увидели, что они стоят одни в безмятежном лунном свете.

СУРОВОЕ ИСПЫТАНИЕ

I

Оказавшись на длинных крытых причалах, вы попадаете в призрачную страну, которая уже не Здесь, но еще и не Там. Особенно по ночам. Смутно видимый желтый свод наполнен звуками, отдающимися эхом многих голосов. Слышен грохот грузовиков и лязг контейнеров, настойчивый скрип подъемного крана. Все кругом пропахло соленым запахом моря... Вы спешите скорее пройти это место, хотя до отплытия у вас еще много времени. Прошое, город, все осталось позади, будущее — это светящаяся пасть в борту корабля, а этот тусклый проход — сумбурное настоящее.

Пока вы поднимаетесь по трапу, ваше видение мира корректируется само собой, сужается. Вы становитесь гражданином содружества, меньшего по размеру, чем Андорра. Вы уже ни в чем не уверены. Удивительно невозмутимые люди осматривают пассажиров, каюта, похожая на камеру, подозрительные взгляды путешественников и их друзей, офицер, с торжественным видом стоящий на пустынной прогулочной палубе и думающий о чем-то своем, глядя на толпу внизу. Проносится последняя странная мысль, что вовсе необязательно было сюда приходить, затем раздаются громкие, заунывные свистки, и нечто — конечно, не корабль, а скорее человеческая фантазия, образ мыслей — устремляется вперед, в большую темную ночь.

Адриан Смит, один из именитых людей на борту судна, правда, не очень именитый, но достаточно весомый, чтобы фотограф, которому сообщили его имя, знал, как он выглядит, — и его белокурая жена Ева поднялись на прогулочную палубу, прошли мимо меланхоличного вида корабельного офицера и, найдя тихое местечко, облокотились на поручни.

— Мы отплываем! — воскликнул он вскоре, и они оба рассмеялись в экстазе. — Мы сбежали. Теперь они нас не достанут.

— Кто?

Он неопределенно махнул рукой в сторону порта.

— Все эти люди, оставшиеся там. Они придут с ордерами и списком преступлений, которые мы совершили, позвонят в нашу дверь на Парк-авеню и спросят Адриана Смита. Но что за чертовщина! Смиты, их дети и няня уже во Франции.

— Ты вынуждаешь меня думать, что мы действительно совершили какое-то преступление.

— Они не смогут заполучить тебя, — сказал он, нахмурившись. — Это единственное, из-за чего они преследуют меня — они знают, что у меня нет никаких прав на такую женщину, как ты, и от этого они в ярости. Это одна из причин, по которой я рад отсюда уехать.

— Дорогой, — произнесла Ева.

Ей было двадцать шесть — на пять лет меньше, чем ему. Она была чем-то ценным для всех, кто ее знал.

— Мне этот корабль нравится больше, чем «Маджестик» или «Аквита́ния», — продолжила она, изменив кораблям, на которых они провели свой медовый месяц. — Он гораздо меньше.

— Но он очень элегантный, и в нем есть все эти маленькие магазинчики вдоль коридоров. И, по-моему, каюты побольше.

— Люди здесь не слишком обходительны — ты заметил? — как будто они полагают, что все остальные карточные шулеры. Хотя через четыре дня одна половина будет знать другую половину по именам.

В этот момент появились четверо — квартет молодых девушек, идущих в ряд по палубе. Четыре пары глаз на мгновение посмотрели на Адриана и Еву, а затем бесстрастно отвернулись, за исключением одной пары, которая задержалась еще на мгновение, слегка вздрогнув. Этот взгляд принадлежал одной из девушек в середине, единственной пассажирке из всех четырех. Ей было не больше восемнадцати — смуглая красавица с изящным хрустальным отливом, который у брюнеток заменяет яркое сияние блондинок.

— Интересно, кто это? — поинтересовался Адриан. — Я уже видел ее где-то раньше.

— Она довольно симпатичная, — заметила Ева.

— Да.

Он продолжал размышлять, Ева на мгновение отвлеклась, а затем, улыбнувшись ему, снова привлекла его к себе.

— Расскажи мне еще, — попросила она.

— О чем?

— О нас, о том, как хорошо мы проведем время, и о том, как мы станем намного счастливее, и будем еще ближе друг к другу.

— Как мы можем быть еще ближе? — Он притянул ее к себе.

— Но я хочу сказать, что мы больше никогда не будем ссориться по пустякам. Знаешь, когда ты сделал мне подарок на день рождения на прошлой неделе, я решила, — ее пальцы погладили изящные жемчужины на шее, — что постараюсь больше никогда не говорить тебе гадостей.

— Ты никогда этого и не делала, моя прелесть.

Но даже когда он прижал ее к себе, она поняла, что момент полной отрешенности прошел, едва успев начаться. Его «антенны» были уже наготове, и он ощущал окружающий новый мир.

— Большинство людей выглядят довольно ужасно, — сказал он. — маленькие, смуглые и уродливые. Раньше американцы так не выглядели.

— Они выглядят уныло, — согласилась она. — Давай не будем ни с кем знакомиться, а просто поболтаем вдвоем.

Забили в гонг, и стюарды закричали с палубы: «Посетители на берег, пожалуйста!», их голоса слились в нестройный хор. Какое-то время трапы были забиты людьми; затем они опустели, и суетящаяся толпа за ограждением размахивала руками, кричала что-то нечленораздельное и доброжелательно ухмылялась. Когда стюарды начали возиться с канатами, в большой спешке появился растерянный молодой человек, с плоским носом, которому носильщик и водитель такси помогли подняться по трапу. Корабль проглотил его так бесстрастно, как если бы он был миссионером в Бейруте, и угрожающе задрожал. Причал с лицами начал проплывать мимо, и на мгновение корабль показался просто фрагментом, случайно отколовшимся от него, затем лица стали далекими и безголосыми, а причал — одним из множества желтых пятен вдоль водной глади. Теперь гавань стремительно вливалась в море.

В это время в северных широтах формировался ураган, который двигался с юга на юго-восток, сопровождаемый сильным западным ветром. На своем пути ему было суждено затопить амстердамский «Питер И. Эудим» с экипажем из шестидесяти шести человек, сломать заграждение на самом большом судне в мире, и принести горе и нужду женам нескольких сотен моряков. Лайнер, вышедший из Нью-Йорка в воскресенье вечером, должен был попасть в зону шторма во вторник, а в среду поздно вечером — в зону урагана.

II

Во вторник днем Адриан и Ева впервые посетили бар, где дым стоял столбом. Это не соответствовало их намерениям — после отъезда из Америки они «никогда больше не хотели употреблять коктейли», — но они забыли о всепоглощающем одиночестве кораблей, где вся активность сосредоточивается вокруг бара. Поэтому они решили зайти туда буквально на минутку.

Бар был полон. Кто-то был там с обеда, кто-то пробудет в нем до ужина, не говоря уже о нескольких преданных завсегдатаях, которые были там с девяти утра. Это было солидное собрание, развлекавшееся бриджем, пасьянсами, детективными историями, алкоголем, спорами и любовными интрижками. Здесь все было похоже на обыкновенную клубную жизнь в любой стране, но присмотревшись, можно было заметить, что кругом

витала едва сдерживаемая нервозность, плохо скрываемое нетерпение, которым были охвачены и стар, и млад. Крузиз начался, и начало им понравилось, но представление было недостаточно разнообразным, чтобы тянуться шесть дней, и уже хотелось, чтобы оно завершилось.

За соседним столиком Адриан увидел ту самую красавицу, которая в первый вечер на палубе обратила на него внимание. И снова он был очарован ее красотой, на сияющем облике, сверкавшем в дымном сумраке комнаты, не было никаких изъянов. Изучив список пассажиров, они с Евой решили, что она, вероятно, «мисс Элизабет д'Амидо и горничная», к тому же он слышал, как ее называли Бетси, когда проходил мимо площадки для игры в настольный теннис. Среди молодых людей, сопровождавших ее, был тот самый плосконосый юноша, который едва успел на борт. Вчера он весь день расхаживал утрюмый по палубе, но сейчас потихоньку оживал. Мисс д'Амидо что-то прошептала ему, и он с любопытством посмотрел на Смитов. Адриан был достаточно известен, чтобы застенчиво отвернуться.

— Тут есть маленькие рулетики. Будешь?

А Ева предложила:

— Возможно, нам лучше распить пинту шампанского?

Пока он делал заказ, за другим столиком что-то негромко обсудили, и вскоре молодой человек встал и подошел к ним.

— Вы случайно не мистер Адриан Смит?

— Да.

— Мы собираемся устроить на корабле турнир по настольному теннису, и хотим пригласить вас в нем участвовать.

— Почему? — Адриан заколебался.

— Меня зовут Стейкомб, — выпалил молодой человек. — Мы все знаем ваши пьесы, или что вы там пишете, и мы подумали — не хотели бы вы присесть к нашему столику?

Несколько ошеломленный, Адриан рассмеялся. Мистер Стейкомб, бойкий, нежный, слегка сутулясь, ждал ответа, очевидно, под впечатлением, что он сам себе сделал изящный комплимент.

Адриан, тоже понимая это, ответил:

— Спасибо, но, возможно, лучше вы к нам подсядете.

— У нас столик побольше.

— Но мы старше и более оседлые.

Молодой человек добродушно рассмеялся, как бы говоря: «Ничего страшного».

— Насчет тенниса, — сказал Адриан. — Сколько стоит участие?

— Один доллар. Зовите меня Стейк.

— Почему? — удивленно спросил Адриан.

— Так короче.

Когда он ушел, они невольно улыбнулись.

— Боже мой, — вздохнула Ева, — кажется, они собираются к нам.

Так оно и было. Осушив бокалы, они подозвали официанта, а после, шумно отодвинув стулья, три парня и две девушки направились к столу Смитов. Если и была какая-то растерянность, то только у хозяев, гости же собрались вокруг них и смотрели на Адриана с большим интересом и уважением — со слишком большим уважением, — как бы говоря: «Возможно, это ошибка, и она небавна, но, есть вероятность, что мы извлечем из нее что-то, что поможет нам в дальнейшей жизни».

Через мгновение мисс д'Амидо поменялась местами с одним из парней и расположилась рядом с Адрианом, поглядывая на него с явным восхищением.

— Я влюбилась в вас, как только увидела, — сказала она громко и без всякого смущения, — и поэтому беру на себя всю вину за то, что суюсь к вам. Я смотрела вашу последнюю пьесу четыре раза.

Адриан подозвал официанта, чтобы тот принял их заказ.

— Видите ли, — продолжала мисс д'Амидо, — мы скоро попадем в шторм, и вы можете провалиться в каюте всю оставшуюся часть путешествия, так что я не могла затягивать со знакомством.

Он видел, что в ее словах не было никакого подтекста или недосказанности, да в этом и не было необходимости. Самих слов было достаточно, а то великодушие, с которым она отмахнулась от молодых людей и сосредоточила свою учтивость на нем, выглядело очень трогательным. Его охватило легкое возбуждение — времяпровождение сулило быть приятным.

Еве было не так интересно за столом, но молодой человек с плоским носом, которого звали Баттерворт, знал людей, которых она тоже знала, и это, казалось, делало их знакомство более беззаботным и непринужденным. Ей не нравилось знакомиться с новыми людьми, если у них не было «чего-нибудь дельного», и ей часто было скучно от огромных потоков людей всех типов, состояний и классов, которые проходили через жизнь Адриана. У нее самой «было все», то есть, она была щедро наделена талантами и обаянием, и просто новизна людей не казалась достаточной причиной для того, чтобы вечно делиться этим.

Полчаса спустя, когда Ева встала, чтобы пойти навестить детей, она была довольна тем, что этот вечер заканчивался. На палубе было холодно, очень сыро, и чувствовалось ошутимое движение. Открыв дверь своей каюты, она с удивлением обнаружила стюарда, лениво сидящего на ее кровати, откинув голову на подушку. Он вяло посмотрел на нее, когда она вошла, но не сделал ни малейшего движения, чтобы встать.

— Когда закончите дремать, принесите новую наволочку, — резко сказала она.

Мужчина по-прежнему не двигался. Тогда она заметила, что его лицо было зеленоватого оттенка.

— Здесь нельзя находиться, — твердо заявила она. — Идите в свою каюту и там ложитесь.

— Меня укачивает, — тихо произнес он.

Он попытался приподняться, издал хриплый звук от боли и снова опустился на кровать. Ева позвонила стюардессе.

Устойчивый крен то на один борт, то на другой, бросания и метания корабля начались всерьез, и она не сочувствовала стюарду, а только хотела как можно быстрее вывести его из каюты. Это было возмутительно, что член экипажа страдает морской болезнью. Когда вошла стюардесса, Ева попыталась объяснить это, но теперь у нее самой голова шла кругом, и, бросившись на кровать, она прикрыла глаза.

— Это он виноват, — простионала она, когда мужчине помогли выйти из каюты. — Со мной все было в порядке, а на него было тошно смотреть. Я хочу, чтобы он быстрее очутился.

Через несколько минут вошел Адриан.

— О, как мне плохо! — воскликнула она.

— Ах ты, бедное дитя, — он наклонился и заключил ее в объятия. — Почему ты не сказала мне раньше?

— Со мной все было в порядке там, наверху, но стюард... О, мне слишком плохо, чтобы говорить.

— Тебе лучше остаться и поужинать в постели.

— Поужинать? О, Боже мой!

Он заботливо молчал, но ей хотелось услышать его голос, чтобы он заглушил жалобный скрип балок.

— Где ты был?

— Помогал регистрировать людей для участия в турнире.

— А он точно состоится при такой качке? Потому что если да, то считай, ты проиграл.

Он не ответил; открыв глаза, она увидела, что он хмурится.

— Я не знал, что ты выступаешь в парном разряде, — сказал он.

— А что? Это ведь единственное развлечение на судне.

— Я уже сказал д'Амидо, что буду играть с ней.

— О-о! Вот как!

— Я совсем об этом не подумал. Ты же знаешь, я с большим удовольствием играл бы с тобой.

— Почему же ты этого не сделал? — холодно спросила она.

— Мне это даже в голову не пришло.

Она вспомнила, что в медовый месяц они участвовали в финале и получили приз. Прошли годы. Но Адриан никогда не хмурился с таким сожалением, разве что чувствовал себя немного виноватым. Он, пошатываясь, достал из чемодана одежду для ужина, и она закрыла глаза.

Когда она снова очнулась от резкого толчка, он уже был одет и завязывал галстук. Адриан выглядел здоровым и свежим, а его глаза блестели.

— Ну, как самочувствие? — спросил он. — Пойдешь или нет?

— Нет.

— Могу я что-нибудь сделать для тебя, прежде чем уйду?

— Куда ты направляешься?

— Встречаюсь с теми ребятами в баре. Могу я что-нибудь для тебя сделать?

— Нет.

— Дорогая, мне неприятно оставлять тебя в таком состоянии.

— Не говори глупостей. Я просто хочу поспать.

Она нахмурилась, понимая, что ему безумно хочется уйти из тесной каюты. Она была рада, когда дверь закрылась. Оставалось только спать, спать.

Вверх-вниз-вправо-влево. Эй, там, не так сильно! Оттащи ее вон туда, за угол! Теперь катай ее, вправо-влево! Крути! Подхватывай!

Спустя несколько часов Ева смутно осознала, что Адриан склонился над ней. Ей хотелось, чтобы он обнял ее и вывел из этой головокружительной летаргии, но к тому времени, когда она полностью проснулась, каюта была пуста. Он просто заглянул в каюту и ушел обратно. Когда она проснулась в следующий раз, кругом было темно, а Адриан лежал в постели.

Утро было свежим и прохладным, а море было настолько спокойным, что Ева решила подняться. Они позавтракали в каюте, и с помощью Адриана она привела в порядок импровизированный туалет, который был ей не по вкусу, после чего они поднялись на шлюпочную палубу. Теннисный турнир уже начался и снимался дюжиной любительских кинокамер, но большинство пассажиров было представлено безжизненными тюками в шезлонгах рядом с нетронутыми подносами.

Адриан и мисс д'Амидо сыграли свой первый матч. Она ловко играла и выглядела изящно — она откровенно хороша собой. От ее кожи цвета слоновой кости исходило еще больше тепла, чем накануне. Прогуливавшийся первый помощник остановился и заговорил с ней; десяток мужчин, которых она не знала еще три дня назад, звали ее Бетси. Она была первой красавицей на корабле, предметом восхищения изголодавшихся корабельных глаз.

Ева, спустя немного времени, предпочла наблюдать за чайками на мачтах беспроводной связи и за медленным скольжением облаков по небосводу. Большинство пассажиров выглядело глупо со своими кинокамерами, которые они все бросились доставать и теперь не знали, что с ними делать. Моряки, красившие стойки спасательных шлюпок, были спокойны, озабочены и участливы и, наверное, так же, как и она, желали, чтобы плавание побыстрее закончилось.

Баттерворт присел на палубу рядом с ее креслом.

— Сегодня утром оперировали одного из стюардов. Должно быть, это ужасно в таких условиях.

— Оперировали? Зачем? — вяло спросила она.

— Аппендицит. Нужно было действовать незамедлительно, поскольку погода ухудшается. Поэтому сегодня на корабле будет вечеринка.

— О, бедняга! — воскликнула она, поняв, что это, должно быть, тот стюард из ее каюты.

Адриан показывал себя очень вежливым и внимательным в игре.

— Извините. Вы поранились?.. Нет, это я виноват... Вам лучше немедленно надеть пальто, приятель, а то простудитесь...

Матч закончился, и они выиграли. Раскрасневшийся и счастливый, он подошел к Еве.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно.

— Победители угощают всех в баре, — сказал он извиняющимся тоном.

— Я тоже пойду, — сказала Ева, но внезапное головокружение заставило ее откинуться на спинку кресла.

— Тебе лучше остаться здесь. Я пришлю тебе что-нибудь из бара.

Она почувствовала, что на людях его манеры по отношению к ней слегка изменились.

— Ты вернешься?

— Сразу же.

Она осталась одна на шлюпочной палубе, если не считать одинокого корабельного офицера, который искоса поглядывал на нее, прохаживаясь по мостику. Когда принесли коктейль, она заставила себя его выпить и почувствовала себя лучше. Пытаясь отвлечься на приятные вещи, она вернулась к жизнерадостным разговорам, которые они с Адрианом вели перед отплытием: маленькая вилла в Бретани, дети, изучающие французский — вот и все, о чем она могла сейчас думать — маленькая вилла в Бретани, дети, изучающие французский — она повторяла про себя эти слова снова и снова, пока они не стали такими же бессмысленными, как широкое белесое небо. Причина их пребывания на корабле внезапно ускользнула от нее; она чувствовала себя несчастной, потерянной, и ей хотелось, чтобы Адриан поскорее вернулся, такой отзывчивый и нежный, чтобы успокоить ее. Именно в надежде, что существует какой-то секрет изящной жизни, какая-то реальная компенсация за утраченную беззаботную уверенность, они собирались провести год во Франции.

День прошел мрачно, людей вокруг стало меньше, а небо все сильнее хмурилось от дождя. Пробило пять часов, и они все снова собрались в баре, и мистер Баттерворт рассказывал ей о своем прошлом. Она выпила много шампанского, но, несмотря на это, смутно ощущала морскую болезнь, как будто она была ее душой, пытающейся пробиться сквозь толщу непривычной жизни.

— Физически вы — мое представление о греческой богине, — рассуждал Баттерворт.

Было приятно физически соответствовать представлениям мистера Баттерворта о греческой богине, но где же Адриан? Он и мисс д'Амидо вышли на переднюю палубу, чтобы полюбоваться брызгами. Ева услышала, как сама себе обещает достать краски и нарисовать Эйфелеву башню на рубашке Баттерворта к сегодняшней вечеринке.

Когда Адриан и Бетси д'Амидо, промокшие насквозь, с трудом открыли дверь от пронизывающего ветра и вышли на укрытую от посторонних глаз прогулочную палубу, они остановились и повернулись друг к другу.

— Ну? — обратилась она.

Но он только стоял, прислонившись спиной к перилам, глядя на нее и боясь заговорить. Она тоже молчала, потому что хотела, чтобы он начал первым; так что какое-то время ничего не происходило. Затем она сделала шаг к нему, он обнял ее и поцеловал в лоб.

— Тебе просто жаль меня, вот и все, — она всхлинула. — Ты просто проявляешь доброту.

— Я ужасно переживаю из-за этого, — его голос был напряженным и дрожащим.

— Тогда поцелуй меня.

Палуба была пуста. Он стремительно обнял ее.

— Нет, поцелуй меня по-настоящему.

Он не мог вспомнить, когда что-то было таким молодым и нежным, как ее губы. Капли дождя, словно слезы, пролитые для него, падали на ее мягко сияющие фарфоровые щеки. Она была вся свежей и безупречной, глаза излучали восторг.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Я не могу не любить тебя, да? Когда я впервые увидела тебя — о, не на корабле, а больше года назад — Грейс Хили взяла меня с собой на репетицию, ты вдруг вскочил во втором ряду и начал объяснять актрисам, что делать. Я написала тебе письмо и тут же порвала его.

— Нам пора возвращаться.

Она хмурилась, когда они шли по палубе. Еще раз, неосмотрительно, она подняла к нему лицо у двери своей каюты. Кровь бешено билась в его жилах, когда Адриан вернулся в бар.

Он был благодарен Еве за то, что она не заметила его приход и не знала об его отсутствии. Через мгновение он притворился, что интересуется тем, чем она занимается.

— Что это?

— Она рисует Эйфелеву башню на моей рубашке для сегодняшней вечеринки, — пояснил Баттерворт.

— Вот, — Ева отложила кисточку и вытерла руки. — Ну, как?

— Чувствуется рука мастера.

Она оглядела зрителей и случайно ее взгляд остановился на Адриане.

— Ты весь мокрый. Иди и переоденься.

— Пошли со мной.

— Я хочу еще один коктейль с шампанским.

— С тебя хватит. Пора одеваться для вечеринки.

Сама того не желая, она закрыла свои краски и пошла впереди него.

— У Стейкомба заказан столик на девять персон, — заметил он, когда они шли по коридору.

— Молодежь, — сказала она с ненужной горечью. — О, дошкольная группа. А ты просто тратишь свое время на ребенка.

Между ними в каюте состоялся долгий разговор, неприятный с ее стороны и уклончивый с его, который закончился, когда корабль внезапно сильно накренился, и Ева, выпившая много шампанского в баре, снова почувствовала себя плохо.

Делать было нечего, кроме как пропустить еще по коктейлю в каюте, а после этого отправиться на вечеринку — теперь она ему поверила, или ей было все равно.

Адриан оделся первым — он никогда не надевал маскарадных костюмов.

— Я поднимусь вверх. Не задерживайся.

— Подожди меня, пожалуйста, здесь так качает. — Он сел на кровать, скрывая свое нетерпение. — Адриан, ты же не против подождать, а? Я не хочу идти туда в полном одиночестве.

Она натянула восточный костюм, взятый напрокат у парикмахера.

— Корабли заставляют людей чувствовать себя сумасшедшими, — сказала она. — Я думаю, они ужасны.

— Да, — рассеянно пробормотал он.

— Когда становится совсем плохо, я представляю, что нахожусь на верхушке дерева и раскачиваюсь туда-сюда. Но, в конце концов, я начинаю притворяться во всем, и в итоге мне приходится притворяться, что я в здравом уме, когда я знаю, что это не так.

— Если ты начнешь думать таким образом, то сойдешь с ума.

— Посмотри, Адриан, — она подняла жемчужное ожерелье, прежде чем застегнуть его. — Разве оно не прелестно?

В нетерпении Адриану казалось, что она двигается по каюте, как человек в замедленной съемке. Через минуту он требовательно спросил:

— Ты скоро? Здесь душно.

— Если хочешь, иди! — вспыхнула она.

— Не хочу...

— Иди, пожалуйста! Ты только нервируешь меня, пытаешься поторопить.

С показной неохотой он оставил ее. После минутного колебания он спустился на одну палубу ниже и постучал в дверь.

— Бетси.

— Одну минутку.

Она вышла в коридор в красной клетчатой жилетке и брюках, позаимствованных у лифтера.

— У мальчиков-лифтеров бывают паразиты? — поинтересовалась она. — Я надела под этот костюм все, что можно, из предосторожности.

— Я должен был тебя увидеть, — быстро проговорил он.

— Осторожно, — прошептала она. — Миссис Ворден, которая должна меня сопровождать, в соседней каюте. Она больна.

— Если надо, я заболею вместо тебя.

Они неожиданно поцеловались, прижались друг к другу в узком коридоре, раскачиваясь взад-вперед в такт движению корабля.

— Не уходи, — прошептала она.

— Я должен. Я...

Ее юность, казалось, перетекала в него, унося его в нежный, романтический экстаз, который превосходил страсть. Он не мог от нее отказаться, он открыл для себя нечто, казавшееся навсегда утраченным вместе с его собственной молодостью. Идя по коридору, он понял, что перестал думать, точнее, больше не осмеливался думать. Он встретил Еву, входившую в бар.

— Где ты был? — спросила она с натянутой улыбкой.

— Узнавал насчет столика.

Она была прекрасна — ее холодная утонченность победила банальный костюм и наполнила его чувством восхищения и гордости. Они сели за столик.

Шторм усиливался с каждым часом, и простой поход по коридорам превратился в почти невыполнимое действие. В каждой каюте чемоданы были надежно привязаны и катастрофа «Вестриса» подробно обсуждалась взволнованными дамами, ворочавшимися, больными и несчастными, на своих кроватях. В баре одного толстого джентльмена отбросило назад, и он сильно ударился головой. Теперь легкие стулья и столы были сложены в штабеля и прикручены к стене.

Компания, нарядившаяся в маскарадные костюмы и ужинавшая вместе, насчитывала всего шестнадцать человек. Единственным условием для вступления в этот клуб было умение добираться до прокуренной комнаты. Среди них были самые разные люди — от адвоката из Гротон-Гарварда до невзрачного брокера, которого они прозвали Кровавый Гип, но сейчас различия исчезли. В данный момент они были самураями, выбранными из нескольких сотен за их торжествующее противостояние шторму.

Праздничный ужин, сардонически украшенный фонарями и растяжками, прерывался большими общими скольжениями по залу, поспешными уходами на покой и пролитым вином, в то время как корабль ревел и жаловался, что под этим дворцовым убранством он все-таки все еще корабль. Потом наверху десятков пар пытались танцевать, шаркая и скача туда-сюда в безумном фанданго, причудливо двигаясь согласно чужой воле. Учитывая состояние сотен замученных внизу, это выглядело как-то неприлично, словно пирушка в доме скорби, и вскоре все выжившие устремились к бару.

По мере того, как проходил вечер, ощущение нереальности происходящего у Евы усиливалось. Адриан исчез — предположительно, с мисс д'Амидо, — и ее разум, искаженный болезнью и шампанским, начал осознавать этот факт, досада медленно сменялась мрачным и затаенным гневом, горе — отчаянием. Она никогда не пыталась привязать Адриана, в этом никогда не было необходимости — они были серьезными людьми, со всевозможными взаимными интересами и довольные друг другом, — но это было нарушением договора, это было жестоко. Как он мог подумать, что она не догадывается?

Прошло несколько часов, и он облокотился на ее стул в баре, где она читала какой-то женщине проникновенную лекцию о детях, и сказал:

— Прелестно!

Ева заплакала.

— Его здесь нет, он давно ушел спать, — заверили ее в баре. — Мы видели, как он уходил.

Она покачала головой. Она знала лучше. Адриан был потерян. Долгий семилетний сон был прерван. Вероятно, ее наказали за что-то, что она сделала — как только эта мысль пришла ей в голову, затрепавшие над головой балки начали бормотать, что она наконец догадалась. Это было наказание за эгоизм по отношению к своей матери, которая не хотела, чтобы она вышла замуж за Адриана, за все грехи и упущения в ее жизни. Она встала, сказав, что ей надо выйти подышать свежим воздухом.

На палубе было темно и промозгло от ветра и дождя. Корабль мчался по долинам, спасаясь от черных водяных гор, которые с ревом надвигались на него. Вглядываясь в ночь, Ева увидела, что у них нет ни единого шанса на выживание, если только она не сможет искупить свою вину, умиловить шторм. От нее требовалась любовь Адриана. Она решительно расстегнула жемчужное ожерелье, поднесла его к губам — ведь она знала, что вместе с ним уходит самая яркая, самая чудесная часть ее жизни, — и бросила его шторму.

III

Когда Адриан проснулся, было уже время обеда, но он был уверен, что какой-то более громкий звук, чем горн, разбудил его от глубокого сна. Потом он понял, что чемодан сорвался с креплений и его швыряет туда-сюда между шкафом и кроватью Евы. Он вскочил с ужасом, но Ева была невредима — все еще одетая, мирно посапывала на своей постели. Когда стюард помог ему закрепить чемодан, Ева приоткрыла один глаз.

— Как ты? — спросил он, присаживаясь на край ее кровати.

Она закрыла глаз, снова открыла его.

— Мы сейчас в центре ужасного урагана, — заявил он ей. — Стюард говорит, что это худшее, что он видел за последние двадцать лет.

— Моя голова, — пробормотала она. — Подержи мою голову.

— Как?

— Вот здесь. У меня все расплывается перед глазами. Мне кажется, я умираю.

— Глупости. Позвать доктора?

Она издала забавный вздох, который испугал его; он позвонил и послал стюарда за доктором.

Молодой врач был бледным и уставшим. На его лице была небритая щетина. Войдя, он отвесил учтивый поклон и, повернувшись к Адриану, сдержанно спросил:

— Что случилось?

— Моя жена неважно себя чувствует.

— Ну, так чего же она изволит — бромид?

Немного раздосадованный его немногословностью, Адриан добавил:

— Вам лучше самому осмотреть ее и определить, что ей нужно.

— Ей нужен бромид, — сказал доктор. — Я распорядился, чтобы ей больше не наливали в बारे.

— Почему? — удивленно спросил Адриан.

— Разве вы не знаете, что произошло ночью?

— Нет, я спал.

— Миссис Смит целый час бродила по палубе, не понимая, что она делает. К ней был приставлен матрос, а потом медсестра попыталась уложить ее в постель, и ваша жена оскорбила ее.

— О, Боже мой! — слабо воскликнула Ева.

— Мы с медсестрой оба не спали всю ночь, находясь у постели стюарда Картона, умершего сегодня утром, — он поднял свой чемоданчик. — Я пришлю бромид для миссис Смит. До свидания.

На несколько минут в каюте воцарилась тишина. Затем Адриан быстро обнял жену.

— Не бери в голову, — сказал он. — Все наладится.

— Теперь я вспомнила. — Ее голос превратился в благоговейный шепот. — Мое жемчужное ожерелье. Я выбросила его за борт.

— Выбросила за борт?

— Я искала тебя.

— Но я был здесь, давно спал.

— Я не поверила этому, я думала, ты был с той девушкой.

— Она упала без чувств во время ужина. А я спал здесь, в каюте.

Нахмурившись, он позвонил в колокольчик и попросил стюарда принести обед и бутылку пива.

— Извините, но мы не можем подать пиво в вашу каюту, сэр.

Когда он вышел, Адриан взорвался:

— Это возмутительно. Все просто сошли с ума от этого шторма, но они не могут быть столь беспардонными. Я пойду к капитану.

— Разве это не ужасно? — пробормотала Ева. — Этот бедняга умер.

Она повернулась на другой бок и зарыдала в подушку. Раздался стук в дверь.

— Можно мне войти?

В безумно накренившуюся каюту вошел аккуратно одетый мистер Баттерворт, на удивление здоровый и ухоженный.

— Ну, как поживает наш мистик? — спросил он Еву. — Ты помнишь, как молилась стихиям прошлой ночью в बारे?

*Они оказались в эпицентре самого сильного урагана
в Северной Атлантике за последние десять лет...*

— Я не хочу ничего вспоминать о прошлой ночи.

Смиты рассказали ему о беспардонном стюарде, и по мере рассказа атмосфера смягчилась, они вместе рассмеялись.

— Я тайно принесу вам немного пива к обеду, — сказал Баттерворт. — Вам надо подняться на палубу.

— Не уходи, — сказала Ева. — Ты выглядишь таким веселым и милым.

— Только на десять минут.

Когда он ушел, Адриан позвонил и заказал две ванны.

— Главное — одеть нашу лучшую одежду и гордо пройти три раза по палубе, — сказал он.

— Да, — через мгновение она рассеянно добавила: — Мне нравится этот молодой человек. Он был ужасно мил со мной прошлой ночью, когда ты исчез.

Появился стюард и сообщил, что принимать ванны сегодня слишком опасно. Они оказались в эпицентре самого сильного урагана в Северной Атлантике за последние десять лет — сегодня утром два пассажира поломали руки при попытках принять ванну. Одна пожилая дама упала с лестницы и до сих пор не пришла в себя. Кроме того, сегодня утром они получили сигнал SOS с нескольких кораблей поблизости.

— Мы придем им на помощь?

— Они все позади нас, сэр. Следующая за нами «Мавритания» окажет им необходимую помощь. Если мы попытаемся развернуться сейчас, то иллюминаторы просто будут разбиты.

Такой набор бедствий свел к минимуму их собственные неприятности. Съев что-то вроде обеда и выпив пива, принесенного Баттервортом, они оделись и вышли на палубу.

Несмотря на то, что продвигаться можно было мелкими шажками, держась при этом за веревку или поручни, людей на палубе было больше, чем накануне. Страх выгнал их из кают, где стучали чемоданы и волны бились в иллюминаторы, и все ждали момента, когда объявят посадку на шлюпки. Действительно, когда Адриан и Ева стояли на поперечной палубе над вторым классом, раздался сигнал горна, после чего на нижней палубе собрались стюарды и стюардессы. Но корабль был исправен; он пережил одного из своих пассажиров — стюарда Джеймса Картона хоронили в море.

Это было по-британски печально и грустно. Ряды строгих, вышколенных мужчин и женщин, стоящих под проливным дождем, и фигура, покрытая флагом Империи, живущей у моря. Главный стюард прочитал службу, прозвучал гимн, и тело соскользнуло в ураган. В порыве безудержных рыданий Евы по поводу этой печальной кончины в ней оборвалась какая-то последняя струна. Теперь ей действительно было все равно. Она с готовностью откликнулась, когда Баттерворт предложил принести немного шампанского в каюту. Ее настрой беспокоил Адриана; она не привыкла так много пить, и он задавался вопросом, как ему следует поступить. На его предложение поспать она просто рассмеялась, а бромид, присланный доктором, остался нетронутым на умывальнике. Притворяясь, что слушает болтовню мистера Стейкомба, он наблюдал за ней; к его удивлению и неудовольствию, она, казалось, была в интимных и даже сентиментальных отношениях с Баттервортом, и он подумал, не было ли это своеобразным проявлением мести за его пристальное внимание к Бетси д'Амидо.

Каюта была полна дыма, голоса раздавались не переставая, и эта вынужденная бездеятельность, ожидание конца шторма действовали ему на нервы. Они были в море всего четыре дня, а казалось, что прошел целый год.

В конце концов оба мистера Стейкомба ушли, но Баттерворт остался. Ева уговаривала его сходить еще за одной бутылкой шампанского.

— Мы уже достаточно выпили, — возразил Адриан. — Пора ложиться спать.

— Я не хочу спать! — выпалила она. — Ты, должно быть, сошел с ума! Ты забавляешься, сколько хочешь, а потом, когда я нахожу кого-то, кто мне нравится, ты хочешь уложить меня спать.

— У тебя истерика.

— Напротив, я никогда не была такой здравомыслящей.

— Я думаю, вам лучше оставить нас, Баттерворт, — заметил Адриан. — Ева сама не знает, что несет.

— Он никуда не пойдет. Я не позволю ему уйти, — она страстно сжала руку Баттерворта. — Он единственный человек, который был со мной порядочен.

— Вам лучше уйти, Баттерворт, — повторил Адриан.

Молодой человек неуверенно посмотрел на него.

— Мне кажется, вы несправедливы к своей жене, — отважился он произнести.

— Моя жена не в себе.

— Это не повод ее обижать.

Адриан вышел из себя.

— Убирайтесь отсюда! — закричал он.

С минуту мужчины молча смотрели друг на друга. Затем Баттерворт повернулся к Еве, сказал: «Я вернусь позже», и вышел из каюты.

— Ева, ты должна взять себя в руки, — сказал Адриан, когда дверь закрылась.

Она не ответила, посмотрела на него угрюмыми, потухшими глазами.

— Я закажу для нас ужин в каюту, а потом мы попробуем заснуть.

— Я хочу подняться наверх и послать радиogramму.

— Кому?

— Какому-нибудь парижскому адвокату. Я развожусь с тобой.

Несмотря на свое раздражение, он рассмеялся.

— Не говори глупостей.

— Тогда я хочу видеть детей.

— Что ж, иди и посмотри на них. Я закажу ужин.

Он прождал ее минут двадцать. Затем он нетерпеливо пошел к детям, и нянечка сказала ему, что миссис Смит не приходила.

С внезапным предчувствием беды он взбежал по лестнице, заглянул в бар, в салоны, даже постучал в дверь Баттерворта. Затем он быстро обошел палубы, пробираясь сквозь плотные брызги и дождь. Матрос остановил его у паутины канатов.

— Приказано никого не пускать, сэр. Волна прошла над радиорубкой.

— Вы не видели здесь леди?

— Здесь была молодая леди... — он остановился и огляделся. — Она ушла.

— Она поднялась по лестнице? — встревоженно спросил Адриан. — В радиорубку?

Матрос побежал на шлюпочную палубу; спотыкаясь и поскальзываясь, Адриан последовал за ним. Когда он миновал защищенные борта шлюпочного трапа, что-то огромное и тяжелое нанесло сокрушительный удар по кораблю, и, когда тот накренилась под углом в сорок пять градусов, Адриан беспомощно покатился по залитой водой палубе, его голова закружилась и он ударился о шпангоут.

— Ева! — закричал он. Его голос был беззвучен в черной буре. В слабом свете, падавшем из окна радиорубки, он увидел, как матрос пробирается вперед.

*Он почувствовал, как его тело ударилось о поручень,
но он еще сильнее вцепился в свою ношу.*

— Ева!

Ветер раздувал его, как парус на спасательной шлюпке. Затем раздался еще один содрогающий удар, и высоко над головой, над самим кораблем, он увидел гигантскую сверкающую белую волну, и в ту долю секунды, пока она там оставалась, он увидел Еву, стоявшую возле вентиляционной решетки в двадцати футах от него. Оттолкнувшись от ограждения, он отчаянно бросился к ней, как раз в тот момент, когда волна с грохотом разбилась. На мгновение стремительный поток глубиной в пять футов с огромной силой устремился к борту, а затем на него навалилось человеческое тело, и он, судорожно вцепившись в него, поплыл с ним назад к поручням. Он почувствовал, как его тело ударилось о поручень, но он еще сильнее вцепился в свою ношу. Затем, корабль медленно качнулся назад, и они оба, все еще сцепленные мертвой хваткой, в изнеможении покатались по мокрым доскам. На какое-то мгновение он больше ничего не понимал.

IV

Два дня спустя, когда корабль спокойно двигался на юг, в сторону Парижа, Адриан попытался уговорить своих детей взглянуть в иллюминатор на нормандскую сельскую местность.

— Это прекрасно, — уверял он их. — Все эти маленькие фермы похожи на игрушечные. Почему, во имя всего святого, вы не хотите посмотреть?

— Мне больше нравится каюта, — сказала Эстель.

Ее родители обменялись убийственными взглядами.

— Для меня корабль все еще качается, — сказала Ева с дрожью в голосе. — А для тебя, Адриан?

— Нет. Почему-то все это кажется очень далеким. Даже пассажиры, проходившие мимо, выглядели незнакомыми.

— Просто большинство из них раньше не появлялось на палубе.

Он заколебался.

— Кстати, я обналичил чек Баттерворту.

— Ты глупец. Ты никогда больше не увидишь этих денег.

— Должно быть, он очень сильно в этом нуждался, иначе не пришел бы ко мне.

Бледная и изможденная девушка, проходившая по коридору, узнала их и просунула голову в дверной проем.

— Как вы себя чувствуете?

— Ужасно.

— Я тоже, — согласилась мисс д'Амидо. — Я тщетно надеюсь, что мой жених узнает меня на вокзале Гар-дю-Нор. Вы знаете, что две волны прошли через радиорубку?

— Мы слышали об этом, — сухо ответил Адриан.

Она грациозно прошла по коридору и исчезла из их жизни.

— На самом деле все это было неправдой, — сказал Адриан через мгновение. — Это был кошмар — невероятно ужасный кошмар.

— Тогда, где мое жемчужное ожерелье?

— Дорогая, в Париже есть жемчуг и получше. Я возьму на себя ответственность за ожерелье. Я искренне верю, что ты спасла корабль и нас.

— Адриан, давай никогда больше не будем ни с кем знакомиться, а просто всегда будем вместе — только ты и я.

Он просунул ее руку под свою, и они сели рядом.

— Как ты думаешь, кем были те Смиты на корабле? — поинтересовался он. — Это определенно был не я.

— И не я.

— Это были два других человека, — сказал он, кивая сам себе. — В этом мире так много Смитов.

ФИКТИВНЫЙ ЧЕК

I

Когда Вэлу исполнился двадцать один год, мать ему рассказала о своем решении четвертый раз выйти замуж.

— Я подумала, что мне, наверное, стоит кого-нибудь завести, — она посмотрела на него с упреком. — Ведь мой мальчик уделяет мне слишком мало внимания.

— Хорошо, — безразлично сказал Вэл, — если он не получит и малой части твоих денег.

— У него есть свои. Мы едем в Европу, и я собираюсь оставить тебе пособие в размере двадцати пяти долларов в месяц на случай, если ты потеряешь свою должность. И еще кое-что...

Она немного заколебалась.

— Я договорилась, что если с тобой что-нибудь случится, — она виновато улыбнулась, — ну, конечно же, с тобой ничего не случится, тьфу-тьфу, но если, все-таки, случится — тело будет храниться в холодильнике до моего возвращения. Я имею в виду, что у меня не так много денег, чтобы кинуться сразу домой... Ты понимаешь, я старалась продумать все до мелочей.

— Я понимаю, — рассмеялся Вэл. — Конечно, мое замороженное тело во льду меня не очень вдохновляет. Но я рад, что ты все продумала.

Он на мгновение задумался:

— Я думаю, что пока, если ты не возражаешь, я сохраню свою фамилию — или, скорее, твою — или, еще скорее, ту фамилию, которой я пользуюсь сейчас.

С этой фамилии началась его светская карьера — три года назад она позволила ему пройти через каменные ворота одного богатого поместья. Был момент, когда, будь он каким-нибудь Джонсом, его не пропустили бы дальше — а его настоящей фамилией и была Джонс, — но по счастью, теперешняя его фамилия была Шайлер; она досталась ему от второго отчима, а с ней открывались и не такие ворота.

Ворота вели на «райскую» лужайку с вьющимися по ней дорожками и домашним медведем, прикованным посередине, и огромным сказочным самодостаточным домом с башнями, флигелями, фронтонами и верандами, зимним садом, теннисными кортами, цирковой ареной для пони и пустым бассейном. Садовник, ухаживавший за несколькими горделивыми и счастливыми розами, повернулся к нему вместе со шлангом.

— Мортмэйны скоро приедут? — спросил Вэл.

Голос Вэла был отточен — в прямом смысле, потому что он сам его отточил. Садовник не мог понять, кто перед ним — друг или незваный гость.

— Приедут в пятницу днем, — ответил он.

— На все лето?

— Я не знаю. Может быть, на неделю, а может быть, и на три месяца. С ними никогда ничего нельзя сказать наверняка.

— Было обидно видеть это прекрасное место закрытым в прошлом сезоне, — сказал Вэл.

Он спокойно шел дальше, принохиваясь к аристократической пыли, которая вырывалась из открытых окон на первом этаже. Там, где не убирались горничные, он подходил вплотную и заглядывал внутрь. «Здесь мое место», — подумал он.

Вид собак у конюшни отбил у него охоту идти дальше, и, уходя, он так ласково распрощался с садовником, что тот приподнял фуражку.

Следующим счастливым случаем после того, как он взял новую фамилию, была встреча с Мортмейнами, ехавшими в поезде из Нью-Йорка четыре дня спустя. Они сидели через проход, и он ждал. Вскоре представилась возможность, и, наклонившись к ним, он выпалил с подобающей случаю веселой улыбкой:

— Извините, но у вас выкошен теннисный корт, а в бассейне нет воды — по крайней мере, не было в понедельник.

Они вздрогнули — это было неизбежно; нельзя вот так прямо врывать в мир чужих людей, не порвав немного прозрачной вуали, окружающей их, но Вэл шагнул так быстро, что через несколько мгновений оказался внутри.

— ...просто случайно проходил мимо, и там было так красиво, что я забрел внутрь. Прекрасное место, просто очаровательное.

Ему было восемнадцать, он был высокого роста, с голубыми глазами и золотистыми волосами, и он заставил миссис Мортмейн пожалеть, что у ее собственных детей не было таких хороших манер.

— Вы живете в Бирасли? — спросила она.

— Совсем рядом.

Вэл ни словом не намекнул, что он из простых «дачников», а никакой не «владелец поместий», расположенных дальше на холмах.

Юная Эллен Мортмейн смотрела на него с тем заразительным энтузиазмом, который впоследствии послужит толчком к созданию знаменитого

солнцезащитного крема. В ее детской красоте сквозила грусть и печаль по поводу того, что она так богата и ей всего шестнадцать. Он понравился и миссис Мортмейн, и фройляйн, и попугаю, и близнецам. Он понравился вообще всем, кроме двоюродной сестры Эллен, Мерсии Темплтон, которая была застенчивой и чувствовала себя не в своей тарелке. К тому времени, когда миссис Мортмейн определила, что он никто, она приняла его, по крайней мере, в рамках «летних» отношений. Она даже навестила мать Вэла, найдя ее «нервной и несносной особой». Миссис Мортмейн видела, что Эллен обожает Вэла, но Вэл знал свое место, и она была благодарна ему за это. Так он сохранил дружбу с семьей на протяжении всех последующих лет — времени своего настоящего образования.

Вместе с Мортмейнами он познакомился с другими молодыми людьми, пока однажды осенью его имя не попало в списки молодых людей, претендующих на участие в грандиозном бале в Нью-Йорке. В результате работа, которой он занимался в брокерской конторе, была просто интерлюдией между вечеринками дебютанток в «Ритце» и «Плазе», где он восторженно танцевал, лишь изредка напоминая себе о «Перси и Ферди, парнях из зала» из юмористической газеты. У него все было в порядке, он с лихвой окупал плату за вход своей жизнерадостностью, остроумием и хорошими манерами. Клеймо авантюриста на нем лежало только в том, что он никак не мог заработать немного денег.

Он изо всех сил старался освоить брокерское дело, но у него просто ничего не получалось. Самое малое, что происходило в офисе, было интереснее, чем биржевая таблица или работа за столом. Например, мистер Перси Рэхем, управляющий филиалом, проводил свое время за составлением списков футбольной команды Принстона и ее резервных составов — одним напряженным утром он составил список всех квотербеков Принстона за тридцать лет. Он был совершенно не в состоянии сосредоточиться. Его ящик стола был полон такими списками. Поэтому Вэл, беззащитный перед этим дурным влиянием, постепенно отказался от всякой надежды сосредоточиться и вместо этого составлял списки девушек, которых целовал, клубов, в которых хотел бы состоять, и прекраснейших дебютанток.

Было приятно после окончания работы встретиться с компанией в кино-театре на Пятьдесят Девятой улице, который был подходящим местом для отличного времяпрепровождения. Молодые люди сидели на балконе, который был похож на клуб, и говорили все, что взбрело им в голову, а в ответ на аплодисменты пинали спинки кресел. Время от времени к ним подходил один из билетеров и долго мучился, гоняя их из одного угла в другой; но в конце концов руководство поняло: раз у них появилась такая надежная клиентура, было бы неплохо дать им немного воли.

Вэл никогда не обнимался и не целовался с Эллен в кино, но однажды он рассказал ей о новом браке своей матери и придуманном ею способе сохранения его тела. Он испытывал к ней совершенно особое влечение, хотя теперь,

когда Эллен стала дебютанткой, у нее появилось много кавалеров, довольно богатых, которые принялись лихо ухаживать за ней. Но Вэл так и не воспользовался романтическим сочетанием его блестящих манер и неброским костюмом.

— Это ужасно! — воскликнула она. — Разве твоя мать не любит тебя?

— По-своему. Но она меня недолюбливает, потому что не может мною владеть. А я не хочу, чтобы мною владели.

— Как ты смотришь на то, чтобы поехать со мной в Филадельфию на эти выходные? — импульсивно спросила она. — Там будет вечеринка в честь моей кузины Мерсии Темплтон.

Сердце его радостно забилося. Пойти на филадельфийскую вечеринку было чем-то большим, чем на вечеринку, где «среди присутствующих были миссис Смит, Браун, Шайлер, Браун, Смит». Да еще с Эллен Мортмейн! Это выглядело так: «Да, это я приехал с Эллен Мортмейн», или «Эллен Мортмейн попросила меня сопровождать ее».

Когда он ехал в Филадельфию на лимузине Мортмейнов, его роль овладела им. Внезапно он стал новой личностью — «Вэл Шайлер из Нью-Йорка». Рядом с ним в лучах утреннего солнца светилась Эллен, белокожая и темно-волосая, молоденькая и красивая, очень уверенная в себе, но в то же время каким-то образом зависящая от него.

Его роль расширилась; она включала в себя влюбленность в Эллен, появление на людях в качестве ее преданного поклонника, тем более в качестве благосклонно рассматриваемого ухажера. И тут он по-настоящему влюбился в нее.

— Никто и никогда не был так красив, — вырвалось у него из груди. — Весь сезон только о тебе и разговоров. Все твердят, что уже много лет не было девушки, которая была бы по-настоящему красива.

— Вэл! Это не шутка? Я чувствую себя великолепно!

Комплимент взволновал ее, и она задалась вопросом, не скрывает ли его шутовское дружелюбие, которое он проявлял в течение многих лет, какие-то глубокие чувства к ней. Когда она сказала ему, что через месяц отправляется в Лондон, чтобы быть представленной ко двору, он воскликнул:

— Что я без тебя буду делать?

— Ничего, все устроится. Мы в последнее время и так нечасто виделись.

— А что я могу с этим поделать? Ты богата, а я беден.

— Это не имеет значения, если два человека действительно... — она замолчала.

— Нет, это имеет значение, — сказал он. — Ты думаешь, у меня совсем нет гордости?

Гордость не входила в число его достоинств, и все же Эллен он показался очень гордым и одиноким, когда говорил это. Она положила руку ему на плечо.

— Я вернусь.

— Да, и, вероятно, обрученная с принцем Уэльским.

— Я не хочу уезжать, — сказала Эллен. — Я никогда не была так счастлива, как в то первое лето. Раньше я засыпала и просыпалась с мыслями о тебе. Всегда, когда я вижу тебя, я думаю об этом, и это что-то пробуждает во мне.

— И я тоже. Но все это кажется таким безнадежным.

Интимная обстановка машины, четыре ее стенки, которые несли навстречу новым приключениям, притягивали их друг к другу. Они никогда не разговаривали так раньше — и никогда не стали бы так разговаривать в Нью-Йорке. Их руки на мгновение переплелись, взгляды соединились и превратились в один сокровенный взор.

— Увидимся в семь, — прошептала она, расставаясь с ним в отеле.

К Темплтонам он приехал рано. Менее официальная атмосфера Филадельфии заставила его еще более определенно почувствовать себя Вэлом Шайлером из Нью-Йорка, и он обошел зал с уверенностью великого герцога. За исключением его имени и приятной внешности, он бы затерялся в безликой атмосфере большого города, а сейчас, в качестве спутника Эллен Мортмейн, он был почти заезжей знаменитостью. Эллен еще не появилась, и он заговорил с взволнованной девушкой, формы которой выступали из-за плохо подогнанной одежды. С добротой, которая была для него естественна, он попытался успокоить ее.

— Я стесняюсь, — сказал он. — Я никогда раньше не был в Филадельфии.

— Я еще больше стесняюсь, хотя прожила здесь всю свою жизнь.

— А почему?

— Не за что ухватиться. Ни уздечки, ничего. Я бы желала носить с собой дубинку — поклонники иногда теряются, когда слишком нервничают.

— Держись за меня.

— Я просто боюсь споткнуться. Я хочу, чтобы все это быстрее закончилось.

— Чепуха! Вы наверняка прекрасно проведете время.

— Нет, не проведу, но, может быть, мне удастся выглядеть так, будто все было замечательно.

— Что ж, я собираюсь танцевать с вами так часто, как только смогу вас найти, — пообещал он.

— Дело не в этом. У меня не будет недостатка в партнерах, ведь это моя вечеринка.

Внезапно Вэл узнал маленькую девочку, которую видел три года назад.

— О, так вы — Мерсия Темплтон?

— А вы тот юноша...

— Да, так и есть

Они оба попытались изобразить приятное удивление, но через мгновение Мерсия сдалась.

— Как же мы тогда друг друга невзлюбили, — вздохнула она. — Одно из плохих воспоминаний моей юности. Вы всегда заставляли меня волноваться.

— Я больше не стану этого делать.

— Вы уверены? — с сомнением спросила она. — Тогда вы выглядели очень поверхностным. Вас волновала только видимость. Конечно, теперь я понимаю, что вы пренебрегли мною, потому что моя фамилия не Мортмейн, но тогда я думала, что вы выбрали Эллен наперекор мне.

В Вэе шевельнулось негодование, он терпеть не мог упреков в поверхностности, если только не воспринимал их с юмором. На самом деле его волновало очень многое, но эти вещи обычно считались банальными. Он был рад, когда в комнату вошла Эллен Мортмейн.

Его взгляд встретился со взглядом Эллен, и он весь вечер следовал за сияющим ангелом в голубовато-белом, в которого она превратилась, отыскивая ее то среди цветов за столом, то за скрывающими черными спинами на танцах. Их взаимный взгляд говорил: «Мы с тобой вместе среди этих странных людей — мы это чувствуем».

Они танцевали вместе, так что другие остановились, чтобы посмотреть. Танцы были его главным достоинством, и этот вечер стал триумфом. Они плыли вместе в таком единении, что другие кавалеры были напуганы, бормоча: «Да она без ума от этого Шайлера, с которым приехала».

Как-то ранним утром они остались одни, и ее влажное, припудренное молодое тело прижалось к нему вплотную, сменяя надоевшую одежду, и он поцеловал ее, стараясь не думать о пропасти между ними. Ее присутствие придавало ему сил, и он прошептал:

— Так ты уезжаешь?

— Возможно, я куда-то поеду. Я не хочу бросать тебя. Никогда.

Было ли мыслимо, что они могут пойти на такой громадный риск? Эта мысль пришла в голову им обоим, а также Мерсии Темплтон, когда она проходила мимо двери раздевалки и увидела их там, прижавшихся друг к другу, на фоне чужих шляп, в закутке. С этой мыслью Вэл лег спать.

Утром Эллен позвонила ему в отель:

— Ты все еще чувствуешь то же, что и вчера?

— Да, но гораздо больше, — ответил он.

— Я пригласила Мерсию пообедать в ресторан твоего отеля. У меня есть идея. Может, придет еще несколько человек, но мы сядем рядом друг с другом и будем вместе.

В итоге их оказалось девять человек, все со вчерашней вечеринки, и пока в два часа они не приступили к обеду, Вэл думал о своей матери. Ее корабль отходил в семь тридцать. Но, находясь рядом с Эллен, он на какое-то время забыл об этом.

— Я надеюсь, — прошептала Эллен, — что никто не догадался о наших намерениях. За границей Мэриленда есть местечко под названием Элктон, там проживает священник...

Он был опьянен своим задорным видом.

— Почему бы и нет? — сказал он серьезно.

Если бы Мерсия Темплтон с другого конца стола не смотрела на него с таким подозрением...

Официант положил чек на стол у его руки. Вэл вздрогнул — он не думал, что придется расплачиваться за всех, но все промолчали; парни за столом были так же молоды, как и он сам, и так же привыкли к тому, что за них платят. Он положил чек себе на колени и посмотрел на него — целых восемьдесят долларов, а у него в кармане было ровно девять долларов и шестьдесят пять центов. Он еще раз окинул взглядом стол — и еще раз увидел, что Мерсия Темплтон смотрит на него с подозрением.

— Я могу у вас обналичить чек? — спросил он.

— Да, сэр.

Через минуту официант вернулся.

— Не могли бы вы пройти в кабинет управляющего?

— С удовольствием.

Ожидая управляющего, он посмотрел на часы. Было без четверти четыре; если он хотел проводить мать, то должен был уехать в течение часа. Это был единственный шанс попрощаться с ней.

— Я обнаружил, что мне немного не хватает, — сказал он непринужденным голосом. — Я пришел просто потанцевать и немного просчитался. Не могли бы вы обналичить чек... — он назвал банк своей матери, — на сто долларов?

Однажды он уже делал так в экстренной ситуации. У него не было денег, но его мать все оплатила.

— У вас есть здесь какие-нибудь рекомендации, мистер Шайлер?

Он заколебался.

— Конечно, Чарльз М. Темплтон.

Управляющий исчез за перегородкой, и Вэл услышал, как он снял телефонную трубку. Через мгновение управляющий вернулся.

— Все в порядке, мистер Шайлер. Мы с удовольствием примем ваш чек на сто долларов.

Он написал телеграмму своей матери и вернулся к столу.

— Ну? — спросила Эллен.

Он почувствовал внезапное безразличие к ней.

— Мне лучше вернуться к Темплтонам, — прошептала она. — Возьми напрокат машину в отеле и позвони мне через час. У меня полно денег.

Гости поблагодарили его за гостеприимство.

— Ничего страшного, — беспечно сказал он. — Я почувствовал, что Филадельфия очаровательна.

— До свидания, мистер Шайлер, — голос Мерсии Темплтон был холодным и осуждающим.

— До свидания, — прошептала Эллен. — Через час жду.

Когда он вошел в номер, ему вручили телеграмму:

«Ты не имеешь права обналичивать чек, и я дам указание банку вернуть его. Ты должен возместить сто долларов из своих сбережений и это послужит

тебе хорошим уроком. Если ты не найдешь времени приехать в Нью-Йорк, то на этом прощаюсь.

Мама».

Поспешив к телефонной будке, Вэл позвонил в дом Темплтонов, но машина еще не вернулась. Такой ситуации он даже представить себе не мог. Его единственным страхом было то, что, обналичивая чек, он разозлит свою мать, но она его так разочаровала, и он остался один. Он подумал о том, чтобы вернуть чек, но разве они позволят ему? Другого выхода не было — он должен догнать свою мать до того, как она уполывет.

Он снова позвонил Эллен. Она по-прежнему еще не приехала, а часы приближались к пяти. В панике он схватил свою сумку и помчался к вокзалу на Брод-стрит.

Три часа спустя, избегая по бесконечным ступеням пирса и минуя длинные коридоры, он услышал пронзительный вой сирены со стороны реки. Корабль двигался, медленно отплывая от пирса. На палубе, в пятидесяти футах от себя, он увидел мать.

— Мама! Мама! — закричал он.

Миссис Шайлер подавила раздражение и толкнула локтем мужчину рядом с собой, как бы говоря: «Вон тот высокий красивый парень — мой сын, — как тяжело расставаться с ним!»

— До свидания, Вэл. Будь хорошим мальчиком.

Он не мог заставить себя немедленно вернуться в Филадельфию. Ошеломленный отплытием матери, он обдумывал сложившуюся ситуацию. Единственный логичный способ получить сто долларов — это собрать миллион. Он просто не мог встретиться лицом к лицу с Эллен Мортмейн, когда у него над головой висел неоплаченный чек.

Сбор денег — это особый дар; это либо очень легко, либо очень сложно. Если попытаться это сделать в момент отчаяния, то это, как правило, остужает пыл предполагаемого работодателя. На следующий день Вэл собрал пятьдесят долларов — двадцать пять из своей зарплаты, запонки своего второго отца за пятнадцать и десять он занял у друга. Затем, отчаявшись, он стал выжидать. В начале недели пришло грозное письмо из отеля, и в той же почте — еще одно письмо, причинившее ему еще более острую боль:

«Дорогой сэр! Похоже, возникли некоторые проблемы с чеком, который я рекомендовала отелю обналичить для вас, пока вы были у нас в городе. Я буду вам очень признательна, если вы немедленно уладите это дело, поскольку оно доставило нам некоторые неудобства.

Искренне ваш

В. Темплтон,

(миссис Чарльз Мартин Темплтон)».

Целый день Вэл мучился от отчаяния. Затем, когда, казалось, ничего не оставалось, кроме как сдаться властям, пришло письмо из банка, в котором говорилось, что его мать телеграфировала им оплатить чек. Где-то в середине океана она решила, что отпрыск, вероятно, усвоил урок.

Только после этого он набрался смелости и позвонил Эллен Мортмейн. Она уже отбыла в Хот-Спрингс. Он надеялся, что она ничего не знает о чеке; он даже предпочитал, чтобы она верила, что он ее бросил. В радостном облегчении, оттого что избавился от более серьезных страданий, он едва ли сознавал, что потерял ее навсегда.

II

На большие вечеринки дебютанток Вэл ходил в полном вечернем облачении и танцевал величественный и стремительный венский вальс под грустную и исполненную надежды минорную «So Blue». Он был эффектной персоной; для заграничных слуг, которые признавали его барские манеры, размер его чаевых не имел значения. Иногда ему удавалось забыть, что на самом деле он вообще никто.

На вечеринке дебютантки мисс Нэнси Лэмб он стоял в шеренге, как самый настоящий столп общественной жизни. Ему было всего двадцать два, но в течение трех лет он посещал подобные мероприятия, и, глядя на эту новую компанию девушек, он чувствовал себя так, словно сам выводил их в свет.

Остановившись на одной из самых симпатичных, он был поражен любопытным выражением, промелькнувшим на ее лице. Когда они вместе двинулись в танце, ее тело, казалось, последовало за ним с такой неохотой, что он спросил:

— Что-то случилось?

— О, Вэл... — она заколебалась в явном смущении. — Ты не мог бы больше не танцевать со мной этим вечером?

Он удивленно остановился.

— Почему, в чем дело?

Она чуть не плакала.

— Мама сказала мне, что не хочет, чтобы я танцевала с тобой.

Когда Вэл уже собирался спросить объяснений, его прервали. Потрясенный, он отступил к другим парням и рассказал о своих отношениях с девушкой. Он танцевал с ней дважды на каждой вечеринке, однажды сидел рядом с ней за ужином, но ни разу не позвонил ей и не спросил, может ли ей позвонить.

Через пять минут другая девушка обратилась к нему с такой же просьбой.

— Но в чем дело? — в отчаянии спросил он.

— О, я не знаю, Вэл. Я думала, ты сам все знаешь об этом.

И снова его прервали, прежде чем он смог получить хоть какое-то объяснение. Его тревога росла. Он не мог придумать ни одного основания, по которому мать какой-либо девушки могла бы возмущаться тем, что он танцует с ее дочерью. Он был неизменно корректен и выдержан, никогда не пил лишнего, не пытался нажить себе врагов, не был замешан ни в одном скандале. Когда он стоял в задумчивости и пытался замаскировать обиды и неуверенность, он увидел Мерсию Темплтон.

Возможно, она привезла из Филадельфии историю о чеке, который он обналичил в отеле. Он знал, что не нравится ей, но казалось невероятным, чтобы она стала инициатором заговора против него. Стиснув зубы, он обратился к ней.

— Я удивлен увидеть вас в Нью-Йорке, — холодно сказал он.

— Я редко сюда приезжаю.

— Мне бы очень хотелось поговорить с вами. Мы можем присесть на минутку?

— Боюсь, что нет. Моя мать... Что ты хочешь спросить?

Он поднял глаза на группу пожилых женщин, которые сидели на балконе над танцующими. Там, между матерями двух девушек, отказавших ему, сидела миссис Чарльз Мартин Темплтон из Филадельфии, известная ему, как «В. Темплтон» из записки. Больше он не стал туда смотреть.

Следующий час был ужасен. Полдюжины девушек, с которыми он обычно танцевал, с разными оттенками сожаления попросили его больше с ними не танцевать. Одна девушка призналась, что была предупреждена, но все равно собирается с ним станцевать, и от нее он узнал правду — что он тот парень, который навязывал фальшивые чеки доверчивым жителям Филадельфии. Несомненно, в его кармане полно таких бумажек, которые он намеревался сбить бесхитростным дебютанткам.

С бессильной яростью он посмотрел на невозмутимых дам, сидящих на балконе. Затем он внезапно, не зная, что именно хочет сказать, поднялся по лестнице.

В этот момент миссис Темплтон была там одна. Она направила на него свой лорнет, осторожно посмотрела, как смотрят в перископ. Она не узнала его или притворилась, что не узнала.

— Меня зовут Вэл Шайлер, — выпалил он, теряя самообладание. — Что касается того чека в Филадельфии, я думаю, вы понимаете — это была случайность. Это был счет за обед для ваших гостей. Парни из колледжа постоянно проделывают такие фокусы. Мне кажется несправедливым обвинять меня в этом, и тем более рассказывать об этом жителям Нью-Йорка.

Еще мгновение она пристально смотрела на него.

— Я не понимаю, молодой человек, о чем вы говорите, — холодно заметила она и повернулась вместе со своим лорнетом обратно к танцующим.

— Все вы прекрасно понимаете! — Вэл остановился, его чувство меры заявило о себе. Он повернулся и спустился вниз, прямо в гардеробную.

Гордый человек больше не стал бы посещать вечеринки, но новые приглашения, казалось, обещали, что это был всего лишь казус. В каком-то смысле это оказалось правдой — Темплтоны вернулись в Филадельфию, и даже девушки, отказавшие Вэлу, при следующей встрече взяли свои слова обратно. Тем не менее, эта проблема не давала покоя. Иногда вечеринка проходила без каких-либо неприятных событий, но уже на следующий вечер он замечал смущенный взгляд у партнерш и слышал слова: «Мне очень жаль, но...» Он придумывал способы защиты — некоторые остроумные, другие не очень, но ему становилось все более невыносимо ходить с угрозой неизбежного отказа каждый раз, когда он пытался пригласить девушку на танец.

С наступлением нового сезона он перестал выходить на улицу, по его словам, молодое поколение наскучило ему. Мисс Мун или мисс Уэйли больше не говорили в офисе с затаенным уважением: «Ну, я уже читала в газетах, как вы вчера вечером выходили в свет». Он больше не выходил из офиса с ощущением, что в ближайшие несколько часов он будет скользить по насыщенному и блистательному миру. Осмотр себя в зеркале — в перчатках, шляпе и с тростью — больше не тешил его тщеславное самолюбие. Он превратился в человека без отчества — и это за преступление, столь же пустое, случайное и безобидное, как взгляд на себя в зеркало.

В эти мрачные дни внезапно проник луч яркого света. Это было письмо от Эллен.

«Дорогой Вэл, я прибуду в Америку почти сразу же, как только это письмо дойдет до тебя. Я собираюсь пробыть здесь всего три дня — ты можешь себе это представить? — а потом возвращаюсь в Англию на неделю Коуза. Я пыталась придумать, как увидиться с тобой, и вот лучший вариант: девушка, с которой я плыву, Джун Холберд, устраивает вечеринку на выходные в своем доме на Лонг-Айленде и говорит, что я могу привести кого угодно. Ты пойдешь?»

Только не думай, что после этого будет еще какая-нибудь пошлость, как прошлой зимой. Ты, конечно, поступил мудро, не позволив нам совершить нелепый поступок, о котором мы бы потом пожалели.

*С большой любовью
Эллен».*

Вэл задумался. Это могло привести к его социальной реабилитации, поскольку Эллен Мортмейн была более знаменита, чем когда-либо, благодаря ее многочисленным шатаниям между титулованными англичанами.

Он находил удовольствие в том, чтобы заявить: «Я еду за город на выходные, некие Хэлберды...» и добавить: «Видите ли, пока Эллен Мортмейн дома», как будто эта фраза все объясняла. Для лучшего эффекта он бы вздохнул, подразумевая, что визит был несколько обременительной обязанностью, некой формой благородного долга.

*У бассейна стояла компания
молодых людей,
и Вэл присоединился к ним...*

Она встретила его на вокзале. В прошлом году он был старше ее, теперь ей было столько же лет, сколько и ему. Ее манера общения изменилась, в ней появились англицизмы — многозначительное «что?», двусмысленное «вполне», удручающее «привет!», всегда предвещавшее неминуемую опасность. Свою новую манеру она носила как легкую, но эффективную броню, под которой скрывались ее богатство и красота.

— Вэл! Ты знаешь, что это, оказывается, «детская» вечеринка — типа, старый добрый Йель и все такое? Эльза не смогла заполучить никого, кого я хотела, кроме тебя.

— Значит мне повезло.

— Возможно, мне придется уехать с вечеринки на часок-другой, сам понимаешь, у меня много дел... Как сам?

— Хорошо... и полон надежд.

— Все еще без денег? — неодобрительно спросила она.

— Ни цента.

— Почему бы тебе не жениться на ком-нибудь?

— Я не могу забыть тебя.

Она нахмурилась.

— Разве не было бы ужасно, если бы мы уже расстались? Как бы мы сейчас ненавидели друг друга!

У Холбердов он разложил свои пожитки в выделенной комнате и спустился вниз в поисках Эллен. У бассейна стояла компания молодых людей, и он присоединился к ним, почти сразу же он почувствовал некоторую напряженность в атмосфере. Разговор затихал всякий раз, когда он вступал в него, создавая у него впечатление, что он постоянно пожимает руку в перчатке, в которой ее нет. Даже когда появилась Эллен, холодность сохранялась. Он начал жалеть, что вообще приехал на эту вечеринку.

Ужин все объяснил — в числе гостей оказалась Мерсия Темплтон. Если это она распространяла яд застарелой истории с чеком, то пришло время расплаты. С помощью Эллен он мог бы наконец избавиться от преследования. Но перед десертом Эллен взглянула на часы и сказала миссис Холберда:

— Я ведь объясняла, не так ли, что у меня здесь всего три дня, и мне надо везде успеть? Я присоединюсь к вам позже в Саутгемптоне.

Вэл с разочарованием смотрел, как она покидает его в окружении врагов. После ужина он продолжил борьбу с бурным течением и почувствовал облегчение, когда пришло время ехать на танцы.

— А мистер Шайлер, — объявила миссис Холберда, — поедет со мной.

На мгновение он расценил это как знак особого внимания, но, едва оказавшись в машине, он понял, что обманулся.

Миссис Холберда была спокойной, твердой и уверенной женщиной. Необычный уход Эллен Мортмейн вызвал у нее раздражение, и на бархатных перчатках, которыми она готовилась обращаться с Вэл, появился грубый ворс.

— Вы учитесь в колледже, мистер Шайлер?

— Нет, я работаю в брокерской конторе.

— В какой школе вы учились?

Он назвал небольшую частную школу в Нью-Йорке.

— Понятно, — непринужденность ее тона была очень тонкой. — Я думаю, вы почувствовали, что эти мальчики и девочки немного молоды для вас?

Вэлу было двадцать три.

— Почему же, нет, — сказал он, ненавидя ее за мягкую грубость, которая уже надвигалась.

— Вы из Нью-Йорка, мистер Шайлер?

— Да.

— Давайте разберемся. Вы родственник мистера Мартина Шайлера?

— Ну, так сказать... отдаленный.

— Как зовут вашего отца?

— Он умер. Моя мать теперь миссис Пепин.

— Я полагаю, именно благодаря вашей матери вы познакомились с Эллен Мортмейн. Я полагаю, миссис Мортмейн и ваша мать были...

— Нет... не совсем так.

— Понятно, — сказала миссис Холберд.

Она внезапно сменила тон. Поставив своими расспросами его на колени, она вдруг дала ему бесплатный и снисходительный совет.

— Разве вы не согласны со мной в том, что молодые люди одного возраста должны собираться вместе? Вот вы, например, работаете, начинаете серьезно относиться к жизни. А эти молодые люди просто развлекаются. Молодым бываешь только раз, — она рассмеялась, довольная своей тактичностью. — Мне кажется, вы находите большее удовлетворение в людях, которые уже работают.

Он не ответил.

— Я думаю, что большинство матерей девушек чувствуют то же самое, — заявила она.

Они уже добрались до клуба в Саутгемптоне, но Вэл по-прежнему так ничего и не ответил. Она быстро взглянула на него в свете фонаря, когда они выходили из машины. Она не была уверена, достигла ли своей цели: на лице Вэла ничего не отразилось.

Теперь он видел, что за все эти годы он не достиг совершенно никакого положения. История с чеком была использована только для того, чтобы создать ему сомнительную репутацию, соответствующую его сомнительному происхождению.

За последние несколько месяцев к нему так часто относились пренебрежительно, что он сформировал защитную оболочку, скрывающую его травмы. Никто, наблюдавший за тем, как он в тот вечер исполнял свой минимум обязательных танцев, не догадался бы об этом — даже девушки, которых предостерегали против него. Эллен Мортмейн больше не появлялась, ходили слухи о французе, с которым она познакомилась на борту корабля. В три часа гости вернулись к Холбердам.

Вэл никак не мог уснуть. Он погрузился в дремоту, в которой множество модников и модниц сидели за накрытым столом и предлагали ему шампанское, но бокал всегда убирали, прежде чем он успевал донести его до губ. Он резко выпрямился в постели, в горле пересохло от жажды. В ванной была только теплая вода, поэтому он накинул халат и спустился вниз. «Если меня кто-нибудь увидит, — с горечью подумал он, — то он будет уверен, что я охочусь за серебром».

За дверью кладовой он услышал голоса, которые заставили его внезапно остановиться и прислушаться.

— Мама не позволила бы мне прийти, если бы знала, что он будет здесь, — рассказывала девушка. — Я не собираюсь ей говорить.

— Это Эллен заварила кашу, — услышал Вэл слова Джун Холберд. — Она притащила его, и, по-моему, набралась наглости, чтобы просто выдать его за нас.

— О, давайте забудем о нем, — нетерпеливо предложил молодой человек. — Кто он такой — преступник или что-то в этом роде?

— Спроси Мерсию и отрежь мне еще немного ветчины.

— Не спрашивайте меня! — быстро сказала Мерсия. — Он мне не нравится, но я не знаю о нем ничего по-настоящему плохого. Чек, о котором вы говорили, был всего на сто долларов, а не на тысячу, как вы упомянули, и я сотню раз пыталась заткнуть матери рот, но в прошлом году это было частью ее нью-йоркского общения. Я никогда не думала, что это так ужасно.

— Он просто выписал необеспеченный чек? Господи, не ставьте Билла в неловкое положение. Он оставил такие по всему Нью-Йорку.

Толкнув дверь, Вэл вошел в кладовую, и компания уставилась на него, разинув рты. Парни выглядели смущенными, а одна девушка нервно хихикнула и опрокинула стакан молока.

— Я не подслушивал вас, — объяснил Вэл. — Я спустился за водой.

У него всегда было присутствие духа — и чувство драматизма. Не глядя по сторонам, он взял с подноса два кубика льда, положил их в стакан и наполнил его из-под крана. Затем он повернулся и, по-прежнему не глядя им в глаза, пожелал спокойной ночи и направился к двери, неся стакан воды. Один молодой человек, которого он немного знал, вышел вперед и сказал:

— Послушай, Вэл, по-моему, ты прокололся.

Но Вэл толкнул дверь, словно ничего не слышал.

Поднявшись наверх, он собрал свои вещи. Через несколько минут он услышал шаги, кто-то постучал, но он стоял молча, пока человек не ушел. Выждав некоторое время, он осторожно открыл дверь и увидев, что в доме темно и тихо, взял чемодан, спустился вниз и вышел на улицу.

Едва он добрался до выхода из кольцевой аллеи, как с другой стороны въехала машина и остановилась у парадной двери. Вэл быстро спрятался за какие-то кусты, догадавшись, что это наконец-то приехала Элен. Машина с минуту терпеливо стояла, потом, когда она выходила, Вэл услышал ее веселый смех. Машина проехала мимо него, мелькнув маленькими довольными усиками над зажженной сигаретой.

Через десять минут он добрался до вокзала и уселся на скамейку в ожидании утреннего поезда.

III

У Принстона футбольный сезон складывался неудачно, поэтому в один мрачный понедельник мистер Перси Рэкхем попросил Вэла удалиться вместе с раздражающим звуком «Хот-ча-ча», который он часто издавал. Вэл немного гордился тем, что его уволили; он, так сказать, испил чашу до дна. В том же месяце умерла его мать, и у него появилось немного денег.

Наступившие перемены были поразительны, они были как фундаментальными, так и кажущимися. Без гроша в кармане он играл роль молодого

придворного, а с двадцатью тысячами в банке он возродил в себе повадки Уорда МакАлистера. Он отказался от молодого поколения, которое так подло к нему относилось, и, используя приобретенные связи, расцвел как светский человек. Его ученичество было трудным, но он служил ему верой и правдой и теперь уверенно шел по опасным лабиринтам снобизма. Люди внезапно забыли о нем все, кроме того, что он им нравился и что он обычно был рядом, и, как это часто бывает, он добился своего положения не столько благодаря своим положительным качествам, сколько благодаря умению держать себя в руках.

Маленькие обеды, которые он устраивал у себя в квартире, были обильными и очаровательными, и он стал в меру завсегдатаем закусовых. Его тянуло к утонченной части общества, и он приобрел некоторые познания в искусстве, которые изящно сочетал со своим недурным образованием.

На фоне своего нового окружения он был более, чем привлекателен для многих девушек. Вэл мог с легкостью жениться на одной из сказочно богатых близняшек Купп, но в данный момент он был поглощен новым увлечением и хотел быть свободным. Более того, он вступил в партнерство с начинающим арт-дилером и в течение года или около того действительно зарабатывал немного денег.

А теперь взгляните на него весенним лондонским утром 1930 года. Высокий, даже величественный, он идет по улице Пэлл-Мэлл так, словно это его личное пастбище. Он встречает друга-американца и пожимает ему руку, и тот замечает, как рукав его рубашки облегает запястье, а рукав пиджака изящно закрывает рукав рубашки, а его воротник и галстук плотно прилегают к шее.

Он приехал, по его словам, на бал к леди Рис. Однако рынок день ото дня поедает его последние капиталы. Он покупает сунутую ему в руку газету, и, когда его взгляд останавливается на заголовке, выражение лица меняется.

«Самолет, летевший через Ла-Манш, упал, в результате чего погибла дюжина известных людей.

Леди Донкасл, — читает он, затаив дыхание, — майор Баркс, миссис Уикс-Тенлифф, леди Киппери... — Он прижимает газету к своему костюму и вытирает воображаемый пот со лба. — Какой шок! Я был с ними в Довиле неделю назад. Я мог бы даже лететь на этом самолете».

Он направлялся в дом Мортмейнов, бывшую герцогскую резиденцию на Кавендиш-сквер. Эллен была истинной причиной его приезда в Лондон. Именно Эллен, а может быть, попытка вернуть что-то из прошлого, заставила его бросить захиревший арт-бизнес и на оставшиеся от наследства деньги помчаться в Европу. Сегодня утром от нее пришло сообщение с просьбой заехать к ней домой.

Не успел он войти в дом, как почувствовал что-то неладное. Дверь в дом не открывалась и не закрывалась, но необъяснимым образом по коридорам то тут, то там проходили люди, и когда его вели в собственную квартиру

*Он нашел Элен, сидящей на сундуке в почти пустой комнате.
— Вэл, избавь меня от мучений, — причитала она. —
Помоги мне удержать сундук, чтобы его не отобрали.*

Эллен, он проходил мимо людей, чье присутствие там было бы невысказано даже в фантастических видениях.

Он нашел Эллен, сидящей на сундуке в почти пустой комнате.

— Вэл, избавь меня от мучений, — прочитала она. — Помоги мне удержать сундук, чтобы его не отобрали.

— Что случилось? — испуганно поинтересовался он.

— Распродают наше имущество за долги — вот что. Мне разрешили забрать мои личные вещи — если я смогу их удержать. Но они уже унесли целый ящик, полный маскарадных костюмов, утверждая, что это профессиональное снаряжение.

— Но почему? — недоумевал он.

— Мы чертовски бедны, Вэл. Разве это не удивительно? Ты ведь слышал о богатстве Мортмейнов, не так ли? Так вот, никакого богатства Мортмейнов больше не существует.

Это было самое сильное потрясение в его жизни, это было просто невыразимо. Казалось, весь мир перевернулся.

— Похоже, мы в течение многих лет были в минусе, но сейчас рынок нас окончательно разорил. Теперь у нас нет ничего за душой. Я собиралась просить тебя, если ты все еще занимаешься искусством, сходить на аукцион и выкупить картину Хуана Гриса, без которой я просто не могу жить.

— Получается, у вас вообще нет денег?

— Нет денег? Да нам пришлось бы раздобыть целое состояние, чтобы расплатиться с долгами, прежде чем мы смогли бы претендовать хоть на какую-то респектабельность. Мы разорены окончательно.

Ее голос звучал немного взволнованно, но Вэл тщетно искал на ее лице хоть какое-то отражение его собственного опыта бедности.

Нет, это было нечто такое, что никогда не могло случиться с Эллен Мортмейн. Она спокойно пережила потерю своего богатства; теплый, насыщенный поток благополучия все еще исходил от нее. По-прежнему сомневаясь в своей любви, или не имея сил ее полюбить, он сказал то, ради чего пересек океан:

— Выходи за меня замуж.

Она удивленно посмотрела на него.

— О, это очень мило. Но, в конце концов... — Она заколебалась. — Кто ты такой, Вэл? Я имею в виду, разве ты не сомнительная личность? Разве не ты выманил у многих людей кучу денег с помощью необеспеченных чеков или чего-то в этом роде?

— О, все тот чек! — простонал он.

Наконец он рассказал ей всю историю про тот чек, пока она била каблучками по сундуку, а июньское солнце через витражное окно играло на ней своими лучами.

— И это причина, по которой ты не хочешь выходить за меня замуж? — спросил он.

— Я помолвлена с другим парнем.

Таким образом, она просто перешагивала с обломков одной судьбы в неизвестность другой.

— Я выхожу замуж за очень бедного человека, и мы не знаем, как будем жить дальше. Он служит в армии, и мы уезжаем в Индию.

Он испытал смутную зависть, сентиментальное сожаление, но оно померкло перед более сильным ощущением — повсюду вокруг нее он чувствовал, как тает огромное состояние Мортмейн, просачиваясь обратно в «материнское ложе», откуда оно пришло, забирая с собой частичку Вэла Шайлера.

— Я надеюсь, ты ничего не оставил внизу, — рассмеялась Эллен. — Они забирают все, что не приколочено. Один наш знакомый оставил свои клюшки для гольфа и несколько пистолетов — теперь он должен выкупить их обратно на аукционе.

Он оставил ее, взгромоздившуюся на сундук, и величественно зашагал обратно в отель. По дороге он купил еще одну газету и открыл финансовую страницу.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Это конец.

Посылать телеграмму заденьгами было бесполезно — он остался без гроша в кармане, не считая десяти долларов и билета на пароход до Нью-Йорка, а в гостинице еще нужно было оплатить счет за две недели. Издав стон, он понял, что снова погружается в пучину безденежья, следуя туда за Мортмейнами. Но у них на это ушло четыре поколения, а у него — два года.

Сейчас его беспокоили более насущные проблемы. Счет в отеле был просрочен, и, если он уедет не оплатив его, они непременно наложат арест на багаж. Его великолепный багаж из французской телячьей кожи. Желудок Вэла непроизвольно сжался. Там были его парадные вещи, прекрасные рубашки, охотничий костюм, который он носил в Шотландии, тонкие льняные носовые платки, ботинки от известного сапожника.

Он ускорил шаг — ему казалось, что у него уже забирают вещи. Оказавшись в своей комнате и успокоенный британской беззаботностью, он проявил невиданную изобретательность.

Он начал буквально обвешиваться одеждой. Он разделся, надел два комплекта нижнего белья, а поверх этого четыре рубашки и два костюма, а также два белых пикейных жилета. Каждый карман он набил галстуками, носками, запонками, щетками в золотой оправе и другими предметами туалета. Задышавшись, он с трудом натянул пальто. Его котелок выглядел пустым, поэтому он наполнил его воротничками и закрепил их несколькими носовыми платками. Затем, слегка покачиваясь на ногах, он посмотрел на себя в зеркало.

Возможно, ему бы удалось надеть и больше — но откуда-то с высоты этого сооружения начал течь непрерывный поток пота, который продолжал литься по телу струйками разной температуры, пока не впитался в плотную промокательную ткань трех пар носков, заполнив его ботинки.

Двигаясь осторожно, как Траляля перед битвой, он пересек холл и вызвал лифт. Мальчик с любопытством посмотрел на него, но ничего не сказал, хотя

другой пассажир сухо упомянул адмирала Берда. Со своими гигантскими размерами он еле пробрался через вестибюль. Возможно, служащие за стойкой подсознательно почувствовали какой-то подвох, но он исчез слишком быстро, чтобы они успели что-либо предпринять.

— Такси, сэр? — осведомился швейцар, озабоченно глядя на бледное лицо Вэла.

Не в силах ответить, Вэл попытался покачать головой, но и это оказалось невозможным, и он издал низкий отрицательный стон. Солнце притягивалось к его телу, как молния притягивается к металлу, когда он, пошатываясь, направился к автобусу. «Наверх, — подумал он, — наверху будет заметно прохладнее».

Его стажировка в качестве коридорного мальчика сослужила ему теперь хорошую службу — он пробирался вверх по винтовой лестнице так, словно это была социальная лестница. Затем, промокнувший насквозь и задышающийся, он опустился на скамью, буржуазная кровь многих поколений мистеров Джонсов сильно билась в его груди. Вэл не мог сидеть на сундуке, брыкаться ногами и ждать конца — в нем еще оставалась сила воли.

IV

Год спустя мистер Чарльз Мартин Темплтон из Филадельфии столкнулся в своем кабинете с молодым человеком, который, очевидно, добился приема хитростью. Посетитель признался, что не претендует на внимание мистера Темплтона, за исключением того, что однажды, лет шесть назад, он был у него в гостях.

— Все дело в чеке, — решительно сказал он. — Вы должны об этом помнить. Мне навязали обед, который должен был стать вашим званым обедом, потому что я был бедным молодым человеком. Я выписал чек, который на самом деле был довольно хорошим чеком, только немного медлительным, но ваша жена все равно погубила меня. По сей день воспоминания о том чеке встречаются меня везде, куда бы я ни пошел, и я хочу получить компенсацию.

— Это шантаж? — спросил мистер Темплтон, и в его глазах появилась враждебность.

— Нет, просто я хочу справедливости, — ответил Вэл. — Я не смог заработать денег во время бума. Как, по-вашему, я смогу выжить во время депрессии? Ваша жена нанесла мне страшную обиду. Я взываю к вашей совести, чтобы вы искупили ее вину, предоставив мне должность.

— Я помню о том чеке, — задумчиво произнес мистер Темплтон. — Я знаю, Мерсия всегда считала, что ее мать зашла слишком далеко.

— Действительно, она зашла слишком далеко, — согласился Вэл. — В Нью-Йорке тысячи людей по сей день думают, что я преуспевающий мошенник.

— У меня нет работы, где нужно подписывать чеки, — глубокомысленно проговорил мистер Темплтон, — но я могу отправить вас на свою ферму.

Вэл Шайлер из Нью-Йорка, стоя на коленях в старом комбинезоне, сажал капусту и бобы, натягивал бесконечные ряды веревок и уговаривал нежные лозы обвиться вокруг них. В течение долгого батрацкого дня он с нежностью вспоминал свою удивительную неделю в Ньюпорте в 29-м году и венский вальс, который он танцевал с достопочтенной Элинор Гиз в ночь совершеннолетия лорда Клан-Карли.

Теперь другой шотландский голос жужжал у него в ухе:

— Ты медленно работаешь, Шайлер. Лучше вскапывай землю.

«Этот идиот воображает, что я падший аристократ», — подумал Вэл.

Он присел на корточки, выдергивая сорняки в огороде у грузовика. У него было ощущение полной опустошенности, оттого что ничто в прошлом не готовило Вэла к такой работе. Он не понимал, почему он здесь, и какие причины привели его сюда. Почти никогда в своей жизни он не нарушал правил игры, и все же общество внезапно сказала: «Ты был очарователен, ты танцевал с нашими девушками, ты устраивал вечеринки, ты брал на себя бремя ответственности за скучных людей. А теперь иди на задний двор и попробуй это на капусте». Общество. Он прильнул к его ледяной груди, как доверчивый ребенок, испытывая странный восторг от бриллиантов, крепко вонзившихся в его щеку.

Он почти ничего от него не требовал, принимая его таким, каким оно было, так как поступить иначе значило бы испортить собственное романтическое представление о нем. Он перенес свою мальчишескую непосредственность в среду, которая была гораздо менее стабильной, чем бандитская, и бесконечно менее добросовестной в отношении самой себя. И эта среда заставила его сажать капусту.

«Мне следовало жениться на Эмили Парр, — думал он, — или на Эстер Мэнли, или на Мэдлин Куоррс, или на одной из девушек Дейл. Я должен был зарыться в землю и там закрепиться».

Но он с горечью понимал, что единственным способом получить то, чего он действительно хотел, это надо было родиться таким. Его драгоценная свобода не должна принадлежать ему.

«Я полагаю, мне придется принести высшую жертву», — подумал он.

Он задумался о высшей жертве, а затем задумался о капусте. Его глаза наполняли слезы беспомощности. Какой ужасный выбор приходится делать!

К нему подъехала Мерсия Темплтон и долго сидела на своей лошади, наблюдая за ним.

— Ну вот, наконец-то ты здесь, — сказала она, — в прямом, если не в переносном смысле, у моих ног.

Вэл продолжал работать, как будто не замечал ее.

— Посмотри на меня! — громко сказала она. — Разве ты не хочешь на меня посмотреть? Люди говорят, что я похорошела. Господи, неужели ты никогда не взглянешь на меня?

Вздохнув, Вэл отвернулся от грядки с капустой.

— Это предложение руки и сердца? — спросил он. — Ты собираешься сделать из меня честного человека?

— Никто не сможет этого сделать, но, по крайней мере, ты взглянул на меня. Что ты видишь?

Он пристально посмотрел на нее.

— Действительно, ты стала довольно симпатичной, — отметил он. — Правда, немного склонна закусывать удила.

— О, Боже, какой же ты самонадеянный! — воскликнула она и, пришпорив свою лошадь, направилась вниз по дороге.

Вэл Шайлер печально вернулся к своей капусте. Но он был искушенным, по крайней мере, он должен был быть благодарен своему дорогому образованию. Он знал, что Мерсия вернется.

КОРОТКАЯ ПОЕЗДКА ДОМОЙ

I

В момент опрометчивого решения целый абзац описания персонажа был изъят из этой истории, где он появился и где ему место, и присоединен к совершенно другому персонажу в моем романе. Тем не менее я рискнул оставить его здесь, даже рискуя быть обвиненным в подаче подогретого вчерашнего блюда.

Я медленно шел рядом с ней, чтобы на всем протяжении от входной двери до гостиной ощущать ее красоту. Даже это для меня имело большое значение, потому что она была на пике цветения, а я, будучи всего на год старше, оставался прежним и едва осмелился прийти к ней за всю эту неделю, что мы были дома на каникулах. Я не собирался ничего говорить за эти десять шагов или прикасаться к ней; но у меня была смутная надежда, что она сама проявит внимание, устроив какое-нибудь веселое маленькое представление, когда мы останемся наедине.

Она завораживала радужным переливом коротких волосков на шее и той твердой, ясной уверенностью, которая примерно в восемнадцать лет начинает углубляться и расцветать в привлекательных американских девушках. Свет лампы переливался в золотистых прядях ее волос.

Сейчас она уже перемещалась в другой мир — мир Джо Джелке и Джима Кэткарта, ожидавших нас сейчас в машине. Еще через год она навсегда покинет меня.

Пока я ждал, чувствуя, как остальные парни морозной снежной ночью стоят снаружи, ощущая настроение рождественской недели и волнение, оттого что Элен здесь, расцветает, наполняя комнату «сексуальной привлекательностью» — жалкая фраза для выражения чувства, которое вовсе не является таковым, — из столовой вышла горничная, тихо поговорила с Элен и передала ей записку. Элен прочла ее, взгляд ее потускнел, словно лампа, когда в сельских сетях падает напряжение, и угас в пространстве. Затем она бросила на меня странный взгляд — я сделал вид, что не заметил — и, не говоря ни слова, последовала за горничной в столовую и дальше на улицу. Четверть часа я сидел, листая журналы.

Вошел Джо Джелке, раскрасневшийся от мороза, его белый шелковый шарф поблескивал на воротнике мехового пальто. Он учился на выпускном курсе в Нью-Хейвене, я — на втором. Он был видным студентом, членом «Свитка и ключа» и, на мой взгляд, очень представительным и красивым.

— А Эллен разве не идет на вечеринку?

— Не знаю, — сдержанно ответил я. — Она была полностью одета.

— Эллен! — позвал он. — Эллен!

Джо оставил входную дверь за собой открытой, и в комнату ворвалось огромное облако морозного воздуха. Поднявшись на половину лестницы — в доме его знали, — он снова окликнул ее, пока миссис Бейкер не подошла к перилам и не сказала, что Эллен наверху нет и она где-то внизу. Затем в дверях столовой появилась немного взволнованная горничная.

— Мистер Джелке, — тихо позвала она.

Лицо Джо осунулось, когда он повернулся к ней, предчувствуя плохие новости.

— Мисс Эллен просит вас отправляться на вечеринку без нее. Она придет позже.

— Что случилось?

— Она не может пойти сейчас. Она придет позже.

Джо, растерявшись, замешкался. Это была последняя большая вечеринка на каникулах, и он был без ума от Эллен. Джо пытался подарить ей кольцо на Рождество, но не смог, уговорив ее принять золотую сетчатую сумочку, которая, должно быть, стоила долларов двести. Он не был единственным ухажером — их было трое или четверо и все в таком же безумном состоянии те десять дней, что она пробыла дома — но только у Джо был реальный шанс, потому что он был богат, любезен и на данный момент был самым «желанным» парнем в Сент-Поле. Мне казалось невозможным, чтобы она предпочла другого, но ходили упорные слухи, что она отзывалась о Джо, как о слишком идеальном. Полагаю, что для Эллен у него не хватало загадочности, а когда такой парень начинает ухаживать за молодой девушкой, которая еще не задумывается о практической стороне брака, то...

— Она на кухне? — сердито спросил Джо.

— Нет, ее нет на кухне, — горничная вела себя вызывающе и немного испуганно.

— Она точно там.

— Она вышла через черный ход, мистер Джелке.

— Я пойду гляну.

— Я с вами.

Служанки-шведки, мывшие посуду, при нашем приближении переглянулись, и наше появление ознаменовал интенсивный грохот кастрюль и столовых приборов. Незапертая входная дверь хлопала на ветру, и когда мы вышли в заснеженный двор, то увидели красные габаритные огоньки машины, завернувшей за угол в конце переулка.

— Я еду за ней, — медленно произнес Джо. — Я совсем ничего не понимаю.

Я был тоже слишком потрясен случившимся, чтобы спорить. Мы поспешили к его машине и поехали безуспешными, отчаянными зигзагами по всему жилому району, заглядывая в каждую машину на улицах. Прошло полчаса, прежде чем до нас начала доходить тщетность затеи: ведь Сент-Пол — это город с населением почти в триста тысяч человек. Тут и Джим Кэткарт напомнил ему, что нам нужно заехать еще за его девушкой. Как раненый зверь, он меланхолично опустился на меховую накидку в углу, из которого каждые несколько минут появлялся и слегка покачивался вперед-назад в знак недовольства и отчаяния.

Девушка Джима была настроена на вечеринку и проявляла нетерпение, но после всего произошедшего ее нетерпение не казалось важным. Хотя выглядела она прелестно. Вот что такое рождественские каникулы — волнение от взросления, перемен и приключений в чужих краях, преображающих людей, которых ты знал всю свою жизнь. Джо Джелке был в оцепенении, но оставался очень вежлив с ней — в разговоре он позволил себе только одну вспышку короткого, громкого, резкого смеха, — и мы поехали в отель.

Шофер подъехал к нему не с той стороны — а с той, где не было вереницы машин, высаживающих гостей и постояльцев, — и из-за этого мы внезапно наткнулись на Эллен Бейкер, как раз выходящую из маленького купе. Еще до того, как мы полностью остановились, Джо Джелке взволнованно выскочил из машины.

Эллен повернулась к нам, на ее лице отразилось слабое замешательство — возможно, удивление, но уж точно не тревога; вообще-то, она, может быть, нас даже не заметила. Джо подошел к ней с суровым, полным достоинства, обиженным и, как мне показалось, совершенно искренним упреком на лице. Я последовал за ним.

В купе сидел — он не вышел, чтобы помочь Эллен, — крепкий мужчина лет тридцати пяти с худощавым лицом, испещренным шрамами и едва заметной, зловещей улыбкой. Его глаза были своего рода насмешкой над всем человеческим родом — это были глаза животного, сонного и неподвижного; в присутствии представителей другого вида они были беспомощными и в то же время жестокими, таящими угрозу и одновременно уверенными. Они как будто чувствовали себя бессильными для активной деятельности, но могли быстро извлечь выгоду из простого проявления слабости в ком-либо.

Навскидку, я отнес его к тому типу людей, о которых с ранней юности знал, что они «слоняются без дела» — облокотившись одним локтем на прилавки табачных лавок, наблюдают, Бог знает каким уголком сознания, за людьми, которые торопливо входят и выходят. В гаражах, где ведутся мутные дела, в парикмахерских, в вестибюлях театров я изредка встречал людей подобного типа, который он мне сейчас напоминал. Иногда человек с таким лицом всплывал на одной из самых грубых карикатур Тада, и я всегда, с самого раннего детства, бросал нервный взгляд в сторону тусклой пограничной

зоны, где он стоял и наблюдал за мной, презируя мой мир. Однажды во сне он сделал несколько шагов в мою сторону, и запрокинув голову, пробормотал: «Послушай, малыш», — голосом, который должен был звучать успокаивающе, но я в ужасе бросился от него. Это был именно такой человек.

Джо и Эллен молча смотрели друг на друга; как я уже сказал, она, казалось, пребывала в оцепенении. Было холодно, но она не замечала, что ее пальто распахнулось, Джо протянул руку и запахнул его, а она машинально обхватила полы пальто рукой.

Внезапно мужчина в купе, который молча наблюдал за ними, рассмеялся. Это был едва заметный смешок, сделанный с придыханием, просто шумное подергивание головой, но это было оскорбление, однозначное, которое нельзя было пропустить. Я не удивился, когда Джо, который был вспыльчив, повернулся к нему и сердито сказал:

— В чем дело?

Мужчина подождал мгновение, его глаза бегали и в то же время смотрели пристально и все замечали. Затем он снова усмехнулся в той же манере. Эллен беспокойно встрепенулась.

— Кто этот... этот... — голос Джо дрожал от раздражения.

— А теперь берегись, — медленно произнес мужчина.

Джо повернулся ко мне.

— Эдди, отведи Эллен и Кэтрин в отель, хорошо? — быстро сказал он... — Эллен, иди с Эдди.

— А теперь берегись, — повторил мужчина.

Эллен издала негромкий звук, какой-то возглас, но не сопротивлялась, когда я взял ее за руку и повел к задней двери отеля. Мне показалось странным, что она была такой беспомощной, вплоть до того, что своим молчанием смирилась с надвигающейся катастрофой.

— Оставь его, Джо! — крикнул я через плечо. — Пошли внутрь!

Эллен, потянув меня за руку, поторопила нас идти быстрее. Когда мы дошли до вращающихся дверей, мне показалось, что мужчина выходил из своего купе.

Десять минут спустя, когда я ждал девушек у женской раздевалки, Джо Джелке и Джим Кэткарт вышли из лифта. Джо был очень бледен, его глаза были опустошенными и остекленевшими, по лбу и белому шарфу стекала струйка темной крови. Джим держал в руке их шапки.

— Он ударил Джо кастетом, — тихо сказал Джим. — Джо отрубился и пролежал без сознания около минуты. Надо срочно послать коридорного за мазью из гамамелиса и лейкопластырем.

Было поздно, и холл опустел, до нас доносились только отрывочные звуки танца внизу, как будто тяжелые занавеси раздвигались и опускались обратно на место. Когда Эллен вышла, я сразу же повел ее вниз. Мы миновали ряды посетителей и вошли в полутемную комнату, обставленную чахлыми гостиничными пальмами, где иногда отдыхали пары во время танца. Там я рассказал ей о случившемся.

— Кто этот... этот... — голос Джо дрожал от раздражения.

— А теперь берегись, — медленно произнес мужчина.

— Джо сам виноват, — неожиданно сказала она. — Я же просила его не вмешиваться.

Это было неправдой. Она ничего не сказала, только издала один любопытный возглас нетерпения.

— Ты выбежала через заднюю дверь дома и исчезла почти на час, — протестуя заявил я. — Потом ты появилась с этим неприятным человеком, который рассмеялся Джо в лицо.

— Неприятный человек, — повторила она, словно пробуя слова на вкус.

— А разве это не так? Где, черт возьми, ты его подцепила, Эллен?

— В поезде, — ответила она. И тут же, похоже, пожалела об этом признании. — Тебе лучше не лезть в дела, которые тебя не касаются, Эдди. Ты же видишь, что случилось с Джо.

Я буквально ахнул. Смотреть на нее, сидящую рядом со мной, безупречно сияющую, — от ее тела волнами исходили свежесть и изысканность, — и слышать, как она говорит такое.

— Но этот человек — бандит! — воскликнул я. — С ним ни одна девушка не может быть в безопасности. Он ударил Джо кастетом, понимаешь, кастетом!

— Это очень плохо?

Она спросила это так, как могла бы спросить в детстве, много лет назад. Наконец она посмотрела на меня и действительно захотела получить ответ. На мгновение она как будто попыталась что-то объяснить, а затем снова ожесточилась. Я говорю «ожесточилась», потому что я начал замечать, что, когда она была озабочена мыслями об этом человеке, ее веки немного опускались, оставляя другие предметы — а точнее, все остальное — вне поля зрения.

Полагаю, в тот момент я мог бы как-нибудь ее успокоить, но, несмотря ни на что, я не смог пробиться в ее сознание. Я был слишком сильно очарован ее красотой и популярностью. Я даже начал находить ей оправдания — возможно, этот человек был не тем, кем казался, а может быть, это было даже более романтично — она была вынуждена быть с ним против своей воли, чтобы защитить кого-то другого. В этот момент в помещение начали входить люди и пытаться завязать с нами разговор. Мы больше не могли разговаривать наедине, поэтому отклонялись и вышли. Затем я вручил ее яркому беспокойному морю танца, где она двигалась в собственном водовороте среди приятных островков разноцветных презентов, расставленных на столах, и чарующих ветров, плывущих по залу от медных духовых инструментов. Через некоторое время я увидел Джо Джелке, сидящего в углу с полоской пластыря на лбу и наблюдающего за Эллен так, словно это она его ударила, но я не подошел к нему. Я сам чувствовал себя странно — так бывает, когда я просыпаюсь после дневного сна, странного и зловещего, как будто за это время произошло нечто, изменившее все вокруг, а я ничего не заметил.

Ночь понеслась в череде звуков картонных рожков, любительских постановок и заголовков для утренних газет. Затем было торжественное шествие и ужин, а около двух часов кто-то из организаторов, переодетый налоговым агентом, распространил шуточную газету, пародирующую события вечера. И всё это время краем глаза я наблюдал за сияющей орхидеей на плече Эллен, которая, подобно волшебному шлейфу, перемещалась по комнате. Я наблюдал за ней с неясным дурным предчувствием, пока последние сонные участники вечеринки не набились в лифты, а затем, закутавшись по самые глаза в огромные бесформенные меховые шубы, выплыли в тихую и чистую миннесотскую ночь.

II

Средняя часть нашего города расположена на склоне между жилым кварталом на холме и деловым районом у реки. Она была разбита на кварталы самых странных форм — все звали этот лабиринт «Севен-Корнерс», — и я верю, что никто не сможет нарисовать его точную карту, даже проезжая его каждый день на трамвае, автомобиле или проходя пешком. И хотя это был оживленный

*Всё это время краем глаза я наблюдал за сияющей орхидеей
на плече Эллен, которая, подобно волшебному шлейфу,
перемещалась по комнате.*

район, мне было бы трудно назвать бизнес, который бы здесь процветал. Там всегда стояли длинные вереницы трамваев, ожидающих своего часа. В округе были большой кинотеатр и множество маленьких с плакатами Хута Гибсона, Чудо-Собаки и Чудо-Лошади, маленькие магазинчики с одеждой «Олд Кинг Брэди» и «Либерти Бойз 76-го» в витринах, а внутри — жвачки, сигареты и конфеты. Среди всего этого находился самый модный магазин, который мы все посещали, по крайней мере, раз в год. Когда-то в детстве я узнал, что на одной стороне одной малоизвестной улицы стояли публичные дома, а по всему району были ломбарды, дешевые ювелирные лавки, маленькие спортивные клубы и гимнастические залы, и откровенно захудалые салуны.

На следующее утро после вечеринки в клубе «Котильон» я проснулся поздно и лениво потянулся, с радостным чувством, что еще день или два не будет ни часовни, ни занятий — ничего, кроме ожидания новой вечеринки. На улице было морозно и солнечно — один из тех дней, когда забываешь, как холодно, пока не обморозишь щеки, — и события прошедшего вечера казались смутными и далекими. После обеда я отправился пешком в центр города по легкому, приятному снежку из мелких снежных хлопьев, который, вероятно, будет падать весь день, и я прошел примерно половину этой части города — насколько я знаю, у нее нет точного названия, — когда внезапно все праздные мысли, которые были у меня в голове, улетели, как шляпа с головы при сильном ветре, и я стал напряженно думать об Эллен Бейкер. Я начал беспокоиться о ней так, как никогда раньше не беспокоился ни о ком, кроме себя. Я начал бродить без дела, испытывая инстинктивное желание снова вернуться на холм, найти ее и поговорить с ней. Потом я вспомнил, что она отправилась на чаепитие, и снова двинулся дальше, но все еще думал о ней, и даже сильнее, чем прежде. Тут-то и открылось новое обстоятельство.

Шел снег, как я уже говорил, и было четыре часа декабрьского дня, когда к городу подбирается сумеречная темнота, а уличные фонари только зажигаются. Я миновал ресторан, совмещенный с бильярдной, где у окна стояла печка с хот-догами, а у двери несколько столиков. Внутри горел свет — не яркий, всего лишь несколько бледно-желтых лампочек высоко под потолком, и тусклый отблеск, который они отбрасывали в морозные сумерки был недостаточен, чтобы соблазнить вас заглянуть внутрь. Проходя мимо, все это время думая об Эллен, я краем глаза заметил четыре пары мокасин. Не успел я пройти и полдюжины шагов по улице, как один из них окликнул меня, но не по имени, а так, чтобы я услышал. Я подумал, что это дань уважения к моей енотовой шубе, и не обратил внимания, но через мгновение, кто бы это ни был, он снова окликнул меня требовательным голосом. Я раздраженно обернулся. Среди мужчин, не более, чем в десяти шагах от меня, стоял и смотрел в мою сторону с той же ухмылкой на лице, с которой он смотрел на Джо Джелке, тот самый человек со шрамами, что и накануне вечером.

На нем было черное пальто модного покроя, застегнутое до самой шеи, как будто ему было холодно. Его руки были глубоко засунуты в карманы, на нем

был котелок и высокие ботинки на пуговицах. Я был поражен и на мгновение замешкался, но я был сильно зол на него, и, зная, что я быстрее и сильнее Джо Джелка, я сделал неуверенный шаг по направлению к нему. Другие мужчины не обратили на меня внимания — я не думаю, что они вообще меня не заметили, — но я знал, что этот человек меня узнал: в его взгляде не было ничего обыденного, никакой случайности. Его глаза, казалось, говорили: «Вот он я. Что ты будешь делать?»

Я сделал еще один шаг к нему, и он беззвучно, но с явным презрением усмехнулся и отступил назад, в группу мужчин. Я последовал за ним. Я собирался заговорить с ним — я не знал, что хотел сказать — но, когда я подошел, он либо передумал и отступил, либо хотел, чтобы я последовал за ним внутрь, потому что он ускользнул, а трое мужчин без любопытства наблюдали за моей «погоней». Они были такими же — накачанными, в хорошей форме, но, в отличие от него, скорее спокойными, чем агрессивными; в их общем взгляде я не нашел никакой личной злобы.

— Он зашел внутрь? — спросил я.

Они хитро посмотрели друг на друга, перемигнулись, и после продолжительной паузы один из них ответил:

— Кто зашел внутрь?

— Я не знаю его имени.

Они еще раз перемигнулись. Раздраженный и решительный, я прошел мимо них в бильярдную. С одной стороны, за стойкой сидели несколько человек, еще несколько играли в бильярд, но его среди них не было.

Я снова засомневался. Если его идея состояла в том, чтобы увлечь меня в какую-нибудь глухую часть заведения — в дальнем конце было несколько полуоткрытых дверей, — то мне требовалась дополнительная поддержка. Я подошел к мужчине за барной стойкой.

— Вы не знаете, куда делся парень, только что вошедший сюда?

Он сразу насторожился или мне показалось.

— Какой парень?

— Худощавое лицо, котелок на голове...

— И когда он вошел?

— Несколько секунд назад.

Он снова покачал головой.

— Я никого не видел, — ответил он.

Я остался ждать. Трое мужчин снаружи вошли и встали рядом со мной у стойки. Я чувствовал, что они смотрят на меня как-то странно. Чувствуя себя беспомощным и все более встревоженным, я неожиданно повернулся и вышел на улицу. Пройдя немного вниз по улице, я обернулся и хорошенько осмотрел это место, чтобы запомнить его и найти в следующий раз. На следующем углу я импульсивно перешел на бег, взял такси перед отелем и поехал обратно на холм.

* * *

Эллен не было дома. Миссис Бейкер спустилась вниз и поговорила со мной. Она казалась совершенно жизнерадостной и гордилась красотой Эллен, не подозревая ни о чем неладном, ни о том, что прошлой ночью произошло что-то необычное. Она была рада, что каникулы почти закончились, — это было напряженное время, а Эллен была довольно хрупкой. Затем она сказала нечто такое, от чего у меня сразу отлегло от сердца. Она была рада, что я пришел, потому что Эллен хотела увидаться со мной. Так как дни были короткие, она собиралась вернуться в половине девятого вечера.

— Сегодня вечером! — воскликнул я. — Я думал, это будет послезавтра.

— Она собирается навестить Брокоу в Чикаго, — сказала миссис Бейкер. — Они хотят пойти с ней на какую-то грандиозную вечеринку. Мы только сегодня это решили и она уезжает с девочками Ингерсолл сегодня вечером.

Я был так рад, что едва удержался, чтобы не пожать ей руку. Эллен была в безопасности. Все ранее происшедшее было не более чем случайным приключением. Я чувствовал себя идиотом, но зато понял, как сильно мне дорога Эллен и что я не смогу вынести, если с ней случится что-то ужасное.

— Она скоро придет?

— С минуты на минуту. Она только что звонила из Университетского клуба.

Я сказал, что зайду позже — я жил почти по соседству и мне захотелось побыть одному. Выйдя на улицу, я вспомнил, что у меня нет ключа от калитки, и стал подниматься по дорожке у дома Бейкеров, которой мы пользовались в детстве, чтобы пройти через соседний двор. Снег все еще шел, но в темноте хлопья казались крупнее, и, пытаясь найти засыпанную дорожку, я заметил, что задняя дверь Бейкеров приоткрыта.

Я не знаю, почему я повернулся и пошел на кухню. Было время, когда я знал слуг Бейкеров по именам. Теперь это было не так, но они знали меня, и я почувствовал, как внезапно прервался разговор — не только прервался, но и исчезло какое-то ощущение или чувство ожидания, переполнявшее их. Все трое кинулись за работу, делали ненужные движения и сильно шумели. Горничная испуганно посмотрела на меня, и я вдруг догадался, что она ждет очередной записки. Я позвал ее в кладовку.

— Я все знаю, — сказал я. — Это очень серьезное дело. Мне сейчас пойти к миссис Бейкер или вы сами закроете и запрете заднюю дверь?

— Мистер Стинсон, только не говорите миссис Бейкер, пожалуйста!

— Тогда запомните — я не хочу, чтобы кто-то беспокоил мисс Эллен. Если это будет продолжаться, а я все равно об этом узнаю...

Тут я выдал какую-то страшную тираду о том, что обойду все агентства по трудоустройству и прослежу, чтобы она никогда не нашла никакой работы

в городе. Когда я вышел, она была основательно напугана — не прошло и секунды, как задняя дверь за мной закрылась на засов.

Одновременно я услышал, как к дому подъехала большая машина, цепи на колесах закрипели по мягкому снегу — это привезли Эллен домой, и я пошел попрощаться.

Джо Джелке и еще двое парней шли рядом, и никто из троих не мог оторвать от нее глаз, даже чтобы поздороваться со мной. У нее была кожа одного из самых изысканных оттенков розового, которые часто встречаются в наших краях, и она будет прекрасна примерно до сорока лет, пока маленькие сосудики не начнут лопаться. Сейчас, раскрасневшаяся от холода, она представляла собой буйство прелестных нежных розовых оттенков, как у букета гвоздик. Они с Джо пришли к какому-то примирению, или, по крайней мере, он был слишком влюблен, чтобы помнить о прошлой ночи; но я заметил, что, хотя она много смеялась, на самом деле она не обращала никакого внимания ни на него, ни на кого-либо другого. Она хотела, чтобы они ушли, чтобы из кухни пришло послание, но я знал, что его не будет, что она в безопасности. Зашел разговор о танцах в Нью-Хейвене и о Принстонском бале, а потом мы четверо ушли и быстро разошлись по своим делам. Я вернулся домой в некотором подавленном настроении и час пролежал в горячей ванне, думая о том, что каникулы для меня закончились, что она уехала; чувствуя еще сильнее, чем вчера, что она уходит из моей жизни.

И что-то еще ускользало от меня, какое-то дело, о котором я забыл в водовороте дня. У меня оно смутно ассоциировалось с миссис Бейкер, и теперь я, кажется, припоминаю, что оно всплыло где-то в процессе разговора с ней. Успокоившись по поводу Эллен, я забыл задать ей уточняющий вопрос о ее намерениях.

Брокоу — вот что это было, — семья, куда Эллен собиралась поехать в гости. Я хорошо знал Билла Брокоу; он учился со мной в Йеле. Потом я вспомнил и резко сел в ванне — Брокоу на это Рождество были не в Чикаго, они отправились в Палм-Бич!

Я выскочил из ванны, накинул на плечи костюм «Юнион» и бросился к телефону в своей комнате. Я быстро дозвонился до мисс Эллен, но она уже отправилась на поезд.

К счастью, наша машина была на месте, и пока я, все еще мокрый, натягивал на себя одежду, шофер подогнал ее к двери. Ночь была холодной и спокойной, и мы быстро домчались до станции по твердому, покрытому коркой снегу. Я чувствовал себя странно и неуверенно, начиная этот путь, но почему-то стал увереннее, когда на темном фоне показался ярко освещенный вокзал. В течение пятидесяти лет моя семья владела землей, на которой он был построен, и от этого моя уверенность казалась вполне объяснимой. Всегда существовала вероятность того, что я спешу туда, куда ангелы боятся и ступать, но это чувство надежной опоры в прошлом позволяло мне действовать безрассудно. Все это было неправильно, ужасно непра-

вильно. Всякая мысль, которая у меня была о том, что это безобидно, отпала сама собой, между Эллен и какой-то смутной катастрофой стоял я или же полиция и скандал. Я не моралист — здесь был еще один объект, темный и пугающий, и я не хотел, чтобы Эллен встретила его в одиночку.

Из Сент-Пола в Чикаго ходят три конкурирующих поезда, и все они отправляются в течение нескольких минут после половины восьмого. Ее поезд был «Берлингтон», и, пробегая через станцию, я увидел, как задвигается решетка и гаснет свет на перроне. Однако я знал, что она ехала в купе с Ингерсоллами, ее мать упоминала об этом в нашем разговоре, так что до завтра она была в безопасности.

Я кинулся на поезд С., М. & St. Р., на который еще успевал. Однако я забыл про одну вещь, и этого было достаточно, чтобы я не спал полночи — этот поезд прибывает в Чикаго на десять минут позже поезда Эллен, и у нее будет достаточно времени, чтобы раствориться в одном из крупнейших мегаполисов мира.

Я дал носильщику телеграмму, чтобы он отправил ее моей семье, и в восемь часов следующего утра я яростно протиснулся сквозь целую вереницу пассажиров, которые с шумом перешагивали через свои сумки, оставленные в проходе, выскочил из вагона, перемахнув через спину носильщика. На мгновение суматоха огромной станции, громкие звуки, эхо и перекрестные перезвоны перронных колоколов ошеломили меня своей безграничностью. Затем я бросился к выходу — к единственному известному мне способу найти Эллен.

Я угадал правильно. Она стояла у телеграфной стойки, посылая Бог знает какую грязную ложь своей матери, и на ее лице, когда она увидела меня, отразилось что-то вроде ужаса, смешанного с удивлением. Но в этом и заключалась ее хитрость. Она быстро соображала — ей хотелось исчезнуть, словно меня и не было, и заняться своими делами, но она не могла. Я был слишком важен в ее жизни. Так мы и стояли, молча глядя друг на друга и напряженно размышляя.

— Брокоу во Флориде, — сказал я через минуту.

— Было мило с твоей стороны, что ты проделал такой долгий путь, чтобы просто сообщить мне об этом.

— Раз уж ты узнала про это, может, тогда тебе лучше продолжить обучение?

— Пожалуйста, оставь меня в покое, Эдди, — сказала она.

— Я поеду с тобой до самого Нью-Йорка. Я сам решил вернуться немного пораньше.

— Тебе лучше оставить меня в покое.

Ее прекрасные глаза сузились, а на лице появилось выражение тупого и упорного сопротивления. Она сделала видимое усилие, хитрость вернулась на ее лицо, затем и то, и другое исчезло, а вместо них появилась веселая ободряющая улыбка, которая почти убедила меня.

— Эдди, глупый ты ребенок, тебе не кажется, что я уже достаточно взрослая, чтобы позаботиться о себе? — Я не ответил. — Я собираюсь встретиться с одним человеком, ты же это понимаешь? Я просто хочу увидеть его сегодня. У меня есть билет на Восток на пятичасовой поезд. Если ты мне не веришь, то вот он, в моей сумке.

— Я верю тебе.

— Ты не знаешь этого человека, и, честно говоря, я думаю, что ты ведешь себя ужасно глупо и непозволительно.

— Я знаю, кто он.

Она снова потеряла контроль над выражением своих эмоций. На лице появилось грозное выражение, и она заговорила почти язвительно:

— Тебе лучше оставить меня в покое.

Я выхватил у нее из рук бланк и написал объяснительную телеграмму ее матери. Затем я повернулся к Эллен и сказал немного грубо:

— Мы вместе поедем пятичасовым поездом на Восток. А пока ты проведешь остаток дня со мной.

Звук моего собственного голоса, произнесшего это так решительно, ободрил меня, и я думаю, что это произвело впечатление и на нее, во всяком случае, она подчинилась — по крайней мере, временно — и без всяких протестов последовала за мной, пока я покупал себе билет.

Когда я начинаю собирать воедино фрагменты того дня, начинается какая-то путаница, как будто память не хочет ничего отдавать, а сознание ничего не пропускает. Было ясное, сияющее утро, когда мы взяли такси и заехали в универмаг, где Эллен сказала, что хочет что-то купить, а потом попыталась ускользнуть от меня через черный ход. В такси, в течение часа у меня было ощущение, что кто-то едет за нами по Лейк Шор Драйв, и я пытался поймать его, быстро поворачиваясь или внезапно глядя в зеркало шофера; но сзади никого не было. Когда я посмотрел на Эллен, то увидел, что ее лицо искажено беспричинной и неприятной усмешкой.

Все утро с озера дул сырой, промозглый ветер, но, когда мы отправились в «Блэкстоун» пообедать, за окнами пошел легкий снежок, и мы почти неприужденно разговаривали о наших друзьях и о всяких пустяках. Внезапно ее тон изменился, она стала серьезной и посмотрела мне в глаза прямо и искренне.

— Эдди, ты мой старый добрый друг, — сказала она, — и тебе не должно быть слишком трудно поверить мне. Если я под честное слово пообещаю тебе успеть на пятичасовой поезд, ты оставишь меня в покое на несколько часов после обеда?

— Зачем?

— Что ж, — она заколебалась и слегка опустила голову, — Я думаю, у каждого есть право попроситься.

— Ты хочешь попроситься с этим...

— Да, да, — поспешно сказала она. — Всего несколько часов, Эдди, и я честно обещаю, что буду в том поезде.

— Ну, я полагаю, что за два часа ничего страшного не случится. Если ты действительно хочешь попрощаться...

Я вдруг поднял глаза и удивился такому коварному и хитрому выражению ее лица, что вздрогнул. Ее губы были поджаты, а глаза снова превратились в щелочки, на всем ее лице не было ни малейшего намека на честность и искренность.

Мы поссорились. С ее стороны доводы были туманными, а с моей — несколько жесткими и немногословными. Я не собирался поддаваться на уговоры и проявлять слабость или тем более заражаться — воздух вокруг был инфицирован злом. Она все время пыталась внушить, не имея никаких убедительных доводов, что все в порядке. И все же она была слишком поглощена самим делом — чем бы оно ни было, — чтобы сочинить настоящую историю, и ей хотелось ухватиться за любую лежковерную и согласную мысль, которая могла зародиться в моей голове, и отработать ее на полную катушку. После каждого высказанного ею убедительного предложения она с нетерпением смотрела на меня, словно надеясь, что я начну читать удобную нравоучительную лекцию с привычной поблажкой в конце, которая в данном случае будет означать ее свободу. Понемногу я начал ее утомлять. Два или три раза я думал, что стоит лишь слегка надавить и она расплчется, чего я, конечно, и добивался, но мне это никак не удавалось. Я почти завладел ее вниманием — то есть ее внутренним состоянием, — но она все равно ускользала.

Около четырех часов я бесцеремонно затолкал ее в такси, и мы поехали на вокзал. Ветер снова был пронизывающим, со снегом, и люди на улицах, ожидавшие автобусов и трамваев, слишком маленьких, чтобы вместить их всех, выглядели замерзшими, озабоченными и несчастными. Я пытался думать о том, как нам повезло, что мы живем в достатке и о нас заботятся, но весь теплый, респектабельный мир, частью которого я был вчера, улетучился из моей головы. Теперь мы несли с собой нечто такое, что было врагом и противоположностью всему этому, оно было в такси, рядом с нами, на улицах, по которым мы проезжали. С легкой паникой я задался вопросом, не становлюсь ли я незаметно похожим на Эллен. Пассажиры, ожидающие посадки в поезд, были так же далеки от меня, как люди из иного мира, но именно я отдалялся и оставлял их позади.

Я ехал в одном вагоне с ней. Это был старомодный вагон, с тусклым освещением, коврами и обивкой, покрытыми пылью многих поколений. Там было еще с полдюжины пассажиров, но они не произвели на меня особого впечатления, разве что разделяли ту нереальность, которую я начинал ощущать повсюду вокруг себя. Мы вошли в купе Эллен, закрыли дверь и сели.

Внезапно я обнял ее и притянул к себе так нежно, как только умел, как будто она была маленькой девочкой, какой она и являлась на самом деле. Она немного сопротивлялась, но через мгновение подчинилась и лежала безвольная и неподвижная в моих объятиях.

— Эллен, — беспомощно сказал я, — ты просила меня доверять тебе. Но у тебя гораздо больше причин доверять мне. Возможно, если ты мне немного расскажешь, то я смогу на самом деле помочь тебе.

— Я не могу, — сказала она очень тихо. — Я имею в виду, что мне нечего рассказывать.

— Ты встретила этого человека в поезде, возвращаясь домой, и влюбилась в него, так?

— Я не знаю.

— Скажи мне, Эллен. Ты влюбилась в него?

— Я не знаю. Пожалуйста, оставь меня в покое.

— Называй это как угодно, — продолжал я, — но он имеет над тобой какую-то власть. Он пытается использовать тебя и что-то получить. Но он совершенно не любит тебя.

— Какое это имеет значение? — произнесла она слабым голосом.

— Это имеет значение. Вместо того чтобы пытаться бороться с этим, ты пытаешься бороться со мной. А я люблю тебя, Эллен. Ты слышишь меня? Я говорю тебе это ни с того ни с сего, но для меня это не ново. Я люблю тебя!

Она посмотрела на меня с усмешкой на своем нежном лице, это было выражение, которое я видел у мужчин, которым было привольно, и они не хотели, чтобы их возвращали домой. Я был для нее где-то далеко, на периферии, хотя и намного ближе, чем до этого.

— Эллен, я хочу, чтобы ты ответила мне на один вопрос. Он в этом поезде?

Она замялась, затем, немного подумав, утвердительно кивнула головой.

— Будь осторожна, Эллен. Теперь я спрошу тебя еще об одном, и я хочу, чтобы ты ответила честно. Когда этот человек сел в поезд?

— Я не знаю, — сказала она с усилием.

Как раз в этот момент я осознал со всей очевидностью, что он находится прямо за дверью. Она тоже это поняла, кровь отхлынула от ее лица, и к ней вернулось выражение животной пронизательности. Я закрыл лицо руками и попытался собраться с мыслями.

Мы просидели так, не говоря ни слова, наверное, больше часа. Я чувствовал, как мимо проносятся огни Чикаго, затем Энглвуда и бесконечных пригородов, а потом огней больше не стало, и мы оказались на темной равнине Иллинойса. Поезд, казалось, втягивался сам в себя, создавалось впечатление, что мир вокруг исчез и мы несемся в одиночестве. В дверь постучал носильщик, спросил, можно ли убрать багаж, но я отказался, и он ушел.

Через некоторое время я убедил себя, что схватка с тем человеком неизбежна и не выходит за рамки того, что осталось от моего здравомыслия, от моей веры в безусловную доброту отношений и людей. То, что цель этого человека была, так сказать «преступной», я принимал как должное, но приписывать ему интеллект, относящийся к более высокому уровню человеческих или нечеловеческих устремлений, не было никакой необходимости. Я все еще рассматривал его, как человека и пытался проникнуть

в его сущность, в его корыстные интересы, но, полагаю, я примерно знал, что обнаружу, когда открою дверь.

Когда я встал, Эллен, казалось, совсем не заметила этого. Она сидела, сгорбившись в углу и уставившись прямо перед собой с какой-то пеленой на глазах, как будто находилась в заторможенном состоянии тела и сознания. Я уложил ее, подложил под голову две подушки и набросил на колени свою шубу. Потом опустился рядом с ней на колени, поцеловал обе ее руки, открыл дверь и вышел в коридор.

Прикрыв за собой дверь, я с минуту постоял, прислонившись к ней спиной. В вагоне было темно, если не считать лампочек по концам коридора. Не было слышно никакого постороннего звука, кроме поскрипывания сцепок, равномерного постукивания рельсов и чьего-то громкого храпенья в дальнем конце вагона. Через мгновение я осознал, что у кулера с водой, расположенного рядом с мужской курительной комнатой, стоит человек, на голове у него котелок, воротник пальто поднят, как будто ему холодно, руки в карманах. Когда я увидел его, он повернулся и удалился в курительную комнату, а я последовал за ним. Он сидел в дальнем углу длинной кожаной скамьи, я занял единственное место у двери.

Войдя, я кивнул ему, в ответ он усмехнулся своим ужасным беззвучным смешком. Но на этот раз смешок был продолжительным, казалось, что он будет продолжаться вечно, и, чтобы прервать его, я спросил:

— Откуда ты? — Пытаясь придать своему голосу непринужденность.

Он перестал усмехаться и пристально посмотрел на меня, пытаясь понять, что я затеял. Когда он ответил, его голос звучал приглушенно, как будто он говорил через шелковый шарф, и казалось, что он доносится издалека.

— Я из Сент-Пола, Джек.

— Ты едешь домой?

Он кивнул. Затем он глубоко вздохнул и заговорил жестким, угрожающим голосом:

— Тебе лучше сойти в Форт-Уэйне, Джек.

И тут я понял — он был мертв. Он был мертв, как чертов ад — он был мертв все это время, но сила, которая текла через него, как кровь по венам, до Сент-Пола и обратно, теперь покидала его. Сквозь осязаемую фигуру, сбившую с ног Джо Джелка, проступали новые очертания — очертания его смерти.

Он заговорил снова, с каким-то надрывом:

— Ты сойдешь в Форт-Уэйне, Джек, или я сотру тебя с лица земли, — он сунул руку в карман пальто, и я увидел очертания револьвера.

Я покачал головой.

— Ты ничего мне не сделаешь, — ответил я. — Видишь, я знаю.

Его ужасные глаза быстро скользнули по мне, пытаясь определить, знаю я или нет. Затем он рыкнул и сделал вид, что собирается вскочить на ноги.

— Вылезай из поезда, или я завалю тебя, Джек! — хрипло крикнул он.

Поезд остановился в Форт-Уэйне, и его голос громко прозвучал в наступившей тишине, но он не двинулся с места — я думаю, он был слишком слаб, — и мы сидели, уставившись друг на друга, пока путейцы ходили взад и вперед за окном, стуча по тормозам и колесам, а впереди слышались протяжные и заунывные гудки паровоза. В наш вагон никто не сел. Через некоторое время носильщик закрыл дверь тамбура и прошел обратно по коридору, а мы выскользнули из тусклых желтоватых огней вокзала в крошечную тьму.

То, что я помню дальше, должно быть, растянулось на пять или шесть часов, хотя вспоминается мне как нечто несуществующее во времени, — что-то, что могло занять пять минут или год. Началась медленная, точно рассчитанная атака на меня, бессловесная и ужасная, я почувствовал то, что я могу назвать какой-то странностью, охватившей меня — подобной той странности, которую я чувствовал весь день, но более глубокой и более напряженной. Это не было похоже ни на что, кроме ощущения, что я ухожу в себя, и я судорожно вцепился в ручки кресла, пытаюсь ухватиться за какую-то частичку живого мира. Иногда я чувствовал, что стремительно ухожу в себя. В этом было почти теплое облегчение, ощущение безразличия, а потом усилием воли я втягивал себя обратно в комнату.

Внезапно я осознал, что некоторое время назад перестал ненавидеть его, перестал чувствовать его совершенно чужим, и от осознания этого я похолодел, а на голове выступил пот. Он преодолевал мое отвращение, как он преодолел Эллен, ехавшую на Запад в этом поезде, и именно та сила, которую он черпал, охотясь на людей, довела его до точки беспричинного насилия в Сент-Поле, и которая, угасая и мерцая, все еще заставляла его бороться здесь.

Должно быть, он заметил, как дрогнуло мое сердце, потому что сразу же заговорил тихим, ровным, почти нежным голосом:

— Тебе лучше уйти сейчас.

— Я никуда не пойду, — заставил я себя сказать.

— Поступай как знаешь, Джек.

Он подразумевал, что стал моим другом. Он знал, каково мне было, и хотел помочь. Он пожалел меня. Мне лучше уйти, пока не стало слишком поздно. Ритм его атак был успокаивающим, как песня: «Мне лучше уйти — и позволить ему добраться до Эллен». С легким вскриком я резко поднялся на ноги.

— Чего ты хочешь от этой девушки? — спросил я дрожащим голосом. — Сделать из нее что-то вроде ходячей преисподней?

В его взгляде читалось немое удивление, как будто я наказывал животное за проступок, которого оно не осознавало. На мгновение я замешкался, а затем слепо продолжил:

— Ты потерял ее, она доверилась мне.

Его лицо внезапно потемнело от злости, и он крикнул, голосом, похожим на холодные руки:

— Ты лжец!

— Она доверяет мне, — сказал я. — Ты не посмеешь ее тронуть. Она в безопасности!

Он держал себя в руках. Его лицо стало безучастным, и я почувствовал, как во мне снова зарождаются эта странная слабость и безразличие. Какой был смысл во всем этом? Какой был прок в этом?

— У тебя осталось мало времени, — заставил я себя сказать, а затем, повинаясь внезапному порыву интуиции, выложил всю правду. — Ты умер или тебя убили, где-то здесь!

И тут я увидел то, чего не видел раньше: на его лбу было проделано маленькое круглое отверстие, какое оставляет гвоздь для большой картины, когда его выдергивают из гипсовой стены.

— А теперь ты исчезаешь. У тебя осталось всего несколько часов. Поездка домой завершена!

Его лицо исказилось, утратив всякое подобие человечности, живой или мертвой. Одновременно в комнату ворвался холодный воздух, и с шумом, который был чем-то средним между приступом кашля и взрывом ужасного смеха, он вскочил на ноги, от него разило страхом и безумием.

— Подойди и посмотри! — крикнул он. — Я покажу тебе...

Он сделал шаг ко мне, потом еще один, и тут же за его спиной словно распахнулась дверь, ведущая в немыслимую бездну мрака и тлена. Раздался крик смертельной агонии, то ли от него самого, то ли откуда-то сзади, и вдруг силы покинули его в долгом хриплом вздохе, и он обмяк на полу...

Не знаю, как долго я просидел там, оцепенев от ужаса и изнеможения. Следующее, что я помню, — это сонный носильщик, чистящий ботинки напротив меня, а за окном — пылающие огни Питтсбурга, нарушающие открывающуюся равнинную картину. На скамье что-то вытянулось, но по мере того, как я воспринимал это, оно стало исчезать.

Несколько минут спустя я открыл дверь купе Эллен. Она спала там, где я ее оставил. Ее прелестные щеки были белоснежными и осунувшимися, но она лежала естественно — ее руки были расслаблены, а дыхание ровное и чистое. То, что владело Эллен, покинуло ее, оставив измученной, но снова ставшей самой собой.

Я уложил ее немного поудобнее, подоткнул вокруг нее одеяло, погасил свет и вышел.

III

Когда я вернулся домой на пасхальные каникулы, чуть ли не первым делом отправился в бильярдную неподалеку от Севен-Корнерс. Мужчина за кассовым аппаратом, вполне естественно, не помнил моего визита трехмесячной давности.

— Я хочу найти одного человека, который, кажется, часто бывал здесь раньше.

Я довольно точно описал его, и когда я закончил, кассир сказал маленькому, похожему на жокея парню, который сидел рядом с таким видом, словно ему нужно было сделать что-то очень важное, но он никак не мог вспомнить, что.

— Эй, Коротышка, поговори с этим парнем, ладно? Думаю, он ищет Джо Варланда.

Маленький человечек бросил на меня взгляд, полный подозрения. Я пододвинулся к нему.

— Джо Варланд мертв, приятель, — неохотно сказал он. — Он умер прошлой зимой.

Я снова описал его — его пальто, его смех, выражение его глаз.

— Это точно Джо Варланд, но он мертв.

— Я хочу кое-что узнать о нем.

— Что именно?

— Например, чем он занимался?

— Откуда мне знать?

— Посмотри на меня! Я не полицейский. Мне просто нужна любая информация о его привычках. Он уже мертв, и это ему не повредит, да и мне тоже.

— Ну, — он заколебался, оглядывая меня, — он был большим любителем путешествий. Он подрался на вокзале в Питтсбурге, и какой-то урод пристрелил его.

Я кивнул. В моей голове начали складываться разрозненные кусочки головоломки.

— Почему он часто ездил на поездах?

— Откуда мне знать, приятель?

— Смотри — вот десять долларов, и они будут твои, если расскажешь все, что знаешь о нем.

— Ну, — неохотно сказал Коротышка, — все, что я знаю, это то, что раньше говорили, что он работал на поездах.

— Работал на поездах?

— У него была какая-то уловка, он легко знакомился с девушками, путешествовавшими в одиночку в поездах. Никто никогда особо об этом не знал — он был довольно скрытным парнем, — но иногда он появлялся здесь с кучей бабок и давал понять, что получил их от доверчивых девушек.

Я поблагодарил его, дал ему десять долларов и вышел, очень задумчивый, не упомянув о том, что какая-то часть Джо Варланда совершила последнее путешествие домой.

Эллен не было на Западе на Пасху, и даже если бы она была, я бы все равно не пошел к ней с этой информацией — по крайней мере, этим летом я видел ее почти каждый день, и мы успели поговорить обо всем остальном, но об этом

я не сказал ни слова. Иногда, однако, она молчит по пустякам и хочет быть рядом со мной, и я знаю, что у нее на уме.

Она оканчивает обучение этой осенью, и у меня впереди еще два года в Нью-Хейвене. Тем не менее, все уже не выглядит таким невозможным, как несколько месяцев назад. В каком-то смысле она принадлежит мне — даже если я потеряю ее, она будет принадлежать мне. Кто знает? В любом случае, я всегда буду рядом.

ЛЮБИТЕЛИ ПЛАВАНИЯ

I

На площади Бенуа июньское солнце медленно прогрело взвесь бензиновых выхлопов. Это было ужасно, потому что она в отличие от чистого воздуха не сулила спасения, а предлагала лишь задыхаться от изнуряющей астмы. В офисе парижского отделения «Вексельной трастовой компании», выходящем окнами на площадь, тридцатипятилетний американец вдохнул эту взвесь, и ее «аромат» напомнил ему о предстоящем деле. На него вдруг нахлынул животный страх, он поднялся в умывальную комнату, где остановился, слегка вздрагивая, прямо за дверью.

Через окно этой комнаты он видел вывеску «1000 рубашек». Рубашки, о которых шла речь, заполняли всю витрину, сложенные стопками, перевязанные галстуками и с небрежным изяществом разложенные снизу витрины. 1000 рубашек — поди сосчитай их! Слева он увидел еще вывески: «Канцтовары», «Кондитерская», «Рекламное агентство», «Констанс Талмадж» и «Кафе де Солей». Его взгляд скользнул вправо и наткнулся на более мрачные объявления: «Церковная одежда», «Заявления о смерти» и «Похоронное агентство». Жизнь и смерть.

Беспокойство Генри Марстона перешло в дрожь. Было бы приятно, если бы это был конец и на этом все закончится, подумал он и с некоторой надеждой опустился на табурет. Но на самом деле конец редко бывает таким, и через некоторое время, когда он перестал думать о предстоящем деле, дрожь прекратилась, и ему стало лучше. Спустившись вниз, с таким же бодрым и уверенным в себе видом, как и любой другой сотрудник банка, он поговорил с двумя постоянными клиентами и уселся за стол, утробно ожидая обеденного перерыва.

— А вот и Генри Клей Марстон!

Красивый пожилой мужчина пожал ему руку и расположился за его столом напротив.

— Генри, мне надо с тобой встретиться и обсудить вчерашний разговор. Как насчет обеда? В том зеленом ресторанчике, окруженном деревьями.

— Не могу, мистер Уотербери, у меня назначена встреча.

— Тогда давай обсудим это прямо сейчас, потому что сегодня днем я уезжаю. Сколько же эти плутократы тебе платят, что ты выглядишь таким важным?

Генри Марстон знал, что за этим последует.

— Десять тысяч и премиальные, — ответил он.

— Как бы ты отнесся к тому, чтобы вернуться в Ричмонд и получать вдвое большую сумму? Ты здесь уже восемь лет и не представляешь, какие возможности упускаешь там. Почему оба малыша...

Генри слушал с любопытством, но в это утро он никак не мог сосредоточиться на разговоре. Он туманно говорил о том, что в Париже ему живется комфортнее и еле сдерживался от того, чтобы откровенно высказать свое мнение о жизни в Америке.

Мистер Уотербери подозвал высокого худощавого парня, стоявшего у почтового столика.

— Это мистер Визе, — сказал он. — Мистер Визе родом с Юга, он мой партнер.

— Рад познакомиться с вами, сэр, — мистер Визе намеренно использовал южный говор. — Вы хоть понимаете, сколь выгодное предложение делает вам мистер Уотербери?

— Да, — коротко ответил Генри.

Он знал и ненавидел такой тип людей — преуспевающий бизнесмен-эксплуататор, предположительно плод любви «северянина» и белой голодранки с Юга. Когда Визе отошел, Уотербери извиняющимся тоном сообщил:

— Он один из богатейших людей Юга, Генри. — Затем, после паузы добавил: — Возвращайся домой, мой мальчик.

— Я подумаю над этим.

На мгновение седая и обрюзгшая голова показалась ему добродушной, но затем она снова превратилась в нечто одномерное, механическое, безвкусное и по-неевропейски мрачное. Генри Марстон уважал эту открытую доброжелательность — в банке он соприкасался с ней с ежедневной благодарностью, как хранитель в музее прикасается к драгоценному предмету из далекого времени и места, но ему это совершенно не помогало. На вопросы, которые жизнь ставила перед Генри Марстоном, можно было ответить только здесь, во Франции. Каждый день, когда он возвращался домой, за его спиной непременно «шагали» семь поколений его предков из Вирджинии.

Домом ему служили прекрасные апартаменты с высокими потолками, устроенные прямо во дворце кардинала эпохи Возрождения на улице Месье, — позволить такое в Америке он себе не мог. Шупетт, обладавшая художественным чутьем, превосходившим традиционный французский буржуазный стиль, сделала их великолепными, и они переехали туда вместе с детьми. Она была хрупкой романской блондинкой с тонкими правильными чертами лица и живыми печальными глазами француженки, которые

впервые очаровали Генри в пансионе Гренобля в 1918 году. Оба их мальчика позаимствовали внешность у Генри, признанного самым красивым студентом в Университете Вирджинии за несколько лет до войны.

Поднявшись по двум широким лестничным пролетам, Генри, тяжело дыша, на мгновение задержался в холле. Здесь было тихо и прохладно, и все же это смутно напоминало о том кошмаре, который вот-вот должен был начаться. Он услышал, как часы в его квартире пробили час, и вставил ключ в дверной замок.

Горничная, прослужившая в семье Шупетт тридцать лет, стояла перед ним, приоткрыв рот в укоризненном вздохе.

— Бонжур, Луиза.

— Месье?! — Он бросил свою шляпу на стул. — Но, месье... Мне показалось, что месье сказал по телефону, что поедет в Тур за детьми!

— Я передумал, Луиза.

Он сделал шаг вперед, и его последние сомнения растаяли при виде искаженного ужасом лица женщины.

— Мадам дома?

Одновременно он заметил на столике мужскую шляпу, а в прихожей трость и впервые в своей жизни услышал тишину — тягучую и звенящую тишину, подавляющую, как выстрелы из тяжелого орудия или гром. Затем, когда бесконечную тишину разорвал испуганный вскрик горничной, он протиснулся через портьеры в соседнюю комнату.

Час спустя доктор Дерокко, декан медицинского факультета, позвонил в дверь апартаментов. Шупетт Марстон с немного осунувшимся и напряженным лицом открыла дверь. Они перекинулись несколькими дежурными фразами на французском, а затем она лаконично произнесла:

— Мой муж уже несколько недель плохо себя чувствовал. Но он особо не жаловался, и я об этом не задумывалась. Но сегодня он внезапно упал без сознания и сейчас не может ни говорить, ни двигать конечностями. Все это, я должна сказать, возможно вызвано некоторой моей неосмотрительностью — произошла бурная сцена, так сказать «скандальная дискуссия», а когда мой муж взволнован, он плохо понимает по-французски.

— Мне надо его видеть, — сказал доктор, подумав: «Некоторые вещи понятны на всех языках».

В течение последующих четырех недель нескольким людям приходилось выслушивать его странные речи о тысяче рубашек, о том, как все население Парижа пропитывается бензиновыми выхлопами. Это были — психиатр-консультант, не склонный верить в наличие каких-либо фундаментальных психических расстройств, медсестра из американской больницы и Шупетт, испуганная, неуверенная и, как ей самой казалось, глубоко раскаявшаяся. Месяц спустя, когда Генри проснулся в своей комнате, освещенной приглушенной лампой, он обнаружил, что она сидит рядом с его кроватью, и протянул к ней руку.

*Это были — психиатр-консультант, не склонный верить
в наличие каких-либо фундаментальных психических расстройств,
медсестра из американской больницы
и Шупетт, испуганная, неуверенная
и, как ей самой казалось, глубоко раскаявшаяся.*

— Я все еще люблю тебя, — признался он, — и это странно.

— Спи, дорогой.

— При любом раскладе, — продолжал он с некоторой слабой иронией, — ты можешь рассчитывать на то, что я буду придерживаться принятых здесь норм и...

— Пожалуйста, не начинай! Тырываешь мне сердце.

Когда он сел в постели, они снова были близко друг к другу, ближе, чем в последние месяцы.

— Теперь у вас будут еще одни каникулы, — объявил Генри сыновьям, вернувшимся из деревни. — Папа отправляется на побережье до полного выздоровления.

— А мы будем там плавать?

— Чтобы утонуть, мои мальчики? — воскликнула Шупетт. — Плавать в вашем-то возрасте? Нет и нет!

Так что в Сен-Жан-де-Люз они просто сидели на берегу и смотрели, как англичане, американцы и несколько особо отважных французов плавали между плотом с вышкой для прыжков в воду, моторной лодкой и песчаным берегом. Мимо проплывали корабли; вдали виднелись яркие острова, на которые интересно было смотреть, горы, простирающиеся в ледяные просторы, красные и желтые виллы, называемые Флер-де-Буа, Мон-Нид или Сан-Суси; а еще дальше были видны изнуренные французские деревушки из испещренного цемента и серого камня.

Шупетт сидела рядом с Генри и держала в руках зонтик, чтобы защитить свою персиковую кожу от солнца.

— Смотри! — сказала она при виде загорелых американских девушек. — Разве это нормально, так загорать на солнце? Кожа в тридцать превратится в своего рода коричневую вуаль, скрывающую все недостатки, и все будут выглядеть одинаково. А эти стокилограммовые женщины в своих несуразных купальниках? Разве одежда не предназначена для того, чтобы скрывать ошибки природы?

Генри Клей Марстон был вирджинцем из тех, кто больше гордится тем, что он вирджинец, и только потом, что американец. Это могучее слово, впервые зазвучавшее на другом континенте, значило для него не меньше, чем память о деде, который освободил своих рабов в 58-м, сражался от Манассаса до Аппоматтокса, считал Хаксли и Спенсера легким чтивом и признавал расовые различия только тогда, когда они выражали лучшие качества человечества.

Для Шупетт все эти отвлеченные размышления были чем-то неясным и туманным. Сейчас ее больше интересовала практическая сторона критики американских женщин.

— Как их вообще можно различить? — воскликнула она. — Знатные дамы, буржуа, авантюристки — все они выглядят одинаково. Только подумать! Где бы я была, если бы попыталась вести себя как твоя подруга, мадам де Ришпен? Мой отец был профессором в провинциальном университете, и определенные поступки я не совершу никогда, потому что они не угодны моему сословию, моей семье. У мадам де Ришпен свой взгляд на вещи, но она тоже не станет совершать поступки вопреки своему сословию, своей семье.

Внезапно она указала на американскую девушку, заходящую в воду:

— Эта юная леди — должно быть, стенографистка и при этом одевается и ведет себя так, как будто у нее есть все деньги мира.

— Возможно, когда-нибудь так и будет.

— Эти сказки, которые им рассказывают, случаются только с одной из ста. Вот поэтому все американские девушки старше тридцати недовольны и несчастливы.

Хотя Генри в целом был согласен с ней, но его не мог не позабавить выбор цели, сделанный сейчас Шупетт. Девушка — ей было, наверное, лет восемнад-

цать — явно вела себя не как все. Она была из тех, кого его отец назвал бы настоящей аристократкой. Миловидное, задумчивое лицо, красивое только из-за неудержимой решимости идеальных черт быть узнаваемыми; такое лицо вполне могло бы обойтись без них и не утратило бы своей уравновешенности и утонченности.

В своей грации, одновременно изысканной и жизнестойкой, она являла собой тот совершенный тип американской девушки, который заставляет задуматься, не приносится ли мужчина ей в жертву, подобно тому, как в прошлом веке в Англии низшие слои населения были принесены в жертву для создания правящего класса.

У двух молодых парней, вышедших из воды перед ней, были широкие плечи и пустые лица. Она улыбнулась им, но это было не больше, чем они заслуживали, — так должно быть до тех пор, пока она не выберет одного из них отцом своих детей и не вручит себя в руки судьбы. А пока — Генри Марстон наслаждался ею, когда ее руки, словно летучие рыбы, рассекали воду, когда ее тело разворачивалось в лебедином прыжке или складывалось пополам в прыжке с трамплина, а голова появлялась из глубины, небрежно отбрасывая влажные волосы.

Двое парней прошли мимо.

— Эти кретины тупо толкут воду, — рассуждала Шупетт, — а потом идут в другое место и толкут ее там. Они месяцами живут во Франции и не могут назвать даже имя президента. Это такие паразиты, каких Европа не знала сто лет.

Неожиданно Генри поднялся, и другие люди на пляже вдруг тоже вскочили. Что-то произошло там, в пятидесяти ярдах между плотом и берегом. На поверхности показалась светлая голова, теперь она не плескалась в воде, а кричала слабым и испуганным голосом: «Au secours! Помогите!»

— Генри! — воскликнула Шупетт. — Остановись! Генри!

В полдень пляж был почти безлюден, но Генри и еще несколько человек бросились к морю; двое молодых американцев тоже услышали крики, повернулись и побежали. Прошло немного времени, и в воде показалось с десяток плывущих голов. Шупетт, все еще цепляясь за свой зонтик, но умудряясь при этом заламывать руки, бегала взад и вперед по пляжу, громко крича: «Генри! Генри!»

На пляже внезапно появился народ, и две растущие группы отдыхающих окружили распростертые тела на берегу. Молодому человеку, вытащившему девушку, потребовалось около минуты, чтобы привести ее в чувство, гораздо сложнее было откачать воду из Генри, который вообще не умел плавать.

II

— Вон тот человек, который не знал, что не умеет плавать, потому что никогда не пробовал.

— *Вон тот человек, который не знал, что не умеет плавать, потому что никогда не пробовал.*

Генри, ухмыляясь, поднялся со своего шезлонга. Это было на следующее утро, и спасенная девушка только что появилась на пляже со своим братом. Она улыбнулась Генри в ответ, непринужденно, скорее одобрительно, чем с благодарностью.

— По крайней мере, я обязана научить вас плавать, — предложила она.

— Я сам горю желанием. Я решился на это еще вчера, перед тем как в десятый раз пойти ко дну.

— Вы можете мне доверять. Я больше никогда не буду есть шоколадное мороженое перед тем, как пойти купаться.

Когда она ушла, Шупетт спросила мужа:

— Как долго, по-твоему, мы здесь пробудем? В конце концов, такая жизнь меня сильно утомляет.

— Мы останемся здесь, пока я не научусь плавать. И мальчики тоже.

— Очень хорошо. Я видела красивый двухцветный купальный костюм с синим оттенком за пятьдесят франков, сегодня днем я его куплю.

Почувствовав себя немного грузным и нездорово белокожим, Генри, взяв сыновей за руки, вошел в воду. Волны набросились на них, сбивая с ног, и мальчишки завопили от восторга; возвращающаяся вода угрожающе закручивалась вокруг ног, спеша обратно в море. Пройдя чуть дальше, он оказался по пояс в воде и вместе с другими испуганными душами наблюдал, как настоящие пловцы ныряют с вышки на плоту, надеясь, что девушка приплывет и сдержит свое обещание, и несколько смутился, когда она это сделала.

— Я начну с вашего старшего сына. Вы тоже смотрите, а потом попробуете сами.

Он бултыхнулся в воду. Она попала ему в нос и вызвала острое жжение, ослепила его, а потом осталась у него в ушах, часами перекатываясь туда-сюда, как галька. Солнце его тоже наконец обнаружило, сдирая длинные пергаментные полоски с его плеч, покрывая спину волдырями, так что он несколько ночей пролежал в лихорадочной агонии. Через неделю он поплыл — мучительно тяжело дыша и не очень далеко. Девушка учила его чему-то вроде кроля, поскольку он заметил, что брасс — устаревший стиль, которым плавают лишь неумехи и старцы. Однажды Шупетт застала его за тем, что он с какой-то зачарованностью рассматривал свое загорелое лицо в зеркале. Младший сынишка подхватил в песке какую-то легкую кожную инфекцию, и покинул тренировки. Через несколько дней Генри с отчаянным упорством добрался до плота с вышкой и на последнем издыхании взобрался на него.

— Все, — сказал он девушке, когда смог говорить, — завтра я могу покинуть Сен-Жан.

— Мне очень жаль.

— Чем вы будете заниматься?

— Мы с братом поедем в Антиб, там купаются весь октябрь. Потом во Флориду.

— И будете плавать? — спросил он с некоторым любопытством.

— Конечно, мы всегда плаваем.

— А зачем вы плаваете?

— Чтобы очиститься, — неожиданно ответила она.

— Очиститься от чего?

Она нахмурилась.

— Я не знаю, почему так сказала. Но в море чувствуешь себя такой чистой.

— Американцы слишком щепетильны в этом вопросе, — заметил он.

— Не знаю, не замечала.

— Я имею в виду, что мы стали слишком привередливы и стараемся быть чистыми. Но скажите мне, почему вы...

Он удивленно замолчал. Он собирался попросить ее объяснить многое другое, рассказать, что такое чистое и нечистое, что стоит знать, а что — лишь слова, открывающие новые врата в жизнь. Взглянув в последний раз в ее глаза, полные холодных тайн, он понял, как сильно будет скучать по этим дням,

— А зачем вы плаваете?

— Чтобы очиститься, — неожиданно ответила она.

— Очиститься от чего?

Она нахмурилась.

— Я не знаю, почему так сказала. Но в море
чувствуешь себя такой чистой.

не зная, интересуется ли его девушка или ее положение в вечно новой, вечно меняющейся стране.

— Я научился плавать, — сказал он жене в тот вечер. — Завтра мы уезжаем.

— В Париж?

— В Америку.

— Ты хочешь сказать, что я тоже поеду? И дети?

— Да.

— Но это же абсурд, — запротестовала она. — В прошлый раз это нам обошлось дороже, чем мы тратим здесь за шесть месяцев. А нас было только трое. И теперь, когда мы наконец-то смогли немного поднакопить...

— В том-то и дело. Я устал, оттого что ты экономишь и обходишься без новых нарядов. Мне надо зарабатывать больше денег. Американские мужчины неполноценны без денег.

— Ты хочешь сказать, что мы останемся там?

— Вполне возможно.

Они посмотрели друг на друга, и против своей воли Шупетт все поняла. Годами, в процессе непрерывной адаптации, он жил ее жизнью, заменяя нравственную сумятицу собственной страны традициями, мудростью и утонченностью Франции. После того случая в Париже ему казалось, что теперь самое главное — понять и простить, держаться за дом, как за нечто отдельное от превратностей любви. Только сейчас, впервые за много лет сияя здоровьем, он обнаружил свою истинную позицию — Шупетт освободила его. При всем своем чувстве утраты он снова обладал тем мужским «я», которое восемь лет назад передал на хранение маленькой мудрой провансальской девочке.

Какое-то мгновение она боролась с собой.

— У тебя хорошая должность, и у нас действительно много денег. Ты же знаешь, что жизнь здесь дешевле.

— Мальчики уже подрастают, и я не уверен, что хочу давать им образование во Франции.

— Но мы уже все решили, — причитала она. — Ты сам говорил, что образование в Америке поверхностно и полно глупых причуд. Неужели ты хочешь, чтобы они были похожи на тех двух болванов с пляжа?

— Возможно, я больше думаю о себе, Шупетт. Парни, только что окончившие колледж и положившие свои аккредитивы в банк восемь лет назад, теперь разъезжают на автомобилях стоимостью в десять тысяч долларов. Раньше мне было все равно. Раньше я говорил себе, что у меня есть место получше, куда можно сбежать, просто потому что мы знали, что армориканский лобстер на самом деле был американским лобстером. Возможно, у меня больше нет этого чувства.

Она напряглась.

— Если это так...

— Это зависит от тебя. Мы начнем все сначала.

Шупетт на мгновение задумалась.

— Значит, моя сестра может переехать в наши апартаменты.

— Конечно, — он преисполнился энтузиазма. — И наверняка в Америке найдутся вещи, которые тебя порадуют — например, у нас будет красивая машина, и один из этих электрических боксов для льда, и всякие забавные машинки, которые заменяют прислугу. Все будет не так уж и плохо. Ты научишься играть в гольф и весь день будешь говорить о детях. А ведь еще есть и кино.

Шупетт застонала.

— Поначалу это будет довольно ужасно, — признался он, — но там все еще осталось несколько хороших поваров-негров, и у нас, вероятно, будет две ванны комнаты.

— Я не могу одновременно пользоваться более чем одной.

— Научишься.

Через месяц, когда в проливе Нарроуз к ним приблизился прекрасный белый остров, у Генри от волнения сдавило горло, и ему захотелось крикнуть Шупетт и всем иностранцам: «Теперь-то вы осознаете?»

III

Почти три года спустя Генри Марстон вышел из своего кабинета в табачной компании «Калумет» и направился по коридору к мистеру Уотербери. Его лицо стало выглядеть старше, на нем отразилась подозрительная угрюмость, а легкую неошутимую грузность тела не скрывал белый льняной костюм.

— Вы заняты, сэр?

— Входи, Генри.

— Завтра я собираюсь на побережье, чтобы хорошенько поплавать и сбросить лишний вес. Хотел с вами поговорить перед отъездом.

— Дети тоже едут?

— Обязательно.

— А Шупетт, я полагаю, отправится за границу?

— Не в этом году. Я думаю, она поедет со мной на побережье, если не пожелает остаться здесь, в Ричмонде.

Уотербери задумался: «Нет никаких сомнений, что он все знает». Он ждал продолжения.

— Я хотел сказать вам, сэр, что в конце сентября я подаю в отставку со своей должности.

Когда Уотербери опустил ноги на пол, его кресло немного скрипнуло.

— Ты увольняешься, Генри?

— Не совсем. Уолтер Росс хочет вернуться в Америку, позвольте мне занять его место во Франции.

— Сынок, ты знаешь, сколько мы платим Уолтеру Россу?

— Семь тысяч.

— А ты здесь получаешь двадцать пять.

— Вы, наверное, слышали, что я немного заработал на бирже, — неуверенно проговорил Генри.

— Я слышал. Что-то от ста тысяч до полумиллиона.

— Где-то посередине.

— Тогда зачем нужна работа за семь тысяч долларов? Шупетт скушает по дому?

— Нет, я думаю, Шупетт здесь нравится. Она отлично освоилась.

«Он все знает, — подумал Уотербери. — Поэтому он хочет уехать».

Когда Генри ушел, он поднял взгляд на портрет своего деда на стене. В те дни все было намного проще. Дуэль на пистолетах на старом лугу Уортонна на рассвете. Генри было бы лучше, если бы сегодня все было именно так.

Шофер высадил Генри перед его домом в новом пригородном районе. Оставив шляпу в прихожей, он сразу вышел на боковую веранду.

С раскачивающихся парусиновых качелей на него с вежливой улыбкой смотрела Шупетт. За исключением некоторой настороженности в чертах лица и необъяснимой манеры одеваться, ее можно было принять за американку. Южные говоры наложились на ее французский акцент, придав ей причудливый шарм — до сих пор находятся студенты, которые устремляются за ней, как за дебютанткой, на рождественских танцах.

Генри кивнул мистеру Чарльзу Визе, который сидел в плетеном кресле с бокалом шипучего джина.

— Я хочу поговорить с вами, — сказал он, садясь.

Взгляды Визе и Шупетт быстро встретились и остановились на Генри.

— Вы свободны делать, что захотите, Визе, — сказал Генри. — Почему бы вам с Шупетт не пожениться?

Шупетт села, сверкая глазами.

— Теперь подождите, дайте мне сказать. — Генри снова повернулся к Визе. — Я пустил это дело на самотек около года назад, пока приводил в порядок свои финансовые дела. Но эта ваша последняя блестящая идея заставляет меня чувствовать себя немного неудобно, немного мерзко, а я не хочу так себя чувствовать.

— Что именно вы имеете в виду? — поинтересовался Визе.

— Во время моей последней поездки в Нью-Йорк вы следили за мной. Я полагаю, это было сделано с намерением получить доказательства для развода Шупетт со мной. Но увы, это не увенчалось успехом.

— Я не знаю, как вам пришла в голову такая мысль, Марстон. Вы...

— Не лгите!

— Да... — начал Визе, но Генри нетерпеливо перебил его:

— А теперь помолчи и не надо накручивать себя. Ты разговариваешь не с испуганным сборщиком табака, набитым паразитами. Я не хочу сцен, мои нервы недостаточно натянуты. Я хочу оформить развод.

— Почему ты так об этом говоришь? — воскликнула Шупетт, переходя на французский. — Разве мы не можем поговорить об этом наедине, если ты так плохо думаешь обо мне?

— Погодите, мы можем решить этот вопрос прямо сейчас, — сказал Визе. — Шупетт действительно хочет развода. Ее не устраивает такая жизнь, и единственная причина, по которой она продолжает оставаться с вами, заключается в том, что она идеалистка. Вы, кажется, не придали значения этому факту, но это правда — она не могла заставить себя разрушить свой дом.

— Очень трогательно. — Генри посмотрел на Шупетт с горьким изумлением. — Но давайте перейдем к делу. Я хотел бы завершить это дело до того, как вернусь во Францию.

Визе и Шупетт снова обменялись взглядами.

— Я, думаю, это будет очень просто, — сказал Визе. — Шупетт не хочет ни цента ваших денег.

— Я знаю. Чего она хочет, так это детей. Ответ таков — детей я вам не отдам.

— Это совершенно возмутительно! — воскликнула Шупетт. — Неужели ты хоть на мгновение можешь представить, что я брошу своих детей?

— Что вы задумали, Марстон? — требовательно спросил Визе. — Забрать их обратно во Францию и сделать такими же изгнанниками, как вы?

— Не совсем. Я отправляю их в школу Сент-Реджис, а затем в Йель. И у меня нет ни малейшей идеи запретить им видеться с матерью, когда она того пожелает — судя по прошлым годам, это будет нечасто. Но я намерен оформить законную опеку.

— Почему? — спросили они вместе.

— Из-за дома.

— Что, черт возьми, вы имеете в виду?

— Я лучше обучу их какому-нибудь ремеслу, чем оставляю на воспитание в таком доме, какой будет у вас с Шупетт.

На мгновение воцарилось молчание. Внезапно Шупетт схватила свой бокал, выплеснула его содержимое в Генри и рухнула на диван, страстно рыдая.

Генри вытер лицо носовым платком и встал.

— Я боялся этого, — сказал он, — но, думаю, я ясно изложил свою позицию.

Он поднялся в свою комнату и лег на кровать. Тысячу бодрствующих часов в течение последнего года он бился над проблемой, как сохранить своих мальчиков, не прибегая к тем юридическим мерам против Шупетт, которые он не мог заставить себя использовать. Он знал, что она хотела детей только потому, что без них она была бы под подозрением у своей семьи во Франции и, возможно, была бы проклята ими. Но, обладая свойственной старым людям отстраненностью, Генри признавал это вполне законным мотивом. Более того, ни один публичный скандал не должен коснуться матери его сыновей, именно это сделало его сегодняшний протест таким безрезультатным.

Когда трудности становились непреодолимыми и неизбежными, Генри искал успокоения в физических упражнениях. В течение трех лет плавание было для него своего рода убежищем, и он обращался к нему, как один человек к музыке, а другой — к выпивке. Наступал момент, когда он не мог больше ни о чем думать и отправлялся на неделю на побережье Вирджинии, чтобы освежить свои мысли в воде. Далеко за волнами он мог обозревать зелено-коричневую линию Старого Доминиона с приятной безразличностью морского котика. Бремя его несчастливого брака спадало вместе с жизнерадостным покачиванием среди волн, и он плыл в детской мечте о просторе. Иногда вместе с ним плавали друзья его юности, иногда, когда он купался с двумя сыновьями, ему казалось, что они плывут по яркой дорожке прямо к Луне. Американцы, любил говорить он, должны рождаться с плавниками, и, возможно, так оно и есть, возможно, деньги были одной из разновидностей плавников. В Англии собственность порождала сильное чувство места, но американцы, непоседливые и с неглубокими корнями, нуждались в плавниках и крыльях. В Америке даже периодически возникала идея об образовании, которое исключало бы историю и прошлое. Оно должно было стать своего рода снаряжением для воздушных романтических приключений, не обремененным ни наследством, ни традициями.

На следующий день, плавая и размышляя об этом, Генри вспомнил о детях, он развернулся и в медленном темпе направился обратно к берегу. Выбившись из сил, он, тяжело дыша, остановился у плота и, подняв глаза, увидел знакомые глаза. Через мгновение он разговаривал с девушкой, которую пытался спасти четыре года назад.

Он был вне себя от радости. Он и не подозревал, насколько живо помнит ее. Она оказалась уроженкой Вирджинии — он мог бы догадаться об этом за границей — лень, кажущаяся небрежность, скрывавшие неизменную вежливость и внимание; приятный вид, лишенный формальностей, и построенный на доброте и внимательности. Впервые услышав ее имя, он узнал его — это имя Восточного побережья, «хорошее», как и его собственное.

Лежа на солнышке, они разговаривали как старые друзья, но не о расах, манерах и других вещах, которыми он изводил Шупетт, а о том, где они непринужденно соглашались друг с другом. Они говорили о том, что им самим нравилось, и о том, что доставляло удовольствие. Она показывала ему прыжок в воду с трамплина сидя и стоя, а он неумело подражал ей — это выглядело забавно. Они говорили о том, как едят крабов в мягком панцире, и она рассказала ему, что из-за необычной акустики воды можно лежать на дне и слышать разговоры на веранде отеля. Они попробовали и услышали, как две дамы за чаем говорили:

— Сейчас в Лидо...

— Сейчас в Эсбери-парке...

— О, моя дорогая, он просто царапался и царапался всю ночь; он просто царапался и царапался...

— Моя дорогая, в Довиле...

— ...царапался и царапался.

Через некоторое время море приобрело тот самый голубой цвет, который бывает в четыре часа дня, и девушка рассказала ему, как в девятнадцать лет она развелась с испанцем, который запирает ее в номере отеля, когда уходит на ночь.

— Да, и такое бывает, — беспечно сказала она. — Давайте поговорим о чем-то более жизнерадостном. Как поживает ваша красавица-жена? А мальчики — они научились плавать? Почему бы нам всем не поужинать сегодня вечером?

— Боюсь, что не смогу, — сказал он после небольшого колебания.

Он не должен был делать ничего, пусть даже пустякового, чтобы дать Шупетт аргументы против него, и с чувством отвращения ему пришло в голову, что за ним, возможно, наблюдают и сейчас. Тем не менее, он был рад своей осторожности в ту ночь в Нью-Йорке.

После того как мальчики улеглись спать, он встретился с Шупетт за чашечкой кофе на веранде отеля.

— Будь добр, объясни, почему я не имею права на своих собственных детей? — начала Шупетт. — Это не похоже на тебя — быть таким мстительным, Генри.

Генри было трудно ей это объяснить. Он снова сказал ей, что она может брать детей, когда захочет, но что он должен полностью контролировать их в силу некоторых старомодных убеждений, и, видя, как с каждой минутой напрягается ее лицо, он понял, что это бесполезно, и прервал разговор. Она презрительно хмыкнула.

— Я хотела дать тебе шанс проявить благоразумие до приезда Чарльза.

Генри снова сел.

— Он придет сюда сегодня вечером?

— К счастью. И я думаю, Генри, что твой эгоизм получит хорошую встряску. Теперь ты будешь иметь дело с настоящим мужчиной, но не со слабой женщиной.

Когда час спустя Визе появился на веранде, Генри увидел, что его губы были белыми, как мел, на лбу выступил густой румянец, а в глазах появилась твердая уверенность. Он был готов к действию и не терял времени.

— Нам есть что сказать друг другу, сэр, и поскольку у меня здесь есть моторный катер, возможно, мы прогуляемся на нем и найдем самое тихое место для разговора.

Генри холодно кивнул. Пять минут спустя они втроем уже неслись по широкому фарватеру лунного света в сторону Хэмптон-Роудс. Вечер был спокойный, и в полумиле от берега Визе сбавил обороты мотора до минимума, и казалось, что они безвольно дрейфуют в прозрачной воде. Его голос резко нарушил тишину:

— Марстон, я собираюсь поговорить с вами откровенно. Я люблю Шупетт и не собираюсь за это извиняться. Подобные вещи случались в этом мире

и раньше. Я думаю, вы это понимаете. Единственная трудность заключается в вопросе опеки над детьми Шупетт. Вы, кажется, полны решимости забрать их у матери, которая их родила и вырастила, — слова Визе стали более четко сформулированными, — но вы упустили из своих расчетов одну вещь, и эта вещь — я. Вы, случайно, не в курсе, что я в данный момент являюсь одним из самых богатых людей в Вирджинии?

— Я слышал об этом.

— Что ж, деньги — это власть, Марстон. Я повторяю, сэр, деньги — это власть.

— И это я тоже уже слышал. На самом деле, вы банальны, Визе.

Даже при свете луны Генри мог видеть, как багровеет его лоб.

— Вы услышите это снова, сэр. Вчера вы застали нас врасплох, и я был не готов к вашей жестокой выходке по отношению к Шупетт. Но сегодня утром я получил письмо из Парижа, которое позволяет представить ваши требования в новом свете. Это заключение специалиста по психическим заболеваниям, который утверждает, что вы, Генри, сумасшедший и не можете опекать детей. Этот специалист — тот самый, который лечил вас во время вашего нервного срыва четыре года назад.

Генри недоверчиво рассмеялся и посмотрел на Шупетт, ожидая, что она тоже рассмеется, но она отвернула лицо и быстро дышала через сжатые губы. Вдруг он понял, что Визе говорит правду, что каким-то необыкновенным образом, может, путем огромной взятки, — он получил это заключение и собирается им воспользоваться.

На мгновение Генри пошатнулся, словно от сильного удара. Он услышал свой собственный голос:

— Это самая нелепая вещь, которую я когда-либо слышал, — и ответ Визе: — Людям не всегда сообщают, что у них проблемы с психикой.

Внезапно Генри захотелось рассмеяться, но тот ужасный миг, когда он задавался вопросом, может ли в этом утверждении быть хоть капля правды, уже миновал. Он повернулся к Шупетт, но она снова избегала его взгляда.

— Как ты могла, Шупетт?

— Я хочу своих детей, — начала было она, но Визе быстро перебил ее:

— Если бы вы были хоть немного благоразумны, Марстон, мы бы не прибегли к этому шагу.

— Получается, что вы заранее подготовили этот гнусный трюк?

— Я верю в то, что нужно быть всегда наготове. Но если бы вы были благоразумны; а точнее, если вы будете благоразумны, то это заключение можно порвать. — Его голос внезапно стал по отечески заботливым, почти добрым: — Будь мудр, Марстон. На вашей стороне упрямые предрассудки, на моей — сорок миллионов долларов. Не обманывайте себя. Позвольте мне повториться, Марстон, что деньги — это власть. Вы так долго пробывали за границей, что, возможно, склонны были забыть сей факт. Деньги создали эту страну, построили великие и славные города, создали промышленность,

покрыли ее сетью железных дорог. Именно деньги обуздывают силы природы, создают машины и заставляют их работать, когда они говорят «вперед», и останавливают, когда они говорят «стоп».

Мотор катера, по-своему истолковав эту команду, издал резкий хриплый звук и заглох.

— В чем дело? — спросила Шупетт.

— Ерунда. — Визе нажал ногой на педаль автозапуска. — Я повторяю, Марстон, что деньги... Вот безобразие, аккумулятор разряжен. Одну минуту, я дерну за шнур.

Он дергал его добрых пятнадцать минут, пока лодка плавно двигалась по кругу.

— Шупетт, открой тот ящик у себя за спиной и посмотри, нет ли там ракеты.

В ее голос прокралась нотка паники, когда она ответила, что никакой ракеты нет. Визе неуверенно оглядел берег.

— Кричать бесполезно, мы, должно быть, в полумиле от берега. Придется ждать здесь, пока кто-нибудь не проплывет мимо.

— Мы здесь долго не задержимся, — заметил Генри.

— Это почему же?

— Мы движемся к заливу. Разве вы этого не видите? Мы отплываем с приливом.

— Это невозможно! — резко сказала Шупетт.

— Посмотри на эти два огонька на берегу — один сейчас проходит мимо другого. Видишь?

— Сделайте что-нибудь! — завопила она, а затем на французском: — Ах, это ужасно! Разве мы не можем ничего сделать?

Отлив усиливался, и лодку сносило прямо в море. Смутные очертания двух кораблей проплыли мимо них, но расстояние было большое, и они не докричались. На западе, на фоне неба мигал маяк, но невозможно было угадать, как близко от него они проплывут...

— Похоже, что все наши трудности разрешатся сами собой, — заметил Генри.

— Какие трудности? — требовательно спросила Шупетт. — Ты имеешь в виду, что ничего нельзя сделать? Ты будешь просто так сидеть и плыть по течению?

— В конце концов, так будет лучше для детей.

Он вздрогнул, когда Шупетт начала горько всхлипывать, но ничего не сказал. В его голове начала вырисовываться призрачная идея.

— Послушай, Марстон. Вы умеете плавать? — нахмурившись, спросил Визе.

— Да, но Шупетт не умеет.

— Я тоже не умею, я не это имел в виду. Вы можете добраться до берега вплавь и вызвать береговую охрану.

Генри оглядел темный, удаляющийся берег.

— Это слишком далеко, — сказал он.

— Но ты же можешь попробовать? — попросила Шупетт.

Генри покачал головой.

— Слишком рискованно. Кроме того, есть вероятность, что нас подберут.

Они проплыли мимо маяка, он был далеко слева от них и вне зоны слышимости. Еще один, последний, виднелся в полумиле от них.

— Мы можем дрейфовать до Франции, как тот путешественник, Жербо, — заметил Генри. — Но тогда, конечно, мы станем изгнанниками, а Визе это не понравится, правда, Визе?

Визе, лихорадочно возившийся с мотором, поднял голову.

— Посмотрите, может у вас что получится, — сказал он.

— Я ничего не смыслю в моторах, — ответил Генри. — Кроме того, представьте себе, что вы настолько подлые людишки, что использовали заключение психиатра, и получили детей в опекунство — в этом случае у меня нет особого стимула жить дальше. Мы все неудачники — я как глава семьи, Шупетт как жена и мать, а вы, Визе, как личность. Хорошо, что мы уходим из жизни вместе.

— Сейчас не время для подобных речей, Марстон.

— О, нет, сейчас отличное время. Как насчет очередной проповеди о том, что деньги — это власть?

Шупетт неподвижно сидела на носу; Визе стоял над мотором, нервно покусывая губы.

— Мы явно снова пройдем вдалеке от маяка. — Внезапно Визе в голову пришла идея. — Марстон, а ты не доплывешь до него?

— Конечно, он может! — воскликнула Шупетт.

Генри испытующе взглянул на него.

— Наверное, смогу. Но я не поплыву.

— Вы должны!

Он снова вздрогнул от рыданий Шупетт и понял, что пришло время действовать.

— Все зависит от одной маленькой вещички, — быстро сказал он. — Визе, у вас есть авторучка?

— Есть, а зачем?

— Вы напишете и подпишете около двухсот слов под мою диктовку, а я за это доплыву до маяка и позову на помощь. Иначе, да поможет нам Бог, нас унесет в море! И времени на принятие решения почти нет.

— О, все, что угодно! — сказала отчаянно Шупетт. — Делай, что он говорит, Чарльз, это серьезно. Он всегда исполняет, что обещает. Пожалуйста, не тяни время!

— Я сделаю, что вы хотите, — голос Визе дрожал. — Только, ради Бога, плывите к маяку. Чего вы хотите — договориться о детях? Я даю вам честное слово...

— Сейчас не время для юмора, — свирепо сказал Генри. — Возьмите этот листок бумаги и пишите.

На двух страницах, которые Визе написал под диктовку Генри, он и Шупетт навсегда отказывались от всех прав на детей. Когда они поставили дрожащие подписи, Визе воскликнул:

— А теперь плывите, ради Бога, пока не слишком поздно!

— Есть еще одна маленькая мелочь — заключение врача.

— Оно у меня не с собой.

— Вы лжете.

Визе достал заключение из кармана.

— Напишите внизу, сколько вы за это заплатили, и подпишитесь своим именем.

Через минуту Генри, раздетый до трусов, с бумагами в кисете из промасленного шелка, подвешенном к шее, нырнул с борта лодки и поплыл на свет маяка.

Вода на мгновение нахлынула на него, но после первого всплеска она стала теплой и дружелюбной, а мелкий рокот волн — ободряющим. Это был самый длинный заплыв в его жизни, но радость на сердце поддерживала в нем силы. Теперь он в безопасности и свободен. Каждый взмах руками был сильнее, потому что он знал, что его сыновья, спящие в отеле, в безопасности и он никому их не отдаст. Оторванная от своей собственной страны Шупетт выбрала из американской жизни то, что лучше всего соответствовало ее собственным желаниям. И если бы судебное постановление отдало сыновей ей на воспитание, то он бы потерял их навсегда.

Перевернувшись на спину, он увидел, что моторная лодка уже далеко, а ослепительный свет все ближе. Он очень устал. Если нет сил плыть, — а, немного расслабившись, он почувствовал их отсутствие, — то умираешь очень быстро и безболезненно, и вся эта ненависть и горечь мгновенно исчезает. Но он ощущал будущее своих сыновей в промасленном шелковом мешочке на своей шее, и судорожным усилием снова перевернулся и сосредоточился на достижении цели.

Через двадцать минут он стоял, вздрагивая и обливаясь потом, в радиорубке, пока береговой патруль передавал сообщение о том, что в бухте дрейфует катер.

— Без шторма особой опасности нет, — сказали ему. — Сейчас они, вероятно, попали в течение реки и дрейфуют около Пейтона.

— Да, — сказал Генри, который бывал на этом побережье три лета. — Я это знаю.

IV

В октябре Генри оставил своих сыновей в школе и отправился на «Маджестике» в Европу. Он вернулся домой, как к щедрой матери, и она его щедро наградила, даже больше, чем он просил: деньгами, освобождением от невыно-

симой ситуации и новыми силами, чтобы бороться за свое будущее. Наблюдая с палубы «Маджестика» за угасающим городом и исчезающим берегом, он испытывал чувство всепоглощающей благодарности и радости за то, что Америка все-таки жива, что под безобразными обломками промышленности по-прежнему возвышается богатая земля, неисчерпаемо щедрая и плодородная, и что в сердце лишенного вождей народа продолжают бороться старые благородство и преданность, иногда переходящие в фанатизм и излишества, но неукротимые и непобедимые. В данный момент в строю находилось «потерянное» поколение, но ему казалось, что люди, идущие за ним, люди войны, были более совершенными, и все его прежнее ощущение, что Америка — это причудливая случайность, своего рода исторический аттракцион, ушло навсегда. Лучшее в Америке было лучшим в мире.

Спустившись вниз, к главному стюарду, он подождал, пока другая пассажирка не отойдет от окна. Когда она повернулась, они оба вздрогнули, и он увидел, что это была та самая девушка с пляжа.

— Привет! — воскликнула она. — Я так рада, что мы вместе плывем на этом корабле! Я здесь просто узнавала, когда откроется бассейн. Самое замечательное здесь, что всегда можно плавать.

— А зачем вы плаваете? — поинтересовался он.

— Вы всегда меня об этом спрашиваете, — рассмеялась она.

— Может быть, вы все-таки мне расскажете об этом, если мы сегодня поужинаем вместе.

Но когда через мгновение он оставил ее, то понял, что она ничего не сможет рассказать ему — ни она, никто другой. Франция была страной, Англия — народом, но Америку, в которой еще сохранилось ощущение идеи, было труднее выразить — это были могилы в Шилохе и усталые, осунувшиеся, взволнованные лица ее великих деятелей, и деревенские парни, погибшие в Аргонне за фразу, которая стала пустышкой еще до того, как их тела истлели. Это была потребность души.

ДВЕ РАЗМОВКИ

I

— Посмотрите на эти туфли, — сказал Билл. — Двадцать восемь долларов. Мистер Бранкузи посмотрел.

— Хорошенькие.

— Сделаны на заказ.

— Я знаю, что вы светский щеголь. Вы ведь не для того привели меня сюда, чтобы показать эти туфли?

— Не такой уж я и щеголь. Вообще, кто сказал, что я светский щеголь? — возмутился Билл. — Только потому что у меня образование лучше, чем у большинства людей в шоу-бизнесе?

— И потом, знаете, вы очень симпатичный молодой человек, — сухо сказал Бранкузи.

— Возможно, я такой и есть — во всяком случае, по сравнению с вами. Девушки думают, что я, должно быть, актер, пока не узнают... Есть сигарета? Более того, я выгляжу зрелым, а это круче, чем большинство этих симпатичных парней на Таймс-сквер

— Симпатичный. Джентльмен. Хорошенькие туфли. Удача в ударе.

— Тут вы ошибаетесь, — возразил Билл. — Мозги. Три года — девять спектаклей — четыре больших хита — всего один промах. Где вы видите в этом хоть капельку удачи?

Немного заскучав, Бранкузи просто задумчиво сидел. Он бы увидел, если бы не сделал глаза непроницаемыми и не стал думать о чем-то другом, — молодого ирландца со здоровым лицом, излучающего энергичность и уверенность в себе, пока воздух в его кабинете не наполнился ими. Вскоре, как знал Бранкузи, Билл услышит сам себя, устыдится и перейдет на другой стиль общения — спокойно-превосходный, чувствительный, меценатский, по образцу интеллектуалов из Театральной гильдии. Билл Макчесни еще не определился с выбором, такие сочетания редко бывают полноценными до тридцати лет.

— Возьмите Эймса, возьмите Хопкинса, возьмите Харриса — возьмите любого из них, — настаивал Билл. — Чем они хуже меня? В чем дело? Хотите выпить? — заметив, как взгляд Бранкузи устремился к шкафчику на противоположной стене.

— Я никогда не пью по утрам. Мне просто стало интересно, кто это там стучит. Сделайте что-нибудь, чтобы их прекратить. Я от них сильно нервничаю.

Билл быстро подошел к двери и распахнул ее настежь.

— Что это вы делаете? — спросил он, а потом добавил: — Здравствуйте! Что вам нужно?

— О, мне так жаль, — ответил чей-то голос. — Мне ужасно жаль. Я так разволновалась и не заметила, что у меня в руке карандаш

— Чего изволите?

— Я хотела вас видеть, а секретарша сказала, что вы заняты. У меня есть для вас письмо от Алана Роджерса, драматурга, и я хотела его вручить вам лично.

— Я занят, — сказал Билл. — Повидайтесь с мистером Кадорной.

— Я уже была у него, но он оказался не очень благосклонен, а мистер Роджерс сказал...

Бранкузи, беспокойно придвинувшись, бросил на нее быстрый взгляд. Она была очень молода, с красивыми рыжими волосами, и в ее лице было больше решительности, чем можно было предположить по ее болтовне; ему и в голову не пришло, что этому она обязана происхождением из Делани в Южной Каролине.

— Что же мне делать? — спросила она, спокойно доверив свое будущее в руки Билла. — У меня есть письмо мистера Роджерса...

— Ну, и чего вы хотите, чтобы я сделал — женился на вас? — не выдержал Билл.

— Я бы хотела получить роль в одной из ваших пьес.

— Тогда садитесь и ждите. Сейчас я занят... Где мисс Кохалан?

Он позвонил в колокольчик, еще раз с укором посмотрел на девушку и закрыл дверь своего кабинета. За время этого вынужденного перерыва на него нашло другое настроение, и он возобновил разговор с Бранкузи в тональности человека, который был заодно с Рейнхардтом в вопросах художественного будущего театра.

К 12:30 он забыл обо всем, кроме того, что собирался стать величайшим продюсером в мире и что он хочет поболтать об этом с Солом Линкольном за обедом. Выйдя из своего кабинета, он выжидающе посмотрел на мисс Кохалан.

— Мистер Линкольн не сможет с вами встретиться, — сказала она. — Он только что звонил.

— Только что, — потрясенно повторил Билл. — Ладно. Просто вычеркните его из списка дел на четверг.

— Что же мне делать? — спросила она,
спокойно доверив свое будущее в руки Билла. —
У меня есть письмо мистера Роджерса...
— Ну, и чего вы хотите, чтобы я сделал —
женился на вас? — не выдержал Билл.

Мисс Кохалан провела черту на листе бумаги перед собой.

— Мистер Макчесни, вы ведь не забыли про меня?

Он повернулся к рыжеволосой девушке.

— Нет, — неопределенно ответил он, а затем обратился к мисс Кохалан: — Ну и ладно, но вы все равно спросите его о четверге. Черт с ним.

Он не хотел обедать в одиночестве. Он вообще не любил ничего делать в одиночку, потому что общение становится слишком увлекательным, когда человек занимает видное положение и обладает некоторой властью.

— Если бы вы только позволили мне поговорить с вами две минуты... — начала она.

— Боюсь, сейчас я не могу.

Внезапно он понял, что она была самой красивой девушкой из виденных им прежде. Он уставился на нее.

— Мистер Роджерс сказал мне...

— Пойдемте, пообедайте со мной, — предложил он и, торопливо отдав мисс Кохалан несколько быстрых и бессвязных распоряжений, открыл дверь.

Они стояли на Сорок Второй улице, и он вдыхал прихваченный с собой воздух, его здесь хватает только на несколько человек одновременно. Был ноябрь, и первый волнующий всплеск театрального сезона закончился, но он все еще мог посмотреть вправо и увидеть сверкающую вывеску одной из своих пьес, а слева — другую. За углом шел спектакль, который он ставил с Бранкузи — не последний раз, когда он продюсировал в одиночку.

Они отправились в «Бедфорд», где при его появлении метрдотель и официанты засуетились.

— Это очень привлекательный ресторан, — сказала она, настроившись на деловое общение.

— Это рай для лицемеров, — он кивнул нескольким людям. — Привет, Джимми... Билл... Привет, Джек... Это Джек Демпси... Я здесь почти не бываю. Обычно я ужинаю в Гарвардском клубе.

— О, вы учились в Гарварде? Я когда-то знала...

— Да, — он заколебался; существовало две версии о Гарварде, и он внезапно остановился на истинной. — Да, и там меня приняли за деревенщину, не более того. Примерно неделю назад я был на Лонг-Айленде у Гувенеров Хейтс — очень модных людей — и пара парней с Голд-Кост, которые никогда не замечали меня в Кембридже, начали приставать ко мне, типа — «Привет, Билл, старина».

Он задумался и вдруг решил прервать рассказ.

— Чего вы хотите — работы? — поинтересовался он.

Он вдруг вспомнил, что у нее на чулках дырки. Дырки на чулках всегда трогали его и смягчали ему душу.

— Да, иначе мне придется вернуться домой, — призналась она. — Я хочу стать танцовщицей — ну, знаете, русский балет и все такое. Но уроки стоят

очень дорого, поэтому мне нужна работа. Я подумала, что это придаст мне уверенности на сцене.

— Что танцуете — чечетку?

— Нет, я хочу что-то более серьезное.

— Хотите, как Павлова, просто танцевать, верно?

— О, нет. — Она была шокирована этим жутким сравнением, но через мгновение продолжила: — Я занималась с мисс Кэмпбелл — Джорджией Берриман Кэмпбелл — еще дома. Может быть, вы ее знаете. Она училась у Неда Уэйберна. Великолепная преподавательница. Она...

— Да... — отвлеченно сказал он. — Вы понимаете, что это тяжелая работа — кастинговые агентства переполнены людьми, которые могут делать все; сейчас очень трудно пробиться в артисты. Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

— А мне двадцать шесть. Приехал сюда четыре года назад без единого цента.

— Боже мой!

— Я мог бы прямо сейчас бросить все это и жить безбедно до конца своих дней.

— Боже мой!

— Собираюсь в следующем году взять большой отпуск и пожениться...

Слышали когда-нибудь об Ирен Риккер?

— Еще бы! Она мне больше всех нравится.

— Мы помолвлены.

— Боже мой!

Когда через некоторое время они вышли на Таймс-сквер, он небрежно спросил:

— Чем вы сейчас занимаетесь?

— Ну... пытаюсь устроиться на работу.

— Я имею в виду прямо сию минуту.

— Ничем.

— Может, поднимемся ко мне в квартиру на Сорок шестой улице и выпьем по чашечке кофе?

Их глаза встретились, и Эмми Пинкард решила, что пора что-то предпринимать.

Это была большая светлая однокомнатная квартира с десятифутовым диваном, и после того, как она выпила кофе, а он — коктейль, его рука опустилась ей на плечо.

— Почему я должна целоваться с вами? — начала она. — Я вас почти не знаю, и, кроме того, вы уже помолвлены с Риккер.

— Ах, это! Да ей все равно.

— Что, правда?

— Ты хорошая девочка.

— Ну, я точно не идиотка.

— Хорошо, продолжай оставаться хорошей девочкой.

Она встала, но остановилась на мгновение, очень строгая и невозмутимая, и совсем не расстроенная.

— Полагаю, про работу у вас можно забыть? — любезно поинтересовалась она.

Он уже думал о чем-то другом — об интервью и репетиции, — но теперь снова посмотрел на нее и снова увидел дырки на чулках. Билл позвонил:

— Джо, это Мальчик-попрыгайчик... Ты что же, думал, я не знаю, как ты меня называешь?... Успокойся, все в порядке... Скажи, ты уже нашел три девушки для представления на вечеринке? Что ж, послушай — побереги одно место для малышки с Юга, я сейчас отправляю ее к тебе.

Он весело посмотрел на нее, сознавая, какой он славный парень.

— Я не знаю, как вас благодарить. И мистера Роджерса, — дерзко добавила она. — До свидания, мистер Макчесни.

Он не удосужился ответить.

II

Во время репетиций он часто приходил и стоял с мудрым выражением лица, как будто знал все, что творится в головах людей, но на самом деле он был в угаре от собственной удачи и мало что видел, да и не заботился об этом в данный момент. Большую часть выходных он проводил на Лонг-Айленде с модными людьми, которые «приняли его в свой круг». Когда Бранкузи называл его «большим светским щеголем», он отвечал: «Ну и что с того? Разве я не учился в Гарварде? Ты думаешь, они нашли меня в тележке с яблоками на Гранд-стрит, как и тебя?» Среди новых друзей его любили за внешность и добрый нрав, а также за успех.

Его помолвка с Ирен Риккер была самым неудачным моментом в его жизни; они устали друг от друга, но не желали ставить точку. Как часто бывает, что два самых богатых молодых человека в городе оказываются притянутыми друг к другу, так и Билл Макчесни и Ирен Риккер, несясь бок о бок на волнах триумфа, не могли не выразить друг другу приятную признательность за то, что они добились такого успеха. Тем не менее они все чаще и чаще ссорились, и конец приближался. Его олицетворением стал Фрэнк Ллевеллен, известный, красивый актер, игравший вместе с Ирен. Сразу оценив ситуацию, Билл отнесся к ней с горькой иронией — уже со второй недели репетиций в воздухе витало напряжение.

Тем временем Эмми Пинкард, у которой хватало денег только на крекеры и молоко, была счастлива. Ее друг, Истон Хьюз из Делани, учился в Колумбийском университете на стоматолога. Иногда он приводил с собой других одиноких молодых людей, которые учились там же, и ценой, если это можно

так назвать, нескольких случайных поцелуев в такси Эмми обедала, когда была сильно голодна. Однажды днем она представила Истона Биллу Макчесни у служебного входа, и Билл после этого сделал свою шутовскую ревность основой их отношений.

— Я вижу, что этот зубных дел мастер меня обставил. Так вот, не позволяй ему давать тебе веселящий газ — это мой тебе совет.

Хотя их встречи были редкими, они всегда смотрели друг на друга. Когда Билл смотрел на нее, он на мгновение замирал, как будто видел ее впервые, а потом вдруг вспоминал, что над ней надо подшутить. Когда она смотрела на него, то видела многое — яркий день за окном, толпы людей, спешащих по улицам; новенький лимузин, который ждал у обочины двух людей в очень хорошей одежде, которые садились в него и ехали куда-то, где было так же, как в Нью-Йорке, только подальше, и там было куда веселей. Много раз она жалела, что не поцеловала его в тот день, но столько же раз была рада, что не сделала этого. Ведь с каждой неделей он становился все менее романтичным, привязанным, как и все они, к трудоемкому процессу постановки пьесы.

Премьера состоялась в Атлантик-Сити. Билла охватила внезапная унылость, очевидная для всех. Он был краток с режиссером и язвителен с актерами. По слухам, это произошло потому, что Ирен Риккер приехала с Фрэнком Ллевелленом другим поездом. Вечером, на генеральной репетиции, сидя рядом с режиссером, Билл возвышался зловещей фигурой в полумраке зрительного зала, но ничего не говорил до конца второго акта. Когда Ллевеллен и Ирен Риккер остались на сцене одни, он вдруг воскликнул:

— Давайте повторим это еще раз — и вырежем всю муть!

Ллевеллен спустился к рампе.

— Что вы имеете в виду под «вырежем всю муть»? — поинтересовался он. — Это какие-то реплики, да?

— Ты знаешь, что я имею в виду — занимайся своим делом.

— Я не знаю.

Билл встал.

— Я имею в виду весь этот чертов балаган.

— Не там никакого балагана. Я просто спросил...

— Я так решил, не бери в голову.

Ллевеллен яростно отвернулся и уже собирался продолжить, когда Билл громко добавил:

— Даже бездарь пытается мне указывать.

Ллевеллен резко обернулся.

— Я не обязан терпеть подобные разговоры, мистер Макчесни.

— А почему бы нет? Ты что не бездарь, что ли? С каких это пор вам стало стыдно им быть? Я ставлю эту пьесу и хочу, чтобы ты свое мнение оставил при себе. — Билл встал и пошел по проходу. — А если ты этого не сделаешь, я буду обзывать тебя и дальше.

— Следите за своими словами...

— *А если ты этого не сделаешь,
я буду обзывать тебя и дальше.*

— *Следите за своими словами...*

— *И что ты сделаешь?..*

— И что ты сделаешь?

Ллевеллен прыгнул в оркестровую яму.

— Я просто уйду! — крикнул он.

Ирен Риккер обратилась к ним со сцены:

— Ради всего святого, вы что, с ума сошли?

И тут Ллевеллен влепил ему, нанеся один короткий, мощный удар. Билл отлетел назад через ряд кресел, провалился в одно из них, разнесся его в щепки, и остался лежать зажатым между креслами. На мгновение возникло дикое замешательство, затем Ллевеллена схватили, автор пьесы с бледным лицом поднял Билла, а режиссер прокричал:

— Мне убить его, шеф? Мне разбить его жирную морду?

Ллевеллен тяжело дышал, а Ирен Риккер была напугана.

— Вернитесь все на сцену! — воскликнул Билл, прижимая к лицу носовой платок и шатаясь в руках автора. — Всем вернуться назад! Повторите эту сцену еще раз, и никаких разговоров! Отойдите, Ллевеллен!

Прежде чем они осознали случившееся, все вернулись на сцену, Ирен потянула Ллевеллена за руку и быстро заговорила с ним. Кто-то включил свет в зале на полную мощность, а затем поспешно погасил его снова. Когда Эмми вышла исполнять свою роль, она увидела, что Билл сидит с целой кучей носовых платков на окровавленном лице. Она ненавидела Ллевеллена и боялась, что скоро они расстанутся и уедут обратно в Нью-Йорк. Но Билл спас постановку от собственной глупости, так как желание Ллевеллена — уйти из спектакля — повредило бы его профессиональному положению. Акт закончился, и следующий начался без перерыва. Когда генеральная репетиция завершилась, Билла уже не было.

Следующим вечером, во время представления, он сидел на стуле за кулисами на виду у всех, кто входил или выходил на сцену. Его лицо было опухшим и в синяках, но он, казалось, не обращал на это внимания, и все промолчали. Однажды он уехал, а когда вернулся, просочились слухи о том, что два нью-йоркских агентства продают билеты на спектакль в огромных количествах. У него был хит — у них у всех был хит.

При появлении Билла, которому, по мнению Эмми, они все были обязаны столь многим, ее захлестнула волна благодарности. Она подошла и поблагодарила его.

— Я просто умею выбирать, рыженькая, — мрачно согласился он.

— Спасибо, что выбрали меня.

И вдруг Эмми решила на необдуманное замечание.

— У вас так сильно опухло лицо! — воскликнула она. — О, я думаю, это было очень смело с вашей стороны — не пускать все на самотек прошлым вечером.

Мгновение он пристально смотрел на нее, а затем ироническая улыбка безуспешно попыталась появиться на его израненном лице.

— Ты восхищаешься мной, детка?

— Да.

— Даже когда я летел через весь зал, ты восхищалась мной?

— Вы так быстро все взяли под контроль.

— Вот тебе и преданность. Нашла, чем восхищаться в этом дурацком бардаке.

И ее радость вылилась в слова:

— Как бы то ни было, вы вели себя просто замечательно.

Она выглядела такой наивной и юной, что Биллу, у которого выдался ужасный день, захотелось прижаться своей распухшей щекой к ее щеке.

На следующее утро он забрал и синяк, и это желание с собой в Нью-Йорк. Синяк скоро исчез, но желание осталось. И когда в городе состоялась премьера, он заметил, как вокруг ее красоты начали толпиться мужчины, как

она сама стала для него этой пьесой, этим успехом, тем, на что он приходил посмотреть, когда шел в театр. После триумфального успеха пьеса через положенное время была снята с репертуара, как раз, когда он слишком много пил и нуждался в ком-то в серые дни борьбы с депрессией. Они поженились неожиданно, в Коннектикуте, в начале июня.

III

Двое мужчин сидели в лондонском ресторане «Гриль Савой» и ждали наступления четвертого июля. На дворе был конец мая.

— Он, как — приятный парень? — спросил Хаббел.

— Очень приятный, — заверил Бранкузи, — очень приятный, очень красивый, очень популярный.

Через мгновение добавил:

— Я хочу, чтобы он вернулся домой, в Америку.

— Вот чего я в нем не понимаю, так его желания работать в Лондоне, — сказал Хаббел. — Шоу-бизнес здесь — ничто по сравнению с Америкой. Зачем он хочет остаться здесь?

— Ему нравится встречаться с многочисленными герцогами и дамами.

— О! Понятно.

— На прошлой неделе, когда я его встретил, он был с тремя дамами — леди такая, леди сякая, леди такая-сякая.

— Я думал, он женат.

— Женат, как три года, — отозвался Бранкузи, — у них прекрасный ребенок и собираются завести еще одного.

Он умолк, когда вошел Макчесни, его совершенно американское лицо вызывающе смотрело из-за воротника.

— Привет, Мак, познакомься с моим другом мистером Хаббелом.

— Рад знакомству, — сказал Билл.

Он сел, продолжая оглядывать бар, чтобы увидеть, кто здесь присутствует. Через несколько минут Хаббел ушел, и Билл спросил:

— Что это за птица?

— Он здесь всего месяц. У него еще нет статуса. Ты здесь уже полгода, не забывай.

Билл ухмыльнулся.

— Ты думаешь, я высокопарный, да? Ну, я себя не обманываю. Мне это нравится, меня это заводит. Я хотел бы стать маркизом Макчесни.

— Снова собираешься напиться до бесчувствия? — предположил Бранкузи.

— Помолчите, хоть минуту. Кто сказал, что я пью? Так теперь это называется? Послушай, если ты назовешь мне хоть одного американского продю-

сера в истории театра, который менее чем за восемь месяцев добился такого успеха, как я в Лондоне, я завтра же уеду с тобой в Америку. Если ты только скажешь мне...

— Это было с твоими старыми спектаклями. У тебя было два провала в Нью-Йорке.

Билл встал, его лицо посуровело.

— Кем ты себя возомнил? — потребовал он ответа. — Ты пришел сюда, чтобы вот так со мной разговаривать?

— Не сердись, Билл. Я просто хочу, чтобы ты вернулся. Ради этого я готов на все. Проведи три сезона, как в 22-м и 23-м, и ты останешься знаменитым на всю жизнь.

— Меня тошнит от Нью-Йорка, — угрюмо сказал Билл. — Только что ты король, а потом у тебя два провала, и все говорят, что ты бездарность.

Бранкузи покачал головой.

— Они не поэтому так говорят. Это потому что ты поссорился с Аронста-лем, своим лучшим другом.

— Черт возьми, друг!

— Во всяком случае, твой лучший партнер. Тогда...

— Я не хочу об этом говорить, — он посмотрел на свои часы. — Послушай, Эмми плохо себя чувствует, так что, боюсь, я не смогу поужинать с тобой сегодня вечером. Загляни в офис перед отплытием.

Пять минут спустя, стоя у прилавка с сигарами, Бранкузи увидел, как Билл снова вошел в «Гриль Савой» и спустился по ступенькам, ведущим в буфет.

— Из него получился отличный дипломат, — подумал Бранкузи. — Раньше он просто говорил, что у него назначено свидание. Общение с этими герцогами и дамами еще больше закаляет его.

Возможно, он был немного обижен, хотя обижаться ему было несвойственно. Во всяком случае, он решил, что Макчесни находится в творческом тупике, что было весьма характерно для него. В этот момент он навсегда вычеркнул его из своей памяти.

Не было никаких внешних признаков того, что у Билла дела шли хуже некуда — успех в «Нью-Стрэнде», успех в театре Принца Уэльсского, а еженедельные сборы были почти такими же высокими, как два или три года назад в Нью-Йорке. Безусловно, человек деятельный был вправе сменить место пребывания. А в человеке, который через час появился в своем доме в Гайд-парке, чтобы поужинать, была вся жизненная сила конца двадцатых годов. Эмми, очень усталая и неуклюжая, лежала на диване в гостиной наверху. Он на мгновение заключил ее в объятия.

— Уже почти все позади, — сказал он. — Ты прекрасна.

— Не говори глупостей.

— Это правда. Ты всегда прекрасна. Я не знаю, почему. Может быть, потому что у тебя есть характер, и это всегда видно, даже когда ты не в форме.

Она была довольна и провела рукой по его волосам.

— Характер — величайшая вещь на свете, — заявил он, — а у тебя его больше, чем у кого-либо из моих знакомых.

— Ты встречался с Бранкузи?

— Встречался. Он маленькая вошь! Я решил не приглашать его домой на ужин.

— В чем дело?

— О, просто нахамил, говорил о моей ссоре с Аронстаэлем, как будто я в этом виноват.

Она заколебалась, плотно сомкнула губы, а затем тихо сказала:

— Ты подрался с Аронстаэлем, потому что был пьян.

Он нетерпеливо поднялся.

— Ты собираешься начать...

— Нет, Билл, но ты слишком много пьешь. Ты же знаешь, что это так.

Понимая, что она права, он уклонился от ответа, и они отправились ужинать. За бутылкой кларета он решил, что завтра же уйдет в запой, пока не родится ребенок.

— Я всегда останавливаюсь, когда хочу, не так ли? Я всегда делаю то, что говорю. Ты разве не видела, как я могу перестать пить?

— Никогда.

Они вместе выпили кофе, а потом он встал.

— Возвращайся пораньше, — попросила Эмми.

— Конечно... В чем дело, детка?

— Я просто плачу. Не обращай на меня внимания.. Ну, давай, не стой там, как истукан.

— Я же волнуюсь, разумеется, за тебя. Мне не нравится, когда ты плачешь.

— Я не знаю, куда ты ходишь по вечерам, я не знаю, с кем ты. И эта леди Сибилла Комбринк, которая продолжает названивать. Все это, наверное, нормально, но я просыпаюсь ночью и чувствую себя такой одинокой, Билл. Ведь мы всегда были вместе, не правда ли, до недавнего времени?

— Но мы и сейчас вместе... Что с тобой случилось, Эмми?

— Я думаю — я просто схожу с ума. Мы никогда не подводили друг друга, не так ли? У нас никогда не было...

— Конечно, нет.

— Возвращайся пораньше, как сможешь.

Он заглянул на минутку в театр Принца Уэльского, затем зашел в соседний отель и набрал номер.

— Я бы хотел поговорить с ее светлостью. Звонит мистер Макчесни.

Прошло некоторое время, прежде чем леди Сибилла ответила:

— Это довольно неожиданно. Прошло несколько недель с тех пор, как мне посчастливилось услышать вас в последний раз.

Ее голос был резким, как удар хлыста, и холодным, как автоматический холодильник. Он был в той манере, которая стала привычной с тех пор, как английские леди начали собирать себя по крупницам из литературы.

На какое-то время это ошеломило Билла, но лишь на время. Он умел держать себя в руках.

— У меня не было свободной минуты, — легко объяснил он. — Вам же от этого не больно?

— Вряд ли здесь подходит слово «больно».

— Я боялся, что это так. Вы не прислали мне приглашения на вашу сегодняшнюю вечеринку. Я думал, что после того, как мы все обсудим, мы договоримся...

— Вы очень много говорите, — сказала она, — возможно, даже слишком много.

Внезапно, к удивлению Билла, она повесила трубку.

— Я становлюсь британцем, — подумал он. — Небольшая сценка под названием «Дочь тысячи графов».

Пренебрежение взбодрило его, безразличие возродило его угасающий интерес. Обычно женщины прощали ему перемены в настроении из-за его очевидной преданности Эмми, и разные дамы вспоминали о нем с мало-приятным вздохом. Но он не уловил такого вздоха по телефону.

«Мне надо навести порядок в этом бардаке», — подумал он. Если бы на нем был вечерний костюм, он, возможно, зашел бы на вечеринку и обсудил это с ней, ему все равно не хотелось возвращаться домой. Поразмыслив, Билл решил, что важно немедленно уладить недоразумение и вскоре начал подумывать о том, чтобы пойти в том виде, в каком он был; американцам прощали нетрадиционный вид. В любом случае, время еще не подошло, и в компании нескольких бокалов виски он целый час обдумывал этот вопрос.

В полночь он поднялся по ступенькам дома в Мэйфэре. Гардеробщицы неодобрительно разглядывали его твидовый костюм, а лакей тщетно искал его имя в списке гостей. К счастью, его друг сэр Хамфри Данн прибыл в то же время и убедил лакея, что это, должно быть, ошибка.

Войдя вовнутрь, Билл немедленно огляделся в поисках хозяйки.

Это была очень высокая молодая женщина, наполовину американка, и тем не менее англичанка. В каком-то смысле она открыла Билла Макчесни, поручилась за его дикое обаяние; его побег был для нее одним из самых унижительных переживаний с тех пор, как она «пустилась во все тяжкие».

Она стояла вместе с мужем во главе очереди на прием — Билл никогда раньше не видел их вместе. Он решил выбрать менее формальный момент для представления себя.

Прием продолжался бесконечно долго и ему становилось все более неуютно. Он увидел всего несколько знакомых людей и понял, что его одежда привлекает внимание. Билл знал также, что леди Сибилла видит его и могла бы снять его неловкость взмахом руки, но она этого не сделала. Он пожалел, что пришел, но отказываться сейчас было бы нелепо, и, подойдя к фуршетному столику, он взял бокал шампанского.

Когда он обернулся, она наконец была одна, и он уже собирался подойти к ней, когда дворецкий заговорил с ним:

— Прошу прощения, сэр. У вас есть приглашение?

— Я друг леди Сибиллы, — нетерпеливо сказал Билл. Он отвернулся, но дворецкий последовал за ним.

— Извините, сэр, но я вынужден попросить вас отойти со мной в сторону и разобраться во всем этом.

— В этом нет необходимости. Я как раз собираюсь поговорить с леди Сибиллой.

— У меня другое распоряжение, сэр, — твердо сказал дворецкий.

Затем, прежде чем Билл осознал, что происходит, его руки тихо прижали к бокам и втокнули в маленькую комнатку позади буфета.

Там он столкнулся с человеком в пенсне, в котором узнал личного секретаря Комбринков.

Секретарь кивнул дворецкому, сказав: «Да, это он и есть», после чего Биллу отпустили руки.

— Мистер Макчесни, — сказал секретарь, — вы сочли нужным ворваться сюда без приглашения, и его светлость просит вас немедленно покинуть его дом. Будьте добры, дайте мне талон на ваше пальто.

Билл все понял, и единственное слово, которое, по его мнению, применимо к леди Сибилле, сорвалось с его губ; после чего секретарь подал знак двум лакеям, и в яростной борьбе Билла пронесли через буфетную, где суетливые мальчишки-разносчики глазели на сцену, по длинному коридору и вытолкнули за дверь в ночь. Дверь закрылась, мгновение спустя она снова открылась, вылетело его пальто, а трость застучала вниз по ступенькам.

Пока он стоял, ошеломленный и пораженный, рядом с ним остановилось такси, и водитель окликнул его:

— Вам плохо, сэр?

— Что?

— Я знаю, где вы можете подкрепиться, уважаемый. Никогда не поздно.

Дверь такси открылась в кошмарный сон. Там было кабаре, в котором он не успел напиться до отключки; какое-то нелепое общение с незнакомками, которых он где-то подцепил; потом споры, попытки обналичить чек, внезапные заявления раз за разом о том, что он — Уильям Макчесни, продюсер, никого не убеждающие в этом, даже его самого. Казалось бы, важно было немедленно повидать леди Сибиллу и призвать ее к ответу; но в данный момент он ничего не предпринимал. Он сидел в такси, водитель которого только что разбудил его перед собственным домом.

Когда он вошел, звонил телефон, но он с каменным лицом миновал горничную и услышал ее голос только тогда, когда его нога была уже на лестнице.

— Мистер Макчесни, это снова звонят из больницы. Миссис Макчесни там, и они звонят каждый час.

Все еще пребывая в оцепенении, он поднес трубку к уху.

— Вам звонят из больницы Мидленд, по поводу вашей жены. Сегодня в девять утра у нее родился мертвый ребенок.

— Подождите минутку, — его голос стал сухим и надтреснутым. — Я ничего не понимаю.

Через некоторое время он понял, что ребенок Эмми мертв, а она так его хотела. Его колени подгибались, когда он шел по улице в поисках такси.

В палате было темно. Эмми подняла глаза и увидела его, стоящего у смятой постели.

— Это ты! — закричала она. — Я думала, ты умер! Куда ты делся?

Он бросился на колени рядом с кроватью, но она отвернулась.

— О, от тебя ужасно пахнет, — сказала она. — Меня от этого тошнит.

Но она продолжала держать руку у него в волосах, а он долго неподвижно стоял на коленях.

— Я похоронила тебя, — пробормотала она, — но это было ужасно, когда я думала, что ты умер. Все мертвы. Лучше бы я умерла.

Занавеска развевалась от ветра, и когда он поднялся, чтобы поправить ее, она увидела его в ярком утреннем свете, бледного и страшного, в мятой одежде и с синяками на лице. На этот раз она возненавидела его, а не тех, кто причинил ему боль. Она чувствовала, как он ускользает из ее сердца, чувствовала пустоту, которую он оставил, и вдруг он исчез, и она даже успела простить его и пожалеть. И все это за одну минуту.

Она упала у дверей больницы, пытаясь самостоятельно выбраться из такси.

IV

Когда Эмми поправилась физически и душевно, ее не покидала мысль научиться танцевать. Старая мечта, привитая мисс Джорджией Берриман Кэмпбелл из Южной Каролины, сохранялась как яркая дорога, ведущая к первой юности и дням надежд в Нью-Йорке. Для нее танцы означали то сложное сочетание извилистых движений и классических пируэтов, которое появилось в Италии несколько сотен лет назад и достигло своего апогея в России в начале этого века. Ей хотелось использовать себя в чем-то, во что она могла поверить, и ей казалось, что танец — это женская интерпретация музыки; вместо сильных пальцев у нее есть конечности, которыми можно исполнять Чайковского и Стравинского, а ноги могут быть так же выразительны в «Шопениане», как голоса в «Кольце нибелунга». В низшем понимании это было нечто среднее между акробатами и дрессированными тюленями, в высшем — Павлова и искусство.

Как только они поселились в квартире в Нью-Йорке, она погрузилась в свою работу, как шестнадцатилетняя девчонка — по четыре часа в день занималась упражнениями на турнике, позами, арабесками и пируэтами. Это стало самой настоящей частью ее жизни, и единственное, что ее беспокоило, — не слишком ли она стара. В двадцать шесть лет ей надо было наверстать упущенные десять лет, но она была прирожденной танцовщицей с прекрасным телом и таким же прекрасным лицом.

Билл поощрял это; когда она будет готова, он собирался сформировать вокруг нее первый настоящий американский балет. Бывало даже, что он завидовал ее увлеченности, ведь после их возвращения домой дела в его собственной сфере стали намного более затруднительны. В начале карьеры, когда он был уверен в себе, у него появилось много врагов; ходили преувеличенные истории о том, что он пьет, что он суров с актерами и с ним трудно работать.

Против него говорили, что он никогда не умел экономить и вынужден был выпрашивать деньги на каждый спектакль. К тому же, как ни странно, он был достаточно храбр и умен, чтобы доказать это в нескольких некоммерческих авантюрах. За ним не стояла Театральная гильдия, и те деньги, которые он потерял на провалах, были с него взысканы.

Были и успехи, но ради них он работал усерднее, или так казалось, потому что он начал расплачиваться за свою беспорядочную жизнь. Он всегда намеревался отдохнуть или бросить свои бесконечные сигареты, но сейчас было так много конкуренции — появлялись новые люди с новой репутацией непогрешимых, — и, кроме того, он не привык к постоянству. Ему нравилось делать свою работу большими рывками, вдохновленными черным кофе, которые кажутся неизбежными в шоу-бизнесе, но отнимающие много сил у человека после тридцати. В некотором смысле он стал полагаться на прекрасное здоровье и жизненную силу Эмми. Они всегда были вместе, и, если он чувствовал смутное недовольство тем, что стал нуждаться в ней больше, чем она в нем, всегда оставалась надежда, что в следующем месяце, в следующем сезоне у него все наладится.

Однажды ноябрьским вечером, возвращаясь домой из балетной школы, Эмми взмахивала своей маленькой серой сумочкой, нажав на шляпу поглубже на все еще влажные волосы и предалась приятным размышлениям. Когда-то она так же долго и упорно работала над чем-то другим: над своими отношениями с Биллом — только для того, чтобы достичь апогея страданий и отчаяния, но в данный момент ее ничто не беспокоило, кроме нее самой. И все же даже сейчас она чувствовала себя немного несдержанной, думая: «Ну вот и все. Я буду счастлива».

Она торопилась домой, так как сегодня произошло нечто, что она должна была обсудить с Биллом.

Найдя его в гостиной, она позвала его и пока переодевалась, начала говорить, не глядя по сторонам:

— Слушай, что случилось! — Ее голос был громким, перекрывающим журчание воды в ванной. — Пол Макова хочет, чтобы я танцевала с ним в «Метрополитен» в этом сезоне; только это не точно, это тайна — даже я не должна этого знать.

— Это здорово.

— Единственное, что меня беспокоит — не лучше ли мне было бы дебютировать за границей? Во всяком случае, я готова к выступлениям. Что ты думаешь?

— Я не знаю.

— Что-то я не чувствую особого энтузиазма в твоем голосе.

— Меня кое-что беспокоит. Я расскажу тебе об этом позже. Продолжай.

— Вот и все, дорогой. Если ты все еще хочешь поехать в Германию на месяц, как говорил, то Донилоф организует для меня дебют в Берлине, но я бы предпочла выступить здесь и танцевать с Полом Макова. Только представь... — она замолчала, внезапно почувствовав сквозь толщу своего восторга, насколько он отвлечен. — Скажи мне, что у тебя на уме.

— Сегодня днем я был у доктора Кернса.

— И что он сказал? — Ее мысли все еще пели от собственного счастья. Периодические приступы ипохондрии Билла давно перестали ее беспокоить.

— Я рассказал ему о крови сегодня утром, и он сказал то же самое, что и в прошлом году — скорее всего, у меня в горле лопнула вена. Но раз уж я кашляю и волнуюсь, то, наверное, лучше сделать рентген и прояснить ситуацию. Что ж, мы прояснили. Моего левого легкого практически нет.

— Билл!

— К счастью, на другом нет никаких пятен.

Она замерла, ужасно напуганная.

— Это случилось в неподходящее для меня время, — уверенно продолжал он, — но с этим нужно смириться. Он считает, что мне следует поехать на зиму в Адирондаки или в Денвер, он рекомендовал Денвер. Таким образом, через пять или шесть месяцев все прояснится.

— Конечно, нам придется... — она внезапно замолчала.

— Я не ожидаю, что ты поедешь, особенно если у тебя появилась великолепная возможность выступить.

— Конечно, я поеду с тобой, — быстро сказала она. — Твое здоровье превыше всего. Мы всегда и везде ездили вместе.

— Нет, не надо.

— Ну, конечно! — Она придала своему голосу силу и решительность. — Мы всегда были вместе. Я не смогу здесь жить без тебя. Когда ты собираешься уезжать?

— Как можно скорее. Я зашел повидаться с Бранкузи, чтобы узнать, не хочет ли он взять на себя роль Ричмонда, но он, похоже, не проявил энтузиазма, — его лицо посуровело. — Конечно, на данный момент ничего другого не будет, но мне хватит того, что причитается...

— Эх, если бы я зарабатывала хоть немного денег! — воскликнула Эмми. — Ты так усердно трудишься, а я трачу двести долларов в неделю только на свои уроки танцев — больше, чем смогу заработать за долгие годы.

— Через полгода я буду совершенно здоров, как всегда.

— Конечно, родимый, мы тебя вылечим. Мы начнем, как только сможем.

Она обняла его и поцеловала в щеку.

— Я просто старая нахлебница, — сказала она. — Мне надо было давно догадаться, что моему любимому нездоровится.

Он машинально потянулся за сигаретой, но затем остановился.

— Я забыл: мне нужно бросить курить, — он неожиданно поднялся: — Нет, детка, я решил ехать один. Ты там сойдешь с ума от скуки, а я буду думать, что отрываю тебя от танцев.

— Не думай об этом. Главное, чтобы ты поправился.

Они обсуждали этот вопрос в течение следующей недели, каждый из них говорил все, кроме правды: он хотел, чтобы она поехала с ним, а она страстно хотела остаться в Нью-Йорке. Она осторожно обсудила это со своим балетмейстером Донилофом и выяснила, что он считает любую отсрочку ужасной ошибкой. Видя, как другие девушки в балетной школе строят планы на зиму, она хотела скорее умереть, чем уехать, и Билл видел все невольные признаки ее страданий. Некоторое время они обсуждали компромиссный вариант — Адирондакские горы, куда она сможет летать на самолете на выходные, но у него уже начиналась небольшая лихорадка, и он твердо решил ехать на Запад.

Билл уладил все разногласия одним мрачным воскресным вечером с той грубой, великодушной справедливостью, которая впервые заставила ее восхищаться им. Она делала его довольно печальным в трудностях, так же как он всегда оставался покладистым в своем излишнем успехе:

— Это решать только мне, детка. Я попал в эту передрагу, потому что у меня не было никакого самоконтроля, у тебя, похоже, единственной в нашей семье, все это есть, — и теперь только я сам могу выбраться из нее. Ты в течение трех лет усердно готовилась к выступлениям и заслужила свой шанс — и, если откажешься от него, я никогда себе не прощу этого, — он ухмыльнулся. — Я этого не вынесу. Кроме того, это было бы нехорошо для ребенка.

В конце концов она сдалась, стыдясь себя, несчастная — и довольная. Ведь мир ее танцев, где она жила без Билла, теперь был для нее больше, чем мир, в котором они жили вместе. В одном было больше места для радости, чем для сожаления в другом.

Два дня спустя, купив билет на пять часов пополудни, они провели последние часы вместе, говоря обо всем, что внушало надежду. Она все еще протестовала, и искренне, если бы он хоть на мгновение ослаб, она бы поехала с ним. Но стресс что-то сделал с ним, и он проявил больше характера, чем за многие годы. Возможно, ему будет полезно разобраться с этим в одиночку.

— До весны! — произнесли они.

Потом на вокзале, расставаясь с ней и маленьким Билли, Билл произнес:

— Ненавижу эти кладбищенские прощания. Оставьте меня здесь. Я должен успеть до отправления поезда позвонить.

За шесть лет они ни разу не провели порознь ни одной ночи, за исключением того времени, когда Эмми лежала в больнице. За исключением времени пребывания в Англии, у них был хороший послужной список верности и нежности друг к другу, хотя ее с самого начала настораживала и часто не устраивала его неуверенная бравада. После того как он прошел через ворота один, Эмми обрадовалась, что ему нужно позвонить, и попыталась представить, как он это делает.

Она была хорошей женой, она любила его всем сердцем. Когда она выходила на Тридцать третью улицу, все было так же спокойно, как и раньше, и в квартире, за которую он заплатил, не будет его, а будет она, готовая сделать нечто, что осчастливит ее.

Пройдя несколько кварталов, она остановилась, подумав: «Что я делаю? Какой это ужас! Я бросаю его, как самого ненужного человека, о котором я когда-либо слышала. Я бросаю его на произвол судьбы и иду ужинать с Донилофом и Полом Макова, которые мне нравятся тем, что они красивые и у них одинаковый цвет глаз и волос. А в это время Билл едет в поезде один».

Она резко развернула маленького Билли, словно собираясь вернуться на станцию. Она увидела, как Билл сидит в поезде с бледным, усталым лицом и без Эмми.

«Я не могу подвести его, — причитала она про себя, когда волна за волной нахлынули на нее чувства. Но только чувства. — Разве он не подвел ее, разве он не делал в Лондоне того, что хотел? О, бедный Билл!»

Она стояла в нерешительности, понимая в последний раз, как быстро она забудет об этом и найдет оправдание своему поступку. Ей пришлось крепко задуматься о Лондоне, и совесть ее очистилась. Но сейчас, когда Билл остался один в поезде, думать об этом казалось ужасным. Даже сейчас она могла вернуться на станцию и сказать ему, что она едет с ним, но она все равно выжидала, и в душе очень сильно бурлила жизнь, борясь за нее. Тротуар в том месте, где она стояла, был узким; вскоре огромная волна людей, высыпавших из театра, хлынула по нему, и ее с маленьким Билли унесло вместе с толпой.

На станции Билл до последней минуты звонил по телефону и откладывал возвращение в купе, так как знал, что ее не будет там. После отправления поезда он зашел в купе и, конечно же, никого не обнаружил, кроме своих сумок на стойке и нескольких журналов на сиденье.

Тогда он понял, что потерял ее. Он видел ситуацию без каких-либо иллюзий — этот Пол Макова, месяцы близости и одиночества — после этого уже ничто не будет прежним. Когда он долго думал обо всем этом, читая в промежутках «Варьете», ему стало казаться, что каждый раз, когда он к этому возвращался, Эмми как будто бы умерла.

— Она была прекрасной девушкой, одной из лучших. У нее был характер.

Он прекрасно понимал, что сам виноват во всем, что здесь действует некий закон воздаяния. Он видел также, что, уехав, он снова стал таким же хорошим, как она, наконец-то все выровнялось.

Он чувствовал, помимо всего, даже помимо своего горя, почти комфортное ощущение того, что находится в руках чего-то большего, чем он сам. Будучи немного утомленным и неуверенным в себе — два качества, которые он никогда не мог терпеть, — это не казалось таким ужасным, как если бы он направлялся на Запад для окончательного решения проблемы. Он был уверен, что Эмми обязательно придет, чем бы она ни занималась и как бы хорошо ни была устроена.

КАКАЯ КРАСИВАЯ ПАРА!

I

Ноябрьским днем 1902 года в четыре часа Тедди Ван Бек вышел из кэба перед особняком из коричневого камня на Мюррей-Хилл. Это был высокий, сутулый молодой человек с крючковатым носом и мягкими карими глазами на чувственном лице. В его жилах текла кровь колониальных губернаторов и знаменитых баронов-разбойников; в нем этот синтез породил для того времени и места нечто иное и нечто новое.

Его кузина, Хелен Ван Бек, ждала в гостиной. Ее глаза были красными от слез, она была достаточно молода, чтобы это умаляло ее сияющую красоту — красоту, которая достигла той точки, когда, казалось, будто она будет расти вечно. Ей было девятнадцать, и, вопреки всему, она была очень счастлива.

Тедди обнял ее и поцеловал в щеку, и когда она отвернулась, то обнаружил, что целует ее ухо. Он обнял ее на мгновение, но его собственный энтузиазм уже остыл, и он сказал:

— Не похоже, что ты очень рада меня видеть.

Хелен предчувствовала, что это будет одна из памятных сцен в ее жизни, и с неосознанной жестокостью принялась извлекать из нее всю драматическую ценность. Она села в угол дивана, напротив мягкого кресла.

— Садись сюда, — приказала она в той царственной манере, которая в то время вызывала восхищение, а затем, когда Тедди присел на стул у рояля: — Нет, не садись. Я не могу с тобой разговаривать, если ты будешь вертеться вокруг.

— Сядь ко мне на колени, — предложил он.

— Ну уж нет.

Наигрывая одной рукой на пианино, он произнес:

— Здесь мне лучше слушается.

Хелен оставила надежды начать с грустной и спокойной ноты.

— Это серьезное дело, Тедди. Не думай, что я приняла это решение, не подумав хорошенько. Я должна просить тебя... просить тебя освободить меня от наших взаимных обязательств.

— Что? — лицо Тедди побледнело от шока и смятения.

— Я должна рассказать тебе все с самого начала. Тебя интересует только твоя музыка, а я даже не умею играть на палочках для еды.

Голос у нее был уставшим, словно от страданий; маленькие зубки прикусили нижнюю губу.

— И что с этого? — спросил он с облегчением. — Я достаточно музыкален для того и другого. Чтобы выйти замуж за банкира, необязательно разбираться в банковском деле, верно?

— Это совсем другое дело, — возразила Хелен. — Что мы будем делать вместе? Также важно, что ты не любишь ездить верхом, а мне сказал, что боишься лошадей.

— Я действительно боюсь лошадей, — сказал он и, вспомнив, добавил: — Они всегда меня пытаются укусить.

— Это вы их вынуждаете...

— Я не встречал ни одной лошади, в нормальном смысле этого слова, которая не пыталась бы меня укусить. Раньше они делали это, когда я надевал уздечку, потом они стали вертеть головами, пытаясь добраться до моих икр.

Глаза ее отца, который подарил ей шетландскую овчарку в три года, холодно и жестко блестели в ее глазах.

— Тебе не нравятся даже люди, которые нравятся мне, не говоря уже о лошадях, — заявила она.

— Я могу их терпеть. Я всю жизнь их терплю.

— Ну, это был бы глупый способ вступить в брак. Я не вижу никаких оснований для взаимной... взаимной...

— Прогулки верхом?

— О, только не это. — Хелен заколебалась, а затем сказала неуверенным тоном: — Вероятно, я недостаточно умна для тебя.

— Не говори таких вещей! — он желал знать правду: — Кто этот парень?

Ей потребовалось мгновение, чтобы прийти в себя. Ее всегда возмущала склонность Тедди обращаться с женщинами менее церемонно, чем это было принято в те времена. Часто он казался ей незнакомым, почти путающим молодым человеком.

— Есть такой, — призналась она. — Это парень, которого я всегда слегка знала, но около месяца назад, когда я ездила в Саутгемптон, меня бросили с ним.

— Бросили с лошади?

— Пожалуйста, Тедди, — серьезно запротестовала она. — Из-за нас с тобой я становилась все более несчастной, а всякий раз, когда я была с ним, все казалось в порядке.

В голосе Хелен прозвучала нотка восторга, которую она не стала скрывать. Она встала и пересекла комнату, ее прямые стройные ноги выделялись через платье.

— Мы вместе катались верхом, плавали и играли в теннис — делали то, что нравилось нам обоим.

Он уставился в пустое пространство, возникшее на ее месте.

— И это все, что привлекло тебя к нему?

— Нет, это было нечто большее. Он волновал меня так, как никто и никогда, — она рассмеялась. — Думаю, что я начала задумываться об этом, когда однажды мы пришли с прогулки, и все вслух сказали, какая мы красивая пара.

— Ты его целовала?

Она заколебалась.

— Да, один раз.

Он встал со стула у рояля.

— У меня такое чувство, как будто мне в живот попало пушечное ядро, — воскликнул он.

Дворецкий объявил о приходе мистера Стюарта Олдхорна.

— Это он? — натянуто спросил Тедди.

Она внезапно почувствовала себя расстроенной и сбитой с толку.

— Он должен был прийти позже. Ты не хочешь встретиться с ним?

Но Стюарт Олдхорн, обретший уверенность в своем новом чувстве собственника, последовал за дворецким.

Двое парней смотрели друг на друга с выражением любопытного бессилия на лицах. Между парнями в таком положении не может быть общения, поскольку их связь опосредованна и заключается в том, насколько каждый из них обладает или будет обладать женщиной, стоящей рядом с ними, так что их эмоции проходят через ее раздвоенное «я», как через плохую телефонную линию.

Стюарт Олдхорн уселся рядом с Хелен, не сводя вежливого взгляда с Тедди. Он обладал такой же удивительной физической формой, как и она. Он был лучшим спортсменом Йельского университета, участником войны на Кубе и лучшим молодым наездником на Лонг-Айленде. Женщины любили его не только за остроумие, но и за настоящий сладострастный нрав.

— Вы так много прожили в Европе, что я нечасто вас видел, — сказал он Тедди.

Тедди не ответил, и Стюарт Олдхорн повернулся к Хелен:

— Я пришел слишком рано; я не знал...

— Вы пришли в самое подходящее время, — довольно резко сказал Тедди. — Я остался, чтобы передать вам свои поздравления.

К тревоге Хелен, он повернулся и пробежал пальцами по клавишам рояля. Затем он начал играть.

Что он играл, ни Хелен, ни Стюарт не знали, но Тедди всегда знал. Он привел свои мысли в порядок с помощью краткого обзора истории музыки, начиная с нескольких аккордов из «Мессии» и заканчивая «Более, чем медленно» Дебюсси, которая произвела на него сильное впечатление, потому что он впервые услышал ее в день смерти своего брата. Затем, сделав небольшую паузу, он начал играть более вдумчиво, и влюбленные на диване почувствовали, что они одни — что он оставил их и больше не общается с ними. Дискомфорт Хелен уменьшился. Но полет, неуловимость музыки волновали ее, вселяли чувство досады. Если бы Тедди играл нынешнюю сентиментальную песенку Эрмини и играл бы ее с чувством, она бы поняла

Стюарт Олдхорн повернулся к Хелен:

— Я пришел слишком рано; я не знал...

— Вы пришли в самое подходящее время, — довольно резко сказал Тедди. — Я остался, чтобы передать вам свои поздравления.

К тревоге Хелен, он повернулся и пробежал пальцами по клавишам рояля. Затем он начал играть.

и прониклась, но он внезапно погружал ее в мир зрелых эмоций, за которыми ее природа не могла и не желала следовать.

Она слегка встряхнулась и спросила Стюарта:

— Ты купил лошадь?

— Да, и по выгодной цене... Ты знаешь, что я люблю тебя?

— Я так рада этому, — прошептала она.

Рояль внезапно умолк. Тедди закрыл его и медленно повернулся:

— Вам понравилось мое поздравление?

— Очень, — сказали они в один голос.

— Это было довольно неплохо, — признался он. — Последняя часть была основана лишь на небольшом контрапункте. Общая идея заключалась в том, что вы такая красивая пара.

Он неестественно рассмеялся, Хелен последовала за ним в холл.

— Прощай, Тедди, — сказала она. — Мы будем хорошими друзьями, не так ли?

— Не так ли? — повторил он. Он подмигнул, не улыбаясь, и, издав отчаянный щелчок губами, быстро вышел.

Какое-то время Хелен тщетно пыталась оценить ситуацию, недоумевая, как она с ним обошлась, и с неохотой понимая, что ни на мгновение не держала ситуацию в своих руках. Она смутно осознала, что Тедди был гораздо масштабнее; затем эта масштабность испугала ее, и она с облегчением и приливом чувств поспешила в гостиную в объятия своего возлюбленного.

Их помолвка длилась все безмятежное лето. Стюарт навестил семью Хелен в Тукседо, а Хелен — его семью в Уитли-Хиллз. Перед завтраком копыта их лошадей степенно разбрасывали росу на сентиментальных полянах или заволакивались пылью, когда они мчались по грунтовым дорогам. Они купили велосипед-тандем и колесили по всему Лонг-Айленду, по мнению миссис Кассиус Рутвен, современницы Катона, «довольно шустро» для пары, еще не состоящей в браке. Они редко отдыхали, но, когда это случалось, они валялись на подушках Гибсона.

Пристрастие Хелен к спорту было прогрессивным для ее поколения. Она ездила верхом почти так же хорошо, как Стюарт, и показывала достойную игру в теннис. Он научил ее немного играть в поло, и они были без ума от гольфа, когда он еще считался комическим. Им нравилось вместе чувствовать себя в форме. Они считали себя командой, и люди часто отмечали, насколько хорошо они спаяны. Хор одобрительных завистливых возгласов следовал за их непринужденным очарованием.

Они сидели на диване и просто болтали.

— Жаль, что тебе приходится ходить в офис, — говорила она. — Мне бы хотелось, чтобы ты занимался чем-то таким, чем мы могли бы заниматься вместе, например, укрощением львов.

— Я всегда думал, что, в крайнем случае, смогу зарабатывать на жизнь разведением лошадей и скачками, — сказал Стюарт.

— Я знаю, что ты сможешь, дорогой.

В августе он взял с собой автомобиль Томаса и вместе с тремя друзьями совершил поездку в Чикаго. Это было событие национального масштаба, и их фотографии появились во всех газетах. Хелен хотела поехать с ними, но это было бы неприлично, и они пошли на компромисс, проехав по Пятой авеню единые с прекрасным днем и шумной толпой, но отличающиеся единством, которое делало каждого из них вдвойне сильными.

— Что ты об этом думаешь? — требовательно спросила Хелен. — Тедди прислал мне самый странный подарок — подставку для чашек.

Стюарт рассмеялся.

— Очевидно, он имеет в виду, что мы будем выигрывать только кубки.

— Я думаю, это был скорее укор, — размышляла Хелен. — Я знаю, что его приглашали на вечеринки, но он не ответил ни на одно приглашение. Может, заглянем к нему домой? Я не видела его несколько месяцев, и мне не нравится оставлять что-либо неприятное в прошлом.

Стюарт не стал заходить внутрь.

— Я посижу и отвечу на вопросы прохожих об автомобиле.

Дверь открыла женщина в чепчике домработницы, и Хелен услышала из соседней комнаты звуки рояля Тедди. Женщина, казалось, не хотела ее впускать.

— Он просил не отвлекать его, но я полагаю, вы его кузина...

Тедди поприветствовал ее, явно удивленный и несколько расстроенный, но через минуту снова стал самим собой.

— Я не женюсь на тебе, — заверил он ее. — У тебя появился шанс.

— Хорошо, — рассмеялась она.

— Как ты? — он швырнул в нее подушкой. — Ты прекрасна! Ты довольна этим... этим кентавром? Он бьет тебя хлыстом для верховой езды?

Тедди пристально посмотрел на нее.

— Ты выглядишь немного скучнее, чем когда я тебя знал. Раньше я доводил тебя до нервного возбуждения, которое было похоже на интеллект.

— Я счастлива, Тедди. Я надеюсь, что это так.

— Я тоже счастлив, я играю. У меня Макдауэлл на побегушках, и в сентябре следующего года у меня будет концерт в Карнеги-холле, — его глаза стали задумчивыми. — Что ты думаешь о моей девушке?

— Твоей девушке?

— О девушке, которая открыла дверь.

— О, я думала, это горничная. — Она покраснела и замолчала.

Он рассмеялся.

— Эй, Бетти! — крикнул он. — Тебя приняли за горничную!

— И в этом виновата воскресная уборка, — ответил голос из соседней комнаты.

Тедди понизил голос.

— Она тебе нравится? — требовательно спросил он.

— Тедди! — она покачнулась на подлокотнике дивана, раздумывая, не уйти ли ей немедленно.

— Что бы ты подумала, если бы я женился на ней? — доверительно спросил он.

— Тедди! — она была возмущена; одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что эта женщина простая домработница. — Ты шутишь. Она старше тебя... Ты же не такой дурак, чтобы так разбрасываться своим будущим.

Он не ответил.

— Она что, музыкальна? — спросила Хелен. — Она помогает тебе в работе?

— Она не знает ни одной ноты. Ты тоже не знала, но во мне столько музыки, что ее хватит на двадцать жен.

Представив себя одной из них, Хелен чопорно встала.

— Все, о чем я могу попросить тебя, — это подумать, что почувствовала бы твоя мать и те, кто заботился о тебе.... До свидания, Тедди.

Он вышел вместе с ней за дверь и спустился по лестнице.

— На самом деле, мы женаты уже два месяца, — небрежно сказал он. — Она была официанткой в заведении, где я раньше обедал.

Хелен чувствовала, что ей следует рассердиться и отстраниться, но слезы уязвленного тщеславия навернулись ей на глаза.

— И ты ее любишь?

— Она мне нравится; она хорошая девушка и подходит мне. Любовь — это нечто другое. Я любил тебя, Хелен, и на данный момент все это умерло во мне. Может быть, это проявляется в моей музыке. Когда-нибудь я, вероятно, полюблю других женщин — или, может быть, никогда и не будет никого, кроме тебя. До свидания, Хелен.

Это признание тронуло ее до слез.

— Я надеюсь, ты будешь счастлив, Тедди. Приходи со своей женой на свадьбу.

Он поклонился без церемоний. Когда она ушла, он задумчиво вернулся в свою квартиру.

— Это была та самая кухня, в которую я был влюблен, — пояснил он.

— И что? — лицо Бетти, спокойное, как у настоящей ирландки, просветлело от интереса. — А она хорошенькая.

— Она бы не подошла мне так, как такая милая крестьянка, как ты.

— Ты всегда думаешь только о себе, Тедди Ван Бек.

Он рассмеялся.

— Разумеется, но ты все равно любишь меня?

— Это большой вопрос.

— Хорошо. Я вспомню об этом, когда ты придешь выпрашивать поцелуй. Если бы мой дедушка узнал, что я женился на ирландке, он бы перевернулся в могиле. А теперь выметайся и дай мне поработать.

Лицо его уже было решительным, спокойным, но глаза с каждой минутой становились все внимательнее, пока в них не появилась ледяная пелена, за которой они, казалось, соединились с ушами, чтобы видеть и слышать. Вскоре на его лице уже не было никаких признаков того, что произошло нечто, нарушившее безмятежность его воскресного утра.

II

Миссис Кассиус Рутвен и ее подруга, откинув вуали на шляпках, сидели в своем автомобиле на краю поля.

— Молодая женщина играет в поло в бриджах... — вздохнула миссис Рутвен. — Это дочь Эми Ван Бек. Я полагала, что, когда Хелен создавала команду «Амазонки», она остановится на юбках с разрезами. Но ее муж, видимо, не возражает, потому что он стоит и подбадривает ее. Разумеется, им всегда нравились одни и те же развлечения.

— Эти двое — пара чистокровных аристократов, — самодовольно сказала другая женщина, признавая их равными себе. — Глядя на них, никогда не подумаешь, что что-то пошло не так.

Она имела в виду ошибку Стюарта во время паники 1907 года. Отец оставил ему рискованное финансовое положение, и Стюарт допустил ошибку в своих

расчетах. Его честь не подвергалась сомнению, и люди преданно поддерживали его, но его карьера на Уолл-стрит закончилась, а его небольшое состояние исчезло.

Он стоял среди парней, с которыми собирался играть, и отмечал, что нужно сообщить Хелен после игры: она недостаточно быстро включилась в игру, и несколько раз без нужды отвлекалась в ответственные моменты. Пони был вялым — наказание за игру на наемных, — но, тем не менее, она была лучшим игроком на поле, и на последней минуте она сделала сейв, который вызвал аплодисменты.

— Молодец! Отлично!

Стюарту была поручена неприятная обязанность согнать женщин с поля. Те начали игру с часовым опозданием, и теперь команда из Нью-Джерси ждала своего часа; он предчувствовал беду, когда перешел дорогу, чтобы присоединиться к Хелен, и пошел рядом с ней в сторону конюшни. Она была великолепна: покрасневшие щеки, сияющие, торжествующие глаза, короткое, взволнованное дыхание. Он на минуту задумался.

— Это был просто отличный удар на последней минуте, — сказал он.

— Спасибо. Я чуть было не сломала руку в этот момент. А разве я не была хороша с самого начала?

— Ты все время была лучшей.

— Я знаю.

Он подождал, пока она спешится и передаст пони конюху.

— Хелен, я думаю, что у меня есть работа.

— Какая?

— Я пока не знаю — надо все обдумать. Гас Майерс хочет, чтобы я управлял его конюшней. Восемь тысяч в год.

Хелен задумалась.

— Это приличное жалованье, и бьюсь об заклад, что ты сможешь неплохо зарабатывать на его лошадях.

— Главное, что мне нужны деньги. Будь у меня их столько же, сколько у тебя, все было бы намного проще.

— У тебя было бы столько же, сколько и у меня, — повторила Хелен. Она почти сожалела, что ему больше не понадобится ее помощь. — Но работа у Гаса Майерса разве не налагает каких-то особых обязательств? Чего он от тебя ожидает?

— Вероятно, он на меня рассчитывает, — прямо ответил Стюарт. — Если я могу помочь ему в общественном положении, я это сделаю. Собственно говоря, он хочет видеть меня сегодня на ужине.

— Ладно, — рассеянно сказала Хелен.

Все еще не решаясь сказать ей, что их игра окончена, Стюарт проследил за ее взглядом в сторону поля, где к ограждению подъехал автомобиль и там припарковался.

— А вот и твой старый друг Тедди, — сухо заметил он, — или, скорее, твой новый друг Тедди. Он внезапно проявил интерес к поло. Возможно, он думает, что лошади этим летом не кусаются.

— У тебя, наверное, плохое настроение, — запротестовала Хелен. — Знаешь, одно твоё слово, и я никогда больше его не увижу. Все, чего я хочу на свете, — это чтобы мы с тобой были вместе.

— Я знаю, — с сожалением признался он. — Продажа лошадей и отказ от клубов ставят крест на этом. Я знаю, все женщины влюбляются в Тедди, он теперь знаменит, но если он попытается подурочиться с тобой, я разобью рояль о его голову... О, ещё кое-что, — начал он, увидев, что мужчины уже выезжают на поле. — Насчет вашего последнего тайма...

Как мог, он изложил ей ситуацию. Он не был готов к вспышке гнева, охватившей ее.

— Это возмутительно! Я заявила об игре, и это уже три дня висит на доске объявлений.

— Вы начали на час позже.

— А знаешь почему? — спросила она. — Потому что твой друг Джо Морган настоял на том, чтобы Сели ехала в женском седле. Он трижды срывал с нее бриджи, и ей пришлось убежать через кухонное окно, чтобы добраться сюда.

— Я ничего не могу с этим поделать.

— Почему ты не можешь? Разве ты не был когда-то президентом этого клуба? Как женщины могут рассчитывать на успех, если им приходится уходить с поля каждый раз, когда на нем появляются мужчины? Все, чего хотят мужчины, — это чтобы женщины подходили к ним вечером и говорили, какую прекрасную игру сыграли их мужья!

Все еще бушующая и обвиняя Стюарта, она пересекла поле и подошла к машине Тедди. Он вышел из нее и встретил ее пристальным взглядом:

— Я дошел до того, что не могу ни спать, ни есть, думая о тебе. Что это еще за безобразие?

В нем было что-то волнующее, чего она не замечала в прежние времена; возможно, рассказы о его похождениях сделали его более романтичным для нее.

— Ну, не думай обо мне, — сказала она. — Мое лицо с каждым днем становится все грубее, а мои мускулы выпирают из вечернего платья, как у пародиста. Люди начинают называть меня милой, а не прекрасной. Кроме того, у меня отвратительное настроение. Мне кажется, что женщин всегда и во всем обходят стороной.

Игра Стюарта в тот день была жесткой. В первые же пять минут он понял, что машины Тедди больше нет, и его меткие удары стали сыпаться со всех сторон. После этого он галопом помчался через всю округу домой; его настроение не улучшила записка, врученная ему няней:

«Дорогой, раз уж твои друзья не позволили нам поиграть, я не собиралась сидеть там и ждать; поэтому я попросила Тедди отвезти меня домой. И поскольку тебя не будет на ужине, я поеду с ним в Нью-Йорк в театр. Я либо вернусь поездом, либо проведу ночь у мамы.

Хелен».

Стюарт поднялся наверх и надел смокинг. У него не было никакой защиты от неведомых когтей ревности, которые начали медленно раздирать его внутренности. Хелен часто ходила на спектакли и вечеринки с другими мужчинами, но это было совсем другое. Он испытывал к Тедди легкое презрение обычного человека к художнику, но последние полгода уязвили его гордость. Он предчувствовал, что Хелен может всерьез увлечься кем-то другим.

На ужине у Гаса Майерса он был в дурном расположении духа: его раздражало, что хозяин так свободно рассказывает об их деловом соглашении. Когда они наконец встали из-за стола, он решил, что дело так не пойдет, и отозвал Майерса в сторону.

— Послушайте, мистер Майерс. Боюсь, что это не очень хорошая идея.

— Почему же нет? — Он посмотрел на него с тревогой. — Вы что, отказываетесь от предложения? Мой дорогой друг...

— Думаю, нам лучше отказаться от этой затеи.

— И почему, могу я спросить? Конечно, я хочу знать почему?

Стюарт задумался.

— Хорошо, я вам скажу. Когда вы произносили эту небольшую речь, вы упомянули обо мне так, как будто каким-то образом купили меня, как будто я стал кем-то вроде служащего в вашем офисе. В мире спорта так не принято, там все более-менее демократично. Я вырос со всеми этими парнями, собравшимися сегодня здесь, и им это нравится ничуть не больше, чем мне.

— Понятно, — тщательно обдумав ответ, сказал мистер Майерс, — понятно. Внезапно он хлопнул Стюарта по спине.

— Это именно то, что я хотел услышать, это помогает мне. Отныне я не буду упоминать о вас, что вы у меня... что у нас некое деловое соглашение. Так пойдет? В конце концов, зарплата составляла восемь тысяч долларов.

— Да, меня это устраивает, — согласился Стюарт. — Но вам придется извинить меня сегодня вечером. Мне надо срочно на поезд.

— Я дам вам свой автомобиль.

В десять часов он позвонил в дверь квартиры Тедди на Сорок восьмой улице.

— Я ищу мистера Ван Бека, — сказал он женщине, которая открыла дверь. — Я знаю, что он ушел в театр, но мне интересно, не могли бы вы сказать мне...

Внезапно он догадался, кто эта женщина.

— Я Стюарт Олдхорн, — объяснил он. — Я женился на кузине мистера Ван Бека.

— О, входите, — любезно сказала Бетти. — Я знаю, кто вы такой.

Ей было чуть за сорок, она была полновата и невзрачна на вид, но полна бодрой жизненной силы. Они сели в гостиной.

— Вы хотите видеть Тедди?

— Он с моей женой, и я хочу присоединиться к ним после представления. Вы случайно не знаете, куда они направились?

— А, так Тедди с вашей женой, — в ее голосе слышался слабый приятный акцент. — Вот оно как, он не уточнял, где именно будет сегодня вечером.

— Значит, вы не знаете?

— Не знаю, ни за что на свете, — весело призналась она. — Мне жаль.

Он встал, и Бетти увидела на его лице плохо скрываемую боль. Внезапно ей стало по-настоящему жаль его.

— Я слышала, как он говорил что-то о театре, — размышляла она. — Теперь сядьте и дайте мне подумать. Он так много ходит по ним, а мне достаточно одного раза в неделю, так что один вечер смешивается в моей голове с другими. Разве ваша жена не сказала, где их встретить?

— Нет. Я узнал об этом из записки, когда они уже уехали. Она написала, что обратно на Лонг-Айленд поедет на поезде или заночует у матери.

— Вот и все, вспомнила, — торжествуя сказала Бетти, ударяя ладонями друг о друга, как тарелками. — Именно так он и сказал, когда звонил, — что посадит кузину после представления на поезд до Лонг-Айленда, а сам сразу вернется домой. У нас заболел ребенок, и это выбило меня из колеи.

— Мне очень жаль, что я побеспокоил вас.

— Это не проблема. Садитесь. Сейчас только начало одиннадцатого.

Почувствовав облегчение, Стюарт немного расслабился и взял сигару.

— Нет, если бы я пыталась угнаться за Тедди, у меня бы уже были седые волосы, — сказала Бетти. — Конечно, я хожу на его концерты, но часто засыпаю — но, чтобы он об этом не знал. Пока он не пьет слишком много и помнит дорогу домой, меня не особо волнует, где он бродит.

Когда лицо Стюарта снова стало серьезным, она сменила тон:

— В общем и целом, он хороший муж, и у нас счастливая совместная жизнь, мы не мешаем друг другу. Как бы он справился, работая рядом с детской и стенами при каждом звуке? И как бы я справилась, отправившись к миссис Рутвен с ним, где все говорят о высшем обществе и высоком искусстве?

Стюарту вспомнилась фраза Хелен: «Всегда вместе — мне нравится, когда мы все делаем вместе».

— У вас есть дети, не так ли, мистер Олдхорн?

— Да. Мой мальчик уже почти такой большой, что может сесть на лошадь.

— Ах, да, вы же оба отлично разбираетесь в лошадях.

— Моя жена говорит, что как только их ноги станут достаточно длинными, чтобы доставать до стремян, она снова заинтересуется ими. — Стюарту это показалось неправильным, и он изменил формулировку: — Я имею в виду, что она всегда интересовалась ими, но она никогда не позволяла им монополизировать себя или встать между нами. Мы всегда верили, что брак должен основываться на дружеских отношениях, на совпадении интересов. Я имею в виду, что вы музыкальны и помогаете своему мужу.

Бетти рассмеялась.

— Жаль, что Тедди это не слышит. Я не могу прочесть ни ноты, ни запомнить мелодию.

— Нет? — он был сбит с толку. — У меня почему-то сложилось впечатление, что вы музыкальны.

— Вы не можете понять, почему он женился на мне?

— Вовсе нет. Напротив.

Через несколько минут он пожелал ей спокойной ночи, почему-то испытывая к ней симпатию. Когда он ушел, выражение лица Бетти медленно сменилось раздражением; она подошла к телефону и позвонила в студию своего мужа:

— Вот ты где, Тедди. А теперь слушай меня внимательно. Я знаю, что твоя кузина с тобой, и я хочу поговорить с ней... А теперь не лги. Дай ей трубку. Ее муж был здесь, и если ты не дашь мне ее, то это может оказаться серьезным делом.

Послышался неразборчивый разговор, а затем голос Хелен:

— Здравствуйте.

— Добрый вечер, миссис Олдохорн. Ваш муж приходил сюда в поисках вас с Тедди. Я сказала, что не знаю, на какой пьесе вы были, так что вам лучше самим об этом подумать. И сказала, что Тедди оставит вас на вокзале, чтобы успеть на поезд.

— О, большое вам спасибо. Мы...

— А теперь отправляйтесь к своему мужу, а то у вас будут неприятности, или я не разбираюсь в мужчинах. И... подождите минутку. Скажите Тедди, если он задержится в студии, что Джози спит очень чутко, и чтоб он не прикасался к роялю, когда вернется домой.

Бетти услышала, как Тедди вернулся в одиннадцать, и вошла в гостиную, пахнущую ромашковым паром. Он рассеянно поздоровался с ней; на его лице было выражение страдания, а глаза были блестящими и устремленными вдаль.

— Ты называешь себя великим музыкантом, Тедди Ван Бек, — заметила она, — но мне кажется, тебя гораздо больше интересуют женщины.

— Оставь меня в покое, Бетти.

— Я оставляю тебя в покое, но, когда сюда начнут приходить мужья, это будет совсем другое дело.

— Все было по-другому, Бетти. Все это далекое прошлое.

— А мне кажется, что это настоящее.

— Не заблуждайся насчет Хелен, — сказал он. — Она порядочная женщина.

— Не по твоей вине, я знаю.

Он устало уронил голову на руки.

— Я пытался забыть ее. Я избегал ее шесть лет. И вот, когда я встретил ее месяц назад, прошлое нахлынуло на меня. Постарайся понять, Бет. Ты мой лучший друг, ты единственный человек, который когда-либо любил меня.

— Когда у тебя все в порядке, я люблю тебя, — сказала она.

— Не волнуйся. Все кончено. Она любит своего мужа; она просто приехала со мной в Нью-Йорк, потому что она почему-то обиделась на него. Сейчас она далеко от меня... В любом случае, я больше ее не увижу. А теперь иди спать, Бет. Я хочу немного поиграть.

Он был уже на ногах, когда она остановила его.

— Сегодня вечером ты не прикоснешься к роялю.

— О, я забыл о Джози, — произнес он с сожалением. — Хорошо, я выпью бутылку пива, а потом лягу спать.

Он подошел ближе и обнял ее.

— Дорогая Бет, никто и никогда не сможет помешать нам.

— Ты плохиш, Тедди, — сказала она. — Я бы никогда не поступила с тобой так скверно.

— Откуда ты знаешь, Бет? Откуда ты знаешь, как бы ты поступила?

Он пригладил ее прямые каштановые волосы, в тысячный раз осозная, что для него в ней нет ничего от темной магии мира, но он не смог бы прожить без нее шесть часов подряд. «Дорогая Бет, — прошептал он. — Дорогая Бет».

III

Олдхорны были в гостях. За последние четыре года, с тех пор как Стюарт разорвал свою кабальную сделку с Гасом Майерсом, они стали приезжими. Зимой дети навещали бабушку Ван Бек и ходили в школу в Нью-Йорке. Стюарт и Хелен навещали друзей в Эшвилле, Эйкене и Палм-Бич, а летом обычно занимали небольшой коттедж в чьем-нибудь поместье на Лонг-Айленде. «Моя дорогая, он просто стоит там пустой. Мне бы и в голову не пришло брать какую-либо арендную плату. Вы окажете нам услугу, заняв его».

Обычно так оно и было; они отдавали большую часть себя с той вечной готовностью и энтузиазмом, которые делают гостей успешными, — это стало их профессией. Путешествуя по миру, который разбогател на войне в Европе, они где-то сбились с пути. Дважды блестяще сыграв в гольф в национальном любительском турнире, Стюарт согласился на работу профессионалом в клубе, который помог основать его отец. Он был беспокойным и несчастным.

В этот уик-энд они были в гостях у его ученика. Олдхорны поднялись наверх переодеться к ужину, с неприятными ощущениями, накопившимися за многие неудачные месяцы. Днем Стюарт играл с их хозяйкой, а Хелен с другим мужчиной — ситуация, которой Стюарт всегда боялся, потому что это вынуждало его соревноваться с Хелен. На самом деле он пытался смазать этот удар на восемнадцатой лунке, просто смазать его. Но мяч каким-то чудом упал в лунку. Хелен выполняла небрежные движения честного неудачника, но весь остаток дня она посвятила своему партнеру.

Когда они вошли в свою комнату, на их лицах все еще было притворное веселье.

Когда дверь закрылась, приятное выражение лица Хелен исчезло, и она направилась к туалетному столику, как будто ее собственное отражение было единственно достойной компанией, с которой можно было пообщаться. Стюарт наблюдал за ней, нахмурившись.

— Я знаю, почему ты в плохом настроении, — сказал он, — хотя, по-моему, ты сама об этом не догадываешься.

— У меня отличное настроение, — ответила Хелен прерывистым голосом.

— Это не так, и я знаю истинную причину — ту, о которой ты не догадываешься. Это потому, что сегодня днем я выполнил тот удар.

...Приятное выражение лица Хелен исчезло, и она направилась к туалетному столику, как будто ее собственное отражение было единственно достойной компанией, с которой можно было пообщаться.

Она медленно, удивленно отвернулась от зеркала.

— О, так у меня появилась новая ошибка! Из-за этого я вдруг стала никому-дышным спортсменом!

— На тебя это не похоже, ты отличная спортсменка, — признал он, — но откуда весь этот интерес к другим мужчинам и почему ты смотришь на меня так, как будто я... ну, слегка не в себе?

— Я не в курсе этого.

— Да?

Он осознал, что в их жизни всегда кто-то есть — какой-нибудь мужчина с властью и деньгами, который ухаживает за Хелен и дает ей ощущение солидности, которого он не смог обеспечить. У него не было причин ревновать к какому-то конкретному мужчине, но давящее влияние многих раздражало. Его раздражало, что из-за столь незначительной обиды Хелен своими действиями напоминает ему, что он больше не заполняет всю ее жизнь.

— Если Энн может получить хоть какое-то удовлетворение от победы, пусть получает, — внезапно сказала Хелен.

— Не слишком ли это мелочно? Она не в твоём классе; она не попадет в третий дивизион в Бостоне.

Почувствовав себя не в своей тарелке, она сменила тон.

— Да не в этом дело, — вырвалось у нее. — Просто мне все время хочется, чтобы мы с тобой играли вместе, как раньше. А теперь тебе приходится играть с новичками и вытаскивать их жалкие ударчики из лунок. Особенно, — она заколебалась, — особенно когда ты так излишне галантен.

Слабое презрение в ее голосе, притворная ревность, прикрывавшая растущее безразличие, были очевидны для него. Было время: если он танцевал с другой женщиной, потрясенный взгляд Хелен следовал за ним по всему залу.

— Моя галантность — это просто необходимость, — ответил он. — Уроки приносят нам три сотни в месяц все лето. Как я могу поехать на твою игру в Бостоне на следующей неделе, если мне надо тренировать своих подопечных?

— Зато увидишь, как я выиграю, — объявила Хелен. — Ты это осознаешь?

— Естественно, я только этого и желаю, — автоматически ответил Стюарт.

Но излишняя дерзость в ее голосе возмутила его, и он вдруг подумал, не все ли ему равно, выиграет она или нет.

В тот же момент настроение Хелен изменилось, и она на секунду увидела истинное положение вещей: что она могла играть в любительских турнирах, а Стюарт — нет, что новые кубки на стойке теперь принадлежали только ей, что он отказался от яростной спортивной борьбы, которая была для него дыханием жизни, чтобы зарабатывать побольше денег.

— О, мне так жаль тебя, Стюарт! — в ее глазах стояли слезы. — Как жаль, что ты не можешь заниматься любимым делом, а я могу. Может быть, мне не следует играть этим летом?

— Глупости, — сказал он. — Ты не можешь сидеть дома и танцевать большими пальцами.

Она уловила его эмоции:

— Ты бы не хотел, чтобы я не играла. Я не могу не быть успешной в спорте, ты научил меня почти всему, что я знаю. Но мне бы хотелось помочь тебе.

— Просто постарайся помнить, что я твой лучший друг. Иногда ты ведешь себя так, как будто мы соперники.

Она колебалась, раздосадованная правдивостью его слов и не желая уступать ни на дюйм. Но тут на нее нахлынула волна воспоминаний, и она поду-

мала, каким храбрым он был в своей загубленной, исковерканной жизни; она подошла и обняла его.

— Дорогая, дорогая, все будет хорошо. Вот увидишь.

На следующей неделе Хелен выиграла финал турнира в Бостоне. Стюарт очень гордился ею. Он надеялся, что вместо того, чтобы подпитывать ее самолюбие, реальное достижение облегчит их отношения. Он ненавидел конфликт, возникший из-за того, что они хотели иметь одинаковые достоинства, одинаковые награды от жизни.

После этого он проследил за ее продвижением к зданию клуба, забавляясь и немного завидуя окружению, которое за ней увязалось. Он дошел до клуба одним из последних, и тут к нему подошел стюард.

— Профессионалов обслуживают в нижнем зале, пожалуйста, прошу, — пояснил тот.

— Все в порядке. Меня зовут Олдхорн.

Он хотел пройти мимо, но мужчина преградил ему путь.

— Извините, сэр. Я понимаю, что миссис Олдхорн участвует в матче, но мне приказано направлять профессионалов в нижний зал, а вы, как я понимаю, профессионал.

— Послушайте... — начал Стюарт, дико разозлившись, и замолчал.

Вокруг собралось несколько человек.

— Ладно, не берите в голову, — хрипло сказал он и отвернулся.

Воспоминания об этом происшествии не давали ему покоя; именно они стали определяющим фактором, подтолкнувшим его через несколько недель к принятию судьбоносного решения. Долгое время он вынашивал идею поступить на службу в канадские военно-воздушные силы для прохождения службы во Франции. Он знал, что его отсутствие не окажет практического влияния на жизнь Хелен и детей; когда же у него появились друзья, которые тоже были полны неутомности 1915 года, вопрос был неожиданно решен. Но он не рассчитывал на то, как это подействует на Хелен; ее реакция была не столько печальной или встревоженной, сколько такой, словно ее каким-то образом перехитрили.

— Ты мог хотя бы сказать мне об этом! — причитала она. — Ты оставляешь меня на произвол судьбы, ты просто уходишь без всякого предупреждения.

И снова Хелен увидела в нем прекрасного и невыносимо ослепительного героя, и душа ее вздрогнула перед ним, как при их первой встрече. Он был воином, мир для него был лишь промежутком между войнами, и мир разрушал его. И вот игра из игр манила его... Не перечеркивая всей логики их совместной жизни, она ничего не могла сказать.

— Это как раз по мне, — уверенно сказал он, помолодев от волнения. — Еще несколько лет такой жизни, и я бы развалился на части, начал бы пить. Я каким-то образом потерял твое уважение, и я должен получить его, даже если буду далеко.

Она снова гордилась им, всем говорила о его предстоящем отъезде. И вот однажды сентябрьским днем она вернулась домой из города, окрыленная

прежним чувством товарищества и переполненная новостями, и застала его в глубокой депрессии.

— Стюарт, — воскликнула она, — у меня есть...

Она замолчала.

— В чем дело, дорогой? Что-то случилось?

Он тупо посмотрел на нее.

— Они мне отказали, — сообщил он.

— Что?

— Мой левый глаз. — он горько рассмеялся. — Помнишь, новенькая треснула по нему бюстгальтером. Он почти не видит.

— Неужели ты ничего не можешь сделать?

— Ничего.

— Стюарт! — Она в ужасе уставилась на него. — Стюарт, а я как раз собиралась тебе сказать! Я приберегала это для сюрприза. Эльза Прентис организовала отряд Красного Креста, чтобы служить с французами, и я присоединилась к нему. Я подумала, что было бы замечательно, если бы мы оба поехали туда. С нас сняли мерки для обмундирования, закупили одежду, и мы отплываем в конце следующей недели.

IV

Хелен была размытой фигурой среди других размытых фигур на шляпочной палубе, темной из-за угрозы подводных лодок. Когда корабль скрылся в туманном будущем, Стюарт пошел на восток по Пятьдесят седьмой улице. Горе от разрыва многих связей тяготило его тело, и он шел медленно, словно приспособляясь к этому. Чтобы уравновесить его, в сознании возникло странное ощущение легкости. Впервые за двенадцать лет он был один, и его охватило чувство, что он остался один навсегда; зная Хелен и зная войну, он догадывался о том, через что ей придется пройти, и он не мог составить никакого представления о последующей совместной жизни. Он был отвергнут, наконец-то она оказалась сильнее. Странно и печально выглядел такой конец их брака.

Он подошел в Карнеги-холлу, мрачному после представления, и его взгляд привлекло имя Теодора Ван Бека, крупно напечатанное на вывешенных афишах. Пока он смотрел на них, сбоку здания открылась зеленая дверь, и оттуда вышла компания в вечерних костюмах. Стюарт и Тедди оказались лицом к лицу, прежде чем узнали друг друга.

— Привет тебе! — сердечно воскликнул Тедди. — Хелен отплыла?

— Только что.

— Я встретил ее вчера на улице, и она мне рассказала. Я хотел, чтобы вы оба пришли на мой концерт. Ну, она просто героиня, уехать вот так... Вы знакомы с моей женой?

Стюарт и Бетти улыбнулись друг другу.

— Мы встречались раньше.

— А я этого не знал, — запротестовал Тедди. — За женщинами нужно присматривать, когда они достигают зрелого возраста... Послушайте, Стюарт, у нас в квартире будет небольшая компания. Никакой громкой музыки и прочего. Только ужин и несколько дебютанток, которые сказали мне, что я божествен. Пойдемте с нами. Представляю, как вы скучаете по Хелен.

— Я не думаю, что я...

— Пойдемте с нами. Дебютантки скажут вам, что вы тоже божественны.

Понимая, что приглашение вызвано добрыми чувствами, Стюарт согласился. Это было такое собрание, на которое он редко ходил, и он был удивлен, встретив столько знакомых людей. Тедди играл хозяина в манере одновременно самоуверенной и скептической. Стюарт слушал, как он рассказывает миссис Кассиус Рутвен об одной из своих любимых тем:

— Люди пытались сделать брак как образец сотрудничества, но в итоге он превратился в соперничество. Невероятная ситуация. Умные мужчины будут стесняться украшенных женщин. Мужчина должен жениться на той, которая будет ему благодарна, как, например, Бетти.

— Ты слишком много говоришь, Теодор Ван Бек, — перебила его Бетти. — Раз уж вы такой прекрасный музыкант, то лучше выражать свои мысли музыкой, а не необдуманными словами.

— Я не согласна с вашим мужем, — сказала миссис Рутвен. — Английские девушки охотятся вместе со своими мужчинами и играют с ними в политику на абсолютно равных условиях, и это, как правило, сближает их.

— Это не так, — настаивал Тедди. — Вот почему английское общество — самое неупорядоченное в мире. Мы с Бетти счастливы, потому что у нас вообще нет никаких общих черт.

Его жизнерадостность раздражала Стюарта, и успех, который исходил от него, вернул его мысли к провалам в собственной жизни. Он не мог знать, что его жизни не суждено было завершиться неудачей. Он не мог прочитать прекрасную надпись, которая три года спустя будет гордо высечена на его солдатской могиле, не мог знать, что его неутомонному телу, которое никогда не щадило себя ни в спорте, ни в опасности, суждено в конце концов совершить последний гордый галоп.

— Они мне отказали, — говорил он миссис Рутвен. — Мне придется остаться в эскадрильи «А», если только нас возьмут в нее.

— Значит, Хелен уехала, — миссис Рутвен посмотрела на него, предаваясь воспоминаниям. — Я никогда не забуду вашу свадьбу. Вы оба были так красивы, так идеально подходили друг другу. Все об этом говорили.

Стюарт тоже вспомнил. На мгновение показалось, что у него больше не было ничего такого, о чем было бы интересно вспоминать.

— Да, — согласился он, задумчиво кивая головой, — пожалуй, мы были красивой парой.

ИНТЕРН

I

Представление клуба «Кокцидии» традиционно проводится в самый жаркий вечер весны, и этот год не стал исключением. Двести врачей и студентов изнывали от жары в залах и коридорах старого тесного здания, и еще двести студентов толпились у дверей, эффективно перекрывая любые дуновения ночного мэрилендского ветерка. До них развлекательная программа доходила лишь вскользь, но оживленные сторожа бесперебойно доставляли им освежающие напитки. Спустившись в подвал, один из них высказал свое ежегодное предположение, что просевшие полы выдержат еще одно представление.

Билл Талливер был самым крутым человеком в зале. Без всякой надобности он надел легкую тунику и взял в руки посох на время единственного номера, в котором принимал участие — исполнение остроумной, язвительной и бесконечной песни, в которой описывались недостатки и эксцентричность медицинского факультета. Он сидел в относительном комфорте на помосте и смотрел на разгоряченное море лиц. Впереди сидели самые важные врачи — доктор Рафф, офтальмолог; доктор Лейн, нейрохирург; доктор Джорджи, специалист по желудочно-кишечному тракту; доктор Барнетт, знаток внутренних болезней; а в конце ряда — с лицом святого, которое не портили струйки пота, стекавшие по его голове, доктор Нортон, диагност.

Подобно большинству молодых людей, работавших под руководством Нортон, Билл Талливер следовал за ним, руководствуясь внутренней интуицией, но с некоторым отличием. Он эгоистично преклонил перед ним колени, как перед великим дарителем жизни. Он хотел не столько заслужить его одобрение, сколько добиться его. Поглощенный своей собственной карьерой, которая начнется всерьез в июле, когда он поступит в больницу в качестве интерна, он всей своей жизнью стремился к тому дню, когда его единолично поставленный диагноз окажется верным, а предположение доктора Нортон — ошибочным. В этот момент он освободит себя — ему

больше не нужно будет полагаться на теорию вероятности и молитвы Святому Франциску Ассизскому.

Билл Талливер не без причины дошел до такого уровня эгоизма. Он был пятым в непрерывной череде докторов Уильямов Талливеров, которые с успехом практиковали в городе. Его отец умер прошлой зимой, и не было ничего противоестественного в том, что еще в школе этот последний отпрыск медицинской традиции стремился к «самовыражению».

Факультетская песня, популярная с незапамятных времен, звучала все громче и громче. Там были строки о кровожадном докторе Лейне, о новых названиях, которые доктор Брюн придумал неизвестным болезням, выдуманном им самим, о личных особенностях доктора Шварце и домашних неурядицах доктора Гиллеспии. Доктор Нортон как один из самых популярных сотрудников, отделался довольно легко. Были и новые стихи — некоторые из них Билл написал сам:

*Герпес Зиглер, грустный и усталый,
Завалит тебя или убьет,
Если ты забыл, что Альфонсо
Лечил гемофилию дурью.
Бум-тидди-бум-бум,
Тидди-бум-бум.
Три тысячи лет назад,
Три тысячи лет назад.*

Он наблюдал за доктором Зиглером и заметил, как тот поморщился от смеха. Биллу стало интересно, как скоро появится куплет о нем, Билле Талливере, и пока звучал припев, он на пробу сочинил один.

После представления пожилые врачи разошлись, полы были улиты пивом, а вечер завершился традиционной дракой. Но Биллу было не до этого и он, надев свой льняной костюм, наблюдал за происходящим в течение десяти минут, а затем покинул душный зал. На ступеньках стояли несколько студентов, вдыхая прохладный воздух, а другие распевали похабную песню у фонарного столба на углу. Через дорогу возвышалась громада больницы, вокруг которой вращалась его жизнь. Между клиникой Майкла и амбулаторией Уорда возшла полная луна.

Девушка — она спешила — подошла к студентам у фонарного столба в тот же момент, что и Билл. На ней было темное платье и темная шляпа с широкими полями, но у Билла сложилось впечатление, что в ее одежде была какая-то необычность покроя, а может, и цвета. Все дальнейшее произошло меньше чем за секунду, парень обернулся — Билл увидел, что он не был членом великого братства — и просто упал в ее объятия, как ребенок к матери.

Девушка с испуганным криком отшатнулась назад, и все в группе начали тараторить одновременно.

— Вы уверены, что с вами все в порядке?

— Да, конечно, — выдохнула она. — Я думаю, он просто потерял сознание и неосознанно упал в мою сторону.

— Надо срочно отвезти его в отделение неотложной помощи, а там посмотрим, сможет ли он проглотить желудочный зонд.

Билл Талливер обнаружил, что идет рядом с этой девушкой.

— Вы уверены, что с вами все в порядке?

— О да, — она все еще тяжело дышала, ее грудь вздымалась, выражая свои вечные обеты, как будто вдох, который она делала, был последним вздохом, оставшимся в мире.

— Эх, как я его не поймала... Как его не поймала... Он возьми и упади... — вздохнула она. — Я сразу поняла, что это были студенты. Мне не следовало заходить туда сегодня вечером.

Ее темные волосы, забранные за уши, ниспадали на плечи. Она неудержимо рассмеялась.

— Он был таким беспомощным, — сказала она. — Господь свидетель, я видела беспомощных мужчин — сотни из них полностью зависели от благосклонности других, — но я никогда не забуду выражение его лица, когда он решил... опереться на меня.

Ее темные глаза засияли радостью, и Билл увидел, что она действительно уверена в себе. Он пристально посмотрел на нее, и впечатление от ее красоты росло, пока, не будучи связан ни словом, ни даже формальным представлением, он не почувствовал, что тянется к ней, наблюдая за изгибом ее губ и движением щек, когда она улыбалась...

Все это произошло за те три или четыре минуты, что он шел рядом с ней. Только потом он осознал, насколько глубоким было это впечатление.

Когда они проходили мимо похожего на церковь административного здания, рядом с ними притормозил открытый кабриолет, и из него выпрыгнул мужчина лет тридцати пяти. Девушка подбежала к нему.

— Говард! — взволнованно воскликнула она. — На меня напали. Там, перед зданием клуба «Кокцидии» стояли несколько студентов...

Мужчина резко и угрожающе повернулся в сторону Билла Талливера.

— Это один из них? — спросил он.

— Нет, нет, он тут ни при чем.

Билл сразу же узнал его — это был доктор Говард Дерфи, самый блестящий хирург среди молодых врачей, а заодно видный сердцеед.

— Надеюсь, вы не трогали мисс...

Она остановила его, но не раньше, чем Билл сердито ответил:

— Я не пристаю к девушкам.

Глянув на Билла, как будто тот был в чем-то виноват, доктор Дерфи сел в свою машину. Девушка уселась рядом с ним.

— Пока, — сказала она. — И спасибо.

Ее глаза смотрели на Билла с дружеским интересом, а затем, как раз перед тем, как машина умчалась, она сделала с ними кое-что еще — немного

сузила, а затем расширила их, придавая этим выражением уникальность их отношениям. «Я заметила тебя, — казалось, говорила она. — Вы в списке. В дальнейшем возможно все».

Со слабым звуком фанфар нового мотора она растворилась в весенней ночи.

II

Для Билла работа в больнице начиналась в июле, с первым набором новых врачей. Несколько месяцев перед этим он провел на Мартас-Винъярд, плавая и ловя рыбу со своим однокурсником Шоатце, и, вернувшись здоровым и полным энтузиазма, он был готов приступить к работе немедленно.

Красная площадь пылала под мэрилендским солнцем. Билл прошел через административное здание, где гигантский Христос, исполненный в мраморе, жалостливо украшал вестибюль. Именно через этот же вход тридцать лет назад отец Билла вошел в здание на стажировку.

Внезапно Билл испытал шок, его спокойствие было нарушено, и он не смог бы рационально объяснить, почему оказался он там. Темноволосая девушка с огромными сияющими глазами выскочила из тени статуи, посмотрела на него ровно столько, сколько требовалось, чтобы привести его в шоковое состояние, а затем со взрывным: «Привет!» исчезла в одном из кабинетов.

Он все еще смотрел ей вслед, пораженный, сбитый с толку, рассеянный и растворившийся, когда доктор Нортон окликнул его:

— Полагаю, я обращаюсь к Уильяму Талливеру Пятому...

Билл был несказанно рад, что ему напомнили, кто он такой.

— ...заинтересовавшемся девушкой доктора Дерфи? — продолжил Нортон.

— Это вы о ней? — отчетливо спросил Билл, а затем добавил: — Здравствуйте, доктор!

Доктор Нортон решил поупражняться в остроумии, которого у него было предостаточно.

— На самом деле, мы знаем только, что они проводят свои дни вместе, а все остальное сплетни.

— Дни? Я думал, он слишком занят днем.

— Так и есть. На самом деле, мисс Сингтон вызывает состояние комы, во время которой он проводит свои манипуляции. Она анестезиолог.

— А-а, теперь понимаю. Значит, они целый день вместе.

— Можешь расценивать это, как романтическую ситуацию, — доктор Нортон внимательно посмотрел на него. — Ты уже устроился? Ты можешь кое-что сделать для меня прямо сейчас?

*Доктор Нортон окликнул его:
— Полагаю, я обращаюсь к Уильяму Талливеру Пятому...*

— Конечно, доктор.

— Я бы хотел, чтобы ты сходил в Ист-Майкл, осмотрел больного и вынес свой вердикт.

— С удовольствием.

— Палата 312. А твоему другу Шоатце я дал возможность раскрыть еще одну тайну в палате по соседству.

Билл поспешил в Ист-Майкл, облачился в новый белый халат и вооружился инструментами. В спешке он забыл, что это был первый раз, когда он проводил обследование без посторонней помощи. За дверью он напустил

на себя спокойный, серьезный вид. Когда он вошел в палату, то был похож на седого апостола, по крайней мере, он пытался им быть.

Пузатый мужчина с желтизной, лет сорока, курил сигарету в постели.

— Доброе утро, — сердечно поздоровался Билл. — Как вы себя чувствуете сегодня утром?

— Плохо, — ответил мужчина. — Вот почему я здесь.

Билл поставил свой чемоданчик и подошел к нему, как молодой кот к своему первому воробью.

— Что же с вами случилось?

— Все. У меня болит голова, ломит кости, я не могу спать, я не ем, у меня жар. У меня ощущение, что мой шофер вытряс из меня все внутренности, если вы понимаете, о чем я говорю. Я прибыл из Вашингтона сегодня утром. Я терпеть не могу этих вашингтонских врачей: они не говорят ни о чем, кроме политики.

Билл сунул ему в рот термометр и пощупал пульс. Затем он произвел обычное обследование грудной клетки, живота, горла и всего остального. На маленький резиновый молоточек рефлексы пациента реагировали вяло. Билл присел рядом с кроватью.

— Я готов поменяться с вами сердцами в любой момент, — сообщил он.

— Все говорят, что у меня хорошее здоровое сердце, — согласился мужчина. — Что вы думаете о речи Гувера?

— Я думал, вы устали от политики.

— Это правда, но пока вы меня осматривали, я думал о Гувере. Итак, что вы выяснили?

— Надо провести еще несколько тестов. Но вы, кажется, полностью здоровы.

— Мне плохо, — огрызнулся пациент. — Я совсем не соображаю. Я очень больной человек.

Билл достал регистрационный бланк и авторучку.

— Как вас зовут? — спросил он для начала.

— Пол Б. Ван Шайк.

— Ваш ближайший родственник?

В истории болезни не было ничего, на основании чего можно было бы составить какое-либо мнение. У мистера Ван Шайка было несколько детских болезней. Вчера утром он не мог встать с постели, его камердинер измерил ему температуру и обнаружил жар.

Термометр Билла показывал нормальную температуру.

— Сейчас мы сделаем небольшой укол в большой палец, — сказал он, готовя предметные стекла, и когда это было сделано под короткий, унылый вой пациента, он добавил: — Нам нужен всего лишь небольшой образец из верхней части руки.

— Вам нужно все, кроме моих слез, — протестовал пациент.

— Мы должны взять все возможные анализы, — строго сказал Билл, вонзая шприц в мягкое предплечье, вызвав еще более бурные протесты со стороны мистера Ван Шайка.

Билл задумчиво положил свои инструменты на место. Он не получил ни малейшего представления о том, в чем дело, и укоризненно посмотрел на пациента. Потом он проверил, увеличены ли шейные лимфоузлы, спросил, живы ли его родители, и в последний раз осмотрел горло и зубы.

«Глаза нормально выпуклые, — записал он в карточке с чувством бесполезности. — Зрачки круглые и одинаковые».

— На сегодня это все, — сказал Билл. — Постарайтесь немного отдохнуть.

— Отдохнуть! — возмущенно воскликнул мистер Ван Шейк. — В том-то вся и беда. Я не могу заснуть уже три дня. С каждой минутой я чувствую себя все хуже и хуже.

Когда Билл вышел в коридор, Джордж Шоатце как раз выходил из соседней комнаты. Его взгляд был неуверенным, а на лбу выступил пот.

— Закончил? — спросил Билл.

— Ну, в некотором роде, да. Доктор Нортон тоже нашел тебе работу?

— Да. Очень запутанный случай — противоречивые симптомы, — солгал он.

— У меня то же самое, — сказал Джордж, вытирая лоб. — Я бы предпочел начать с чего-то более четко определенного, вроде того, что Робинсон давал нам на занятиях в прошлом году — ты помнишь, где было две возможности и одна вероятность.

— Я с тобой полностью согласен, — подтвердил Билл.

К нему подошла студентка-медсестра.

— Вы только что были в 312-й, — тихо сказала она. — Я вам кое-что расскажу. Я распаковывала вещи пациента и обнаружила там одну пустую бутылку виски и одну початую. Он попросил дать ему выпить, но я не стала этого делать, не посоветовавшись с врачом.

— Совершенно верно, — сухо сказал Билл, но ему захотелось поцеловать ей руку в знак благодарности.

Сдав образцы в лабораторию, двое интернов отправились на поиски доктора Нортона, которого они нашли в рабочем кабинете.

— Уже закончили? Что выяснил, Талливер?

— Он на взводе, и у него сильное похмелье, — выпалил Билл. — Я еще не получил анализов из лаборатории, но, я думаю, это все.

— Я с вами согласен, — сказал доктор Нортон. — Хорошо, Шоатце, а как насчет дамы из 314-й палаты?

— Ну, если это только совсем неизвестная мне болезнь, то с ней вообще ничего не случилось.

— Вы правы, — согласился доктор Нортон. — Нервы — они сейчас у всех не в порядке. Что мы будем с ними делать?

— Отправим домой, — быстро сказал Билл.

— Пусть остаются, — поправил доктор Нортон. — Они могут себе это позволить. Они приходят к нам за защитой, в которой не нуждаются, так пусть заплатят за пару действительно больных в бесплатных палатах. У нас не так много лишних денег.

Выйдя из кабинета, Билл и Джордж встретились взглядами.

— Складывается впечатление, что нас унижают, — сказал Билл довольно обиженно. — Давай поднимаемся в операционные, я хочу еще раз убедить себя, что это серьезная профессия.

Он выругался.

— Я полагаю, что в течение следующих нескольких месяцев мы будем ощупывать животы притворщиков, и разбирать истории болезней женщин, которые здоровы, как никогда.

— Не бери в голову, — осторожно сказал Джордж. — Я так рад начать с чего-нибудь простого, например...

— С чего же?

— Да, вот с этого...

— Я думаю, таких полно, — прокомментировал Билл.

* * *

Выяснив, где находится доктор Говард Дерфи, они направились в операционную № 4, поднявшись туда на лифте. Когда они натянули халаты, шапочки, а затем и маски, Билл ощутил учащенное дыхание и сердцебиение.

Он увидел *ее* прежде, чем увидел что-либо еще в операционной, кроме яркого киноварного пятна, нарушающего всеобщую белизну помещения. Когда они вышли на смотровую галерею, на них скосились взгляды хирургов и медсестер, но Билл выделил только *ее* глаза, еще более темные на фоне белоснежной шапочки и маски. Она сидела, работая с газовым аппаратом у головы пациента. Операционная была небольшой. Платформа, на которой они стояли, была приподнята примерно на четыре фута, и, облокотившись на стеклянный экран, похожий на ветровое стекло, они оказались на расстоянии двух яров от рук хирурга.

— Это простой аппендикс, а не порез мышцы, — прошептал Джордж. — Этот парень уже завтра сможет играть в лякросс.

Доктор Дерфи, занятый кетгутом, услышал его.

— Только не он, — сказал он. — Слишком много спаек.

Его руки, работающие с кетгутом, были уверенными и твердыми — тонкие руки пианиста и жесткие руки питчера, вместе взятые. Билл подумал: каким бы незащищенным ни оказался пациент непрофессионалу, все же в какой безопасности он был в этих уверенных руках, где само время остановилось, боясь что-либо нарушить.

Тя Сингтон охраняла дверь в сознание пациента, держа руку на пульсе, а другой вращая колесики газовой машины, словно клапаны на беззвучном

оргane. На операции были и другие специалисты — ассистирующий хирург, две медсестры, но Билл был поглощен тем, какие глубокие связи существовали между Говардом Дерфи и Теей Сингтон; он почувствовал дикую ревность к маске с гениальными, проворными руками.

— Я пошел отсюда, — сказал он Джорджу.

* * *

Он увидел ее в тот день позже, и снова это было в тени огромного мраморного Христа в вестибюле. На ней была уличная одежда, и она выглядела свежей и маняще-возбужденной.

— Я вас узнала. Вы тот самый парень, которого я встретила у клуба «Кокцидии» в ночь представления. А теперь, смотрю, вы интерн. Это не вы, случаем, заходили сегодня утром в операционную №4?

— Да, вы угадали. Как все прошло?

— Отлично. Операцию проводил доктор Дерфи.

— Да, — сказал он с нажимом. — Я знаю, что это был доктор Дерфи.

В течение следующих двух недель он встречался с ней случайно или по наитию полдюжины раз прежде чем решил пригласить ее на свидание.

— Ну, я полагаю, что да, — она казалась немного удивленной. — Дайте подумать. Как насчет следующей недели — во вторник или среду?

— А как насчет сегодняшнего вечера?

— О, это исключено.

Во вторник он позвонил в маленькую квартирку, которую она делила с певицей из Института Пибоди, и сразу спросил:

— Чем бы вы хотели заняться? Сходить в кино?

— Нет, — решительно ответила она. — Если бы я знала вас получше, я бы сказала — давайте поедем за тысячу миль за город и поплаваем в каком-нибудь заброшенном карьере.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Вы ведь не из тех импульсивных интернов, которые просто сбивают с ног бедных медсестер?

— Напротив, я до смерти боюсь вас, — признался Билл.

Ночь была жаркой, но на тропинке, где они прогуливались, было прохладно. Они немного узнали друг о друге. Она была дочерью армейского офицера и выросла на Филиппинах, и в черно-серебристой воде заброшенного карьера она удивила его таким прыжком, какого он никогда не видел. Она выглядела призрачной черной тенью на водной глади внутри лунной дорожки, и когда они окликали друг друга, их голоса отдавались громким эхом.

Потом, с мокрыми головами и телами, искусанными комарами, они еще некоторое время сидели, не желая возвращаться обратно. Вдруг она улыбнулась и молча посмотрела на него, едва заметно приоткрыв губы. Вокруг

*Она выглядела призрачной внутри черной тени,
оглибающей яркий лунный свет, и когда они окликали друг друга,
их голоса отдавались громким эхом.*

был звездный свет, озарявший сверкающую темноту, там были ее бледные прохладные щеки, и Билл позволил себе раствориться в любви к ней, как ему этого хотелось.

— Нам надо возвращаться, — сказала наконец она.

— Еще нет.

— Пора, давайте собираться, я должна быть дома.

— Потому что, — спросил он через мгновение, — вы девушка доктора Дерфи?

— Да, — призналась она, — полагаю, я девушка доктора Дерфи.

— Почему? — воскликнул он.

— Вы влюблены в меня?

— Полагаю, что да. А вы влюблены в Дерфи?

Она покачала головой.

— Нет, я никого не люблю. Я просто — его девушка.

Таким образом, вечер, который поначалу вызывал восторг, в итоге оказался испорченным. Это чувство усилилось, когда он обнаружил, что за это свидание он должен благодарить тот факт, что Дерфи на несколько дней уехал из города.

С наступлением августа и отъездом большей части врачей в отпуск Билл оказался очень занят. В течение четырех лет он мечтал о такой работе, как сейчас, и теперь все это было нарушено вездесущностью «девушки Дерфи». Напрасно он искал среди девушек города, в те воскресные дни, когда ему удавалось выйти в город, ту, которая могла бы смягчить боль его безответного чувства. Но в городе, казалось, не было девушек, а в больнице маленькие практикантки в коротких манжетах не привлекали его. Правда в его ситуации заключалась в том, что его первоначальный идеализм, сосредоточенный на докторе Нортоне, перенесся на Тею. Вместо Бога теперь была Богиня, которая символизировала для него славу и его преданность профессии. То, что она была вовлечена в запутанные отношения, которые отдаляли ее от него, нарушало его душевный покой.

Диагностика стала почти будничным делом. Он высказал несколько удачных догадок, и доктор Нортон полностью отдал ему должное.

— В девяти случаях из десяти я буду прав, — сказал Нортон. — Редкие случаи — вещь настолько уникальная, что я уже разучился их диагностировать. Вот тут-то и вступаете вы, молодые врачи — вы жаждете чего-то редкого, и один раз из десяти вы это находите.

— Это потрясающее ощущение, — сказал Билл. — Я получил настоящее удовольствие от диагностирования актиномикоза.

— Ты выглядишь утомленным для своего возраста, — внезапно сказал доктор Нортон. — В двадцать пять лет ты не должен существовать исключительно за счет нервной энергии, Билл, а ты именно это и делаешь. Люди, с которыми ты вырос, говорят, что они давно тебя не видели. Почему бы не отлучиться на пару часов в неделю из больницы, хотя бы ради своих пациентов? Вы взяли

у мистера Доремуса столько анализов, что нам чуть было не пришлось делать ему переливание крови, чтобы он снова пришел в себя.

— Зато я оказался прав, — нетерпеливо добавил Билл.

— Но немного жестоко. Все развилось бы за день или два. Относись к этому осторожно, как твой друг Шоатце. Когда-нибудь ты многое узнаешь о внутренних болезнях, но ты слишком пытаешься торопить события.

Но Билл был целеустремленным человеком. Он старался почаще проводить воскресные вечера с нынешними дебютантками, но в середине разговора обнаруживал, что его мысли возвращаются к тем огромным красным строительным блокам Идеи, где в одиночестве он мог ощутить пульс жизни.

Новость о том, что известный политический деятель покидает побережье и прибывает в больницу для диагностики какого-то непонятного заболевания, вызвала у него внезапный интерес к политике. Он изучил послужной список этого человека и проследил за его путешествием на восток, которое в газетах ежедневно занимало полколонки. Партийные вопросы полностью зависели от его здоровья.

И вот однажды августовским днем в колонке светской хроники появилась заметка о помолвке Хелен, дебютантки, дочери миссис Труби Понсонби Дэй, с доктором Говардом Дерфи. Размеренный мир Билла перевернулся с ног на голову. После множества самых настоящих страданий он смирился с тем фактом, что Тея была любовницей блестящего хирурга, но, чтобы доктор Дерфи вдруг порвал с ней, — это было просто невероятно.

Он тут же отправился на поиски Теи и встретил ее у палаты медсестер в уличной одежде. Ее прелестное лицо с глазами, хранившими для него все тайны устремленных людей, все очарование цели, все воздаяния, все наслаждение, казалось раздраженным. Окружающие смотрели на нее с жалостью.

— Как вам угодно, — ответила она, когда он спросил, может ли он проводить ее до дома, а затем: — Боже, помоги этим женщинам! Стонов по поводу моего положения, раздавшихся сегодня днем, хватило бы на целую войну.

— Я помогу вам, — сказал он. — Если этот мужчина подвел вас...

— Помолчите! Еще несколько недель назад я могла бы выйти замуж за Говарда Дерфи, просто кивнув головой, — именно этого я и не сказала этим плакальщицам сегодня днем. Я думаю, что у вас есть благоразумие, и это очень поможет вам, когда вы станете врачом.

— Я и есть врач, — сказал он несколько натянуто.

— Нет, вы просто интерн.

Он был возмущен, и они шли молча. Затем, смягчившись, она повернулась к нему и коснулась его руки.

— Вы, оказывается, джентльмен, — сказала она. — Это иногда приятно, хотя я предпочитаю гениальность.

— У меня это тоже есть, — упрямо сказал Билл. — У меня есть все, кроме вас.

— Поднимайтесь в квартиру, и я расскажу вам то, чего не знает никто в этом городе.

Это была скромная квартира, но она говорила ему о том, что когда-то она жила в более просторных условиях. Теперь ее мир уменьшился и остались только несколько дорогих сердцу вещей: столик Дункана Файфа, латунь работы Бранкузи, два портрета маслом 50-х годов.

— Я была помолвлена с Джоном Грэшем, — сказала она. — Вы знаете, кто это?

— Конечно, — сказал Билл. — Я оформил подписку на бронзовую табличку в его честь.

Джон Грэшем умер от отравления радием, полученным в результате собственных экспериментов.

— Я была с ним до конца, — быстро продолжала Тея, — и перед самой смертью он в последний раз ткнул в меня пальцем и сказал: «Я запрещаю тебе страдать. Это не приведет ни к чему хорошему». И я, как хорошая девочка, не стала распускать нюни, а наоборот, закалилась. В общем, поэтому я никогда не любила Говарда Дерфи так, как он хотел, чтобы его любили, несмотря на его приятную внешность и прекрасные руки.

— Понятно, — ошеломленный этим рассказом, Билл попытался переварить сказанное. — Я чувствовал, что в вас есть что-то отстраненное, своего рода... преданность чему-то, о чем я не знал.

— Я довольно жесткая, — она нетерпеливо встала. — Как бы то ни было, сегодня я потеряла хорошего друга, и я расстроена, так что уходите, пока я не сорвалась на вас. Если хотите, то можете поцеловать на прощание.

— Сейчас это ничего не значит.

— Нет, значит, — настаивала она. — Мне нравится быть рядом с вами. Мне нравится ваша одежда.

Он послушно поцеловал ее, но, выходя за дверь, чувствовал себя далеким от нее и очень обиженным.

На следующее утро он проснулся с ощущением, что над ним нависло что-то важное, потом он вспомнил. Сенатор Биллингс, которого везли на поездах в вагонах первого класса, самолетах и машинах скорой помощи, должен был прибыть утром, и грузное тело, вместившее и изгнавшее за тридцать лет столько глупостей, должно было наконец оказаться во власти разумного.

— Я поставлю диагноз этому старику, — мрачно подумал он, — даже если мне придется изобрести новую болезнь.

В то утро он занимался своей рутинной работой с чувством усталости. Возможно, доктор Нортон оставил сенатора себе, и у Билла не будет шансов на него. Но в одиннадцать часов он встретил в коридоре своего наставника.

— Приехал сенатор, — произнес тот. — У меня уже сложилось предварительное заключение. Хотелось бы услышать твоё мнение, можешь зайти и пообщаться с ним. Быстро осмотри больного и проводи обычное лабораторное обследование.

— Хорошо, — ответил Билл, но в его голосе не чувствовалось огонька.

Казалось, он растерял весь свой энтузиазм. Взяв свои инструменты и историю болезни, он направился в палату сенатора.

— Доброе утро, — начал он. — Чувствуете себя немного уставшим после путешествия?

Большая мужская фигура, размером с бочку, покатилась к нему.

— Измучен, — неожиданно пискнул он. — Весь.

Билл не удивился; он и сам чувствовал себя так, словно проехал тысячи миль на всевозможных транспортных средствах, пока все его внутренности, включая мозги, не взбаламутились.

Он взялся заполнять бланк.

— Ваша профессия?

— Законодатель.

— Алкоголь употребляете?

Сенатор приподнялся на одной руке и прогремел:

— Послушайте, молодой человек, я не собираюсь терпеть насмешки! До тех пор, пока Восемнадцатая поправка...

Он внезапно умолк.

— Алкоголь употребляете? — терпеливо повторил Билл.

— Да.

— Сколько?

— Несколько рюмок каждый день. Я их не считаю. Послушайте, если вы заглянете в мой чемодан, то найдете рентгеновский снимок моих легких, сделанный несколько лет назад.

Билл достал его и уставился на него с внезапным ощущением, что все становится немного безумным.

— Это рентгеновский снимок женского живота, — сказал он.

— О-о... Должно быть, что-то перепутали, — сказал сенатор. — Это, наверное, моей жены.

Билл пошел в ванную, чтобы помыть свой термометр. Вернувшись, он пощупал пульс сенатора и был озадачен, что на него смотрят с любопытством.

— Что за чудачество? — требовательно произнес сенатор. — Кто пациент: вы или я?

Он сердито отдернул руку от Билла.

— У вас рука словно лед. И вы засунули термометр себе в рот.

Только сейчас Билл понял, насколько он болен. Он вызвал медсестру и, пошатываясь, вернулся на стул, по животу волнами прокатывалась боль.

III

Он очнулся с ощущением, что пролежал в постели много часов. Мозг лихорадило, во всем теле ощущалась пронизывающая слабость, а разбудила

его новая волна боли в животе. На другом конце палаты в кресле сидел доктор Джордж Шоатце, и на его колене лежал знакомый планшет с историей болезни.

— Опаньки, что я вижу, — слабым голосом произнес Билл. — Что, черт возьми, здесь происходит? И что со мной случилось?

— С тобой все в порядке, — ответил Джордж. — Просто лежи спокойно. Билл попытался сесть прямо, но обнаружил, что слишком слаб.

— Лежи спокойно, — озадаченно повторил он за Джорджем. — Ты что, думаешь, я какой-то тупой пациент? Я спросил тебя, что со мной случилось?

— Именно это мы и пытаемся выяснить. Скажи, сколько тебе лет?

— Сколько лет? — воскликнул Билл. — Сто десять в тени! А зовут меня Аль Капоне, и я старый хрыч. Запиши это в свою чертову бумажку и отправь Санта-Клаусу. Я тебя еще раз спрашиваю — что со мной случилось?

— А я отвечаю, что мы пытаемся это сейчас выяснить, — проговорил Джордж, непреклонно, но немного нервничая. — А теперь успокойся.

— Но-но, полегче! — воскликнул Билл. — Я сгораю от лихорадки, а напротив сидит интерн-придурок и спрашивает, сколько пломб у меня в зубах! Измерь мне температуру, сейчас же!

— Ладно, ладно, — примирительно сказал Джордж. — Я как раз собирался это сделать.

Он сунул термометр Биллу в рот и пощупал пульс, но Билл пробормотал: «Я сам пощупаю пульс», — и отдернул руку. Через две минуты Джордж ловко извлек термометр и подошел с ним к окну — это был акт вероломства, который заставил Билла свесить ноги с кровати.

— Покажи мне термометр! — крикнул он. — Иди сюда! Я хочу знать температуру!

Джордж быстро встряхнул термометр и убрал его в футляр.

— У нас так не принято, — ответил он.

— Неужели? Что ж, тогда я отправляюсь на поиски более здравомыслящего врача.

Джордж приготовил шприц и два предметных стекла. Билл застонал.

— Разве ты хоть на мгновение подумал, что я позволю тебе это сделать? Это я научил тебя всему, что ты знаешь о биохимии крови. Ей-богу, я за тебя делал задания, а ты сейчас приходишь сюда и хочешь неуклюже сделать мне какой-то укол в руку?

Обливаясь потом, как это обычно бывало в таких случаях, Джордж позвал медсестру, надеясь, что женское присутствие подействует на Билла успокаивающе. Но это Билла не устроило.

— Еще одна дурочка! — воскликнул Билл, когда она вошла. — Неужели ты думаешь, что я собираюсь лежать здесь и терпеть всю эту чепуху? Почему никто не позаботится обо мне? Почему никто ничего не делает? Где доктор Нортон?

— Он придет сегодня днем.

— Сегодня днем? Да я уже буду мертв к полудню. Почему его нет сейчас? Он, понимаете ли, отправился на какую-то дурацкую вечеринку, а я лежу здесь в окружении идиотов, не имеющих мозгов в голове и не знающих, что делать. Что ты там пишешь — что «язык высовывается без тремора»? Отдай мне мои тапочки и халат. Я вас обоих упеку в дурку.

Они прижали его к кровати, откуда он смотрел на Джорджа с бесконечным укором.

— Ты, которому я объяснил целую книгу по токсикологии, осмеливаешься ставить мне диагноз. Ну, так ставь! Что у меня? Почему у меня горит живот? Это аппендицит? Сколько лейкоцитов?

— Как я могу узнать количество лейкоцитов, когда...

Вздохнув от бесконечного отчаяния по поводу глупости человечества, Билл, обессилив, расслабился.

Доктор Нортон прибыл в два часа. Его присутствие должно было успокоить Билла, но к этому времени его нервное напряжение достигло предела.

— Послушай, Билл, — строго сказал Нортон. — Что все это значит? Ты даже не позволил Джорджу заглянуть тебе в рот.

— Потому что он намеренно заткнул мне рот этой тряпкой, — закричал Билл. — Когда я выберусь отсюда, я засуну ее в его мерзкое рыло.

— Вот это да! Ты знаешь, что довел до слез маленькую мисс Кэри? Она говорит, что собирается бросить работу медсестры. Она говорит, что никогда в жизни не была так разочарована.

— То же самое и со мной. Скажите ей, что я тоже собираюсь бросить врачевание. После этого я собираюсь убивать людей вместо того, чтобы их лечить. Теперь, когда я нуждаюсь в лечении, никто даже не пытается помочь мне.

Час спустя доктор Нортон вернулся.

— Что ж, Билл, мы поверим тебе на слово и расскажем, что к чему. Я выкладываю карты на стол, когда говорю, что мы не знаем, что с тобой. Мы только что получили рентгеновские снимки, сделанные сегодня утром, и совершенно точно, что это не желчный пузырь. Существует вероятность острого пищевого отравления или брыжеечного тромбоза, или это может быть что-то, о чем мы еще не догадываемся. Дай нам шанс, Билл.

С усилием и с помощью успокоительного Билл взял себя в руки, но утром, когда Джордж Шоатце вернулся, чтобы сделать ему укол, снова вышел из себя.

— Я этого не вынесу, — бушевал он. — Я вообще не выношу уколы, и у тебя столько же прав на шприц с иглой, сколько у годовалого ребенка на пулемет.

— Доктор Нортон строго приказал, чтобы вы ничего не принимали внутрь.

— Тогда введи это внутривенно.

— Возможно, так будет лучше.

— Если бы ты знал, что я с тобой сделаю, когда поправлюсь! Я буду вводить в тебя всякую дрянь, пока ты не раздуешься, как бочка! Я так и сделаю! Я не пожалею денег и найму кого-нибудь, кто будет тебя держать!

Сорок восемь часов спустя доктор Нортон и доктор Шоатце провели совещание в кабинете первого.

— Ну вот и все, — мрачно говорил Джордж. — Он категорически отказывается соглашаться на операцию.

— Хм. — Доктор Нортон задумался. — Это плохо.

— Безусловно, существует опасность перфорации.

— И вы говорите, что его главное возражение...

— ...что это я поставил диагноз. Он говорит, что я вспомнил слово «заворот кишок» из какой-то лекции и пытаюсь уверить его в этом. — Джордж неловко добавил: — Он всегда был самоуверенным, но я никогда не видел ничего подобного. Сегодня он утверждает, что это острый панкреатит, но у него нет никаких убедительных доводов.

— А он знает, что я согласен с твоим диагнозом?

— Похоже, он никому не верит, — неловко сказал Джордж. — Он все время переживает за своего отца. Он все время думает, что мог бы помочь ему, если бы тот был жив.

— Мне бы хотелось найти того, кому он поверит, — сказал Нортон. Тут ему в голову пришла идея: — Интересно...

Он снял телефонную трубку и сказал дежурному в трубку:

— Я бы хотел, чтобы вы нашли мисс Сингтон, анестезиолога доктора Дерфи. Когда она освободится, попросите ее зайти ко мне.

* * *

Билл устало открыл глаза, когда в его комнату в восемь вечера вошла Тейя.

— А, это ты, — пробормотал он.

Она присела на край его кровати и положила руку ему на плечо.

— Привет, Билл, — произнесла она.

— Привет.

Внезапно он повернулся в постели и обеими руками обнял ее за плечи. Ее свободная ладонь коснулась его волос.

— Говорят, ты плохо себя вел, — сказала она.

— Я ничего не могу с собой поделать.

Она молча просидела около него с полчаса, затем, переменив положение так, что ее рука оказалась у него под головой, наклонилась над ним и поцеловала его в лоб. Он вымолвил:

— Находясь рядом с тобой, я впервые за четыре дня отдохнул.

Через некоторое время она сказала:

— Три месяца назад доктор Дерфи уже делал операцию по поводу заворота кишок, и она прошла успешно.

— Но у меня нет никакого заворота кишок! — воскликнул он. — Заворот — это когда петля кишечника перекручивается сама на себя. Это безумное предположение Шоатце! Он ставит такой несуразный диагноз, чтобы получить некоторую известность.

— Доктор Нортон вполне с ним согласен. Вы должны подчиниться, Билл. Я буду рядом с вами, так же близко, как и сейчас.

Ее мягкий голос подействовал успокаивающе, он почувствовал, что его сопротивление слабеет, две крупные слезы выкатились у него из глаз.

— Я чувствую себя таким беспомощным, — признался он. — Откуда мне знать, что у Джорджа Шоатца есть хоть капля здравого смысла?

— Это просто ребячество, — мягко ответила она. — Ты получишь больше пользы, подчинившись этому, чем доктор Шоатце от своего удачного предположения.

Внезапно он прильнул к ней.

— А потом ты станешь моей девушкой?

Она рассмеялась.

— Какой эгоизм! «Грязный торгаш»! Ты, со своей скрученной кишкой, был бы не очень веселой компанией.

Он на мгновение замолчал.

— Вчера я составил завещание, — произнес он. — Я разделил то, что у меня есть, между старой тетей и тобой.

Она прижалась лицом к его лицу.

— Ты хочешь заставить меня плакать, а на самом деле все не так серьезно.

— Ну, тогда ладно, — его белое, осунувшееся лицо расслабилось. — Покончим с этим.

* * *

Час спустя Билла на каталке отвезли наверх. Как только вопрос был решен, вся нервозность покинула его, и он вспомнил, как в июле этого года руки доктора Дерфи вселили в него чувство уверенности, и еще вспомнил, кто будет стоять у его изголовья и присматривать за ним. Его последней мыслью, когда подали усыпляющий газ, была внезапная ревность к тому, что Тея и Говард Дерфи будут бодрствовать и находиться рядом друг с другом, пока он будет спать...

...Когда он очнулся, его катили по коридору в палату. Доктор Нортон и доктор Шоатце, выглядевшие очень веселыми, были рядом с ним.

— Привет, привет, — ошеломленно воскликнул Билл. — Скажите, что же все-таки обнаружили у сенатора Биллингса?

— Это была всего лишь обычная простуда, Билл, — сказал доктор Нортон. — Мы отправили его обратно на запад — на дирижабле, вертолете и грузовом лифте.

— О, — протяжно сказал Билл, а затем, через мгновение, — я чувствую себя ужасно.

— Выглядишь ты нормально, — заверил его доктор Нортон. — Через неделю будешь как новенький. Джордж, безусловно, отличный диагност.

— Это была спасительная операция, — скромно сказал Джордж. — Еще немного, и эта петля разорвалась бы.

— И анестезия тоже была хороша, — сказал доктор Нортон, подмигивая Джорджу. — Как колыбельная.

На следующее утро Тея проскользнула в палату Билла, когда он уже повеселел — боль ослабла, и он снова чувствовал себя хоть и слабым, но самим собой. Она села рядом с ним на кровать.

— Я сваял дурака, — признался он.

— Многие врачи так поступают, когда болевают в первый раз. Они становятся невротиками.

— Наверное, все от меня отмахнулись.

— Вовсе нет. Вероятно, над вами будут подшучивать. Один смысленный молодой человек уже написал куплет для представления в клубе «Кокцидии». Она прочитала с клочка бумаги:

*«Интерн Талливер, под хлороформом
Витал в облаках;
Он проснулся с мыслью,
что сделал себе операцию сам».*

— Думаю, я смогу это вынести, — сказал Билл. — Я могу вынести все, что угодно, если вы рядом, я так люблю вас. Но я полагаю, что после этого вы всегда будете воспринимать меня, как школьника.

— Даже если бы вы впервые заболели в сорок лет, то вели бы себя точно так же.

— Я слышал, ваш друг Дерфи, как всегда, блестяще справился с работой, — ревниво сказал он.

— Да, — согласилась она и через минуту добавила: — Он хочет разорвать помолвку и жениться на мне на моих условиях.

Его сердце перестало биться.

— И что вы ответили?

— Я сказала «нет».

Жизнь снова заблистала яркими красками.

— Подойдите ближе, — прошептал он. — Где ваша рука? Может быть, вы будете купаться со мной каждую ночь до конца сентября?

— Каждую вторую ночь.

— Каждую.

— Ну, каждую теплую ночь, — согласилась она на компромисс.

Тея встала.

Он увидел, как ее глаза на мгновение остановились на какой-то отдаленной точке, задержались там на мгновение, словно черпая там энергию; затем она наклонилась над ним и поцеловала на прощание его жаждущие губы и растворилась в своей собственной тайне, в тех лесах, где она охотилась за старыми переживаниями и воспоминаниями, которые он не мог разделить.

Но то, что было в ней ценного, она извлекла — она знала, как передать это так, чтобы оно не исчезло. На данный момент Биллу досталось больше, чем ему полагалось, и он неохотно расстался с Теей.

«Это мое самое крупное дельце на сегодняшний день», — сонно подумал он.

Куплет из песни клуба «Кокцидии» промелькнул у него в голове, и припев, отдаваясь эхом, погрузил его в глубокий сон:

*Бум-тидди-бум-бум,
Тидди-бум-бум.
Три тысячи лет назад,
Три тысячи лет назад.*

МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ

I

Биллу не хватало привычных ощущений, когда он покинул ее дом. Когда входная дверь закрывается и полоска света, падающего из прихожей, исчезает, человек оказывается один на темной улице. Обычно эти ощущения были цепочкой головокружительных переживаний, которые заставляли его лететь галопом или идти очень медленно, хмурым и неудовлетворенным. Он не узнавал близлежащие дома, когда возвращался от нее: когда он летел к ней, он замечал окружающие здания до тех пор, пока в поле зрения не появлялся ее дом.

Сегодня вечером они говорили о Калифорнии, очень много и подробно. Малоизвестные, неожиданно тревожащие названия — Санта-Барбара, Кармел, Коронадо, Голливуд. Она мечтала попасть в Голливуд на пробы — и сняться в кино! А он тем временем заканчивал второй год интернатуры здесь, в городе.

— Мы с мамой так хотим на побережье, — сказала Эми.

— Но Калифорния очень далеко.

Добравшись до больницы, он столкнулся с Джорджем Шоатце под тусклыми желтыми лампами длинного коридора.

— Чем занимаешься? — спросил он его.

— Ничем. Хожу, ищу чужой стетоскоп, вот и все поручения.

— Как дела в Роланд-парке?

— Все улажено, Билл.

— Что? — Билл весело хлопнул Джорджа по плечу. — Поздравляю! Позволь мне быть первым...

— Она была первой.

— ...позволь мне быть вторым, кто поздравит тебя.

— Не говори пока никому, ладно...

— Хорошо. — Он присвистнул. — Чернила едва просохли на твоём дипломе врача, а ты уже позволяешь какой-то девушке написать на нём — «талон на питание».

— А как насчет тебя? — возразил Джордж. — Насчет твоей личной жизни?

— Возникли препятствия, — мрачно сказал Билл. — Климат ей не по нраву...

Его сердце сжалось, когда он услышал свои собственные слова. Направляясь в приемный покой, он предвкушал летнее одиночество. В прошлом году он обрел здесь свою любовь. Но Тея Сингатон, анестезиолог, теперь работала в новом медицинском центре в Нью-Йорке; ушла и девушка из патологоанатомического отделения, которая нарезала человеческие уши тоньше, чем бутерброды с икрой; исчезла привлекательная живодерка из отделения нейрохирургии, которая проводила свое время, вгрызаясь в мозги людей с блокнотом и карандашом для зарисовок. Девушки прекрасно понимали, что, если говорить серьезно, Билл никого не интересует, что он находится в зоне безопасности. И вскоре, через две недели, появилась девушка, которая не отличала градус по Цельсию от градуса по Фаренгейту, но которая выглядела, как роза в бутылке и обещала обменяться с ним исключительным правом на личную жизнь уже в июне.

В приемном покое царило унылое настроение. Выходные и праздники — вот настоящее пиршество. В эти дни торговцы смертью присылают своих жертв, а сумрачный Мэриленд — свои образцы живописи, расписанные опасной бритвой. Но сегодня, выложенный плиткой пол и стены, столы на колесиках, заваленные шинами и бинтами, — все это использовалось для одного-единственного пациента, которого только что подняли со смотрового стола.

— Это было чудесно, — сказал он, скромно насупившись. — Я собираюсь прислать вам, докторам, бочонок устриц.

Парикмахер по профессии, он стоял, слегка покачиваясь в своем поношенном пальто.

— Мой отец — самый крупный торговец рыбой в Карсонтауне.

— Все будет в порядке, — сказал ему один интерн.

Пациент с гордостью рассматривал свою забинтованную руку.

— Я смогу это пережить, — похвастался он, — не так ли?

— Конечно, сможете. Но больше не стоит бить чужие окна.

Тут же позвали его друга, и, слегка покачиваясь, раненый парикмахер выскочил на улицу. В этот же момент в дверь вошел крепкий мужчина лет пятидесяти, который пробормотал бессвязные слова дежурному врачу Муру. Билл тем временем повернулся к мисс Уэйлс, которая в течение десяти лет была главной жрицей этого поля битвы.

— Есть что-нибудь веселенькое? — поинтересовался он.

— В основном постоянные клиенты, — ответила она. — Снова появилась Минни Мучер, она несла свою голову под мышкой и хотела, чтобы ее снова пришили... Сегодня утром ее порезали...

Доктор Мур тем временем отошел от своего требовательного визави и обратился к Биллу.

— Вот вам загадка. Этот человек...

— Вы не понимаете! — воскликнул толстяк. — Мы не можем позволить, чтобы кто-нибудь узнал! Она заставила меня пообещать!

— О чем вы говорите?

*...Пациентку вкатили в залитую белым светом приемную.
— Она потеряла много крови, — сказал Мур.*

— Там снаружи дама, в машине. У нее вся спина в крови. Я живу всего в двух кварталах отсюда, поэтому привез ее к вам.

Интерны одновременно направились к двери, и мужчина последовал за ними, настаивая:

— Это не должен никто видеть. Мы приехали к вам только потому, что не смогли вызвать врача на дом.

На темной пустынной улице в маленьком седане скорчилась закутанная фигурка, которая издала слабый стон, когда Мур открыл дверь. Доктору Муру потребовалось всего мгновение, чтобы ощутить пропитанное кровью платье.

— Быстро несите носилки!

Мужчина средних лет последовал за Биллом к двери.

— Это должно храниться в тайне, — настаивал он.

— Вы хотите, чтобы она умерла от потери крови? — ответил резко Билл.

Через несколько минут пациентку вкатили в залитую белым светом приемную. В палате, где стоял операционный стол, два интерна начали распутывать ворох кухонных полотенец и разорванных простыней, в которые она была завернута. Это была молодая девушка, бледная, как и ее пепельные волосы. Жемчужное ожерелье охватывало ее задыхающееся горло, а спина была рассечена от талии до плеча.

— Она потеряла много крови, — сказал Мур. Он посмотрел на показания кровяного давления. — Очень низкое давление — восемьдесят на пятьдесят! Надо срочно остановить кровь и забинтовать рану. Скажите мисс Уэйлс.

Мисс Уэйлс повернулась лицом к отцу, как он представился, и нетерпеливо заговорила, держа блокнот в руке:

— Вы должны назвать имя. Мы не сможем позаботиться о вашей дочери, если вы не назовете ее имя.

— Доктор Мур хочет немедленно перевязать рану, — сказал Билл. Обращаясь к отцу, он добавил: — Подождите снаружи. Ваша дочь тяжело ранена. Как это произошло?

— Это был несчастный случай.

— Что это было — нож?

Услышав его повелительный голос, мужчина кивнул.

— Вы это сделали?

— Нет! Я ничего не могу вам сказать об этом, кроме того, что это был несчастный случай.

Он что-то говорил, глядя на исчезающую спину Билла, и вскоре, столкнувшись со спешащими навстречу медсестрой и санитаром, он был вытолкнут за дверь.

Вернувшись в палату, Билл прошептал:

— Как пульс?

— Нитевидный. Я с трудом его прощупываю.

Он протирал рану губкой, обнажая прекрасные молодые линии спины.

— От этого останется красивый шрам.

Он говорил тихо, но пациентка услышала это и пробормотала:

— Никакого шрама.

Билл обратил внимание Мура на жемчужное ожерелье и прошептал:

— Эта девушка, наверное, состоятельная; возможно, она заботится о своем виде. Вам следует послать за хорошим хирургом.

— И позволить ей умереть от потери крови, пока мы его ждем?

— Я думал об ординаторе.

— Эх, медики-недоучки! — с неприязнью сказал Мур.

— Хорошо, — сказал Билл. — В любом случае, я собираюсь получить согласие отца и таким образом защитить вас.

— Он не Джон Д. Рокфеллер. Или зачем он приехал к нам? — Мур тщательно вытер руки. — Откуда ты знаешь, что это настоящие жемчужины, может, это подделка?

— Я вижу, что эта девушка хорошо одета, по крайней мере, была так одета полчаса назад.

Билл снова вышел в коридор.

— Я хочу знать имя этой девушки, — сказал он отцу. — Если вы мне не скажете, я отыщу его по водительским правам.

— Лобру! — выдохнул он непонятное слово.

— Кто?

На этот раз Билл услышал имя — Лоретта Брук, но оно ничего для него не значило, пока мужчина не добавил: «Киноактриса». Смутно Билл вспомнил ее.

— Наша фамилия Бах — по-немецки «Брук». Лоретта заехала ко мне по пути в Голивуд... — он слотнул остаток предложения. — Больше я ничего не могу сказать. За любую провинность их сразу вышвыривают из кино. Первое, что она сказала: «Папа, держи это в секрете». Но у нее продолжала идти кровь, а я не мог дозвониться до своего врача.

В приемном покое внезапно стало тесно — появились мальчик с вывихнутым коленом, негр с Ямайки, сильно порезавший голову, но отказывающийся от лечения со свойственной его острову утрюмой манерой. Были еще и студенты-медики второго курса, просочившиеся внутрь и стоявшие в сторонке. Протиснувшись сквозь них в палату, Билл задернул за собой занавеску. Мур начал зашивать рану.

— Давление упало до шестидесяти на тридцать пять, — пробормотал он. — Нам придется сделать переливание. Срочно нужен донор.

Билл пошел к телефону, через несколько мгновений Мур вышел, встревоженно сказав:

— Я не могу больше ждать. Я уже почти не чувствую пульса, — он повысил голос. — У кого из присутствующих кровь четвертой группы?

Студенты-медики второго курса неловко переминались с ноги на ногу.

— У меня третья группа, — продолжил Мур, — и я знаю, что у Бун и Джейкоби тоже третья.

Билл заколебался — у него была четвертая группа, такую можно переливать любому человеку, — но он никогда не сдавал кровь и не имел материальной потребности ее продавать, как это делали некоторые интерны.

— У меня, — произнес он, — я к вашим услугам.

— Сейчас проверим совместимость.

Устраивая себе эту маленькую операцию, Билл испытывал огромное удовольствие. Он чувствовал, что часть его самого «переходит в кино». Не будет ли будущий румянец, появляющийся на щеках Лоретты Брук, в некотором смысле его румянцем? Когда она будет восклицать: «Моя кровь кипит от страсти», разве не его кровь будет кипеть от возбуждения публики? Когда она заявит, что в ее жилах течет самая голубая кровь в Америке, не будет ли это утонченной данью почтенному роду доктора Уильяма Талливера, четвертым представителем которого он являлся?

Он вдруг вспомнил, что интерн Джордж Шоатце тоже имеет кровь четвертой группы, и ему пришла в голову фантастическая мысль послать за ним вместо себя и потом определить влияние спокойного содержимого вен Джорджа на театральный темперамент.

К тому времени, когда переливание было завершено, он освежился стаканом воды и встал, чувствуя себя на удивление хорошо. Доктор Мур закончил накладывать шов, и Билл с интересом ждал окончания операции, радуясь тому, что еще до окончания переливания крови у мисс Лоретты Брук повысилось давление и участился пульс. Он сообщил эту новость отцу, ожидавшему в холле. Его главной заботой по-прежнему оставалось сокрытие происшествия.

— Ей придется остаться здесь, — сказал Билл. — Но руководство больницы должно знать, кто она такая. От газетчиков мы ее защитим, обещаю. Ей ведь нужна отдельная палата, верно? И личная медсестра?

— Все, что она пожелает.

Драгоценную персону Лоретту Брук, пристегнутую лицом вниз к каталке, санитар затолкал в лифт и скрылся в тихой анонимности коридоров наверху, а мистера Баха убедили пойти домой и поспать. К полуночи огромная больница тоже погрузилась в сон: ночной дежурный сидел в полудреме под огромной мраморной фигурой Христа в приемной, ночные медсестры легкой походкой прогуливались по безмолвным коридорам. Лишь в некоторых уголках бодрствовали люди, чтобы тихо или громко страдать, умирать или возвращаться к жизни; а в приемном покое, все еще ярко сверкавшем и в два, и в три, и в четыре часа, под взмахи накрахмаленного платья мисс Уэльс все жизненные циклы повторялись вновь, когда в дверь врывались избитые и поломанные, пьяные и испуганные.

Билл мечтал оказаться в Голливуде, дефилировать в купальном костюме перед трибуной, полной судей, и в мечтах он видел на своей груди ленту с красными буквами, на которой было написано «Мистер Балтимор».

II

Доктор Талливер вошел в комнату в тот самый момент, когда распахнувшаяся створка окна впустила солнечный свет. Солнечный свет устремился к мисс Брук, заключив ее неподвижное бледное лицо в рамку и осветив одну щеку слабым оттенком герани. Ее глаза были полузакрыты, но, когда он вошел, они открылись — он с трудом поверил, что такие глаза существуют на свете; одновременно кончиком маленького язычка она провела по верхней губе, придав ей более яркий оттенок.

Она оглядела его с ног до головы, от красивого серьезного лица до белого костюма, на котором не было ни единой морщинки от нового дня.

— Если вы доктор Талливер, — спокойно сказала она, — где вы были последние три дня?

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо. Когда я смогу по-настоящему лечь на спину?

— Да вы практически лежите на ней. Теперь наконец-то вас видно, и у вас появилось третье измерение.

— Я все время беспокоюсь о шраме, — призналась она.

— Вам не стоит беспокоиться, — заверил ее Билл. — Лучшего места нельзя было выбрать, если кто-то не хотел оставить на вас метку.

— А его будет заметно в платье с большим вырезом?

— Вряд ли. Доктор Мур проделал хорошую работу, а пластический хирург идеально все завершил. Я видел намного более серьезные шрамы после таких ран.

Она вздохнула.

— Никогда не думала, что увижу эту больницу изнутри, хотя я родилась в двух кварталах отсюда и частенько проезжала мимо на роликовых коньках.

— Этим вы отличаетесь от меня. Я всегда знал, что увижу ее изнутри. Мой отец когда-то был здесь интерном.

— Что вы, интерны, делаете в больнице — просто сидите здесь, как монахи или что-то в этом роде?

— Да, пока они не перестанут бояться разрешать нам практиковать.

— Я полагаю, вы тут целуетесь с опытными медсестрами? Этим занимались врачи в картине, где я снималась.

— Целыми днями, — заверил он ее. — За каждым интерном закреплены определенные медсестры.

— Вы только посмотрите на себя, доктор Талливер.

— И что?

— Вы уже сейчас выглядите как высококлассный специалист.

— Спасибо, — Билл был доволен. — Мне еще придется отрастить остро-конечную бородку и тогда я займусь личной практикой.

— У меня ужасно чешется спина. Может, почесать ее?

— И сделать шрам еще более заметным? Нет, я попрошу почаще менять повязку.

Она беспокойно заерзала.

— Как это могло случиться! Как этот недоумок узнал, где живет мой отец?

Билл возился с устройством для измерения артериального давления, но продолжал внимательно слушать ее. Впервые за три недели пребывания здесь она заговорила о своем «несчастном случае».

— Как вы думаете, чего он хотел? — внезапно спросила мисс Брук.

— Кто?

— Вы мне нравитесь больше всех, и мне хочется с кем-нибудь поделиться. Это был мой старый партнер по танцам, человек, с которым я танцевала в отеле в Нью-Йорке два года назад. Он хотел, чтобы я вышла за него замуж, забрала его в Голливуд и устроила на работу.

— Значит, это он ударил вас?

— Я обещала ему, что увижусь с ним в Нью-Йорке, когда приеду на Восток. И когда я поехала навестить отца, он последовал за мной. Это было ужасно, не хочу об этом вспоминать. Он стал угрожать, я взяла вилку и сказала, что ему лучше побережься, а он схватил разделочный нож, — она вздрогнула. — После того как он меня ударил, он вышел и прошел мимо моего отца на крыльцо, даже не удосужившись рассказать ему о случившемся. Представляете? Я сама минут пять не понимала, что случилось.

— С тех пор вы что-нибудь слышали о нем?

— Была сумасшедшая записка из Нью-Йорка — извини и все такое. Извини! Представляете? Но никто об этом не знает, и вы, смотрите, никому не говорите.

— Не буду.

Именно врачи защищали ее от самой себя в вопросе нежелательной огласки, отстранив от дела сплетничающую ночную медсестру и препятствуя визитам парикмахеров и маникюрш. Но зачастили сами врачи, обычно это была небольшая компания интернов, ассистентов, ординаторов и даже седеющих медиков, поддавшихся очарованию ее профессии, которую народ признал бесконечно более престижной, чем их собственная.

— Я начинаю карьеру в Голливуде уже второй раз, — сказала она Биллу. — Я была чем-то вроде Ширли Темпл десять лет назад — вот почему вы все помните мое имя. Теперь они пытаются сделать из меня настоящую звезду, и вопрос в том, смогут ли они?

— Смогут. Мы, я имею в виду девушку и себя, посмотрели одну из ваших картин в кинотеатре повторного показа и решили, что вы великолепны.

— Девушка — вы имеете в виду свою девушку? У вас есть девушка?

Он признал это.

— Ой.

— На самом деле, ее единственное желание — встретиться с вами. Этим летом она собирается в Калифорнию и хочет расспросить о Голливуде.

— Она хочет сниматься в кино?

— Надеюсь, что нет. Нет, она просто говорит об этом, как и любая другая американская девушка, о том, как это было бы замечательно.

— Я не думаю, что это так уж замечательно, — сказала Лоретта.

— Вы там давно живете, почти всю свою жизнь, — он заколебался. — Расскажите ей, что там не так уж и замечательно. Мне бы хотелось, чтобы она выбросила свои безумные идеи из головы.

— Я не прочь с ней познакомиться.

— Сказать по правде, она сейчас внизу. Она ничего так не хочет, как подняться сюда всего на минутку.

— Приведите ее ко мне.

— Это очень любезно с вашей стороны. Она умоляла меня...

— Мне кажется, это очень мало для человека, который спас мне жизнь.

— Что? — он рассмеялся: — О, я не думаю об этом, как о...

— Не берите в голову. Иногда мне кажется, что мы с вами кровные братья, как индейцы, понимаете. Теперь, когда я знаю, что вы помолвлены, я могу признаться в этом. Вы, наверное, считаете меня смешной.

Поспешно признавшись, что так оно и есть, Билл поспешил за Эми.

Когда он представил их друг другу, они обменялись оценивающими взглядами, и Билла поразило, что Эми была более яркой из них двоих. Стоило только взглянуть на Лоретту Брук, чтобы понять, что на ее лице постоянно отражалась какая-то активность. Всегда что-то происходило: какая-нибудь маленькая история, серьезная или веселая, на осмысление которой уходило какое-то время, прежде чем за ней можно было уследить. После этого на ее лицо можно было смотреть постоянно, боясь что-то упустить, если отвести взгляд. Эми, напротив, была вся сразу, томная и затаившая дыхание, как на картине.

Они говорили о съемках в кино.

— Я не могу себе представить, что это может не нравиться, — сказала Эми.

— Дело не в «нравится» или «не нравится». Для меня это просто обычная работа, когда я была ребенком, это была игра, которую я не совсем понимала. Когда мне было пятнадцать, я переживала, буду ли я красивой. А сейчас это — борьба за то, чтобы зацепиться или удержаться, и ты мало что можешь с этим поделать.

— Но это такая замечательная игра, — сказала Эми. — И если вы все-таки выиграете...

— Есть игры, где цена не так высока.

— Например, что?

Билл беспечно сказал:

— Любовь и брак, дорогая.

— Не говори глупостей, — сказала Эми. — В любви нет ничего особо выдающегося.

Она рассмеялась и повернулась к Лоретте.

— Если только это не очень красивая любовь в очень хорошем фильме.

— У вас есть хоть какая-то альтернатива актерской карьере? — спросил Билл.

— Мы же все равно все умрем, но зачем об этом говорить?

Лоретта продолжила разговор:

— Это весьма ненатуральная искусственная жизнь. Все время после того, как меня сюда привезли, я думала о том, какое впечатление произвожу на врачей.

— И с тех же пор, — заметил Билл, — врачи думают о том, какое впечатление они производят на вас. Я не знаю, что мы будем делать, когда вы нас покинете.

По дороге домой Эми сказала:

— Она замечательная, но она просто не догадывается, как ей повезло родиться в кино, — после небольшого колебания она внезапно добавила: — Билл, я все-таки решила принять участие в конкурсе. Ты думаешь, это глупо...

Он застонал.

— ...но это действительно большое событие — там будут девушки из городов по всему Востоку. Я не участвовала в предварительном отборе, и только из-за тебя, но Уиллард Хаббел думает, что в любом случае сможет протащить меня на конкурс. На самом деле он точно знает, что сможет: он там по части общения с прессой.

— Из всех...

— Подожди, пока я тебе все не расскажу. Сходить на конкурс не так уж и сложно, но возможно, я получу бесплатную поездку в Калифорнию. О, Билл, не смотри так мрачно.

Некоторое время они ехали молча.

— Я рада, что встретила Лоретту Брук. Будет о чем поговорить с этим кавалером.

— Каким кавалером?

— Ну тем, что приехал из Голливуда руководить всем этим делом. Уиллард Хаббел привезет его ко мне сегодня вечером.

— Это правда?

— Ты сказал, что тебе надо рано ехать в больницу, Билл.

— Хорошо, дорогая, хорошо, — мрачно сказал он. — Развлекайся, но только не жди, что я пушусь в пляс по этому поводу.

Перед ее домом они остановились, и когда он на мгновение притянул для поцелуя ее прелестную головку, ему показалось, что неважно, чем она занимается, пока он владеет ее сердцем.

Жизнь в больнице — это долгая война на многих фронтах: энергичные наступления сменяются унылыми осадами, необъяснимыми затишьями, операциями и тревогами. На той неделе внезапно раздался сигнал тревоги — страшный набат гриппа. Болезнь обрушилась на больницу, подобно снегопаду, ею заболели сотрудники, и все палаты, государственные и частные, были переполнены. На двойном дежурстве, затем на тройном у Билла оставалось мало времени для Эми и еще меньше для Лоретты Брук, которая все еще лежала в постели с очень легкой перемежающейся лихорадкой.

Однако он говорил за нее, то есть отвечал на ее междугородные звонки из Калифорнии от ее агента и продюсера. Он разговаривал тоном очень надменного старого доктора, но в вопросах продюсера сквозила настойчивая подозрительность:

— Мы хотели бы знать, когда мы можем ожидать мисс Брук.

— Мы не можем точно сказать.

— Если вы скажете нам, в чем проблема, мы сами сможем прикинуть, сколько это продлится.

— Я уже говорил вам, что это был несчастный случай — не более серьезный, чем перелом руки. Мы не разглашаем медицинские подробности никому, кроме семьи пациента. Мисс Брук сможет отправиться на Запад примерно через неделю, как только у нее нормализуется температура.

— По-моему, звучит немного фальшиво, — прорычал голос через три тысячи миль провода. — Это не сломанный нос или что-нибудь в этом роде?

— Нет, это не так.

Когда мужчина закончил, туманно намекнув, что больница, возможно, задерживает мисс Брук с целью обчистить их карманы, Билл повесил трубку.

Пять минут спустя, в качестве своего рода постскриптума, позвонила вежливая секретарша, чтобы извиниться: мистер Минска, по ее словам, ушел на обед.

— Вы имеете в виду ужин, — раздраженно сказал Билл.

— У нас еще только час дня, — объяснила секретарша.

Билл нашел время заскочить и рассказать все Лоретте Брук.

— Они должны мне отпустить, — сказала она. — Как бы то ни было, мне нравится здешняя атмосфера, особенно теперь, когда я могу сидеть. Вы все были так добры ко мне.

— Мы избавимся от вас, как только спадет лихорадка.

— Пожалуйста, присядьте на минутку. В последнее время вы ведете себя так, словно я довольно отталкивающая личность.

Он неуверенно присел на край кровати.

— Половина врачей слегли с гриппом, — сказал он. — И впервые за все время у меня сейчас выдалась свободная минутка.

Он не ужинал, но, когда ее лицо просветлело, он внезапно почувствовал жалость ко всей этой молодости и красоте, запертыми здесь из-за идиота с ножом для рубки.

Она поплотнее закуталась в кружева своего пеньюара.

— Почему бы вам не поехать в Голливуд? — спросила она. — Я бы могла устроить вам пробы. Сколько вам здесь платят?

Он рассмеялся.

— Ничего.

— Как? — она села в постели. — Что значит — ничего?

— Мы получаем диплом в рамочке на стену.

— Разве в больницах не платят интернам?

— Нет. Только медсестрам. Оплату за пациентов врачи получают только после трех лет работы.

— Да ведь я никогда в жизни не слышала ни о чем подобном, — идея Лоретты начала захватывать ее по-настоящему: — Почему бы вам не поехать в Голливуд? Честно говоря, вы достойны сниматься не меньше, чем Кларк Гейбл.

Он вздрогнул от смущения.

— Потом мы заработаем много денег, — беспечно сказал он.

Она задумалась.

— Теперь, когда я задумалась, я понимаю, что никогда не слышала, чтобы кто-нибудь выходил замуж за интерна.

— Я тоже никогда не слышал. Я не знаю ни одного врача, который завел бы себе жену.

— Но вы же собираетесь жениться?

— Это другое дело. Мне повезло, что у меня есть немного собственных денег.

— А я полагаю, что в конце концов выйду замуж за кого-нибудь на съемках, — сказала она. — За кого-то со стабильным будущим, например, за оператора.

Размеренный ритм больницы, тишина, царящая в коридорах, несхожесть их судеб заставляли их слова казаться более интимными, чем они были на самом деле. Когда он пошевелился, чтобы встать с кровати, что-то произошло так быстро, что он не заметил никакого перехода — она наклонилась вперед, оказавшись в кольце его рук, и он поцеловал ее в губы.

Он ничего не соображал, он был слишком утомлен даже для того, чтобы возбудиться от ее близости, он был слишком утомлен, чтобы беспокоиться о ситуации, которая могла бы поставить под угрозу его ординатуру. Лишь его руки на мгновение обхватили ее, а затем мягко опустили на подушки.

Она тихо всхлипнула.

— О, какой в этом смысл? Вам ведь все равно. Вы спасли мне жизнь, но вы не...

Перед ним сама собой развернулась перспектива долгой ночной работы.

— Вы мне очень нравитесь, — заметил он, — но, в конце концов, мы в больнице.

Были и другие возражения, но в данный момент он не мог сообразить, в чем они заключались. Он знал, как привлекает больных больница, такое случалось и раньше, иногда до смешного неприятное. В последующие несколько дней, когда он, как привидение, носился по лабиринту дел, он вспоминал, что это было забавно.

Он провел на ногах сорок девять часов подряд, и дежурные медсестры начали испытывать какое-то безумное благоговение перед его усталостью; они стали немного опекать его, давая ему дополнительное время, чтобы оставить распоряжения, пока его мозг переходил от одного дела к другому. Он даже начал немного гордиться своей способностью выживать. Во время обхода он нашел время спросить у медсестры за столом, как дела у Лоретты.

— У нее все еще держится температура? Я не могу понять. Это не может быть из-за раны.

Этот вопрос беспокоил его, когда он наблюдал за многими более серьезными лихорадками. Он хотел выяснить причину такого ее состояния.

— Я только что дала ей термометр, доктор Талливер. Пойду гляну.

— Не надо, я сам посмотрю.

Он спокойно направился к ее палате и, сбившись с ритма умирающего, полусонного человека, приостановился в дверях. И тут его глазам открылось невиданное зрелище: Лоретта держала термометр во рту, но просто между языком и губами, двигала его губами, а затем вынимала и смотрела на него, возвращала обратно, потирала, снова смотрела на него, хмурилась — и один раз очень осторожно встряхнула. Затем, с видом человека, достигшего своей цели, она вынула его окончательно.

В этот момент она увидела Билла, и одновременно он понял суть происходящего — Лоретта специально поднимала температуру на термометре, и этим две недели продлевала свое пребывание в больнице. Поток негодо-

В этот момент она увидела Билла, и одновременно он понял суть происходящего — Лоретта специально поднимала температуру на термометре, и этим две недели продлевала свое пребывание в больнице.

вания прорвался сквозь его усталость, наблюдая, как ее эгоизм выделяется уродливым зеленым пятном на фоне мрачных черно-белых тонов прошедших пятидесяти часов. Он был зол из-за того, что потратил на нее время в обстановке серьезной эпидемии и безумной спешки, и с профессиональной точки зрения испытывал отвращение к тому, что его одурачили. Он подумал о телефонных звонках из Голливуда и своих ответах, как авторитета в своей области — ответы, ставшие теперь ложью.

— Боюсь, что это довольно деликатный инструмент, с которым можно шутить, — сказал он.

Она разрыдалась по-настоящему, когда термометр разбился на мелкие осколки, а Билл вышел из комнаты.

Он поехал к Эми домой, пропустив свою очередь лечь спать; у него внезапно возникла потребность в мире, где людей «воспитывают» так, что они не могут делать определенных вещей. Молодой врач, отказавшись

от изрядной доли иллюзий, вместо этого придерживается этического кодекса, более жесткого, чем у курсанта Вест-Пойнта, — придерживается его настолько жестко, что можете шутить над ним, издеваться над ним, хулить его и осквернять, причиняя ему не больше вреда, чем если бы это была сама земля. Вот почему врач, потерявший эту вещь, — едва ли не самый зловещий персонаж, какой только можно себе представить..

Он вошел в дом Эми без стука. У двери гостиной он остановился, уставился... Потом сел, чувствуя себя таким усталым, каким никогда в жизни не был.

— ...Ну, Билл, — сказала Эми, — давай не будем устраивать из этого сцену.

Когда джентльмен из Голливуда удалился, Эми заплакала:

— Однажды он попросил меня поцеловать его, Билл. Он так хорошо отнесся к этому, и это ничего не значило. У него есть настоящая девушка в Калифорнии, просто ему было одиноко.

— А разве ты не настоящая девушка?

Испуганная, она подошла к нему вплотную.

— Билл, я могу покончить с собой прямо сию минуту за то, что позволила этому случиться.

Она прижалась к нему, и он поймал себя на том, что рассеянно похлопывает ее по плечу.

— Так мы не будем поднимать шум из-за одного поцелуя, правда? — возмущалась она.

Он покачал головой.

— Это была сотня поцелуев. Ты мне больше не принадлежишь.

— Ты хочешь сказать, что я тебе больше не нужна?

— Да, да. Наверное, я слишком сильно хочу тебя — в этом-то и проблема.

Он поехал обратно в больницу и, чтобы ни с кем не встретиться, вошел через приемный покой, из-за ширмы доносилось бормотание пьяного негра, и, когда он проходил мимо, в коридор вышла мисс Уэйлс.

— Доктор Талливер.

— Как случилось, что вы оказались на дневном дежурстве?

— Больше никого нет. И поверьте мне, я очень рада. Посмотрите, что принес Санта-Клаус.

Она продемонстрировала кольцо с тремя маленькими изумрудами.

— Выходите замуж?

— Только не я. Это от нашей миленькой пациентки, актрисы — самой Лоретты. Она заглянула сюда по пути домой.

— Что?

— Минут десять назад. Какая она хорошенькая в своей одежке. Я едва узнала ее.

Но Билл уже ушел, быстро шагая и испытывая сильный страх.

Подойдя к стойке регистрации, он обнаружил, что мисс Брук ушла навсегда и не оставила адреса.

— Ты хочешь сказать, что я тебе больше не нужна?
— Да, да. Наверное, я слишком сильно хочу тебя — в этом-то и проблема.

III

В тот вечер Эми звонила ему трижды, на третий раз он ответил.

— Ты должен знать всю правду, — сказала она. — Может быть, это звучит меркантильно и расчетливо, но, по крайней мере, ты поймешь, что дело было не в том, что я хотела поцеловать его, Билл.

— Забудь об этом, — устало сказал он.

— Я не могу просто так забыть, — причитала она. — Я старалась быть привлекательной для него, потому что без этой бесплатной поездки мы с мамой никогда не попадем в Калифорнию. Вчера мама проверила свои счета в банке, и у нас буквально ничего не осталось.

— И поцелуй все исправил? — иронично сказал он. — Теперь ты уверена, что ты выиграешь?

— Вовсе нет. Все гораздо сложнее, — сказала она с неосознанным юмором. — Но теперь я участвую в конкурсе, без участия в предварительных отборочных этапах. Сразу в финале — он подsunул меня вместо девушки, победившей в Вашингтоне.

— А теперь, я полагаю, все, что тебе нужно сделать, это поцеловаться с Уиллом Хейзом, Лорелом Харди и Микки Маусом?

— Если ты так считаешь...

— Я заступаю на дежурство в двенадцать, — сказал он. — Сейчас я собираюсь отдохнуть, чтобы не упасть в обморок где-нибудь в коридоре больницы.

— Но, Билл, не мог бы ты сказать что-нибудь приятное, чтобы я могла заснуть? А то я всю ночь буду волноваться и переживать и послезавтра буду выглядеть кошмарно. Скажи хоть одно приятное словечко.

— Целую, — любезно сказал он. — Принимай поцелуй с расстояния в пятьдесят футов.

Спонсорами конкурса выступили «Филмс Пар Экселленс», ряд газет и сеть магазинов «АВС». В основном конкурсе — а был еще и детский — приняли участие тридцать девушек из стольких же городов на севере Центральных штатов. Все эти города располагались поблизости, и они щедро согласились оплатить расходы конкурсанток.

Несколько недель обо всем этом писали в газете, и каждый день Билл не без сочувствия вглядывался в лица трех судей — Уилларда Хаббела, местного драматического критика; Огастуса Фогеля, местного художника; и Э.П. Пула, магната сети магазинов, который понимал, что нравится публике, — в многочисленных статьях. Но сегодня вечером газета сообщила Биллу нечто новое, отчего он вскочил и забегал по комнате. Э.П. Пул обанкротился, но, к счастью, мисс Лоретта Брук, местная уроженка и звезда «Вампас Бэби» прошлого года, согласилась занять его место.

Она все еще была в городе. Город, казалось, увеличился в размерах, обрел цвет, звук, жизнь; он внезапно встал на свои краеугольные камни, тогда как за двадцать четыре часа до этого он был похож на карточный городок. Он был потрясен, обнаружив, как много значило ее присутствие. Женщины были лгуньями и обманщицами — намеренное притворство Лоретты, чтобы остаться в больнице, было менее оправданным, чем сделанное Эми. Тем не менее Билл задумчиво надел свой смокинг. В конце концов, он должен посмотреть на конкурс.

Когда он подъехал к отелю, вестибюль уже был полон любопытных, заслонивших проход стройных статных фигур. При первом взгляде на них каждая показалась ему невероятно красивой; но к тому времени, когда он протиснулся в лифт с шестью из них и прошмыгнул сквозь толпу из дюжины выходящих, он решил, что Эми вполне может постоять за себя.

Он снова подумал об этом, когда увидел Эми, неизменно милую и колоритную — она стояла в группе, наблюдая за предварительным детским конкурсом, который уже начался. Когда она увидела его, дикое волнение на ее лице на мгновение сменилось грустным выражением тоски. Она поманила его, но он, сделав вид, что не заметил этого жеста, направился к одному из кресел, стоявших вдоль стен зала. На возвышении в конце зала сидели судьи с Лореттой посередине. Увидев Лоретту, он удивился, что конкурсантки смогли хоть

на мгновение привлечь его внимание, удивился, что Уиллард Хаббел и художник Огастес Фогель, сидевшие по бокам от нее, могли сосредоточиться на жеманной девчонке, которая танцевала и гримасничала перед ними. Лицо, которое в приемном покое теряло драгоценную кровь, бледное лицо на больничной подушке, с чуть заметной неуверенной улыбкой, теперь было обрамлено яркой одеждой, освещенной сходящимися лучами внимания и восхищения. Эта особа, взволнованная и торжественная, не была той девушкой, которая разбила градусник и которую он отругал, и Биллу вдруг захотелось вернуть ее обратно в тихую палату, подальше от этих ужасно любопытных глаз.

Детский конкурс продвигался медленно. Как ни трудно было подбадривать и уговаривать кандидата, но еще труднее было погасить задор, когда время выступления истекало. Одна мать с самого начала привлекла его внимание — расстроенная и решительная, с фанатично горящими глазами. Пока девочка выступала, мать сжимала зубы, словно держала во рту своего детеныша, а когда та нехотя удалилась, чтобы дожидаться вердикта, ее взгляд зверски искал в глазах судей хоть намек на предвзятость или сговор. Десять минут спустя, когда вердикт был оглашен, Билл не связал эту женщину с фразой, проскользнувшей по рядам: «Есть ли в зале врач»? Но, тихонько выскользнув в коридор, он увидел ее, бьющуюся в объятиях двух крепких мужчин.

— Пустите меня к ним! — кричала она. — Я убью их! Моя малышка победила! Они им заплатили! Эта женщина! Как они могли?

— Вы врач?

Билл оценил ситуацию и уклонился.

— Вам нужен психиатр, — сказал он.

— Вы один из них?

Он покачал головой и вернулся на свое место. Он вспомнил, как однажды в неврологическое отделение больницы поступила целая вереница пациентов, которых преследовал фильм ужасов. «Голливудское слабоумие. Проявление X».

Начался настоящий конкурс. Девушки поодиночке продвигались вперед, обходя стол, затем уселись, доставая что-то из сумочки. Затем они ответили на вопросы судей:

— Я студентка музыкального института...

— Конечно, я бы хотела попасть в Голливуд...

— У меня небольшой театральный опыт...

— Я училась в Уэллсли целый год...

Там была девушка — умирающий лебедь, которая отрицала, что восхищается Лилиан Гиш, и девушка, готовившая свадебный торт, и официантка с пухлыми губами, и студентка-искусствовед. Были три Гарбо и Маленькая Черная Шляпа; была девушка с потрясающим задором; молодая девушка со старческим цветом лица; профессиональная танцовщица и опрятный маленький Наполеон.

Судьи делали пометки в своих списках, а в перерывах переговаривались между собой. У Билла сложилось впечатление, что, хотя Лоретта и не смотрела в его сторону, она знала о его присутствии.

Когда Эми приблизилась к началу очереди, стало очевидно, что и эта часть конкурса тоже обещает быть бурной. У дверей представитель «Филмс Пар Экселенс» оживленно спорил с энергичной яркой блондинкой и ее сопровождающим, солидным зловещим парнем в аккуратном мрачном костюме, и Билл понял, что спор, похоже, касается Эми. Он снова протиснулся в дальний конец комнаты; представитель кинокомпании подталкивал своего шумного визави к двери.

— О, Билл, это ужасно, — прошептала Эми. — Это та девушка, которая победила в Вашингтоне. Понимаешь, я когда-то жила в Вашингтоне, и они подсунули меня вместо нее. Этот бандит с ней совершенно взбешен.

— Я его не виню.

— Но она слишком груба для съемок в кино.

— Она могла бы играть подходящие роли.

Второй раз за вечер в толпе раздался крик о том, что срочно нужен врач.

— Господи! — воскликнул Билл. — Почему бы не проводить конкурсы сразу в приемном покое?

Когда он вышел на улицу, прозвучало имя Эми, и он увидел, как она, взяв себя в руки, направилась к судейской трибуне.

— Прощай, прошлая жизнь, — мрачно подумал он.

На ковре в холле лежал пострадавший. Это был представитель киностудии. Его чем-то ударили, возможно, дубинкой или даже железнодорожной шпалой. Его висок был разодран, и струйка крови стекала по лицу. Опрятного, зловещего вида молодого человека и его девушки нигде не было видно.

— Нужно наложить швы, а у меня ничего нет, — заметил Билл. — Я наложу временную повязку, и пусть кто-нибудь срочно везет его в больницу.

Когда пострадавшего вкатили в лифт, Билл позвонил в приемный покой больницы.

— Мисс Уэйлс, я отправляю к вам еще одного кинодеятеля... Нет, на этот раз не нужно беспокоиться о том, как выглядят швы. И вы не могли бы прислать к отелю целую бригаду машин скорой помощи, потому что сейчас собираются объявить победителя, и все может обернуться очень некрасиво.

Когда он снова вернулся в зал, судьи удалились, чтобы вынести свое решение. Конкурсантки стояли вокруг с семьями и поклонниками, некоторые беззаботные, некоторые явно нервничающие, некоторые бледные от утомительного ожидания, некоторые все еще свежи и прелестны. Среди этих последних была Эми, которая подбежала к Биллу.

— Я была ужасна, — сказала она. — О, Билл, я знаю, ты не хочешь, чтобы я победила, но, пожалуйста, помолись за меня.

— Я действительно хочу, чтобы ты победила, — ответил он.

— Как ты думаешь, у меня есть шанс? Я думаю, Уиллард проголосует за меня, все зависит от двух других.

— Твоего голливудского дружка отправили в больницу, — сказал он.

— Неужели? — от волнения она сама не понимала, что говорит. — Он говорил, что всегда хотел стать врачом...

Какой-то репортер тихо обратился к Биллу:

— Мисс Брук хотела бы вас видеть, доктор.

— Боже! Она не ранена?

— Нет, она просто попросила меня найти вас.

Лоретта стояла у входа в судейскую комнату.

— Я рада, что вы все еще разговариваете со мной, — сказала она.

— Конечно, ты что?

— Послушай. Ты хочешь, чтобы твоя девушка поехала в Голливуд?

Ее глаза, смотревшие на него, были полны вопросительного выражения, как будто она долго думала, прежде чем задать этот вопрос.

— Я? Как я могу...

— Потому что это зависит от меня. Мой голос будет решающим. Ваша девушка создана для сцены. Все эти конкурсы там не будут учитываться. Но... это зависит от тебя.

И теперь он понял, что за вопросом в ее голосе скрывался следующий. В смятении он попытался собраться с мыслями.

— Почему-то мне, кажется, уже все равно, — сказал он. А потом вдруг: — Черт возьми, да пусть едет.

Она сделала пометку на бумаге, которую держала в руке.

— Ты понимаешь — если у нее все получится, она не вернется?

— Она больше не принадлежит мне, — просто произнес он.

— Тогда я пойду скажу свое решение, — она помедлила мгновение. — Я надеюсь, что смогу принести ей удачу. Видишь ли, я не очень стремлюсь сниматься в кино и, если смогу найти что-то еще...

Он смотрел ей вслед, затем, по прошествии, как ему показалось, долгого времени, он слушал ее голос, говоривший с возвышения, и, насколько хватало голоса, ее красота, казалось, вливалась в пространство, властвуя над ним:

— ...так нам кажется... этим прекрасным девушкам... Мисс Эми... представляет эту часть страны... Другие не будут разочарованы... Вы были самыми красивыми претендентками на кинопремию, которых я когда-либо видела.

К его удивлению, никто не упал в обморок, никто не завопил вслух. Внезапно раздался громкий хлопок, похожий на пушечный выстрел в другом конце комнаты, и Билл подпрыгнул, но это были всего лишь фотографии со вспышками, приступившие к съемкам. Лоретту и Эми фотографировали снова и снова, поодиночке и вместе. Они очень мило смотрелись вместе, и, казалось, не имело значения, кто из них голливудская звезда — то есть, это не имело значения для всех, кроме Билла. И от внезапной восторженной радости, когда он встретился взглядом с Лореттой, вся его злость на Эми исчезла, и он пожелал ей всего наилучшего.

«Фильмы дают и фильмы забирают, — размышлял он, — и меня это вполне устраивает».

СОДЕРЖАНИЕ

Твои бы года	7
Вавилон, вновь посещенный	23
Между тремя и четырьмя	43
Чаша	57
Свадьба	81
Классовая рокировка	99
Диагноз	117
Торнадо и люди	133
От судьбы не убежишь	153
Остывание	171
Дитя отелей	193
Нерешительный	213
Лестница на небеса	229
Последняя из красавиц	253
Любовь на пароходе	269
Магнетизм	289
Ее Величество	311
С чистого листа	331
Зарубежная поездка	347
Суровое испытание	369
Фиктивный чек	387
Короткая поездка домой	409
Любители плавания	429
Две размолвки	449
Какая красивая пара!	469
Интерн	487
Место происшествия	507

Рассказ «Твои бы года» («At Your Age») опубликован 17 августа 1929 года. Иллюстрировал Н. Weston Taylor.

Рассказ «Вавилон, вновь посещенный» («Babylon Revisited») опубликован 21 февраля 1931 года. Иллюстрировала Henrietta McCaig Starrett.

Рассказ «Между тремя и четырьмя» («Between Three and Four») опубликован 5 сентября 1931 года. Иллюстрировал George Wright.

Рассказ «Чаша» («The Bowl») опубликован 21 января 1928 года. Иллюстрировал Н. Weston Taylor.

Рассказ «Свадьба» («The Bridal Party») опубликован 9 августа 1930 года. Иллюстрировал John la Gatta.

Рассказ «Классовая рокировка» («A Change of Class») опубликован 26 сентября 1931 года. Иллюстрировал Orison MacPherson.

Рассказ «Диагноз» («Diagnosis») опубликован 20 февраля 1932 года. Иллюстрировал Henry Raleigh.

Рассказ «Торнадо и люди» («Family in the Wind») опубликован 4 июня 1932 года. Иллюстрировал Ralph Pallen Coleman.

Рассказ «От судьбы не убежишь» («Flight and Pursuit») опубликован 14 мая 1932 года. Иллюстрировала Henrietta McCaig Starrett.

Рассказ «Остывание» («A Freeze-Out») опубликован 19 декабря 1931 года. Иллюстрировал Henry Raleigh.

Рассказ «Дитя отелей» («The Hotel Child») опубликован 31 января 1931 года. Иллюстрировал Henry Raleigh.

Рассказ «Нерешительный» («Indecision») опубликован 16 мая 1931 года. Иллюстрировал Henry Raleigh.

Рассказ «Лестница на небеса» («Jacob's Ladder») опубликован 20 августа 1927 года. Иллюстрировал Henry Raleigh.

Рассказ «Последняя из красавиц» («The Last of the Belles») опубликован 2 марта 1929 года. Иллюстрировал John la Gatta.

Рассказ «Любовь на пароходе» («The Love Boat») опубликован 8 октября 1927 года. Иллюстрировал James H. Crank.

Рассказ «Магнетизм» («Magnetism») опубликован 3 марта 1928 года. Иллюстрировал Н. Weston Taylor.

Рассказ «Ее Величество» («Majesty») опубликован 13 июля 1929 года. Иллюстрировал John la Gatta.

Рассказ «С чистого листа» («New Leaf») опубликован 4 июля 1931 года. Иллюстрировал H.J. Mowat.

Рассказ «Зарубежная поездка» («One Trip Abroad») опубликован 11 октября 1930 года. Иллюстрировал Harley Ennis Stivers.

Рассказ «Суровое испытание» («The Rough Crossing») опубликован 8 июня 1929 года. Иллюстрировал Anton Otto Fisher.

Рассказ «Фиктивный чек» («The Rubber Check») опубликован 6 августа 1932 года. Иллюстрировал Thomas Webb.

Рассказ «Короткая поездка домой» («A Short Trip Home») опубликован 17 декабря 1927 года. Иллюстрировал Grant Reynard.

Рассказ «Любители плавания» («The Swimmers») опубликован 19 октября 1929 года. Иллюстрировал C.D. Williams.

Рассказ «Две размолвки» («Two Wrongs») опубликован 18 января 1930 года. Иллюстрировал Н. Weston Taylor.

Рассказ «Какая красивая пара!» («What a Handsome Pair!») опубликован 27 августа 1932 года. Иллюстрировал Henry Raleigh.

Рассказ «Интерн» («One Interne») опубликован 5 ноября 1932 года. Иллюстрировал H.R. Ballinger.

Рассказ «Место происшествия» («Zone of Accident») опубликован 13 июля 1935 года. Иллюстрировал Ritchie Cooper.

Все рассказы опубликованы в журнале «The Saturday Evening Post».

Фрэнсис Скотт Фицджеральд
БАВИЛОН, ВНОВЬ ПОСЕЩЕННЫЙ
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Том 218

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую,
художественную и культурную ценность для общества

Верстка, обработка иллюстраций: *Андрей Кутковой*
Корректурa: *Надежда Павленко, Светлана Булгакова*

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
12 кегль

Сдано в печать 02.11.2023

Объем 33 печ. листа

Тираж 3000 экз.

Заказ № 26717

Бумага
Сыктывкарская книжная кремовая офсетная 60 г/м²

ООО «СЗКЭО»

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44

E-mail: knigi@szko.ru

Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-ПРИНТ»,
196643, Россия, г. Санкт-Петербург, п. Сапёрный,
ш. Петрозаводское, д. 61, строение 6,
тел. (812) 462-83-83, e-mail: office@ldprint.ru.

Рассказы Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, печатавшиеся в американских журналах в первой трети XX века, прекрасно передают атмосферу времени после окончания Первой мировой войны до начала Великой депрессии. Это была, по словам самого писателя, «Эпоха джаза». Ужасы европейской бойни постепенно забывались, будущее казалось безоблачным, а модель американского развития — универсальной схемой для всех стран, стремящихся к процветанию. Фицджеральд в основном писал об американцах, которые считали себя «сливками общества». Он тайне завидовал этой молодежи и стремился к ней принадлежать. Будущий писатель появился на свет в 1896 году в семье выходцев из Ирландии. Родителей Фрэнсиса трудно было назвать состоя-

тельными людьми. Учебу в Принстонском университете ему оплатили более обеспеченные родственники. В стенах Принстона юноша начал мечтать о литературной славе. Проникнуть в узкий элитарный круг своих сокурсников Фрэнсису мешало ирландское происхождение и невысокое финансовое положение; он так и не стал своим в среде «золотой молодежи». Неудивительно, что Фицджеральд начал испытывать враждебность к «классу бездельников». Литература давала ему возможность утвердиться в жизни, громко заявить о себе.

Своих героев писатель часто списывал с богатых бездельников, с которыми был знаком еще по университетским временам. Прототипом многих юных героинь произведений писателя стала красавица Зельда — дочь уважаемого судьи в Алабаме. Состоятельная семья девушки, считавшейся одной из наиболее видных невест штата, была категорически против ее брака с ирландцем, неспособным обеспечить своей будущей супруге безбедное существование. Влюбленный Фицджеральд решил сделать ставку на свой успех в литературных кругах. Он переехал в Нью-Йорк, устроился работать в одно из рекламных агентств «Большого яблока» и начал писать рассказы. Поначалу рукописи возвращали. Успех пришел к нему лишь в 1920 году после публикации романа «По эту сторону рая». Произведения Фрэнсиса начали печатать, он женился на Зельде и вскоре стал в каком-то смысле одним из героев своих романов — приобрел особняк на Манхэттене и начал регулярно появляться с супругой на всех знаковых вечеринках Нью-Йорка. Эта жизнь, внешне такая привлекательная, имела и свою оборотную сторону. Супруги часто ссорились, ревнивая Зельда закатывала мужу скандалы, а он запивал их алкоголем. Дух времени хорошо передают рисунки в данном издании. Они выполнены целой плеядой американских художников, которые иллюстрировали рассказы Фицджеральда в начале XX века.

